РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

20

МОСКВА
2016

МЕОТИДА
Танаис
КИММЕРИЙСКИЙ
БОСПОР
Полянка
Порфмий
Артезиан
Белинское
Мирмекий
Илурат
Пантикапей
Тиритака
Нимфей
Ахтанизовская 4
Голубицкая 2
Патрей
Кепы
Фанагория
Гермонасса
Волна 4
Стрелка 2
Лабрис
(Семибратнее городище)
Китей
Феодосия
м. Чауда
Киммерик
Горгиппия
ПОНТ ЕВКСИНСКИЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

Международный ежегодник
по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике
и филологии Боспора Киммерийского

Том 20

Редакционный совет:

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель);
проф. *Д. Браунд* (Великобритания); д-р. *П. Дюпон*
(Франция); член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*;
д. и. н. *А. В. Подосинов*; д. и. н. *С. Ю. Сапрыкин*;
к. и. н. *В. П. Толстиков*; д. и. н. *В. П. Яйленко*

ИА РАН

МОСКВА, 2016

УДК 902/904
ББК 63.4
Д73

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ООО Южно-Российского центра археологических исследований (Краснодар)

Редакционная коллегия
д. и. н. А. А. Масленников
(главный редактор)
д. и. н. В. Д. Кузнецов;
д. и. н. А. А. Завойкин

Рецензенты
к. и. н. В. А. Гаибов;
к. и. н. Н. В. Завойкина

Утвержден на заседании
Ученого совета Института археологии РАН
протокол № 6 от 31.05.2016 г.

Древности Боспора. Том 20. – М., 2016. 536 с.: илл.
Д73 ISBN 978-5-94375-198-1

Сборник научных статей по археологии, истории, эпиграфике и нумизматике Боспора Киммерийского. В издание включены преимущественно материалы античной эпохи, а также памятников культур, предшествующих греческой колонизации региона и средневекового периода его истории. Приоритет в подборке статей отдан публикациям новых открытий и аналитическим исследованиям на стыке смежных исторических дисциплин. Сборник посвящен памяти Н. А. Фроловой и Г. А. Кошеленко.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-198-1

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2016
© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 2016
© Редколлегия, 2016

Светлой памяти
Н. А. Фроловой и Г. А. Кошеленко
посвящается...

Друзья, коллеги, ученики

Нина Андреевна
ФРОЛОВА

Геннадий Андреевич
КОШЕЛЕНКО

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамзон М. Г., Завойкин А. А., Сударев Н. И.
Монеты из раскопок античного поселения «Береговой 4» (1987, 1988, 1999–2002 гг.) 11

Алексеева Е. М.
Интерпретация комплекса анапских склепов 1975 г. 34

Бонин А. В., Завойкина Н. В.
Новая надпись из раскопок Ильичевского городища 68

Буйских А. В.
Херсонесская строительная традиция и Боспор 75

Внуков С. Ю.
Позднеэллинистические амфоры городища Кара-Тобе в Крыму 90

Гаврилов А. В.
Акмонайский ров 122

Гаврилюк Н. А., Винокуров Н. И.
Лепная керамика из слоя пожара городища времени боспоро-римской войны 44/45–49 гг. городища Артезиан 143

Гарбузов Г. П.
Корабли с зерном из Понта 177

Гарбузов Г. П., Сударев Н. И.
Разведки на южном берегу лимана Цокур 199

Дмитриев А. В.
Геракл на чаше из Новороссийского музея 212

Журавлёв Д. В., Захаров Е. В.
Свинцовая гиря с поселения Голубицкая 2 222

Застрожнова (Панкратова) Е. Г.
Археологические раскопки сельских поселений Таманского полуострова в XIX столетии 229

Иванов А. А.
Поселение эллинистического времени «Усадьба Виноградник» 241

Иванов А. В.
Племена региона Анапы-Новороссийска и меоты. Сопоставление 260

Кислый А. Е.
О стенах (специальные постройки Каменской Культуры Восточного Крыма) 269

Ковальчук А. В., Дикарев В. А.
Краснолаковая посуда из Зольника 1 у бухты Сиреневая. Предварительный анализ 289

Кузнецов В. Д.
Раннесредневековый дом в Фанагории 308

Майко В. В., Зубарев В. Г., Ярцев С. В.
Раннесредневековые материалы городища «Белинское» в Восточном Крыму 320
Масленников А. А.
Керамика с лаковым покрытием из раскопок городища Сююрташ 330
Новичихин А. М.
Новое свидетельство культа «бога высочайшего» в Горгиппии 350
Ольховский С. В., Степанов А. В.
Спасательные подводные исследования на ОАН «Бухта Ак-Бурун» в 2015 г. 355
Рукавишникова И. В., Меньшиков М. Ю., Воробьев И. И., Воронков И. А.
Новый античный памятник сельской округи древней Горгиппии, публикация материалов 365
Скржинская М. В.
Боспорские цари и их послы в Афинах в IV –III вв. до н. э. 382
Смекалова Т. Н., Горончаровский В. А.
Топография курганного некрополя Нимфея 392
Строкин В. Л.
Нумизматика Боспора при Левконе I 407
Суриков И. Е.
Ономастикон Спартокидов за пределами Боспора (Часть I) 438
Терещенко А. Е., Чухина И. Г., Яржецкий К.
Злаки на античных монетах 451
Толстиков В. П., Ломтадзе Г. А.
Комплекс амфор позднеклассического времени из раскопок центральной части Пантикапея (предварительная публикация) 469
Федосеев Н. Ф.
Еще раз о пантикапейских агораномах 485
Цокур И. В.
Грунтовый могильник «Волна 1» 493
Яйленко В. П.
Источниковедение известий Эсхина о Гилоне и Арриана об ойкистах Фанагоре, Гермоне 501
Яйленко В. П.
Долгожданный библиографический свод литературы по античному Северному Причерноморью 527
Сокращения 531
Правила и рекомендации по оформлению рукописей 533

М. Г. Абрамзон*, А. А. Завойкин, Н. И. Сударев****
*(*Магнитогорский гос. технический университет им. Г. И. Носова;*
***Институт археологии РАН, Москва)*

Монеты из раскопок античного поселения «Береговой 4» (1987, 1988, 1999–2002 гг.)

Десять лет назад в материалах конференции «Боспорский феномен» был представлен обзор нумизматических находок из поселения и святилища «Береговой 4» [Болдырев, Завойкин, Сударев, 2004, с. 189–194]. Неравномерность распределения монет, происходящих из культовой и бытовой зон памятника послужили тогда основой для того, чтобы «обратиться к проблеме своеобразия обращения монет в культовом контексте (если взять за основу тезис, что состав "поселенческого" материала может быть принят – пусть с оговорками – за *норму* денежного обращения для данного памятника в данный период)».

Серьезных причин для того, чтобы вновь обратиться к этому вопросу у нас нет. К сожалению, не удалось и расширить источниковую базу исследования, хотя раскопки на памятнике после 2002 г. продолжались несколько лет: на святилище в 2004 г. (ни одной монеты в раскопе не было обнаружено), а на поселении – в 2004–2010 гг. (с перерывами). Побудительным мотивом же для нас стало, главным образом, осознание необходимости публикации самого нумизматического материала, притом не столько в контексте культовом, сколько ради уточнений хронологии сельских поселений Азиатского Боспора в классический и, особенно, эллинистический периоды.

Проблема вышла для нас на передний план в ходе углубленного хронологического исследования этих памятников. Попытка понять последовательность и закономерности этапов развития (или временного упадка) сельских территорий восточнобоспорских центров и Боспорского государства в целом оказалась в полной зависимости от ограниченных возможностей датирующего материала, полученного в ходе раскопок и особенно разведок. В основном это фрагменты керамики (в разведках – почти исключительно амфор). И именно для IV–I вв. до н. э. (в отличие от более раннего времени) арсенал датирующих признаков сильно сужается и становится менее надежным, а главное – почти непригодным для получения сравнительно узких датировок, которые необходимы для выработки достоверной и дробной периодизации [см. Гарбузов, Завойкин, 2014; 2015]. Две категории массовых находок могли бы в этом деле сыграть решающую роль: амфорные клейма и монеты. Однако клейма с сельских поселений Таманского п-ова

Рис. 1. Некоторые типы монет, найденных на «Береговом 4»

до сих пор почти не публиковались[1]. Нельзя сказать, что многим лучше обстоит дело с публикацией нумизматических находок, но все-таки исключения есть [например: Виноградов, Терещенко, 2009; Строкин, 2010; Терещенко, 2011, с. 180–187; Абрамзон, Кузнецов, 2015, с. 12–15], в первую очередь – это клады [например, см.: Абрамзон, Фролова, 2007–2008; Абрамзон, 2011; Абрамзон, Кузнецов, 2015; Фролова, Савостина, 1998, с. 140 слл.]. Упоминания отдельных находок монет в ходе раскопок тоже встречаются, хотя и не очень часто [см. Кубланов, 1959, с. 204–215]. Конкретно об этом материале мы поговорим после того, как рассмотрим находки с Берегового 4.

***

Небольшая коллекция монет из раскопок античного поселения Береговой 4 в 1987, 1988, 1999–2002 гг. насчитывает 66 экземпляров. Из них 22 монеты происходят из святилища, 44 экз. найдены на поселении. В целом нумизматический материал охватывает период с V в. до н. э. по I в. н. э. Монеты принадлежат трем центрам – Пантикапею, Фанагории и Амису.

Таблица 1. Распределение монет по центрам чеканки

Центр	Святилище	Поселение	Всего
Пантикапей	15	39	54
Фанагория	7	3	10
Амис	–	2	2
Итого:	22	44	66

Старейшая монета – пантикапейский серебряный диобол типа «голова льва/АПОЛ» [Анохин, 1986, № 26/2], датируемый временем около 475–450 гг. до н. э. (№ 66; рис. 1. *66*). Он является единственной серебряной монетой из раскопок; все остальные – бронзовые. Наиболее поздняя монета – сестерций Савромата I [Фролова, 1997/1, табл. XXXI, 6–14], выпущенный около 80–93 гг. н. э. (№ 53). В хронологическом плане монеты распределяются следующим образом:

Таблица 2. Хронологическое распределение монет

Период	Святилище	Поселение	Всего
V в. до н.э.	–	1	1
IV в. до н.э.	2	11	13
III в. до н.э.	4	19	23
II в. до н.э.	15	9	24
I в. до н.э.	1	3	4
I в. н.э.	–	1	1
Итого:	22	44	66

[1] Единственная известная нам работа на эту тему принадлежит Я. М. Паромову [Паромов, 1987, с. 293–299].

1. Святилище.

Материалы из святилища датируются последней третью IV – началом I в. до н. э. Все монеты – боспорские. Две трети от общей массы составляют монеты Пантикапея – 15 экз.; чекану Фанагории принадлежат 7 монет. Самая ранняя монета – пантикапейский тетрахалк типа «сатир/грифон, осетр, ΠΑΝ» из серии около 330–315 гг. до н. э. (№ 22; рис. 1. *22*). Далее следует обол типа «голова сатира/голова быка, ΠΑΝ» [Анохин, 1986, № 124], датируемый временем около 315–300 г. до н. э. (№ 5; рис. 1. *5*).

Чеканка III в. до н. э. представлена четырьмя монетами, три из которых относятся ко времени денежного кризиса на Боспоре (№ 18–20), а тип «крыло/треножник» [Анохин, 1986, № 142] – к последней четверти – концу столетия (№ 14).

Монеты II в. до н. э. составляют более двух третей нумизматических материалов из комплекса – 15 экз. Доминируют фанагорийский тип «голова сатира/лук и стрела, ФА» [Анохин, 1986, № 147] – 7 экз. (№ 1, 3–4, 8–9, 16–17) и пантикапейский тип «Аполлон/горит, ΠΑΝ» [Анохин, 1986, № 169] – 6 экз. (№ 6, 11–13, 15, 21). Последний тип традиционно составляет в материалах раскопок всех боспорских городов от одной трети до половины (а для Фанагории и Патрея даже две трети) всех пантикапейских монетных находок II в. до н. э. [Шелов, 1965, с. 40]. Завершает чеканку Спартокидов тип «Афина/прора» [Анохин, 1986, № 183], выпущенный около 110 г. до н. э. (№ 7).

Наиболее поздняя монета в святилище – пантикапейский тип «звезда, ΠΑΝΤΙΚΑΠ/треножник» [Анохин, 1986, № 203], относящийся к концу II – самому началу I в. до н. э. (№ 10).

Таким образом, материал позволяет датировать «нумизматическую» активность святилища с последней трети IV – по начало I в. до н. э. Наиболее интенсивно («в нумизматическом отношении») оно функционировало во II в. до н. э., вплоть до начала митридатовского времени.

2. Поселение.

Нумизматические материалы с поселения датируются второй четвертью V в. до н. э. – концом I в. н. э. В отличие от святилища фанагорийских монет среди них крайне мало, всего 3 экз. (№ 54–55, 57). Абсолютное большинство монет принадлежит чекану Пантикапея. Самая ранняя монета с поселения – упомянутый выше серебряный пантикапейский диобол с буквами А–П–О–Л (№ 66), выпущенный ок. 475–450 гг. до н. э.

Чеканку IV в. до н. э. открывают пантикапейские халки типа «голова сатира/голова коня, ΠΑΝΤΙ» [Анохин, 1986, № 87], относящиеся ко времени около 400–375 гг. до н. э. (№ 47, 50). Серия около 330–315 гг. до н. э. представлена тетрахалками с типом грифона и осетра на реверсе (№ 62–65; рис. 1. *62, 63, 65*) и дихалком «голова сатира/протома Пегаса, ΠΑΝ» [Анохин, 1986, № 112] (№ 44; рис. 1. *44*). К серии 315–300 гг. до н. э. относятся тетрахалки типа «голова сатира/лев, осетр, ΠΑΝ» [Анохин, 1986, № 125] – 4 экз. (№ 23, 27, 45, 46; рис. 1. *27, 45*). В начале следующего столетия такие монеты подверглись массовой надчеканке клеймами с изображениями горита и звезды [Анохин, 1986, № 130] (№ 29–30, 43, 52, 59; рис. 1. *59*).

Чеканка III в. до н. э. представлена также новым типом «голова сатира/лук и стрела, ΠΑΝ» [Анохин, 1986, № 133; Шелов, 1956, № 65] (№ 58; рис. 1. *58*), быстро под-

вергшимся надчеканке [Шелов, 1956, № 67] (№ 48) и деградации [Шелов, 1956, № 66] (№ 31–39; рис. 1. *33, 38*). В третьей четверти III в. до н. э. появился новый тип «Посейдон/прора, ΠΑΝΤΙ» [Анохин, 1986, № 144] (№ 25; рис. 1. *25*), так же вскоре подвергшийся контрамаркированию.

Чеканку II в. до н. э. открывает самый массовый пантикапейский тип «голова Аполлона/горит» [Анохин, 1986, № 169] (№ 41, 42, 51, 60, 61; рис. 1. *61*). Около 120–110 гг. до н. э. был выпущен тип «сатир/рог изобилия между шапками Диоскуров, ΠΑΝΤΙ» (№ 24), около 110 г. до н.э – «Афина/прора, ΠΑΝ» (№ 7, 40; рис. 1. *7*). Имеются три монеты, отчеканенные в Фанагории (№ 54, 55, 57).

Чеканка I в. до н. э. в материалах поселения представлена всего тремя экземплярами. Это, прежде всего, понтийская медь митридатовского времени – тетрахалки Амиса типов «эгида/Ника, ΑΜΙΣΟΥ» [SNG Stancomb 688–690] (№ 26; рис. 1. *26*) и «Арес/меч, ΑΜΙΣΟΥ» [SNG Stancomb 678] (№ 28), отчеканенные в 85–65 гг. до н. э. Ко времени Асандра (49/48–21/20 гг. до н. э.) относится городской выпуск Пантикапея «Асандр/Пегас, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ» [Анохин, 1986, № 250] (№ 49).

Наконец, особняком от всего материала стоит упомянутый выше сильно потертый сестерций Савромата I, отчеканенный около 80–93 гг. н. э. (№ 53; рис. 1. *53*).

Итак, если брать хронологическое распределение монет на памятнике в целом, мы должны отметить, что в количественном отношении монеты как в III, так и во II вв. до н. э. распределяются в равных пропорциях и чуть меньше, чем вдвое (в каждом веке), превосходят долю IV в. до н. э., т. е. времени абсолютного расцвета Боспора. А в I в. до н. э. мы наблюдаем резкое (в 6 раз!) падение ранее достигнутых значений. Даже принимая во внимание малочисленность нашей выборки, хотелось бы заострить внимание на том факте, что интересующий нас показатель во II в. до н. э. по сравнению с предыдущим столетием, – на первую половину которого приходится системный финансовый кризис на Боспоре, обусловивший массовый выброс на рынок дешевой надчеканенной и перечеканенной монеты, – практически не изменяется. Если исходить из того, что в третьей четверти III в. до н. э. кризис на Боспоре был в целом преодолен (а исходя из характеристики самой чеканки, сомневаться в этом, кажется, нет оснований), вероятно, допустимо предположить, что II в. до н. э. стал временем определенного экономического подъема в регионе.

Разумеется, этот тезис требует расширения источниковой базы, проверки и на других материалах. Однако прежде несколько замечаний, относительно соотношения находок в поселенческой части памятника и святилища (см. процентное распределение на диаграмме, рис. 2). Первое, что бросается в глаза – выраженный пик II в. до н. э. на святилище, который в значительной степени и дает количественное равенство показателей этого и предыдущего столетий на памятнике в целом. (Без монет, найденных на святилище, поселение демонстрирует «нормальное» распределение монет на хронологической шкале с ожидаемым пиком в III в. до н. э.)

В упомянутой статье 2004 г., комментируя превышение «поселенческой нормы» на святилище во II в. до н. э., мы отбросили гипотезу о возможности «культового»

Периоды:	V в. до н.э.	IV в. до н.э.	III в. до н.э.	II в. до н.э.	I в. до н.э.	I в. н.э.	%
Святилище	0	9,09	18,18	68,19	9,09	0	100
Поселение	2,27	25	43,18	20,45	6,82	2,27	100

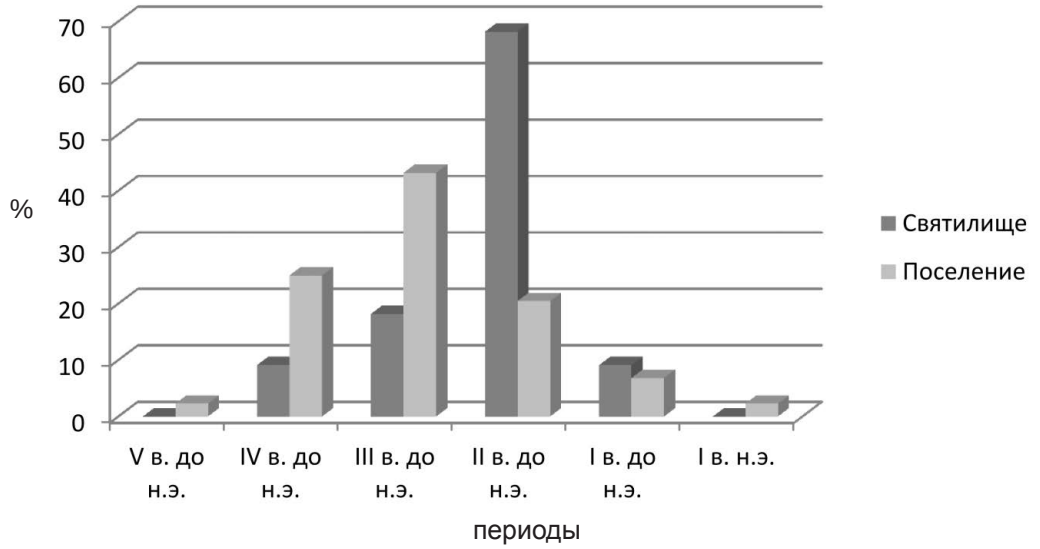

Рис. 2. Процентное распределение монет, найденных в святилище и поселении «Береговой 4»

объяснения этого феномена[2] и пришли к заключению, что решение этой задачи лежит в плоскости сугубо житейской. В интересующий нас период святилище по какой-то причине начинает функционировать интенсивнее, в то время как поселение либо сокращается в своих размерах, либо, если его размеры не претерпели существенных изменений и денежные обороты даже возрастают после спада второй половины III в. до н. э., – то в меньшей пропорции, чем в святилище. Подтверждение сказанному усматривалось в сопоставлении с материалами раскопок Фанагории (1947–57 гг.), опубликованных Д. Б. Шеловым, которые «… показывают, что не столько процентный состав (монет. – авт.) со святилища превысил "норму" (состав монет поселения Береговой-4/*северное*), сколько на поселении этот состав был ниже "нормы"[3]» [Болдырев, Завойкин, Сударев, 2004, с. 193, 191–192, рис. 1] (см. табл. 3).

[2] Правда, акцентировалось внимание на том, что доля фанагорийских монет на нашем святилище заметно больше, чем на поселении (превышает долю пантикапейских типа «Аполлон/горит, ΠΑΝ»), и допускалась возможность (исходя из доли этих монет на святилище близ самой Фанагории, на Майской горе) «какой-то особо тесной связи двух святилищ».

[3] Д. Б. Шелов, анализируя монеты из Фанагории, выражал удивление тем фактом, что численность монет II в. до н. э. превысила, вопреки обыкновению (как это было установлено им по выборкам из Мирмекия, Тиритаки, Патрея и Гермонассы), численность монет III в. до н. э., в первую очередь, периода кризиса [Шелов, 1962, с. 61 и примеч. 21]. Следовательно, фанагорийская «норма», если верить статистике, вовсе не обязательна для других поселений.

Таблица 3. Соотношение некоторых типов монет II в. до н.э. в Фанагории, Береговом 4 и их святилищах

	Аполлон / лук в горите, ΠΑΝ (З. XLII, 9)		Сатир вправо / лук, стрела, ΦΑ (З. XLII, 13)	
	кол-во	%	кол-во	%
Поселение Беговой 4	4	9,1	3	6,8
Святилище Береговой 4	6	27,3	7	31,8
Фанагория, 1947–1957 гг.[4]	234	22,9	221	21,7
Святилище г. Майская	11	14,7	23	30,7

Недостаточность приведенных сведений для каких-либо обобщений самоочевидна. Поэтому стоит рассмотреть доступные для анализа данные по другим памятникам. К сожалению, опубликованные материалы весьма ограничены в количественном отношении и чрезвычайно трудны для интерпретации. Не требуется комментарий тому очевидному обстоятельству, что количество (соответственно и процентная доля) монет того или иного периода на том или ином памятнике не может само по себе служить критерием подъема или упадка хозяйства. Например, во всех случаях (см. ниже) количественное преобладание нумизматических находок периода кризиса монетной системы (конец IV – середина/начало третьей четверти III вв. до н. э.) над числом монет времени абсолютного расцвета Боспора (IV век в целом, в особенности – со второй четверти столетия) является зеркальным отражением реальной экономической ситуации. Судить об этом допустимо лишь принимая в расчет особенности самой монеты (в том числе: соотношение монетных металлов и фактуры монеты, наличие или отсутствие перечеканок и надчеканок, хронологическое распределение кладов) и данные других источников. С этой точки зрения анализ положения дел в пост-кризисный период (вплоть до правления Митридата Евпатора) особенно сложен для понимания.

Кратко рассмотрим, каким образом находки монет, происходящих из раскопок и разведок на некоторых сельских поселениях Таманского п-ова, распределяются по периодам (в процентном выражении).

Суммарное распределение монет на Береговом 4 (в целом) по векам дает слишком обобщенную картину (см. рис. 2), поскольку в ней в третьем столетии до н. э. искусственно объединены кризисный период и начало периода, когда он, так или иначе, уже был преодолен. Другими словами, эта диаграмма отражает в своем роде «среднюю температуру по больнице» и не может быть удовлетворительно интерпретирована. (Из нее более или менее очевиден лишь интенсивный «спад» в I в. до н. э.) Попытаемся оценить распределение монеты на более дробной хронологической оси (см. рис. 3), отметив попутно, что временные границы между периодами достаточно приблизительны, поскольку сейчас нас интересуют только наиболее общие тенденции.

Здесь в глаза бросается «полувековой провал» во второй половине III в. до н. э. между двумя пиками, первой половины того же столетия и следующего века. Картина принципиально не изменится, даже если мы примем в расчет вдвое бóльшую длительность

[4] По: Шелов, 1962, с. 60, 62–64, 126–127.

Период	475–450	400–375	330–300	300–250	250–200	200–110	110–63	63–20	80–93 гг. н.э.
%	1,5	3	16,7	31,8	3	36,4	4,6	1,5	1,5

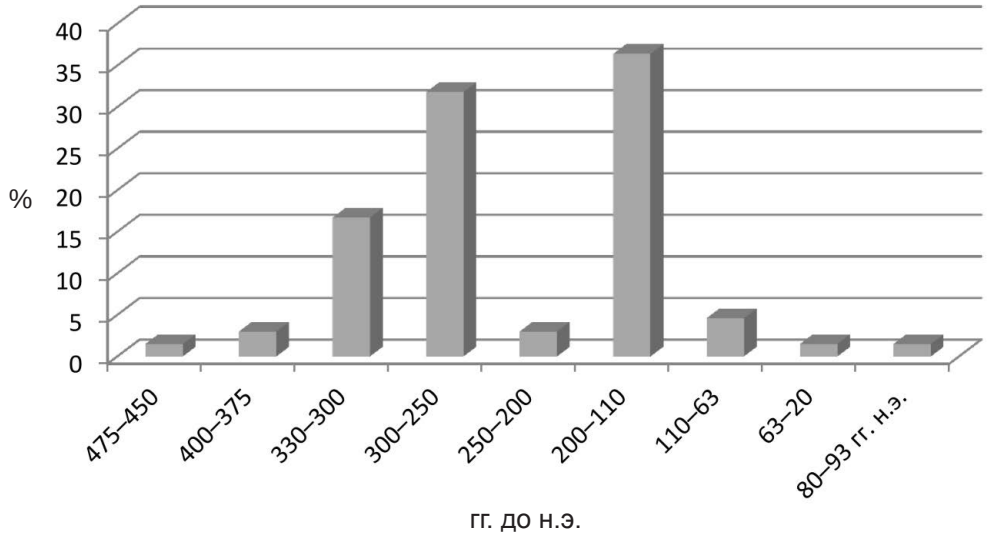

Рис. 3. Береговой 4: процентное распределение монет на хронологической оси

последнего периода (ок. 200–110 гг. до н. э.): и в этом случае пик II в. до н. э. будет несколько выше уровня последней трети IV в. до н. э.

Прежде чем делать какие-то выводы, стоит оценить, в какой степени полученная картина соотносима с ситуациями на других памятниках, подходящих для подобной же оценки.

Поселение Сенной 2, расположенное в южной части ближней хоры Фанагории, было обследовано Фанагорийской экспедицией ИА РАН в 2006–2007 гг. (начальник – В. Д. Кузнецов) под руководством Г. П. Гарбузова. В числе других материалов, собранных на памятнике, была получена выборка в 31 монету: от последней трети IV в. до н. э. до первой половины I в. до н. э. [см.: Абрамзон, Кузнецов, 2015, с. 12–15, табл. 1]. Авторы публикации этих материалов так комментируют находки монет на этом и некоторых других памятниках сельской округи.

«Археологические исследования сельской территории Фанагории… фиксируют угасание "интенсивности жизнедеятельности" на хоре в конце II в. – первой четверти I в. до н. э. и даже прекращение существования целого ряда поселений…[5]. При Митридате VI ситуация усугубилась еще более из-за поборов сельского населения.

[5] Исследователи также отмечают: «Эта тенденция к упадку проявляется еще ранее: уже после III в. до н. э. на таких крупных поселениях, как Соленый 3, Виноградный 4 и других, наблюдаются заметное снижение им-порта и уровня "потребления/жизнедеятельности", что подтверждает спорность вывода о процветании сельской территории Азиатского Боспора при поздних Спартокидах», ссылаясь на: [Гарбузов, Завойкин, Масленников, Смекалов, 2013, с. 101–103].

Периоды:	V в. до н.э.	400–375	330–300	300–250	250–200	200–110	110–63	I в. н.э.
%	0	0	12,9	32,3	6,5	32,3	16,1	0

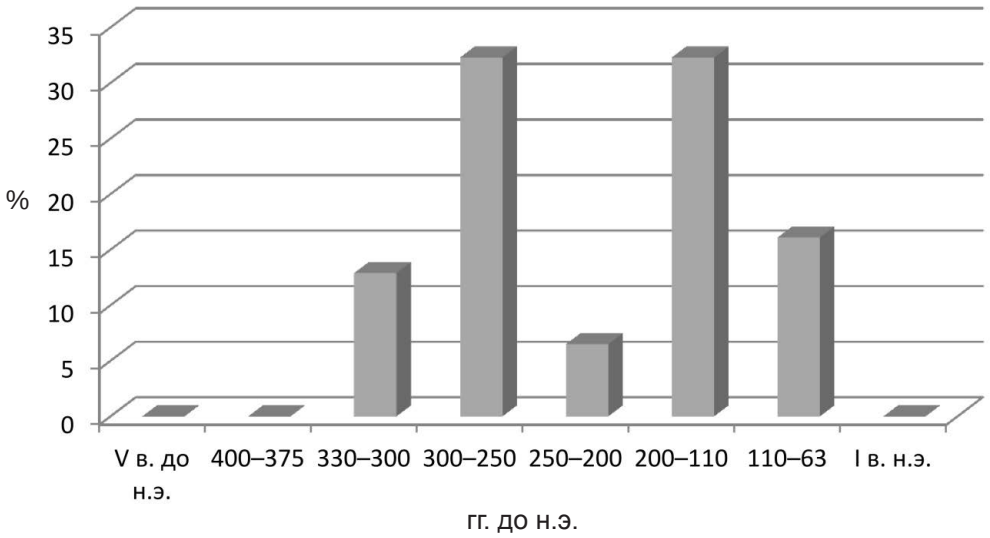

Рис. 4. Сенной 2: процентное распределение монет на хронологической оси

Нумизматические материалы с поселений фанагорийской хоры, как правило, не выходят за рамки времени антимитридатовского восстания 63 г. н. э. Это подтверждают как датировка публикуемых кладов, так и единичные находки из материалов разведок таких поселений. Так, например, на поселении Сенной 2 … позднейшими монетами являются боспорский анонимный обол, датируемый концом 2 в. – 63 г. до н. э. (см. табл. 1, *1*; рис. 3, *3*), пантикапейский тип «звезда/треножник» начала I в. до н. э. (см. табл. 1, *20;* рис. 3, *4*), фанагорийский тетрахалк «Артемида/лань» 90–80-х гг. до н. э. (см. табл. 1, *29*); тетрахалк Амиса «Арес/меч» 100–85 гг. до н. э. (см. табл. 1, *8*). Часто встречаются на этом поселении (как и на других) пантикапейские монеты III–II вв. до н. э. (особенно периода денежного кризиса III в. до н. э.) (табл. 1, *13*; рис. 3, *1*), Левкона II (табл. 1, *29*; рис. 3, *2*), а также многочисленная фанагорийская медь II в. до н. э. (табл. 1, *6, 11, 25*; рис. 3, *5–7*).

Поскольку экономическое благополучие города напрямую зависело от состояния сельского хозяйства, то негативные изменения на хоре Фанагории, совпадающие со временем вхождения Боспора в состав Понтийской державы Митридата VI и войн царя с Римом (до его гибели в 63 г. до н. э.), а затем правления его преемников, сопровождавшиеся переменами в структуре земельной собственности, не могли не отразиться на жизни города…[6]. Время прекращения существования целого ряда сельских

[6] Ссылаясь на: [Горлов, 2007, с. 99], авторы публикации кроме того указывают: «Отмечено, что характерной чертой митридатовского периода является большое количество зерновых ям и виноделен на территории городов, что может быть связано не столько с ростом производства зерна и расцветом виноделия, сколько с трудностями нормальной эксплуатации городской хоры и невозможностью хранения урожая на поселениях из-за политической нестабильности в регионе, которая привела к сокращению поселений на хоре почти вдвое».

Периоды:	V в. до н.э.	400–375	330–300	300–250	250–200	200–110	110–63	I в. н.э.	131/2–153/4 гг. н.э.
%	0	0	13,8	41,4	6,9	34,5	0	0	3,5

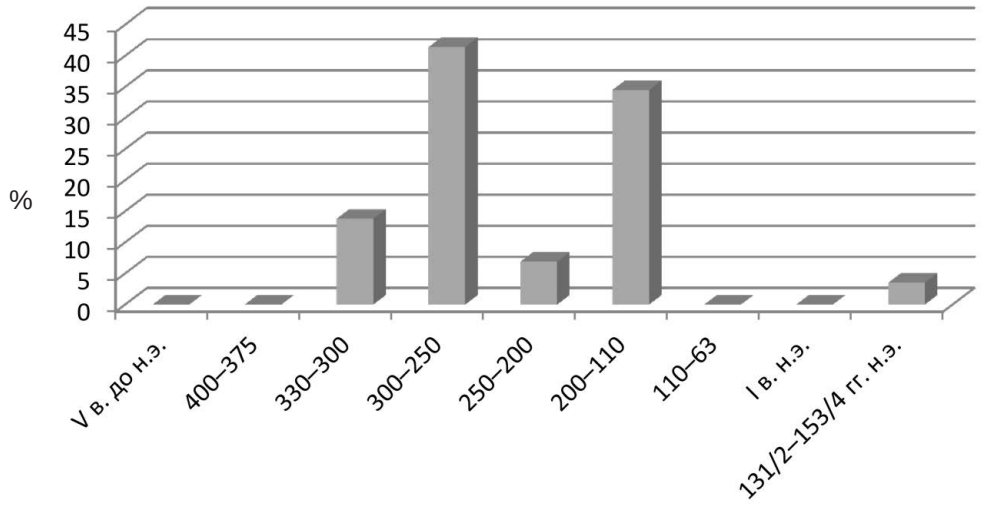

Рис. 5. Артющенко 1: процентное распределение монет на хронологической оси

поселений совпадает с датировкой сокрытия упомянутых монетных кладов, как с фанагорийской хоры, так и с пантикапейской и горгиппийской (см. ниже)» [Абрамзон, Кузнецов, 2015, с. 12–13, 15].

Итак, с митридатовским периодом истории сельских поселений Таманского п-ова все более или менее ясно[7]. Сложнее обстоит дело с предшествующим, «пост-кризисным» периодом (вторая половина III–II вв. до н. э.)[8].

Если посмотреть на процентное распределение монет, найденных на поселении Сенной 2 (рис. 4), сложно не заметить, что диаграмма очень близко повторяет

[7] Об этом см. также: Гарбузов, Завойкин, 2015, с. 109.

[8] Я. М. Паромов, опираясь на статистику обследованных поселений, датированных им III–II вв. до н. э., пришел к выводу, что сельская территория этого региона не только не деградирует, но именно в это время достигает максимума освоенности, превосходя по данному показателю даже предшествующее столетие [Паромов, 1994, с. 10–11; ср. Гарбузов, Завойкин, 2014, с. 194, 198]: «Сколько-нибудь заметных изменений в системе расселения в эллинистический период на Таманском п-ове не происходит… поселенческая структу-ра территориального распределения поселений, сложившаяся в IV в. до н. э., кажется, сохраняется до конца эпохи Спартокидов…» Однако «Предположение Я. М. Паромова о более высоком развитии системы расселе-ния на Таманском полуострове в III–II вв. до н. э. по сравнению с IV веком следует признать слабо обосно-ванным и, вероятно, ошибочным … Значительно более вероятно, что при поздних Спартокидах “уровень потребления” на сельских поселениях существенно падает. Численность самих поселений на протяжении III–II вв. колеблется: некоторые из них не пережили экономический кризис III в. до н. э.; на некоторых жизнь после периода упадка возрождается; в то же время появляется некоторое количество новых поселений. Хронологическая последовательность и количественная динамика этих процессов, к сожалению, не может быть достоверно описана в силу нерасчлененности датировок исследуемого массового материала»..

Периоды:	V в. до н.э.	400–375	330–300	300–250	250–200	200–110	110–63	63–20	I–II в. н.э.	325/ 326 г.
%	0	0	0	27,6	13,8	41,4	6,9	6,9	0	3,5

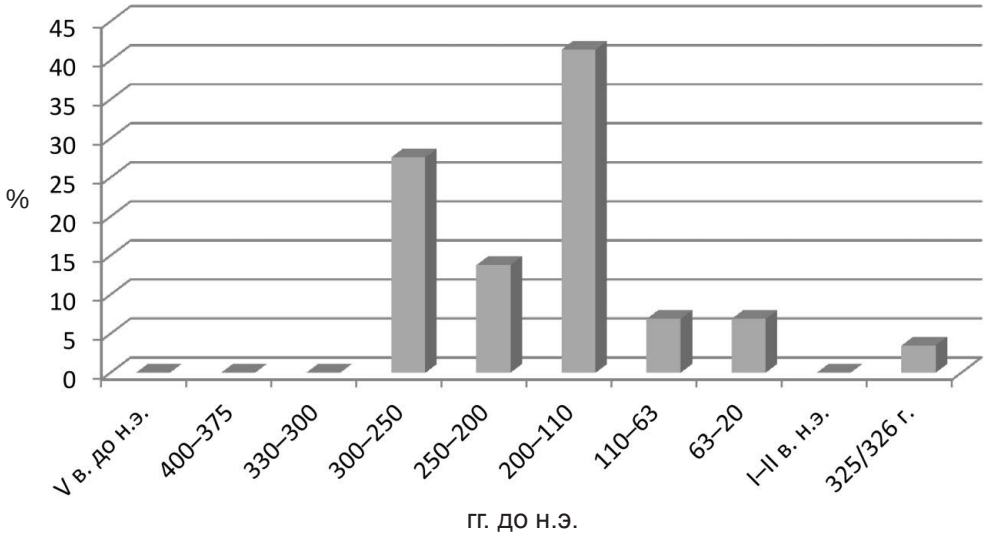

Рис. 6. Артющенко 2: процентное распределение монет на хронологической оси

конфигурацию, полученную для Берегового 4: здесь тоже после спада во второй половине III до н. э. наблюдается существенный подъем, предшествующий заметному снижению показателя в митридатовский период.

На поселении Артющенко 1 к 2008 г. было найдено 30 монет (одна из них не определена), датируемых в целом последней третью IV в. до н. э. – II в. н. э., которые разделены исследователями на группы: *5* монет последней трети IV – начала III вв., *8* – первой половины III в. до н. э.; *12* – середины III – середины II вв. до н. э.; *2* – *последней четверти* II в. до н. э.; *1* – монета Реметалка [Виноградов, Терещенко, 2009, с. 135–142, табл.]. Несложно заметить, что и в данном случае тенденция хронологического распределения монет (рис. 5) аналогична той, что мы наблюдали ранее. Отличие сводится лишь к полному отсутствию находок времени правления на Боспоре Митридата VI.

На соседнем поселении и некрополе Артющенко 2 в 2009–2010 гг. в процессе раскопок и в подъемном сборе было найдено 29 монет [Терещенко, 2011, с. 180–187][9]. Особенностью этой коллекции является отсутствие среди них находок ранее первой половины III в. до н. э. Позднейшие монеты (если не считать единичную – 325/326 г. н. э., Рескупорида V) относятся к периоду правления Асандра. Как и в ранее рассмотренных случаях распределение нумизматического материала на хронологической оси

[9] По мнению исследователя, высокая концентрация монет на небольшом раскопке (135 м²) в сочетании с находкой бронзового кимвала и некоторых особенностей культурного слоя позволяют предполагать особое, сакральное назначение вскрытого участка [Терещенко, 2011, 185–186].

показывает два пика (рис. 6): в период денежного кризиса (первая половина – середина III в. до н. э.) и, – после «спада» во второй половине III в. до н. э., – во II в. до н. э., вслед за которым, в следующем столетии численность монет на памятнике резко сокращается.

Эталонный для Таманского п-ова комплекс памятников «Таманский толос и Резиденция Хрисалиска» особенно интересен для анализа. Всего в ходе его исследований было найдено 82 монеты (из которых 21 – в кладе 1973 г., обнаруженном в фундаменте северного дома перистильного двора) [Сокольский, 1976, с. 118–120, Прилож. I]. Исследователь отмечает: «Монеты образуют две примерно равные по количеству экземпляров хронологические группы. Первая охватывает период, начиная от второй четверти III до середины II в. до н. э. Вторая относится уже к 20-м гг. II в. – 30 гг. I в. до н. э. Обращает на себя внимание отсутствие монет времени от 50-х до 20-х гг. II в. до н. э.» [Сокольский, 1976, 8][10].

Рассмотрение выборки монет этого памятника осложняется наличием клада времени строительства перистильного двора. С формальной стороны, монеты из него должны быть исключены из статистического анализа, поскольку противоречат принципу случайного отбора. В то же время, учитывая практически полное исследование памятника раскопками, мы не уверены в том, что небольшой «строительный» клад существенно искажает картину денежного обращения. Поэтому предлагаем два варианта расчета (рис. 7а, б), первый из которых, видимо, более отражает время строительства «Таманского толоса», второй же (как легко заметить) лучше согласуется с показателями других, ранее рассмотренных памятников.

Ярко выраженной особенностью данного комплекса является более высокий, чем обычно, процент находок времени правления Митридата Евпатора и его приемников (Фарнака, Асандра), соответствующий бытованию «Резиденции Хрисалиска».

Пожалуй, пришло время оценить распределение монетных находок на ряде памятников Таманского п-ова в совокупности и попытаться осмыслить полученную картину. Как можно видеть на сводной диаграмме (рис. 8), не смотря на некоторые индивидуальные особенности рассмотренных памятников, *процентные показатели* распределения монет по периодам отражают общую для них закономерность: стабильное и существенное повышение во II в. до н. э. их уровня, сопоставимого (а в некоторых случаях даже превышающего) с уровнем, характеризующим период финансового кризиса (первая половина III в. до н. э.). Вслед за этим периодом подъема наступает период интенсивного спада и упадка (исключение здесь представляет только «Резиденция Хрисалиска», стоящая особняком).

Трудно усомниться в том, что количественное (и процентное) распределение монет на памятниках сельской территории в разные периоды отражает реальные исторические процессы. Учитывая приблизительность хронологических дефиниций, не стоит эти количественные показатели абсолютизировать. Однако в целом снижение рассмотренного показателя во второй половине III в. до н. э. по сравнению с предыдущей половиной столетия, исходя от противного, трудно оценить иначе, как отражение

[10] Это наблюдение, положенное в основу исторической периодизации памятника, конечно, требует дополнительного тщательного исследования. Но данная задача выходит за рамки настоящей статьи.

Периоды:	V в. до н.э.	400–375	330–300	300–250	250–200	200–110	110–63	63–20	I–II в. н.э.	294 г. н.э.
% (а)	0	0	0	9,8	4,9	41	31,2	11,5	0	1,6
% (б)	0	0	0	32,9	3,7	30,5	23,2	8,5	0	1,2

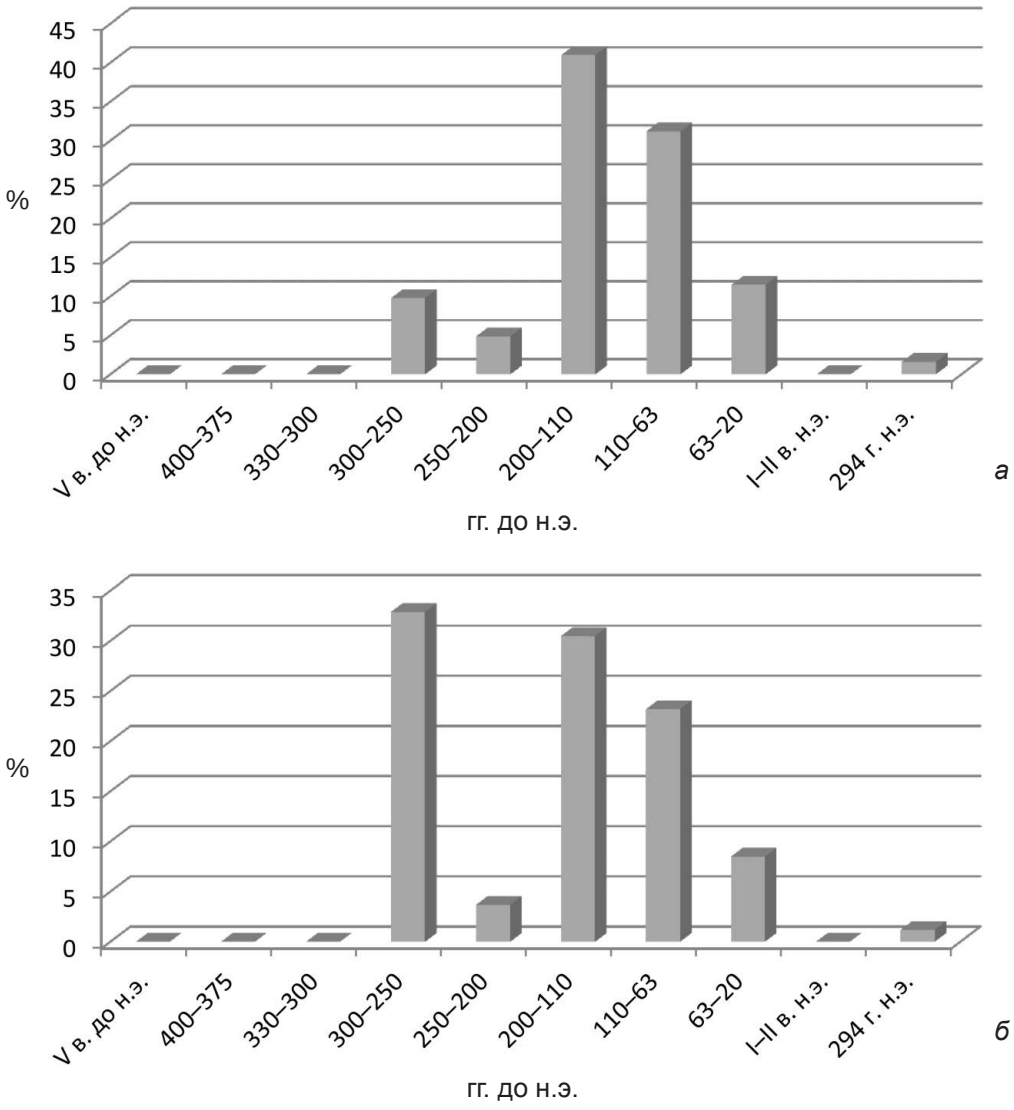

Рис. 7. «Таманский толос» и «Резиденция Хрисалиска»: процентное распределение монет на хронологической оси (а – без учета клада; б – с кладом)

оздоровления финансовой области боспорской экономики. Об этом же говорит и возобновление чеканки монеты из драгоценных металлов, в том числе царской. В таком случае дальнейший последовательный рост денежной массы, по всей видимости, отражает стабилизацию и даже рост во II в. до н. э. экономики Боспора в целом.

Периоды/%	V в. до н.э.	400–375	330–300	300–250	250–200	200–110	110–63	63–20	I–III в. н.э.
Береговой 4	1,5	3	16,7	31,8	3	36,4	6,1	1,5	1,5
Сенной 2	0	0	12,9	32,3	6,5	32,3	16,1	0	0
Артющенко 1	0	0	13,8	41,4	6,9	34,5	0	0	3,5
Артющенко 2	0	0	0	27,6	13,8	41,4	6,9	6,9	3,5
Толос/ Резиденция	0	0	0	32,9	3,7	30,5	23,2	8,5	0

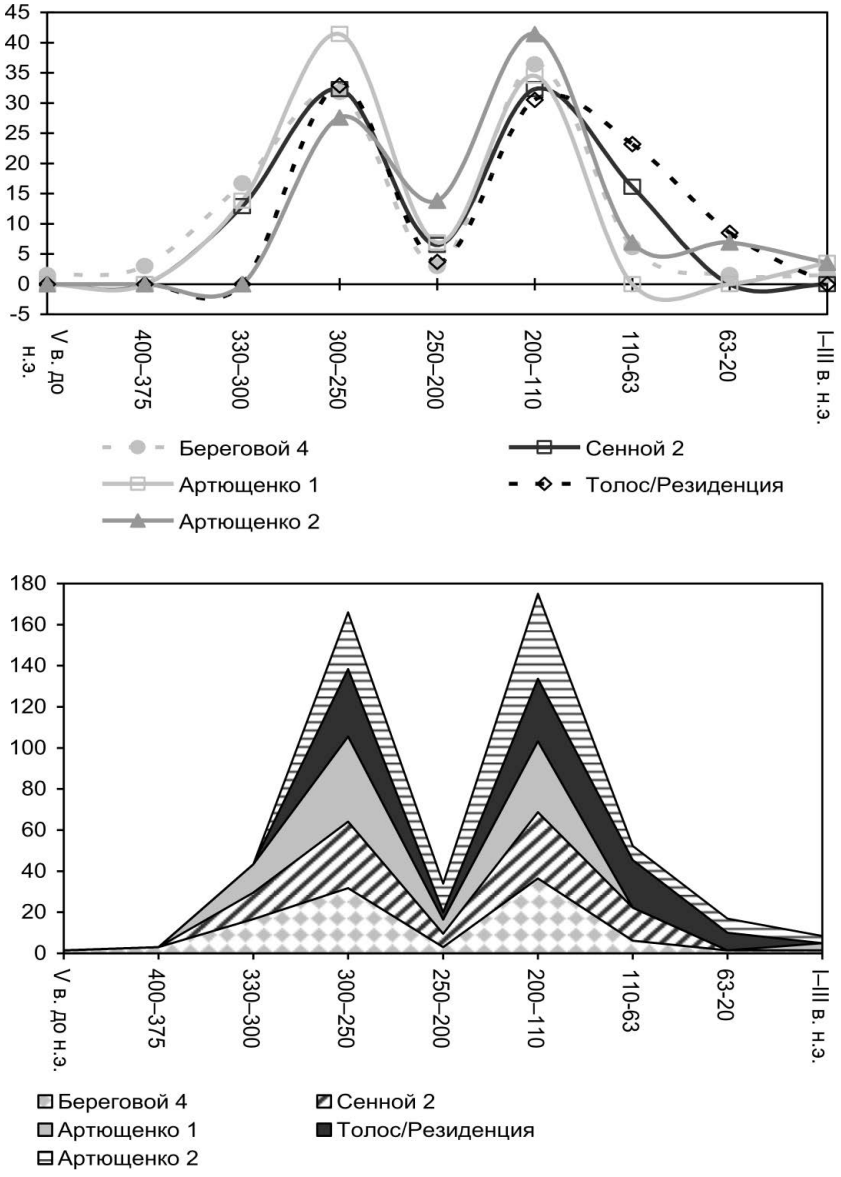

Рис. 8. Суммарные показатели процентного распределения монет на некоторых памятниках сельской округи Таманского п-ова

Трудно или, пожалуй, даже невозможно точно определить, когда эта тенденция позитивного развития Боспора и с какой скоростью пошла на убыль: накануне ли прихода к власти Митридата Евпатора, или же несколько раньше? Однозначно можно говорить лишь о том, что владыке Понта не удалось переломить эту отрицательную тенденцию. Если только не ставить упадок дел на Боспоре в вину ему самому. Финал же его правления на Боспоре известен. Он был плачевен (см. выше), хотя первый период (десятилетие – два) его царствования, казалось, сулили процветание боспорским городам[11]…

Известно также, что последние годы правления Спартокидов ознаменовались ухудшением внешнеполитической ситуации: конфликтом со скифами[12] и дестабилизацией обстановки в связи с продвижением в Прикубанье новых племенных объединений сарматов[13], что в конечном счете привело к падению династии и подчинению Боспора власти Митридата Евпатора. Прямо указывает причину этого события Страбон (VII. 4. 4): «Не будучи в состоянии противостоять варварам, требующим дани бóльшей, чем прежде, он [Перисад] передал власть Митридату Евпатору» (пер. Ю.Г. Виноградова). Однако для нас остается неустановленной хронология («нижняя» дата) и динамика этих процессов.

Важным источником, позволяющим судить о состоянии экономики и военно-политической ситуации являются клады монет. Разумеется, причины тезаврации монеты могли быть различными, как различны по своему составу, происхождению и характеру сами клады. Далеко не всегда мы имеем веские основания для того, чтобы судить об этом предметно. Но все-таки количественное их распределение на протяжении длительных отрезков времени дает возможность выявлять периоды стабильности или же каких-то потрясений (независимо от их характера), поскольку само выведение монеты из обращения никаким образом невозможно принять за норму.

В самом общем виде хронологическое распределение боспорских кладов показано на рис. 9. Представленная на нем диаграмма заметно отличается от тех, что мы наблюдали, когда рассматривали распределение монет на поселениях, хотя наблюдаются и моменты сходства. Это касается, прежде всего, пика, приходящегося на период денежно-финансового кризиса конца IV – первой половины III в. до н.э. Второй пик наблюдается в период правления Митридата VI, что вполне ожидаемо. Интересно, что количество кладов, приходящихся на финал династии Спартокидов и воцарения

[11] С.Ю. Сапрыкин, ранее придерживавшийся точки зрения, что «филэллинская политика» Митридата завершилась с 80 г. до н.э., теперь полагает, что этот период следует продлить до 75 года, когда, вследствие того, что боспорские города «не воспрепятствовали воцарению Махара», политика центральной власти изменилась [Сапрыкин, 2010, с. 89].

[12] Так называемое восстание Савмака [см.: Виноградов, 1987, с. 75–84; ср.: Гаврилов, 1992, с. 71]. Накануне этих событий, как проницательно заметила Т.В. Блаватская [1959, с. 149], Боспор сохранял союзнические обязательства по отношению к скифам Таврики. Именно поэтому полководец Митридата Диофант, едва одержав первую победу над скифами Палака, немедленно отправился в Пантикапей (IOSPE I2, 352) в поисках дружественного нейтралитета со стороны последнего Перисада [подробно см.: Виноградов 1987, с. 71 сл.].

[13] По представлению Н.И. Сокольского [1976, с. 89], который ссылается на сведения Страбона (XI. 2. 11; XII. 3. 29) и диссертацию Ю.М. Десятчикова [1974, с. 6], «сарматы-аспургиане» [ср.: Сапрыкин, 1985, с. 65–76, с литературой] обосновались на землях азиатского Боспора уже к концу или даже к середине II в. до н.э. С этим мнением согласиться сложно.

Период	475–450	450–400	400–375	375–330	330–300	300–250	250–200	200–120	120–110	110–63	63–20
№№ по КБКАМ I[14]	4–6, 9*[15]	–	7, 10*	–	11–15*[16], 18–26	27–42[17]; 43–56	57–59[18]; 60–62	63–66	67–73	74–93, 94–101[19]	102–109
Кол-во	4	0	2	0	16	30	6	4	7	22[20]	8
% от 96	4,2	0	2,1	0	17,7	31,3	6,3	4,2	7,3	22,9	8,3

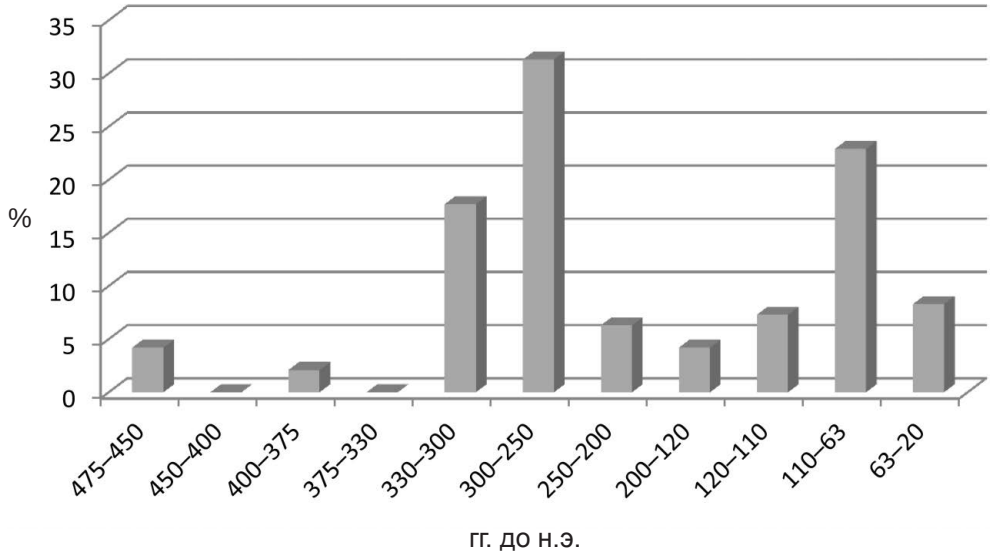

Рис. 9. Процентное распределение монетных кладов Боспора (включая Прикубанье) на хронологической оси

на Боспоре Митридата, почти совпадает с количеством кладов, относящихся ко времени его приемников.

Ситуация же для отрезка времени, обозначенного ок. 200–120 гг. до н.э., принципиально отлична от той, что мы видели раньше. «Уровень кладообразования» в этот

[14] По: Абрамзон, 2011, с. 180 слл.

[15] Звездочкой помечены клады кизикинов и боспорских статеров.

[16] Клады № 16 и 17, происходящие из Кутаисской губернии и Сванетии, в расчет не берем.

[17] Начало – первое десятилетие III в. до н. э.

[18] Ок. 250–225 гг. до н. э.

[19] Номера 94–101 – это кошельки, найденные в пожарище так называемой резиденции Митридата на акрополе Фанагории [см.: Абрамзон, Кузнецов, 2015, с. 41–56]. Полагаем, что правильнее эти находки в наших расчетах учитывать как один комплекс.

[20] Перечень кладов, отмеченных в КБКАМ I–II и происходящих с хоры Фанагории (№ 78, 2007 г. – «усадьба 2013–11» [см. также: Абрамзон, Кузнецов, 2013, 75–107; 2015, с. 96 слл.]); № 79, из окрестностей хут. Соле-ный, 2007 г. [см. также: Абрамзон, Кузнецов, 2015, с. 96 слл.]; № 91, «из района Фанагории?, 2000 г.?»; № 77, «Таманский п-ов – Фанагория?», до 2009 г.), дополняем кладом из поселения Соленый 3, 2003 г. [см. Аб-рамзон, Кузнецов, 2015, с. 60 слл.].

период наиболее низкий, начиная с последней трети IV в. до н.э.[21], в то время как на поселениях монета фиксируется в больших количествах. По всей видимости, это дает нам основания для того, чтобы подтвердить ранее высказанную догадку, что в большей своей части II в. до н.э. (быть может, еще с конца предыдущего столетия) был временем экономической стабильности или даже второго расцвета Боспора.

Список литературы

Абрамзон, 2011. Абрамзон М.Г. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. II. Клады из новых поступлений в Керченский историко-культурный заповедник (2009–2010 гг.) (БИ. Suppl. 7). Симферополь; Керчь.

Абрамзон, Кузнецов, 2013. Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Клад монет IV–I вв. до н.э. из Фанагории (2007 г.) //ВДИ. № 3.

Абрамзон, Кузнецов, 2015. Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 3). М.

Абрамзон, Фролова, 2007–2008. Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I. 1834–2005 гг. (БИ. Suppl. 2). Симферополь; Керчь.

Анохин, 1986. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев.

Блаватская, 1959. Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М.

Болдырев, Завойкин, Сударев, 2004. Болдырев С.И., Завойкин А.А., Сударев Н.И. Монеты с Берегового 4: проблемы хронологии и интерпретации //БФ: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. II. СПб.

Виноградов Ю.Г. 1987. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. //ВДИ. № 1.

Виноградов, Терещенко, 2009. Виноградов Ю.А., Терещенко А.Е. Монеты поселения Артющенко I на Таманском полуострове //БИ. XXII.

Гаврилов, 1992. Гаврилов А.К. Скифы Савмака – восстание или вторжение? (IPE I^2, 352 – Syll.^{3}709) //Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб.

Гарбузов, Завойкин, 2014. Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. Сельская территория Таманского полуострова в период поздних Спартокидов //БИ. XXX.

Гарбузов, Завойкин, 2015. Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. Сельская территория Таманского полуострова после Спартокидов //ДБ. 19.

[21] История тезаврации монеты в период исключительной чеканки серебра – тема отдельная.

Гарбузов, Завойкин, Масленников, Смекалов, 2013. Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Масленников А. А., Смекалов С. Л. Сельская территория Европейского и Азиатского Боспора в эпоху Спартокидов (введение в тему) //ПИФК. № 4.

Горлов, 2007. Горлов Ю. В. К изучению сельской округи Фанагории //ДБ. 11.

Десятчиков, 1974. Десятчиков Ю. М. Процесс сарматизации Боспора. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.

Кубланов, 1959. Кубланов М. М. К истории Азиатского Боспора //СА. XXIX–XXX.

Паромов, 1987. Паромов Я. М. Родосские клейма из поселений Таманского полуострова // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М.

Паромов, 1994. Паромов Я. М. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху. Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб.

Сапрыкин, 1985. Сапрыкин С. Ю. "Аспургиане" //СА. № 2.

Сапрыкин, 2010. Сапрыкин С. Ю. Позднеэллинистический и римский периоды //Античное наследие Кубани. Т. II. Ч. VIII. Гл. 2. М.

Сокольский, 1976. Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.

Строкин, 2010. Строкин В. Л. Монеты с поселения Голубицкая 2 //ДБ. 14.

Терещенко, 2011. Терещенко А. Е. Монеты из раскопок античного поселения Артющенко II (2009–2010 гг.) //ПИФК. № 4.

Фролова, Савостина, 1998. Фролова Н. А., Савостина Е. А. Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва? //РА. № 1.

Шелов, 1956. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.

Шелов, 1965. Шелов Д. Б. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI–I вв. до н. э. //НЭ. V.

Summary

M. G. Abramzon, A. A. Zavoykin, N. I. Sudarev

Coins from excavation of the ancient settlement "Beregovoy 4"

Main objective of this article is the publication of the coins founded in the sanctuary and the settlement "Bergovoy 4" (Taman' peninsula) in 1999–2004. In general these coins are dated from the V-th to the I-st centuries BC (one coin of Sauromates I belongs to 80–93 AD). Chronological distribution of coins shows their greatest number in the first half of the III century BC and in the II century BC. It is interesting that the percentage share of the coins minted in Phanagoria in a sanctuary is much higher, than in the settlement.

Authors of the article tried to compare percentage distribution of coins from "Bergovoy 4" on chronological groups with the coins of several other rural settlements of Taman' peninsula. This comparison showed that in all cases we can observe a similar picture. The share of coins sharply grows in the 1-st half of the III century BC (it is the period of financial crisis of in Bosporos), in the 2-nd half of this century it decreases, then in the II century it again reaches high level, but at the end of II – the 1-st half of the I century BC (the period of reign of Mithridates the VI-th) again quickly decreases. It should be noted also the fact that for the late of III and II centuries BC we know much less monetary treasures, than during the previous or next periods.

It was known of decline of the Bosporan economy connected with foreign policy of Mitridates Eupatores for a long time. However for the first time there were bases to say that in the II century BC (approximately to 120 BC) the Bosporan economy was on rise.

Приложение

Список монет из раскопок поселения и святилища Береговой 4

№ п/п	Шифр	Определение	Дата	Литература	Вес, г	Металл	Сохранность
Святилище							
1	1987 г., кв. 1, шт. 3, № 3	Фанагория, сатир/лук, стрела, ФА	II в. до н.э.	Анохин 147	1,31	AE	Плох.
2	1987 г., кв. 2, шт. 1, № 152	Пантикапей, Аполлон/лук, стрела, ПАN, перечеканка из Аполлон/горит?	Сер. II в. до н.э.	Анохин 146	1,51	AE	Плох.
3	1987 г., кв. 2, шт. 2, № 104	Фанагория, сатир/лук, стрела, ФА	II в. до н.э.	Анохин 147	1,58	AE	Плох.
4	1987 г., кв. 1, шт. 1, № 34а	Фанагория, сатир/лук, стрела, ФА	II в. до н.э.	Анохин 147	1,38	AE	Плох.
5	1987 г., кв. 1, шт. 1, № 34	Пантикапей, сатир/голова быка, ПАN	315–300 гг. до н.э.	Анохин 124	15,55	AE	Плох.
6	1987 г., кв. 1, шт. 3, № 124	Пантикапей, Аполлон/горит, ПАN	200–120 гг. до н.э.	Анохин 169	1,86	AE	Плох.
7	1987 г., кв. 2, шт. 3, № 130	Пантикапей, Афина/прора, ПАN	Ок. 110 г. до н.э.	Анохин 183	1,76	AE	Ср.
8	1987 г., кв. 1, шт. 3, № 125	Фанагория, сатир/лук, стрела, ФА	II в. до н.э.	Анохин 147	0,68	AE	Плох.
9	1987 г., кв. 2, шт. 3, № 129	Фанагория, сатир/лук, стрела, ФА	II в. до н.э.	Анохин 147	2,19	AE	Хор.
10	1987 г., кв. 2, шт. 3, № 129а	Пантикапей, звезда, ПАNTIKAП/треножник	Нач. I в. до н.э.	Анохин 203	2,57	AE	Ср.
11	1987 г., кв. 2, шт. 3, № 133	Пантикапей, Аполлон/горит, ПАN	200–120 гг. до н.э.	Анохин 169	2,91	AE	Плох.
12	1987 г., кв. 1, шт. 2, № 31	Пантикапей, Аполлон/горит, ПАN	200–120 гг. до н.э.	Анохин 169	1,63	AE	Плох.
13	1987 г., кв. 1, шт. 2, № 42	Пантикапей, Аполлон/горит, ПАN	200–120 гг. до н.э.	Анохин 169	2,06	AE	Плох.
14	1987 г., кв. 1, шт. 2, № 41	Пантикапей, крыло/треножник, ПАN	Кон. III в. до н.э.	Анохин 142	0,98	AE	Плох.
15	1999 г., кв. 5, шт. 1	Пантикапей, Аполлон/горит, ПАN	200–120 гг. до н.э.	Анохин 169	2,17	AE	Хор.

№ п/п	Шифр	Определение	Дата	Литература	Вес, г	Металл	Сохранность
16	1999 г., отвал (кв. 6, шт. 1?)	Фанагория, сатир/лук, стрела, ФА	II в. до н.э.	Анохин 147	1,84	AE	Хор.
17	1999 г., кв. 1, шт. 4	Фанагория, сатир/лук, стрела, ФА	II в. до н.э.	Анохин 147	1,76	AE	Плох.
18	1999 г., кв. 2, шт. 3	Пантикапей, сатир/лев, осетр, ΠΑΝ; л.с. – надчеканка «звезда», о.с. – надчеканка «горит»	Нач. III в. до н.э.	Анохин 130	4,83	AE	Плох.
19	2000 г., кв. 9, шт. 2, Г-1	Пантикапей, сатир/лук, стрела, ΠΑΝ; о.с. – надчеканка «треножник»	Сер. III в. до н.э.	Анохин 139	1,24	AE	Плох.
20	2001 г., кв. 13, шт. 2, Г-1	Пантикапей, сатир/лук, стрела, ΠΑΝ	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 902–903	1,70	AE	Плох.
21	2002 г., кв. 15, шт. 1, Г-1	Пантикапей, Аполлон/горит, ΠΑΝ	200–120 гг. до н.э.	Анохин 169	1,88	AE	Плох.
22	2002 г., кв. 12, шт. 2, под об. 12.4, Г-2	Пантикапей, сатир/грифон, осетр, ΠΑΝ	330–315 гг. до н.э.	Анохин 111	8,26	AE	Ср.
Поселение							
23	2001 г., С-01, кв. 4, шт. 3	Пантикапей, сатир/лев, осетр, ΠΑΝ	315–300 гг. до н.э.	Анохин 125	5,81	AE	Плох.
24	2002 г., С-02, кв. 7, шт. 7, № 89	Пантикапей, сатир/рог изобилия между шапками Диоскуров, ΠΑΝΤΙ	120–110 гг. до н.э.	Анохин 175	1,72	AE	Фрагм. Экзагия?
25	2002 г., С-02, кв. 11, шт. 4, № 673	Пантикапей, Посейдон/прора, ΠΑΝΤΙ	250–225 гг. до н.э.	Анохин 144	4,23	AE	Хор.
26	2002 г., С-02, кв. 9, шт. 4, гл. – 88, № 489	Амис, эгида/Ника, ΑΜΙΣΟΥ	85–65 гг. до н.э.	SNG Stancomb 688-690	7,13	AE	Плох.
27	2002 г., С-02, отвал, № 7	Пантикапей, сатир/лев, осетр, ΠΑΝ	315–300 гг. до н.э.	Анохин 125	6,25	AE	Хор.
28	2002 г., С-02, кв. 11, шт. 3, № 495	Амис, Арес/меч, ΑΜΙΣΟΥ	85–65 гг. до н.э.	SNG Stancomb 678?	8,01	AE	Плох.
29	2002 г., С-02, кв. 10, шт. 1, № 186	Пантикапей, сатир/лев, осетр, ΠΑΝ; л.с. – надчеканка «звезда», о.с. – надчеканка «горит»	Нач. III в. до н.э.	Анохин 130	6,69	AE	Плох.
30	2002 г., С-02, кв. 12, шт. 3, № 539	Пантикапей, сатир/лев, осетр, ΠΑΝ; л.с. – надчеканка «звезда», о.с. – надчеканка «горит»	Нач. III в. до н.э.	Анохин 130	4,42	AE	Плох.
31	2002 г., С-02, кв. 11, шт. 2, № 467	Пантикапей, сатир/лук, стрела, ΠΑΝ	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 902–903	1,73	AE	Ср.

№ п/п	Шифр	Определение	Дата	Литература	Вес, г	Металл	Сохранность
32	2002 г., С-02, кв. 10, шт. 4, № 610	Пантикапей, сатир/лук, стрела, ПАN	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 902–903	1,95	AE	Ср.
33	2002 г., С-02, кв. 8, шт. 3, гл. – 54, № 74	Пантикапей, сатир/лук, стрела, ПАN	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 902–903	2,00	AE	Хор.
34	2002 г., С-02, отвал, № 6	Пантикапей, сатир/лук, стрела, ПАN	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 902–903	1,61	AE	Хор.
35	2002 г., С-02, кв. 11, шт. 4, № 672	Пантикапей, сатир/лук, стрела, ПАN	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 902–903	1,98	AE	Плох.
36	2002 г., С-02, кв. 8, шт. 4, № 328	Пантикапей, сатир/лук, стрела, ПАN	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 902–903	2,19	AE	Хор.
37	2002 г., С-02, кв. 12, шт. 3, № 496	Пантикапей, сатир/лук, стрела, ПАN	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 902–903	2,25	AE	Плох.
38	2002 г., С-02, кв. 9, шт. 4, № 471	Пантикапей, сатир/лук, стрела, ПАN	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 902–903	2,30	AE	Хор.
39	2002 г., С-02, кв. 10, шт. 2, № 328	Пантикапей, сатир/лук, стрела, ПАN	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 902–903	1,81	AE	Хор.
40	2002 г., С-02, кв. 7, шт. 4, № 461	Пантикапей, Афина/прора, ПАN	Ок. 110 г. до н.э.	Анохин 183	1,53	AE	Плох..
41	2002 г., С-02, кв. 8, шт. 4, № 138	Пантикапей, Аполлон/горит, ПАN	200–120 гг. до н.э.	Анохин 169	2,96	AE	Плох.
42	2002 г., С-02, кв. 6, шт. 5, № 86	Пантикапей, Аполлон/горит, ПАN	200–120 гг. до н.э.	Анохин 169	1,44	AE	Плох.
43	2002 г., С-02, кв. 8, шт. 5, № 404	Пантикапей, сатир/лев, осетр, ПАN; л.с. – надчеканка «звезда», о.с. – надчеканка «горит»	Нач. III в. до н.э.	Анохин 130	4,43	AE	Плох.
44	2002 г., С-02, кв. 11, отвал, № 666	Пантикапей, сатир/протома Пегаса, ПАN	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 112	2,01	AE	Хор.
45	2002 г., С-02, кв. 11, шт. 1, № 258	Пантикапей, сатир/лев, осетр, ПАN	315–300 гг. до н.э.	Анохин 125	5,58	AE	Хор.
46	2002 г., С-02, кв. 8, шт. 5, № 403	Пантикапей, сатир/лев, осетр, ПАN	315–300 гг. до н.э.	Анохин 125	6,70	AE	Хор.
47	2002 г., С-02, случ. нах, № 674	Пантикапей, сатир/голова коня, ПАNTI	400–375 гг. до н.э.	Анохин 87	1,26	AE	Плох.
48	1987 г., шурф 1, № 1	Пантикапей, сатир/лук и стрела, ПАN; о.с. – надчеканка «звезда»	Нач. III в. до н.э.	Шелов 67	4,52	AE	Плох.

№ п/п	Шифр	Определение	Дата	Литература	Вес, г	Металл	Сохранность
49	1988 г., р. V, кв. 1, шт. 2, № 73	Пантикапей, Асандр/Пегас, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ	49/48–21/20 гг. до н.э.	Анохин 250	6,95	AE	Плох.
50	1988 г., р. V, кв. 2, шт. 2, № 1	Пантикапей, сатир/голова коня, ΠΑΝΤΙ	400–375 гг. до н.э.	Анохин 87	3,17	AE	Плох.
(Разведки, поселение)							
51	1987 г., ПМ, № 64	Пантикапей, Аполлон/горит, ΠΑΝ	200–120 гг. до н.э.	Анохин 169	1,85	AE	Плох.
52	1987 г., ПМ, № 31	Пантикапей, сатир/лев, осетр, ΠΑΝ; л.с. – надчеканка «звезда», о.с. – надчеканка «горит»	Нач. III в. до н.э.	Анохин 130	4,74	AE	Плох.
53	1988 г., ПМ, № 17	Боспор, Савромат I, сестерций. Курульное кресло/венок, МН	80–93 гг. н.э.	Фролова XXXI, 6-14	11,93	AE	Плох.
54	1999 г., осыпь 3, об. 1	Фанагория, сатир/лук, стрела, ФА	II в. до н.э.	Анохин 147	2,42	AE	Плох.
55	1999 г., ПМ	Фанагория, сатир/лук, стрела, ФА	II в. до н.э.	Анохин 147	1,85	AE	Плох.
56	1999 г., осыпь 1, шт. 3	Пантикапей, сатир/лук, стрела, ΠΑΝ. Перечеканка	Сер. III в. до н.э.	Шелов 73	2,62	AE	Хор.
57	1999 г., осыпь 3, об. 1	Фанагория, сатир/лук, стрела, ФА	II в. до н.э.	Анохин 147	1,78	AE	Плох.
58	1999 г., осыпь 1, шт. 1	Пантикапей, сатир/лук, стрела, ΠΑΝ	300–275 гг. до н.э.	Анохин 133	5,09	AE	Отл.
59	1999 г., ПМ	Пантикапей, сатир/лев, осетр, ΠΑΝ; л.с. – надчеканка «звезда», о.с. – надчеканка «горит»	Нач. III в. до н.э.	Анохин 130	7,55	AE	Отл.
60	К4	Пантикапей, Аполлон/горит, ΠΑΝ	200–120 гг. до н.э.	Анохин 169	1,62	AE	Хор.
61	К5	Пантикапей, сатир/лук, стрела, ΠΑΝ	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 902–903	1,15	AE	Хор.
62		Пантикапей, сатир/грифон, осетр, ΠΑΝ	330–315 гг. до н.э.	Анохин 111	6,47	AE	Хор.
63		Пантикапей, сатир/грифон, осетр, ΠΑΝ	330–315 гг. до н.э.	Анохин 111	5,63	AE	Ср.
64		Пантикапей, сатир/грифон, осетр, ΠΑΝ	330–315 гг. до н.э.	Анохин 111	5,52	AE	Плох.
65		Пантикапей, сатир/грифон, осетр, ΠΑΝ	330–315 гг. до н.э.	Анохин 111	5,83	AE	Ср.
66		Пантикапей, лев/АПОЛ. Диобол	475–450 гг. до н.э.	Анохин 26/2	0,90	AR	Ср.

Е. М. Алексеева
(Институт Археологии РАН, Москва)

Интерпретация комплекса анапских склепов 1975 г.

После открытия склепов в 1975 г. прошли десятилетия и только сейчас начали поступать из реставрации отдельные блоки с фресками. Удаление плотных высолов производится вручную с большими перебоями в финансировании, отчего надеяться на скорое завершение этой работы не приходится. Тем не менее, отреставрирована половина сцен из фриза с подвигами Геракла, некоторые лики и несколько блоков с узорами мраморировок. Эти материалы теперь можно представить в публикации как пример собственно фресок. До этого, единственным документом целостной фиксации росписи остаются произведённые мной зарисовки стен внутри склепа после удаления из него земли. К концу расчистки склепа в него начала интенсивно поступать грунтовая вода, просачивавшаяся по всей поверхности пола и низа стен между слоями материковых пород, уровень её стояния достигал метра от пола. Помпа не приносила желаемого результата. О снятии копий фресок и фотокопий нечего было и думать: сквозь загрязнённые высолы пропитанная влагой роспись едва различалась в контурах. О многом всё ещё приходится только догадываться.

За эти годы разрозненные сведения о находке 1975 г. выдержали достаточное число поверхностных изданий: моих в научно-популярных журналах; многочисленные переиздания лучших вещей из скального склепа без научной интерпретации в каталогах выставок Краснодарского музея; в прекрасно изданном альбоме сотрудников Анапского музея [Новичихин, Галут, 2013], но без ссылки на то, что склепы раскопаны экспедицией Института археологии АН СССР, что, между прочим, оказалось очень непростым делом и заняло два сезона; в моей статье о Горгиппии и в качестве иллюстраций к главам других авторов трёхтомного издания «Античное наследие Кубани»[1]. В статье для «Ancient Civilizations» [2003, s. 43–85] М. Ю. Трейстер констатировал, что «невозможно дождаться полной публикации материала» и поэтому он «исправляет этот пробел», публикуя предметы погребального инвентаря из склепа-II.

[1] Странным решением редакционной коллегии мои зарисовки фресок «разбежались» по трём томам АНК: три стены в двух моих статьях [Т. I, с. 500; Т. III, с. 104, 105], те же три стены и свод склепа в статье Е. А. Савостиной [Т. II, с. 510–512], четвёртой стены не оказалась нигде. В настоящей статье я, наконец, представляю всю схему фиксации росписи целиком (рис. 3; 4; 7, 2).

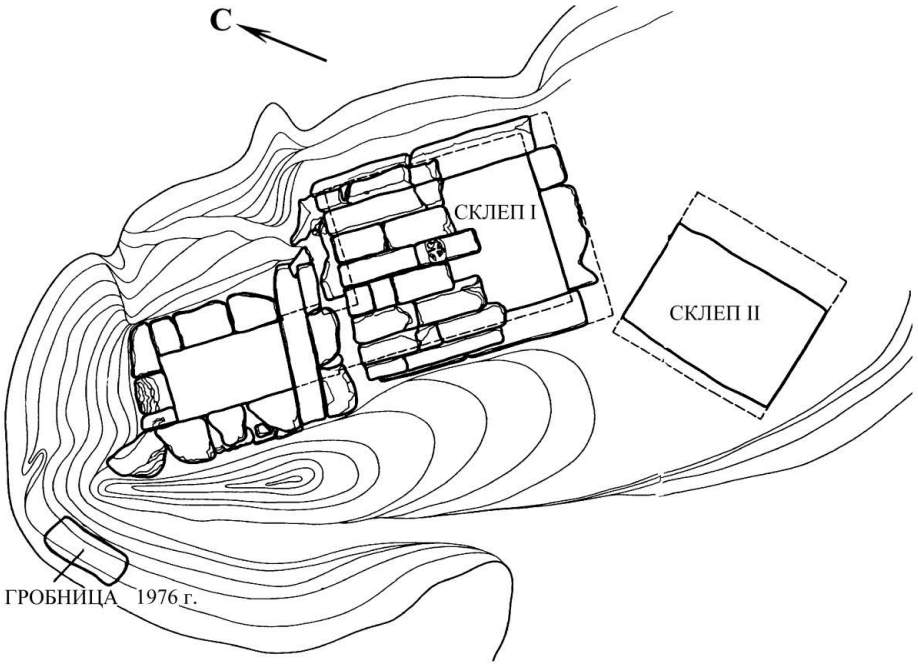
Итак, в 1975 г. на дне строительного котлована для 12-этажного жилого дома по ул. Горького в центре Анапы в пределах территории некрополя древней Горгиппии Анапская экспедиция ИА АН СССР исследовала два склепа (рис. 1, 2). **Склеп I** с полуциркульным сводом и дромосом-колодцем в размер саркофага был сложен из крупных пиленых блоков ракушечника, впущен до пяты свода в рыхлую скалу с прослойками материковых глин и расписан в технике фрески. Он ограблен, видимо, в древности путём изъятия одного камня из замкового ряда свода, что открыло доступ грунту в погребальную камеру. Площадь её 13 м^2, высота от плит пола до центра свода 3.4 м. Через отверстие грабителей с током поверхностных вод склеп веками наполнялся землёй, царапавшей свод. **Склеп II** площадью 10 м^2 почти примыкал к южному углу погребальной камеры склепа с фресками. Он целиком вырублен в скале, имел сводчатый потолок, в котором оставлен проём в размер саркофага; высота скальных стен до пяты свода – 2 м; склеп является закрытым археологическим комплексом. Он был засыпан единовременно рушенным глинисто-скальным грунтом, вынутым при рытье погребальной камеры. Засыпка не содержала следов последующих проникновений. В процессе раскопок его также заливали грунтовые воды, уровень стояния которых в Анапе значительно повысился по сравнению с античной эпохой.

С приближением зимы, чтобы сохранить пропитанную водой роспись, склеп пришлось разобрать на блоки. В следующем полевом сезоне фрески были спилены со слоем камня толщиной 4 см струнной электропилой, привезённой из Института силикатов и камня Армении, и отправлены в реставрационные мастерские Москвы. В 1976 г. с продолжением строительных работ в котловане в ходе зачистки его дна около западного края дромоса склепа-I открыта вырубленная в скале **гробница**, закрытая большой плитой из дикарного камня. Её наполнял жидкий грунт с остатками погребального инвентаря.

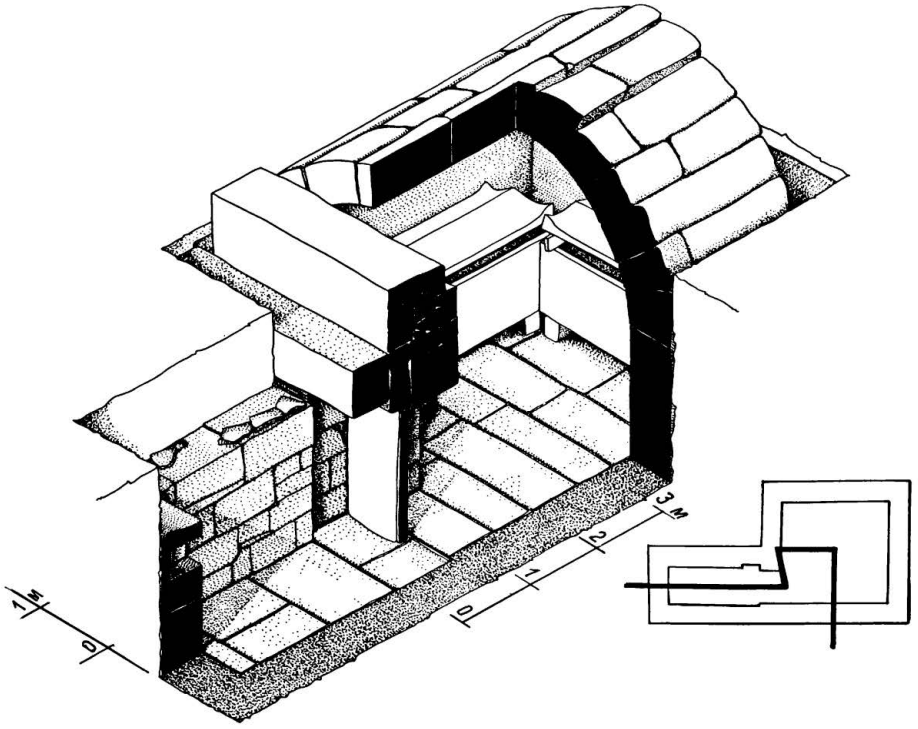
В расписном склепе вдоль стен стояло три саркофага – в археологическом смысле пустых, все с приподнятыми крышками (между крышками и ящиками было вставлено по два камня). Их также заполнял жидкий глинистый грунт. На меньшем из них сохранились следы двух железных скреп со свинцовыми пломбами на концах, соединявших крышку с длинной и короткой сторонами ящика. Изначально крышки были примазаны к ящикам известью, прослойки которой есть в материковом грунте вблизи склепа. Только в саркофаге под левой от входа стеной на дне лежали в беспорядке осколки берцовых костей скелетов разных взрослых людей. В момент расчистки на саркофагах замечены красные пятна, а на крышках следы красных полос, в воде этот пигмент быстро исчез. Все саркофаги стояли на плитовом полу на прямоугольных каменных брусах.

В скальном склепе находились два саркофага. Саркофаги и крышки обоих склепов выпилены из отдельных глыб известняка. Двускатные крышки имели «ложные» акротерии по углам.

Компактное расположение погребальных сооружений, неординарность уцелевших предметов погребального инвентаря в склепе-II и однотипность массивных золотых перстней из цельного золота (два из склепа-II, один из могилы) позволяют объединять все три гробницы в единый комплекс. Скорее всего, в древности они были перекрыты одной курганной насыпью (снивелирована Анапой) и располагались на семейном

1

2

Рис. 1. Некрополь Горгиппии, комплекс склепов 1975–1976 гг.: *1* – план погребальных сооружений, впущенных в скалу в строительном котловане на ул. Горького в Анапе; *2* – аксонометрия склепа-I с фресковой росписью (построение Я. М. Паромова)

Рис. 2. Дромос и свод склепа-I-75 на дне строительного котлована

участке в привилегированной части горгиппийского некрополя. Рассматривать погребальный инвентарь скальных склепа и могилы необходимо вместе с росписью каменного склепа как составные части единого комплекса. Допустимый размер статьи заставляет меня ограничиться в этой публикации рассмотрением росписей склепа-I, что важно для интерпретации и неординарного содержимого скального склепа.

Участок со склепами 1975 г. приближен к месту предполагаемых главных городских ворот Горгиппии (разобраны на строительство Анапской крепости эпохи русско-турецких войн), к которым из восточной части древнего города во все периоды его развития подходила торговая улица шириной 8–9 м с примыкавшими к ней большими многоподвальными домами. Снаружи к этим воротам, мы полагаем, шла основная ведущая в город дорога, так как именно восточное направление по топографии города наиболее предпочтительно для связей с соседними полисами и торговыми путями. В этой части горгиппийского некрополя в 1978 г. исследовалась ограбленная в новое время монументальная гробница с каменным саркофагом, представляющая собой великолепное архитектурное сооружение. Чуть ближе к городу при строительстве в 1950-е гг. и при реконструкции в 1987 г. кинотеатра «Победа» в погребениях найдены куски разбитых каменных саркофагов и неординарные золотые украшения. С севера и запада город окружало море, южное направление вело к предгорьям Кавказа, населённым дикими племенами. Согласно Страбону [XI. 2, 12], «после Горгиппии … гористое побережье, являющееся частью Кавказа, занято народностями, которые живут морским разбоем».

Архитектура каменного склепа традиционна, истоки её уходят в III в. до н. э., когда на смену боспорским склепам с уступчатыми перекрытиями приходит полуциркульный свод, опирающийся на две боковые стены. Прямоугольная погребальная камера склепа отделена от короткого дромоса массивной двустворчатой каменной дверью, закрывавшейся снаружи на засов (деревянный брус?), от установки которого в косяках двери сохранились два гнезда. Закрытую на засов дверь со стороны дромоса забутовали колотыми камнями. Появившиеся в эпоху эллинизма полуциркульные своды склепов сооружались веками, оставаясь популярными и в первые века нашей эры. В 1908 г. Н. И. Веселовский исследовал перед станицей Анапской под курганной насыпью слева от ведущего из Анапы в Краснодар шоссе склеп эпохи раннего эллинизма подобной конструкции, роспись которого имитировала героон [АДЖ, с. 83–86; Атлас, табл. XXVII: 1, XXIX–XXXI]. Своеобразие конструкции склепа 1975 г. состоит в смещении двери в угол погребальной камеры.

Качество штукатурной основы под роспись склепа-I соответствует традициям своего времени. В Причерноморье штукатурка домов эпохи эллинизма толщиной ок. 10 см обычно многослойна, слои утончаются к поверхности, подкрасочный слой содержит мраморную пудру, нижние слои могут включать куски битой керамики и гальку. Штукатурка на стенах склепов и домов римской эпохи тонкая. В склепе-I она не толще 1–2 см, однослойна, насыщена кварцевым и галечным песком, но при этом крепко связана с пористым камнем. Фрагменты тонкой штукатурки с красным пигментом и узорами мраморировки находят в слоях первых веков нашей эры многих центров Причерноморья [Бураков, 1966; Алексеева, 1977], встречены они и в Горгиппии.

***

Роспись каменного склепа выполнена в популярном во II – первой половине III вв. н. э. смешанном инкрустационно-цветочном стиле, в котором лёгкий цветочный верх соединён с тяжёлым блестящим инкрустационным низом. Схема росписи низа имитирует орфостатную структуру кладки каменной стены и её облицовку плитками пёстрого камня. Высокий цоколь – монохромное красное поле, штукатурка на нём местами стёрта до белой основы и смята при установке каменных саркофагов. Мягкое сморщивание штукатурки вблизи верхних углов массивных саркофагов и их крышек могло образоваться только на ещё не застывшем материале при их установке, а это значит, что захоронения производили спешно, не дав просохнуть росписи, что предполагает какую-то трагедию, внезапно постигшую всю семью. Роспись также наносили спешно: один лик из фриза с масками целиком смазан и не восстановлен (рис. 6, *3*). Не все, нарисованные на этом фризе занавесы, имеют бахрому; на одних розетки изображены точками, на других – штрихами; часть занавесов оставлена без украшения и кистей. На полосах с повторяющимися элементами орнамента «сбивается» чёткость узора. Традиционные гирлянды в виде мешочков, наполненных лепестками цветов, изображены наспех жёсткими линиями. Все фигуры непропорциональны, нарисованы сдвоенными линиями (красно-чёрным контуром), изображены анфас, движение передано повёрнутыми в профиль ногами в традициях древней живописи, движения экспрессивны. Насыщенная яркими цветами роспись в целом наивна, многократно

преобладает красный цвет. Лицо Геракла во всех сценах выразительно, на лицах членов семьи погребённых заметно стремление к портретности. Выразительность лиц персонажей контрастирует с диспропорциями в исполнении фигур (скорее всего, работало несколько рисовальщиков).

Над цоколем на месте традиционной орфостатной квадровой кладки стены размещён широкий пояс, имитирующий росписью облицовку пёстрым камнем (рис. 3, 4). В этот пояс в стиле римской архитектуры введены нарисованные белым гладкие пилястры с ионийскими капителями. Абаки украшены размашисто нанесёнными красными крестами и овами, базы небрежно пересечены красными полосами. Пилястры делят пояс на панели. Перед началом росписи панели расчертили тонкими линиями по сырой штукатурке на прямоугольники, квадраты, ромбы, треугольники. Каждая из этих фигур расписана стилизованным узором мраморировки. Эти орнаменты разнообразны, число их не установлено, так как реставрация имитации пёстрого мрамора ещё не касалась. М. И. Ростовцев [АДЖ, 1914, с. 292] отметил близость вертикального членения средней части стены массивными ионийскими пилястрами в боспорских склепах инкрустационно-цветочного стиля (1875 г. и «Стасовском») раннему второму помпеянскому стилю.

В стенах склепа на уровне верха крышек саркофагов устроены 6 ниш, в которых изначально могли размещаться светильники, курильницы и какие-то предметы погребального инвентаря.

В богатых домах метрополии инкрустацию выполняли из плиток мрамора, яшмы и других пород пёстрого камня. Истоки этого стиля прослежены М. И. Ростовцевым [АДЖ, с. 113–132] в Малой Азии и Греции (на островах Делосе, Фере и в малоазийских центрах – Пергаме, Приене, Магнезии на Менандре). В IV–II вв. до н. э. настенные росписи характеризует архитектурная сдержанность, в Причерноморье ей следовал декор богатых жилых домов Пантикапея и Фанагории, повторяя схему орнаментации домов Делоса и Приены [Mau, 1882; Bulard, 1908; Wiegand, Schrader, 1904, s. 333, 336, 347; Блаватский, 1956; Финогенова, 1986, с. 205]. Затем стиль распространился по Средиземноморью, достигнув в римскую эпоху небывалой роскоши (Помпеи, египетская Александрия). В Северном Причерноморье в первые века нашей эры в росписях как погребальной архитектуры, так и зданий преобладают пёстрые мраморировки [Бураков, 1966, с. 53–62].

Группу пантикапейских склепов с росписью в смешанном инкрустационно-цветочном стиле М. И. Ростовцев отнёс ко второй половине I–II в. (*склепы: открытый Ашиком в 1841 г., 1875 г. и так называемый Стасовский 1872 г* [АДЖ, с. 375 с. 291 и 345]). Относительно фресок Стасовского склепа М. И. Ростовцев допускает более позднюю датировку – «начиная с конца II в.». Смешанные инкрустационно-цветочные росписи боспорских склепов объединяет одинаковая стилизация изобразительных элементов – красочные мазки мраморировок; красно-розовые сдвоенные лепестки и короткие веточки с двумя-тремя листиками, разбросанные по белому фону люнет и сводов; перевитые тонкими лентами длинные мешки-гирлянды с бантами на концах, в которых подразумевается наполнение лепестками цветов; передача крон деревьев пятнами, размещёнными на веточках веером. Стилизация растительных мотивов отличает росписи смешанного стиля

от натурализма более раннего цветочного стиля (например, – *склеп 1895 г. во дворе Зайцевой* [АДЖ, с. 199, слл.]). На стенах склепов привычно изображение небольших птиц; два павлина в анапском склепе-I роскошны.

Роспись склепа, вся целиком, включая сюжеты, сцены, орнаменты и их элементы, имеет глубокий смысл; декоративность и мастерство вторичны. Она отражает обычное для населения Боспора первых веков нашей эры религиозно-философское мировоззрение; восприятие космоса (миропорядка в понимании людей античной эпохи); отношение к социальной статусности, вопросам жизни и смерти; культовые предпочтения и их традиционность, появление новых идей в культовой стороне жизни. В росписи удивляет не художественное мастерство, а обилие смысловой информации. В ней можно выделить несколько сюжетных линий, объединённых одним стремлением представить космологическую модель мира в сложившемся к поздней античности мировоззрении и определить в ней место человека, а именно, достигшего определённых высот на социальной лестнице.

***

На поясе с мраморировками внутрь геометрических фигур вписаны размеченные циркулем круги в обрамлении каймы из лучей-треугольников и орнамента бегущей волны (в кайме одного круга эти узоры соединены). Средние поля кругов и окружающие их геометрические фигуры покрыты узорами различных мраморировок. Всего нарисовано 14 кругов, число лучей-треугольников вокруг центрального поля неодинаково – от 10 до 15. Верх шести ниш в стенах склепа обрамляют половины таких же лучистых кругов, в кайме одного полукруга нарисованы кресты. Большая 6-лепестковая розетта внутри широкого круга с орнаментом мраморировки венчает центр свода (рис. 7, 2). Ещё одна 6-лепестковая розетта, вписанная в круг, прочерчена по белой штукатурке на задней стене одной из ниш. Большой круг с двойной каймой из волнистого узора обрамлял уничтоженное строительством до начала археологических работ центральное изображение на люнете напротив входа, уцелел небольшой сегмент круга. Маленькие точечные и лучистые розетки украшают живописные полотнища занавесов на фризе с масками. Все эти лучистые круги, розетты и кресты символизируют солярный культ.

Солярные культы есть у всех народов. У греков первоначально бог солнца – титан Гелиос, одно из древнейших доолимпийских хтонических божеств, олицетворявший могучую силу природы и тайну мироздания; позже олимпийцы ввели его в свой круг.

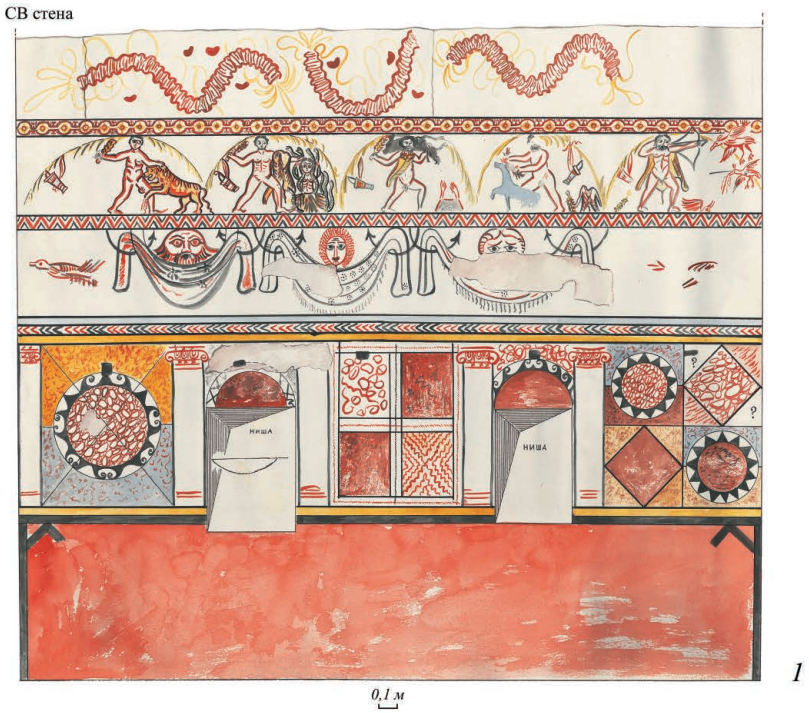
С включением в конце II в. до н. э. Северного Причерноморья в Понтийскую державу Митридата VI Евпатора на Боспоре распространились восточные солярные культы. Митридат возводил свой род к династии Ахеменидов, древне-персидских царей, династической эмблемой которых являлись 6-, 8-лучевые звезды (символическое изображение Солнца), а также месяц (символ лунного бога Мена), откуда у боспорской династии появились зодиакальные символы древней иранской династии – звезда и полумесяц, соответствующие главным культам иранского мира, богам Митре и Мену. Зодиакальные символы проникали в Северное Причерноморье двумя путями – в эпоху Митридата VI через Малую Азию и Колхиду и через контакты с ираноязычными сарматскими племенами степей [Сапрыкин, 1983, с. 73], в религии которых они закрепились

из древнеиранской космологии с культами Солнца, Луны и звёзд. Кони и колесница, подобно символам Посейдона, были атрибутами и Митры. О почитании Солнца и Луны на Переднем Востоке, в частности персами, сообщал Геродот [I, 131]: «они совершают жертвоприношения солнцу, луне, огню, воде и ветрам».

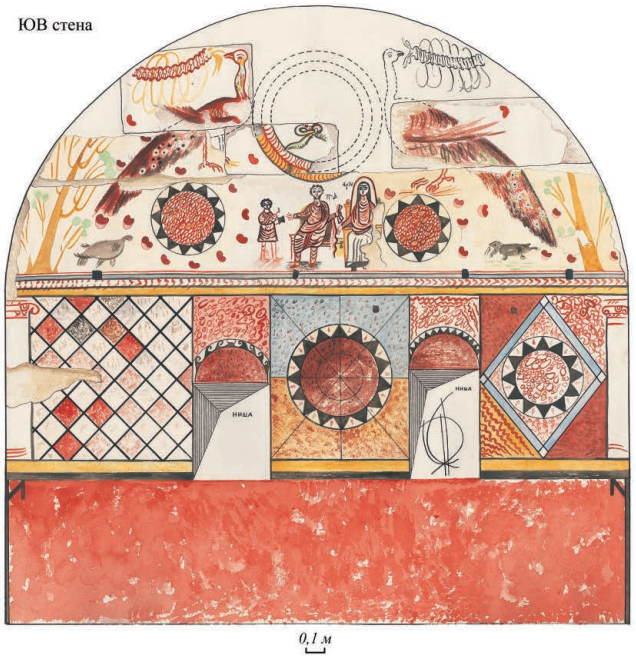
Зодиакальные символы на монетах Митридата рассматриваются исследователями как династические эмблемы [Орешников, 1887, с. 66, № 462–464; Зограф, 1951. с. 187, табл. XLIII, 18; Шелов, 1956, табл. VIII, 93; Казаманова, 1969, табл. XVI, 8]. В период особой популярности царя Митридата его династические эмблемы украшают распространившиеся на Боспоре перстни с геммами и сердоликовые печати [Максимова, 1962, с. 193; Неверов, 1968, с. 237]. Часто встречающиеся в персидском искусстве розетты также определяются исследователями как символы бога Солнца. Корону персидского царя Дария I (522–486 гг. до н. э.) украшали вписанные в круг восьмиконечные звёзды. Взаимодействие культур создало синкретический образ Гелиоса-Митры.

После гибели Митридата VI в 63 г. до н. э. на рубеже I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Боспором правили, сменяя друг друга, его сын Фарнак, его внучка и дочь Фарнака царица Динамия и положившие начало новой династии Асандр и его сын Аспург. Имя Аспурга восходит к иранскому aspa/конь, aspabara/всадник. Ономастика и других имён этой династии выявляет сарматские корни в её генеалогии [Сапрыкин, 1985, с. 67; Он же, 2002, с. 137; Он же, 2006] и уводит в ираноязычный мир почти на 300 последующих лет. Этот царский дом долго сохранял династические эмблемы – звезду и полумесяц. В районе Новороссийска найден бронзовый бюст царицы Динами, головной убор которой украшают 8-лучевые звёзды [Podossinov, 2002, s. 32]. На лицевой стороне её золотого статера царица изображена в лучистом нимбе, на реверсе представлены звезда и полумесяц [Казаманова, 1969, табл. XIV, 6; Сапрыкин, 1983, рис. 6]. Из Анапы происходит золотая пластина от (жреческого?) венка с отштампованным изображением несущегося на квадриге солнечного бога в лучистой короне – Гелиоса. Над ним размещены иранские зодиакальные символы: полумесяц и 6-лучевая звезда. По мнению С. Ю. Сапрыкина [1983, с. 77] на пластине изображён царь Аспург в образе Гелиоса. Из погребения горгиппийского некрополя позднесарматского периода происходит золотой диск от венка с тиснёным погрудным мужским изображением в одежде греческого образца как бы в обрамлении лучей, образованных острыми концами трёхлистников, повёрнутых к центральной фигуре [Новичихин, Галут, 2013, с. 50] Временем правления Аспурга, до получения им царского титула, либо тотчас по его получении, концом I в. до н. э. – началом I в. н. э., датируются боспорские медные монеты с головой Гелиоса в лучезарном венце на лицевой стороне, на реверсе одних помещена 6-лучевая звезда, других – 8-лучевая с монограммами ВАЕ и ВАМ [Бертье-Делагард, 1911, с. 157; Фролова, 1978, с. 56; Сапрыкин, 1983, с. 69, рис. 2].

Солярные культы были распространены и в соседнем с Боспором ираноязычном сарматском мире. В подкурганных захоронениях III–I вв. до н. э. в окрестностях Пантикапея и на Таманском полуострове найдены подобные горгиппийской пластине золотые щитки от погребальных венков с тиснёными изображениями Гелиоса в лучистых нимбах в движении на четырёхконных колесницах, но без солярных знаков над ними [Юз-Оба: ОАК за 1863 г., с. X и ОАК за 1875 г., № 64; Буерова могила: МАР, № 37, 1918,

1

2

Рис. 3. Роспись стен склепа-I: *1* – стена слева от входной двери; *2* – стена с люнетой напротив двери (зарисовка Е. М. Алексеевой сквозь пропитанные грунтовой водой и загрязнённые высолы перед разборкой склепа)

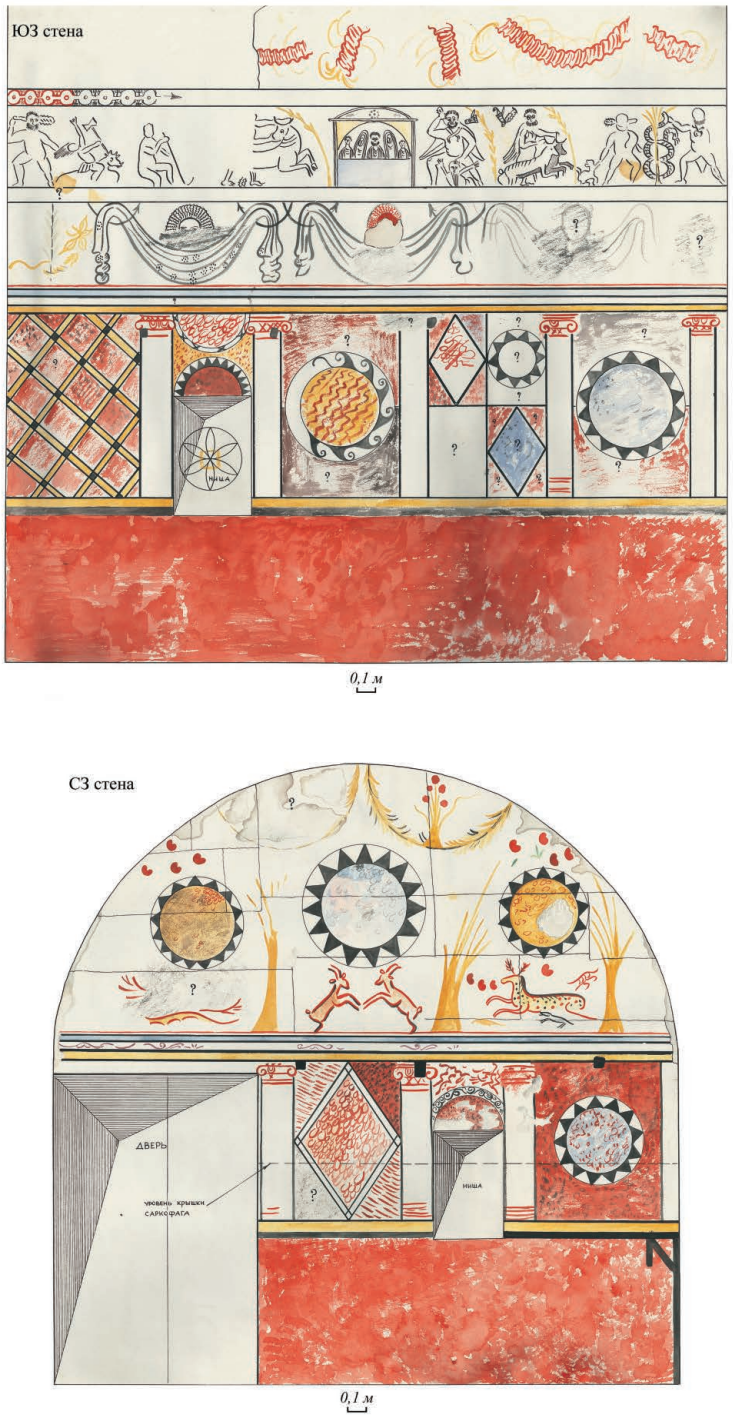

Рис. 4. Роспись стен склепа-I: *1* – стена справа от входной двери; *2* – стена с дверью

с. 44; Тамань: ОАК за 1875 г., с. 21, № 10]. В аристократических сарматских захоронениях (курганы Курчанский, Северский, Янчокракский) встречены бляшки в виде розеток и свастик, крутящегося солнечного колеса, лучистых дисков, символических фигурок коней и львов, связываемых с солярной семантикой [например, Гущина, 1969, с. 43; Кузьмина, 1977, с. 28]. Она присутствует и на предметах конской сбруи. В Федуловском кладе найден серебряный фалар с ликом солнечного бога в лучистом нимбе между голов двух коней (бига) [Спицын, 1909, с. 22; Сапрыкин, 1983, с. 70, рис. 3]. Изображением солнечного бога украшены серебряные фалары из богатого захоронения у ст. Старо-Титаровской [Спицын, 1909, с. 23]. В резиденции конца II–I вв. до н. э. боспорского вельможи Хрисалиска на Таманском полуострове найдена курильница в виде головы быка с полумесяцем между рогами и диском солнца внутри него, а также известняковая плита с примитивным изображением греческой богини судьбы Тихи со скипетром, оканчивающимся символом Солнца – 8-лучевой звездой [Сокольский, 1976, с. 42, рис. 31; с. 104; Журавлёв, 2010, с. 320, рис. 54].

Ориентация боспорской политики Асандра на сарматское воинство и сарматские корни поздней боспорской династии способствовали широкому внедрению сарматской культуры во все аспекты жизни Боспора. Солярная семантика росписи склепа соответствует официально поддерживаемому правящей династией культу и религиозным традициям сарматского мира, влияние которого на культуру Боспора с рубежа тысячелетий стало всеобъемлющим.

В первые века нашей эры, в период становления монотеизма, в охваченном этим процессом античном мире поднималась значимость верховных богов – Митры, Юпитера, Зевса, Гелиоса, Аттиса, Сабазия, Сераписа. В Римской империи, объединившей земли востока и запада, также происходило слияние многих близких по содержанию культов и солярных в первую очередь. Культ Митры получил распространение по всей Империи. Ему поклонялись императоры и участвовали в посвящённых ему тайных мистериях. Вместе с Митрой в греко-римскую среду проник культ Сабазия, фракийского бога плодородия, перенесённый переселенцами во Фригию [Кобылина, 1978, с. 19]. В греческой мифологии он отождествлялся с Дионисом-Загреем, сыном Зевса Критского (Зевса-змея) и Персефоны (Diodor. IV, 4, 1). Разнообразие функций Сабазия позволяло отождествлять его с Зевсом (и изображать в образе Зевса, иногда со скипетром), Гелиосом и Аполлоном, наделяя чертами хтонизма, олицетворявшими природную мощь подземного мира. Образ растерзанного титанами Загрея и воскрешенного Зевсом был включён в целую систему философско-мифологических идей и теогонию орфиков. В культе Бога высочайшего (θεός ὕψιστος) распространившегося в I–II вв. преимущественно в восточных частях Римской империи и на Боспоре в том числе, М. И. Ростовцев [АДЖ, с. 431–433] подразумевал изменённый под влиянием Митры культ Сабазия. Ю. Устинова культ Бога высочайшего в Танаисе, где среди центров Боспора сохранилось наибольшее число свидетельств поклонения ему, связала с иранским культом верховного солнечного божества, исходя из иранских корней танаитов [Ustinova, 1999]. Среди религиозно-философских течений в I–IV вв. н. э. распространилось религиозно-философское учение гностицизм, обогащённое персидско-иранскими верованиями, с учением о потустороннем мире света, борьбе бога света с силами тьмы и слиянии душ с Солнцем.

***

Вторая сюжетная линия росписи склепа занимает фриз шириной 47 см с двенадцатью каноническими подвигами Геракла. Она развивается по часовой стрелке от люнеты стены с дверью по левой от входа боковой стене и продолжается от люнеты напротив входа по правой боковой стене до двери склепа[2]. Когда и как оформилась традиция о двенадцати подвигах Геракла, не установлено – считалось, что этот канон позднего происхождения [Борухович, 1972, с. 148]. С другой стороны, есть мнение, что «каноном» часть подвигов могла стать «только в случае их особого сакрального смысла, возникшего ещё в глубокой древности» [Акимова, 1991, с. 24]. Первый цикл из 12 подвигов появился в середине V в. до н. э. на дорийском фризе торцовых сторон храма Зевса в Олимпии. Данные героического эпоса согласуются в основных чертах с поэмами Гомера «Илиадой» и «Одиссеей», а также «Теогонией» Гесиода. В изобразительном искусстве архаики сюжетная линия с Гераклом чрезвычайно популярна – тысячи композиций в вазописи, в период классики их только десятки, а в эллинизме – единицы. Интерес к деяниям Геракла возродился только во II в. н. э. [Акимова, 1991, с. 9–10]. Порядок перечисления подвигов у разных авторов произволен и по-разному насыщен деталями, перемешанными с описаниями неканонических дел. В наиболее систематизированном и сжатом виде сказания о Геракле изложены в «Мифологической библиотеке» афинского грамматика II в. до н. э. Аполлодора.

После того, как сложился канон о двенадцати подвигах, вошедшие в него деяния определялись словом ἆθλοι – «труды» в отличие от побочных дел – πάρεργα. Совершая каждое из основных предназначений, Геракл проходит через многие преодоления. Порядок расположения сюжетов с Гераклом на стенах анапского склепа расходится с порядком перечисления Аполлодором.

В росписи склепа сюжет с Гераклом распадается на три аспекта. Основу одного из них составляет генеалогическая линия. Подсчёты современных исследователей показали, что в античном мире Геракла признавали основателем более 20 полисов и около 40 получили названия в его честь, к нему возводила род не одна династия [Кошеленко,

[2] В греческой мифологии Геракл – герой, сын Зевса и земной женщины Алкмены. Жена Зевса Гера всегда была враждебна Гераклу и с младенчества насылала на него различные беды (Hom., Ill., XIX, 95–133). Геракл женился на Мегаре, дочери фиванского царя. Когда у них появились дети, Гера наслала на Геракла безумие – в припадке он убил своих детей. Очнувшись, он уходит в изгнание, приходит в Дельфы спросить, где ему поселиться. Оракул повелел отправиться в Тиринф и служить царю Эврисфею, правнуку Зевса, имевшему власть над всем Пелопоннессом. Эврисфей предписал ему совершить за 12 лет 10 подвигов, после чего он может получить бессмертие на Олимпе. Геракл совершил 12 знаменитых подвигов, из них Эврисфей признал 10.

В росписи склепа каждая сцена с подвигом Геракла обрамлена аркой из желтоватой ветки оливы (по сказанию спуск в Аид отмечен растущей на краю расселины оливой). Во всех сценах после первой Геракл представлен в шкуре убитого им Немейского льва, в каждой сцене присутствуют его атрибуты – лук в горите висит на лозе, палица – в руках или стоит у ног, шкура – на плечах или у ног. На левой от входа стене размещены в следующем порядке сцены с Гераклом (рис. 3, *1*): победа над Немейским львом; победа над Лернейской гидрой; усмирённый Эриманфский вепрь на плечах Геракла, Эврисфей спрятался в пифос, подняв руки; подвиг с Керинейской ланью; стрельба из лука по Стимфалийским птицам. На правой стене (рис. 4, *1*) повествование начинает борьба с царицей амазонок Ипполитой за пояс бессмертия, далее следует очистка Авгиевых конюшен и победа над Критским быком. В середине правой стены во фриз включён семейный портрет. За ним ещё четыре подвига: Геракл в пути за конями Диомеда, ведёт коров Гериона, выводит из Аида трёхглавого Кербера, добывает яблоки бессмертия в саду Гесперид.

1

2

3

4

Рис. 5. Фрагменты фресок склепа-I (после реставрации): *1* – лик мужского персонажа из сцены на люнете напротив входа; *2* – лик женского персонажа из той же сцены; *3* – лицо маленькой фигурки писаря из той же сцены; *4* – семейный портрет с правой от входа стены, включённый во фриз с Гераклом

2010, с. 364]. Он был объявлен героем-эпонимом дорийцев и дорийских колоний – Гераклеи Понтийской, Херсонеса, Месембрии, Калатии [Щеглов, 1964, с. 44; Сапрыкин, 1978, с. 40].

Мифологизированное сознание древних обосновывало незыблемость власти её сакрализацией с помощью предков-богов и героев. Геракл – не единственный мифологический персонаж в античном мире, имя которого использовалось для обоснования прав на власть и землю, но он был чрезвычайно популярен. Изложенное в некоторых произведениях античной литературы содержание мифов о Геракле напрямую связывает разные эпизоды его деятельности с Северным Причерноморьем. Геракл не обошёл вниманием этот регион – он упоминается в античных изложениях скифского генеалогического мифа, согласно которому его союз с «полудевой, полузмеёй» в пещере в скифских землях породил Скифа – родоначальника скифских царей, он оставил скифам лук, пояс и золотую чашу [Herod. IV, 8–10].

Примечательно описание путешествия Геракла за яблоками бессмертия. В походе он ведёт эскадру из девяти кораблей и, наконец, оказывается в ионийском окружении (= с переселенцами в Северное Причерноморье?). После этого похода, по свидетельству Диодора [Diod. IV, 16, 4] Чёрное море, которое раньше называлось греками Аксинским/Негостеприимным, стало называться Евксинским/Гостеприимным. Дион Хрисостом утверждал, что Геракл «овладел Египтом, Сирией, … живущими вокруг Понта фракийцами и скифами» [Dio. Chrys. 47, 4]. Г. А. Кошеленко [2010, с. 365] справедливо ставит повествования о Геракле в ряд «колониальных сказаний», превращавших героя в мореплавателя и «цивилизатора» диких земель. В сюжетах с Гераклом в росписи анапского склепа обязательным атрибутом героя является лук скифского образца.

В первые века нашей эры сарматская династия Боспора укрепляла власть сакрализацией своих истоков. Мифические предки этой династии впервые упомянуты для Савромата I, он назван происходящим от Посейдона и Геракла [КБН 1048]. Эта же генеалогия указана в эпиграфических документах Рескупорида I/II[3] [КБН 980] и Рескупорида II/III [КБН 53].

Ещё в период становления Боспорского государства династия Спартокидов возводила свой род к Посейдону и его сыну Евмолпу, последний, в свою очередь, считался родоначальником фракийцев. Основываясь на ономастике имён, В. Ф. Гайдукевич [1949, с. 55] обосновывал фракийское происхождение этой династии, отмечая, что на клеймах царской черепицы III в. до н. э. изображались эмблемы божественных родоначальников династии – трезубец и дельфин В I в. Аспург женился на представительнице фракийского царского дома Гепипирии, возродив для боспорских царей прерванную при Митридате Евпаторе древнюю ветвь.

[3] Рескупорид I/II = Рескупорид 69–93 гг., сын Котиса I, внук Аспурга. Здесь и далее Рескупориды называются по такой схеме: *Рескупорид I* – версия с учётом поправки, которая отрицает существовавшее предположение о принятии Аспургом второго имени Рескупорид [Фролова, 1975, с. 150; Она же, 1997, ч. I, с. 66; Блаватский, 1976]/*Рескупорид II* –версия в публикациях до 1975–76 гг. с учётом того, что царь Аспург мог иметь второе имя Рескупорид после женитьбы на представительнице фракийского рода Гепипирии (считалось: Аспург = Рескупорид I).

С другой стороны, царица Динамия, внучка царя Митридата Евпатора, «прибавила» в генеалогию боспорской династии ещё одного мифологического предка – Геракла, правнука бога Персея, родоначальника персов. На реверсе медных монет в короткое правление сына Аспурга Митридата VIII (39–45 гг.), пытавшегося противостоять Риму и подчеркнуть слияние в боспорской династии ахеменидского и фракийского начал, изображена палица Геракла с наброшенной на неё львиной шкурой, слева – лук в горите, справа – трезубец [Зограф, 1951, с. 197; Фролова, 1997, ч. I, с. 81, табл. XX–XXII]. Палица и трезубец сохраняются на лицевой стороне медных сестерциев Рескупорида I/II рядом с бюстом царя [69–93 гг. г.; Фролова, 1997, ч. I, с. 106, табл. XXXIV- XXXV]. На меди Савромата I выпуска 117–123 гг. рядом с портретом царя продолжают изображаться палица и трезубец [Фролова, 1997, ч. I, с. 133]. С первого года эмиссий статеров Евпатора и в их типологию вводится изображение палицы [154 г.; Фролова, 1997, ч. I, с. 145, табл. LXV]. В чеканке Савромата II на лицевой стороне золотых статеров палица помещалась перед бюстом царя, а на реверсе медных сестерциев изображался царь с палицей в правой руке и трезубцем в левой [174–210 гг.; Фролова, 1997, ч. II, табл. LXXXV: 13, 14]. Савромат II на рубеже II–III вв. выпустил серию монет со своим портретом на лицевой стороне и каноническими подвигами Геракла на реверсе. Одна из таких монет найдена и в Горгиппии – Геракл с эриманфским вепрем на плечах [Масленников. 1986; Алексеева, 1997, с. 194, рис. 60]. Палица и тезубец продолжают чеканиться и в III в. – на реверсе медных монет Рескупорида II/III воспроизведена фигура воина, по мнению Н. А. Фроловой, – самого царя с вооружением в руках, состоящим не из привычного щита, а из палицы и трезубца [210–226 гг.; 1997, ч. II, с. 10, 15].

В короткие правления Котиса III (227–233 гг.), Савромата III (229–231 гг.), Рескупорида III/IV (233–234 гг.) и представителя нового клана Ининфимея (234–238 гг.) родовые символы ослабевшей к этому времени династии на монетах отсутствуют. После перерыва в боспорском чекане в 238–241 гг. с возобновлением эмиссий в 242 г. Рескупоридом IV/V на обратной стороне статеров вновь появляется палица Геракла, теперь рядом с бюстом императора [242–276 гг.; Фролова, 1997, ч. II, с. 43]. В эмиссиях этого царя 260-х гг. на лицевой стороне рядом с его бюстом появляется и трезубец [там же, с. 51, 58–59, 67]. Изображение трезубца продолжает чеканиться и на монетах Фофорса [там же, с. 77, 79]. Из краткого экскурса в нумизматику позднего Боспора очевидно, что всё это время значимость мифологической генеалогии правителей не утрачивала значимости.

Всё сказанное подводит к мысли о том, что клан владельцев склепа также вёл свой род от мифологического предка – от Геракла и, видимо, состоял в родстве с правящей династией. Трудно представить, чтобы какой-то другой клан в государстве со стабильной многовековой властью одной династии избрал бы себе того же мифологического предка.

На Боспоре посвящения Гераклу появляются в IV в. до н. э. [КБН 16, 973, 1036]; с этого времени становится многочисленной и продукция коропластики с изображениями Геракла [например, Передльская, 1958, с. 55–61; Она же, 1962, с. 78; Кобылина, 1961; Грач, 1974, № 23, 24].

В Горгиппии наиболее частые находки фигурок Геракла также относятся к периоду IV–II вв до н. э.: на терракотах он обнажённый стоит рядом с палицей в львиной шкуре на плечах с луком в руке [Кругликова, 1974, с. 47–48, № 19, 43; Алексеева, 1987, с. 20, 24; Она же, 1997, с. 218, табл. 183: 35, 196: 145; Она же 2009, с. 28–31]. На территории горгиппийского керамика в слое с печами эллинистической эпохи встречено несколько грубо исполненных одинаковых фигурок Геракла местного производства в львиной шкуре с завязанными на груди лапами зверя [Алексеева, 1997, т. 197: 164, 165, 167]. Примечательна моделированная вручную голова статуэтки из городской ямы с материалом IV в. до н. э. [Алексеева, 1997, т. 182: 34] и крупная терракота «отдыхающего» Геракла из дома IV–III вв. до н. э. [Алексеева, 1997, с. 219, т. 195]. В культурном слое Горгиппии найдена обожженная глиняная форма для оттиска низкого рельефа (на алтарике?) – Геракл ведёт керинейскую лань [Алексеева, 1997, с. 219, т. 188: 97], встречен грузик с оттиском геммы – Геракл с палицей [Алексеева, 1997, т. 76: 6]. Из верхнего слоя городища происходит бронзовая фигурка Геракла первых веков н. э. [Алексеева, 1997, с. 219, т. 173]. Частые граффити «Н» на чернолаковой посуде, в том числе и среди сброса вотивов на месте святилища Деметры IV–III вв. до н. э., могут быть посвящены Гераклу.

***

Роль Геракла в росписи анапского склепа шире функции мифологического предка. Геракл – хтонический герой, его образ тесно связан с концепцией смерти и представлениями о посмертной судьбе. Геродот [II, 44] отмечает, что некоторые эллинские города воздвигают два храма Гераклу. В одном ему приносят жертвы как бессмертному олимпийцу, в другом – заупокойные жертвы как герою. Ему устраивали святилища и чтили его обильными трапезами, как при культовых действах хтоническим богам [Передольская, 1958]. Перед спуском в Аид Геракл проходит обряд очищения «от скверны после убийства кентавров», после чего он был допущен к участию в Элевсинских мистериях и через них оказался связанным с подземными богами [Apollod. II, 5, 12]. Поэтому на ольвийских монетах эпохи эллинизма сочетаются атрибуты Деметры и Геракла – изображение палицы помещено в венок из колосьев [Русяева, 1979, с. 142]. На о. Делосе святилище Геракла было построено вблизи Кабириона, а изображения его атрибутов, как и его самого, присутствуют в росписях ваз Фиванского Кабириона [Wolters, Bruns, 1940, s. 100, t. 24, 27, 34]. Кабиры – хтонические персонажи в культе Деметры.

В Гераклее Понтийской Геракл был признан учредителем погребальных агонов [Сапрыкин, 1978, с. 38]. В Херсонесе известны совместные изображения Геракла и Гермеса, что объясняется почитанием их обоих как богов подземного мира [Щеглов, 1964, с. 26]. Гермес был для Геракла проводником при спуске в Аид за Кербером, меч Гераклу подарил Гермес [Apollod. II, 4, 11].

Неординарность монументальной гробницы с обильной росписью и роскошь погребального инвентаря в склепе-II, а следовательно высокий социальный статус владельца погребального комплекса, объясняют появление образа Геракла на фресках его склепа. Росписи изображают семь членов семьи (видимо, и похороненных в раскопанных погребальных сооружениях): пять ликов на семейном портрете (рис. 5, *4*), включённом во фриз с деяниями Геракла, и два персонажа на люнете напротив входа (рис. 5, *1*,

2). Восьмой персонаж – маленькая фигурка писаря с диптихом и стилем в руках относится к разряду слуг (рис. 5, *3*). Писарь записывает речь главного персонажа, мужчины на люнете напротив входа. Седьмое захоронение (условно единичное) содержала скальная могила. В общей сложности в трёх погребальных сооружениях находилось не менее семи человек (отсутствие костных остатков позволяет условно предполагать одиночность захоронений в саркофагах. Саркофаг 1 в скальном склепе содержал двойное захоронение девочек с парными набором наглазников, нагубников и нагрудников. Два бородатых мужских лица на фресках склепа принадлежат разным людям: одно на люнете напротив входа, второе – в семейном портрете на боковой стене во фризе с Гераклом (рис. 5, *1, 4*). Персонаж с люнеты напротив входа, судя по окружающим его символам, – главное лицо во всём комплексе (основатель рода). Бородатый мужчина в центре семейного портрета – очевидно, старший сын главного персонажа с люнеты напротив входа. Он представлен в окружении своей семьи (с каждой стороны от него – по девушке и юноше). Изображение следующего за основателями семьи поколения – метафора развития рода.

Деяния Геракла размещены на фресках склепа в традиционной последовательности: в ранних подвигах он изображён молодым и безбородым, затем – возмужавшим и бородатым, что создаёт набором символов пространственно-временную перспективу свершившейся человеческой жизни. Путь Геракла символизирует путь главного персонажа росписи. Он доблестно прожил земную жизнь и, подобно Гераклу, получает право на посмертную. Высокая статусность владельца склепа подчёркнута его обликом зрелого бородатого мужа, позой, наличием слуги-писаря, семейственностью, атрибутом в левой руке, местом в росписи. Он выделен из родственной группы семейного портрета и помещён на главное место в склепе – на люнету напротив входа. Именно он уподобляет себя Гераклу, но его образ не слит с образом Геракла. Он не изображён в облике Геракла – например, как Александра Македонского или Митридата мы видим на скульптурных портретах с мордой шкуры льва на голове [АНК, Т. II, с. 82, рис. 1]. Представленная схема (достойно прожитая жизнь главы рода – деяния Геракла) предполагает для главного персонажа росписи превращение смертного в бессмертного (апофеоз), подобно Гераклу, заработавшему трудами хтоническое бессмертие. Это метафора посмертной судьбы совершенной человеческой жизни в понимании людей античной эпохи.

Знаком превращения в росписи склепа является пояс с масками, размещённый именно под фризом с подвигами Геракла. На нём полотнища, символически развешенные на крюках между масками, изображают театральные занавесы, нарисованные с тяжёлыми кистями и бахромой (рис. 3, *1*; 4, *1*; 6, *2–3*). Концепция жизни как игры представлена на одном из римских саркофагов из Веллетри со множеством насыщенных персонажами сцен в обрамлении сложных архитектурных профилей, несущих идею фасада скены римского театра [Andreae, 1963, s. 75; Акимова, 1991, с. 15, рис. 4–7]. Эту же концепцию отражают известные в некрополях Причерноморья раскрашенные гипсовые маски сатиров и актёров, которыми украшали саркофаги [Соколов, 1999, рис. 285, 287]. В связи с данной темой Е. А. Савостина [2010, с. 512] приводит меткое выражение

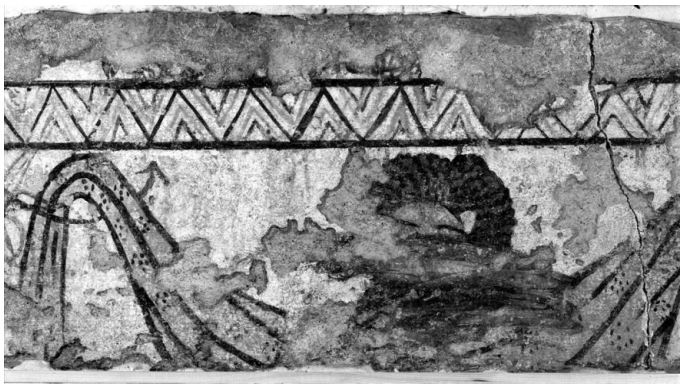
1

2

4

3

Рис. 6. Фрагменты фресок склепа-I (после реставрации): *1* – сегмент круга над головами семейной пары с люнеты стены напротив входа, внутри круга свернувшаяся змея; *2* – маска из фриза с занавесами; *3* – блок из фриза с занавесами и масками, лик смазан в древности; *4* – критский бык (на рогах руки Геракла)

Апулея (ок. начала II в.): «жизнь – театр, окончание жизни – завершение пьесы», снять маску жизни – значит умереть.

В перенасыщенном античном пантеоне персонажи пересекаются друг с другом и эволюционируют во времени. С Гераклом в античной мифологии связан обширный круг сюжетов и мифологических персонажей, в котором деяния двенадцати канонических подвигов являются лишь частью его образа, хотя и во многом основополагающей. В расписном склепе помимо фриза с деяниями Геракла в состав утраченного погребального инвентаря входила небольшая скульптура из белого мрамора, видимо, изображавшая Геракла, от которой уцелела только кисть руки с канфаром (рис. 7, *1*). В слое пожара одного из горгиппийских домов IV – середины III в. до н. э. найдена фрагментированная крупная терракота, на которой представлен возлежащий Геракл [Алексеева, 1997, табл. 182: 34]. Поза «терракотового» Геракла повторяет его образ с кубком в руке на каменных рельефах из Северо-Западного Крыма, где его культ был особенно популярен [Щеглов, 1964; Он же, 1978, с. 125, рис. 66: 2, 4]. Эти образы возлежащего с кубком Геракла, обычно называют «отдыхающим», однако, они, несомненно, являются символами какого-то определённого периода в переполненной деяниями судьбе героя, а никак не простой иллюстрацией его отдыха. Эту изобразительную схему, скорее всего, можно соотнести с ещё одним циклом из жизни Геракла – смертью-возрождением, связавшей его образ с Дионисом. В искусстве римской эпохи эта тема метафорически передавалась сценами опьянения Геракла Дионисом [Акимова, 1992, с. 27]. Дионисовский фон присутствует во всей росписи склепа. Дионис, бог превращений (в том числе и смерти в новую жизнь), угадывается в подтексте всех сцен – с Гераклом, с погребёнными, в сцене травли на люнете стены с дверью, в схеме главной сцены с её космологической структурой мира, в повторяющихся орнаментах. В первую очередь, скрытыми дионисовскими символами и знаками превращений наполнен фриз с театральными занавесами и масками.

Предначертанный Гераклу оракул, озвученный Софоклом в «Трахинянках» [Soph., Trach., 1165], пророчит ему смерть «от мёртвого», видимо, убитого им персонажа. Мифотворчество «обыгрывает» смерть героя разными сюжетами, что обусловлено, быть может, локальными традициями. По одной версии мифа смерть к Гераклу пришла от переданного женой Деянирой хитона, пропитанного кровью кентавра Несса и ядом лернейской гидры, ранее им убитых [Apollod., II, 6]. За этими персонажами и Деянирой стоит фигура «смертоносного бога» Диониса. Деянира сама – дионисийский персонаж: она дочь Ойнея, «который первым получил от Диониса в дар виноградную лозу» [Apollod., I, VIII, 1]. Л. И. Акимова [1991, с. 27] обращает внимание на один из фрагментов текста философа ок. рубежа VI–V вв. до н. э. Гераклита [Heracl., fr. 127], в котором говорится о тождестве Диониса и Аида. В первые века нашей эры это отождествление становится очевидным в свете «возрождения» древнего культа хтонического Диониса – Диониса Загрея, впитавшего видоизменённые ипостаси великого хтонического божества – Сабазия в синкретическом культе Диониса-Сабазия. Ему в Горгиппии ок. рубежа II–III вв. н. э., по-видимому, был выстроен храм, от которого сохранилось несколько мраморных кассет с ликами хтонических персонажей (см. ниже). Солярная символика росписи склепа I/75 г. помимо направленности к официальной генеалогии соотносится

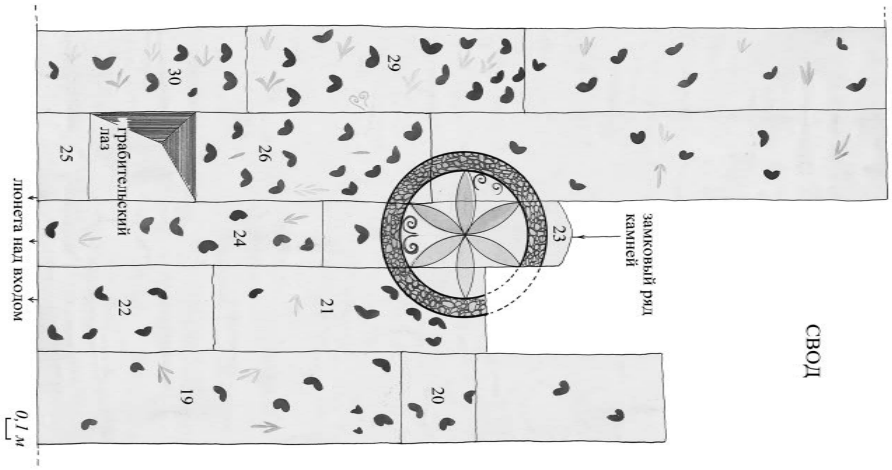
и с получившими распространение в позднеантичный период идеями синкретического культа Диониса-Сабазия и популярностью его мистерий. По мнению М. И. Ростовцева [АДЖ, 1914, с. 427–431], они нашли отражение в росписях пантикапейских склепов геометрического стиля 1873, 1901 и 1905 гг. (склепах сабазиастов). Росписи этих гробниц подчёркивают дионисовскую природу Сабазия сочетанием виноградной лозы с солярными символами – розеттами или крестами, вписанными в круг, и орлами, изображением мистических плясок и самого бога. Культ Сабазия является одним из направлений в развитии солярных верований. В первые века нашей эры он получил распространение в аристократических слоях общества. По представлению сабазиастов, «душа» в конце пути сливается с Солнцем; в склепах сабазиастов изображался орёл, как посвящённая Солнцу птица.

Чтобы получить бессмертие, Гераклу надо умереть. Ещё по одной из версий – у Сенеки [Sen. Her. Oet, 1291, 1359], Геракл вспоминает о гидре, как о причине своей смерти. Она выросла в болотах Лерны. По преданию в Лерне Дионис спускался в Аид, чтобы вывести оттуда свою мать Семелу. Гидра имела восемь смертных голов и одну бессмертноую, на которую Геракл не смел посягать. Однако в борьбе с гидрой он прибегнул к помощи Иолая и отрубил бессмертную девятую голову. Эврисфей не зачёл этот подвиг в число десяти назначенных, так как Гераклу помогал возничий его колесницы Иолай [Apollod., II, V, 2]. Лерна была стражем входа в подземный мир, который использовал Дионис, что позволяет мыслить его царём нижнего мира, а Лерну его стражем. Убивая бессмертного стража загробного мира, Геракл покушается на сферу влияния самого Диониса. В свою очередь, Диониса убивает Персей и бросает его в источник Лерны. Л. И. Акимова, предположила, возможность возмездия Диониса «Персеиду» Гераклу (внуку Персея) в соответствии с распространённым в античности принципом «возвращения преступления к преступнику». «Любая другая смерть была бы для героя окончательной. Но смерть, принесённая Дионисом, гарантировала ему обещенный апофеоз» [Акимова, 1991, с. 27].

Геракл одолевает – саму смерть. Большинство чудовищ змееподобно (змея – символ хтонической тьмы). Кербер по разным версиям имеет хвост в виде ядовитого змея или дракона. На его спине торчали, извиваясь, головы множества змей, – всё это указывает на его связь с заупокойным культом. Геракл победил лернейскую гидру со змеиными головами, уничтожив тем самым сотню хтонических божеств в образе змей, превзойдя Аполлона, убившего только одного змея – Пифона. Геракл одолел хтоническое чудовище – многоголового дракона, стража яблок бессмертия в саду дев ночи Гесперид. Все эти деяния олицетворяют победу сил света. Гераклу помогает сам Гелиос в путешествии за коровами гиганта Гериона, дав золотой кубок, чтобы переплыть Океан. Этой стороне культа Геракла созвучна солярная символика анапского склепа. Вся деятельность Геракла направлена на усовершенствование мира. В «Трахинянках» Софокла [Soph., Trach., 1024–1027] он говорит о пространственном покорении космоса: «мир обошёл я, и моря очищая и земли». С образом Геракла, богочеловека, могла отождествляться личность, обладавшая очень высоким социальным статусом – царь, полководец, видный политик.

1

2

3

Рис. 7. *1* – рука с кубком от скульптуры «отдыхающего»/«пирующего» Геракла из склепа-I-75, мрамор; *2* – роспись потолка склепа-I; *3* – кассета с ликом Медузы горгоны от горгиппийской культовой постройки II – начала III в. н. э., мрамор, культурный слой Горгиппии

***

Греческая идея: трудами достигнуть апофеоза в римскую эпоху сливается с идеей божества-спасителя. В первые века нашей эры на территории Римской империи на первый план выдвигаются боги-спасители, их функции добавляются к издревле известным культам (например, Зевс получает эпиклезу Сотер – Спаситель). Спасительную функцию Геракл получил нечеловеческими трудами, это его путь к собственному апофеозу. Согласно мифу, свершив назначенные ему дела, Геракл становится бессмертным богом, принятым на Олимпе. В анапском склепе в образе Геракла греческая концепция трудами и борьбой с тёмными силами достигнуть апофеоза соединяется с зарождающейся в первых столетиях нашей эры философией спасения (в первую очередь, от смерти) божеством.

Значимость земных дел главного персонажа в росписи склепа распространяется и на его семью. Семейный портрет сына размещён внутри арки – его семья удостоена храма (метафора образа неба на земле). Центральный персонаж с семейного портрета и сам достиг статусности: борода и семья, представленная рядом с ним, – условные «маркеры» и его достойно прожитой жизни.

Фриз с Гераклом символично завершается двумя апофеотическими сценами, размещёнными у самой двери: усмирив Кербера, он выводит из царства Аида трёхголового стража (рис. 8) и, наконец, перед самой дверью, одолев дракона, Геракл срывает золотые яблоки бессмертия, подводя погребённых в склепе к выходу в новый цикл бытия, провозглашая торжество жизни (рис. 9, *3–4*).

Общей символике склепа подчинены и полосы орнаментов, разделяющие фризы. Повторяющиеся на них непрерывной чередой узоры символизируют бесконечность времени. В древности такими орнаментами считались, например, узор бегущей волны и размещённая горизонтально восьмёрка. На одной из орнаментальных полос склепа I многократно повторён элемент, близкий к символу трезубца. Небрежность исполнения меняла число «зубцов» на фигурах, возможно, из-за непонимания рисовальщиком смысла изображаемого.

Каждую сцену с Гераклом сопровождают его символы – палица, шкура льва и лук в горите. Лук «в действии» показан однажды – Геракл стреляет в Стимфалийских птиц, горит при этом висит не ветке оливы. В остальных случаях (с неиспорченной росписью) лук висит в горите на ветке оливы в стороне от развивающегося в сцене действия. В склепе изображён лук скифского образца (длиной 60–80 см с круто изогнутыми «плечами»), наиболее популярный у кочевников евразийских степей. Лук, оружие охоты и успешного боя, в мифотворчестве многих народов мира является атрибутом богов, героев и успешных вождей при совершении ими всевозможных подвигов. В представлении древних он был наделён магической силой. В памятниках сакрального характера изобразительная традиция, начиная с VI в. до н. э., отводила луку роль определённого символа в семантике передачи сложившегося мировоззрения о трёхчастном строении мира. Отмечено, что в картинах с невоенным повествованием в семантической схеме признаков лук размещали в кронах деревьев, в верхней части колонн, то есть в зоне верхнего мира, в обители богов и героев – лук становится символом этого мира [Савостина, 1983]. В античной мифологии луком пользуются Аполлон, Артемида, Геракл, в первую

очередь для борьбы с тёмными хтоническими силами. Поэтому на фресках склепа лук Геракла встраивается в общую систему символов представленного мировоззрения, являясь «гарантом» победы над хтоническими силами на пути к апофеозу или реинкорнации погребённых. Подобным образом в расшифровке семантики изображений золотой пекторали из скифского кургана Толстая Могила лук признаётся предметом, маркирующим верхнюю зону трёхчастного космоса, передаваемого символом «мирового дерева» [Раевский, 1985, с. 201]. В анапском склепе, осуществив свою спасительную функцию по отношению к персонажам, заключённым в семейном портрете, Геракл «снимает» свой магический гарант – лук с верха оливы и, выходя из склепа, несёт его около локтя.

***

Главная сцена росписи склепа занимает всю люнету стены напротив входа (рис. 3, 2). Она отражает в изобразительной форме метафизическую концепцию мира. В основе мифологизированного мировоззрения лежит космологическая система с трёхчастным членением. Её трёхъярусная вертикаль соответствует представлению о трёх уровнях/мирах индоевропейской мифологии: подземном, земном и небесном. Каждый уровень маркируется определённым символом (набором символов), понятным людям своей эпохи. Скифская вертикальная модель мира также трёхчастна, но её уровни маркируют преимущественно средства зоологического кода. Набор символов античной культуры много сложнее: в нём задействовано всё многообразие мифологических персонажей со сложным сплетением функций. Люнету обрамляют два громадных стилизованных дерева (кроны почти уничтожены строительством до начала работ на склепе). Они олицетворяют сакральный образ мира, космос (всеобщий порядок в представлении древних). Изобразительная традиция античности и мира ираноязычных кочевников широко пользовалась приёмом передачи рано сложившейся космологической схемы через образ дерева, реже через его эквиваленты – колонну, тирс, орнаментальный мотив и даже меч в функции вертикальной оси. Символы в сознании древнего человека и его культовых представлений играли огромную роль. Они позволяли мгновенно, на интуитивном уровне устанавливать связь между мирским и сакральным. Символ – это древний метаязык культур. Соединение символов в стройную систему создавало метафизическую концепцию мира в изобразительной форме [Элиаде, 1990. с. 130 и сл.].

В росписи люнеты на уровне корней деревьев, где размещены саркофаги, мыслится подземный мир и царство Аида/Плутона/Танатоса. В средней зоне космоса на уровне стволов деревьев развивается земная жизнь. Связующим звеном этих двух миров на фреске являются две плывущие черепахи (по водам Стикса, реки, текущей из Океана в Подземный мир). Черепаха – хтонический символ – в частности, один из атрибутов Афродиты, связанный с хтонической стороной её культа. В святилище Аполлона в Дельфах находилась статуя Могильной (Тихой, Надгробной) Афродиты, перед которой совершались обряды с возлияниями и мистическими действами в честь усопших [Русяева, 2005, с. 309]. В I–II вв. н. э. в Северном Причерноморье амулеты в виде черепашек из египетского фаянса клали в детские погребения [Алексеева, 1975, с. 44,

табл. 12: 8, тип 60 б]. Образ черепахи, живущей на суше и в воде, соответствует мифологическому предназначению животного как связующего звена между миром живых и мёртвых.

В зоне земной жизни нарисована торжественно сидящая семейная пара в одеждах греческого образца. Семейный статус фигур определяют граффити на штукатурке: «ПА» («патер», отец) около головы мужчины и «МН» (мать) рядом с головой женщины. Два свитка (?) в левой руке мужского персонажа, возможно, являются подтверждением его статуса как главы рода и брачных уз. На боспорских надгробиях мужские персонажи также иногда держат в левой руке неясный предмет цилиндрической формы. Мужчина на люнете изображён произносящим речь, которую записывает слуга-писарь стилем на диптихе (маленькая фигурка юноши). В общем сюжете росписи пара олицетворяет владельцев склепа и основателей рода. Торжественная поза фигур, трактовка высокой спинки кресла с боковыми выступами, на котором сидит женщина, традиционны и для надгробных рельефов.

Наконец, кроны деревьев, геральдические позы двух роскошных павлинов по обе стороны широкого круга с двойной орнаментальной каймой, с уничтоженным строительством центральным изображением внутри круга определяют зону верхнего яруса космоса – зону обитания бессмертных богов и героев (детей божества, у которых только один из родителей был смертным и которые трудами удостаивались права на бессмертие). В центр зоны космоса, в широкий круг, скорее всего, был вписан лик Медузы горгоны. Предположение об утрате в росписи именно лика Медузы подтверждает уцелевшая в две петли змейка, которая судя по аналогиям, могла находиться, под подбородком этого образа (рис. 6, 1). Иконография Медузы эпохи архаики представляла её оскаленным чудовищем с высунутым языком, часто со змеями вместо волос – например, в культурном слое раннего греческого полиса на месте Анапы лик такого существа украшает медальоны внутри привезённых из метрополии чернофигурных киликов [Алексеева, 1997, рис. 20]. В искусстве классики Медуза превращается в юную сильную деву, возлюбленную Посейдона – такой она представлена на резной кости из сырцового склепа рубежа V–IV вв. до н. э. на курганном поле у пос. Уташ в окрестностях Анапы [Алексеева, 1991, с. 28–32, табл. 50]. В рельефах первых веков нашей эры вокруг вполне человеческого лица Медузы или у неё под подбородком сохраняются традиционные змейки. Например, в центре мраморной кассеты из горгиппийского культового здания II – начала III вв. н. э. (эпоха рассматриваемого склепа) под подбородком Медузы незаметно завязаны две змейки (рис. 7, *3)* [Алексеева, 1997, с. 101, рис. 20]. От фриза этого здания сохранились ещё несколько кассет с ликами Пана с рожками, юного сатира, ещё одной горгоны (без змеек?) и Гермеса Кадмилоса. Эти лики представляют круг божества, которому была посвящена постройка. Е. А. Савостина предположила, что она могла быть связана с культом Диониса, а «присутствие горгон среди фигур дионисовского цикла указывает на бога хтонического характера – Диониса-Сабазия». Гермес Кадмилос – одна из эпифаней Диониса, произошедшего от Кабира. В свою очередь, Кабиры в культе Деметры играют роль «подчёркнуто хтонического характера» [Савостина, 1980, с. 64–70].

Рис. 8. Фрески склепа-I. Две сцены на одном блоке (после реставрации):
Геракл ведёт коров Гериона; Геракл выводит из Аида стража царства мёртвых Кербера

В боспорских склепах уже встречался огромный лик Медузы. В разрушенном склепе 1902 г. на Глинище в Керчи с росписью в чисто инкрустационном стиле голова Медузы нанесена на оштукатуренную поверхность известняковой закладной плиты входа со стороны склепа [АДЖ-Атлас, табл. LXXI]. Медуза изображена с крыльями на голове и двумя змеями под подбородком. Опираясь на находку монеты Котиса II среди неполно уцелевших предметов погребального инвентаря, М. И. Ростовцев отнёс гробницу к первой половине II в. н. э. (находка монеты, впрочем, не мешает и более поздней датировке гробницы, вплоть до разрушений эпохи готского передвижения племён). Также и в керченском склепе 1873 г. в центре свода частично сохранился лик Медузы [АДЖ, с. 276, табл. LXV, 2]. М. И. Ростовцев объясняет появление образа Медузы в этих склепах его апотропеическим значением подобно изображениям «дурного глаза» на полах гробниц и зданий Италии и римских провинций. Примечательно, что в склепе 1902 г. взгляд Медузы направлен внутрь склепа и обращён «не против входящего, а против покойника, охраняя его от живых и преграждая ему выход (?) из гробницы [АДЖ, с. 275]. Апотропеической направленностью оцениваются М. И. Ростовцевым [АДЖ, с. 250] и пляски пигмеев, и безобразная голова сатира в склепе Сорака той же эпохи.

В анапском склепе утраченный лик Медузы горгоны венчал вертикальную ось люнеты, на линии которой размещён и главный персонаж всей росписи. Мыслимая вертикаль сцены «направляет» его именно туда – к павлинам и Медузе, кодирующим верхний уровень мироздания. Взгляд Медузы, можно уверенно предположить, был направлен к входной двери против входящих в гробницу. В контексте росписи рассматриваемого склепа (и других тоже) роль лика Медузы горгоны, я полагаю, была много шире простого апотропея (как и плясок пигмеев, и лика силена в пантикапейских склепах). Появление Медузы горгоны в центре главной фрески и громадного круга над главными фигурами всей росписи, скорее, обусловлено космической и хтонической силой этого образа, а также его символикой временной бесконечности. Медуза – «символ безначальности и бесконечности времени» [Акимова, 1991, с. 21], то есть вечности, дарованной апофеозом. Покидая мир, человек оказывается на пороге безвременья, которое сродни вечному существованию и состоянию блаженства. Возможно, в данном случае лик Медузы кодирует само состояние безвременья, к которому стремился умерший. Здесь можно провести параллель с символикой сцен «загробной трапезы», всегда помещаемой в верхней части многоярусных рельефных надгробий первых веков нашей эры, представляющих итог существования. Пройдя жизнь и преодолев смерть, герой-умерший «обретает блаженство в вечном и неизменном загробном мире» [Савостина, 1992, с. 361], присутствие в котором традиционно передавалось сценой заупокойной трапезы.

В свете верований поздней античности образ Медузы, видимо, включается в культовые представления дионисовской направленности. Не случайно, поэтому появление в Горгиппии во II – первой пол. III в. её лика вместе с образами дионисийского культа (Паном, сатиром, Гермесом Кадмилосом) среди кассет мраморного фриза уникального горгиппийского здания, возможно, связанного с хтоническим культом Диониса-Сабазия (=Диониса-Загрея). В этой цепочке равнозначных образов её роль не могла сводиться только к апотропею. В склепе 1902 г. дионисовскую сущность Медузы с закладной плиты раскрывает красота уцелевших росписей лицевых сторон саркофагов – раскидистый

куст винограда с великолепными лозами в кистях ягод. Плющ и виноградная лоза – символы бесконечности, обычные для культовых предметов хтонического свойства и символы бога Диониса. В культурном слое горгиппийского некрополя найдена пелика с красным лощением эпохи позднего эллинизма с граффити ритуального содержания: конные воины в геральдической постановке, попоны коней украшены узором солярной направленности (крестами) и мотивом бегущей волны (символ бесконечности), пляска карликов и стилизованно изогнутая виноградная лоза с кистями ягод на плечиках сосуда [Алексеева, 1980, с. 103–106, рис. 59]. Даже в ранние эпохи прослеживается связь Медузы с персонажами дионисийского культа – в орнаментике золотых фиал из богатых скифских курганов (Куль-обы, Солохи) сочетаются полосы из многократно повторённых ликов Медузы и Пана или сатира [Раевский, 1985, с. 175, рис. 34]. В анапском склепе лик Медузы в центре огромного солярного символа, помещённого в верхнем ярусе космической вертикали, видимо, имеет отношение к дионисийско-солярным представлениям эпохи поздней античности.

Появление мотива павлинов в росписях боспорских склепов М. И. Ростовцев относит к позднему эллинизму. В склепе 1891 г. конца I в. до н. э. птицы находятся на цветущей ветке розы. В склепе 1832 г. первой половины I в. н. э. два павлина напротив друг друга пьют из сосуда. В живописи римских христианских катакомб мотив павлинов и цветка розы получает преобладание именно в этот период рубежа тысячелетий, зарождаясь гораздо раньше [АДЖ, склепы 1832 и 1891 гг.]. Павлинам анапского склепа аналогична постановка птиц в склепе 1873 г., отнесённом М. И. Ростовцевым ко второй половине I–II в. н. э.: они размещены симметрично под гирляндами, головы на длинных шеях смотрят в обратную от туловища сторону. В росписях боспорских склепов М. И. Ростовцев рассматривает этих птиц как декоративный шаблон. Надо, однако, иметь в виду, что во всех учтённых случаях павлины изображены на люнетах, что соответствует верхнему уровню мироздания, и неоднократно в геральдических позах, что позволяет рассматривать их как соответствующие символы. В ряде культур павлины, как и орёл, являются солярным символом, в раннехристианском мире они становятся знаком бессмертия, украшая стены гробниц.

***

Наконец, роспись люнеты над входом в склеп также отражает философию жизни и смерти, здесь та же символика «мирового дерева» и солярных символов (рис. 4, 2). Внизу люнеты справа, у основания деревьев представлена сцена травли пятнистого оленя – с двух сторон его крупа небрежно нарисованы две бегущие собаки (?). Симметрично слева можно ожидать нечто подобное, но это место плотно закрыто высолами и ещё не расчищено. Никакие блоки этой люнеты, кроме сцены травли, не реставрированы и всё, что представлено на рисунке и в прорисях росписей стен, (рис. 3, 4) зафиксировано мной в моменты работы в склепе по контурам, проступавшим сквозь пропитанные грунтовой водой и загрязнённые землёй кальцинированные соли. Сюжет трави оленя несёт сакральную идею «благого терзания» –, наметившийся в скифском искусстве VII–VI вв. до н. э., развивавшийся далее в скифо-сибирском зверином стиле, а затем в произведениях греко-скифского и сарматского искусства. Изображение сцен

1

3

2

4

Рис. 9. Склеп-I. Спилы фресок (после реставрации): *1* – Геракл «добывает» пояс царицы амазонок Ипполиты; у него на спине – львиная шкура, лапы завязаны на груди, за головой – палица; амазонка сидит на гиппокампе (?), в правой руке – секира; *2* – Геракл с заступом перед водой в конюшнях Авгия; *3* – Геракл добывает яблоки бессмертия в саду дев ночи Гесперид; *4* – голова дракона из той же сцены

терзания связано с мифологизированными представлениями о вечной смене солнца и луны, дня и ночи, жизни и смерти [Мачинский, 1978, с. 132; Кузьмина, 1979]. Сцена терзания в анапском склепе помещена в нижней зоне вертикальной оси сюжетной композиции люнеты, что указывает на толкование нижней зоны как мира смерти. Показателен, видимо, и выбор животных для сцены преследования. У древних индоиранцев образ собаки связан с представлениями о смерти и пути в загробный мир, чем исследователи объясняют распространённую в савромато-сарматском мире традицию помещения собак в погребения [Литвинский, Седов, 1984, с. 161; Раевский, 1985, с. 192]. Объектом преследования выбрано копытное, в скифской космограмме они символизируют мир смертных [Раевский, 1985, с. 150]. Сцена терзания в нижнем регистре космической вертикали, подтверждает предположение о том, что смерть животных здесь совершается во имя возрождения, представляемого верхней зоной. Мифологема терзания, веками использовавшаяся в скифо-сарматским мире искусством звериного стиля, развивавшимся в соседстве с основанными в Причерноморье греческими полисами, не утратила актуальности и в первые века нашей эры. В могилах горгиппийского некрополя I–II вв. н. э. на центральных щитках золотых венков дважды встречены сцены терзания копытного хищником [Алексеева, 2014, с. 25–27, 29–30, рис. 3 и 6]. В саркофаге с мужским погребением из соседнего скального склепа II/75 г. на золотом окладе парадного оружия исполнена тиснением девять раз повторённая сцена терзания зайца орлом, известная в Прикубанье многими веками раньше, в частности, в погребальном инвентаре соседних с Горгиппией Семибратних курганов синдских царей (сер. V – нач. IV вв. до н. э.). Изображение сцен терзания (преследования) в первые века нашей эры не может быть только растянувшейся на века традицией. В это время, как показывает сюжетная линия росписи склепа, с возобновлением интереса к дионисийским культам, усиленным новыми идеями солярной линии, древний смысл символики сцен терзания вполне соответствует идее гибели ради обновления. Смерть рассматривается как непременное условие продолжения жизни [Фрейденберг, 1936.].

В середине люнеты над дверью, в нижнем поясе, стоят в геральдической позе на задних ногах два белых козлика, обведённые сдвоенными красно-чёрными линиями. Эта пара оппозиций упорядочивает горизонтальную плоскость пространства, противопоставляя, подобно вертикальной оси, «мир людей» и «мир иной». Часто фигуры в геральдических позах находятся по обе стороны какой-либо разделительной оси, роль которой может выполнять колонна, тирс, вертикальный растительный побег, сосуд, и всё то же дерево. В анапском склепе космическая ось между козликами только мыслится. В боспорских склепах противопоставлены с двух сторон дерева олень и собака (склеп 1872 г.), лошади (скл. Анфестерия), перед мыслимой осью размещены пантеры (скл. 1872 г.) и павлины (скл. 1873 г.), симметрично поставленные павлины пьют из сосуда (сосуд – эквивалент вертикальной оси, скл. 1832 г.). Символическое деление горизонтального пространства колонной отмечено на ритуальных терракотах и надгробных рельефах. Геральдическими композициями передавалась зеркальность двух миров. В скифской семантике ещё в IV в. до н. э. было отработано деление горизонтального пространства трёхчленной композицией и более сложными схемами с пятью деревьями, соответствующими четырём сторонам света и центру мироздания – омфалу

[Топоров, 1980; Раевкий, 1985, с. 97–98], примером чему может служить сложное сочетание ярусов, наиболее ярко представленные на золотой пекторали из скифского кургана Толстой Могилы [Мачинский, 1978; Раевский, 1985, с. 181 и сл.].

На самом верху люнеты стены с дверью, под сводом склепа, нарисованы два венка. Они составлены, как кажется, хвойными ветками, что может быть намёком на «участие» культа Сабазия, символом которого являлся кедр, шишка, а в упрощенном варианте хвойная веточка. Внутрь правого венка помещено деревце с красными плодами, заполнение второго венка до реставрации остаётся неясным. Такие плоды мы видим в орнаментике склепов сабазиастов.

Список литературы

Акимова, 1991. Акимова Л.И. Трансформация греческих мифов в позднеантичном искусстве (цикл «Подвиги Геракла») //Сообщения Государственного музея Изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (СГМИИ). 9.

Алексеева, 1975. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. I //САИ. Вып. Г1–12.

Алексеева, 1977. Алексеева Е.М. Фрагменты расписной штукатурки первых веков нашей эры из Пантикапея //История и культура античного мира. М.

Алексеева, 1980. Алексеева Е.М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии //Горгиппия. Т.I. Краснодар.

Алексеева, 1987. Алексеева Е.М. К изучению коропластики Горгиппии //КСИА. 191.

Алексеева, 1991. Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.

Алексеева, 1997. Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М.

Алексеева, 2009. Алексеева Е.М. Коропластика в Горгиппии. ДБ. 13.

Алексеева, 2014. Алексеева Е.М. Аспекты культа Афродиты в Горгиппии (поздний эллинизм и первые века нашей эры) //ДБ. 18.

Бертье-Делагард, 1911. Бертье-Делагард А.Л. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами //ЗООИД. XXIX.

Блаватский, 1956. Блаватский В.Д. Фанагорийскуая стенная роспись //МИА. 57.

Борухович, 1972. Борухович В.Г. Античная мифография и «Библиотека» Аполлодора // Аполлодор. Мифологическая библиотека. Приложения. Л.

Бураков, 1966. Бураков А.В. Известково-гипсовые карнизы и фрески Козырского городища //Культура античного мира. М.

Гайдукевич, 1949. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. Л.

Грач, 1974. Грач Н.Л. Терракотовые статуэтки из кургана Большая Близница //Терракотовые статуэтки: Подонье и Таманский полуостров. САИ. Г1–1.

Гущина, 1969. Гущина И. И. Янчокракский клад //Древности Восточной Европы. М.

Журавлёв, 2010. Журавлёв Д. В. Памятники греческого и римского периодов. Государственный Исторический музей //АНК. III.

Зограф, 1951. Зограф А. Н. Античные монеты //МИА. 16.

Казаманова. 1969. Казаманова Л. Н. Введение в античную нумизматику. М.

Кобылина, 1961. Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Фанагории //Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. САИ. Г1–1

Кобылина, 1978. Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М.

Кошеленко, 2010. Кошеленко Г. А. Религия и культы //АНК. II.

Кругликова, 1974. Кругликова И. Т. Терракоты из Горгиппии //Терракотовые статуэтки: Придонье и Таманский полуостров. САИ. Г1–11.

Кузьмина, 1977. Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племён Средней Азии и других народов Старого Света //Средняя Азия в древности и средневековье. М.

Кузьмина, 1979. Кузьмина Е. Е. Сцена терзания в искусстве саков //Этнография и археология Средней Азии. М.

Литвинский, Седов, 1984. Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М.

Максимова, 1962. Максимова М. И. Античные геммы и их оттиски на фрагментах глиняных сосудов //МИА. 103.

Масленников, 1986. Масленников А. А. Геракл Савромата II //Памятники античной культуры. М.

Мачинский, 1978. Мачинский Д. А. Пектораль из Толстой могилы и великие женские божества Скифии //Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., Гос. Эрмитаж.

Неверов, 1968. Неверов О. Я. Митридат Евпатор и перстни-печати из Пантикапея //СА. 1.

Новичихин, Галут**,** 2013. Новичихин А. М., Галут О. В. Золото Горгиппии. Анапа – Краснодар.

Орешников, 1887. Орешников А. В. Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. М.

Передольская, 1958. Передольская А. А. К вопросу о хтоническом культе Геракла на Боспоре //ТГЭ. II.

Раевский, 1985. Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. М.

Ростовцев, 1914. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб. 1914.

Русяева, 1979. Русяева А. С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев.

Русяева, 2005. Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев.

Савостина, 1980. Савостина Е. А. Об архитектурных фрагментах из Горгиппии //Горгиппия. I.

Савостина 1983. Савостина Е. А. К символике изображения лука на Боспоре //СА. 4.

Савостина, 1992. Савостина Е. А. Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 10.

Савостина, 2010. Савостина Е. А. Искусство //АНК. II.
Сапрыкин, 1978. Сапрыкин С. Ю. О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма //СА. 1.
Сапрыкин, 1983. Сапрыкин С. Ю. Золотая пластина из Горгиппии //СА.1.
Сапрыкин, 1985. Сапрыкин С. Ю. Аспургиане //СА. 2.
Сапрыкин, 2002. Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.
Сапрыкин, 2006. Сапрыкин С. Ю. К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н. П. Сорокиной //Труды ГИМ. 159.
Соколов, 1999. Соколов Г. И. Искусство Боспорского царства. М.
Сокольский, 1976. Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.
Спицын, 1909. Спицын А. А. Фалары Южной России //ИАК, 29.
Топоров, 1980. Топоров В. Н. Дерево мировое //Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М.
Финогенова, 1987. Финогенова С. И. Группа золотых перстней из Анапы //СГМИИ. 8.
Фрейденберг, 1936. Фрейденберг О. [М]. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. Л.
Фролова, 1978 Фролова Н. А. О времени правления Динами //СА, 2.
Фролова, 1997. Фролова Н. А. Монетное дело Боспора. Ч. I, II. М.
Шелов, 1956. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора. М.
Щеглов, 1964. Щеглов А. Н. Подвиги Геракла по памятникам Херсонеса Таврического. Л.
Щеглов, 1978. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.
Элиаде, 1990. Элиаде М. (Фадеева Т. М.). Символика, сакральное и искусство //Личность и общество в религии и науке античного мира (современная зарубежная историография). Реферативный сборник к XVII Международному конгрессу исторических наук (Мадрид, август 1990 г.).
Andreae, 1963. Andreae B. Studien zur romishen Grabkunst (9-es Erganzungsheft zur Romishen Mitteilungen). Heidelberg.
Bulard, 1918. Bulard M. Peintures murales et mosaiques de Delos //Monuments et Memoir es fond E. Piot. V. XIV. Paris.
Mau, 1882. Mau A. Geschichte der decorativen Wandmalerei in Pompei. Berlin.
Podossinov, 2002. Podossinov A. V. Am Rande der griechischen Oikumene //Das Bosporanische Reich. 2002 /Mainz am Rhein.
Treister, 2003. Treister M. Yu. The Date and Significance of Tombe II at Gorgippia (1975 excavations) //Ancient Civilizations from Scythia to Siberia (ACSS) 2003. 9, 1–2. Leiden.
Ustinova, 1999. Ustinova Ju. The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom: Celestial Aphrodite and the Most High God. Lieden; Boston; Koln.
Wiegand, Schrader, 1904. Wirgand T., Schrader H. Priene. Berlin.
Wolters, Bruns, 1940. Wolters P., Bruns G. Das Kabirion – Hailigtum bei Theben. Berlin

Summary

E. M. Alekseyeva
Interpretation of the fresco painting of Tomb I at Gorgippia (from the excavations of Anapa in 1975)

In 1975, a stone sepulcher with a semi-cylindrical roof and frescos, ransacked in ancient times, was explored in Anapa on a privileged necropolis site (the ancient city of Gorgippia). It was full of groundwater. On the threshold of winter, the sepulcher was dismantled into blocks and frescos were sawn off with the stonelayer for restoration. It is performed manually, some frescos are back from restoration. Mural paining is performed in a mixed encrusted and floral style, which is typical of the Bosporan sepulchers of the 2nd – first third of the 3rd centuries A. D. There are several storylines.

Ornamentation is dominated by solar symbols, which became widespread in Bosporus after its inclusion in the Kingdom of Pontus under Mithridates VI, who traced his genealogy to the Achaemenid dynasty of ancient Persian tsars, and corresponded to Mithra, the main cult of the Iranian world. The star as the emblem of the dynasty continued to be embossed on coins by the ancestors of Mithridates even when Bosporus was no longer part of the Kingdom of Pontus. Solar cults were common in the neighboring Iranian-speaking Sarmatian world, in the 2nd and early 3rd centuries the star was embossed on the coins of Bosporan dynasty with Sarmatian roots.

The second storyline of the murals is represented by the frieze with the canonical labors of Heracles, it is divided into several aspects. Genealogical line serves as the basis for one aspect. Mythological descendants of the late Bosporan dynasty Poseidon and Heracles are called epigraphies; the symbols of these cults, as dynastic emblems, were embossed on the coins of most of Bosporan tsars in the 2nd and 3rd centuries A. D. In the ancient world, many dynasties traced their genealogy to Heracles. The clan of sepulcher owners descended from the mythological ancestor, Heracles, and was related to the ruling dynasty. The sepulcher owner could hold one of the main magistracies in Gorgippia, a big port city bordering the steppe world of nomads, or be the tsar's co-regent and have his own residence in the city.

The role of Heracles in the sepulcher mural paintings is broader than that of a mythological ancestor. He is a chthonian character and his figure is associated with the concept of death and beliefs about the afterlife. The sepulcher owner identifies himself with Heracles, which only an outstanding personality, who holds a decent place in social hierarchy, could afford. Similarly to Heracles, who completed the labors he was destined for, the main character of the murals lived a valiant life and was awarded the apotheosis (immortality). The Heracles cycle on the sepulcher walls is a metaphor of the afterlife following perfect human life as ancient people saw it.

The mark of afterlife transformation and the life and death concept in the sepulcher is the frieze with masks amid the act drops with the imagined ancient cult of chthonian Dionysos-Zagreus behind them, who was cut to pieces by the Titans yet regenerated by Zeus, the syncretic cult of Dionysos-Sabazios, which was enriched through Sabazios with the new beliefs that were solar in nature. There was a place of worship devoted to him in Gorgippia in the 2nd and 3rd centuries.

The mural on the main wall on the lunette opposite the entrance represents the metaphysical concept of the world. Its three-tier vertical line reflects the idea of three worlds in the Indo-European mythology – underworld, world and overworld. Each level is marked by a certain set of symbols. The cosmological model of the world is conveyed through the image of a tree, which embodies holy image of the world, i.e. the universe (universal order as ancient people saw it).

The frieze with the labors of Heracles includes family portrait of the genearch's eldest son – this is a metaphor of endlessness of the family. In the Roman epoch, the Greek concept of the apotheosis achievement through labors flows into the emerging philosophy of salvation by a god (primarily from death). The main character of the mural, the forefather, was the only one to be awarded the apotheosis after death. The frieze with the labors of Heracles ends with two scenes – he takes Cerberus, that guarded the entrance of the infernal regions, out of the realm of death and picks the apples of immortality in the Garden of the Hesperides (the daughters of Night). Painted before the sepulcher exit, these scenes are a metaphor of reincarnation (metamorphosis) of the portrayed family members to a new lifecycle.

А. В. Бонин, Н. В. Завойкина
(Институт археологии РАН, Москва)

Новая надпись из раскопок Ильичевского городища

Объект археологического наследия «Городище и поселение Ильичевка» (гос. № 3337)[1] расположен на северо-восточной окраине пос. Ильич Темрюкского района Краснодарского края (северо-западная часть Фонталовского полуострова). Памятник известен с позапрошлого столетия[2] и состоит на государственной охране согласно постановлению Совета Министров РСФСР от 4.12.1974 г. № 624. Категория охраны – памятник археологии федерального значения.

Раскопки 2015 г. были обусловлены строительством кабельного перехода через Керченский пролив в рамках реализации государственного проекта «Сооружение электросетевого Энергомоста Российская Федерация – полуостров Крым»[3]. Наиболее интересные результаты были получены на раскопе 1, где выявлен и исследован многослойный хозяйственный комплекс, предварительно датируемый I–VI вв. н. э. В состав его входят каменные основания стен, многочисленные хозяйственные ямы и пифосы (на раскопе зафиксировано более двухсот объектов, в основном это хозяйственные ямы). Здесь же, при разборе каменной кладки (объект № 18), в западной

[1] Поселение Ильич 1 по карте Я. М. Паромова.

[2] Впервые памятник 17 июня 1794 г. посетил П. С. Паллас [1883, с. 89]. Позднее здесь побывали Дюбуа де Монпере [Dubois. 1843, p. 44], Я. М. Лазаревский [1861, с. 30–31], упомянувший кроме «батареи» ок. хут. Гервасия и на восток от дороги 12 курганов (8 вокруг крепости и 4 по дороге [Герц. 1898, с. 142]). В 1869 г. батарею возле хут. Гервасия посетил В. Г. Тизенгаузен, который в том же году получил известие, что в 1/2 версты от Кордона, близ хут. Косенко (совр. Ильич), в кургане вымыт дождем «большой камень с резными украшениями» – акротерий коринфского ордера [Герц, 1898, с. 143, рис.]. В следующем 1870 г. В. Г. Тизенгаузен провел первые раскопки на памятнике [ОАК 1870/71, с. XII–XIV]. Было заложено 6 раскопов в разных местах крепости. Однако результаты раскопок не заинтересовали Тизенгаузена и он более не возвращался к исследованию городища. В 1926 г. памятник привлек внимание А. С. Башкирова [1927, с. 34 –35]. Он характеризует его как «огромное городище, поверхность которого усеяна массой культурных остатков, имеет в своей северо-восточной части ряд больших возвышенностей… И размеры городища, и его насыпи говорят о том, что в древности здесь был крупный населенный пункт, об этом говорят и те цепи курганов, которые направляются сюда с восточной части п-ова». С Ильичевским городищем был визуально знаком С. Ф. Войцеховский [1929, с. 29]. В 1949 г. на Ильичевском городище работала археологическая экспедиция под руководством Д. Б. Шелова. С 1967–1967 гг. экспедиция ИА АН СССР под руководством Н. И. Сокольского проводила раскопки Ильичевского городища. Позднее эту экспедицию возглавила Э. Я. Николаева, 1974–1991 гг. В 1996 г. и 1997 г. Ильичевской экспедицией ИА РАН руководил А. А. Завойкин.

[3] Общая площадь землеотвода под объекты строительства составляет 27928 кв. м (из них 24850 кв. м под размещение ПП «Кубань», подъездной дороги в ВЛ 10 (6) кВ и 3078 кв. м на участке устройства инженерной защиты берега.

её части, был обнаружен фрагмент мраморной плиты с надписью. Он был заложен в основание кладки, высота который не менее 0,32 м.

Размеры обломка 160×155 мм, высота букв: 14–15 мм, междустрочное расстояние: 5–7 мм (рис. 1, 2). Буквы в строках вырезаны аккуратно, они равновеликие и соразмеренные, расположены на одинаковом расстоянии друг от друга. Шрифт характеризуется наличием лапидарных форм букв, что сохраняет строгость и единообразие в облике текста[4]. Надпись датируется концом I – не позднее 40-х годов II вв. н. э. [Книпович, Болтунова, 1962, с. 22–23, табл. III. 4–5][5] Хронологические признаки следующие: у *альфы* и *лямбды* верхний край наклонной правой гасты выступает за её пересечение с левой гастой; *омикрон* – одинакового размера с остальными буквами[6]; *эта* – с центральной перекладиной, соприкасающейся с боковыми гастами; *тхета* в форме овала с прямой линией в центре буквы; *каппа* вырезана с плавно изогнутыми «усиками»; линии центральной части *мю* выходят из верхних краев боковых гаст и образуют угол в центре; *ро* с маленьким сегментом на высокой ножке; *фи* имеет маленький овал в центре вертикальной линии; *омега* в форме полукруга с загнутыми внутрь краями, под которыми вырезаны две короткие черты.

Надпись:

1. – 7 – τοῦς ν[αῦς? ἡ θίασος[7] θεᾶς Ἀθ]–
2. [ροδί]της περὶ ἱ[ερέαν τὸν δεῖνον τοῦ δεῖνος καὶ *ἱερομάστοραν*?]
3. Ἠρζά(ν) Ζομφλι[ου (?) καὶ λοιποί θιασῶται Φαρ]–
4. νακίωνος Φιλ[ώτου (?), ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος]
5. Ἀγαθοῦς Χρήσ[του, ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος]
6. [Θ]εόκριτος Λ[– ? –, ὁ δεῖνα …]
7. [–]πιαμους, [ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος ἐν τῷ . . .]
8. [ἔ]τει[καὶ μηνί – ? –]

Перевод: « … *храма фиас Афродиты* во главе со жрецом … *и гиеромастром* Герзой сыном Зомфл [ия?] *и остальные фиасоты*: Фарнакион сын Фил [ота?], …, Агафус сын Хреста, …, Теокрит сын Л [-? -], *такой-то* сын –пиама, …, *в году … и месяце* …».

1 стк. Верхняя горизонталь *тау* частично уничтожена сколом, но виден ее правый край. Лексема ΤΟΥΣ может рассматриваться как артикль gen. pl. musc. или окончание существительного в аккузативе. Перед ΤΟΥΣ виден нижний фрагмент косой черты,

[4] Сочетание лапидарных и курсивных форм букв встречается в надписях примерно с 60–х годов I в. н. э. [Книпович, Болтунова, 1962, с. 23–24].

[5] Важным хронологическим репером является форма *омикрон* (см. прим. 6). Среди датированных надписей конца I – 30-х гг. II вв. н. э., имеющих аналогии с шрифтом публикуемой надписи, следует упомянуть: две почетные надписи из Пантикапея 90-х гг. (CIRB–Album 42, 43), манумиссию 105 г. (CIRB–Album 1021), посвятительную надпись из Фанагории 105 г. (CIRB–Album 1045), посвятительную надпись из Горгиппии 110 г. (CIRB–Album 1015), почетную надпись из Пантикапея 117 г. (CIRB–Album 44) и др.

[6] Т. Н. Книпович и А. И. Болтуновой отмечается использование маленького омикрона в эпиграфических документах трех периодов: 1) во II – середине I вв. до н. э.; 2) в 60–90-е гг. н. э.; 3) в 30–70-е годы II в. н. э. [Книпович, Болтунова, 1962, с. 19, 22, 24].

[7] Здесь может стоять и слово о σύνοδος , поскольку в первые века термины фиас и синод были практически равнозначными в употреблении [Завойкина, 2013а, с. 34–37].

Рис. 1. Надпись частного сообщества из Ильичевского городища

который может принадлежать *альфе* или *каппе*. Следующее за τους слово начинается на *ню*. Сохранившиеся буквы позволяют предложить, например, чтение τοῦς ν[αῦς?]. О возведении или восстановлении храмов разных богов говорится в нескольких боспорских надписях (КБН 63, 829, 942, 1014, 1115.6, 1134.7)[8]. Предлагаемое восстановление слова τοῦς ναῦς в связи с деятельностью частного сообщества (см. ниже) имеет прямую аналогию в боспорском лапидарии. Так, надпись из Горгиппии сообщает о том, что храм Посейдона и его статуи были восстановлены попечением фиаса навклеров (КБН 1134.7). Соответственно, в надписи может идти речь о каком-то мероприятии фиаса, связанного с местным храмом. Уверенная реконструкция имен Агафа и Феокрита в 5 и 6 стк. надписи (см. ниже) показывают, что от левого края плиты скол уничтожил в начале 3–8 строк по одной букве. Следовательно, в 1 стк. ушло в скол от левого, начального края надписи, 5–6 букв, а во 2-й стк – 3–4 буквы. Длина строки надписи не вычисляется, но определенно, что в 3–7 стк. было вырезано по два полных имени.

2 стк. Здесь читается словосочетание -της περὶ ι-… После *ро* вырезана *йота*, далее следует в центре строки небольшая выбоина, затем вертикальная черта – еще одна *йота*[9]. Сохранившиеся буквы позволяют восстановить формулу περὶ ἱ[ερέαν]. Она хорошо

[8] Подборку эпиграфических сведений о связи деятельности различных частных сообществ с различными святилищами и храмами см. [Associations in Greco-Roman World, 2012, с. 221–240].

[9] Принять последние две вертикали и выбоину по центру между ними за эту невозможно, поскольку и 2-й и в 4-й стк. имеем прекрасной сохранности образцы эты, которую резчик использовал в надписи.

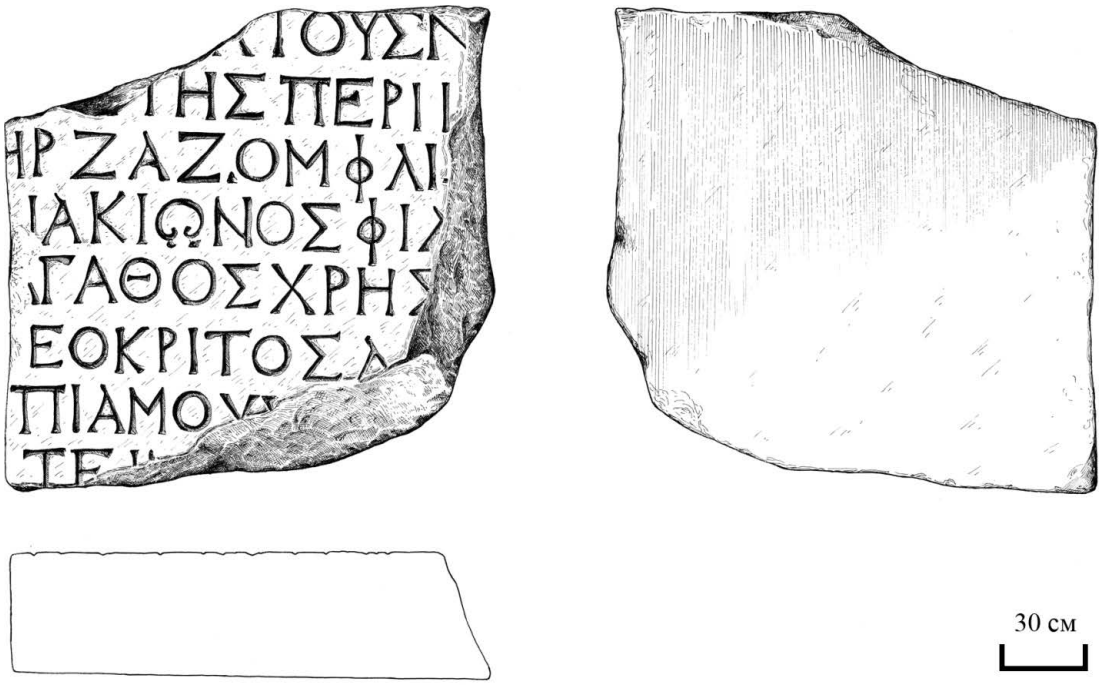

Рис. 2. Прорисовка надписи частного сообщества

известна по надписям частных сообществ городов Боспора конца I–III вв. н.э.[10] Таким образом, публикуемая надпись предположительно относится к документам частных сообществ. В названиях сообществ иногда упоминается имя божества, которому посвящен частный союз, или его полное название[11]. Флексия -της перед περὶ ἱ[ερέαν], видимо, может принадлежать названию сообщества [ἡ θίασος θεᾶς Ἀθροδί]της. Ближайшая и пока единственная аналогия из боспорского лапидария обнаруживается в надписи КБН 1054 (Гермонасса, II в. н. э.): … θεᾶς Ἀφροδείτης σύνοδος περὶ … [Завойкина, 2013, с. 81–82]. В посвятительных надписях частных сообществ после начальной формулы «ἡ θίασος/ὁ σύνοδος περὶ ἱερέαν…» следует, как правило, имя и отчество жреца, звания и имена с отчествами (или без них) других членов правления сообщества [Завойкина, 2013, с. 19, 252, 257–258]. Список членов правлений частных сообществ обычно стоит в надписях, неважно в посвятительных актах или надгробиях фиасотов, в аккузативе.[12]

3 стк. В начале строки читается личное имя и отчество одного человека: Ἠρζά(ν) Ζομφλι [ου?]. Левая вертикаль *эты* в имени Ἠρζά(ν) уничтожена сколом. В конце строки после *лямбды* сохранилась вертикальная линия, которая может принадлежать *йот* или

[10] Аналогии: КБН 80, 81, 92, 94–96, 98, 99 и пр.

[11] КБН 137 – фиас сверстников; КБН 1134 – фиас навклеров; КБН 1055 – фиас почитателей Афродиты; КБН 1259 – фиас «справляющих день бога Танаиса» [Завойкина, 2013а, с. 102–105]. Полные названия большинства частных сообществ Боспора остаются не известными.

[12] В первые века н. э. в боспорских надписях нередко встречается альтернация в падежах однородных членов предложения. В надписях фиасов это явление выражается в том, что имена членов правления, рядовых фиасотов могут быть вырезаны в разных падежах, в аккузативе и в номинативе [Ходорковская, 1966, с. 474–476].

эте. В LGPN IV засвидетельствовано имя Ἠρζῆς (gen. Ἠρζέως)[13]. Следовательно Ἠρζᾶ (v) является аккузативом, в котором выпал концевой *ню*[14]. Предлагается предположительное восстановление отчества Эрдза как Ζομφλι[ου?]. Это имя не встречалось прежде. Имя Эрдза не может принадлежать жрецу сообщества, поскольку после реконструкции звания жреца и его полного имени во 2-й стк. остается достаточно места для восстановления, по крайней мере, еще одного фиасного звания перед именем Эрдза сына Зомфили (я?). После звания жреца на втором месте в иерархии частных сообществ Боспора упоминаются звания *синагога* или *гиеромастра*, которые были, по всей видимости, равнозначными по функциям. Их отличает только место использования: звание *гиеромастра* известно пока только в надписях Фанагории, Гермонассы и их округи [Завойкина, 2013, с. 40–42]; звание *синагога* отмечается в надписях Пантикапея и других городов европейского Боспора, Горгиппии, Танаиса [Там же, с. 40]. Можно предположить, что Эрдза был *гиеромастром* нового частного сообщества.

4 стк. Первая буква *ню* частично уничтожена сколом, как и правая гаста *лямбды* в конце строки. Сохранившиеся буквы позволяют достаточно уверенно восстановить имя в номинативе [Φαρ]νακίωνος. Следующие три буквы ΦΙΛ являются, скорее всего, началом отчества Фарнакиона. Имена с композитом φίλος в греческом ономастиконе известны в достаточном количестве. Среди населения Боспора встречены такие имена как Φιλάγαθος, Φιλάδελφος, Φιλέταιρος, Φιλήμων, Φιλῖνος и др.[15] Поэтому *exempl. grac.* предлагаем восстановление Φιλ[ώτου][16]. Отличие в падежах личных имен в 3–й и 4–й строках позволяют восстанавливать еще один обязательный элемент надписей фиасов «… καὶ λοιποί θιασῶται…» – и остальные фиасоты[17]. После него всегда следует в посвятительных надписях список имен фиасотов в номинативе (иногда имена ставились и в генетиве)[18]. О том, что публикуемый фрагмент относится к посвятительным надписям частных сообществ Боспора, а не надгробиям, свидетельствуют имена в 4–7 строках. В надгробиях фиасотов после καὶ λοιποί θιασῶται обычно следует формула: ἀνέστησαν τὴν στήλην + имя погребенного + μνῆμης χάριν. По всей видимости, в 4-й строке должно было стоять имя еще одного фиасота в номинативе [ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος].

5 и 6 стк. В начале этих строк, бесспорно, восстанавливаются имена в номинативе [Ἀ]γαθοῦς и [Θ]εόκριτος. В 5 стк. от *альфы* в начале строки сохранилась правая гаста и часть центральной перекладины, а в конце этой же строки видна верхняя часть *сигмы*.

[13] LGPN IV, s. v. Издатели LGPN IV относят имя Эрдза к греческой антропонимии Боспора.

[14] Выпадение концевого ню в acc. sing. перед новым словом отмечается в боспорских надписях первых веков (ἡ περὶ ἱρεά – КБН 90, 91, 988, 1054; καὶ ἱερομάστορα – КБН 988, 1054 и др.).

[15] Список имен на Φιλ– см.: КБН 904–905; LGPN IV, s. v.

[16] Среди имен на Φιλ– в первые века н. э. на Боспоре Филот наиболее встречаемое имя (КБН 103, 535, 680, 712, 1140, 1260, 1287).

[17] В Горгиппии первых веков новой эры имеются обширные списки граждан, имена которых вырезаны в номинативе (КБН 1140, 141, 1142, 1179). Однако тип этих документов не ясен из-за плохой сохранности начальных строк документов.

[18] В надгробиях фиасотов на Боспоре после фразы καὶ λοιποί θιασῶται, которая могла стоять и в генетиве, не писались личные имена рядовых участников частного сообщества. Предполагать, что эти имена, относятся к эпимелетам затруднительно, поскольку выражения διὰ ἐπιμελείας или ἐπιμελειτῶν, которые вводят списки эпимелетов, требуют управления в генитиве.

Уверенно восстанавливается отчество Агафа: сын Хреста (Χρήσ[του]). В конце 6 стк. после *сигмы* сохранилась верхняя часть буквы, которая может принадлежать *альфе* или *лямбде*. Следовательно, отчество Феокрита начиналось на одну из этих букв.

7 стк. Здесь читается [-]πιαμου. Нижняя часть *ипсилон* уничтожена сколом. После нее виден верхний край гасты следующей буквы, но не ясно, какой именно (*сигма*, *пи*, *мю*). Имен с композитом -πιαμος (-ας) в греческой антропонимии обнаружить не удалось[19]. Генетивное окончание указывает, что это, возможно, отчество одного из фиасотов. Его личное имя располагалось в конце 6 строки.

8 стк. Видны верхние части *тау* и *эпсилон*, их нижние части частично ушли в скол. Вычитывается –τει–. Эти буквы могут принадлежать имени фиасота. Возможен и иной вариант реконструкции. Посвятительные надписи частных сообществ Боспора иногда завершаются календарной датой по формуле: ἐν τῷ... ἔτει καὶ μηνί … – в таком–то году и таком-то месяце, числа … (КБН 100, 1277, 1278, 1279 и др.).

Итак, публикуемая надпись является, возможно, посвятительным актом фиасотов. Предполагаем, что это сообщество имело небесным покровителем Афродиту, имя которой входило в название фиаса. Поводом для установки надписи стало какое-то мероприятие этой религиозной ассоциации, каким-то образом связанное, видимо, с местным храмом богини. Подобный лапидарный памятник встречен на Ильичевском городище впервые. Он пополняет наши представления о сакральной и общественной жизни на этом поселении и расширяет список имен его жителей во второй половине I – первой половине II вв. н. э. Особое внимание следует обратить на тот факт, что впервые подобного рода документ встречен за пределами городских центров. Однако осмысление этого факта выходит за рамки настоящей работы[20]. К этому вопросу предполагаем вернуться в ближайшее время.

Список литературы

Башкиров, 1927. Башкиров А. С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. //Труды этнографо-археологического музея МГУ. 3.

Войцеховский, 1929. Войцеховский С. Ф. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшего времени //Записки

[19] Опирались на данные, собранные в LGPN I–Va.

[20] Прежде был известен только один случай – надгробие фиасота КБН 1016 из станицы Ахтанизовской. Однако сравнительный анализ эпитафии КБН 1016 и надписей фиасов из Фанагории, а также факт вывоза камня с городища Фанагории в 20-е годы XIX в. для строительства церкви в станице Ахтанизовская позволили со значительной долей вероятности включить эту надпись в число памятников Фанагории [Завойкина, 2013б, с. 242–243.]

Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону. III.

Герц, 1898. Герц К. К. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1870 (Собр. соч. изд. 2-е: СПб.).

Герц, 1976. Герц К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. М.

Завойкина, 2013а. Завойкина Н. В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М.

Завойкина, 2013б. Завойкина Н. В. Фанагорийское общество (по материалам эпиграфики) //Фанагория, 1. Материалы по археологии и истории Фанагории. М.

Книпович, Болтунова, 1962. Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерк лапидарного письма на Боспоре //НЭ. III.

Лазаревский, 1861. Лазаревский Я. М. Курганы Таманского полуострова //ИАО. II.

Паллас, 1883. Паллас П. С. Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова на Тамань //ЗООИД. XIII.

Сокольский, 1966. Сокольский Н. И. Отчет о работах Таманской экспедиции ИА РАН в 1966 г. //Архив ИА РАН. Р–1, № 3262.

Сокольский, 1967. Сокольский Н. И. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1967 г. //Архив ИА РАН. Р–1, № 3482; 3482а.

Ходорковская, 1966. Ходорковская Б. Б. Синтаксис падежей в греческом языке боспорских надписей //Вопросы античной литературы и классической филологии. М.

Associations in the Greco-Roman World, 2012. Associations in the Greco-Roman World: A Sourcebook. Ed. Richard S. Ascough, Philip A. Harland, and John S. Kloppenborg. Berlin.

Dubois de Montpereux, 1843. Dubois de Montpereux Fr. Voyage autour du Caucase, cher les Tcherkess et Abkhases, en Colchide, en Georgie et en Crimee. Vol. V. Paris.

Summary

A. V. Bonin, N. V. Zavoykina
New inscription from excavation of the ancient settlement "Il'ich 1"

A new inscription discovered in the course of the archaeological investigations in 2015 on "Il'ichevskoe settlement" (the north-western part of Taman peninsula) is published in the article. The authors suggest a reconstruction of it showing that it is a fragment of a votive inscription, which was set by a local religion association. The association worshiped probably Aphrodite. It is possible the votive inscription informs about an arrangement of the association connecting with a local temple of Aphrodite.

А. В. Буйских
(Институт археологии НАН Украины, Киев)

Херсонесская строительная традиция и Боспор

Изучение строительного искусства Херсонеса Таврического позволило сделать вывод о реализации в этом полисе обширной градостроительной программы. Она основана на строгой регламентации городской застройки и одновременной размежёвке земель на хоре с использованием регулярного плана Гипподамовой школы. Залогом быстрой и успешной организации внутреннего пространства Херсонесского полиса явилось следование единому алгоритму – использованию типовых планировочных и объемных схем. Они и определили своеобразие пространственной организации Херсонеса, позволив предложить и наполнить конкретным содержанием понятие «херсонесская строительная традиция». Целью этой программы явилось быстрое создание компактной среды обитания на новом месте, рассчитанной на долговременное существование [Буйских, 2008, с. 247–248].

Необходимо вспомнить, что, наряду с типовыми жилыми домами в Херсонесе, на хоре известны усадьбы нескольких планировочных типов. В их основу положено разное сочетание помещений, башен и внутреннего двора. Все они соответствуют современной им типологии загородного строительства, известной по материалам Греции и Пелопоннеса, а также островов Эгейского и Ионического морей. Местным же (херсонесским) изобретением являются полифункциональные строительные комплексы, сблокированные путем удвоения стандартного городского квартала. Еще одним типичным херсонесским «ноу-хау» следует считать приспособление катагогиона – общественного сооружения, в котором помещения по периметру окружали большой двор, для проживания и ведения хозяйства на хоре [Буйских, 2008, с. 154 сл.].

Интересно, что именно эти два типа загородных усадеб получили распространение за пределами Херсонесского полиса. Именно поэтому они привлекли наше внимание, открыв новую тему: когда и почему херсонесская строительная традиция начала использоваться в соседнем (боспорском) регионе. Сооружения, о которых пойдет речь, связаны со строительством, которое велось только за пределами городов. Ниже они будут рассмотрены соответственно хронологии, установленной авторами раскопок: от наиболее ранних, появившихся еще в эпоху поздней классики, до тех, которые возводились на рубеже эр и существовали в первых веках н. э.

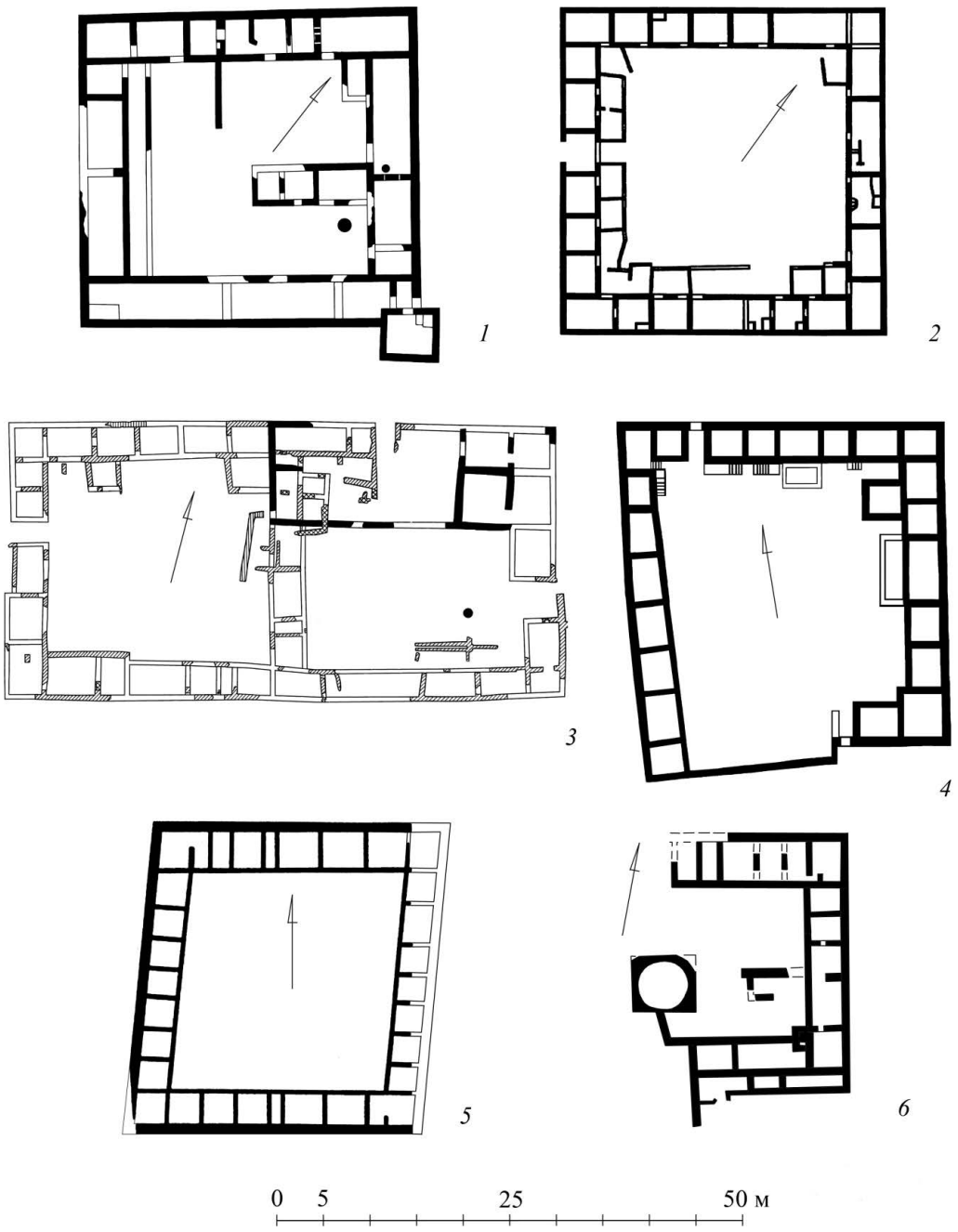

Рис. 1. Усадьбы-катагогионы на хоре Херсонеса (*1–4*), Ольвии (*5*), Боспора (*6*).
1–5 – по: *Буйских*, 2008; *6* – по: *Масленников*, 2010

Наиболее ранние памятники, имеющие отношение к данной теме, были раскопаны на территории Крымского Приазовья. Это, прежде всего, сооружение типа катагогиона, открытое на поселении Генеральское (западное). Его общая площадь ок. 560 м² (рис. 1, *6*), оно состояло из квадратного в плане внутреннего двора, окруженного с трех

сторон равными по ширине блоками помещений. Цистерна в центре двора и дополнительные помещения с южной стороны, которые появились позднее, не исказили основное планировочное ядро. Автор раскопок верно отметил четкую разбивку сооружения на местности [Масленников, 2010, рис. 56, 93, с. 97]. Меньшие относительно херсонесских катагогионов (рис. 1, *1–4*) общие размеры этого сооружения и разомкнутый двор (с западной стороны помещения, скорее всего, отсутствовали, а не были разрушены вследствие сложного рельефа, по автору) не влияют на определение его планировочного типа. Наиболее близкими по общим габаритам представляются катагогионы, открытые у Евпаторийского маяка (рис. 1, *3*). Совпадает также общая разбивка сооружения на местности с соблюдением северо-восточного румба[1].

Второй объект, открытый на том же памятнике, представлял собой строительный комплекс иного типа. От него сохранились две примыкавшие под прямым углом стены с внутренней застройкой, причем часть из помещений вытянута вдоль стен. Согласно наблюдениям автора раскопок, комплекс представлял «замкнутый или почти замкнутый прямоугольник» [Масленников, 2010, рис. 56, 57а, с. 56 сл.]. Кроме того, он имел четко выраженную оборонительную функцию: его длинная сторона фланкирована тремя башнями – по углам (одна позднее была разобрана) и по центру (рис. 2, *2*).

Представляется, что эта планировочная структура является репликой херсонесской усадьбы, сблокированной по принципу сдвоенного городского квартала, рассчитанного на три стандартных дома большой площади [Буйских, 2008, с. 148 сл.]. Наиболее близкой аналогией является строительный комплекс Чайки, имеющий те же общие габариты и три башни по длинной стороне, а также ряды одинаковых помещений вдоль обводных стен (рис. 2, *1*). С херсонесской строительной традицией генеральскую усадьбу сближает и наличие регулярной, рустованной по лицевому фасаду, кладки внешнего периметра [Масленников, 2010, рис. 59–64]. Такая система кладки была, как известно, своеобразной «визитной карточкой» херсонесской строительной техники, повторяя общегреческий строительный модус позднеклассического времени.

Интересно, что пространственная организация поселения Генеральское западное даёт сочетание типологически разных объектов, как и ряде поселений хоры Херсонеса, в частности, на Панском. Однако при общем планировочном сходстве с херсонесскими – имеются и отличия в деталях. В «Генеральском» комплексе, например, не выдержана единая красная линия фронтальной застройки – стена имеет уступ возле башни. Наблюдается также большая свобода и вариантность во внутренней планировке, включая

[1] Боспорский катагогион – не единственный, открытый за пределами Херсонесского полиса. Аналогичный катагогион, датированный раннеэллинистическим временем, известен на территории ольвийской хоры (рис. 1, *5*), при том, что автор раскопок допускал их большее количество [Рубан, 1978, с. 32 сл.]. Исследуя социальный состав населения ольвийской хоры, В.М. Зубарь высказал предположение, что выходцы из этого региона перенесли такой тип загородной постройки на территорию херсонесской хоры [Зубарь, 1988, с. 111]. Вслед за В.М. Зубарем подобие ольвийского и херсонесских памятников отмечалось и другими исследователями [Кутайсов, 2004, с. 110; Сапрыкин, 2005, с. 20; Бруяко, 2015, с. 232: «Дидова Хата сама служит прообразом и первопричиной появления усадеб в Северо-Западном Крыму»]. Наше мнение о том, что вектор распространения этой строительной традиции следует развернуть в обратном направлении, от Херсонеса к Ольвии [Буйских, 2008, с. 156], пока остается без комментариев. Между тем, количество катагогионов на хоре Херсонеса постепенно увеличивается [см. напр.: Гречко, 2015, с. 186–187, рис. 20].

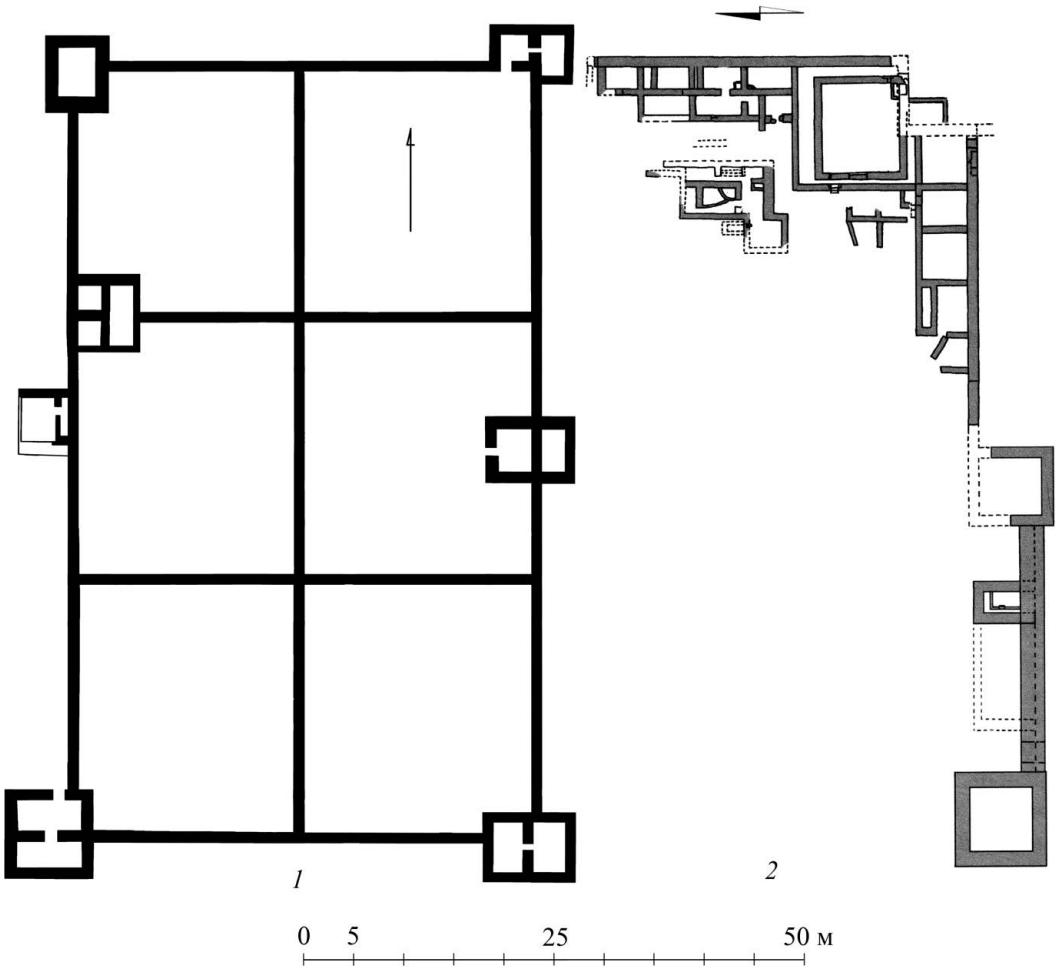

Рис. 2. Усадьбы-сдвоенные городские кварталы на хоре Херсонеса (*1*) и Боспора (*2*).
1 – по: *Буйских*, 2008; *2* – по: *Масленников*, 2010

наличие перистильного двора с алтарем. Наверняка, это результат приспособления к местным реалиям. Следует также обратить внимание на то, что обе «генеральские» усадьбы синхронны, их появление приходится на конец классического – начало раннеэллинистического периодов [Масленников, 2010, с. 122–123].

Этими двумя памятниками пока и ограничиваются наиболее ранние реплики херсонесских загородных усадеб на Боспоре. Как и в случае с памятниками ольвийской хоры, таких сооружений, вероятно, было больше, и в дальнейшем следует ожидать соответствующих открытий. Причины синхронного переноса замыслов одинаковых строительных комплексов с хоры Херсонеса на хору Ольвии и Боспора ещё ждут своего объяснения. Вряд ли их можно рассматривать только под углом социальных отношений. Здесь, скорее всего, работал целый комплекс факторов, и среди них нельзя отказываться от практического – экономичности и временного (скорость возведения таких строительных комплексов). Последняя же – явилась

результатом использования типовых объектов с регулярной планировкой. Следует обратить внимание на то, что реплики двух указанных херсонесских усадеб получили распространение за пределами Херсонесского полиса именно в IV в. до н. э. Для более позднего времени примеров заимствования сооружений такой планировки пока неизвестно. Поэтому есть все основания предполагать, что перенос строительной традиции произошёл в результате действия широкого спектра контактов, в данном случае новосозданного Херсонесского полиса со своими соседями по северопричерноморскому региону[2].

На этом фоне безусловный интерес представляет ещё один тип загородных сооружений, который, попав на Боспор, в отличие от двух первых, получил там долгую жизнь. В настоящее время на обширной территории по обе стороны пролива известна уже целая серия близких в планировочном отношении объектов, количество которых не быстро, но увеличивается. Их отличает строгая регулярность плана, симметрия внутренней структуры, параллельная группировка помещений относительно внутреннего двора. Они давно и заслуженно привлекают внимание исследователей, однако общую линию их развития никто так и не попытался выстроить. Кроме того, они датируются разным временем, что усложняет их классификацию (исследователи, как правило, пользуются классификациями, построенными по хронологическому принципу, а здесь этот принцип не работает). Поэтому наша работа является первой попыткой понять и объяснить специфический план собранных в одну группу сооружений, а также найти их место в структуре загородного строительства Боспорского царства в течение длительного времени.

Наиболее ранний из интересующих нас объектов открыт также в Крымском Приазовье – на поселении у Чокракского мыса. Сооружение имело четкий подквадратный план, внутренний двор, мощенный плитами, и два несколько отличных по ширине помещения (одно также замощено), симметрично расположенные относительно двора. Третье, прямоугольное помещение располагалось вдоль длинной стены (рис. 3, *1*). Каменная лестница свидетельствует о наличии, как минимум, второго яруса. Его общая площадь составляет ок. 285 м², при этом, внутренняя площадь – ок. 140 м², толщина внешних стен 1,75–1,8 м. Постройка относится ко времени не позднее второй четверти – середины IV в. до н. э. [Масленников, 2010, с. 20, рис. 16].

Общие размеры и внутренняя планировка обнаруживают сходство со стандартными домами малой площади типовой планировочной структуры (ок. 153 м²), открытыми на северном берегу Херсонеса (рис. 3, 2). Они также имеют внутренний двор, параллельно расположенные по обе стороны от него одинаковые или близкие по размерам помещения [Буйских, 2008, с. 128 сл.]. Близость со строительной традицией Херсонеса усиливается и использованием аналогичной строительной техники – руста на наружных лицевых кладках, как и в рассмотренном выше «Генеральском» строительном комплексе, а также одинаковая ориентация относительно сторон света. При этом Чокракский памятник отличается от стандартного херсонесского жилого дома меньшим количеством внутренних

[2] Это, кстати, может быть еще одним косвенным свидетельством и дальнейшим развитием уже высказывавшейся мною идеи организации Херсонесского полиса именно в позднеклассическое, а не в более раннее время.

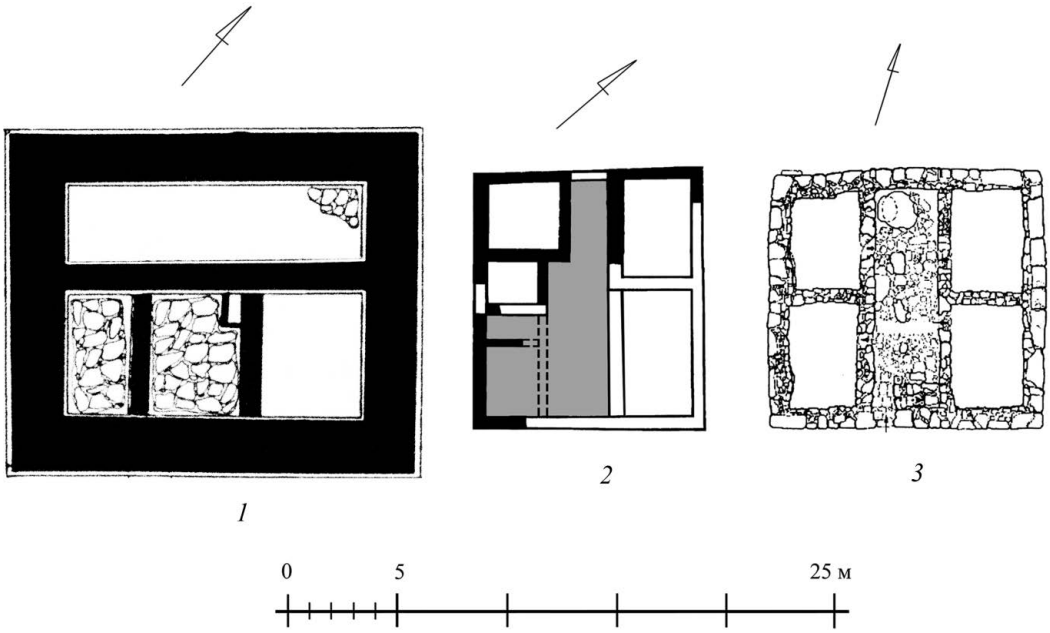

Рис. 3. Башня у Чокракского мыса (*1*); дома малой площади на северном берегу Херсонеса (*2*); башня на Кара-Тобе (*3*). *1* – по: *Масленников*, 2010; *2* – по: *Буйских*, 2008; *3* – по: *Внуков*, 2000; 2004

помещений, а также значительно увеличенной толщиной внешних стен (за счет чего выросла и его общая площадь) и наличием второго яруса. Это означает, что первоначальная жилая функция при строительстве сооружении уже была изменена на оборонительную. Позволить так быстро перепрофилировать сооружение помогла, как представляется, именно его стандартная планировка, легко приспосабливаемая к новым условиям: убрать или, наоборот, «нарезать» новые параллельные помещения.

Здание на Семибратнем городище (рис. 4, *3*), согласно автору раскопок, «очень монументально», имеет размеры по внешнему периметру около 22,5×19,5 м, площадь 432,5 м² (общие размеры и площадь реконструирована автором раскопок, по нашим расчетам площадь составляет порядка 450 м²) [Анфимов, 1941, с. 258 сл., рис. 1]. Толщина внешних стен 1,7 м, внутренних – 1,35–1,4 м. Его планировочная структура поразительно близка стандартному дому большой площади в Херсонесе (514 м²) [Буйских, 2008, с. 156 сл.], из плана которого по короткой стороне изъята пастада, но при этом сохранены остальные планировочные оси. Длинная сторона также уменьшена на ширину пастады (рис. 4, *1*–*2*). Это сооружение характеризует деление внутренней структуры двумя осями на три равновеликих отрезка, центральный из которых служил внутренним двором (колодец выкопан почти по центру), а два боковых были симметрично разделены на два разновеликих помещения. Автор отнес время появления здания к концу III в. до н. э. а прекращение его существования – к «римскому времени» [Анфимов, 1941, с. 262–263].

Известный дом Хрисалиска имел размеры 20,83×17,5 м, площадь 364,5 м² по периметру [Сокольский, 1975, с. 22, рис. 1; 1976, с. 32 сл., 5]. Толщина внешних стен – 1,65 м,

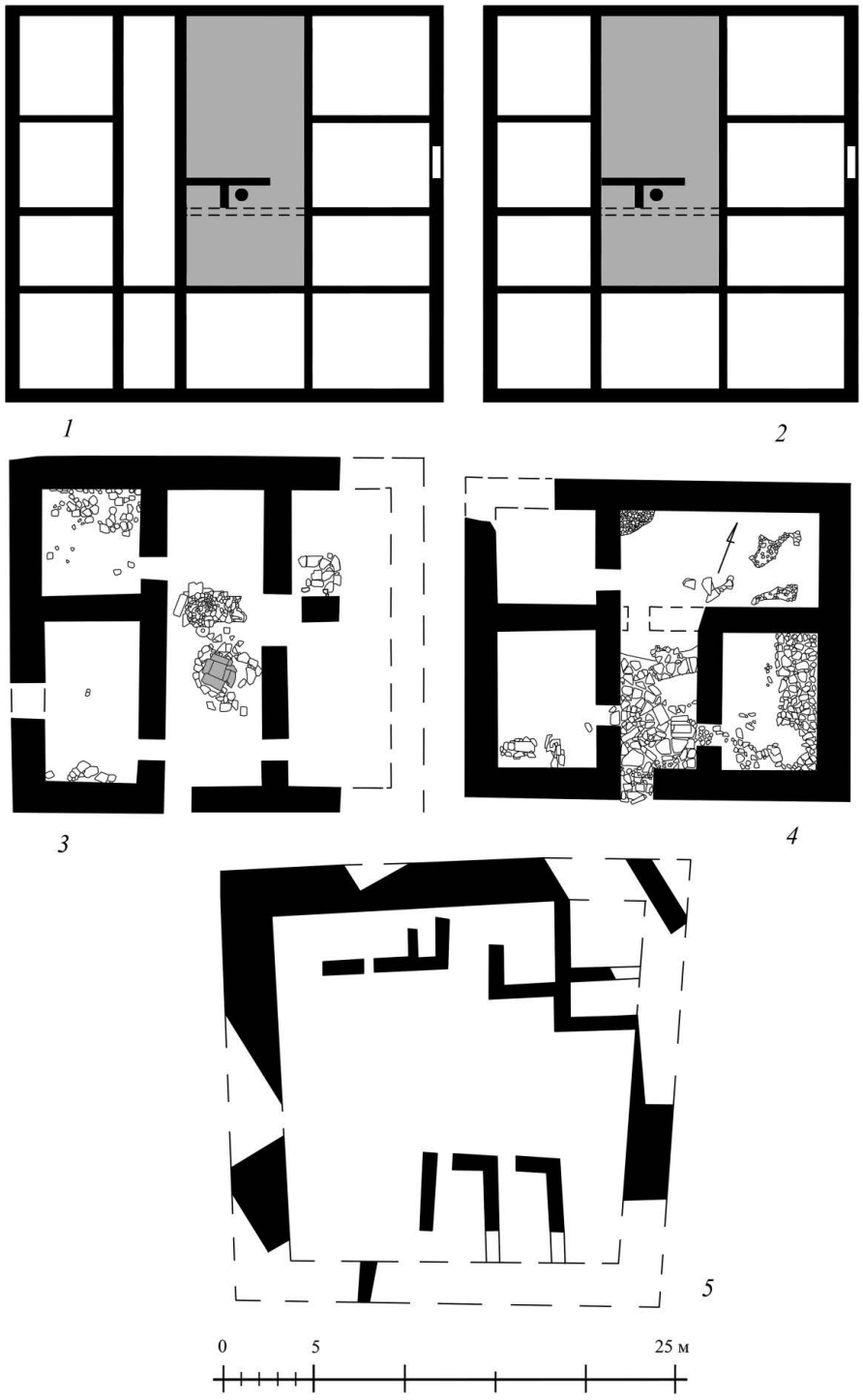

Рис. 4. Реконструкция дома большой площади в Херсонесе с пастадой (*1*) и без пастады (*2*); укрепленные дома: Семибратнее городище (*3*); дом Хрисалиска (*4*); Ново-Отрадное (*5*). *1–2* – по: *Буйских*, 2008; *3* – по: *Анфимов*, 1941; *4* – по: *Сокольский*, 1976; *5* – по: *Кругликова*, 1975

внутренних – 1,3 м (рис. 4, *4*). В планировочном отношении это та же структура, что и на Семибратнем городище – трехчленное деление двумя осями в поперечном направлении с несколько уменьшенной шириной внутреннего двора пропорционально уменьшению размеров сооружения в длину. Остатки каменной лестницы в одном из помещений говорят о наличии второго яруса. Отличие наблюдается в отсутствии крайнего северо-восточного помещения, за счет чего двор приобрел Г-образную форму. Это отличие, однако, не принципиально, так как только подчеркивает вариантность использования внутренних планировочных осей сооружения – такая вариантность характерна дня типового жилого дома большой площади в Херсонесе [Буйских, 2008, с. 156 сл.]. Опять – таки, обращает на себя внимание северо-восточная ориентация постройки. Время строительства сооружения: конец II–I в. до н. э. [Сокольский, 1976, с. 53].

Усадьба у с. Ново-Отрадное в плане – замкнутый периметр (рис. 4, *5*) размером 25×24,5 м и общей площадью ок. 600 м². Толщина внешних стен 2,3–2,8 м при мощности фундамента у трех стен в 3–3,5 м. Время строительства, вероятно, I в. до н. э. [Кругликова, 1975, с. 113–114, рис. 61]. При сравнении этого строительного комплекса с планами стандартных жилых домов Херсонеса большой площади (рис. 4, *1–2*) бросается в глаза практически их полная идентичность по своим «габаритам». Легкая трапециевидность не влияет на основной вывод. Интересно, что многократное увеличение толщины обводной стены произошло за счет внутренней площади сооружения, заимствованного в качестве модуля. В дальнейшем, как будет показано ниже, именно этот строительный и конструктивный приём будет изменен.

Усадьба у с. Михайловки в основе плана имела квадрат со стороной порядка 29 м, и общую площадью ок. 850 м², со средней толщиной внешней стены 2,3 м и внутренних – 0,8–1,1 м (рис. 5, *1*). В юго-восточном углу находилась башня и внешняя лестница на верхний этаж, лестница имелась ещё в одном помещении. Автор раскопок верно отметил единый план, примененный при перестройке усадьбы в I в. н. э. [Петерс, 1978, с. 124, рис. 2]. В поисках аналогий функциональной принадлежности отдельным помещениям усадьбы, автор сравнил их с мозаичными изображениями из Северной Африки, а также из описаний усадеб у Колумеллы [Петерс, 1978, с. 123–124].

Планировочные особенности усадьбы характеризует квадрат плана, разделенный тремя продольными осями на равные отрезки со стороной около 6 м, и тремя поперечными осями на три неравных отрезка (не считая толщину обводной стены). Помещения располагались с западной, восточной и северной сторон вокруг двора. По центральной продольной оси находился въезд, поперечные оси маркировали направления внутренних стен, скорее всего, первоначально проложенных. Такое строго симметричное деление внутреннего пространства имеет свое объяснение, если сравнить его с типовыми жилыми домами большой площади Херсонеса – в этом случае, вместе с пастадой. Совмещение их планов не может не вызвать изумление – кроме развернутого на 90° плана Михайловской усадьбы, измененной оказалась планировочная ось пастады (сдвинута к центру двора ровно на её ширину) и ось южной группы помещений, возможно, за счет устройства в юго-восточном углу башни. Почти четырехкратное увеличение внешней стены позволило окончательно превратить жилой дом в жилищно-хозяйственный комплекс с превалирующей оборонительной составляющей.

Рис. 5. Укрепленные дома: Михайловское (1); Артезиан (2); Темир-гора (3).
1 – по: *Петерс*, 1978; 2 – по: *Винокуров*, 2015; 3 – по: *Гайдукевич*, 1941

Здание на Темир-Горе близ Пантикапея имело квадратный план (рис. 5, *2*), с размерами сторон порядка 20 сажень или 42 м[3] и симметричным членением внутреннего объема, площадью порядка 1820 м² [Гайдукевич, 1941, с. 45 сл., рис. 2]. Опираясь на рассмотренные выше сооружения, можно предложить следующий алгоритм его построения: в основе находится стандартный план с трехчленной внутренней структурой и разновеликими внутренними помещениями. По двум сторонам (продольной и поперечной) к ним прибавлено по ряду симметричных помещений, причем по продольной – помещения большей площади. Соответственно, внутренний «объём» постройки размечен тремя поперечными осями. Необходимость появления третьей оси, не исключено, была продиктована устройством винодельни в северо-восточном углу комплекса, для чего и потребовалась дополнительная площадь в периметре стен, а не за его пределами. Как и в доме Хрисалиска, мы сталкиваемся с ещё одним (и наверняка не последним) примером вариантности расположения стандартных по размерам помещений относительно планировочных осей. В данном случае, увеличение габаритов сооружения произошло строго в соответствии с размерами помещений, ограниченных планировочными осями в продольном и поперечном направлении. Согласно заключению В. Ф. Гайдукевича, он существовал в I–II вв. н. э., а возник, по-видимому, в эллинистическое время [Гайдукевич, 1941, с. 58–59].

Ранняя цитадель городища Артезиан (рис. 5, *3*) имела размеры по внешнему периметру 28,53×26,92 м (площадь 768 м²), по внутреннему – 22,55×21,39 м (площадь 482,4 м²); ширина внешних стен – ок. 2,7–2,8 м, внутренних 1,72 м при ширине их фундаментного ряда в 2,1 м. Время её появления и существования надежно определено автором раскопок – конец I в. до н. э. – 46/47 гг. н. э. [Винокуров, 2015, с. 272]. Внутренняя планировка характеризуется строгой симметрией – двумя параллельными осями, которые определяют трехчленное деление ее плана, причем внутренний двор несколько уже боковых отрезков, маркировавших помещения. Они имеют симметричную внутреннюю структуру: по четыре помещения с западной и восточной сторон. Однако крайнее северо-восточное – увеличено за счет добавленной части площади внутреннего двора. Здесь, как и в рассмотренных выше случаях, варианты в изменении внутренней планировки допускались только в северо-восточном углу сооружения.

Артезианский комплекс во многом очень близок Михайловскому и, соответственно, также находит планировочные аналогии в херсонесском жилом доме большой площади. Имеющиеся отличия не столь значительны. Так, Артезианский – сохраняет даже херсонесскую ориентацию на местности – северо-восточную. В этом случае сохранена и планировочная ось пастады, но внутренняя полезная площадь двора и помещений уменьшена за счет значительно увеличенных всех внутренних стен. И, как и в Михайловском, – идентичность внутренней структуры с херсонесским прообразом не учитывают увеличенную в несколько раз толщину внешней стены.

Завершая рассмотрение боспорских усадеб, необходимо подробнее остановиться на вопросе терминологии, потому что единого мнения в этом вопросе до сих пор не существует. Пожалуй, одним из первых попытался обобщить уже имеющиеся определения

[3] 1 сажень = 2,1336 м.

сооружения, открытого на Темир-горе еще в 1870 г., В.Ф. Гайдукевич. Рассмотрев интерпретации автора раскопок, А. Люценко – «укрепление или жилье», М.И. Ростовцева – «кастель или крепостца», он предложил термин «укрепленный сельский жилой дом» или villa rustica [Гайдукевич, 1941, с. 47, 58]. И.Т. Кругликова определила указанный круг сооружений как «укрепленная вилла», полемизируя, хотя и не прямо, с вышеприведенным мнением об отсутствии подобия боспорских усадеб с изображениями на североафриканских мозаиках [Кругликова, 1975, с. 116]. На примере памятников у с. Ново-Отрадного и Михайловки был выделен отдельный тип усадеб, кроме того, отмечено наличие и других укрепленных усадеб вблизи Пантикапея, включая усадьбу на Темир-горе [Кругликова, 1975, с. 113, 125–126]. Здание на Михайловском городище определено как «сельскохозяйственная усадьба» [Петерс, 1978, с. 124], дом Хрисалиска – как «монументальный дом» [Сокольский, 1975, с. 22, рис. 1; 1976, с. 32 сл., 5]. Попытку выделить эти сооружения в отдельный архитектурно-планировочный тип на примере памятников Азиатского Боспора (дом на Семибратнем городище и дом Хрисалиска) предпринял и С.Д. Крыжицкий, определив их как «укрепленные дома башенного типа». Кроме того, была указана неслучайность появления такого типа сооружений, несмотря на разницу в датировках [Крыжицкий, 1982, с. 71–72, рис. 27, *1–2*]. Сооружение у Чокракского мыса интерпретировано, как сторожевая башня-убежище [Масленников, 1995, с. 89; 2010, с. 16, рис. 16]. Недавно к этой теме вернулся Н.И. Винокуров. В поисках планировочных параллелей блестяще раскопанного им объекта на городище Артезиан, атрибутированного им в качестве ранней цитадели, он обратился к уже известным памятникам – Ново-Отрадному, Михайловке, Чокракскому. В результате, было предложено сразу несколько определений: «условно названные «резиденциями» памятники боспорского военно-инженерного искусства представляли собой мощные прямоугольные форты» [Винокуров, 2015, с. 271].

Приведенные мнения – не просто часть историографии, они отражают многолетние попытки исследователей понять место этих необычных объектов в структуре боспорских памятников. Все они по-своему правы – сооружения, открытые на хоре, представляли собой загородные усадебные комплексы, в которых оборонительная функция была превалирующей над жилой и хозяйственной. Это значит, что такие строительные комплексы следует охарактеризовать как полифункциональные. Однако для определения конкретного типа необходимо использовать тот термин, который позволяет безошибочно выделить его на фоне других, а значит, наиболее ёмко и просто характеризует его планировочную структуру. Таким, как представляется, может быть термин, предложенный С.Д. Крыжицким – «укрепленные дома башенного типа». С нашей точки зрения, он применим к тем сооружениям, план которых происходит из стандартных домов большой площади (Семибратнее, дом Хрисалиска, Ново-Отрадное, Михайловка, Артезиан, Темир-гора). Те же сооружения, в основе которых находится стандартный дом малой площади (Чокрак, Кара-Тобе), более соответствуют термину «башня». Все приведенные выше определения, следует отметить, предложенным терминам в смысловом отношении не противоречат.

Для понимания происхождения этих сооружений должно обратить внимание на их концентрацию на территории Боспора, что явно не случайно. На сегодня известен пока только один пример использование регулярного плана жилого дома Херсонеса малой

площади для строительства оборонительного сооружения в Западной Таврике. Речь идет о башне на городище Кара-Тобе у Керкинитиды (рис. 3, *3*). Безусловной заслугой автора раскопок является построение хронологической шкалы памятника и выделение в ней митридатовского горизонта (конец II – первая треть I в. до н. э.), который и маркирован строительством этой башни [Внуков, 2000, с. 210; 2004, с. 14–15]. Планировочные особенности башни на Кара-Тобе позволили нам прийти к выводу о длительности существования херсонесской строительной традиции. Именно типовая планировочная схема херсонесского дома сделала возможной успешно перепрофилировать стандартную конструкцию. Таким образом, план жилого дома оказался приспособленным для оборонительного объекта – при этом, изменилось (уменьшилось) количество внутренних помещений и появилась каменная лестница на верхний ярус [Буйских, 2008, с. 161].

Общий вывод относительно универсальных возможностей адаптации стандартных херсонесских жилых домов большой и малой площади, запрограммированных Гипподамовой схемой, не изменился и сейчас. Однако, рассмотрев перепрофилированные функционально типовые сооружения, основной ареал распространения которых приходится на Боспор, представляется возможным поставить вопрос о переносе херсонесской строительной традиции в этот регионе.

Прежде всего, очевидно, что эта традиция распространилась за пределы Западной Таврики очень быстро, практически сразу после начала её массового применения в самом Херсонесе и на его хоре. Скорее всего, преимущества типовой застройки стали очевидны также быстро. На Боспор почти без изменений были перенесены как загородные усадьбы, так и городские дома, причем последние открыты пока также на хоре. Однако именно городской дом, в силу универсальности его типовой планировочной структуры, было легко приспособить для новых потребностей. Вероятно, перепрофилирование одноэтажного жилого объекта в оборонительный – с несколькими ярусами произошло также быстро (в рамках раннеэллинистического времени). Для этого потребовалось убрать лишние внутренние помещения и увеличить толщину периметра, что позволило устроить верхний ярус (а может, и не один). В полной мере это наблюдается уже на Чокракском памятнике, самом раннем из этой группы сооружений. Все дальнейшие изменения не отразились на новом типе, хотя его превращение в полноценное оборонительное сооружение заняло несколько столетий. Кроме того, снова-таки можно предположить, что эмпирическим путем, в качестве примера, был выбран дом не малой площади (пример здания на Чокракском мысу пока единственный), а большой – как такой, который более соответствовал необходимой величине военного контингента. Кроме того, большие размеры такой башни предоставляли дополнительные возможности укрепления его обороноспособности. Увеличенная в несколько раз толщина внешней стены наблюдается в Ново-Отрадном за счет внутренней площади. В Артезиане – она изменилась на ту же величину за счет наружной – и при этом увеличилась толщина внутренних стен.

Рассмотренные памятники позволяют прийти к заключению, что в эллинистическое время на Боспоре получает распространение жилое сооружение, планировочный замысел которого перенесён из Херсонеса. Несмотря на то, что говорить о его широком применении у нас пока нет оснований, оно, скорее всего, успешно адаптировалось на новом месте, совместив жилую функцию с оборонительной. Причем, последняя – становится

превалирующей, по-видимому, в достаточно сжатые сроки[4]. Уже ко II в. до н. э. можно смело говорить о нём, как об укреплении боспорского типа. Возможно, это произошло ближе ко времени подчинения Боспора Митридату VI Евпатору. В любом случае, именно со времени Митридата строительство укрепленных домов башенного типа получает новый импульс. Организация защиты хоры и стратегически важных направлений (прежде всего, Пантикапея) небольшими контингентами царских гарнизонов, вероятно, была эффективной при использовании именно таких сооружений. Кроме того, стратегия обороны включала свето-дымовую связь, что и диктовало строительство новых сооружений на доминирующих высотах. Поэтому можно предположить, что башню с типовой структурой на Кара-Тобе принесли не строители из Херсонеса (хотя полностью этого все-таки нельзя исключать), а войска Митридата с территории Боспора, уже как типовое укрепление боспорского типа. Артезианский памятник, появившийся в постмитридатову эпоху, является прекрасным доказательством жизнеспособности созданного на Боспоре компактного и полифункционального оборонительного сооружения. Скорее всего, такие объекты были не единственными и могли входить в состав более сложных строительных комплексов, массово появившихся на хоре Боспоре во второй половине I в. до н. э. [см. напр., подробный свод памятников, входивших в систему обороны хоры на Азиатской части при Аспурге: Сапрыкин, 2002, с. 177 сл.].

Превращение херсонесской строительной традиции в боспорскую – явление пока уникальное для строительной практики в рамках Северного Причерноморья. Местная традиция из одного региона была заимствована, адаптирована и получила творческое развитие в соседнем, где со временем также превратилась в местную. Видимо, местная переработка типична и для многих других видов строительной деятельности – все вместе они сформировали неповторимую боспорскую архитектурно-строительную школу. Её исследование связано с иной, значительно более широкой проблемой – своеобразием Боспора и боспорской культурной традиции как неотъемлемой части античной культуры.

Список литературы

Анфимов, 1941. Анфимов Н. В. Новые данные к истории Азиатского Боспора (Семибратнее городище) //СА. VII.

Бруяко, 2015. Бруяко И. В. Несколько сюжетов на тему колонизации Северо-Западного Причерноморья //АМА. 17.

[4] О том, что в основу конструкции боспорских домов башенного типа был положен именно херсонесский прототип, свидетельствует сравнение их планов, например, с планами эллинистических башен Ликии, также имевших регулярный план, но организованный по иному принципу [Konecny, 1997, fig. 23, 31, 40, 71,84, 95].

Буйских, 2008. Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху /МАИЭТ. Suppl. 5. Симферополь.

Буйских, 2013. Буйских А. В. Греческая колонизация Северо-Западного Причерноморья (новая модель?) //ВДИ. 1.

Винокуров, 2015. Винокуров Н. И. Центральное помещение 4 ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье //OLBIO. In memoriam V. V. Krapivina /Археол огія і давня історія України. 1 (14).

Внуков, 2000. Внуков С. Ю. Раскопки городища и некрополя Кара-Тобе у г. Саки в 1998 г. //ПИФК. 8.

Внуков, 2004. Внуков С. Ю. О местоположении древнего Евпатория в свете результатов археологических исследований последних лет //Археология Северо-Западного Крыма. Материалы конференции, посвященной 2500-летию Евпатории. – Симферополь.

Гайдукевич, 1941. Гайдукевич В. Ф. Укрепленная villa rustica на Темир-горе //СА. VII.

Гречко, 2015. Гречко Д. С. Исследования городища Джан-Баба в Северо-Западном Крыму //Старожитності раннього залізного віку /Археологія і давня історія України. 2 (15).

Зубарь, 1988. Зубарь В. М. Об атрибуции коллективных усадеб раннеэллинистического времени //ВДИ. 4.

Кругликова, 1975. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.

Крыжицкий, 1982. Крыжицкий С. Д. Жилые дома античних городов Северного Причерноморья. К.

Кутайсов, 2004. Кутайсов В. А. Керкинитида в античную эпоху. К.

Масленников, 1995. Масленников А. А. Древние греки в Крымском Приазовье //ВДИ. 2.

Масленников, 2010. Масленников А. А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников (ДБ. Suppl. III). М.

Рубан, 1978. Рубан В. В. Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова Хата на Бугском лимане //КСИА. 156.

Петерс, 1978. Петерс Б. Г. Михайловское городище античного времени //Проблемы советской археологии. М.

Сапрыкин, 2002. Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.

Сапрыкин, 2005. Сапрыкин С. Ю. Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического. М.

Сокольский, 1975. Сокольский Н. И. Крепость аспургиан на Боспоре //КСИА. 143.

Сокольский, 1976. Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.

Кonecny, 1997. Konecny A. Hellenistische Turmgehöfte in Zentral- und Ostlykien /Wiener Forschungen zur Archäologie. Bd. 2. Wien.

Summary

A. V. Buyskikh
Chersonesos building tradition and Bosporos

The article is devoted to the investigation of archaeological objects that were excavated in the agricultural territory of Bosporos and can be dated by the wide chronological frames – from late Classical period till first centuries AD. The earliest of them are excavated at Azov region of the Crimea (General'skoe zapadnoe). They can be attributed like local replicas of two standard farms, known at the territory of Chersonesos chora in Western Taurica – a katagogion and a farm that created a Chersonesos double city-block with three towers along one side. Besides farms, the planning structure of Chersonesos typical houses of small square (Čokrac) and later – of large square were transferred to Bosporos chora in early Hellenistic times. The sites that are the copies of large square houses are excavated in the Asiatic Bosporos (Semibratnee and Chrysaliskos house), but mainly in the European side (Novo-Otradnoe, Michaylovskoe, Temir-hora, Artezian). Common peculiarities of their planning system allowed to search a way of transformation of Chersonesos building tradition into Bosporan – from one store city-house into some stores' defensive farm. The most intensive spread these houses achieved at the times of Mithridates VI Eupator and later because of their best adjutancy or the demands of protection of large territories. Now they are an important part of the Bosporan architectural school.

С. Ю. Внуков
(Институт археологии РАН, Москва)

Позднеэллинистические амфоры городища Кара-Тобе в Крыму[1]

Амфоры Северного Причерноморья эллинистического времени – один из самых изученных видов античной тары. Определены основные центры их производства, в общих чертах прослежена эволюция форм и установлена хронология [Empereur, Hesnard, 1987; Монахов, 1999; Кац, 2007 и др.]. Этому значительно способствовало распространение клеймения тары в эллинизме. Разработанная хронология клейм позволяет датировать сосуды некоторых центров с точностью до года [Монахов, 1999; Finkielsztejn, 2001; Кац, 2007]. Вместе с тем, амфоры «финального эллинизма» в Причерноморье изучены хуже. В это время Митридат VI Евпатор объединил почти весь понтийский регион в рамках своей державы и вёл многолетнюю борьбу с Римом. Это сказалось на торговых связях Понта в целом и на амфорных комплексах памятников Северного Причерноморья в частности.

Находки обломков эллинистической тары на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму позволяют уточнить детали торговых контактов этого региона именно в данный период. Самые ранние сохранившиеся сооружения и культурные напластования на городище датируются не ранее конца II в. до н. э. (строительный период I) [Внуков, 2007, с. 67, 68; 2010, с. 45–47]). В ходе Диофантовых войн здесь строится небольшая крепость (Евпаторион?) с центральной башней и окружавшим её замкнутым комплексом помещений (Центральный строительный комплекс), в котором, видимо, располагался маленький гарнизон [Внуков, 2004; 2007; 2015а]. Каменный отёс от этого строительства залегает непосредственно на материке. Массовый материал в слоях и закрытых комплексах периода I датируется последней четвертью II – 1 половиной I вв. до н. э. При этом в них регулярно встречаются отдельные находки от начала IV до середины II вв. до н. э. (керамические клейма, монеты, лаковая (в т. ч. расписная) керамика, фрагменты амфор и др. [Внуков, 2007, с. 67, 68]). Возможно, небольшое раннее поселение здесь было полностью уничтожено при строительстве крепости, а слои перемещены и частично перемешаны. Не позднее середины I в. до н. э. оставленное укрепление занимают поздние

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований.» № 15-31-10125 а(ц).

скифы, которые частично разбирают ранние сооружения, частично приспосабливают их для своих нужд.

Прежде чем перейти к рассмотрению амфор нижнего слоя Кара-Тобе следует уточнить датировку ранних отложений городища. Основанием для их отнесения ко времени Митридата Евпатора, помимо наблюдений над строительной техникой и массовым материалом, являются узко датируемые находки: монеты и керамические клейма.

Монеты, найденные до 2004 г. включительно, уже опубликованы [Внуков, Коваленко, 2004]. В настоящее время эта коллекция увеличилась более чем вдвое – до 34 экземпляров (27 определимых). Она хотя и невелика, но существенно отличается от нумизматических собраний с других памятников Северо-Западного Крыма.

Монеты с Кара-Тобе можно разделить на 5 хронологических групп, охватывающих все периоды существования городища. Группу 1 (конец IV – конец III вв. до н. э.) составляют 4 херсонесские монеты широко распространенных выпусков 330–290 гг. до н. э. [Внуков, Коваленко, 2004, с. 306; 307, рис. 1. *1*; с. 310, каталог, № 1] и 4 монеты редких для региона центров: Ким (две одинаковые монеты 250–190 гг. до н. э.; одна с надчеканкой), по одной монете Александрии Троадской (1 половина – середина III в. до н. э.) [Внуков, Коваленко, 2004, с. 307, рис. 1. *8*; с. 310, каталог, № 8] и Месембрии (чеканка фракийского царя Кавара 235–215/200 гг. до н. э. [Внуков, Коваленко, 2004, с. 306; 307, рис. 1. *7*; с. 310, каталог, № 7]).

Ко второй группе отнесены 10 херсонесских монет выпусков 210–170 гг. до н. э. [Внуков, Коваленко, 2004, с. 306, 307, рис. 1. *2–5*; с. 310, каталог, № 2–6].

Со 160-х гг. до н. э. на городище наступает «безмонетный» период, продолжавшийся почти до конца столетия (группа 3). К этому времени относятся только 2 монеты 140–130 гг. до н. э. Одна из них отчеканена в Херсонесе [Анохин, 1977, тип 173], другая – в Тире [Анохин, 1989, тип 465]. Бедность монетных находок этого времени, видимо, можно объяснить захватом греческих поселений региона поздними скифами во 2 четверти – середине II в. до н. э.

В группу 4 объединены выпуски периода господства Митридата Евпатора (конец II в. – 70-е гг. до н. э.). К ней относятся 6 монет. Самая ранняя – плохо сохранившаяся редкая монета Херсонеса типа: головы Диоскуров – прора [Анохин, 1977, тип 190, 110–100 гг. до н. э.?]. Три монеты принадлежат чеканке Амиса 105–90 гг. до н. э. (группа IV Ф. Имхоф-Блюмера [Imhoof-Blümer, 1912, S. 177, 178]). Одна из них относится к типу: голова Ареса в шлеме – меч с перевязью [Внуков, Коваленко, 2004, с. 307, рис. 1. *9*; с. 310, каталог, № 9], две других – к типу: эгида – идущая Ника с ветвью [Внуков, Коваленко, 2004, с. 307, рис. 1. *10*; с. 310, каталог, № 10]. Более поздним временем датируется монета Пантикапея типа: голова Диониса вправо – треножник, тирс, монограмма [Анохин, 1986, тип 202, 90–80 гг. до н. э.]. Самая поздняя – монета Синопы типа: голова Зевса в венке – орел на молниях, звезда (группа VII Ф. Имхоф-Блюмера, 80–70 гг. до н. э.) [Внуков, Коваленко, 2004, с. 307, рис. 1. *11*; с. 311, каталог, № 11].

Последняя группа 5 условно объединяет все три найденные на Кара-Тобе монеты римского времени. Среди них – редкий статер боспорского царя Аспурга 8 года правления. Все они опубликованы [Внуков, Коваленко, 2004, с. 307, рис. 1. *12, 13*; с. 311, каталог, № 12, 13. Внуков, Коваленко, 2007].

Находки с городища Кара-Тобе составляют почти половину всех монет конца II – 1 половины I вв. до н. э., обнаруженных в Северо-Западном Крыму (6 из 13)[2] [Кутайсов, 2003, с. 89, 90; Уженцев, 2006, с. 31, 97, 126–129]). Очень вероятно, что описанные херсонесская и тирская монеты 140–130 гг. до н. э. находились в обращении десятилетия и попали на Кара-Тобе тоже в митридатовское время. Нельзя исключать и того, что более ранние монеты малоазийских центров и Месембрии, редкие в Северном Причерноморье, в т. ч. в Херсонесе, тоже попали сюда в конце II в. до н. э. в кошельках понтийских солдат. Таким образом, от 22 до 44% определимых монет можно с разной степенью уверенности связывать с присутствием греческого населения или понтийских войск на городище.

Несмотря на сравнительно небольшое количество найденных на Кара-Тобе монет хронологической группы 4, они отражают основные закономерности, отмечаемые для денежного обращения времени Митридата Евпатора в Северном Причерноморье, в первую очередь, в Херсонесе [Голенко, 1964, с. 58–60, 67 и сл.; Сапрыкин, 1996, с. 167–171]. На начальном этапе (110–90 гг. до н. э.) наблюдается вброс в Северное Причерноморье понтийской меди, в основном чеканки Амиса [Сапрыкин, 1996, с. 168, 169]. Примерно после 90 г. до н. э. поступление понтийских монет в Херсонес сокращается, в нём преобладают выпуски Синопы [Сапрыкин, 1996, с. 169, 170]. Распространяются местные выпуски, чеканенные по образцам понтийских монет, особенно после потери Митридатом малоазийских владений [Сапрыкин, 1996, с. 170, 171]. Монеты 1 четверти I в. до н. э. свидетельствуют о присутствии греческого населения на Кара-Тобе, как минимум, до 70-х гг. до н. э.

На рассматриваемом городище к 2016 г. найдено всего 271 керамическое клеймо (220 определимых). Основная их масса датируется II – 1 четвертью I вв. до н. э.[3] и происходит из нижних отложений. Лишь редкие клейма были подняты при перекопах в верхние слои. Самые многочисленные клейма – родосские (105 определимых экземпляров). Все они относятся к хронологическим группам 2 (конец) – 6. Также встречены более редкие клейма Книда и Коса того же времени. Не менее трети клейм, найденных в слое периода I, принадлежит регулярному клеймению Херсонеса, Синопы, Гераклеи, а также Фасоса (единичные). Кроме того, здесь же найдено заметное число синопских клейм плохо изученной *поздней фабрикантской группы* (подгруппы B и C – [Кац, 2007, с. 273]). Несколько клейм, относящихся к нерегулярному клеймению неизвестных центров римского времени, обнаружено в позднескифских слоях.

Родосские клейма хорошо изучены. Последние разработки позволяют определять дату магистратуры родосских эпонимов с точностью до 1–5 лет [Finkielsztejn, 2001; Кац, 2007]. Распределение родосских эпонимных клейм с Кара-Тобе по десятилетиям представлено на рис. 1. Подобные клейма старше рубежа III–II вв. до н. э. на городище не обнаружены, хотя оттиски IV–III вв. до н. э. других центров здесь представлены в заметном

[2] Из них 5 монет происходят из Калос Лимена, где, видимо, также располагался понтийский гарнизон.

[3] Готовится специальная публикация клейм Кара-Тобе, где дается детальный анализ распределения оттисков разных центров. Приводимые ниже цифры и выводы являются предварительными. Также необходимо отметить, что клейма дают только дату изготовления амфоры, которая отличается от времени поступления товара потребителю и от времени отложения фрагментов использованной тары в слое [Внуков, 2015а, с. 161–163].

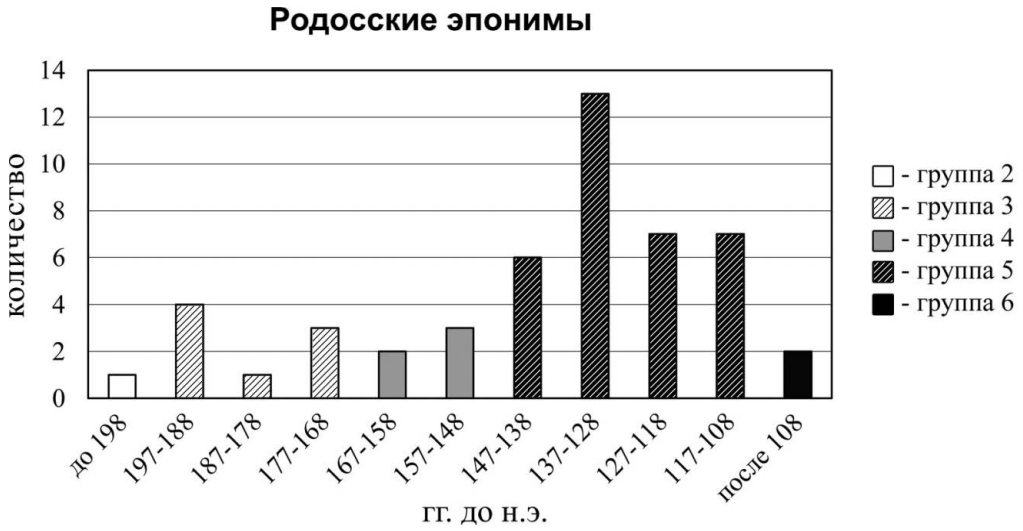

Рис. 1. Хронологическое распределение родосских эпонимных клейм на городище Кара-Тобе

количестве. Диаграмма отражает медленный рост количества родосских клейм в 1 половине II в. до н.э (хронологические группы 2–4), заметное увеличение количества клейм группы 5 и резкое падение с рубежа II–I вв. до н. э. (группа 6). Клейма групп 2–4, а также 6 редки. Максимальное количество эпонимных клейм приходится на 137–128 гг. до н. э., позднее их количество сокращается (рис. 1).

Такое распределение существенно отличается от результатов, полученных Ю. С. Бадальянцем при анализе плотности распределения родосских клейм на памятниках Северного Причерноморья в целом и в Херсонесе в частности, а также В. И. Кацем, пересчитавшим его данные[4]. Основные выводы обоих исследователей по динамике поступления клейменых родосских амфор близки и заключаются в следующем: количество найденных в Северном Причерноморье клейм устойчиво увеличивается от первой группы к третьей. Клейма группы 3 (198–161 гг. до н. э. по Дж. Финкельштейну) самые многочисленные. Количество оттисков более поздних групп постепенно снижается, и клейма групп 7 и 8 встречаются единично [Бадальянц, 1986, с. 94, рис. 2; 2000, с. 198, 199, 212; Кац, 1992, с. 220, 221, рис. 7, 8]. Практически такая же картина наблюдается в Херсонесе [Бадальянц, 1986, с. 92, табл. 2; Кац, 1992, с. 222–225, табл. 4, рис. 8]. Лишь на некоторых памятниках Азиатского Боспора намечается еще один небольшой подъем или стабилизация ввоза родосских клейменых амфор в последней трети II в. до н. э. [Бадальянц, 2000, с. 208–211].

Отсутствие на Кара-Тобе родосских клейм конца IV–III вв. до н. э. при наличии здесь клейм других центров этого времени можно объяснить тем, что самые ранние слои городища были почти полностью уничтожены. Найденный ранний материал представляет

[4] Ряд методических подходов Ю. С. Бадальянца и предложенная им хронологическая схема уже подвергались справедливой критике [Кац, 1992; 2007, с. 207–210]. Его хронология родосских клейм не получила широкой поддержки.

собой небольшую часть комплекса IV – 2 трети II вв. до н. э., попавшую в позднеэллинистические отложения как примесь. Отсутствие в ней родосских клейм IV–III вв. до н. э. можно объяснить их общей редкостью в Херсонесе и в Северо-Западном Крыму [Бадальянц, 2000, с. 201, 202]. Вероятность попадания этих клейм в позднеэллинистические слои Кара-Тобе была значительно ниже, чем более массовых клейм Херсонеса и Синопы. Увеличение количества находок родосских клейм последней трети II в. до н. э. видимо, следует связывать не только с увеличением импорта, но и с формированием на Кара-Тобе новых регулярных отложений после постройки укрепления. С этого времени в таких отложениях сохраняется уже весь материал, *использовавшийся* в конце II – 1 трети I вв. до н. э., а также некоторое количество ранней примеси.

Таким образом, исходя из датировки монет и родосских клейм из слоев строительного горизонта I, существование укрепления на Кара-Тобе можно было бы формально отнести примерно к 140–70 гг. до н. э. Но нижняя дата не вписывается в общую военно-политическую обстановку в регионе накануне его вхождения в державу Митридата. Строительство херсонесскими мастерами крепости в Северо-Западном Крыму,[5] занятом поздними скифами, до захвата этой территории понтийскими войсками было невозможно. Несомненно, сооружение этого укрепления связано с событиями Диофантовых войн независимо от того, являлось ли оно крепостью Евпаторион или нет [Внуков, 2004]. При этом произошла смена населения. О проживании здесь эллинизированного населения в эпоху Митридата, помимо монет, свидетельствуют также 3 греческие лапидарные надписи этого времени и ряд граффити [Виноградов, Внуков, 1989; Внуков, Сапрыкин, 2015][6].

Существует несколько хронологических схем Диофантовых войн. Долгое время большинство исследователей придерживалось датировок Т. Рейнака, который отнес начало первой войны к 110 г. [Reinach, 1895, S. 45]. В последнее время всё большую поддержку получает более ранняя дата начала этой кампании – 114/113–111 гг. до н. э. [Виноградов, 1987, с. 70; Сапрыкин, 1996, с. 134, 135; Кутайсов, 2003, с. 88; Зубарь, Марченко, 2005, с. 246; и др.]. Для целей этой работы указанная разница в датировках не является принципиальной. Тем не менее, ранняя дата лучше соответствует отмеченному преобладанию родосских клейм последней трети II в. до н. э. (рис. 1). Поэтому строительство укрепления на Кара-Тобе можно отнести примерно к 113 г. до н. э.

Выше отмечалось, что основное количество родосских клейменых амфор строительного периода I приходится на время до начала строительства на Кара-Тобе (147–118 гг. до н. э. – рис. 1)[7]. Это невозможно объяснить только случайным попаданием раннего материала в отложения этого времени. К тому же фрагменты клейменых сосудов

[5] Как полагает А. В. Буйских, центральная башня Кара-Тобе построена с использованием размерного модуля, применявшегося для «домов малой площади» городской застройки Херсонеса. «Строительство её (*башни* – СВ), как видимо, и всей крепости, херсонеситами не должно вызывать никакого сомнения.» [Буйских, 2008, с. 144; 362, рис. 77, *2*, *3*].

[6] Неопубликованный фрагмент последней надписи был обнаружен летом 2015 г. Судя по сохранившимся первым буквам, текст начинался с имени Зевса.

[7] Хронологическое распределение клейменых амфор Книда и Коса на городище по предварительному определению имеет аналогичный характер, но количество таких клейм сравнительно невелико и они датируются менее точно. Картина их распределения менее выразительна.

130–120 гг. до н. э. регулярно встречаются в закрытых комплексах, несомненно, относящихся к этому периоду. Отмеченное несоответствие нельзя объяснить и продолжительным вторичным использованием тары на городище (Внуков, 2015а, с. 168). Как указывалось, сооружению и заселению построенного на Кара-Тобе укрепления предшествовал уход позднескифского населения, а также полная разборка ранее существовавших построек и удаление ранних отложений вместе с основной массой находок.

Ситуация выглядит парадоксальной: более 50% родосских клейменых амфор, ввезенных на Кара-Тобе, было изготовлено задолго до строительства укрепления и отложения комплексов, в которых они найдены. Если период до 10 лет от времени производства тары до поступления продукта конечному потребителю представляется еще реальным, то более длительная доставка вина уже требует пояснения. Теоретически этому можно найти несколько формальных объяснений разной степени правдоподобности: а) массовое поступление родосского импорта на Кара-Тобе действительно началось за 25–30 лет до строительства греческого укрепления, и вторично использовавшаяся предшествующим скифским населением тара каким-то образом перешла к сменившим его здесь грекам, которые продолжили пользоваться ею; б) строители укрепления и солдаты гарнизона завезли с собой большое количество старой тары, употреблявшейся вторично; в) понтийский гарнизон первоначально снабжался запасами вина, хранившимися 10–30 лет, которое досталось ему в качестве трофеев на ближайших позднескифских поселениях; и т. п.. Но все эти предположения представляются слишком зыбкими, чтобы отдать предпочтение какому-либо из них. К тому же наблюдаемый разрыв между датой изготовления родосских амфор и временем их отложения на Кара-Тобе для многих сосудов превышает обычный период даже вторичного использования тары [Внуков, 2015, 168].

Этот вопрос требует специального рассмотрения и объяснения. Но для целей данной работы достаточно полученной по клеймам датировки обнаруженной на Кара-Тобе тары и констатации существующей проблемы.

Верхняя дата рассматриваемого амфорного комплекса, дата оставления понтийского укрепления на Кара-Тобе, также не совсем ясна. Оно, несомненно, существовало на рубеже II–I вв. до н. э., о чем свидетельствуют родосские клейма начала шестой группы и монеты Амиса 105–90 гг. до н. э. Находки в тех же слоях монет Пантикапея и Синопы 90–70-х гг. позволяют расширить этот интервал, как минимум, до начала 70-х гг. до н. э. Более поздние узко датированные находки в раннем слое отсутствуют. Причиной этого может быть как уход греческого населения с городища, так и общая экономическая и военно-политическая обстановка в регионе. В конце 70-х гг. до н. э. Рим установил морскую блокаду, прервавшую регулярное сообщения Крыма с Эгейскими и Южнопонтийскими центрами. После захвата Римом Южного Причерноморья и разрушения некоторых его центов эти контакты полностью прекратились. Тяжелое экономическое положение Северного Причерноморья в 60-х гг. до н. э. также не способствовало активным торговым связям.

Массовый археологический материал этого времени не позволяет уловить разницу датировок с точностью в 10–15 лет и уточнить дату оставления укрепления на Кара-Тобе. Можно только утверждать, что оно прекратило функционировать до начала

импорта светлоглиняных позднегераклейских амфор, фрагменты которых встречаются только в позднескифских наслоениях, начиная с самого нижнего горизонта 2_0.

Письменные источники по истории Причерноморья этого времени также мало помогают в уточнении хронологии. Разные исследователи неоднократно пытались определить время вывода войск «из Скифии» [Сапрыкин, 1996, с. 147–149; Пуздровский, 2001, с. 98; Зубарь, Марченко, 2005, с. 285–288; Уженцев, 2006, с. 128; и др.]. Предлагалось несколько причин и обстоятельств этой передислокации. Разброс дат довольно широк: от 2 половины 90-х гг. до н. э. (возврат скифским царям «их родовых владений» (Memn, XXX), см. [Сапрыкин, 1996, с. 147, 148]) до смерти Митридата (63 г. до н. э.). Во всяком случае, присутствие понтийского гарнизона в Ольвии в 77 г. до н. э. зафиксировано эпиграфически [Крапивина, Диатроптов, 2005]. Детально этот вопрос рассмотрен в работе В. М. Зубаря и Л. В. Марченко [Зубарь, Марченко, 2005, с. 285–288].

Эти хронологические сложности усугубляются еще и тем, что вывод войск из региона не обязательно означал автоматическую и синхронную эвакуацию отсюда всего греческого населения. Поэтому представляется, что оставление им укрепления Кара-Тобе могло произойти как вскоре после смерти Митридата в 63 г. до н. э., так и ранее, но не раньше начала 70-х гг. до н. э. По-видимому, оно прошло организованно. Следов внезапных разрушений или спешки нет, материал на полах оставленных помещений бедный или практически отсутствует.

Таким образом можно предположить, что греческое укрепление на Кара-Тобе было построено около 113 г. до н. э. и покинуто между 80 и 63 гг. до н. э.

Товары в амфорах не обязательно регулярно поступали на городище в течение всего периода функционирования укрепления. Это замечание касается, в первую очередь, продукции средиземноморских центров, в частности, Родоса. Как отмечалось, основную массу родосской тары составляют сосуды хронологической группы 5, но встречены и клейма группы 6. Вероятно, импорт родосского вина в регион прекратился не позднее начала I в. до н. э. Родосские клейма группы 6 вообще редки в Северном Причерноморье. Их доля не достигает 3% всех найденных здесь клейм Родоса, а абсолютная плотность распределения в регионе (общий объем ввоза на ***исследованные*** памятники Северного Причерноморья) – всего 11,73 условных амфор в год [Кац, 1992, с. 210, 211; табл. 3].

По всей видимости, такое сокращение родосского импорта было вызвано военно-политическими причинами. Родос с конца II в. до н. э. последовательно проводил проримскую политику. В период первой Митридатовой войны он выдержал осаду и блокаду флота Митридата VI. Позднее его корабли принимали участие в военных действиях против понтийских войск и флота, в том числе и в осаде Гераклеи (App., Mithr., 22, 24–27, 33, 56, 61, 62; Memn, L, 1, 2. См. также: [Молев, 1995, с. 66, 67, 71, 107]). В короткие периоды между Митридатовыми войнами обстановка в Причерноморье оставалась напряженной и тоже не способствовала оживленной торговле. Римская блокада центров Южного и Восточного Причерноморья и Крыма во время последней войны с Митридатом сделало торговлю вообще невозможной (Memn., L, 2, 3; Plut., Pomp., 32, 38; см. также [Шелов, 1980, с. 41, 42]). Это не могло не сказаться на торговых связях Родоса и других эгейских экспортеров с Северным Причерноморьем, входившим в состав Понтийской державы.

Таким образом, амфоры Родоса, представленные на Кара-Тобе в отложениях строительного периода I, в основной массе датируются последней третью II – началом I вв. до н. э. Видимо, так же следует датировать и представленный на памятнике импорт большинства других эгейских центров, хотя отдельные партии товара из них могли доходить до Северного Причерноморья и позднее, несмотря на политическую ситуацию, военные действия и блокады.

Картина импорта из южнопонтийских центров иная. Практически все города этого региона раньше или позже вошли в состав Понтийского царства и поддерживали торговые связи с Северным Причерноморьем до последней возможности (Memn., XLVII, 2). Все они были захвачены, а некоторые и разрушены Римом в 71–70 гг. до н. э., что, естественно, прервало их торговлю.

Положение Гераклеи отличалось некоторыми особенностями. С 189 г. до н. э. она в своей политике ориентировалась на Рим [Сапрыкин, 1986, с. 241]. Это позволяло ей сохранять нейтралитет в конфликте Понта и Рима практически до Третьей Митридатовой войны и развивать экономические связи с обеими сторонами. Лишь после включения города в состав державы Митридата накануне войны его политика изменилась. В 71 г. до н. э. Гераклея была захвачена Римом. Пережившие разгром жители были проданы в рабство (Memn., LI,4, 5; LII,1, 2; LIX,1, 2). Город возродился и восстановил свою экономику только к середине столетия [Внуков, 2006, с. 138, 139]. Таким образом, гераклейские товары могли поступать в Северное Причерноморье только до 71 г. до н. э.

Колхида была еще одним регионом-экспортером товаров в амфорной таре. Она вошла в состав Понтийского царства в начале правления Митридата VI (Strabo, XII, 28). Точная дата этого события спорна, но оно произошло не позднее рубежа II–I вв. до н. э. [Шелов, 1980, с. 29, 30; Молев, 1995, с. 31, 32. Ср.: Сапрыкин, 1996, с. 161–165]. Вхождение Колхиды в состав Понтийской державы способствовало развитию её торговли с другими регионами Причерноморья и распространению колхидской тары. Митридат использовал Колхиду, как и другие северные территории царства, в качестве материально-сырьевой базы для поставок ресурсов в малоазийские области державы [Шелов, 1980, с. 32–35; Сапрыкин, 1996, с. 174, 267–270, 279]. Экономической стабильности благоприятствовало и отсутствие в регионе ожесточенных военных столкновений до 66 г. до н. э., когда через неё проходят отступающие войска Митридата и преследующая его армия Помпея (App., Mithr., 101–103. См. также: [Молев 1995, с. 130–132]). Это, а также морская блокада и общее истощение экономики Понта в ходе многолетних военных действий, должны были прервать торговые связи Колхиды с Северным Причерноморьем.

Таким образом, военно-политическая ситуация в Черноморском регионе в первой половине I в. до н. э. приводила к тому, что внешние торговые связи Северного Причерноморья постепенно сужались и ко времени гибели Митридата были практически прерваны. Это должно было отразиться и на составе исследуемого комплекса амфорной тары.

Прежде чем перейти к рассмотрению ранних амфор Кара-Тобе необходимо кратко охарактеризовать коллекцию в целом. Как отмечалось, закрытых археологических комплексов в помещениях греческой крепости очень мало и они невыразительны.

Видимо, основная часть утвари была вывезена при эвакуации крепости. Кроме того, вернувшиеся на городище поздние скифы расчистили некоторые заброшенные помещения (в частности – помещения Центральной башни), уничтожив всё, что ещё оставались в них. Ситуацию осложняет и наличие упоминавшейся ранней примеси, которая попала в митридатовский слой из предшествовавших отложений при строительстве укрепления.

Для получения хронологически максимально однородной выборки амфор митридатовского времени в неё отбирались, в первую очередь, все развалы и крупные обломки, обнаруженные в закрытых комплексах помещений и в мусорных ямах этого периода. Из открытых комплексов времени функционирования и разрушения помещений в выборку включались только крупные фрагменты амфор, случайное перемещение которых в слое практически невозможно. Единичные мелкие обломки тары из открытых комплексов вошли в выборку только в исключительных случаях, когда они явно принадлежали редким разновидностям позднеэллинистических амфор. Из рассмотрения исключались и фрагменты сосудов IV – 1 половины III вв. до н. э. (в т. ч. клейменых), а также моложе середины I в. до н. э. Это минимизировало попадание в выборку ранней и поздней примеси, хотя и исключило из нее отдельные обломки позднеэллинистической тары.

В выборку также включены материалы полузакрытых комплексов ряда мусорных ям. Некоторые из них откладывались во время функционирования укрепления. Но наиболее выразительные комплексы тары происходят из нескольких ям последних лет существования крепости (№ 6/99, 8/11, 18/13 и др.) или, судя по стратиграфии, вырытых сразу после её оставления греческим населением. Создается впечатление, что в эти ямы был свален материал из нескольких помещений Центрального строительного комплекса крепости при их расчистке вернувшимися скифами.

Как показано выше, рассматриваемый материал в целом датируется последней третью II – 70–60-ми гг. I вв. до н. э., тогда как функционирование греческого укрепления на Кара-Тобе началось не ранее 113 г. до н. э. Более дробное деление находок по строительным горизонтам невозможно. Основная масса закрытых комплексов относится к последнему горизонту периода I, тогда как на ранних полах находок практически нет.

В позднеэллинистическое время лишь ограниченное число центров экспортировало продукцию в амфорной таре в Северное Причерноморье. Как и ранее, они делятся на эгейские и черноморские. Из эгейских центров на Кара-Тобе представлена тара Родоса, Книда, Коса, а также единичные фрагменты сосудов нескольких менее известных экспортеров. Из черноморских центров широко представлена тара Синопы, нескольких регионов Восточного Причерноморья, а также амфоры, предположительно относимые к производству позднеэллинистической Гераклеи [Внуков, 2003, с. 198, 199, рис. 75]. В небольшом количестве или единично присутствует и тара неизвестных экспортеров. В первую очередь, это сосуды, первоначально отнесенные С. Ю. Монаховым к продукции Херсонеса и выделенные им как тип Херсонес V [Монахов, 1989, с. 64, 65; табл. XVI. *106, 107*. См. также Внуков, 2006, с. 62, 63]. Позднее он изменил свое мнение и отнес эти сосуды к производству неизвестного центра (личная информация).

Таблица 1. Суммарное распределение фрагментов тары из ям 6/99, 8/11 и 18/13 по центрам производства.

	Родос	Книд	Кос и Псевдокос	Синопа	поздняя Гераклея	Колхида	прочие	**всего**
количество	539	169	143	2180	419	846	391	**4688**
% от всех обломков тары	11,5	3,6	3,1	46,5	8,9	18,0	8,3	**100,0**
минимальное кол-во сосудов	8	7	6	22	9	12	7	**71**

Представление о соотношении амфор разных центров в рассматриваемое время дают материалы из трех ям, открытых на площади Северного двора Центрального комплекса крепости. Все они были впущены в мусорные наслоения двора, образовавшиеся за время его функционирования, в конце строительного периода I или даже немного позднее. Ямы содержали почти исключительно фрагменты позднеэллинистических амфор, многие из которых склеены в археологически целые сосуды или крупные их части. Это очень похоже на сброс материала из расчистки складских помещений. Подсчет всех амфорных фрагментов из этих ям, в том числе стенок, по центрам производства показан в таблице (табл. 1).

Итак, от трети до половины амфорных фрагментов в ямах составляют обломки синопской тары, в сумме их доля – 46,5% (табл.). Второе место занимает продукция регионов Колхиды (в сумме 18,0%), и только третье (11,5%) – тара Родоса. На все остальные центры-экспортеры приходится 24%, из которых 8,3% составляют обломки амфор неизвестных центров. При этом на средиземноморские центры (Родос, Книд и Кос) всего приходится около 18%, а в яме 8/11 – лишь немного более 12% фрагментов.

Полученная картина очень показательна и в целом отражает особенности торговых связей Кара-Тобе, а также, видимо, и других центров Северного Причерноморья в первой трети I в. н. э. Конечно, доля амфорных фрагментов даёт лишь приблизительное представление о поступавших *объемах* продукции различных центров, но картина настолько показательна, что эти соотношения принципиально не изменятся при любой системе подсчета.

В яме 8/11 найдено 8 амфорных клейм. Самое позднее из них, родосского эпонима Антипатра, относится к хронологической группе 6. Здесь же найдены клейма родосских фабрикантов Дора (2 экземпляра одного штампа) и Дамократа II. Деятельность обоих приходится на 2 половину хронологической группы 5 и начало группы 6. Это позволяет датировать весь комплекс ямы 8/11 временем не ранее конца II в. до н. э., а, учитывая небольшую долю в нем родосских амфор, возможно, и первой четвертью I в. до н. э. Видимо, этот комплекс отражает торговые связи городища во время не ранее Первой Митридатовой войны, в которой Родос выступил на стороне Рима.

В яме 6/99 найдено 3 книдских клейма, из которых лишь одно читаемое (хронологическая группа VI – см. ниже). В яме 18/13 найдено 2 клейма: нечитаемое родосское и неизвестного центра.

Тара черноморских центров

Синопа. Синопские амфоры – самые многочисленные в рассматриваемом амфорном комплексе. Это может быть вызвано двумя причинами. Во-первых, Синопа, столица Понтийского царства, традиционно поддерживала широкие торговые связи с Северным Причерноморьем в эллинистическое время и имела здесь твердые позиции [Зеест, 1960, с. 29, 30]. Во-вторых, она экспортировала не только вино, но и оливковое масло, спрос на которое был высок в греческих черноморских центрах. В периоды затруднений с поступлением товаров из Средиземноморья Синопа становилась практически единственным его поставщиком в Причерноморье.

В позднеэллинистическое время синопская тара представлена только одним вариантом, характерным признаком которого является «крученая» коническая ножка (тип 31 по: [Зеест, 1960, с. 91, табл. XIV]; вариант III-D по: [Монахов, 2003, с. 154, 155, табл. 105.*1–4*]; вариант Син Iв по: [Внуков, 2003, с. 130–133]). Его производство началось во 2 четверти II в. до н. э. и продолжалось в раннеримское время. Из-за редкости целых экземпляров таких сосудов не все детали их эволюции прослежены. Общее описание амфор этой разновидности дано в работах С. Ю. Монахова. Материалы Кара-Тобе позволяют немного его дополнить.

Рассматриваемые сосуды варианта Син Iв имеют острое яйцевидное тулово, плавно переходящее в покатые округлые плечи, высокое или средней высоты горло с более или менее выраженной припухлостью на уровне верхних корней ручек и валикообразный вытянутый по вертикали венчик с уплощенной внешней поверхностью (рис. 2. См. также [Монахов, 2003, табл. 105. *1–4*]). Тулова различаются остротой нижней части: они могут сохранять некоторую округлость (рис. 2, 11/730,738,750) или же контур может быть совершенно прямым, а нижняя часть амфоры – конической (рис. 2, 98/254). Плечики немного различаются степенью покатости и радиусом изгиба в месте наибольшего диаметра сосуда. Горла заметно различаются высотой и выраженностью припухлости в верхней части. Примерно у трети их на середине высоты по сырой глине палочкой небрежно прочерчена неглубокая горизонтальная бороздка (рис. 2, 11/730,738,750, 98/254, 11/733). Ручки крепятся в нижней части или середине плечиков и под венчиком, на уровне припухлости горла. В сечении они подовальные, иногда с нечетким ребром на внешней поверхности (рис. 2, 11/735, 14/94 и др.) или подромбические (рис. 2, 98/254, 11/736). Ножки конические. Большинство из них имеют следы спирального кручения и горизонтальную полоску – отпечаток круглой подставки для сушки амфоры до её обжига (рис. 2, 11/732,744, 05/159, 06/588, 04/593 и др.). Ножки различаются углом расхождения контура (остротой) и степенью выраженности кручения. Их подошва обычно никак не оформлена, часто неровная.

Основные параметры двух целых амфор, найденных в яме 8/11 (рис. 2, 11/730,738,759 и 11/732,750): высота около 65 и 65,4 см, максимальный диаметр тулова около 33 и 29,7 см, диаметр венчика 10,5 и 9,8 см соответственно. На ручке первой имеется фабрикантское клеймо финальной хронологической группы с именем Новия (аналогия: [Кац, 2007, рис. 63. *5*]). Римское имя позволяет датировать его временем не ранее образования провинции Азия в 126 г. до н. э. и начала активного расселения римских переселенцев в Малой Азии. В том же комплексе найдено родосское клеймо начала хронологической группы 6 (см. выше).

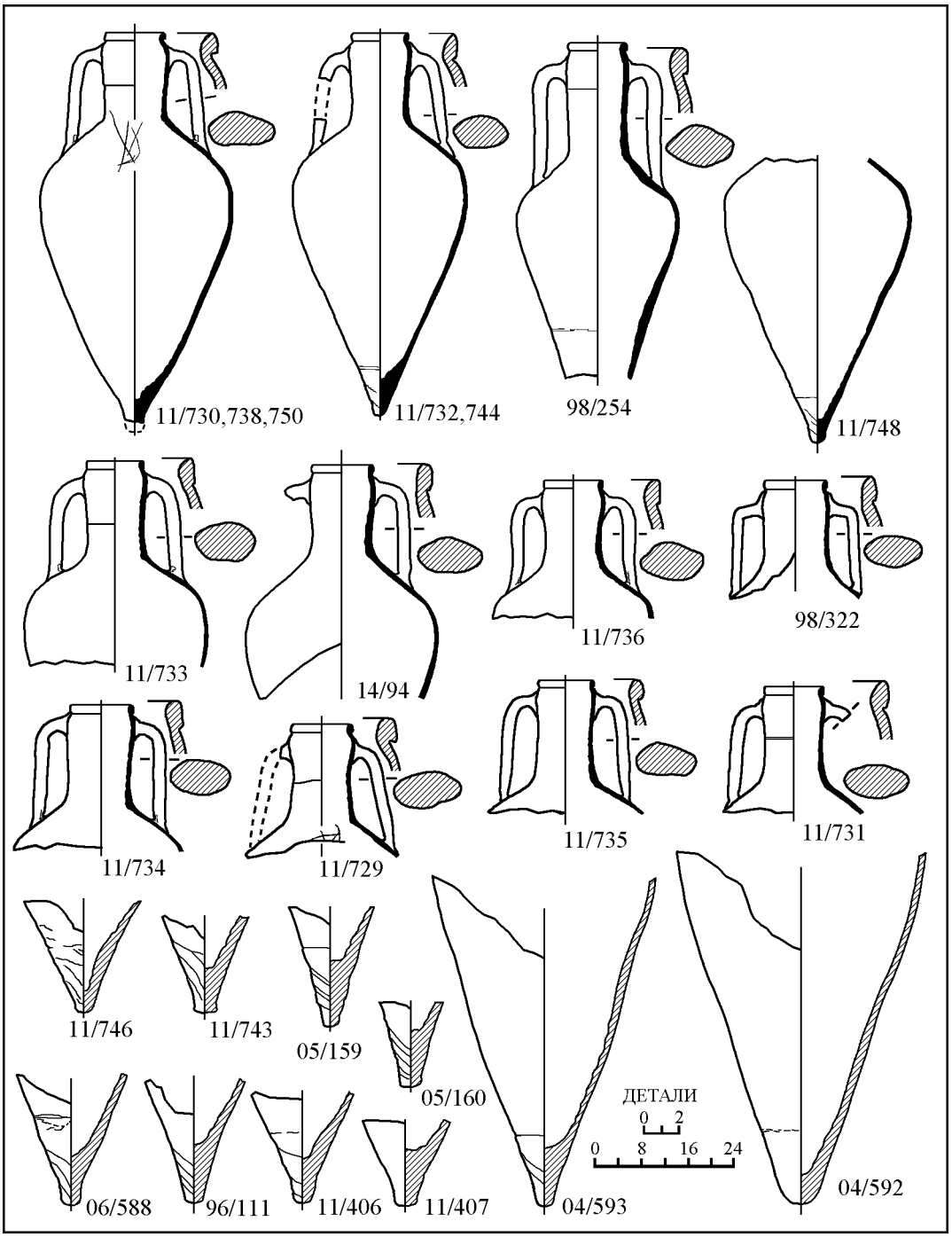

Рис. 2. Амфоры Синопы (11/729-11/750 из комплекса ямы 8/11)

Амфоры из слоев строительного горизонта I датируются последней третью II – первой третью I вв. до н. э. За это время синопская тара постепенно менялась, о чем свидетельствуют различия в деталях формы сосудов и их профильных частей (рис. 2). Направление этих изменений помогает проследить синопская амфора из нижнего скифского строительного горизонта 2_0 (середина I в. до н.э; рис. 2, 98/254 [Внуков, 2003, рис. 51. *3*; 2013, рис. 6. *Г*]). Она уже заметно отличается от позднеэллинистических сосудов. Видимо, изменения шли в обычном для тары многих центров направлении: уменьшение размеров и объема сосудов, вытягивание пропорций и, в первую очередь, горла, «иссушение» контура.

Аналогией рассмотренным синопским амфорам является сосуд из погребения без номера на раскопе III некрополя Танаиса. С ним найдена родосская амфора с клеймом Аристейда III, датируемое около 111 г. до н. э. [Монахов, 1999, с. 557–559, табл. 235. *1*].

Колхида. Амфоры из различных районов Колхиды также широко представлены в рассматриваемых комплексах. Глиняная масса этих сосудов принадлежит двум основным петрографическим группам, что предполагает, как минимум, два региона их производства [Внуков, 2006, с. 79–84; 2012, с. 6–9]. В одном из них (южном?) в примеси преобладают зерна пироксена (масса разновидности 1), в другом (Абхазия?) примесь представляет собой песок сложного состава, пироксен здесь редок (масса разновидности 2). При этом развитие формы этих сосудов в обоих регионах как минимум до II в. н. э. происходило параллельно. Ранние амфоры разного состава разделить по морфологическим признакам пока не удается.

Найденные на Кара-Тобе колхидские эллинистические амфоры принадлежат поздней серии подварианта B_1 или переходной разновидности между подвариантами B_1 и B_2 (рис. 3. *А*; см.: [Внуков, 2001, с. 149; 2003, рис. 66. 2, а, *303, 292*; б, *319, 327*; с. 164, 165]). Среди них присутствуют сосуды, сделанные из обеих разновидностей глиняной массы при преобладании изделий из массы первой (пироксеновой) разновидности (масса 1 – рис. 3. *А*, 11/764,772; масса 2 – рис. 3. *А*, 11/762).

О полной форме рассматриваемых сосудов можно судить по двум наиболее сохранившимся амфорам из той же ямы 8/11. Их тулова яйцевидные и не имеют перехвата. Перехват является определяющим признаком для варианта В коричневоглиняной тары [Внуков, 2001, с. 149; 2003, с. 164, 165]. Редкие сосуды без перехвата, встречающиеся в позднеэллинистическое и римское время, рассматривались как случайные отклонения от стандарта с перехватом [Внуков, 2001, с. 149; 2003, рис. 66. 2, б, *327*; с. 165]. Определить, является ли отсутствие перехвата тулова у двух рассматриваемых амфор значащим хронологическим или локальным признаком, невозможно. Не исключено, что вытеснение сосудов без перехвата амфорами с перехватом происходило постепенно и продолжалось до конца эллинистической эпохи. В таком случае перехват не может быть основным вариантообразующим признаком сосудов Кх В, и предложенная ранее классификационная схема требует уточнения [Внуков, 2001, с. 149].

Рассматриваемые амфоры имеют покатые плечики, плавно переходящие в тулово, короткое расширяющееся книзу горло и короткие петлевидные ручки, которые крепятся на переходе горла в плечики и под валиком венчика (рис. 3. *А*). Сечение ручек овальное или уплощенное, линзовидное. Венчики немного отогнуты наружу или

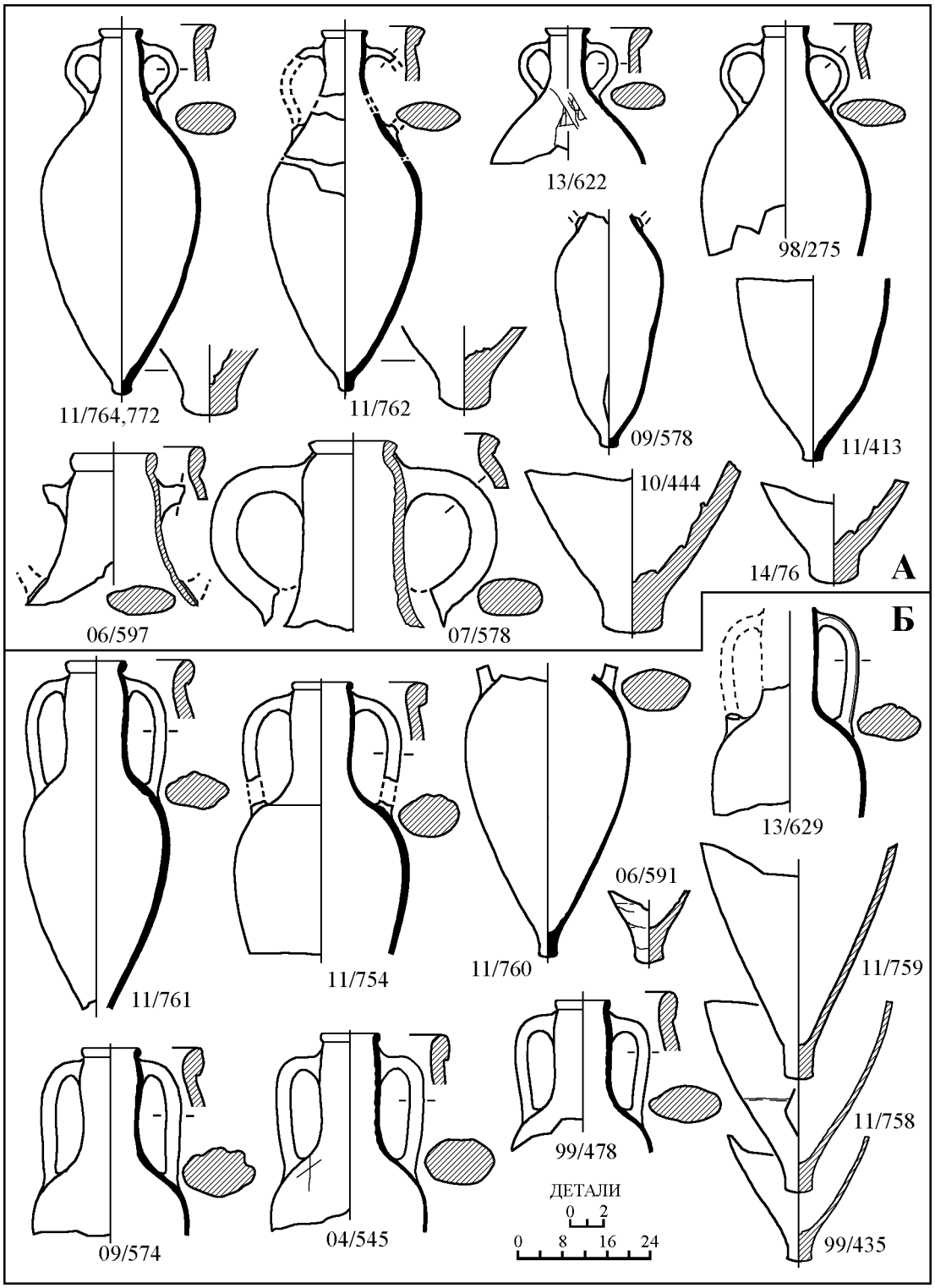

Рис. 3. **А** – амфоры Колхиды; **Б** – поздние гераклейские (?) амфоры (11/754 – 11/772 из комплекса ямы 8/11)

вертикальные. Формы валика сильно варьируют, их преобладающие контуры – уплощенные с угловатыми переходами между плоскостями и с подрезкой внизу (разновидности Кх в 1Аа – рис. 3. *А*, 11/764,772, 11/762, 06/597, и Кх в 1Б – рис. 3. *А*, 98/275, 13/622 [Внуков, 2003, с. 175, рис. 70. *1, 3*]). Все ножки рассматриваемых амфор принадлежат разновидности Кх н 1Ав [Внуков, 2003, с. 186; рис. 73.*3*]: подконические с вогнутым боковым контуром, цилиндрической нижней частью и с выпуклой подошвой (рис. 3. *А*, 11/764,772, 11/762, 10/44, 11/413, 14/76). Они отдаленно напоминают ножки синхронных родосских амфор. Изнутри у всех ножек имеется технологический завиток-«улитка» [Зеест, 1960, с. 126, рис. 11, 12. *а, б*; Внуков, 2003, с. 165, 166; 2012, с. 9, 10; рис. 4. *1*].

Размеры двух сохранившихся целиком амфор (рис. 3. *А*, 11/764,772 и 11/762): высота около 65,5 и ≈ 63–65 см, максимальный диаметр тулова около 33 и 28,5 см, диаметр венчика 8,5 и 8,0 см соответственно. Максимальный диаметр располагается примерно в середине высоты сосуда.

При общем морфологическом сходстве всех эллинистических коричневоглиняных амфор с Кара-Тобе у них имеются и различия, связанные, видимо, с постепенной эволюцией формы. Так, одно из найденных горл (рис. 3. *А*, 06/597) – короткое, довольно массивное; оно заметно расширяется книзу, валик его венчика симметричный. Эти признаки более характерны для сосудов III – первой половины II вв. до н. э. [Внуков, 2003, рис. 66. *2*, а, *290, 292*]. Другое горло (рис. 3. *А*, 13/622) – узкое, прямое, с подтреугольным венчиком и сильно изогнутыми петлевидными ручками. Эти признаки чаще встречаются у амфор подварианта $В_2$ второй половины – конца I в. до н. э. [Внуков, 2003, рис. 66. 2, б, *319, 327, 220*]. По всей видимости, эти 2 сосуда отмечают крайние точки эволюции формы рассматриваемых амфор в пределах изучаемого периода.

Также примечательно тулово миниатюрной амфоры из ямы 9/09 (рис. 3. *А*, 09/578). Его максимальный диаметр всего 19,3 см. Остальные сохранившиеся параметры также соответственно меньше. Ножка, как и ножки других синхронных сосудов, относится к подварианту Кх н 1Ав. На тулове имеется слабо выраженный перехват. Вероятно, это фракционный сосуд того же времени и той же морфологической разновидности, что и другие описанные выше коричневоглиняные амфоры. Прочий материал в яме соответствует митридатовскому времени.

Можно указать несколько аналогий рассмотренным амфорам, но не все они происходят из надежных комплексов. Так, три подобных сосуда найдены в Албешти (Румыния) [Buzoianu, Bărbulescu 2008, p. 138; pl. VIII, *A80-A82*; LXI, *A80-A82*] Это самые ранние колхидские амфоры в Западном Причерноморье. Авторы датируют гибель этого памятника концом III – самым началом II вв. до н. э.

Еще одна фрагментированная аналогичная амфора найдена на поселении Большой Кастель в Северо-Западном Крыму [Монахов, табл. 237. *1*][8]. На её тулове имеется слабый перехват.

[8] Рассмотрение С. Ю. Монаховым всего амфорного материала поселения Бол. Кастель как единовременного комплекса представляется неоправданным [Монахов, 1999, с. 559–568]. В нём выделяется как минимум 2 разновременных комплекса. Ранний действительно «закрывается» не позднее начала 2 четверти II в. до н. э. Поздний, в который входят эта колхидская амфора подварианта $В_1$, книдские [Монахов, 1999, табл. 237. *1–3*], синопские варианта Син Iв, поздние гераклейские (?) [Монахов, 1999, табл. 236. *4, 5, 7, 8*], большинство родосских

Очень примечательным является комплекс, открытый немецкими археологами в 1990-х гг. при раскопках сооружений, предшествовавших постройке храма Траяна в Пергаме [Raek et al., 2000, S. 347, 348, Abb. 19, 20]. В строительном комплексе I в слое I 2 вместе с находками II–I вв. до н. э. были обнаружены развалы 3 колхидских амфор (комплекс находок 6) [Raek et al., 2000, S. 307, *118–119*]. К сожалению, авторы не смогли верно атрибутировать и датировать эти сосуды. Они отнесли их к производству неизвестного местного центра и по отдаленным аналогиям попытались датировать III–V вв. н. э. [Raek et al., 2000, S. 319, 323, 347]. Это привело к ошибочным интерпретации и датировке вскрытых слоёв и заставило авторов делать множество оговорок. Амфоры были обнаружены в слое со следами интенсивного пожара и разрушений, а среди находок, помимо развалов и отдельных фрагментов керамики, были найдены наконечники стрел и копий [Raek et al., 2000, S. 319, Abb. 7]. Видимо, это следы разрушения города в ходе военных действий.

Амфоры из слоя пожара имеют аналогии среди позднеэллинистической колхидской тары как по форме, так и по глине, но немного отличаются от сосудов с Кара-Тобе пропорциями; максимальный диаметр у них расположен в верхней трети высоты. У сосуда 6.15 заметен слабый перехват [Raek et al., 2000, Abb. 19, 20]. Вместе с тем, все основные морфологические признаки и параметры этих изделий соответствуют признакам амфор из Кара-Тобе [Raek et al., 2000, S. 347]. Разница в некоторых пропорциях и наличие нерезкого перехвата у одного из этих сосудов только подтверждают выдвинутое выше предположение о переходном характере данной формы колхидской тары.

Единственный период, когда Пергам мог иметь реальные связи с Восточным Причерноморьем – это время Первой Митридатовой войны. В 88–86 гг. до н. э., после завоевания понтийцами провинции Азия, город стал своего рода столицей завоеванных областей, где располагалась «ставка» Митридата (Plut., Sulla, 11, 23; App., Mitr., 21, 56. См. также [Молев, 1995, с. 67]). Вероятно, колхидские амфоры попали в Пергам во время пребывания здесь понтийских войск, среди которых были и контингенты из Восточного Причерноморья. В таком случае слой военных разрушений, в котором сосуды были найдены, следует связывать с взятием города римскими войсками Флавия Фимбрия в 86 г. до н. э. в ходе Первой Митридатовой войны. Это предположение согласуется с ситуацией и материалом, открытыми раскопками.

Гераклея (?). Вопрос о позднеэллинистической гераклейской таре стал подниматься исследователями только в последние 10–15 лет [Монахов, 1999, с. 569; табл. 236. *7, 8*; Внуков, 2003, с. 198, 199, рис. 75; Lomtadze, Zhuravlev, 2004, p. 207–209, fig. 5; 6. *4, 5*]. Известна лишь одна целая амфора этого типа, происходящая из цистерны 245 на акрополе

и широкогорлая неизвестного центра [Монахов, 1999, табл. 236. *6*] (см. ниже) амфоры, датируется не ранее последней четверти II в. до н. э. Об этом прямо свидетельствует присутствие среди материала трех эпонимных родосских клейм группы 5 (даты между 120 и 115 гг. до н. э.) и одного синхронного им клейма фабриканта Алиноса [Монахов, 1999, с. 566]. Эти родосские сосуды, как, видимо, и перечисленная тара других центров, могли попасть на памятник уже после начала Диофантовых войн. Попытка автора удревнить датировку родосских клейм группы 5 на 50–60 лет выглядит необоснованной [Монахов, 1999, с. 567].

В этой связи встает вопрос: не является ли данный материал митридатовского времени свидетельством реколонизации Херсонесом некоторых поселений Северо-Западного Крыма? Мало вероятно, что после размещения понтийского гарнизона в Калос-Лимене заброшенную греческую усадьбу Бол. Кастель в его округе заселили поздние скифы, а не греки.

Пантикапея [Lomtadze, Zhuravlev, 2004, fig. 5. *3*]. Находки с Кара-Тобе позволяют более подробно охарактеризовать такие сосуды.

Глина описанных ниже амфор визуально очень близка глине гераклейских сосудов IV–III вв. до н. э. Она красновато-коричневатого цвета разных оттенков (от светлого бежевого до почти кирпичного), довольно рыхлая, содержит большое количество песка, состоящего из зерен кварца, железистых минералов, редких обломков пироксена и эффузивных пород. Петрографически изучен только один образец подобных амфор, что недостаточно для надежных заключений. По результатам статистического анализа состава он попал в херсонесскую петрографическую группу 3, самую близкую обеим гераклейским группам [Внуков, 2006, с. 28, 29, образец 56]. До увеличения числа изученных образцов отнесение рассматриваемых амфор к продукции Гераклеи остаётся предположительным.

На Кара-Тобе найдены одна почти целая «поздняя гераклейская» амфора, а также несколько верхних частей и ножек (рис. 3. *Б*). Эти сосуды имеют яйцевидное тулово, покатые плечи, плавно переходящие в тулово, подцилиндрическое горло с намеченной припухлостью на уровне верхних корней ручек, валикообразный венчик, овальные или профилированные ручки и простую коническую ножку (рис. 3. *Б*). На плечиках одной амфоры на уровне нижних корней ручек проходит четкий уступ (рис. 3. *Б*, 11/754). Валики венчиков немного вытянуты по вертикали, внешняя поверхность у них выпуклая или уплощенная, верхняя – выпуклая, подрезка внизу слабая. Ручки крепятся под венчиком и в средней части плечиков. Они могут иметь простое овальное сечение (рис. 3. *Б*, 11/760, 99/478), едва заметные бороздки на внешней поверхности (рис. 3. *Б*, 11/761, 11/754, 13/629) или выраженную профилировку тремя округлыми врезами (рис. 3. *Б*, 09/574). Видимо, оформление ручек отражает процесс перехода от овальных к профилированным ручкам, который происходил в это время. Ножки имеют простую коническую форму с вогнутой боковой поверхностью. Иногда они немного расширяются книзу (рис. 3. *Б*, 11/758, 99/435). Не исключено, что такая форма является результатом эволюции клейменой гераклейской тары 1 половины III в. до н. э., но сосуды середины III – второй трети II вв. до н. э. неизвестны.

Размеры наиболее сохранившейся амфоры с Кара-Тобе: диаметр венчика 9,5 см, максимальный диаметр 26,0 см, сохранившаяся высота – до 63,2 см, восстанавливаемая общая высота – около 70,0 см. Диаметры венчиков других фрагментированных сосудов колеблются в пределах 9,5–11,0 см, максимальные диаметры 26,5–31,0 см.

Ещё одна фрагментированная поздняя гераклейская (?) амфора найдена в яме 12/98, датируемой концом строительного периода I или самым началом скифского строительного периода II [Внуков, 2013, с. 30, рис. 6. *В*, 98/379]. Отдельные фрагменты подобных сосудов встречаются в скифских отложениях до конца второй трети I в. до н. э. [Внуков, 2013, с. 30, рис. 6. *В*, 01/465, 05/586]. Они позволяют наметить эволюцию формы подобных амфор. Их развитие также шло в направлении облегчения пропорций сосудов, вытягивания тулова, большей угловатости контура и деталей. Все ручки раннеримских амфор имеют профилировку тремя округлыми врезами.

Поздние гераклейские (?) амфоры практически не выделяются исследователями. Поэтому круг аналогий сосудам Кара-Тобе очень ограничен. Помимо целой и двух

фрагментированных амфор из цистерны 245 в Пантикапее [Lomtadze, Zhuravlev, 2004, fig. 5] можно назвать еще только два фрагментированные сосуда с усадьбы Бол. Кастель в Северо-Западном Крыму [Монахов, 1999, с. 569; табл. 236. *7, 8*].

Поступление рассматриваемых амфор в Северное Причерноморье было непродолжительным. Их фрагменты встречаются на памятниках региона в слоях, датируемых не ранее последней четверти II в. до н. э. После восстановления Гераклеи в 60–50-х гг. до н. э. производство такой тары, видимо, было возобновлено [Внуков, 2003, с. 198, 199] и она вновь ввозилась в Северное Причерноморье. Таким образом, описанные амфоры датируются последней четвертью II – второй третью I вв. до н. э. ([Lomtadze, Zhuravlev, 2004, p. 209]; см. также распределение фрагментов амфор «группы Б» в слоях городища Чайка [Внуков, 1984, с. 59, 65, 68]), то есть временем правления Митридата Евпатора и началом римского периода. При отсутствии других хроноиндикаторов они позволяют датировать комплексы с точностью менее века. Позднее описанные красноглиняные сосуды, по-видимому, дали начало светлоглиняным гераклейским амфорам типа С III [Внуков, 2003, 198, 199; 2013, с. 30].

Тара Средиземноморских центров.

Родос. Как уже отмечалось, доля фрагментов родосской тары в амфорном комплексе Кара-Тобе сравнительно невелика. Этому соответствует и небольшое количество обнаруженных на городище сосудов достаточной сохранности. Найдена только одна целая амфора (рис. 4. *А*, 04/301). На её ручках – клейма эпонима Аристака (136–133 гг. до н. э.) и фабриканта Евклейта. Амфора найдена в яме 5/04, которая была выкопана из верхней части мусорного слоя на площади к западу от греческого Центрального комплекса. Яма была практически пустой, т. к. до заполнения оказалась перекрыта плотным слоем сырцового завала. Лишь на дне лежали фрагменты родосской амфоры и ручка сосуда того же центра с клеймом фабриканта Агатокла (группа 3).

Из упоминавшейся ямы 8/11 происходит верхняя часть родосской амфоры с клеймом фабриканта Дора (группа 5/6) (рис. 4. *А*, 11/715). Ещё один неполный развал сосуда с таким же клеймом найден на полу помещения 31_1 Центрального строительного комплекса (рис. 4. *А*, 98/276,278) вместе с фрагментами колхидской амфоры подварианта B_1 (рис. 3. *А*, 98/275). Также примечательно горло родосской амфоры с четырьмя клеймами: круглыми с головой Гелиоса эпонима Тимофея (128 г. до н. э.) и фабриканта Евфранора и с дополнительными монограммами одного штампа сбоку, на корнях обеих ручек: *EI* или *ΩT* (чтение зависит от ориентировки оттиска; Дж. Финкельштейн считает это изображением якоря [Finkielsztejn, 2001, p. 219, tabl. 23. *3*]) (рис. 4. *А*, 13/63). Горло найдено в яме 4/13, перекрытой стеной скифского помещения раннего горизонта 2а. Здесь же обнаружены ещё 2 родосских фабрикантских клейма: круглое клеймо Евфранора другого штемпеля и прямоугольное клеймо Люсиона. Его оттиски встречены на одних амфорах с клеймами эпонима Аратофана II (109 г. до н. э.), что дает terminus post quem комплекса.

С. Ю. Монахов, как и некоторые зарубежные исследователи [Finkielsztejn, 2001. P. 49, 50; Pl. B, C], выделяет два основных типа родосской тары: тип I – с длинным горлом и более редкий тип II – с коротким горлом и грибовидным венчиком [Монахов, 2003,

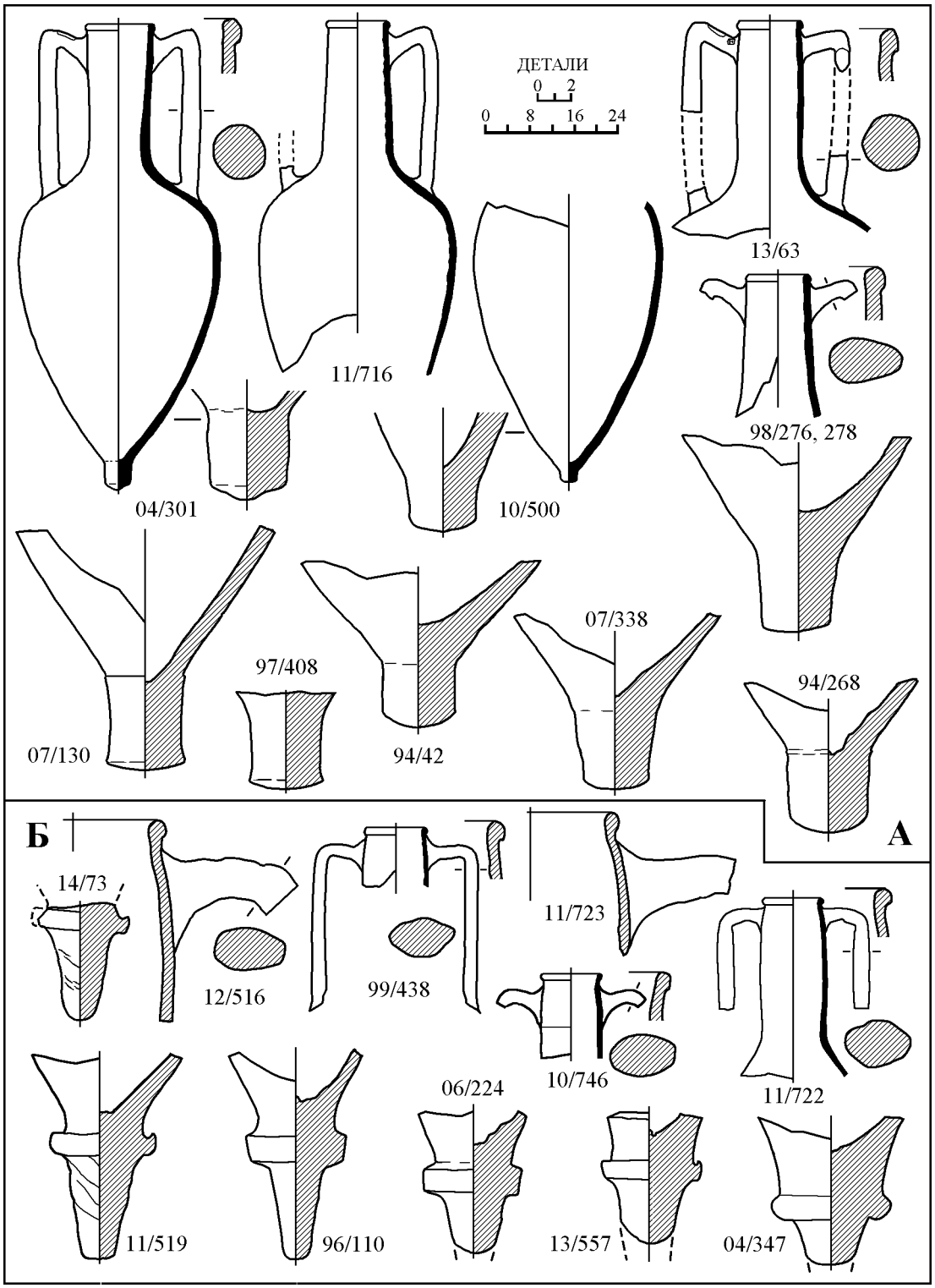

Рис. 4. **А** – амфоры Родоса; **Б** – амфоры Книда (11/716–11/723 из комплекса ямы 8/11)

с. 113–121]. Видимо, к ним следует добавить также тип III – маленькие амфоры с двуствольными ручками.

Родосские амфоры Кара-Тобе принадлежат поздним разновидностям E-2 и F типа I [Монахов, 2003, с. 118–120; Табл. 83, 84]. Встречаются и редкие фрагменты небольших родосских амфор с двуствольными ручками. Сосуды типа I имеют яйцевидное более или менее округлое тулово, наклонные плечики, плавно сочленяющиеся с туловом и горлом, высокое почти цилиндрическое горло, высокие вертикальные ручки круглого сечения с резким перегибом вверху, валикообразный венчик и ножку с подцилиндрической нижней частью или коническую (рис. 4. *А*). Ручки крепятся под венчиком и в средней части плечиков. Валик венчика удлинен по вертикали и имеет округлую или подпрямоугольную форму с уплощенными внешней и верхней поверхностями (рис. 4. *А*, 98/276,278, 04/301, 13/63). У некоторых ножек переход от нижней цилиндрической к верхней конической части подчеркнут врезом (рис. 4. *А*, 94/268, 07/130).

Параметры целой амфоры: диаметр венчика 12,5 см, максимальный диаметр 36,0 см, высота 83,0 см (рис. 4. *А*, 04/301). Диаметры венчиков фрагментированных сосудов колеблются в пределах 11,5–13,0 см, максимальные диаметры – 34,0–36,0 см. Они соответствуют параметрам поздних разновидностей родосской тары.

Эволюция родосских амфор типа I эллинистического времени довольно монотонна, без скачков, чем, видимо, отчасти объясняется малое внимание, которое уделяли ей исследователи. Формализованной типологии родосской тары до сих пор не существует. Выделяемые исследователями морфологические разновидности сосудов типа I по сути являются произвольными хронологическими отрезками единой эволюционной линии. Их границы размыты; они выделены в целом субъективно, больше на основании определяемой по клеймам хронологии сосудов, чем их морфологии. Клейма существенно информативнее для датировок, чем постепенно изменявшаяся морфология сосудов.

Различия между сосудами разновидностей E-2 и F типа I заключаются в некоторых пропорциях (относительное удлинение со временем горла и тулова), в контуре тулова (становится все более округлым), деталях ножки и в целом небрежном изготовлении поздних сосудов [Монахов, 2003, с. 120]. Эти признаки не всегда позволяют надежно атрибутировать фрагменты.

Наиболее показательна эволюция формы ножек родосских амфор. Если у сосудов разновидности E-2 ножка ещё сохраняет четкость перегиба между цилиндрической нижней и конической верхней частью (рис. 4. *А*, 07/130, 04/301, 94/42), то у поздних амфор F она постепенно приобретает вид конуса с вогнутым контуром (рис. 4. *А*, 07/338, 10/500). Исходя из этих признаков самыми ранними в рассматриваемой выборке должны быть ножки с четким контуром и выделенным цилиндром внизу (рис. 4. *А*, 07/130, 97/408), а также упоминавшаяся целая амфора (рис. 4. *А*, 04/301; 136–133 гг. до н. э.), ещё сохраняющая общий биконический контур тулова и подцилиндрическую ножку. Поздним является тулово сосуда, вкопанное в юго-западной части помещения 52 Центрального комплекса (рис. 4. *А*, 10/500). Оно яйцевидное, округлое, ножка – коническая с вогнутым внешним контуром без выделенной нижней части.

Родосских амфор римского времени на Кара-Тобе не встречено.

Книд. Книдская тара представлена на Кара-Тобе в ещё меньшем количестве, чем родосская. Ни одной целой амфоры или фрагмента с сохранившимся максимальным диаметром здесь не найдено. Практически вся исследованная выборка тары этого центра состоит из одного целого и трех фрагментированных горл и порядка двух десятков ножек (рис. 4. *Б*). Отдельные обломки венчиков и ручек книдских сосудов из открытых комплексов не рассматривались. Представление о форме книдской тары этого времени дает целый сосуд из слоя разрушения дворца на акрополе Фанагории 63 г. до н. э. [Гарбузов, Завойкин, 2015, с. 97].

Некоторые книдские ручки имеют клейма, большинство которых плохо читаемы. Так, на ручках двух амфор из ямы 8/11 (рис. 4. *Б*, 11/722, 11/723) оттиснуты круглые клейма разных штампов с букранием, круговые легенды которых не читаются. Ещё одно горло с круглым плохо сохранившимся клеймом с букранием найдено в яме 10б/12 (рис. 4. *Б*, 12/516). Н. В. Ефремов предположительно восстанавливает в нём имена дуовиров Артемона и Аристокла (хронологическая группа VIIA – 115–88 гг. до н. э.) (личное сообщение). Это клеймо дает terminus post quem заполнения ямы. Отсюда же происходит ещё одно круглое книдское клеймо с букранием, в котором Н. В. Ефремов предположительно восстанавливает имя фабриканта Дамократа сына Аристокла (группа VI, 146–115 гг. до н. э.). На обеих ручках горла из ямы 6/99 (рис. 4. *Б*, 99/438) имеются нечитаемые клейма. Лишь на одном из них просматривается эмблема – весло (?) вправо. Здесь же найдено книдское клеймо с именами эпонима Гиерокла и фабриканта Айнея [Jefremow, 1995, S. 197, № 533–543], тоже относящееся к группе VI (146–115 гг. до н. э.), видимо, к её второй половине. На ручке горла из заполнения помещения 71 Центрального строительного комплекса (рис. 4. *Б*, 10/746) оттиснуто клеймо листовидной формы с именами эпонима Евфранора и фабриканта Тевкла. Оно также принадлежит группе VI. С ним найдено родосское клеймо эпонима Аристогейта (142–136 гг. до н. э.).

Типология книдской тары разработана только на эмпирическом уровне и как бы пунктирно. С. Ю. Монахов для классического и эллинистического времени выделяет тоже два типа амфор: ранний тип I с высоким цилиндрическим горлом и грибовидным венцом и более поздний тип II «с коническим горлом и кубаревидной» ножкой [Монахов, 2003, с. 102–110]. Они делятся на несколько хронологических вариантов.

Все найденные на Кара-Тобе фрагменты принадлежат позднему из выделенных вариантов типа II – «веретенообразному» II-G, возможно, даже его поздней серии [Монахов, 2003, с. 109, 110; табл. 78]. Для них характерно высокое цилиндрическое или со слабой припухлостью в середине высоты горло, соответственно высокие вертикальные ручки овального сечения, покатые плечи и коническая ножка с характерным дополнительным горизонтальным ободком-обручем (рис. 4. *Б*). Венчик этих сосудов валикообразный, округлый, без четкой подрезки внизу (рис. 4. *Б*, 11/722, 11/723, 12/516, 99/438). Ручки сравнительно далеко отстоят от горла и крепятся под валиком венчика и в середине плечиков. Их перегиб резкий, почти под прямым углом; верхнее колено ручек горизонтальное (рис. 4. *Б*, 11/722, 99/438). Ножки амфор имеют форму сравнительно длинного острого конуса, на который как бы надет горизонтально глиняный диск толщиной 1–2 см (рис. 4. *Б*). На некоторых из них заметны спиральные следы кручения, аналогичные следам на ножках синхронных синопских амфор (рис. 4. *Б*, 11/519,

14/73 и др.). Часто нижняя часть конуса такой ножки отбивается и/или сильно затирается, из-за чего она становятся значительно короче (рис. 4. *Б*, 06/224, 13/557, 04/347). Первоначально все ножки, видимо, имели длинный острый конус. Судя по аналогиям, эти сосуды также должны иметь вытянутое яйцевидное тулово, плавно или под углом переходящее в покатые плечи [Монахов, 2003, табл. 78; Гарбузов, Завойкин, 2015, с. 97].

Диаметр венчиков рассматриваемых сосудов 11,0–12,2 см, высота единственного склеенного горла – около 25 см.

Эволюцию книдских амфор на исследованном фрагментированном материале проследить невозможно.

Кос и Псевдокос. Косские амфоры встречаются на Кара-Тобе реже, чем тара рассмотренных выше центров. Доля их фрагментов в обработанных трех закрытых комплексах чуть больше 3% (Табл. 1). Профильные фрагменты представлены только некрупными обломками венчиков, ручек, а также ножками, которые не дают полного представления о форме сосуда. Наиболее сохранившимися из них являются несколько горл и нижняя часть амфоры (рис. 5. *А*).

Выделение косской продукции осложняется активным копированием тары этого центра. По всему Средиземноморью производились псевдокосские амфоры, которые в это время довольно точно копирует косские прототипы. Кроме того, глина собственно косских амфор может несколько различаться. Визуально она довольно тонкая, разных оттенков бежевого цвета, без крупных включений. Масса содержит пластинки слюды и редкие мелкие зерна минералов. Внешняя поверхность сосудов покрыта ангобом зеленовато-желтоватого оттенка.

Анализы образцов тары с Коса показали, что карбонатная глиняная основа у всех них схожа [Hein et all., 2008, p. 1055–1957]. Основная естественная примесь – мелкие зёрна кварца и слюда. По их содержанию выделяются две петрографические подгруппы: в образцах подгруппы I больше слюды и присутствуют редкие обломки микроокаменелостей, в подгруппе II выше доля кварца и встречаются зёрна сланца (филлита). Также выделено несколько образцов, минеральный состав которых уникален [Hein et all., 2008, p. 1957].

Всё это затрудняет уверенное разделение позднеэллинистических собственно косских и псевдокосских сосудов эгейского происхождения. Поэтому их атрибуция несколько условна, и морфологически близкие косские и ранние псевдокосские амфоры Кара-Тобе описываются вместе.

Позднеэллинистические косские амфоры имеют широкое яйцевидное тулово и короткое подцилиндрическое горло, которое отделяется от плечиков уступом (рис. 5. *А*, 04/157, 10/606). Плечи сосудов высокие, пологие, прямые или вогнутые. Их высота не меньше высоты горла, переход в тулово оформлен перегибом. Ножки короткие, желудевидные, обычно имеют выделенный поясок над выступающем «желудем» [Монахов, 2014, с. 214, рис. 11; 12. *56, 57*]. «Желудь» тоже часто бывает сильно затёрт при использовании. Судя по углу расхождения стенок, нижняя часть тулова была массивной, часто резко расширялась от ножки (рис. 5. *А*, 11/728, 14/209). Ручки всегда двуствольные, крепятся под венчиком и в середине плечиков. Их перегиб ещё сравнительно плавный, не достигает высоты венчика. Венчик валикообразный, округлый или с уплощенной

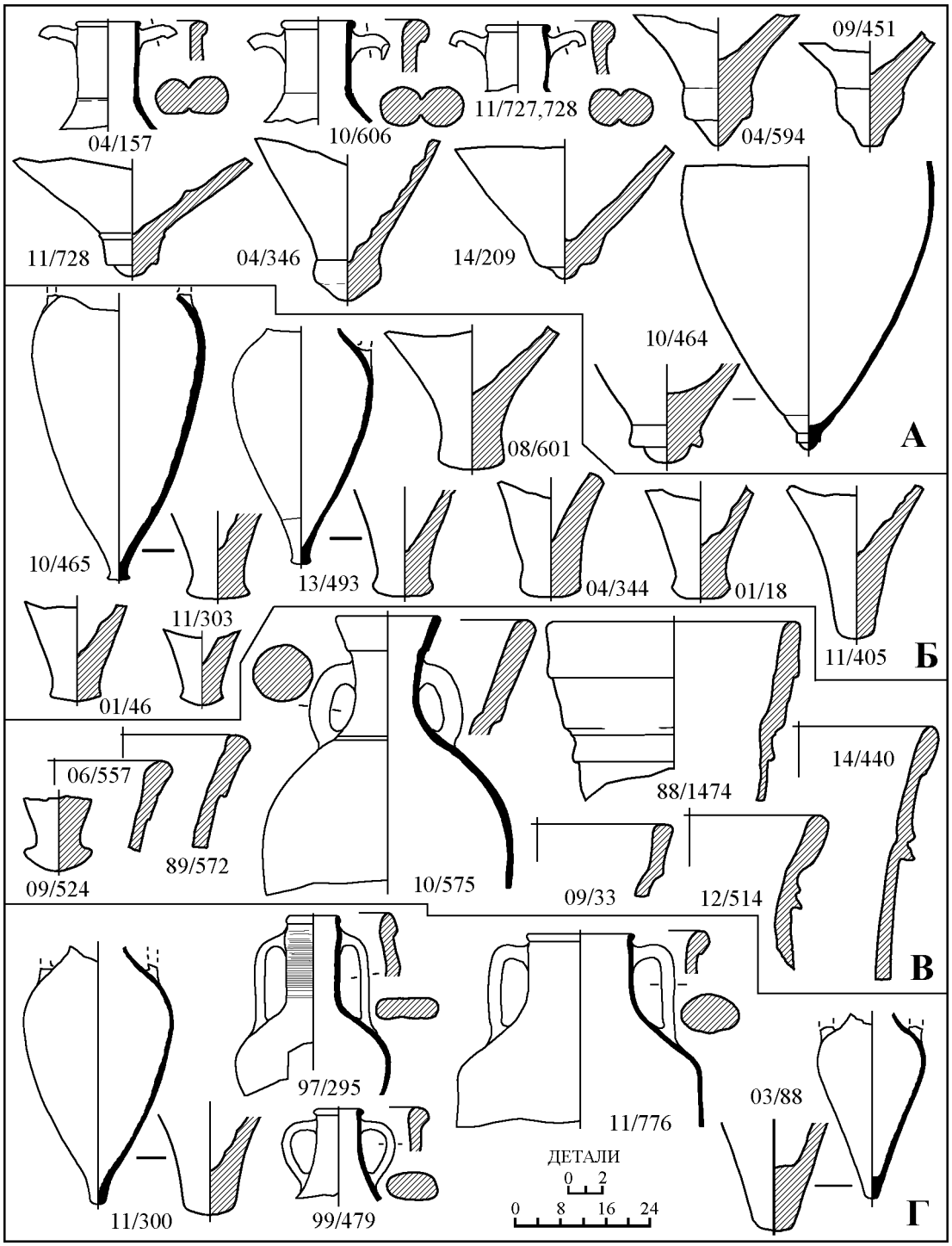

Рис. 5. **А** – косские и псевдокосские амфоры; **Б** – амфоры с конической ножкой; **В** – амфоры с высоким венчиком (разные типы); **Г** – прочие амфоры (11/727–11/776 из комплекса ямы 8/11)

внешней поверхностью и более или менее четкой нижней подрезкой (рис. 5. *A*, 04/157, 10/606, 11/727,728).

Высота сохранившихся горл косских амфор колеблется в пределах 11,5–13,7 см, диаметр венчиков 11,0–14,0 см, диаметр единственного псевдокосского тулова 44,5 м.

По этим признакам все найденные на Кара-Тобе косские амфоры относятся к типу V классификации С. Ю. Монахова [Монахов, 2014, с. 214, рис. 11, 12]. Определить принадлежность имеющихся фрагментов к конкретному варианту А или В затруднительно. Биконическое тулово псевдокосского сосуда (рис. 5. *A*, 10/464) больше соответствует варианту А, но его глина отличается от косской. Не исключено, что на городище представлены амфоры обоих вариантов, о чём свидетельствуют ножки с меньшим (вариант А?) и большим (вариант В?) углом расхождения стенок. В целом, тип V датирован С. Ю. Монаховым второй половиной III–I вв. до н. э., но в слоях Кара-Тобе нет обломков собственно косской тары моложе середины I в. до н. э.

Амфоры с высоким венчиком. Эти крупные амфоры с характерными профильными частями очень редко встречаются в материалах Северного Причерноморья (рис. 5. *B*). На Кара-Тобе они представлены только верхней половиной одного сосуда, несколькими венчиками и одной ножкой. Такие амфоры лишь недавно привлекли внимание исследователей [Carlson, Lawall, 2005/6; Lungu, 2010; Opait, 2010; Opait, Tsaravopoulos, 2011]. Вопросы о центрах их производства и эволюции формы ещё не решены окончательно. Эти сосуды условно относятся к одному морфологическому классу и нескольким типам. Они различаются деталями формы и изготавливались в нескольких центрах. Все они – масляная тара. Их прототипом, видимо, можно считать коринфские амфоры типа В [Келер, 1992, табл. 3; Grace, 1979, рис. 38, вторая справа], которые производились не только в самом городе, но и в ряде соседних центров Северного Пелопоннеса. После разрушения Коринфа в 146 г. до н. э. изготовление тары в них продолжалось, что привело к появлению рассматриваемых амфор. Одним из таких центров был Сикион, где открыты следы их производства [Opait, 2010, p. 255]. Со временем они повлияли на форму тары других центров маслоделия.

А. Опайт обозначил разновидности сосудов рассматриваемого класса как «типы» Proto-Dressel 25, Dressel 25 (оба со сложнопрофилированным высоким венчиком), Dressel 24 и Dressel 24 *similis* (с ленточным или воронковидным венчиком разных форм) [Opait, 2010]. Эта номенклатура отражает эволюцию сосудов от поздних коринфских форм к амфорам с воронковидным венчиком. К этому же классу относятся выделенные ранее сосуды с ленточным венчиком (band rim) и амфоры «типа» Бриндизи разного производства [Peacock, Williams, 1986, p. 82, 83, Class 1; Carlson, Lawall, 2005/6, p. 36, 37, fig. 6; Lungu, 2010, p. 47, 48; Opait, 2010, p. 156]. Предложено несколько типологий подобных сосудов, но все они ещё находятся в разработке [Carlson, Lawall, 2005/6; Lungu, 2010; Opait, 2010; Opait, Tsaravopoulos, 2011, p. 319].

Глина рассматриваемых амфор довольно плотная, тонкая. Масса существенно варьирует по цвету (от светлого, грязно-желтого, через бежевый и оранжевый до серого) и по составу примесей [Opait, 2010, p. 155, pl. 7; Opait, Tsaravopoulos, 2011, p. 302, fig. 31], что подтверждает производство сосудов в разных центрах. Основными регионами изготовления тары этого класса, выявленными в настоящее время с разной степенью

уверенности, являются Северный Пелопоннес (Сикион и др.), Центральная Эгеида (Хиос, Эритры, Кимы) и Южная Италия (район Бриндизи).

Фрагменты амфор с высоким венчиком, найденные на Кара-Тобе, принадлежат морфологическим разновидностям Proto-Dressel 25/Dressel 25 и Dressel 24 *similis* А по А. Опайту [Opait, 2010]. Амфоры ранней разновидности представлены на Кара-Тобе обломками трёх венчиков и ножкой. Венчики высокие, отогнутые, утолщающиеся кверху, сложнопрофилированные. Они имеют несколько горизонтальных ребер и подрезок (рис. 5. *В*, 88/1474, 12/514, 14/440). Представление о полной форме амфор дают находки из Ольвии и с афинской агоры [Lejpunskaja, 2010, pl. 36. *6, 9*; Opait, 2010, pl. 87. *1*]. Это сосуды с округлым, широким яйцевидным туловом, покатыми плечами, высоким цилиндрическим горлом и описанным венчиком. Их ручки петлевидные, круглого сечения, крепятся на нижней границе венчика и в верхней части плечиков. Ножки кнопковидные с расширенной нижней частью (рис. 5. *В*, 09/524). Со временем профилировка венчиков, видимо, упрощается, количество валиков и подрезок уменьшается (рис. 5. *В*, 12/514, 14/440). Следы производства таких амфор обнаружены только в Северном Пелопонессе, в частности, в Сикионе [Opait, 2010, p. 155]. Предварительно они датированы второй половиной II–I вв. до н. э. [Opait, 2010, p. 155, 156]. Находки их фрагментов в митридатовских слоях Кара-Тобе подтверждают эту дату.

Другая разновидность рассматриваемых сосудов представлена на Кара-Тобе одним венчиком (рис. 5. *В*, 06/557). Он отогнут наружу и представляет собой утолщение края горла («ленту»), отделенное снизу четкой подрезкой. Высота ленты около 3,5 см. Ее внутренний контур ровный, плавно переходит в горло. На ленте нет дополнительных валиков и подрезок, характерных для венчиков пелопонесских амфор, и она сохраняет общую плавность контуров.

Такой же венчик имеет амфора из некрополя Хиоса [Opait, Tsaravopoulos, 2011, p. 307, 308, fig. 42]. Она заметно отличается от описанной пелопонесской тары. Её ручки вертикальные, овального сечения, ножка низкая, в форме небольшого диска, горло короткое. Предполагаемая дата таких хиосских сосудов – последняя треть II – I в. до н. э. (?) [Opait, Tsaravopoulos, 2011, p. 310, 311]. Описанный венчик может принадлежать подобным амфорам. Очевидно, эти сосуды являются самостоятельным типом того же класса, что и пелопонесская тара для масла.

Прочие рассматриваемые фрагменты, видимо, принадлежат разновидностям тары с ленточным венчиком. Среди них выделяется верхняя половина амфоры с круглыми ручками (рис. 5. *В*, 10/575). Она найдена на верхней вымостке помещения 75 Центрального строительного комплекса и использовалась перед уходом греческого населения из крепости. Её стратиграфическая дата – 70-ые – 60-е гг. до н. э.; диаметр венчика – 18,5 см, максимальный диаметр тулова – 43,8 см, высота верхней части – 41,2 см. Амфора имеет черты сходства с пелопонесской тарой: круглые в сечении петлевидные ручки, округлое тулово, расширенное кверху горло. Её высокий ленточный венчик отличается от описанного хиосского. Снаружи «лента» отделена от стенки горла не подрезкой, а уступом, а на внутренней поверхности горла имеется соответствующий ему перегиб (рис. 5. *В*, 10/575). Глиняное тесто и желтовато-розоватый ангоб этого сосуда не противоречат его отнесению к пелопонесской продукции. Различия

форм изготовленных в одном регионе ольвийской, афинской (см. выше) и описываемой амфор, видимо, можно объяснять разновременностью этих сосудов. Самой поздней из них должна быть амфора с Кара-Тобе.

Еще одна разновидность ленточных венчиков представлена только одним фрагментом (рис. 5. *B*, 89/572). Венчик отогнутый, с прямым внутренним контуром и подрезкой внизу «ленты». Схожий венчик имеет фрагментированная амфора из усадьбы 106 хоры Херсонеса [Opait, Tsaravopoulos, 2011, fig. 47]. Сосуды с похожими венчиками выпускались в Эритрах, но они, как правило, не отогнутые, а почти вертикальные [Opait, Tsaravopoulos, 2011, p. 308].

Последний ленточный венчик схож с венчиком амфоры 10/575, но отличается пропорциям (рис. 5. *B,* 09/33). Он также отогнут, имеет уступ в основании «ленты» и соответствующий ему выгиб внутреннего контура. Такие же ленточные венчики присутствуют у амфор из Калос Лимена и Оргама [Opait, Tsaravopoulos, 2011, p. 308, 309; fig. 44–46]. Авторы предполагают их производство в Эритрах и датируют концом первой трети III в. до н. э. [Opait, Tsaravopoulos, 2011, p. 310].

На рубеже эллинизма и римского времени амфоры с высоким венчиком повлияли на оформление сосудов с воронковидным венчиком, которые, изменяясь, производились по всему Восточному Средиземноморью до конца античности (класс Late Roman A2). Детали этой эволюции в настоящее время уточняются [Opait, Tsaravopoulos, 2011].

Следует также отметить, что находки тары для масла на Кара-Тобе в поздних эллинистических слоях косвенно свидетельствует о присутствии здесь греческого населения.

Амфоры неизвестных центров производства

Эллинистические сосуды неизвестных центров производства на Кара-Тобе немногочисленны. Некоторые из них составляют небольшие серии, другие представлены единичными фрагментами.

Амфоры с конической ножкой. Впервые подобные изделия были, видимо, описаны С. Ю. Монаховым**.** Он отнес их к производству Херсонеса, выделил в поздний тип V и предварительно датировал серединой III – серединой II вв. до н. э. [Монахов, 1989, с. 64, 65; табл. XVI. *106, 107*]. Позднее, как уже писалось, он отказался от такой атрибуции.

Глина этих сосудов визуально не отличается от глины херсонесских амфор. Она ярко- до темно-красной с карбонатными включениями, зернами кварца, пироксена, обломками темных пород. Петрографический анализ 4 образцов таких амфор показал своеобразие их минерального состава [Внуков, 2006, с. 62, 63]. Кластическая примесь херсонесской керамики представляет собой андезито-базальтовый или андезитовый песок, а в глине рассматриваемых амфор – песок пёстрого состава. Он часто входит в состав прибрежных морских и речных отложений в районах выхода метаморфических пород и вулканитов. Такой песок обычен для Восточного Причерноморья, но нельзя исключить его присутствие и в Средиземноморье [Внуков, 2006, с. 63, 99].

Целые экземпляры рассматриваемых амфор не обнаружены, и их полная форма неизвестна. Принадлежащие им овальные ручки и валикообразные венчики, видимо, не отличаются от соответствующих частей херсонесской тары, поэтому ни по форме, ни визуально по глине их невозможно различить. Лишь коническая ножка в сочетании

с глиной, схожей с херсонесской, позволяет выделять подобные сосуды. Поэтому на Кара-Тобе они представлены только двумя туловами и несколькими ножками. Одно из тулов (рис. 5. *Б*, 13/493) происходит из раннего пожара в помещении 76 Центрального комплекса, другое – (рис. 5. *Б*, 10/465) найдено в яме 2/10 вместе с туловом псевдокосской амфоры (рис. 5. *А*, 10/464). Доля фрагментов таких амфор в комплексе Кара-Тобе невелика, но они регулярно встречаются в наслоениях периода I. В скифских слоях их нет.

Оба обнаруженных на городище тулова рассматриваемых амфор одинаковы по форме, но различаются размерами (диаметр 30,5 и 24,5 см). Видимо, они принадлежат сосудам разных объемных стандартов. Тулова имеют вытянутую яйцевидную форму. Они плавно переходят в округлые плечики, которые так же плавно сочленяются с горлом. Ручки таких амфор, видимо, овальные. Ножки небольшие, конические, короткие (рис. 5, *Б*). Некоторые из них немного расширяются книзу и имеют острый угол при переходе в подошву. Из-за этого они приобретают «кнопковидную» форму (рис. 5. *Б*, 10/465, 10/303). Встречаются и ножки с простым вогнутым боковым контуром (рис. 5. *Б*, 04/344, 11/405). Для полного описания таких сосудов их коллекцию необходимо увеличить.

Материалы Кара-Тобе, видимо, позволяют продлить время бытования амфор «Херсонес V» минимум до первой четверти I в. до н. э. Присутствие их в слоях митридатовского времени вместе с тарой Синопы, Гераклеи, Колхиды косвенно указывает на производство таких сосудов в одном из черноморских центров.

Единичные экземпляры амфор неизвестных центров. Амфор других неизвестных центров производства в рассматриваемом комплексе Кара-Тобе очень немного. Они представлены отдельными фрагментами, которые не всегда позволяют судить о форме сосуда и только в редких случаях склеиваются в крупные блоки. Среди них следует отметить верхнюю часть амфоры с венчиком очень большого диаметра (19,0 см при максимальном диаметре тулова 43,2 см – рис. 5. *Г*, 11/776). Короткое цилиндрическое горло этого сосуда плавно переходит в слабовогнутые плечики, соединяющиеся с туловом с заметным перегибом. Простые овальные ручки крепятся под венчиком и в середине высоты плечиков. Венчик – аккуратный округлый валик с неглубокой подрезкой снизу. Глина сосуда хорошо отмучена, поверхность покрыта зеленоватым ангобом. Видимо, амфора происходит из Восточного Средиземноморья.

Этот сосуд найден в неоднократно упоминавшемся комплексе ямы 8/11. Единственная известная аналогия такой форме – амфора с поселения Бол. Кастель в Северо-Западном Крыму. Но, судя по описанию, её глина отличается и напоминает синопскую [Монахов, 1999, табл. 236. *6*; с. 563].

Верхняя часть ещё одной амфоры из ямы 1/97 напоминает формой синхронную синопскую или позднюю гераклейскую тару (рис. 5. *Г*, 97/295). Но её ручки плоские, подовальные, а горло покрыто частыми мелкими неглубокими горизонтальными бороздками. Венчик вытянутый, заостренный. Аналогий ей найти не удалось.

Еще два тулова амфор неизвестных центров имеют самую распространенную в это время форму. Оба они заканчиваются простыми коническими ножками. Одно тулово – яйцевидное (рис. 5. *Г*, 11/300), другое – коническое (рис. 5. *Г*, 03/88). Оно принадлежит миниатюрной амфоре диаметром всего 19,0 см.

Последнее стоящее упоминания горло напоминает колхидские амфоры (рис. 5. *Г*, 99/479). Оно короткое, расширяется книзу, переходя в покатые плечи. Ручки петлевидные, овального сечения, крепятся в верхней части горла и в месте перехода горла в плечики. Венчик – довольно массивный округлый валик без подрезки. Глина этой амфоры плотная, не имеет ничего общего с глиной колхидской тары.

Остальные найденные в ранних наслоениях Кара-Тобе отдельные фрагменты тары неизвестных центров случайны и малоинформативны.

* * *

Таким образом, изучение позднеэллинистической тары Кара-Тобе дало новую информацию по составу и типологии амфорного комплекса памятника, его торговым связям в митридатовское время, хронологии ранних наслоений. Был определён набор амфор, характерных для комплексов этого времени, уточнена типология тары позднеэллинистического времени, описаны ещё практически не изученные поздние гераклейские (?) амфоры и редкая в Северном Причерноморье тара с высоким венчиком средиземноморских центров.

Важное значение для изучения экономической истории Крыма в митридатовское время может иметь заключение о существенном преобладании в импорте на Кара-Тобе продуктов в таре черноморских центров и незначительном ввозе средиземноморских товаров. Видимо, близкая картина характерна и для других памятников региона [Уженцев, 2006, с. 31; рис 81]. Судя по клеймам, основной объем средиземноморских товаров в амфорах поступал в конце II – начале I вв. до н. э. Вероятно, переориентация торговли началась в конце Первой Митридатовой войны. Сложившаяся после её окончания политическая и военная обстановка также не способствовала развитию связей со Средиземноморьем. В результате расширился внутрипонтийский обмен. Таким образом, формирование замкнутого черноморского рынка началось не после смерти Митридата, как предполагалось ранее [Внуков, 2013, с. 46, 47], а ещё во время существования Понтийской державы. Окончательно он сложился уже в римское время.

Список литературы

Анохин, 1977. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев.

Анохин, 1986. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев.

Анохин, 1989. Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-западного Причерноморья. Киев.

Бадальянц, 1986. Бадальянц Ю. С. Торгово-экономические связи Родоса с Северным Причерноморьем в эпоху эллинизма //ВДИ. 1.

Бадальянц, 2000. Бадальянц Ю. С. Эллинистический Родос. М.

Буйских, 2008. Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху //МАИЭТ. Supplementum 5. Симферополь.

Виноградов, 1987. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. //ВДИ. 1.

Виноградов, Внуков, 1989. Виноградов Ю. Г., Внуков С. Ю. Греческая надпись со скифского городища Кара-Тобе //Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (тезисы докладов конференции). Запорожье.

Внуков, 1984. Внуков С. Ю. Скифские слои городища Чайка (опыт статистической обработки) //СА. 2.

Внуков, 2001. Внуков С. Ю. О выделении разновидностей коричневоглиняных амфор //ПИФК. 10.

Внуков, 2003. Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э – II в. н. э. Часть I. Морфология. М.

Внуков, 2004. Внуков С. Ю. О местоположении древнего Евпатория в свете результатов археологических исследований последних лет //Археология Северо-Западного Крыма: по материалам международной научно-практической конференции «античный мир и археология». Симферополь.

Внуков, 2006. Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э – II в. н. э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.

Внуков, 2007. Внуков С. Ю. Центральный строительный комплекс городища Кара-Тобе (конец II – первая половина I вв. до н. э.) //Древняя Таврика. Симферополь.

Внуков, 2010. Внуков С. Ю. Новые исследования и находки на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму //SYMBOLA. 1. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. М.

Внуков, 2012. Внуков С. Ю. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время //РА. 4.

Внуков, 2013. Внуков С. Ю. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе //ДБ. 17.

Внуков, 2015. Внуков С. Ю. Раскопки на городище Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) в 2014 г. //КСИА. 237.

Внуков, 2015а. Внуков С. Ю. Продолжительность использования античных винных амфор //КСИА. 238.

Внуков, Коваленко, 2004. Внуков С. Ю., Коваленко С. А. Монетные находки на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму //ПИФК. 14.

Внуков, Коваленко, 2007. Внуков С. Ю., Коваленко С. А. Уникальный статер боспорского царя Асандра с городища Кара-Тобе //ДБ. 11.

Внуков, Сапрыкин, 2015. Внуков С. Ю., Сапрыкин С. Ю. Греческие надписи из Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) //ВДИ. 2.

Голенко, 1964. Голенко К. М. Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI в боспорских находках //Палестинский сборник. Вып. 11 (74).

Зеест, 1960. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора //МИА. 83.

Зубарь, Марченко, 2005. Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес во второй половине II – середине I вв. до н. э. //Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н. э. Очерки истории и культуры. Киев.

Кац, 1992. Кац В. И. Методика сравнительной оценки экспорта-импорта товаров в керамической таре из одного производственного центра //Греческие амфоры. Саратов.

Кац, 2007. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь-Керчь.

Келер, 1992. Келер К. Общая типология и хронология коринфских транспортных амфор //Греческие амфоры. Саратов.

Крапивина, Диатроптов, 2005. Крапивина В. В., Диатроптов П. Д. Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии //ВДИ. 1.

Кутайсов, 2003. Кутайсов В. А. Керкинитида и Херсонес в IV–II вв. до н. э. //ВДИ. 2.

Кутайсов, 2004. Кутайсов В. А. Керкинитида в античную эпоху. Киев.

Молев, 1995. Молев Е. А. Властелин Понта. Нижний Новгород.

Монахов, 1989. Монахов С. Ю. Амфоры Херсонеса Таврического. Саратов.

Монахов, 1999. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов.

Монахов, 2003. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М., Саратов.

Монахов, 2014. Монахов С. Ю. Косские и псевдокосские амфоры и клейма //Stratum plus. 3.

Пуздровский, 2001. Пуздровский А. Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н. э. //ВДИ. 3.

Сапрыкин, 1996. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. М.

Уженцев, 2006. Уженцев В. Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани. Симферополь.

Федосеев, 1990. Федосеев Н. Ф. О времени сосуществования Елизаветовского городища и Танаиса (по данным керамической эпиграфики) //АМА. 7.

Шелов, 1975. Шелов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса II–I вв. до н. э. М.

Шелов, 1980. Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI //ВДИ. 3.

Buzoianu, Bărbulescu, 2008. Buzoianu, L., Bărbulescu M., Albeşti. Monografie arheologică. I. Constanţa.

Carlson, Lawall, 2005/6. Carlson D. N., Lawall M. L. Toward a typology of Erythraian amphoras //Skyllis. 7.

Empereur, Hesnard, 1987. Empereur J.-Y., Hesnard A. Les amphores hellénistiques du monde Égéen //Céramiques hellénistiques et romaines 2, Annales littéraires de l'Université de Besançon. 70. Besançon.

Finkielsztejn, 2001. Finkielsztejn G. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. Premier bilan //BAR International Series. 990. Oxford.

Jefremow, 1995. Jefremow N. Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos. München.

Hein et all., 2008. Hein A., Georgopoulou V., Nodarou E., Kilikoglou V. Koan amphorae from Halasarna – investigations in a Hellenistic amphora production centre //Journal of Archaeological Science. 35.

Imhoof-Blümer 1912. Imhoof-Blümer F. Die Kupferprägung des mithradatischen Reiches und andere Münzen des Pontos und Paphlagoniens //Numismatische Zeitschrif. 45.

Lejpunskaja, 2010. Lejpunskaja N. A. Hellenistic amphorae from Olbia Pontica //Production and Trade of Amphorae in the Black Sea: Actes de la Table-Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 April 2006. VA. XXI.

Lomtadze, Zhuravlev, 2004. Lomtadze G., Zhuravlev D. Amphorae from a late Hellenistic cistern at Pantikapaion //Transport amphorae and trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the international colloquium at the Danish institute at Athens, 26–29 September, 2002. Monographs of the Danish institute at Athens, vol. 5. Aarhus.

Lungu, 2010. Lungu V. Les amphores hellenistiques d'Erythrees //Production and Trade of Amphorae in the Black Sea: Actes de la Table-Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 April 2006. VA XXI.

Opait, 2010. Opait A. Aspects of the provisioning of the Pontic settlements with olive oil in the Hellenistic and early Roman periods //Production and Trade of Amphorae in the Black Sea: Actes de la Table-Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 April 2006. VA. XXI.

Opait, Tsaravopoulos, 2011. Opait A., Tsaravopoulos A. Amphorae of Dressel 24 *similis* type in the Central Aegean area (Chios–Erythrai–Kyme) //BSA 106 (1).

Peacock, Williams, 1986. Peacock D. P. S., Williams D. F. Amphorae and the Roman economy. An introductory guide. London, New York.

Raeck et al., 2000. Raeck W., Gorys A., Gossel-Raeck B. Untersuchungen zur Vorgängerbebauung des Trajaneums von Pergamon II: Der Bereich westlich des Tempels, untere Hangstufe //Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Abteilung Istanbul 50. Tübingen-Berlin.

Reinach, 1895. Reinach T. Mithridates Eupator, König von Pontos. Leipzig.

Summary

S. Yu. Vnukov
Late Hellenistic amphorae from hill-fort of Kara-Tobe in Crimea

The article deals with the study of amphorae from the deposits of Mithridates period on hill-fort of Kara-Tobe in North-Western Crimea. The chronology of late Hellenistic layers and amphora assemblage are examined there as well as the origin and typology of the imported containers and the trade links of the region. It is found out that during the annexation of the Crimea by the Kingdom of Pontus the main quantities of goods in amphorae came to the settlement from the Black Sea centers of Sinope and Heraclea (?) and from Colchis. Mediterranean amphorae are less than 20% of all containers. They were produced in Rhodes, Knidos, Cos, Northern Peloponnese and Central Aegean region. Trade with the Mediterranean was

more intense at the beginning of the period; later it was reduced but import from the Black Sea centers simultaneously increased. Apparently, the changes in the trade occurred at the end of the First Mithridatic war. The political and military situation in the region, which has developed after the war, did not contribute to the development of relations with the Mediterranean. Probably, the formation of enclosed Black Sea market started during the existence of the Pontic power; and the process was completed only in Roman time.

The article also describes several little-studied varieties of the containers: the late Hellinistic Heraclean(?) amphorae and red-clay amphorae with conical toe as well as the vessels with high rim of the Mediterranean centers, which are rare in the Northern Black Sea area.

А. В. Гаврилов
(Институт археологии Крыма РАН, Симферополь)

Акмонайский ров

Осенью 2014 года Феодосийский отряд Крымской археологической экспедиции Крымского филиала Института археологии провел обследование трассы линии электропередачи «Электросетевой мост Российская Федерация – полуостров Крым» на территории Кировского района и Феодосийской административной зоны Республики Крым. В числе археологических памятников, расположенных на трассе ЛЭП, находился известный древний оборонительный объект – Акмонайский ров. Данный памятник многократно упоминался путешественниками, историками, археологами, но полная его локализация оставалась не выясненной [Гаврилов, 2001, с. 10; Масленников, 2003, с. 33; Гаврилов, 2004, с. 42]. В частности, Ш. Ж. Ромм упоминает, что ров и вал тянулся от Сиваша к феодосийским горам, татары называли его «кесс», что переводили тогда, как «отрез». Этот ров и вал путешественник считал самым древним, поскольку уже к 1786 году сооружение было малозаметным и едва различимым в рельефе [Ромм, 2011, с. 100]. П. С. Паллас упоминал татарские селения, рядом с которыми проходил этот ров и вал: северный фланг близ села Корпечь (Корфечь); южный фланг – у сел Тюреке и Сырыгол [Паллас, 1999, с. 92]. Так же он отмечал, что дорога из Кафы в Керчь пролегала по берегу Феодосийского залива и в месте современного села Береговое поворачивала на северо-восток, следовала близ селений Сырыгол и Тюреке к Парпачскому гребню.

Тем не менее, полная протяженность Акмонайского рва и вала, его расположение на местности и размеры, сохранность его участков остаются недостаточно изученными до настоящего времени. Используя представившуюся возможность и аэрокосмические фотографии из ресурса Google Earth, мной было проведено обследование сохранившихся и видимых на местности участков этого рва, почти полностью локализован его южный фланг, получены его размеры, уточнены некоторые детали его расположения в центре Акмонайского перешейка и сделаны два разреза (рис. 1). Результаты этих работ представлены в этой статье[1], описание рва и его участков я начну от Сиваша.

Ранее был прослежен и обследован только северный фланг этого рва и вала: от Сиваша до села Фронтового (новый населенный пункт, построен в 60-е гг. XX века,

[1] На Акмонайском перешейке в разных его местах есть другие валы, не связанные с данным оборонительным сооружением [Масленников, 2003, с. 35; Гаврилов, 2004, с. 44].

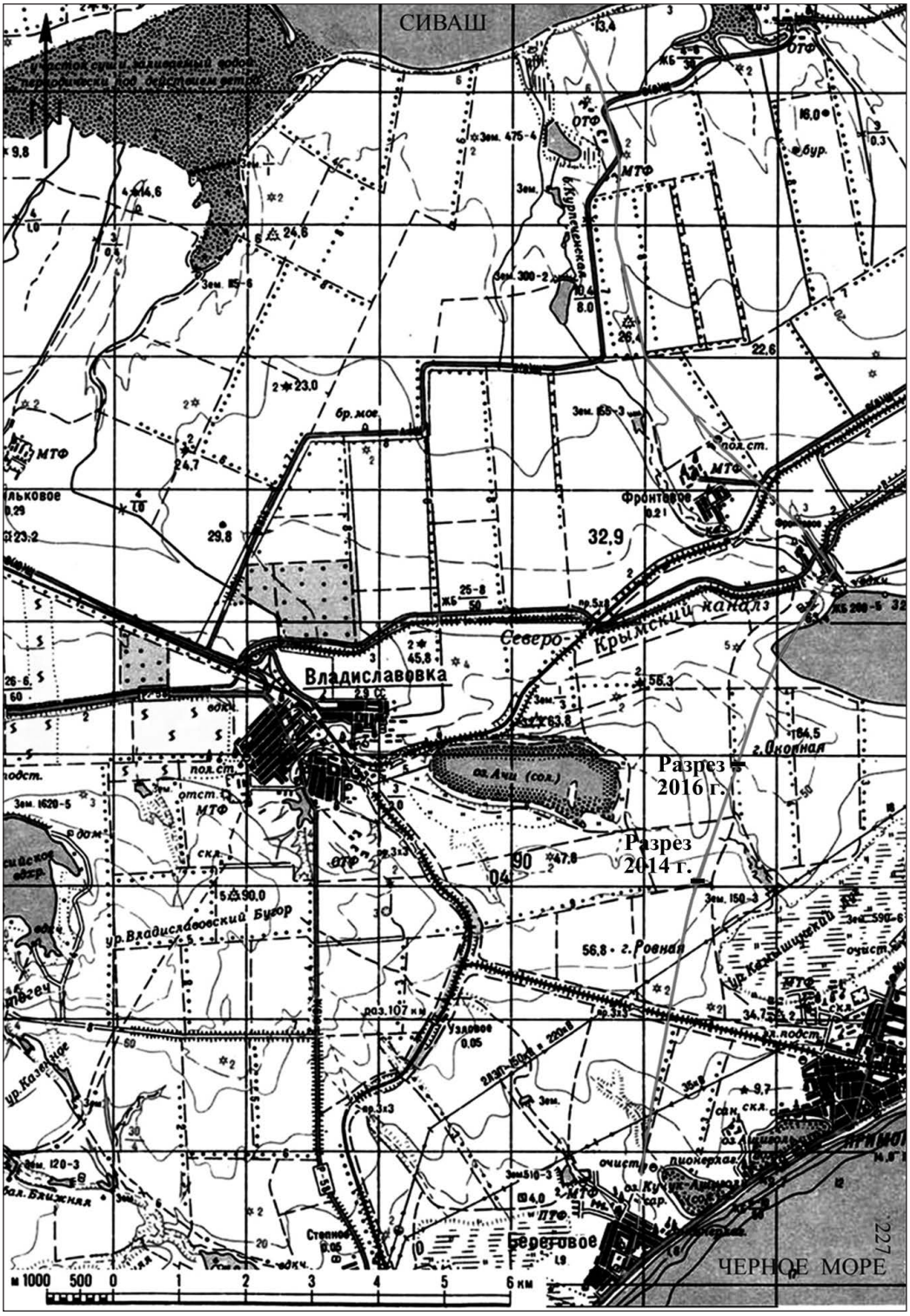

Рис. 1. Линия Акмонайского рва на карте 1988 года

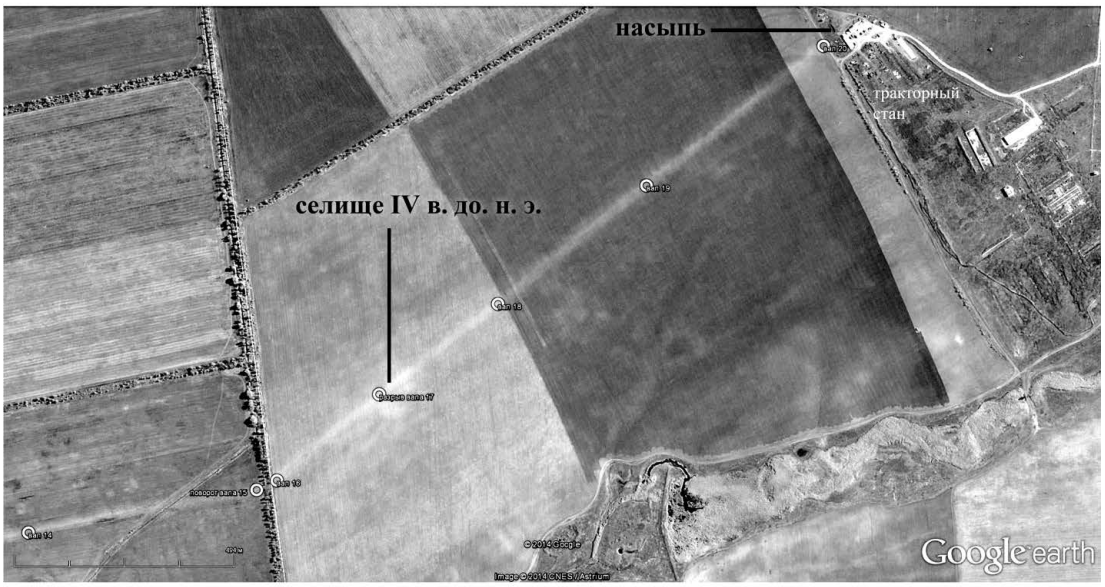
находится с северной стороны железной дороги Владиславовка – Керчь), а далее, в южном направлении ров был трудноуловим и терялся в рельефе местности [Гаврилов, 2001, с. 13, рис. 1]. Его плохая сохранность в центре и южной части Акмонайского перешейка связана с боевыми действиями и земляными работами по созданию оборонительных сооружений, проводившимися в этих местах в январе – мае 1942 года. Кроме этого, микрорельеф местности у старого села Фронтовое (это бывший «Кой Асан русский». Существовало село и Кой Асан татарский, находившееся за пропилом на южном склоне Парпачского гребня) был сильно изменен в конце 60-х гг. XX века при строительстве русла Северо-Крымского канала, гидроузла и плотины Фронтового водохранилища. Все это привело к тому, что видимых следов рва в центре Акмонайского перешейка и на северном склоне Парпачского гребня не сохранилось.

Относительно хорошо сохранившийся северный фланг рва проходит по высокой правой стороне Корпечьской (Койасанской) балки и заканчивается на высоком, обрывистом берегу Сиваша, который подвергается интенсивной абразии (рис. 3; 4). Данный водораздел является самой высокой точкой на побережье южного Присивашья. Высота обрыва до уреза воды здесь достигает 13 м и по береговой отмели видно, что ранее водораздел продолжался мористее по направлению к Арабатской Стрелке на несколько сотен метров. В береговом обрыве хорошо виден V-образный профиль рва и его ширина. Глубина рва здесь достигает 2,0 ширина – чуть более 5,0 м. По-видимому, во время сооружения этого рва южного Сиваша, как бассейна еще не существовало, а была низменность, постепенно переходившая в берег Азовского моря (Меотида). Водораздел со рвом пересекал эту низменность, постепенно понижаясь в сторону современной Арабатской Стрелки. Сравнительно позднее образование Арабатской Стрелки (XI–XII вв. н. э.) и Южного Сиваша подтверждает такую топографическую ситуацию [Стащук, Супрычев, Хитрая, 1964, с. 159]. Таким образом, топографические данные указывают на относительную древность данного рва и вала, он явно старше Арабатской Стрелки и Южного Сиваша. Его хорошая сохранность в Присивашье была отмечена топографами 50-х гг. XX века. Мелиоративные работы 60-х –70-х гг. XX века на данном водоразделе почти полностью снивелировали это оборонительное сооружение и только светлая полоса от выброшенной из рва глины хорошо видна на фоне пашни и на аэрокосмических снимках Google Earth, которая указывает на его местонахождение и направление (рис. 2).

Поодаль от Сиваша остатки этого вала прослежены напротив полуразрушенных кошар рядом с дорогой Владиславовка – Львово, где в рельефе местности он выделяется едва заметным возвышением и двумя кургановидными насыпями (рис. 5; 6). В данном месте дорога проходит непосредственно по рву, скрывая его, а две одинаковые по величине насыпи (северная и южная) у восточной обочины дороги находятся на линии вала и, возможно, являются земляными основаниями деревянных наблюдательных башен, между которыми находился проезд. Высота насыпей составляет около 1,5 м, диаметр – 30 м., расстояние между их вершинами – 50 м, они подвергаются распашке. Отсюда открывается широкий обзор на окружающую степь, здесь в линии рва и вала, похоже, был разрыв и в древности проходила одна из присивашских дорог, связывающих крымское Приазовье с Перекопом.

А

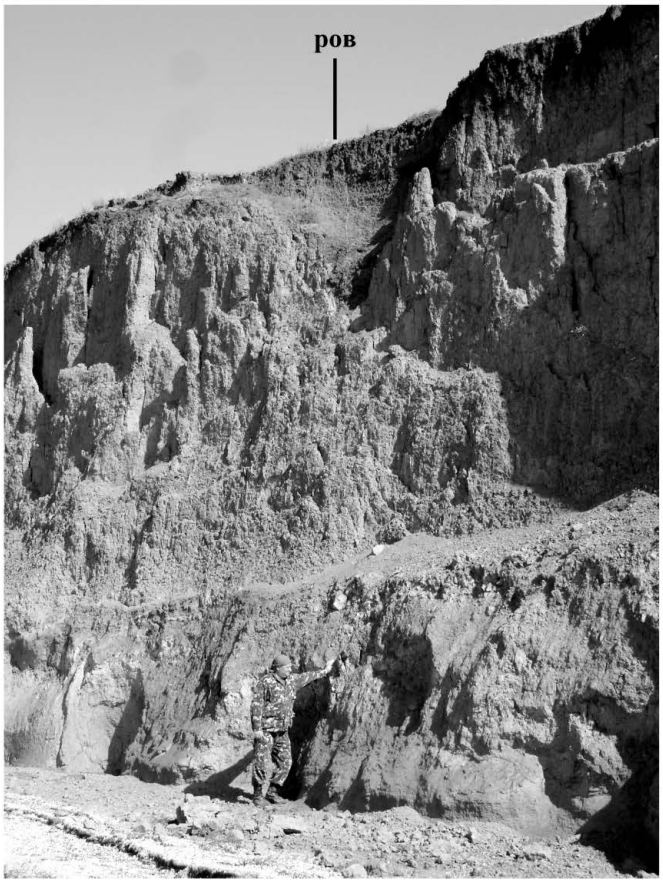
Б

Рис. 2. Линия Акмонайского рва на карте из ресурса Google Earth: *А* – северный, присивашский фланг рва, у дороги Владиславовка – Львово две насыпи; *Б* – линия рва на хребте Боев, месторасположение селища IV в. до н. э. напротив бывшего села Корпечь и насыпи у фермерского стана села Фронтовое

Двигаясь по еле заметной линии вала далее на юг, мы выходим на т. н. хребет Боев, который является правой высокой стороной Койасанской балки. На этом хребте распаханный вал виден особенно хорошо, как на поверхности пашни, так и на аэрокосмических снимках Google Earth (рис. 5). Здесь, напротив бывшего села Корпечь (после

А

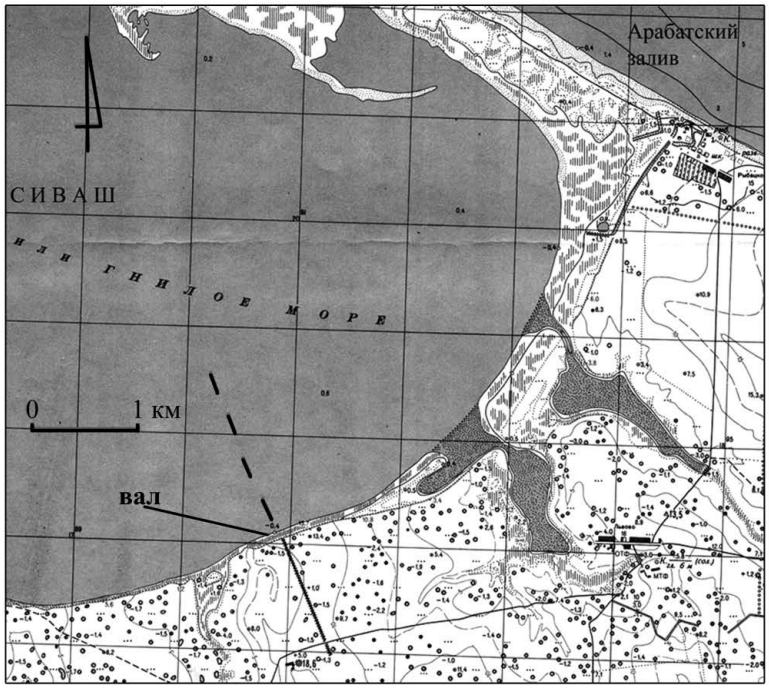

Б

Рис. 3. Акмонайский ров: *А* – береговой обрыв Южного Сиваша, где заканчивается ров, вид с севера; *Б* - береговой обрыв с профилем рва, вид с севера

А

Б

Рис. 4. Акмонайский ров: *А* – профиль рва в береговом обрыве Южного Сиваша, вид с севера; *Б* – Северный присивашский фланг Акмонайского вала на карте 1956 года

1944 г. – Птичное Кировского района, ныне не существует) в линии вала имеется второй разрыв по обе стороны которого располагается античное селище IV в. до н. э. (рис. 5). Разрыв этот прослеживается визуально, очевидно, в этом месте также находился проезд и еще одна дорога, ведущая с Керченского полуострова вглубь Крымского полуострова. Полевая дорога существовала здесь еще в первой половине XIX века, что видно на карте 1842 года. Поскольку археологический материал попадается на поверхности по обе стороны вала, есть основание полагать, что античное селище возникло здесь позже, чем оборонительное сооружение, т. е. во время жизни селища часть рва была засыпана с целью проезда. Сам ров к тому времени уже, видимо, не играл никакой оборонительной роли и не использовался. В дополнение к предыдущим данным, это также указывает на сравнительную древность данного земляного укрепления и позволяют считать, что к IV в. до н. э. Акмонайский ров уже не только существовал, но даже был заброшен.

В южной части хребта Боев, в самой высокой его точке вал упирается в большую кургановидную насыпь (высота 35.8), у которой располагается фермерский тракторный стан села Фронтовое (рис. 6). Эта насыпь сильно повреждена поздними перекопами и траншеями, её внешний вид, по-видимому, претерпел значительные изменения во время прохождения здесь линии фронта в январе – мае 1942 года. Был ли это более древний курган, включенный в линию вала, или здесь находилась какая-то оборонительная конструкция – ответить могут только археологические раскопки.

Далее к югу от данной насыпи остатки вала и рва на поверхности поля совсем не прослеживаются, земляные работы времени войны и послевоенная распашка полностью сравняли его. Но на снимках Google Earth, сделанных после вспашки прилегающего поля, линия рва видна, распаханный выброс глины создал светлую полосу, хорошо выделяющуюся на фоне черной пашни. Видимые следы рва прослеживаются лишь по обе стороны железной дороги, поскольку в прилегающем к ней пространстве микрорельеф поверхности не претерпел значительных изменений вследствие стабильного состояния этой коммуникации со времени постройки (рис. 7). За железной дорогой к югу от неё остатки рва также прослеживаются только на аэрофотоснимках Google Earth. Его следы тянутся до северной окраины села Кой Асан Русский, где во время войны возводились различные земляные укрепления и сооружения, остатки которых еще слегка выделяются на поверхности поля.

Несколько домиков старого села, которое также носит название Фронтовое (бывший Кой Асан Русский), русло Северо-Крымского канала, насосная станция, плотина – сильно изменили первоначальный рельеф местности, прилегающей к северному склону Парпачского гребня (рис. 7). Проследить здесь вал и ров в настоящее время практически трудно. Между тем, именно здесь в центре Акмонайского перешейка в силу его географического положения должен был находится самый важный узел обороны не только во время сооружения этого рва, но и в последующие исторические периоды.

Глубокий с крутыми склонами разрыв в Парпачском гребне (сейчас перекрыт плотиной) дополнял и усиливал оборонительные свойства этого места. Начинающаяся здесь Койасанская (она же Корпечьская) балка также создавала труднопреодолимое препятствие на пути двигающегося с запада противника. Естественно, такие природные препятствия были использованы древними фортификаторами для создания здесь

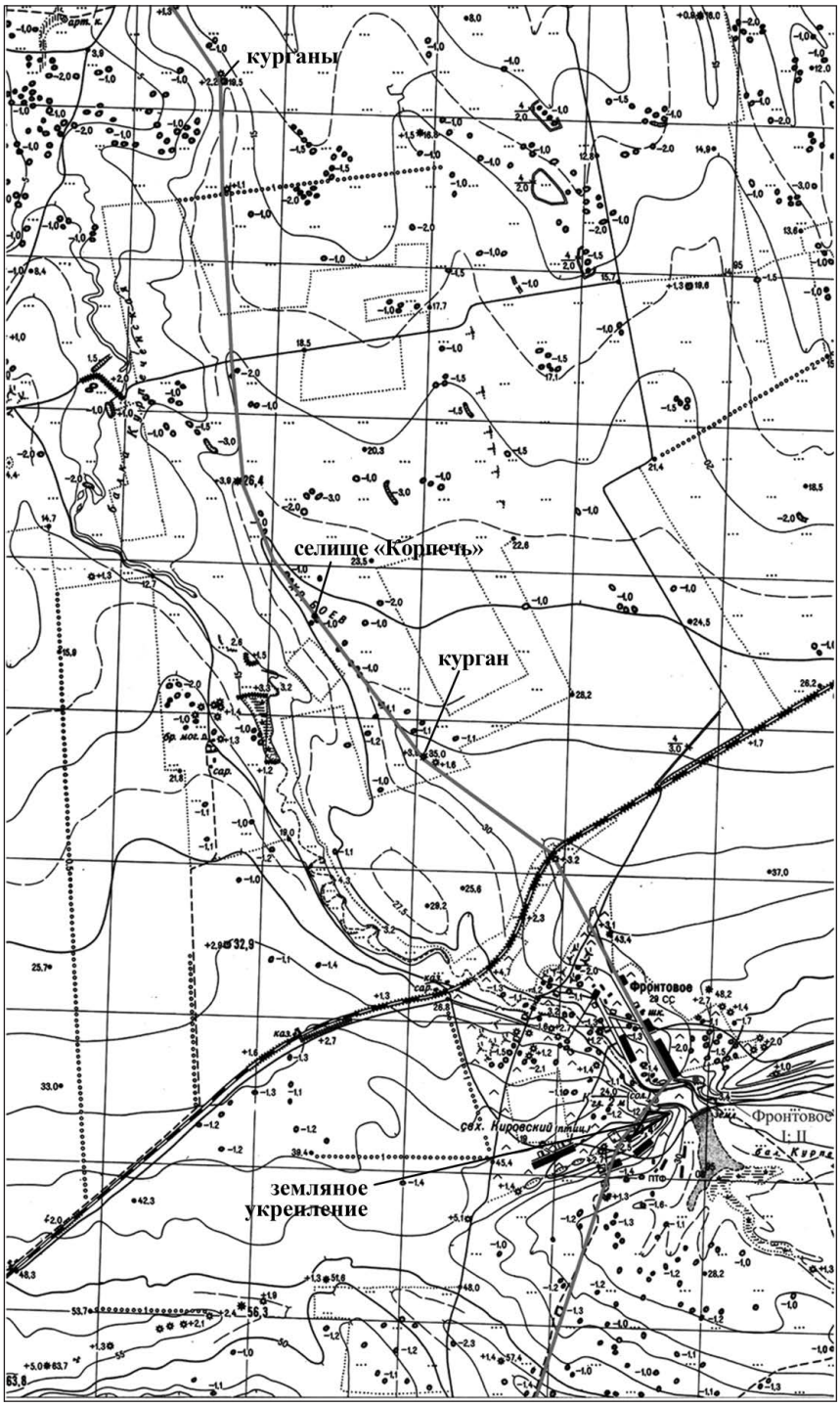

Рис. 5. Линия Акмонайского рва на хребте Боев и в центре Акмонайского перешейка на карте 1956 года. На линии вала отмечены: две насыпи; античное селище «Корпечь» и проезд через ров; курган; т. н. земляное укрепление у села Фронтовое (Кой Асан русский); грунтовые могильники «Фронтовое I; II»

А

Б

В

Рис. 6. Акмонайский ров: *А* – две насыпи у дороги Владиславовка – Львово, вид с запада; *Б* – насыпь у фермерского стана села Фронтовое, вид с севера; *В* - линия Акмонайского рва и месторасположение земляного укрепления, могильников Фронтовое I; II и холма на карте Google Earth

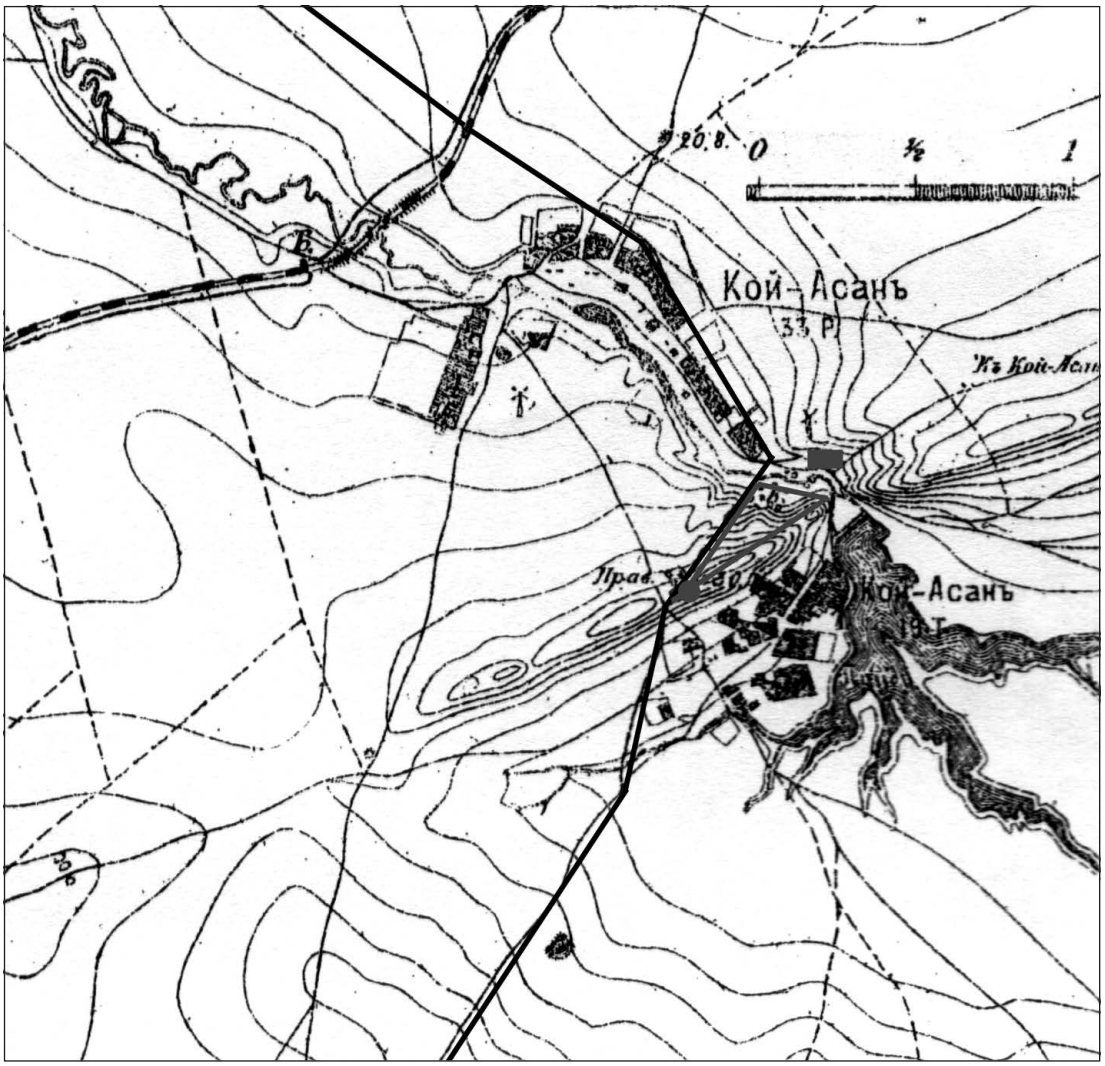
оборонительного узла. Здесь ров следовал по правой стороне балки (видимо непосредственно по территории занятой остатками старого села Фронтовое), подходил к глубокому руслу балки (на этом месте сейчас расположены сооружения насосной станции)

и начинался уже на её левой стороне, поднимался мимо современного христианского кладбища к вершине Парпачского гребня, пересекал его и следовал далее в направлении Феодосийского залива (рис. 7), как об этом пишет П. С. Паллас [1999, с. 92]. Таким образом, протяженность северного фланга вала от побережья Сиваша до Парпачского гребня составляет 10,8 км.

Продолжение рва было отмечено в середине 50-х гг. XX века В. В. Веселовым на левой стороне Койасанской балки [2005, с. 82]. Глубокая в этом месте балка рассекала ров, который заканчивался на правой (восточной) и начинался на левой (западной) её стороне. Веселов В. В. обследовал на вершине Парпачского гребня остатки вала, земляного укрепления и рва на северном склоне гребня. В то время средняя высота вала достигала 1,5–2,0 м, протяженность – около 300 м. С северной стороны перед валом имеется терасса, образовавшаяся при при его отсыпке, местами она сохранилась до сих пор. На западном конце вала расположен холм, от которого под углом примерно 30° начинался ров и вал, протянувшиеся по северному склону гребня в сторону современной насосной станции (рис. 8). В нижней своей части у северного подножья хребта ров переходил в овраг, образовавшийся вследствие размыва дождевыми водами. На холме, считал В. В. Веселов, в древности располагалась оборонительная башня, а на северном склоне гребня – земляное укрепление. То есть, система валов, балка и гребень образовывали замкнутое пространство, – то самое «земляное укрепление», которое видел В. В. Веселов (рис. 6; 7). Здесь на территории, ограниченной земляными валами, у современного христианского кладбища исследователь обнаружил много фрагментов черепиц-соленов с боковыми бортиками, пифосов, амфор и лепной посуды римского времени. Эти матералы, особенно черепица (редкий материал на хоре Феодосии!), подтверждают наличие здесь во II–III вв. н. э. боспорского укрепления, насельники которого оставили могильник Фронтовое II, он, как и положено, располагался напротив укрепления на противоположной, правой стороне балки [Корпусова, 1972, с. 46, 48]. Более того, в закладах погребений этого могильника были найдены, вторично использованные, надгробные стелы, принадлежащие грекам из более раннего некрополя, возможно, понтийского гарнизона [Корпусова, 1980, с. 142]. Эти материалы свидетельствуют, что во время правления Митридата VI Евпатора какие-то подразделения его войск также располагались в этом стратегически важном месте Акмонайского перешейка. А кроме этого, здесь же в центре перешейка был исследован еще один могильник VI–IV вв. до н. э., принадлежавший доскифскому населению, возможно, потомкам тех самых «слепых рабов», соорудивших Акмонайский ров [Корпусова, 1972, с. 41–55].

Сейчас на вершине упомянутого холма осталась только задернованная яма от выборки камня, а земляные укрепления и часть рва на северном склоне гребня – не сохранились. Следы Акмонайского рва прослеживается в виде понижения у западного основания «холма», по рву проходит грунтовая дорога с северной на южную сторону Парпачского гребня (рис. 8). Отсюда, с вершины Парпачского гребня начинается южный фланг данного рва, который был прослежен на картах Google Earth и локализован на местности.

Дальнейшее следование рва в сторону Феодосии хорошо видно на аэрокосмических фотографиях из ресурса Google Earth. С вершины Парпачского гребня ров спускается

- местораспложение земляного укрепления по В.В. Веселову
- местораспложение грунтовых могильников Фронтовое I и Фронтовое II
- местораспложение земляного холма с укреплением II - III вв. н. э. по В.В. Веселову
- линия Акмонайского рва в центре перешейка между старыми селами Кой Асан русский и Кой Асан татарский, пересечение им Койасанской балки и Парпачского гребня

Рис. 7. Линия Акмонайского рва и месторасположение земляного укрепления, могильников Фронтовое I; II и холма на Парпачском гребне на карте 1896 года

в котловину Фронтового водохранилища, проходит по её северной, временами затапливаемой, стороне и тянется к высоте Окопной (на картах – 66.3, рис. 1). На вершине этой высоты задернованные следы рва сохранились особенно хорошо, здесь в рельефе видна довольно глубокая (до 1,2 м) и широкая канава (20–25 м), которая имеет направление

Рис. 8. *А* – Парпачский гребень в центре Акмонайского перешейка, вид с запада, указано месторасположение могильников Фронтовое I, II и террасы; *Б* – холм на Парпачском гребне, у его подножья остатки рва, вид с запада; *В* – следы рва на южном склоне Парпачского гребня. Затопленный водой Фронтового водохранилища участок рва, вид с востока

юг – север. Следуя в юго-западном направлении, следы рва теряются в микрорельефе широкой лощины между высотами Окопной и Ровной, и лишь густая травяная растительность в еле заметном понижении (данная местность давно не используется в качестве пашни вследствие засоленности почвы), протянувшаяся прямой полосой, указывает на его присутствие. Особенно хорошо это видно в годы, когда линия рва густо зарастает травой, которая дольше сохраняет зеленый цвет и хорошо выделяется на окружающем фоне выцветшей пожелтевшей степи. На летних аэрофотоснимках Googl Earth линия рва в этой местности четко определяется именно по цвету растительности. П. С. Паллас отмечает, что в этой местности ров проходил вблизи двух селищ: Тюреке и Сарыгол, оба они выявлены и картографированы, что вместе с локализацией рва подтверждает правильное направление наших поисков (рис. 9).

Здесь, на северном пологом склоне высоты Ровной в 0,65 км к югу от юго-восточного угла солнечной электростанции, планируемая трасса ЛЭП пересекает линию рва, который почти полностью снивелирован, и лишь еле заметная лощинка с плавным понижением к центру маркирует его. Вал полностью распахан и едва угадывается с восточной – юго-восточной стороны лощины по перепаду высот с разницей всего 10–15 см от уровня современной дневной поверхности. В целом, наибольшая глубина лощины в месте пересечения её линией электропередачи достигает 0,5 м, её ширина – 18 м, ширина остатков вала – около 7 м. Таким образом, полный размер сооружения в сечении составляет 25 м. С целью получения полной стратиграфии данного оборонительного сооружения в этой точке был сделан разрез, его GPS- координаты: 45,14409° СШ; 035,44831° ВД (рис. 1).

На этом участке ров в разрезе имел форму вытянутого треугольника, его дно плавно повышалось в западном направлении, а восточная сторона рва была более крутая, чем западная, имела уступ, который, возможно, был неообходим для выбрасывания грунта (рис. 10). Заполнение рва – однообразный, каштановый, плотный, вязкий, крупно-комковатый чернозем. Каких-либо особенностей в стратиграфии бортов данного разреза не отмечено, она однообразна на всем протяжении. Размеры рва на данном участке составляют: ширина 20 м, максимальная глубина от уровня современной дневной поверхности – 1,9 м. Вал находился с восточной стороны рва, он полностью распахан и едва угадывается в сантиметровых перепадах высот, что отметила инструментальная съемка. Археологический материал в разрезе не обнаружен.

Второй разрез рва был сделан весной 2016 г. на высоте Окопной (рис. 1), его GPS координаты 45, 16166° СШ; 35, 45799° ВД. Следы рва здесь сохранились лучше, чем на других его участках, в рельефе ширина рва составляет 20,5 м, глубина на современной дневной поверхности – 1,20–1,30 м (рис. 10). Здесь профиль рва весьма похож на таковой в обрыве Сиваша, он также имеет V-образную форму, его стратиграфия проста и показывает, что заполнение сооружения натечным грунтом шло постепенно. Размеры рва профилях разреза составляют: ширина 15–16 м, максимальная глубина от уровня современной дневной поверхности – 3,30–3,40 м. В нижней части рва обнаружены следы кострища, угольки из которого взяты на радиоуглеродный анализ. Возможно, их датировка еще раз укажет на относительную древность данного оборонительного сооружения. Вал находился с восточной стороны рва, он выделяется в незначительных перепадах высот.

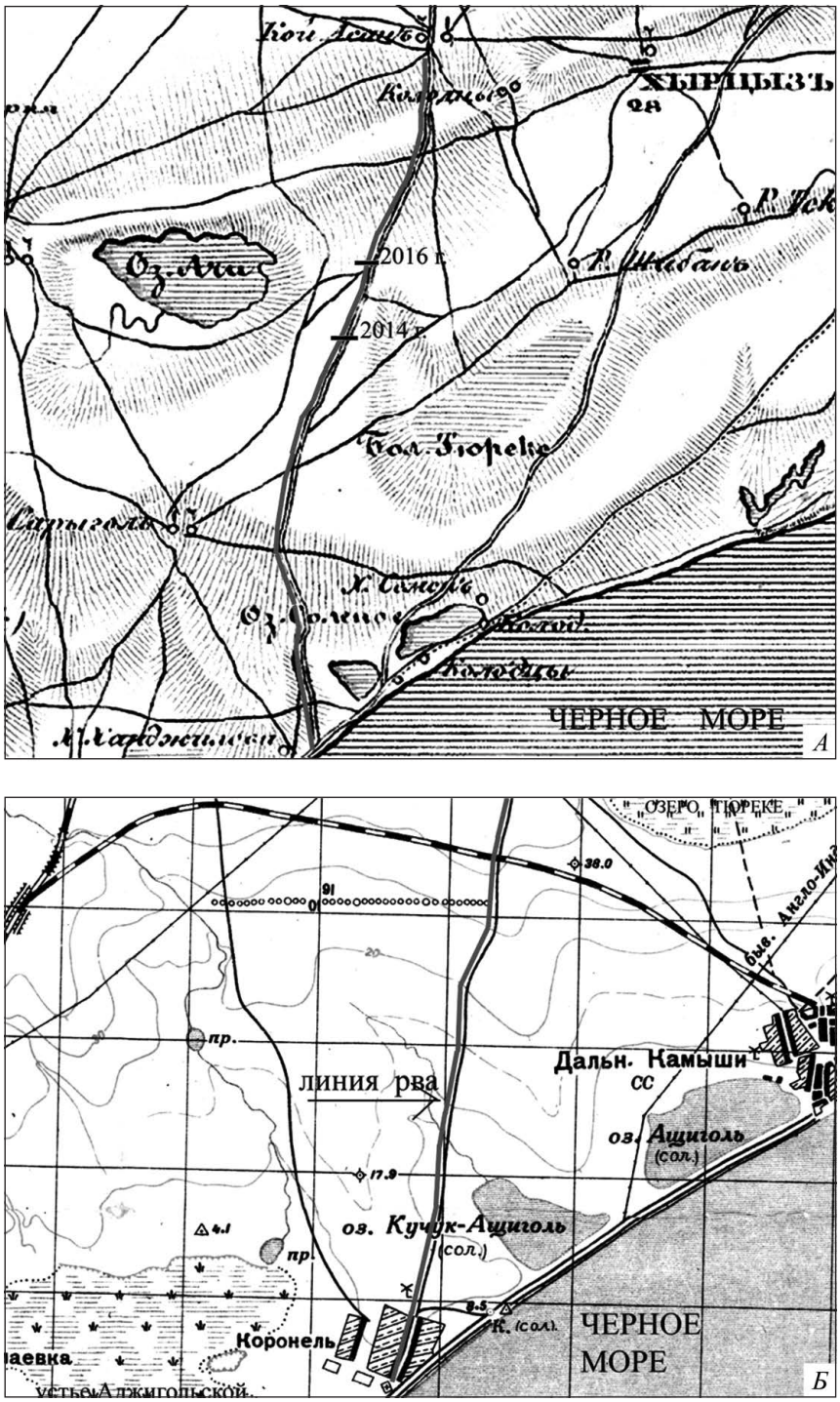

Рис. 9. *А* – линия южного фланга Акмонайского рва на карте 1848 года; *Б* – линия южного фланга Акмонайского рва на карте 1942 года. Полевая дорога от Феодосийского залива (село Коронель – Береговое) к Парпачскому гребню проходит рядом со рвом

По валу, как высокому месту, долгое время проходила одна из полевых дорог на Керчь, колеи которой хорошо выделяются в стратиграфии (рис. 9; 10).

Ров пересекает водораздел (высота Ровная) с северо-востока на юго-запад и далее тянется через равнину, имеющую общий уклон в сторону Черного моря и направляется к современному селу Береговому (старое название Коронель, рис. 1; 9). Здесь его сохранность плохая, он почти не различается в рельефе местности, а по мере приближения к окраине села следы его вовсе теряются. Но по его общему направлению на аэрофотоснимках Googlt Earth видно, что ров тянется в точку на побережье, где находилось большое античное селище Береговое 1 (старое сельское кладбище, рис. 9) [Шульц, 1953, с. 122; Гаврилов, 2004, с. 33; Веселов, 2005, с. 88]. Селище возникло в стратегически важной точке побережья – на древней приморской дороге, связывавшей Юго-Восточный Крым и Керченский полуостров. Кроме этого, находящееся к западу широкое, заболоченное устье Аджигольской балки усиливало этот рубеж и вместе со рвом создавало труднопреодолимый оборонный узел. Похоже, что здесь, на побережье Феодосийского залива Акмонайский ров заканчивался (рис. 9). Таким образом, протяженность южного фланга вала от Парпачского гребня до побережья Феодосийского залива составляет также 10,8 км. В целом протяженность Акмонайского рва и вала составляет 21,6 км, что соответствует сообщению нумизмата Е. Мюральта, который очевидно, ознакомился с данным сооружением на местности [см.: Масленников, 2003, с. 18]. Таким образом, это оборонительное сооружение было полностью земляным на всем протяжении его северного и южного флангов, никаких следов каменных конструкций (башен) в линии вала мной не обнаружено. Это указывает на единовременность и сравнительную быстроту создания данного оборонительного сооружения, когда у его создателей на первом плане стояли вопросы тактического порядка. Когда конфликт был разрешен, необходимость в данном сооружении отпала и оно было заброшено. В связи с этим можно вспомнить сообщение Псевдо-Скилака Кариандрского, что Феодосия находилась на скифской земле [Ps.-Scyl. Peripl. 69], соответственно в оборонительных сооружениях на подконтрольной территории они не нуждались.

Однако, если принять во внимание сообщения Геродота и П. С. Палласа, то данный ров должен был иметь продолжение: согласно первому – до «Таврских гор» – крайнего восточного отрога Внешней гряды Крымских гор (хребет Тепе Оба) [Herod., IV, 3]; второй автор отмечает, что ров следовал до селения Аджикала (находилось близ современного села Степное). Однако, его дальнейшее продолжение: от побережья Феодосийского залива в указанных направлениях было нецелесообразно, да и вряд ли возможно в силу пересеченности местности к западу и северу от села Береговое [Гаврилов, 2004, с. 47, 48]. Возможно, в дальнейшем с появлением дополнительных данных, исследование разрозненных остатков валов у сел Ячменное, Владиславовка, Береговое получит новый импульс, будет реконструирована история их создания и станет понятной система обороны этого региона в разные исторические периоды.

Такое направление прокладки Акмонайского рва древние фортификаторы очевидно выбрали потому, что стремились максимально использовать естественные препятствия на пути двигающегося с запада противника. Такими на Акмонайском перешейке являлись: Койасанская балка на его северной стороне; на южной стороне – озера-коли:

Фронтовое, Тюреке (Камышинский луг), Ачи; озера лиманного происхождения: Кучук Ачиголь и Биюк Ачиголь, а также заболоченное устье Аджигольской балки и реки Байбуги. Поэтому наиболее удобными для передвижения по Южной стороне Акмонайского перешейка являлись водоразделы (Парпачский гребень) и высоты (Окопная и Ровная) между озерами, а также приморская дорога по берегу Феодосийского залива. Эта дорога от доходила до села Береговое (старое название Коронель) и поворачивала на северо-восток к Парпачскому гребня, следуя поблизости от сел Сарыгол и Тюреке. Именно этой дорогой ехал П. С. Паллас и другие путешественники, т. е. почтовый тракт того времени проходил по линии южного фланга Акмонайского рва и вала, как местам наиболее удобным для проезда. Этот факт отражают и топографичекие карты XIX века (рис. 9; 10). Как показали исследования 2014 года – ров, пересекал указанные водоразделы, как места, по которым мог передвигаться предполагаемый противник.

Данное оборонительное сооружение можно соотнести с рвом, который выкопали «потомки слепых рабов» и покоренные обитатели Восточного Крыма, стремясь таким образом препятствовать возвращению скифов к своим родовым кочевьям [Herod., IV, 3]. Этот ров еще дважды упоминается Геродотом: 1. при описании владений царских скифов, как часть восточной границы таковых; 2. при упоминании перекочевок скифов из причерноморских степей в Синдику (и Прикубанье), во время которых они пересекали данное оборонительное сооружение, опять же, как некую границу [Herod., IV, 28]. В пользу такого предположения говорит то, что ров начинался у древнего побережья Меотиды (ныне это залив Южного Сиваша), где его ширина имеет наибольшую величину, и тянулся в направлении «Таврских гор» (крайний восточный отрог Внешней гряды Крымских гор – хребет Тепе Оба). На древность Акмонайского рва указывает и то, что после сооружения он больше не использовался (не восстанавливался) и не упоминался древними авторами. По-видимому, необходимость в таком оборонительном сооружении больше не возникала в последующие исторические периоды вплоть до осени 1941 г., когда на Акмонайском перешейке был выкопан новый ров с целью задержать продвижение танковых колон немцев к Керченскому проливу (рис. 2). Но находился он в нескольких километрах восточнее, что было связано с изменившимся рельефом и образованием новых географических и антропогенных реалий (Южный Сиваш, Арабатская Стрелка, железная дорога, шоссе Феодосия – Керчь и др.).

Судя по сообщению Геродота, скифы не смогли преодолеть это оборонительное сооружение (Акмонайский ров)[2], им пришлось вести многочисленные сражения с противником, и в конечном итоге, как гласит источник, они победили «сыновей рабов» с помощью нагаек. Иными словами, проблема была решена дипломатическими средствами (ведь нельзя же с помощью плетей победить вооруженное войско!) – скифам удалось пересечь Керченский полуостров и выйти к берегам пролива, где в то время

[2] Согласно перевода Г. А. Стратановского скифы даже вынуждены были предпринять обходной маневр – высадили морской десант на азовское побережье восточнее рва. Но эта операция скифов также окончилась неудачно, после чего война приняла затяжной характер с многочисленными сражениями [см. Геродот. История в девяти томах. Перевод и примечания Г. А. Стратановского 1972 г.: научно-издательский центр «Ладомир» «АСТ». М. 1999, с. 236]. Эта существенная деталь почему-то ускользнула от других переводчиков, что вызывает сомнения в правильности перевода этой части текста Г. А. Стратановским.

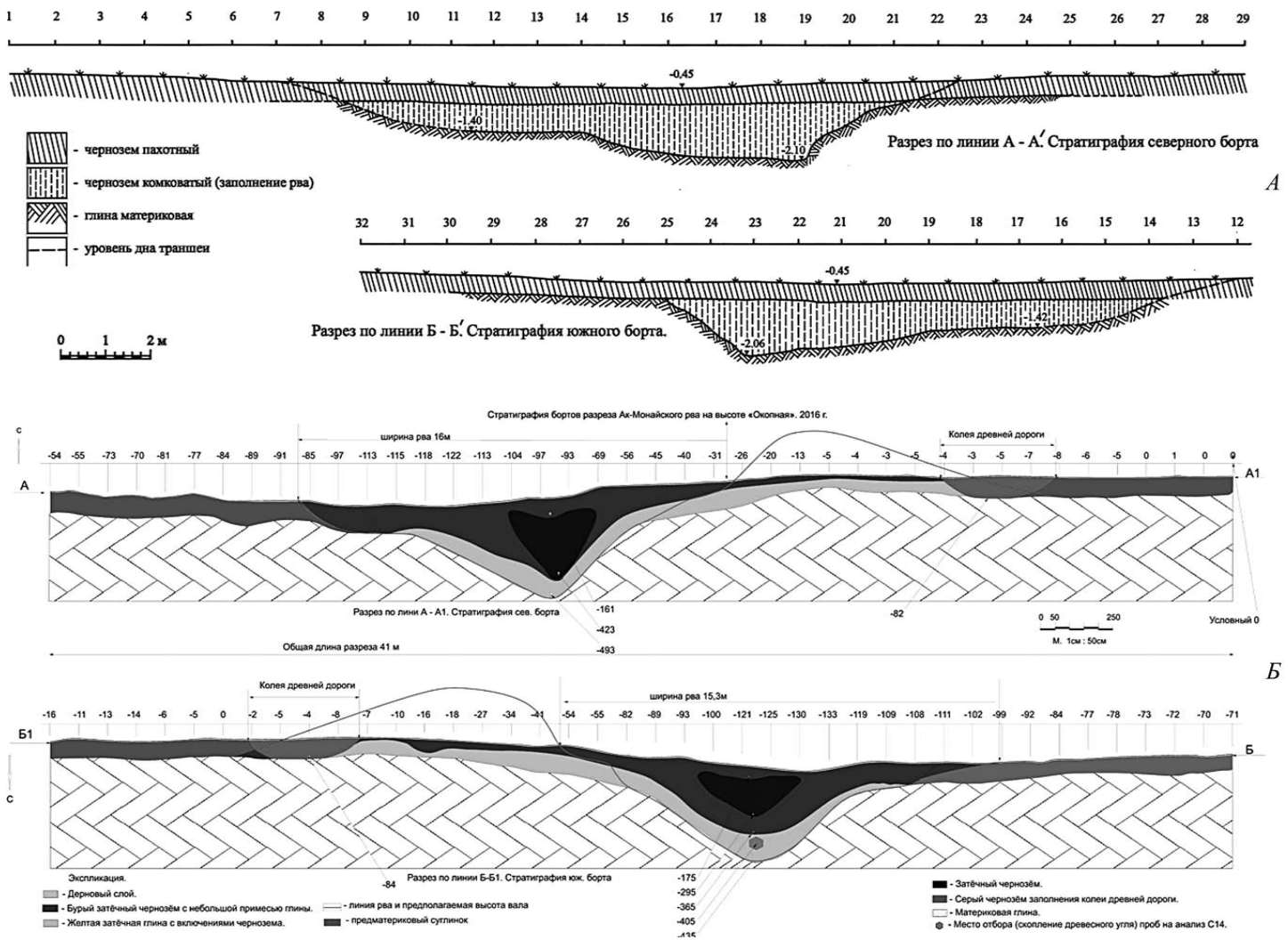

Рис. 10. Профили разрезов Акмонайского рва. *А* – на северном склоне высоты Ровной 2014 г.; *Б* – на высоте Окопной 2016 г.

только начинали осваиваться древнегреческие колонисты. Таким образом, свою защитную функцию, на которую рассчитывали противники скифов, ров выполнил – кочевники не смогли свободно пройти в нужном им направлении.

В соответствии с локализацией данного оборонительного сооружения возникает вопрос о времени его сооружения. Поскольку я, как и А. А. Масленников [2003, с. 259] пытаюсь увязать его появление с легендой Геродота о возвращении скифов в Северное Причерноморье и на Керченский полуостров в частности, – то его хронологическую привязку отношу к началу VI в. до н. э. Археологи датируют возвращение скифов в Северное Причерноморье из Малой Азии началом VI в. до н. э. и отмечают, что оно встретило военное сопротивление в некоторых регионах Лесостепи. Так, продвижение скифов в лесостепные районы днепровского Правобережья вызвало строительство оборонительных сооружений на поселениях местного населения [Мурзин, 1984, с. 100; Скорый, 2003, с. 88, 89; Алексеев, 2003, с. 154, 155].

Более поздний античный автор Помпей Трог в передаче Марка Юниана Юстина детализирует эти события, упоминая о трех походах скифов в Малую Азию: первый длился 15 лет, второй – 5, третий – 8. Лишь после третьего похода они встретили сопротивление детей рабов [Iust. II. 3–5]. Сообщает об этом и Полиэн [Pol. Strat. VII. 44. 2]. Согласно этим источникам скифы ходили в Малую Азию неоднократно и возвращались в предгорья Северного Кавказа через кавказские проходы. Отсюда происходило их дальнейшее продвижение в лесостепные регионы Левобережья и Правобережья Днепра, что фиксируют погребальные памятники. Обратно, в Прикубанье они возвращались, по-видимому, через Перекопский перешеек, следуя старым, известным и более коротким путем к своим древним владениям [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980, с. 157]. Их путь лежал к т. н. Киммерийским переправам на Боспорском проливе и далее в Прикубанье, в Синдику, в предгорья Северного Кавказа. Соответственно, сооружение Акмонайского рва произошло непосредственно перед их приходом на Керченский полуостров со стороны Перекопа – в начале VI в. до н. э. И. Т. Кузнецова путем хронологических построений на независимом материале даже определила точную дату их возвращения и, соответственно, военных столкновений с «детьми рабов» на линии рва: лето – осень 585 г. до н. э. [2009, с. 327].

Кочевники, по-видимому, традиционно ходили этим маршрутом и необходимость перекрывать его возникала только в периоды напряженных с ними отношений. Судя по материалам, весьма редким, появление скифов на Керченском полуострове не оставило каких-либо заметных следов в археологических реалиях.

Однако, по всей видимости, их первые контакты с местным населением Таврики были далеко не мирными. Например, отражением военных столкновений новых пришельцев с обитателями (таврами) горного региона Таврики являются сравнительно многочисленные находки скифского оружия второй половины VII – начала VI вв. до н. э. в районе Внешней гряды Крымских гор [Скорый, Зимовец, 2014, с. 168]. Покорение ими горной части полуострова в силу его сравнительной труднодоступности растянулось на довольно длительный период. Также, не оставила каких-либо заметных археологических следов и противостоящая сторона – потомки «слепых рабов». Но это не значит, что их совсем нет, просто этим вопросом необходимо заняться [см.: Иванов,

Сударев, 2012, с. 194]. Наличие подкурганных погребений, грунтовых могильников и поселений доскифского и раннескифского времени, на территории степного Крыма и Керченского и Таманского полуостровов свидетельствует о том, что какое-то догреческое оседлое население здесь проживало [Корпусова, 1972, с. 42; Колотухин, 2000, с. 56–58; Масленников, 1995, с. 61; Он же, 2001, с. 301; Иванов, Сударев, 2012, с. 197; Куликов, Бейлин, Ермолин, Столяренко, 2012, с. 265]. Возможно, для сооружения Акмонайского оборонительного сооружения организаторами была привлечена и какая-то часть местного населения Таманского полуострова и Прикубанья.

В легенде Геродота о создании рва можно видеть и завуалированный конфликт между двумя группировками скифов, вернувшихся из Малой Азии. Это группа т. н. «взбунтовавшихся скифов» или «изгнанных царевичей» Помпея Трога, которая не была связана обязательствами с оставшимися где-то в Прикубанье женами и вернулась в Северокавказский регион чуть раньше орды Мадия [Кузнецова, 2009, с. 325]. Войско Мадия возвратилось сюда же и затем ушло в Лесостепь, очевидно, для завершения покорения населения региона и сбора дани, что сопровождалось военными действиями [Скорый, 2003, с. 89]. Обратный путь этой орды на Северный Кавказ, по-видимому, лежал через Крымский полуостров, где их ждало препятствие в виде рва и военное сопротивление «потомков слепых рабов». Может быть верхушка «взбунтовавшихся скифов» и стала организатором строительства рва, используя для этого покоренное население региона («детей слепых рабов) и стремясь тем самым препятствовать возвращению из северопричерноморских рейдов орды Мадия. Целью этого военного столкновения, по-видимому, являлось установление конторолля над районом пролива и прилегающими территориями, как формирующейся новой контактной зоной эллинского и варварского миров. Обладание этим стратегически важным регионом сулило огромные перспективы, что в будущем нашло реализацию в появлении здесь такого феномена, как тысячелетнее Боспорское государство.

Список литературы

Алексеев, 2003. Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб.

Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980. Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Рогов Е. Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов //ВДИ. 4.

Веселов, 2005. Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. //ДБ. Supplementum. Т. II.

Гаврилов, 2001. Гаврилов А. В. О валах на Акмонайском перешейке //МАИЭТ. VIII.

Гаврилов, 2004. Гаврилов А. В. Округа античной Феодосии. Симферополь.

Гаврилов, 2010. Гаврилов А. В. Курганы Юго-Восточного Крыма //Stratum plus. 3. СПб-Кишинев-Одесса.

Гаврилов, 2013. Гаврилов А. В. Античные археологические памятники Юго-Восточного Крыма (современное состояние, изученность, перспективы сохранения) //Таврійські студії. 1 (4).

Иванов, Сударев, 2012; Иванов А. В., Сударев Н. И. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова //ДБ. 16.

Колотухин, 2000. Колотухин В. А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь.

Корпусова, 1972. Корпусова В. М. Про населення хори античної Феодосії //Археологія. 6.

Корпусова, 1980. Корпусова В. Н. Надгробные стелы некрополей сельских поселений Боспора //Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев.

Кузнецова, 2009. Кузнецова Т. М. Хронология скифского присутствия на Ближнем Востоке (по следам Геродота) //Stratum plus. 3. СПб-Кишинев-Одесса-Бухарест.

Куликов, Бейлин, Ермолин, Столяренко, 2012. Куликов А. В., Бейлин Д. В., Ермолин А. Л., Столяренко П. Г. Археологические разведки на южном склоне Митридатской гряды в 2007–2008 гг. (еще раз к вопросу о догреческом поселении на месте Пантикапея) //ДБ. 16.

Масленников, 1995. Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма (к истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н. э. //БС. 8.

Масленников, 1998. Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М.

Масленников, 2001. Масленников А. А. Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем //ДБ. 4.

Масленников, 2003. Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.

Мурзин, 1984. Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. К.

Паллас, 1999. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства. М.

Петрова, Прохорова, 2011. Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм «Путешествие Крым в 1786 году». Симферополь.

Скорый, 2003. Скорый С. А. Скифы в днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). К.

Скорый, Зимовец, 2014. Скорый С. А, Зимовец Р. В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. К.

Стащук, Супрычев, Хитрая, 1964. Стащук М. Ф., Супрычев В. А, Хитрая М. С. Минералогия, геохимия и условия формирования донных отложений Сиваша. К.

Шульц, 1953. Шульц П. Н. О комплексных историко-археологических и палеогеографических исследованиях в Северном Крыму //ИКОГО. 2.

Summary

A. V. Gavrilov
Akmonajsky ditch

The article presents the results of the survey of the ditch on Akmonajsky the isthmus separating the Crimean Peninsula from the Kerch. This defensive structure the author connects with the message of Herodotus about the moat, built by the sons of the "blind slaves" in order to prevent the Scythians return to their possessions. Its construction can be dated to the beginning of the VI century BC the Reason for its construction was a conflict between two groups of Scythians for the possession of the Kerch Strait (Cimmerian ferry), as a future perspective, a strategically important area of contact of the Hellenic and barbarian worlds. Here was born the phenomenon of the ancient world, as a millennial Bosporan state.

Н. А. Гаврилюк*, Н. И. Винокуров**
*(*Институт археологии НАН Украины;*
***Государственный педагогический Университет, Москва)*

Лепная керамика из слоя пожара городища времени боспоро-римской войны 44/45–49 гг. городища Артезиан

В 50-х годах прошлого столетия были высказаны соображения о варварском происхождении всей лепной посуды античных центров Северного Причерноморья и её бытовании исключительно в варварской среде [Кругликова, 1954, с. 78–113; Кастанаян, 1952, № 25, с. 249–289; Кастанаян, 1955, с. 395–405]. Как гипотеза, это предположение оформилось в монографию Е.Г. Кастанаян [Кастанаян, 1981, с. 127, 128]. Она получила широкое распространение и находила поддержку вплоть до недавнего времени [Марченко, 1976, 157–166; Марченко, 1988; Греки и варвары…, 2005].

Однако изучение коллекций лепной керамики из массовых материалов базовых античных памятников этого региона и расширение круга привлекаемых аналогий неизбежно привели к выводу о гораздо более сложном характере проблемы и установлении нескольких диахронных и синхронных дифференциаций лепного керамического комплекса. Спорными оказались вопросы об этнико – культурном происхождении некоторых групп керамики, их роли в формировании лепного комплекса античных центров.

Ранее рассмотренный нами феномен лепной посуды из раскопок целого ряда античных городов Северного Причерноморья эллинистического периода (около 5 тыс. находок более чем с 40 памятников) позволил разделить весь лепной керамический комплекс на девять генетических групп: греческая, скифская, фракийская, херсонесская, кизил-кобинская, «сарматская», боспорская, северокавказская, позднескифская (крымская) [Гаврилюк, 1981, с. 18; Гаврилюк, 2014, с. 30–50; Гаврилюк, 2014 а, с. 24–31].

Однако, по – прежнему, остается актуальным усовершенствование или дополнение существующей формально-типологической классификации этого вида артефактов, а также анализ и обобщение появления, развития и исчезновения характерных типов лепной керамики на фоне сложной картины интенсивного социально-экономического взаимодействия греческих и негреческих субстратов населения в макроэкономическом пространстве Северного Причерноморья.

Таблица 1. Распределение лепной керамики по условиям находки

Условия находки	Тип сосуда	Кол-во
1.Находки из-под слоя пожара ранней цитадели на раскопе III	Кувшинчик и закрытый светильник (рис. 10, *8*; 14, *6*; 15, *3*)	2
	Всего	**2**
2.Находки из гомогенного слоя пожара (чистого, непотревоженного) на раскопе III	Горшки с раструбом (рис. 1,*1–6*, *8–15*, *20*, *21*; 2, *1–8*)	25
	Горшки с раструбом и выступом для крышки (рис. 2, *9*; 3, *6–10*, *12–14*, *16–18*)	13
	Горшки с дуговидной шейкой (рис. 2, *10–13*; 4, *1–7*)	11
	Горшки с прямым горлом (рис. 5, *1–6*)	5
	Горшки слабо профилированные (рис. 5, *8–10*)	3
	Кастрюли (рис. 7, *1, 2*)	2
	Крышки (рис. 6, *8*; 7, *4*)	2
	Днища (рис. 8, *6*, *7*)	2
	Горшки-кувшины (рис. 8, *1–4*)	4
	Кувшины (рис. 9, *1–8*; 10, *1*, *3*)	10
	Кувшинчик (рис. 9, *10*; 10, *6*)	1
	Двуручные (рис. 7, *9*)	1
	Миски конусовидные (рис. 11, *1–5*, *8*; 12, *1–3*).	9
	Миски с завернутым краем (рис. 11, *9–12*; 12, *4–7*, *9–11*)	11
	Миски сложно профилированные (рис. 11, *16–18*, *20*)	4
	Миски с прямыми стенками (рис. 12, *10*, *11*)	2
	Цедилки (рис. 13, *1*; 14, *1*; 13, *7*)	2
	Светильники (рис. 15, *4*, *6*)	2
	Жаровня (рис. 15, *1*)	1
	Сосуд миниатюрный (рис. 14, *4*; 15, *2*; 14, *5*)	2
	Всего	**112**
3.1. Из траншей выборок крепостных и внутренних стен ранней цитадели	Горшки с раструбом (рис. 1, *7, 16, 18, 19*)	4
	Горшки с раструбом и выступом для крышки (рис. 3, *1–5, 11, 15, 19, 20*)	12
	Горшки с дуговидной шейкой (рис. 8–13)	6
	Горшки с прямым горлом (рис. 5, *4, 7*)	2
	Горшки слабо профилированные (рис. 5, *11*; 6, *2*, *5*)	3
	Кастрюли (рис. 6, *6*)	1
	Крышки (рис. 7, *5–8*)	4
	Кувшины (рис. 9, *9*; 10, *2*, *5*)	3
	Кувшинчики (рис. 9, *11*, *12*)	2
	Двуручные (рис. 7, *10*).	1
	Миски конусовидные (рис. 11, *6*, *7*).	2
	Миски с завернутым краем (рис. 11, *13*, *15*)	2
	Миски сложно профилироованная. (рис. 11, *18*)	1
	Цедилки (рис. 13, *2, 3, 6*; 14, *2*)	4
	Всего	**47**
3.2. Из нивелировочного слоя под позднюю цитадель; из ям и перекопов, прорезавших пожарище	Горшки с раструбом (рис. 1, *17*)	3
	Горшки с дуговидной шейкой (рис. 4, *14*)	1
	Горшки с прямым горлом (рис. 6, *1*)	1
	Горшки слабо профилиро-ванные (рис. 5, *12*, *13*; 6, *3, 4*)	3
	Крышка (рис. 6, *9*)	1

Условия находки	Тип сосуда	Кол-во
3.2. Из нивелировочного слоя под позднюю цитадель; из ям и перекопов, прорезавших пожарище	Днище (рис. 8, *5*)	1
	Кувшины (рис. 10, *4*)	1
	Кувшинчики (рис. 9, *13*; 10, *7*)	1
	Миски сложнопрофилированные (рис. 11, *20*)	1
	Цедилки (рис. 14, *3*)	1
	Всего	**14**
3.3. Находки из поздних перекопов и ям, прорезающих слой пожара	Кастрюли (рис. 6, *7*; 7, *3*)	1
	Цедилки (рис. 13, *5*)	1
	Светильники (рис. 14, 7; 15, 5)	1
	Чашки на ножках (рис. 14, *8*, *9*)	2
	Всего	**5**
Находки из слоя пожара и синхронных археологических комплексов за пределами ранней цитадели (на раскопах I и II);	Двуручные сосуды (рис. 7, 11)	1
	Всего	**1**
	Итого по всем слоям	**181**

Целью же этой работы является исследование лепной посуды только из слоя пожара на городище Артезиан и синхронных ему объектах. Это позволяет проанализировать некую совокупность лепных сосудов, которые использовались в быту короткое время – не более 50 лет. Столь подробное изучение части массового археологического материала позволит: классифицировать его; выделить генетически неоднородные группы лепной керамики; определить их соотношение в составе утвари в домах обитателей городища; выделить сосуды, имеющие «узкую датировку», которые могут быть использованы для датировки других памятников, а также внести некоторые корректировки в гипотезу об исключительно варварской принадлежности населения, производившего и пользовавшегося лепной посудой.

Рассматриваемая коллекция представлена фрагментами сосудов из материалов раскопа III. Здесь представлены лишь те находки, которые происходят: из гомогенного слоя пожара (112 экз.); из траншей выборок крепостных и внутренних стен ранней цитадели (47 экз.); из нивелировочного слоя под позднюю цитадель (14 экз.); из ям и перекопов, прорезавших пожарище (6 экз.). Находки из-под слоя пожара ранней цитадели на раскопе III представлены двумя сосудами. Из слоя пожара и синхронных археологических комплексов за пределами ранней цитадели (на раскопах I и II) в этой работе учтен лишь один двуручный сосуд. Таким образом, для классификации лепной керамики из слоя пожара использован 181 сосуд (табл. 1).

Закрытые сосуды

Горшки

Горшки с горлом, отогнутым в виде раструба (with a flaring rim) представлены фрагментами 32 сосудов (рис. 1, 2), что составляет более 17% всей коллекции (табл. 2).

Большинство горшков с горлом в виде раструба происходит из чистого, непотревоженного слоя пожара в раскопе III (25 экз. рис. 1, *1–6, 8–15, 20, 21*; 2, *1–8*), четыре

Таблица 2 . Основные типы лепных сосудов из слоя пожара

№ п.п.	Тип	Кол-во	%	Группа
Закрытые сосуды				
1	Горшки с горлом в виде раструба	32	17,68	Всеобщая
2.	Горшки с горлом в виде раструба с выступом для крышки	25	13,81	Греческая
3.	Горшки с дуговидной в разрезе шейкой	18	9,94	Всеобщая
4.	Горшки с прямым горлом	8	4,42	
5.	Горшки слабопрофилированные	9	4,97	Всеобщая
6	Кастрюли	4	2,21	Греческая
7.	Крышки	7	3,87	Греческая
8	Горшки-кувшины	4	2,21	Позднескифская крымская
9.	Кувшины	14	7,73	Греческая
10	Кувшинчики, горшочки-кувшинчики	5	2,76	Боспорская
11	Двуручные	3	1,66	Боспорская
12.	Днища закрытых лепных сосудов	3	1,66	Не определяются
Открытые сосуды				
13	Миски в форме перевернутого усеченного конуса	11	6,08	Всеобщая
14	Миски с завернутым краем	13	7,18	Всеобщая
14	Миски сложнопрофилированные	6	3,31	Боспорская
15.	Миски с прямыми стенками	2	1,10	Боспорская
16.	Цедилки	8	4,42	Боспорская приазовская
17.	Светильники	4	2,21	Греческая
18.	Чашки на ножках	2	1,10	Боспорская (приазовская)
19	Жаровня	1	0,55	Всеобщая
20	Сосуды миниатюрные	2	1,10	Греческая
	Всего	**181**	**100**	

фрагмента горшков (рис. 1, *7, 16, 18,19*) найдены в выборках траншей под стены ранней цитадели. В нивелировочном слое найдено три фрагмента таких горшков (например, рис. 1, *17*).

Некоторые горшки с горлом в виде раструба были орнаментированы по краю венчика – преимущественно косыми ногтевыми насечками по плоскому его срезу (рис. 1, *10,19*; 2, *5*). Большинство горшком этого типа из слоя пожара – сосуды средних размеров с диаметром венчика от 18 до 22 см, с наибольшим расширением тулова в средней части и с плоским дном.

Внешняя поверхность всех горшков с горлом в виде раструба закопчена в верхней части – как на внешней, так и на внутренней поверхности венчика.

У 14 горшков этой группы состав формовочной массы определен визуально. Она четырех типов: 1) слоистая, светло-серая, с большим количеством мелких фрагментов ракушки (4 экз.). Скорее всего, это не специально толченая ракушка, а просто светло-серый морской песок, встречающийся в районе Керчи в большом количестве. 2) оранжевая, плотная, с небольшой примесью ракушки (2 экз.) 3) коричневатая, плотная масса

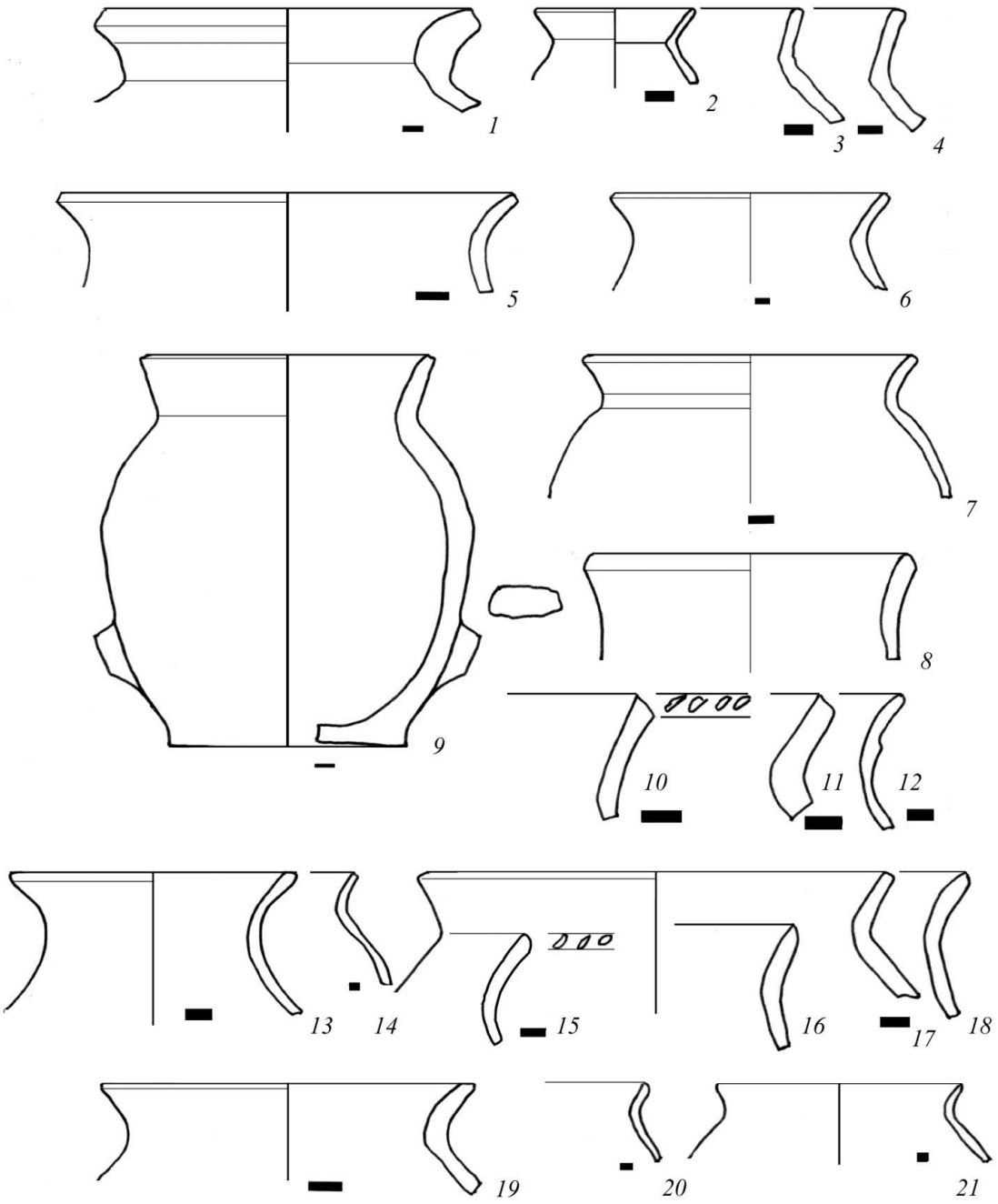

Рис. 1. Горшки с горлом в виде раструба
1, 6 – помещение 4, слой пожара, ямы из-под пифосов; *2* – из золы, глубина 0,9–1,2 м, *3, 8, 12* – помещение 4, слой пожара; *4, 20* – юго-восточный угол, слой пожара, *5, 9, 10, 11, 13, 14, 21* – помещение 10, слой пожара; *7* – траншея выборки стены 115, дно; *15* – помещение 4, слой пожара у ТВ 175; *16, 19* – помещение 10, траншея выборки стены 186; 17 – нивелировочный слой, пожар; *18* – помещение 1, траншея выборки стенки 81

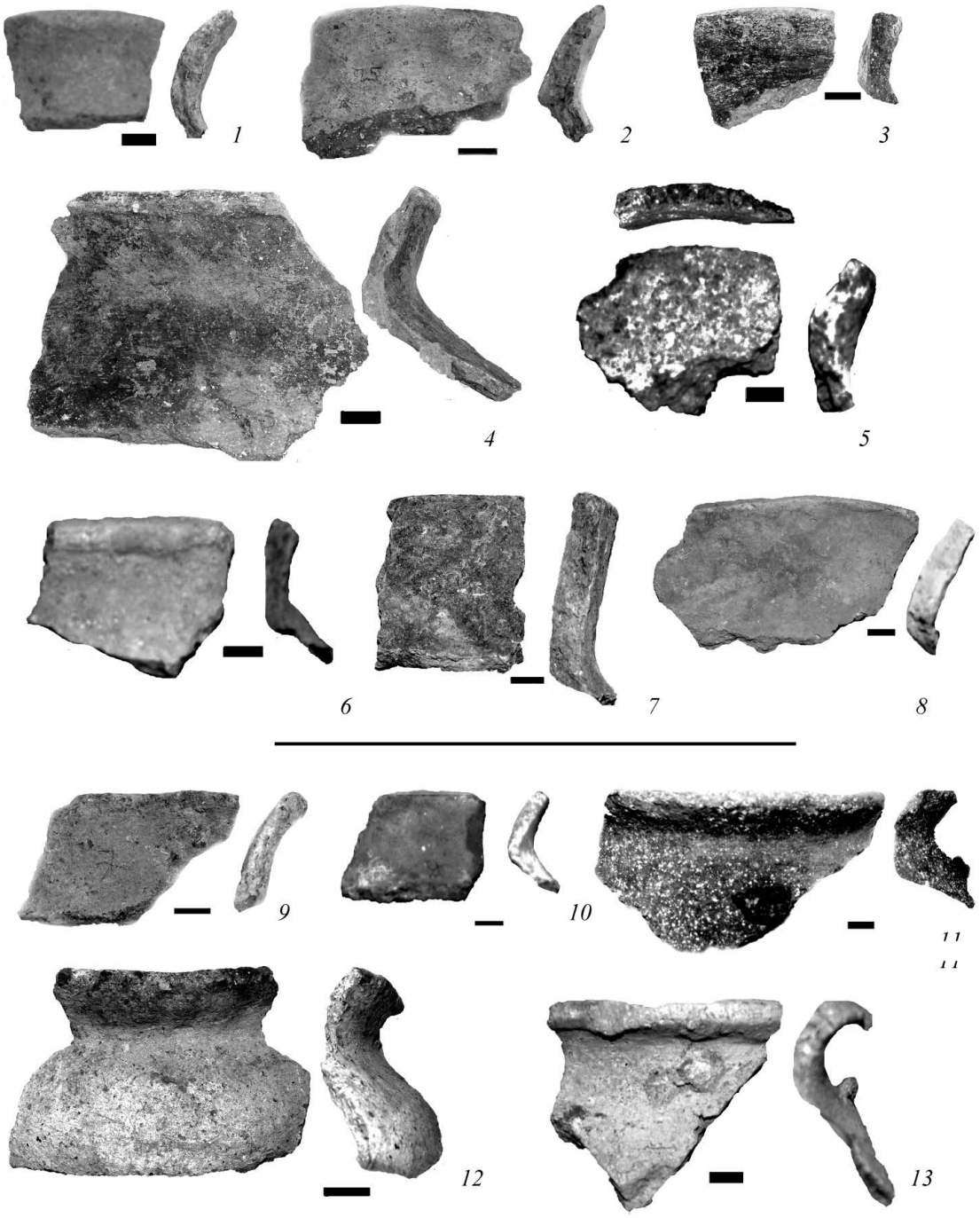

Рис. 2. Горшки в виде раструба (*1–8*): с сильно отогнутым венчиком, образующим выступ для крышки (*9*); горшки с дуговидной в разрезе шейкой (*10–13*)
1–4 – слой золы у северного борта, глубина 0,9–1,2 м; *5, 10* – яма 396, слой пожара; *6–8*, *11–13* – южнее стены 176, слой пожара; *9* – зола у северного борта, гл. 0,9–1,2 м

с примесью блесток слюды – 1 экз. 4) слоистая серая или черная масса с примесью древы (4 экземпляра).

Горшки с горлом в виде раструба появляются в античных памятниках Нижнего Побужья в VI в. до н. э. Наиболее ранний экземпляр (целая форма) происходит из слоя VI в. до н. э. в Ольвии [Марченко, 1976, рис. 3, *7*]. Фрагмент аналогичного горшка был найден и в Ольвийском святилище последней четверти VI – первой половины V вв. до н. э. [Козуб, 1974, рис. 15, *6*]. В поздних слоях Ольвии горшки такой формы немногочисленны [Марченко, 1975, 71, рис. 3–5], однако их много в Козырке [Бураков, 1976, 86, рис. 6, *10–12*]. В слоях Нижнего города Ольвии, почти синхронних слою пожара на городище Артезиан, они составляют около 42% [Gavriliuk, 2010, p. 339].

Горшки, аналогичные по форме отмечены и в материалах боспорских памятников [Кастанаян, 1952, с. 224, табл. 5, *3–4*]. В Крымском Приазовье целая серия таких сосудов зафиксирована в материалах святилища на поселении Полянка [Масленников, 2007, с. 51, рис. 28, *3–6*], в эллинистических слоях Нимфея [Яковенко, 1978, с. 58, рис. 1, Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 269–270], Китея [Гаврилюк, Молев, 2013, с. 69–71], Илурата [Кастанаян, 1981, табл. 29, *1*; 31, *1*] и в эллинистических слоях шурфа 3 на так «называемом валу» Танаиса [Арсеньева, Шолль, 2013, с. 193, рис. 51].

В материалах постскифских памятников, синхронных со слоем пожара городища Артезиан, количество горшков с горлом в виде раструба составляет от 3 до 16% лепной керамики (Гавриловское, Любимовское и Анновское городища) [Гаврилюк, Абикулова, 1991, ч. 2, 5, табл. 2]. Но наиболее распространены горшки данного типа на «позднескифских» памятниках Центрального и Северо-Западного Крыма. Их много в [Высотская, 1979, с. 100; Дашевская, 1958, с. 250, рис. 1, *12*].

В IV в. до н. э. горшки с горлом в виде раструба становятся господствующей формой в лепной керамике Степной Скифии. Более 20 целых сосудов этого типа происходит из степных скифских погребений [Гаврилюк, 1980, с. 20–21]. В материалах Каменского городища они (3 тип по Б. Н. Гракову) составляют 52,3% лепной посуды. В степных скифских поселениях их процент колеблется от 25 до 60% [Гаврилюк, 1989, с. 51, табл. 7].

Таким образом, горшки с горлом в виде раструба из района Ольвии как бы распространяются на всё Побужье, а в V – первой половине IV вв. до н. э. – и на всю территорию Степной Скифии, становясь, как это ни парадоксально, этническим маркером степных скифов. (В синхронных лесостепных памятниках эти сосуды встречаются крайне редко). Проще говоря, такая форма горшков, скорее всего, была заимствована степными скифами у первых греческих переселенцев и в IV вв. до н. э. «превратилась» в скифскую.

Горшки с горлом, отогнутым в виде раструба с намеченным выступом для упора крышки (with a flaring rim and a protrusion for a lid). Впервые такие горшки были описаны нами по материалам эллинистических слоев юго-западного участка Верхнего города Ольвии [Гаврилюк, 2014, с. 438, 468, рис. 18, *1, 3*; 2, *9, 8*]. Среди находок слоя пожара городища Артезиан – это горшки с резко отогнутым горлом и зауженным основанием, за счет чего образуется упор для крышки внутри сосуда (рис. 2, *9*; 3, *1–15, 16, 19*). Иногда выступ для крышки на внутренней поверхности имел вид налепленного валика (рис. 3, *17, 18, 20*). Тулово узкое, равномерно выпуклое. Чаще всего, диаметр венчика больше

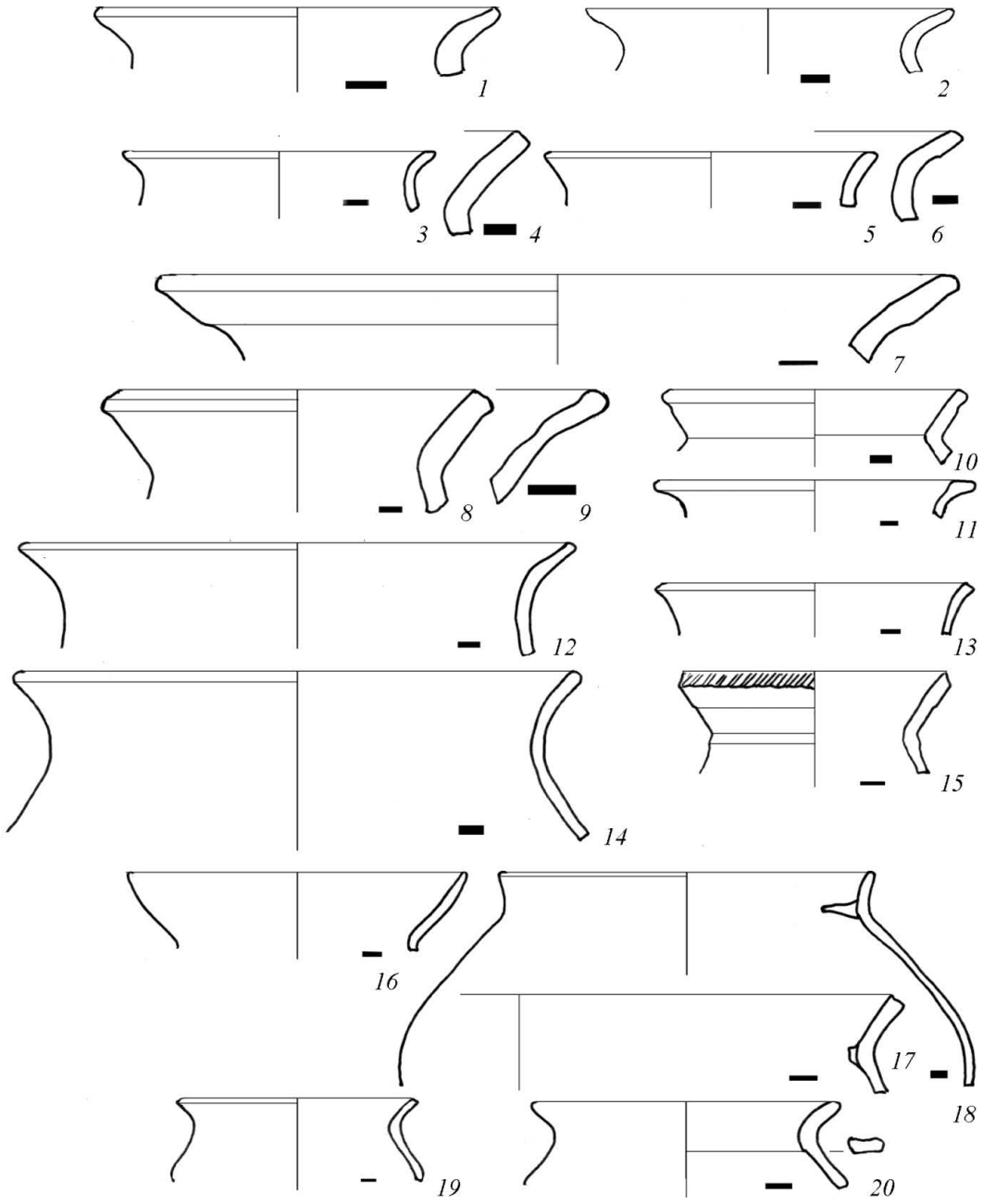

Рис. 3. Горшки с сильно отогнутым в виде раструба горлом, образующим выступ для упора крышки

1–4 – слой пожара в заполнении траншеи выборки южной крепостной стены; *5* – выборка южной стены ранней цитадели, горелый слой; *6* – юго-восточный угол, слой пожара; *7, 8* – помещение 10, слой пожара; *9, 10, 12* – помещение 4, слой пожара; *11* – траншея выборки стены 186; *13* – помещение 4, яма под пифосом; *14, 17, 18* – помещение 4, южная часть, слой пожара; *15* – траншея выборки стены 169; *16* – помещение 4, слой пожара, ямы; *19* – траншея выборки стены 125; *20* – траншея выборки стены 175

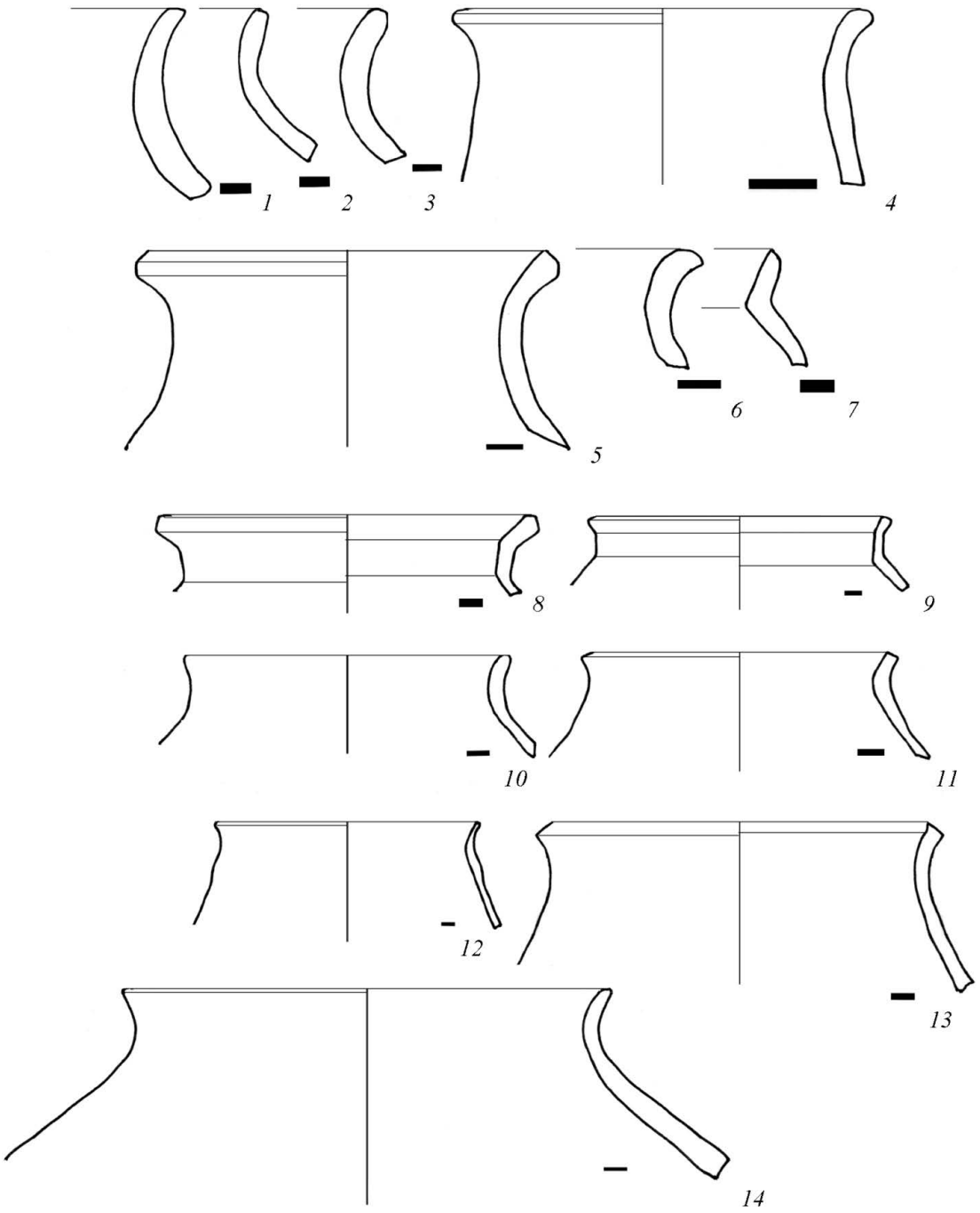

Рис. 4. Горшки с дуговидной в разрезе шейкой
1, 2 – юго-восточный угол, слой пожара; *3, 6* – помещение 1, слой пожара; *4* – помещение 10, слой пожара; *5, 7* – помещение 4, слой пожара; *8* – южная стена ранней цитадели, горелый слой; *9, 10* – траншея выборки стены 125, западная часть; *11* – траншея выборки стены 186; *12* – траншея выборки стены 189, сырец, зола; *13* – траншея выборки стены 169; *14* – из ямы 493, прорезала помещение 10

наибольшего диаметра тулова, дно плоское. В слое пожара к сосудам этого типа можно отнести 25 горшков (рис. 2, *9*; 3, *1–20*), что составляет около 14% лепной керамики, происходящий из данного слоя (рис. 2, *9*; 3, *6–10, 12–14, 16–18*)). Кроме того, они обнаружены в материале из траншей выборки стен ранней цитадели (рис. 3, *1–5, 11, 15, 19, 20*). Орнаментировались эти сосуды крайне редко – в основном косыми ногтевыми насечками по краю венчика (рис. 3, *15*).

По форме горла и пропорциям горшки этого типа близки сероглиняным горшкам, которые распространены в эллинистических слоях всех античных центров Северного Причерноморья.

Горшки с дуговидной в разрезе шейкой (with a concave neck) представлены фрагментами 18 сосудов (рис. 2, *10–13*; 4), что составляет около 10% сосудов, использованных для классификации (табл. 2). Происходят они в основном из раскопа III. 11 фрагментов горшков с дуговидной в разрезе шейкой (рис. 2, *10–13*; 4, *1–7*) найдены в слое пожара этого раскопа, 6 (рис. 8–13) – в выборах стен ранней цитадели и один (рис. 4, *14*) – в нивелировочном слое под раннюю цитадель (табл. 1).

Горшки с дуговидной в разрезе шейкой представлены в основном сосудами с закругленным краем венчика. В двух случаях – край венчика плоско срезан (рис. 4, *13,14*). Один горшок орнаментирован по срезу венчика косыми ногтевыми насечками (рис. 2, *12*).

Внешняя поверхность всех горшков этой формы закопчена в верхней части – как на внешней, так и на внутренней поверхности венчика. Они изготовлены из формовочной массы трех типов: 1) слоистая, светло-серая, с большим количеством мелких фрагментов ракушки; 2) оранжевая, плотная, без примесей. Внешняя поверхность этих сосудов подлощена; 3) слоистая, серая или черная масса с примесью дресвы и небольшого количества толчёной ракушки. Горшки с дуговидной в разрезе шейкой представлены сосудами средних и больших размеров, с диаметром венчиков от 17 до 26 см.

Форма горшков этого типа традиционна для степных памятников. Прослеживается непрерывная линия развития таких сосудов, начиная с периода поздней бронзы, (сабатиновские и белозёрские памятники). Два горшка найдены на объектах позднейшего предскифского периода [Тереножкин, 1976, с. 25]. В скифское время такие горшки встречаются на всех степных памятниках, однако, наиболее характерны они для Каменского городища и его округи, где их удельный вес в составе лепной посуды колеблется от 23 до 50% [Гаврилюк, 1989, с. 51, табл. 7]. 26 целых сосудов происходит из степных скифских погребений Нижнего Поднепровья [Гаврилюк, 1980, с. 19–20]. Фрагменты аналогичных сосудов встречаются в слоях IV–III вв. до н. э. Елизаветовского городища [Марченко, 1972, с. 126–129].

В постскифских городищах Нижнего Поднепровья количество горшков с дуговидной в разрезе шейкой сокращается до 7% [Гаврилюк, Абикулова, 1992, ч. 2, с. 5]. Они присутствуют во всех просмотренных нами материалах Анновского, Любимовского, Гавриловского, Знаменского городищ [Гаврилюк, Абикулова, 1991, ч. 2, с. 5], а также на Золотобалковском поселении [Вязьмітіна, 1962, с. 131, рис. 65, 2]. На синхронных им памятниках Крыма такие горшки также встречаются [Высотская, 1979, с. 102; Дашевская, 1958, с. 250]. Зафиксированы они и на Боспорских памятниках [Кастанаян, 1981, с. 148, табл. 2, *5*], в том числе: в Нимфее [Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 300–303], Китее

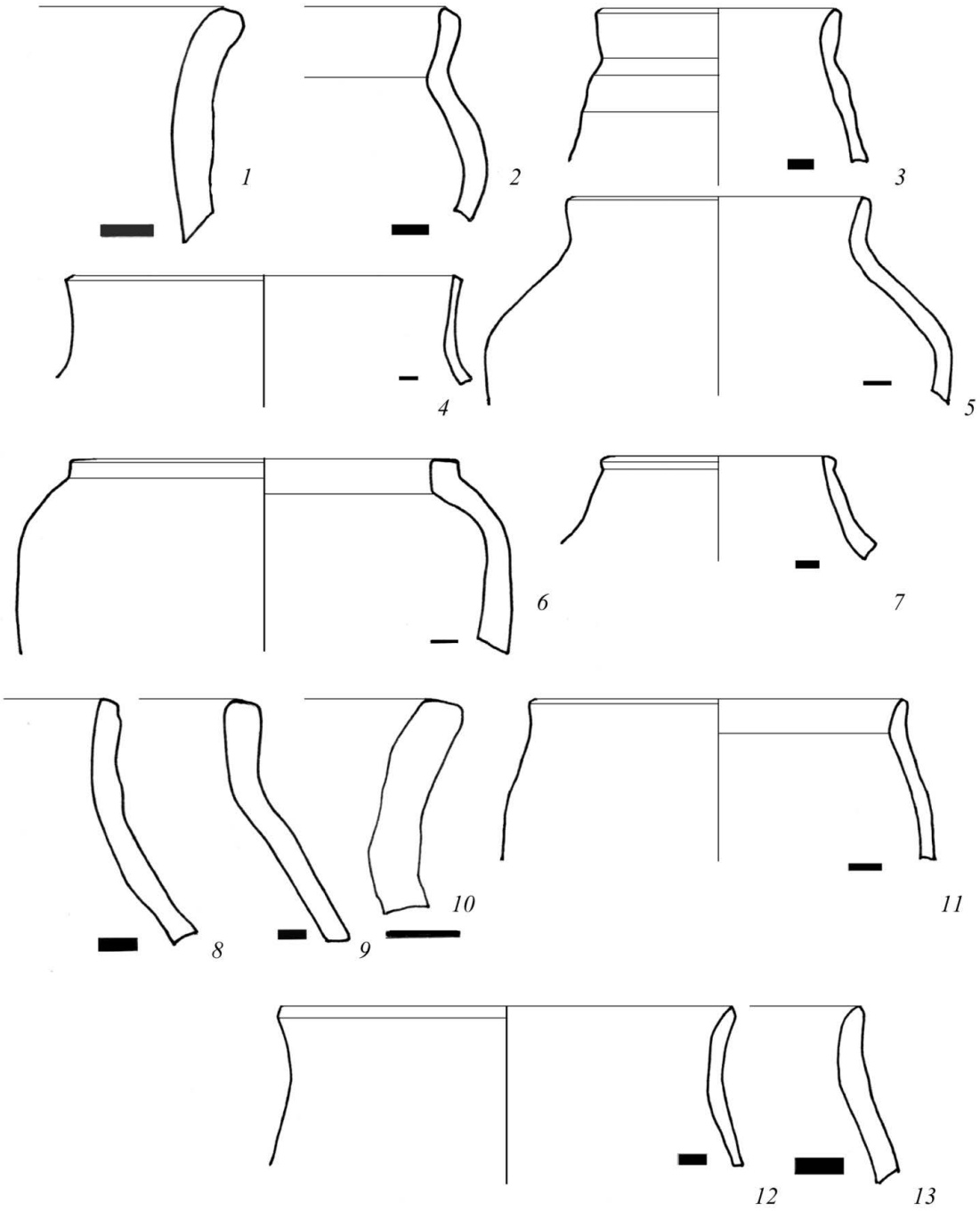

Рис. 5. Горшки с прямой шейкой (*1–7*) и слабопрофилированные (*8–13*)
1 – помещение 1, слой пожара; *2* – помещение 4, слой пожара; *3, 5* – помещение 4, слой пожара, ямы под пифосами; *4* – выборка стены 68, сырец, зола; *6, 10* – помещение 10, слой пожара; *7* – выборка стены 189, сырец, зола; *8, 9* – юго-восточный угол, слой пожара; *11* – траншея выборки стены 186; *12* – нивелировочный слой над траншеей выборки стены 175; *13* – нивелировочный слой щебенчатый, ямы перекопа, глубина 0,60–0,75 м

[Гаварилюк, Молев, 2013, с. 95, рис. 17, *1–5*]. Целый горшок с дуговидной шейкой найден в цистерне в восточной части городища Танаиса, прекратившей свое существование в 1 в. н. э. [Арсеньева, Науменко, 2001, с. 59, 85, рис. 9, *9*].

В материалах поселений Округи Ольвии количество горшков с горлом в виде раструба не превышают 21% [Гаврилюк, 1981, с. 115]; в слоях Нижнего города Ольвии, частично синхронных слою пожара в Артезиане, – 13,27% [Gavriliuk, 2010, p. 342], а в Тире – 32% [Гаврилюк, 2010, с. 37, табл. 4]. Горшки с дуговидной в разрезе шейкой присутствуют и в эллинистических слоях юго-западного участка Центрального квартала Ольвии [Гаврилюк, 2014, с. 437, 438, 465–467, рис. 15–17]. Таким образом, горшки этой формы относятся к посуде, которая имеет широкие хронологические рамки (от периода поздней бронзы до римского) и распространена на всех античных памятниках Северного Причерноморья.

Горшки с прямым горлом (pots with direct throat) и венчиком с округлым краем, прямой, подчеркнутой изгибом, шейкой, которая плавно переходит в выпуклые стенки. Корпус таких горшков имеет наибольшее расширение в средней части (рис. 5, *1–5, 7*; 6, *1*). Исключением является горшок с максимальным расширением тулова в верхней трети (рис. 5, *6*). В слоя пожара найдено 8 горшков с прямым горлом, что составляет чуть больше 4% лепной керамики (табл. 2). Происходят такие горшки в основном из этого слоя раскопа III (рис. 5, *1–6*), два фрагмента – из выборки стен ранней цитадели (рис. 5, *4, 7*), один – из нивелировочного слоя (рис. 6, *1*) (табл. 1). Изготовлены они из грубой глины с включениями крупных частиц кварца, внешняя поверхность шероховатая.

Ближайшими аналогиями горшкам с прямым горлом является керамика из эллинистических слоев боспорских памятников: Пантикапея [Кругликова, 1954, с. 81. табл. 1, 2, 3], Мирмекия [Кастанаян,1955, с. 395, рис. 1, 2] и Нимфея [Іллінська. 1966. с. 71; Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 305–307]. В Китее горшки с прямым горлом зафиксированы в слоях I–II вв. н. э. [Гаврилюк, Молев, 2013, с. 94, 96, рис. 18, *1–16*].

Слабопрофилированные горшки (with an indistinctly profiled body) представлены фрагментами 9 сосудов (рис. 5, *8–13*; 6, *2–5*), что составляет около 5% -, использованных для классификации (табл. 2). Это горшки с закругленным, плоско срезанным или заостренным краем венчика и почти цилиндрическим горлом, которое плавно переходит в плечики. Тулово с небольшим расширением в средней части. Формовочная масса – грубая, с крупными примесями дресвы и большим количеством толченой ракушки. Фрагменты слабопрофилированных горшков в одинаковом количестве – по три экземпляра, найдены в гомогенном слое пожара (рис. 5, *8–10*), в выборках стен ранней цитадели (рис. 5, *11*; 6, *2, 5*) и в нивелировочном слое под постройку поздней цитадели (рис. 5, *12, 13*; 6, *3, 4*) (табл. 1). Большинство горшков этой формы – среднего размера.

Внешняя поверхность всех слабопрофилированных горшков закопчена в верхней части – как на внешней, так и на внутренней поверхности венчика. Все просмотренные сосуды изготовлены из формовочной массы серого цвета с большим количеством толченой ракушки. Формовочная масса лишь одного сосуда из щебёнчатого нивелировочного слоя вместо неё содержала дресву. Поверхность горшка подлощена.

В степных скифских памятниках слабопрофилированные горшки появляются с середины IV в. до н. э., формируясь на базе горшков с дуговидной в разрезе шейкой. Если

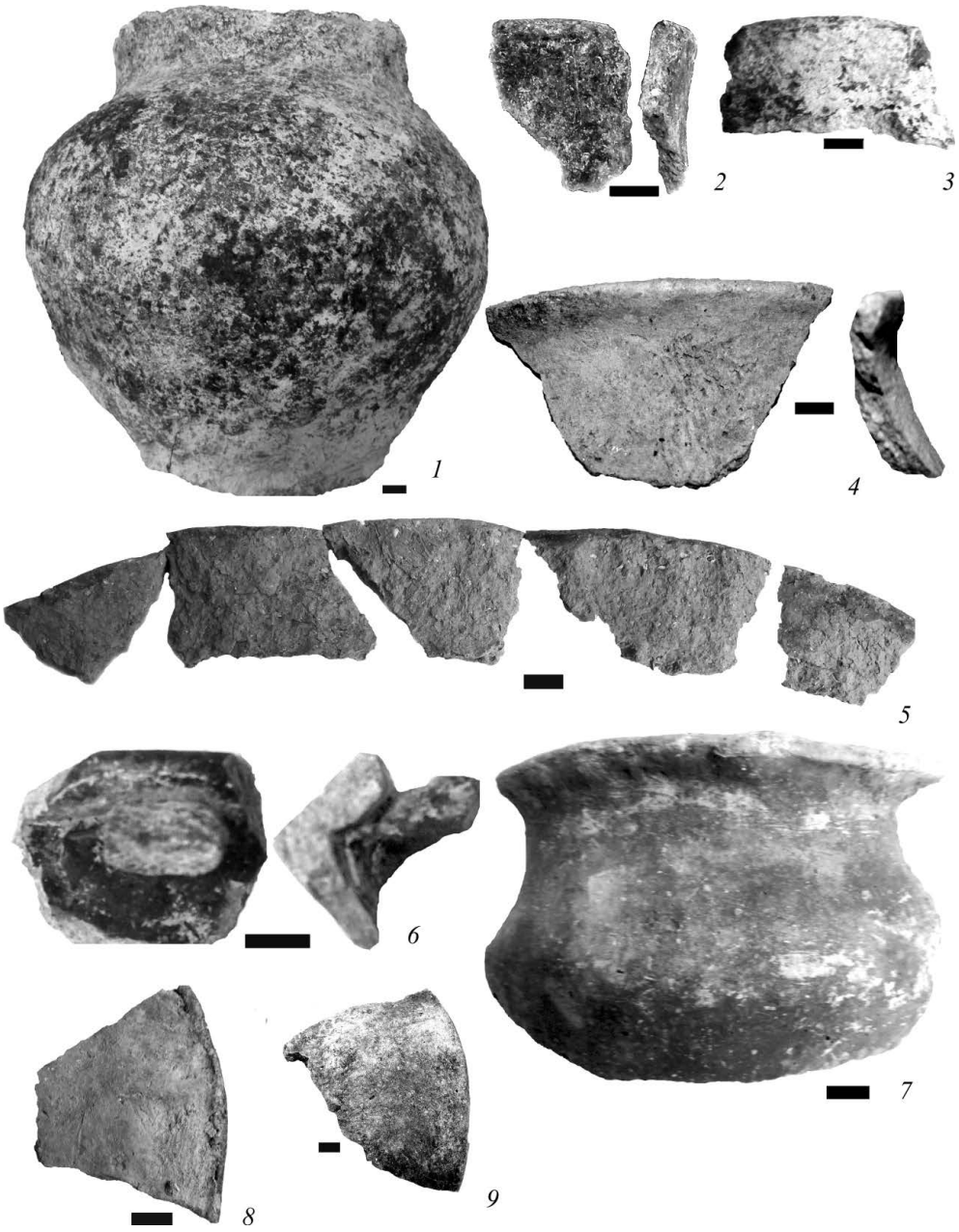

Рис. 6. Горшки с прямой шейкой (*1*) и слабопрофилированные (*2–5*), кастрюли (*6; 7*) и крышки (*8; 9*)
1 – из материалов Керченского музея, КП 185479, КМК 19840; *2* – траншея выборки стены 177; *3* – нивелировочный слой щебенчатый, ямы перекопа, глубина 0,6–0,75 м; *4* – нивелировочный слой, северо-восточный участок, ямы перекопов, зола, глубина 1,15–1 м; *5* – северо-восточный участок, северо– восточная стена цитадели, глубина 1,40–1,60 м; *6* – северо-восточный участок, зольный котлован, под камнем на глубине 1,26–1, 62 м; *7* – юго-восточный участок, сырец и зола над вымосткой, глубина 1,60 м; *8* – зола ниже второй ступеньки; *9* – зола, центральный котлован

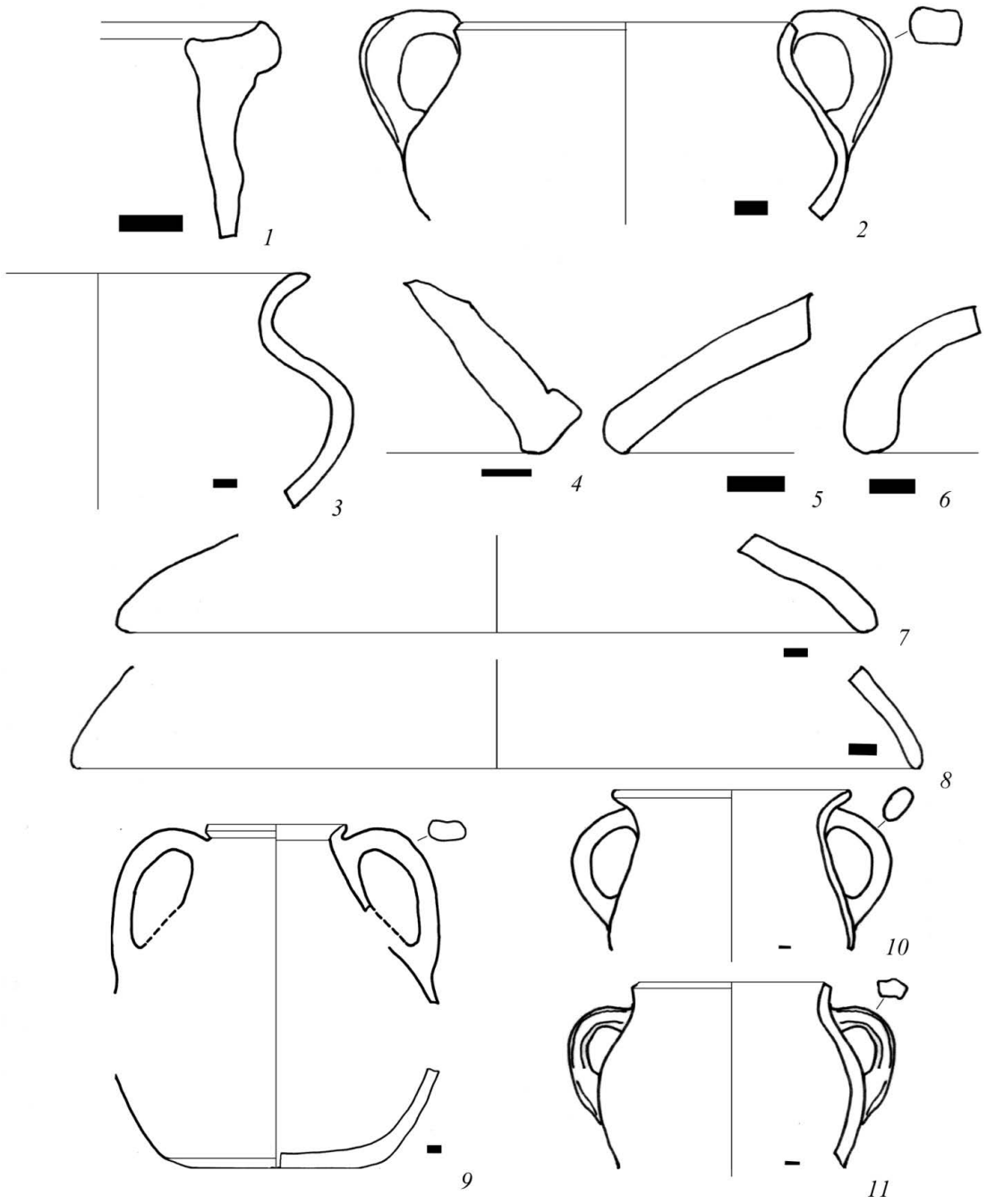

Рис. 7. Кастрюли (*1–3*); крышки (*4–8*), двуручные сосуды (*9–11*)
1, 2 – помещение 4, слой пожара; *3* – юго-восточный участок, сырец и зола над вымосткой, глубина 1,6 м; *4* – помещение 1, слой пожара; *5* – траншея выборки стены 186; *6* –дно выборки стены 164; *7, 8* – траншея выборки стены 175, восточная часть; *9* – юго-восточный угол, слой пожара; *10* – траншея выборки стены 164; *11* – Раскоп I–III, зольное пятно над стеной 178

в материалах памятников этого века находки таких сосудов ещё единичны, то в постскифской лепной керамике они преобладают, составляя 28–32% всего лепного комплекса [Гаврилюк, Крапивина, 1999, с. 301]. В синхронных памятниках Крыма аналогичные горшки появляются на рубеже эр [Высотская, 1979, с. 102]. Как один из редких типов сосудов они фиксируются на небольших скифских поселениях позднескифского времени [Дашевская, 1958, с. 267, рис. 8, *3*].

В материалах эллинистических слоев античных памятников Боспора горшки описанного типа встречались в Нимфее [Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 307, 308, № 81–86], Китее [Гаврилюк, Молев с. 96, рис. 18, *9–12*] и других объектов. Слабо профилированные горшки есть в материалах Танаиса [Арсеньева,1969, табл. 3, *9, 11*; 4, *5, 12*].

Кастрюли *(casseroles)* представлены тремя находками четырех сосудов (рис. 6, *6, 7*; 7, *1–3*), что составляет 2,2% всей рассматриваемой коллекции из слоя пожара раскоп III. Это кастрюли с коротким, дуговидно отогнутым венчиком, выступом для крышки на внутренней поверхности горла и двумя вертикальными ручками (рис. 6, *6*; 7, *2*). По кастрюле, найденной в раскопе III (юго-восточный участок) в слое сырца и золы, под вымосткой, можно судить о форме тулова таких сосудов – оно выпуклое в средней части, но его высота заметно больше наибольшего диаметра тулова. То есть, все кастрюли – приземистые. Дно сосуда – закругленное. Большинство кастрюль по размерам относится к группе средних сосудов. Параметры кастрюли из юго-восточного участка: высота 85 мм, диаметр венчика 150 мм, тулова 110 мм, дна 45 мм (рис. 6, *7*; 7, *3*).

Две кастрюли происходят из непотревоженного слоя пожара (рис. 7, *1, 2*), по одной, соответственно, из прослойки пожара из котлована (рис. 6, *6*) и из слоя сырца и золы под вымосткой (рис. 6, *7*; 7, *3*). Все кастрюли с вертикальными ручками изготовлены из формовочной массы серого цвета с примесью ракушки.

Ближайшими аналогиями кастрюлями из слоя пожара из Артезиана – находки из слоя первых веков н. э. строения № 2 Восточного комплекса сельского теменоса близ городища Генеральское-Восточное [Масленников, 2007, с. 177, 174, рис. 79, 10]. На побережье Керченского пролива аналогии им находим среди кастрюль с вертикальными ручками из эллинистических слоев Нимфея [Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 311, № 98–101]. Они появляются в слоях этого античного города не ранее IV в. до н. э. и получают распространение на рубеже эр [Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 273]. Кастрюли с вертикальными ручками известны и в слоях I–II вв. н. э. Китея [Гаврилюк, Молев, 2013, с. 95, рис. 17, *12*].

По мнению К. К. Марченко, время появления лепных кастрюль в материалах античных памятников Северного Причерноморья – вторая половина-конец IV в. до н. э., а наибольшего распространения – вторая половина III–II вв. до н. э. [Марченко, 1988, с. 87]. Не подлежит сомнению, что такие сосуды – имитация в лепной технике одной из наиболее распространенных форм гончарной кухонной посуды. Подражания античной гончарной керамике, выполненные из местных глин, но с использованием гончарного круга, известны и в других регионах античного мира [Harlat, 2002, p. 280, fig. 5, *e*]. Можно отметить некоторые особенности распространения кастрюль. Если, например, для Ольвии более характерны кастрюли с горизонтальными ручками в виде налепных жгутов, то в слоях I–II вв. н. э. боспорских памятников (например, Нимфей,

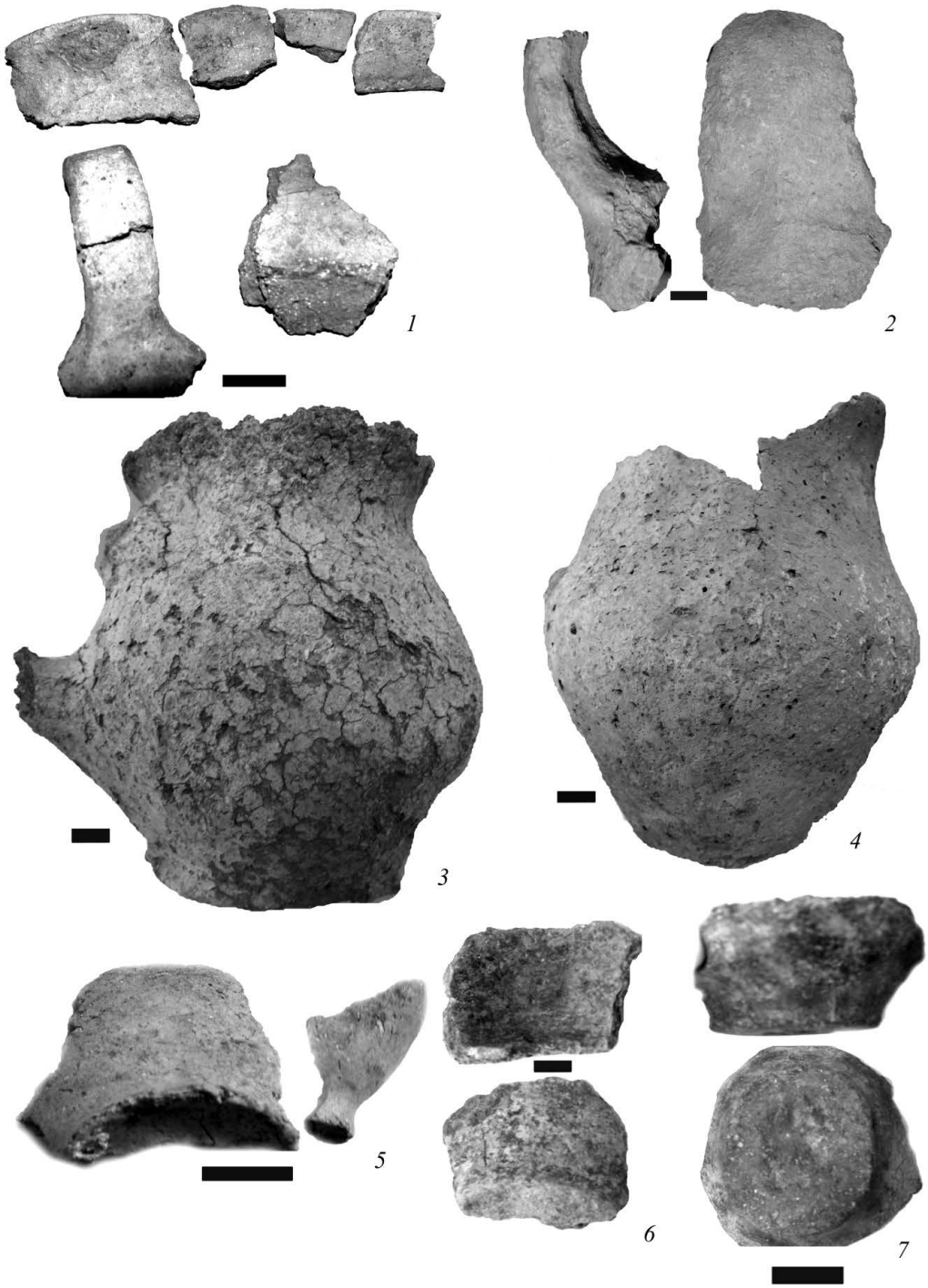

Рис. 8. Горшки–кувшины (фото)
1 – яма 396, слой пожара; *2* – у южной стены 176, слой пожара; *3* – Керченский музей, КП 181015, КМАК 18224, помещение 6, пожар; *4* – Керченский музей, КП 181026, КМАК 19242, помещение 2, вкопанный пифос, сырцовый развал; *5* – нивелировочный слой – под восточным бортом; *6* – слой пожара; *7* – под стеной 78, слой пожара

Пантикапей или Мирмекий) чаще встречаются кастрюли с вертикальными ручками [Кастанаян, 1981, с. 143, табл. VI. *8, 9;* VII. *2*], что подтверждают и находки из слоя пожара поселения Артезиан.

Крышки (lids) в материалах городища Артезиан представлены семью фрагментами (рис. 6, *8–9*; 7, *4–8*), составляющими 3,87% лепной керамики слоя пожара (табл. 2). Преобладали невысокие конусовидные крышки. Крышки с выступами для ручки на верхушке не найдены. Иногда по ободку крышки идет бортик или отогнутый край (рис. 6, *8*; 7, *4*). Все крышки изготовлены из теста с примесью ракушки. Обнаружены лепные крышки в основном в выборках стен ранней цитадели (рис. 7, *5–8*), в слое пожара (рис. 6, *8*; 7, *4*) и нивелировочном слое под позднюю цитадель (рис. 6, *9*).

Первые сосуды с крышками встречаются в античной гончарной керамике в период архаики. По-видимому, с их появлением можно связывать изменение в технологии приготовления пищи. На сосудах с выступом для крышки хорошо прослеживается закопчённость венчика на внешней и немного на внутренней стороне шейки и плечиков изделия. Копоть отсутствует на придонной части тулова и днищах кастрюль и горшков с выступом для крышки. Внешняя поверхность крышек также всегда сильно закопчена. По-видимому, сосуд нижней частью закапывался в золу, закрывался крышкой и сверху засыпался горящими углями. То есть, в таких горшках что-то тушили. Такая же закономерность прослежена на поверхности лепных сосудов с крышками, которые появляются в слоях античных центров не ранее IV в. до н. э. и существуют до I–III вв. н. э.

Днища (bottoms) на раскопе III представлены 24 экземплярами[1] (рис. 8, *6, 7*). В слое пожара найдено 15 днищ, 5 – в яме № 396, 3 – в яме № 397, одно – в фависсе. Все они принадлежат закрытым сосудам с плоским дном. На внешней поверхности днищ фиксировались подсыпка из половы и соломы. В каталог включено только три плоские с закраинами днища (рис. 8, *5–7*). Большинство сосудов, от которых уцелели фрагменты днищ, были изготовлены из серой глины с большим количеством ракушки.

Горшки с ручками (pots with handles) (или горшки-кувшины) представлены обломками четырех сосудов (рис. 8, *1–4*), что составляет 2,21% -, использованных для классификации (табл. 2). Все, включенные в каталог горшки с ручками, происходят из слоя пожара. Это сосуды с раструбовидным (рис. 8, *1, 3*) или прямым (рис. 8, *2, 4*) горлом, с наибольшим расширением тулова в средней части (диаметр тулова равен или чуть меньше высоты сосуда) и плоским дном. Все они имели небольшую петлевидную по форме ручку, которая крепилась под венчиком сосуда и на его плечиках. Ручка изготовлена из круглого (рис. 8, *3, 4*) или овального (рис. 8, *1, 2*) в сечении жгута.

Большинство горшков-кувшинов изготовлены из слоистой, серо-оранжевой формовочной массы с примесью мелкой ракушки. Горшок-кувшин из помещения 2 раскопа III слеплен из формовочной массы с крупными известковыми примесями. Поверхность горшка-кувшина из слоя пожара в помещении 6 сильно потрескалась, органические примеси выгорели, цвет формоворной массы изменился.

Ближайшими аналогиями горшкам-кувшинам из слоя пожара городища Артезиан являются нимфейские сосуды из слоев и объектов, датируемых в пределах I–II вв. н. э.

[1] Как правило, количество днищ не включают в статистику по типам сосудов.

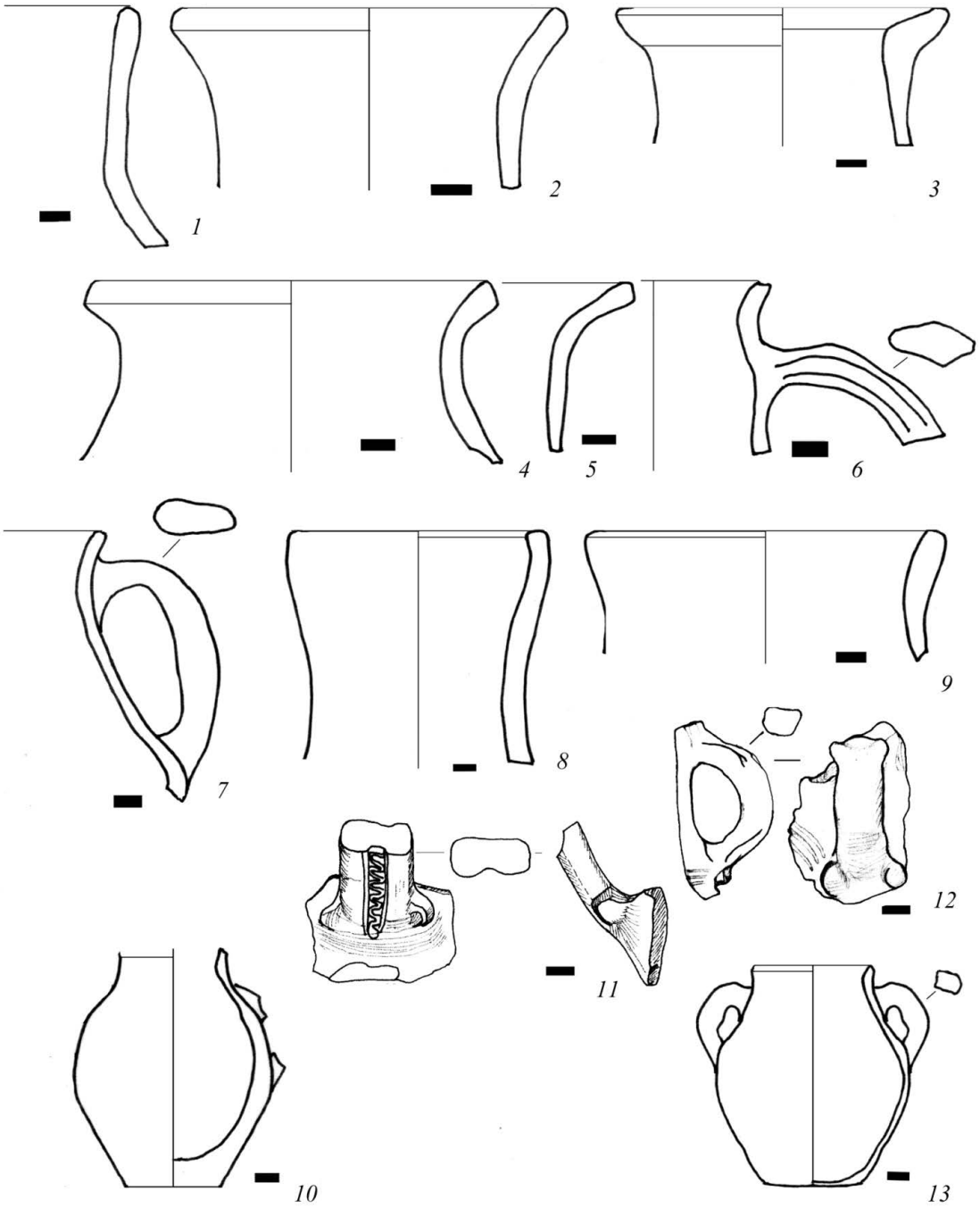

Рис. 9. Кувшины (*1–9*), кувшинчики (*10–13*)
1, 8 – юго-восточный угол, слой пожара; *2, 3* – помещение 10, слой пожара; *4, 6, 7, 10* – помещение 4, слой пожара; *5* – выброс из помещение 4, пожар; *9* – траншея выборки стены 186 помещения 10; *11, 12* – траншея выборки стены 175 ранней цитадели, сброс пожара; *13* – Керченский музей, КП 183131, КМАК 19479, нивелировочный слой под печью 3

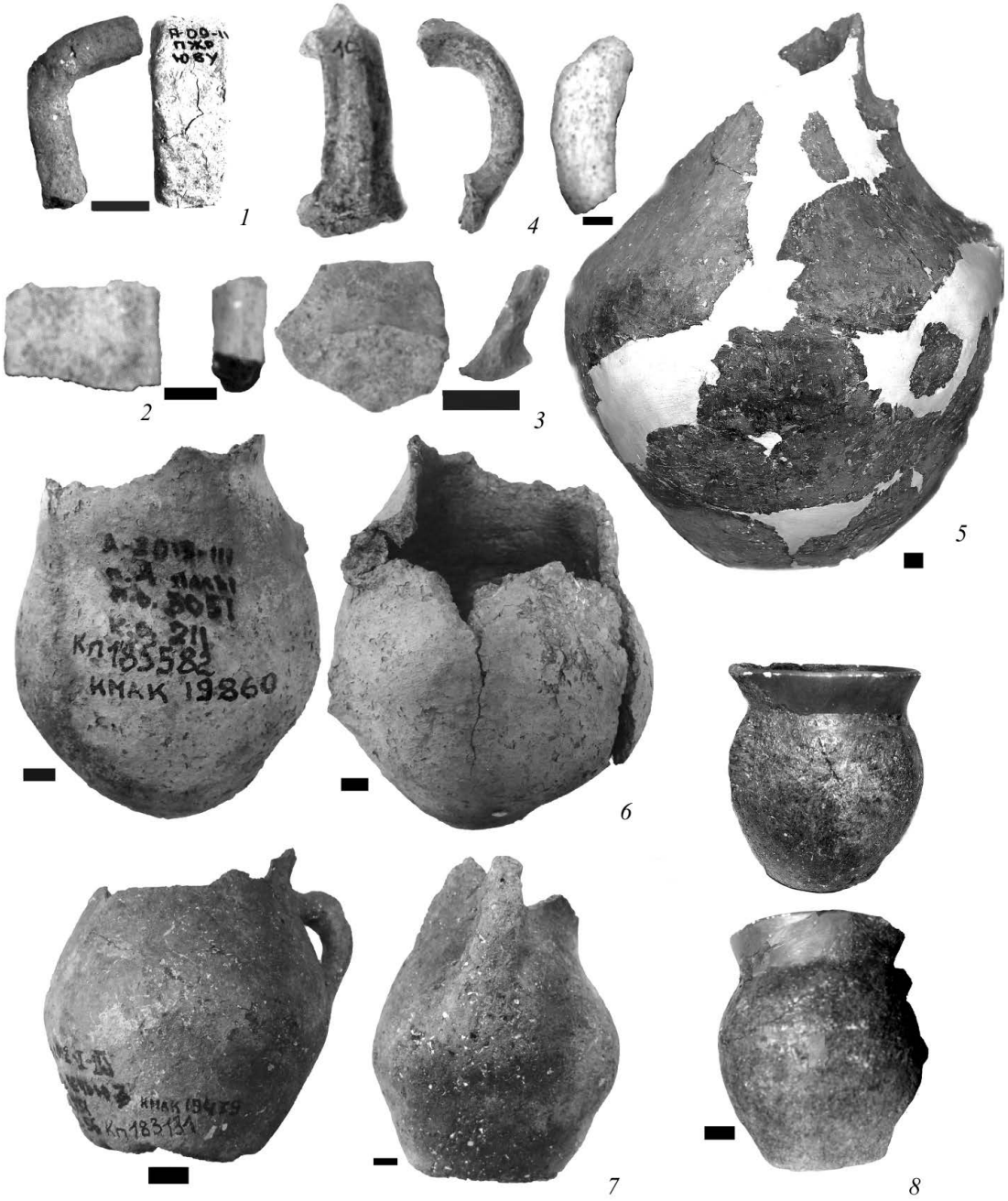

Рис. 10. Кувшины (*1–5*), кувшинчики и горшочки с ручками (*6–8*)
1, 3 – юго-восточный участок, слой пожара; *2* – траншея выборки стены 177; *4* – из нивелировочного слоя у восточного борта; *5* – Керченский музей, КП 1644416, траншея выборки стены 78.1, пожар; *6* – Керченский музей, КП 185582, КМАК 19860, помещение 4, слой пожара; *7* – Керченский музей, КП 183131, КМАК 19479, нивелировочный слой под печью 3; *8* – Керченский музей, КП 161799, северная терраса, насыпь западнее стены 89

[Древний город…, 1999, № 140; Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 267–269, рис. 1, 3, 10; с. 288–293, № 1, 5, 8–10, 18, 19]. В слое I–II вв. н. э. Китея горшки с ручками встречаются не часто [Гаврилюк, Молев, 2013, с. 95 рис. 17, *11*].

Кувшины (jugs) представлены фрагментами 14 сосудов (рис. 16, *17*), что составляет 7,73% лепной керамики с городища (табл. 2). Их высота всегда превышает наибольший диаметра тулова. У них высокое, цилиндрическое горло, шаровидное тулово и небольшое плоское дно. Петлевидная, овальная в сечении ручка крепилась к краю венчика и к плечикам. Они происходят из непотревоженного слоя пожара раскопа III (рис. 9, *1–8*; 10, *1, 3*)**;** из выборки траншей стен ранней цитадели (рис. 9, *9*; 10, *2, 5*) и из нивелировочного слоя под позднюю цитадель (рис. 10, *4*). Большинство кувшинов изготовлено из хорошо отмученной формовочной массы с мелкими примесями дресвы и шамота. Только в трёх случаях замечена незначительная примесь толченой ракушки. Внешняя поверхность всех кувшинов заглажена, реже – подлощена.

Ближайшими аналогиями кувшинам из материалов слоя пожара являются находки из эллинистических слоев Нимфея [Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 294–295]. Большая коллекция аналогичных кувшинов происходит из слоя I–II вв. н. э. Китея [Гаврилюк, Молев, 2013, с. 98, рис. 19].

Наиболее ранние находки кувшинов датируются IV в. до н. э. (например, из цистерны 3 участка Г в Нимфее) [Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 269]. На других античных памятниках лепные кувшины встречаются крайне редко – лишь два таких сосуда найдено в эллинистических слоях Нижнего города Ольвии [Gavrylyuk, 2010, p. 340, pl. 266, K-74, K-76]. Однако основная масса этих сосудов датируется рубежом эр – III в. н. э. и встречаются они в материалах позднескифских памятников, где являются признаком «боспорского влияния», поскольку «копируют пантикапейские гончарные сосуды более раннего времени» [Власов, 2005, с. 87, 93 рис. 2, *6*]**.** Кувшины из Мирмекия датируются II–III вв. н. э. [Кастанаян, 1981, с. 147, табл. 10, *1, 2*], Тиритаки – III–IV вв. н. э. [Кастанаян, 1981, с. 155, табл. 19, *7, 9, 11;* 20]. То есть, в боспорских и в других крымских памятниках первых веков н. э. находки лепных кувшинов массовые.

Кувшинчики (small jugs), горшочки (small pots), (небольшие сосуды с ручками), кружки (cups) представлены фрагментами пяти сосудов (рис. 9, *10–13*; 10, *6–8*), что составляет 2, 76% лепной керамики из слоя пожара городища Артезиан (табл. 2). Это закрытые сосуды с ручкой, высота которых не больше 8–12 см. Петлевидные ручки таких сосудов крепились к краю венчика и к плечикам. Это сосуды удлиненных пропорций с высоким цилиндрическим или раструбовидным горлом, с туловом с наибольшим расширением в средней части и плоским дном. Они повторяют формы сосудов средних и больших размеров, тонкостенны и изготовлены из хорошо отмученной формовочной массы. Как правило, кувшинчики не орнаментируются. Исключением является ручка небольшого сосуда из траншеи выборки стены 175 ранней цитадели**.** Она желобчатая с орнаментом в виде отпечатков шнура в желобке (рис. 9, *11*). Только два сосудика были изготовлены из глины с большим количеством толченой ракушки. Внешние поверхности таких сосудов, как правило, хорошо обработаны – заглажены или подлощены. Один кувшинчик (рис. 10, *8*) происходит из-под слоя пожара, два (рис. 9, *10*; 10, *6*) **–** из слоя пожара, остальные – из выборки траншей стен ранней цитадели и из нивелировочного слоя под позднюю цитадель.

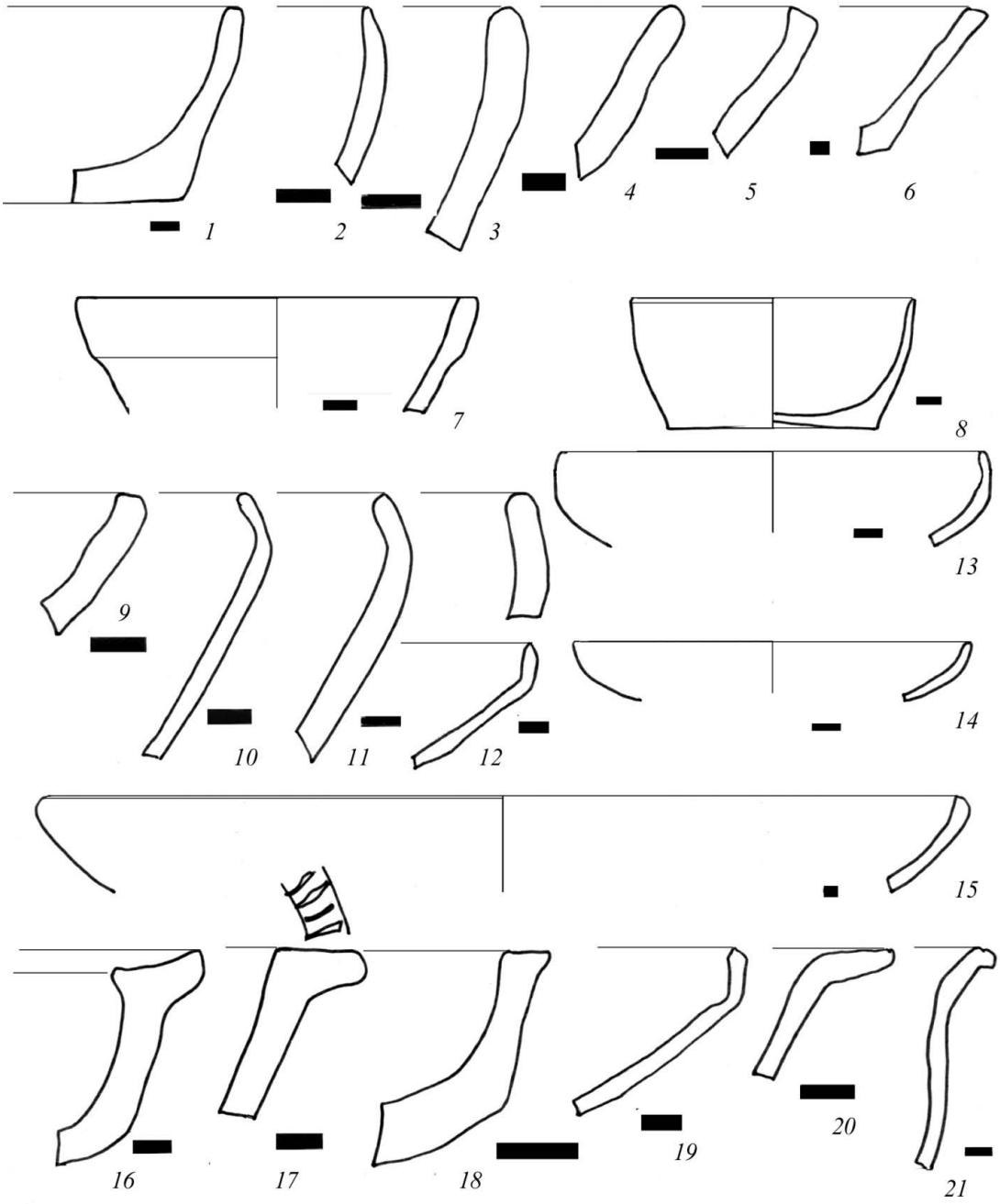

Рис. 11. Миски: в форме перевернутого усеченного конуса (*1–8*):
с завернутым краем (*9–15*), сложно профилированные (*16–21*)
1, 2, 9, 10, 16, 17 – юго-восточный угол, слой пожара; *3–5, 11* – помещение 10, слой пожара; *6, 7* – траншея выборки стены 169; *8, 12, 20* – помещение 4, слой пожара; 1*3, 15* – помещение 4, слой пожара, ямы под пифосами; *14* – траншея выборки стены 125, западная часть; *18* – котлован, слой пожара; *19* – нивелировочный слой под позднюю цитадель; *21* – траншея выборки стены 175, верхняя часть

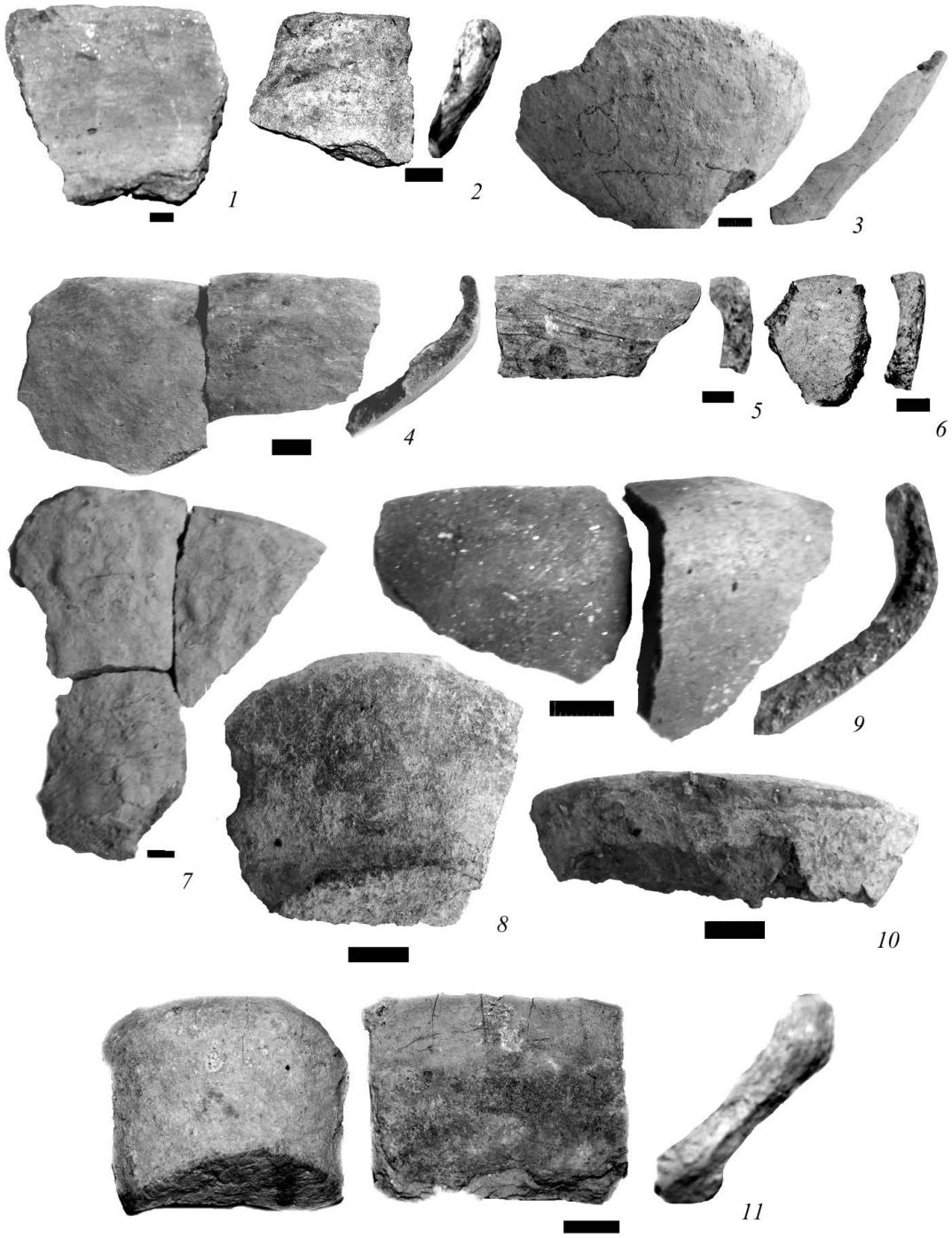

Рис. 12. Миски: в форме перевернутого усеченного конуса (*1–3*), с завернутым краем (*4–9*); с прямыми стенками (*10, 11*)
1 – яма 396, слой пожара; *2, 5, 6, 11* – у южной стены 176, слой пожара; *3* – пифос, зола; *4* – юго-восточный участок, слой пожара; *7, 9* – пифос 2, зола; *8* – северо-восточный участок, северо-восточная стена цитадели¸ глубина 1,40–1,60 м; *10* – зола у стенки 89

Небольшие кувшинчики или горшочки с петлевидной ручкой повторяют формы красноглиняных гончарных сосудов и присутствуют в слоях античных центров Северного Причерноморья с IV в. до н. э. В Ольвии такие сосуды датируются третьей – первой половиной I в. до н. э. [Марченко, 1988, с. 93, рис. 25, *4*]. Но временем наибольшего их распространения считаются II в. до н. э. – II в. н. э. Они встречаются в эллинистических слоях Нимфея [Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 318–319, № 132, 134–137] и Китея [Гаврилюк, Молев, 2013, с. 100 рис. 21, *1, 2*]. Позднее, на основе форм, описанных выше, формируются «кружки» позднескифской керамики Центрального и Северо-Западного Крыма [Власов, 2007, с. 199, рис. 4, *1, 2, 4, 7*].

Двуручные сосуды (vessels with two handles) представлены находками трех изделий (рис. 7, *9–11*), что составляет 1,66% коллекции лепной керамики из слоя пожара городища (табл. 2). Два сосуда – горшковидные, с горлом в виде раструба и двумя петлевидными ручками, крепившимися под венчиком и на плечиках сосудов (рис. 7, *10, 11*). Сосуд из слоя пожара в юго-восточном углу раскопа III – корчага с сильно отогнутым коротким венчиком с выступом для крышки на внутренней стороне и равномерно выпуклым туловом со слегка расширенной придонной частью. Ручки крепились сразу под венчиком и на плечиках сосуда. Они изготовлены из овальных в сечении жгутов. Дно плоское с плавным переходом в придонную часть. Восстанавливаемая высота 380 мм, диаметр венчика 122 мм, диаметр днища 196 мм (рис. 7, *9*). Близкие аналогии такой посуде нам не известны. Возможно, описанное изделие является подражанием двуручным сосудам группы «простой круговой керамики» из центральной части Горгиппии первых веков н. э. [Алексеева, 2002, с. 51, рис. 17, *6*].

Многие сосуды из боспорских памятников восстанавливались Е. Г. Кастанаян, как двуручные (например, [Кастанаян, 1981, с. 143, табл. VI. *8, 9*; с. 144, VII. *1, 2, 5*]). Однако для этого не всегда были основания. Можно лишь отметить, что, по-видимому, двуручные горшковидные сосуды появляются на боспорских памятниках на рубеже эр и получают широкое распространение в II–IV вв. н. э. [Власов, 2007, с. 194, 195, рис. 2].

Открытые сосуды

Это – сосуды, у которых диаметр венчика в 1,5–2 раза больше диаметра днища. В коллекции из слоя пожара в раскопе III это миски различных форм; чашки на ножках, светильники, культовые сосудики. Миски представлены изделиями четырех типов: усечено-коническими; мисками с завернутым внутрь краем венчика (полусферическими); мисками с прямым венчиком и мисками-котлами.

Мисок в форме перевернутого усеченного конуса (open bowl as conoid) в материалах Артезиана найдено 11 (рис. 11, *1–8*; 12, *1–3*), что составляет 6,08% лепной керамики из слоя пожара (табл. 2). Это открытые сосуды со слегка выпуклыми стенками и закругленным краем прямого венчика. Дно плоское, иногда с закраиной. В эту же группу можно включить миски с прямыми стенками (рис. 12, *10, 11*), которые составляют 1,1% лепной керамики из слоя пожара (табл. 2). Изготовлены миски этого типа из серо-оранжевой и охристой формовочной массы. Толченая ракушка в качестве примеси зафиксирована в двух случаях; дресва и шамот – также**.** На внутренней поверхности миски, найденной у стены 176, прослежены следы заполнения охристого цвета. Диаметры венчиков этих мисок – от 100 до 280 мм, высота от 55 до 90 мм, диаметр дна – от 30 до 80 мм.

Большинство мисок этой формы найдены в слое пожара (рис. 11, *1–5, 8*; 12, *1–3*) и только две конусовидные (рис. 11, *6, 7*) – в выборке траншей стен ранней цитадели.

Описанные по материалам Артезиана миски ближе аналогичной керамике из слоёв периода эллинизма ряда боспорских городов: Нимфея [Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 278] и слоев I–II вв. н. э. Китея [Гаврилюк, Молев, 2013, с. 100, рис. 21, *3–9*].

Миски с завернутым краем венчика (open bowls with wrapped edge of the rim) представлены фрагментами тринадцати сосудов (рис. 11, *9–15*; 12, *4–9*), что составляет 7,18% лепной керамики из слоя пожара (табл. 2). Эти миски различаются формой венчика. Как правило, он закруглен. Стенки выпуклы в средней части. Формовочная масса мисок с завернутым венчиком состоит из плотной глины с большим количеством толченой ракушки, которая, по-видимому, содержалась в самой глине (например, рис. 12, *9*), В качестве отощающих примесей иногда использовались дресва и амфорный шамот (например, рис. 12, *8*). Иногда формовочная маса так хорошо отмучена, что примеси визуально не фиксируются (рис. 12, *4–6*). Внешняя, а, и внутренняя поверхности таких сосудов хорошо заглажены или подлощены. Большинство мисок с завернутым краем – довольно большие сосуды с диаметром венчика от 13 до 30 см. В основном миски этого типа происходят из непотревоженного слоя пожара (рис. 11, *9–13*; 12, *4–7, 9*). Из выборок траншей под стены ранней цитадели – всего две (рис. 11, *14*; 12, *8*; табл. 1).

Ближайшими аналогиями этим сосудам – миски из Крымского Приазовья (сакральный комплекс «Урочище ведьм») [Масленников, 2007 с. 317–318, рис. 135, *14–16, 18*]. Они встречаются и в материалах Танаиса в основном эллинистического времени [Арсеньева, 1965, табл. II. *9, 11* – с закругленным краем; табл. III. *6, 8, 10*; табл. X. *9* – с плоским краем] – тип 2. В слоях I в. до н. э. – такие находки единичны. Миски с завернутым внутрь краем найдены также в Илурата [Кастанаян, 1981, с. 171, табл. 36, *3–9*], Нимфее [Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 180–181], Китее [Гаврилюк, Молев, 2013, с. 99, рис. 20, *1–10, 16*].

Т. М. Арсеньева связывает полусферические миски с материалами Елизаветовского городища и, соответственно, с местными традициями лепного керамического производства [Арсеньева, 1965, с. 175–176; Марченко, 1972, рис. 2, *10*]. Полусферические миски с завернутым внутрь краем встречены в скифских погребений IV в. до н. э. степной зоны Северного Причерноморья [Гаврилюк, 1980, с. 21, рис. 2, *15, 16*], а также в на постскифских памятниках Нижнего Поднепровья [Гаврилюк, Крапивина, 1999, с. 313, рис. 4, *3*].

Миски сложно профилированные (hard profil`s bowls) представлены шестью сосудами (рис. 11, *16–21*), что составляет 3,31% лепной керамики из слоя пожара на городище (табл. 2). Это глубокие, открытые сосуды с резко отогнутым широким венчиком (рис. 11, *16–18, 20*). На тулове сосуда – мягкое горизонтальное ребро, после которого стенки переходят в зауженную придонную часть. Дно плоское, иногда с закраиной. Широкий венчик миски из слоя пожара в юго-восточном углу раскопа III (рис. 11, *17*) орнаментирован рядом косых ногтевых насечек.

Миски этого типа встречаются в эллинистических слоях практически всех античных памятников Северного Причерноморья. Скорее всего, это подражание глубоким сероглиняным гончарным сосудам. Точной аналогией мискам из Артезиана является миска К-130 из подвала 302, датируемого поздним эллинизмом, из дома IV 2 участка НГС в Ольвии [Gavrylyuk, 2010, p. 559, pl. 269].

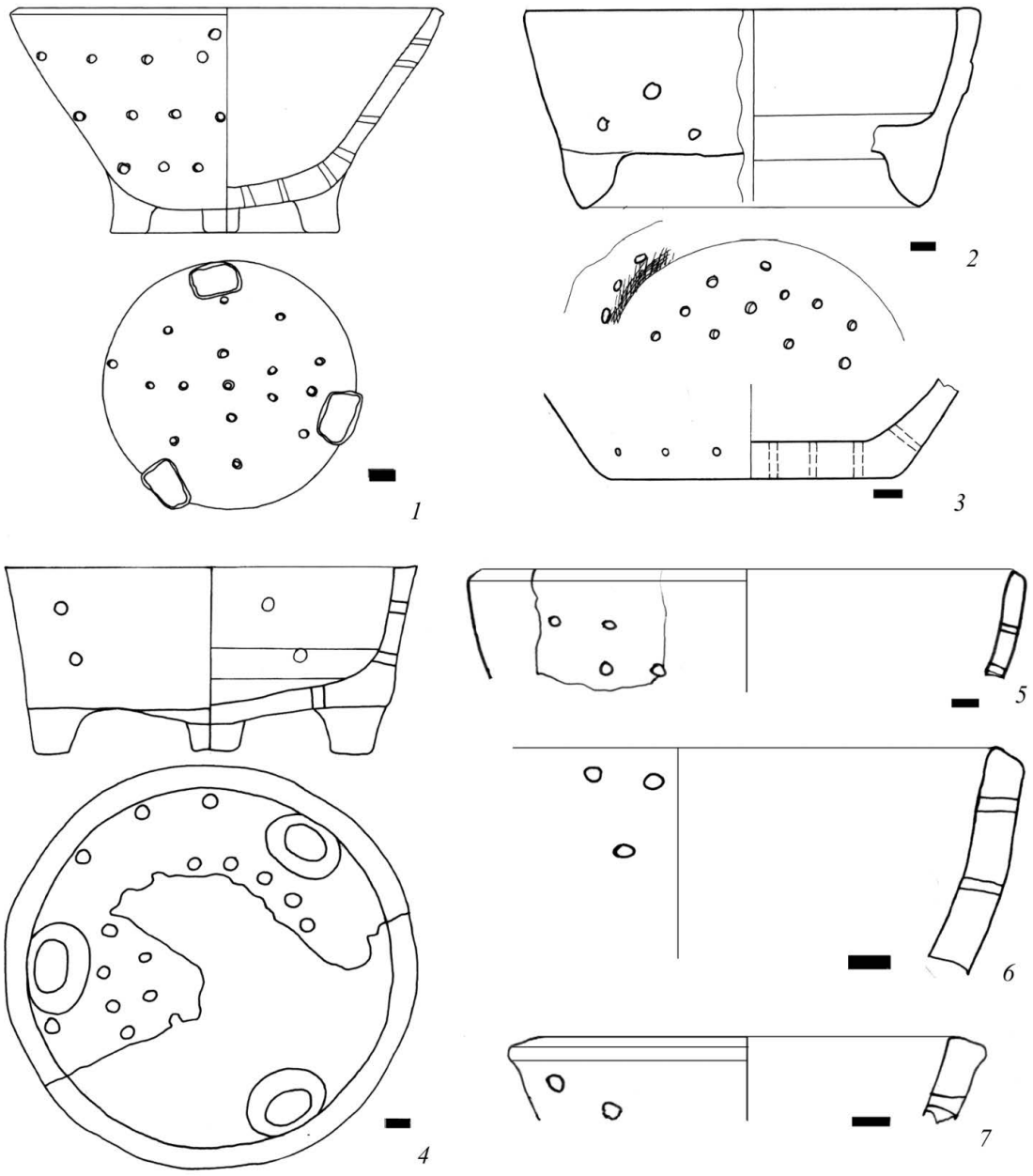

Рис. 13. Цедилки
1, 7 – помещение 4, слой пожара, ямы; *2, 3* – траншея выборки стены 175, восточная часть; *4* – траншея выборки стен 175–186, дно; *5* – яма 493, датируемая II в. н. э.; *6* – траншея выборки стены 175, западная часть

Миска из нивелировочного слоя под позднюю цитадель (выборка стены этой цитадели) (рис. 11*, 19*) повторяет форму краснолаковых мисок с бортиком. Это сложно профилированная миска с горизонтальным ребром в месте наибольшего расширения

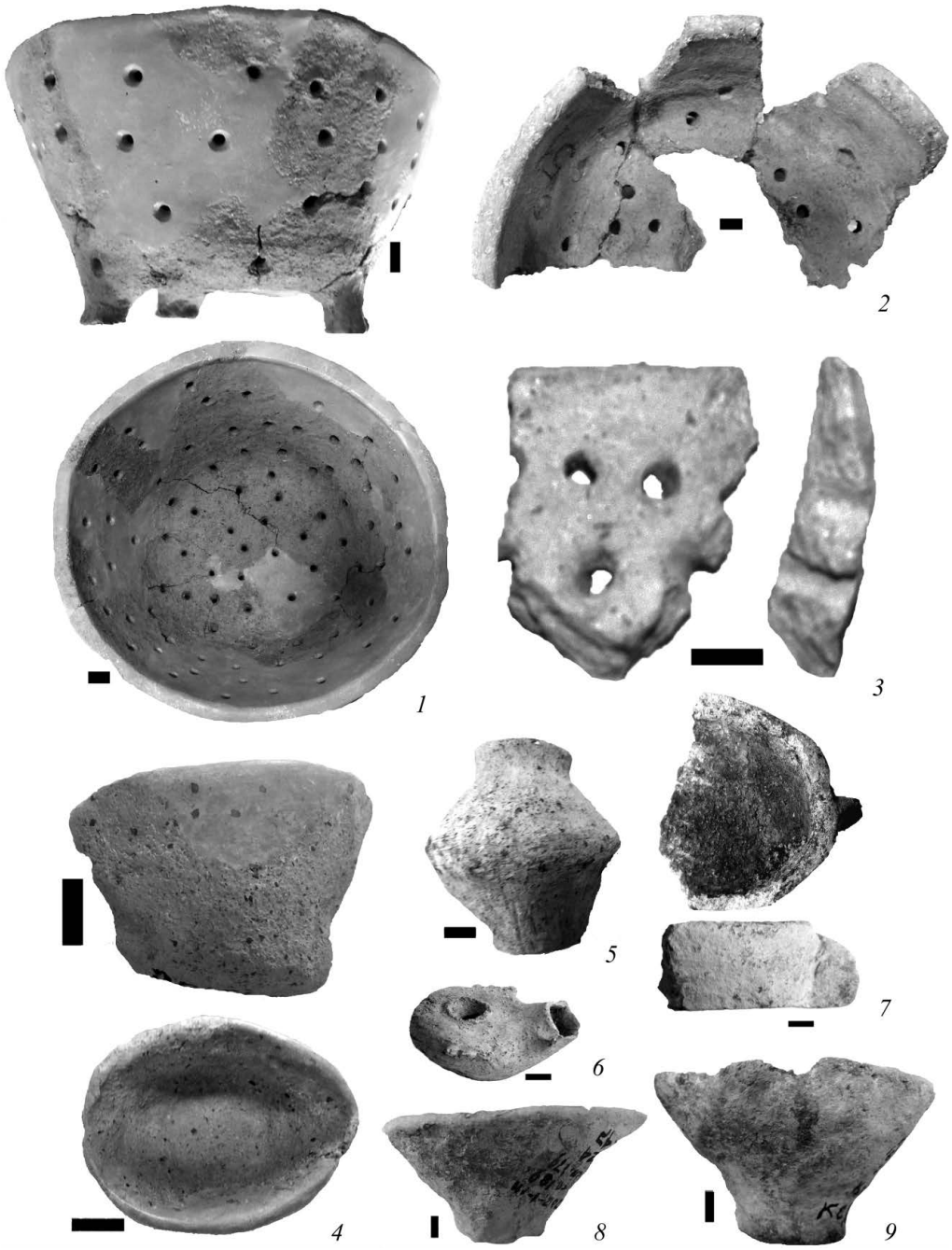

Рис. 14. Цедилки (*1–3*); миниатюрные сосуды (*4, 5*): светильники (*6, 7*): чашки-на ножке (*8, 9*)
1 – Керченский музей, КП 185562, КМК 19859, помещение 4, слой пожара, ямы; *2* – Керченский музей, КП1855190, траншея выборки стен 175–186, дно; *3* – нивелировочный слой; *4* –заполнение подвала 196.200; *5* – Керченский музей, КП 180999, КМАК 192338, помещение 6, слой пожара; *6* – ниже слоя пожара, в яме из-под пифоса, клад № 2; *7* – юго-восточный участок, ямы перекопа, глубина 1,1 м; *8* – Керченский музей, КП 183129, КС 2835, верх стен 179/189; *9* – Керченский музей, КП 183127, КС 2834, верх стен 179/189

тулова, с утолщенным закругленным венчиком, вертикальным бортиком и усечено-коническим туловом.

Миска из верхней части траншеи выборки стены 175 (рис. 11, *21*) тоже сложно- профилированная, глубокая, но венчик отогнут наружу и завернут, край венчика округлый, стенки прямые, плавно переходят в закругленное дно. Она имеет точные аналогии в материалах Акташского могильника – миска из погребения 1 кургана 11, [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 152, рис. 8, *2*].

Большинство профилированных мисок происходит из слоя пожарища (рис. 11, *16–18, 20*). По одному сосуду найдено в выборке траншей стен цитадели и в нивелировочном слое.

Профилированные лепные миски встречаются в слое 1 в. н. э. сакрального комплекса «Урочище ведьм» в Крымском Приазовье [Масленников, 2007, с. 317–318, рис. 135, *13*, *17*]. Они известны и в причерноморских боспорских памятниках, например, в Нимфее [Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 326–327, № 170, 171]. В Китее основная масса таких сосудов датируется более ранним временем: II–I вв. до н. э. [Гаврилюк, Молев, 2013, с. 92, рис. 15, *17–24*].

Отдельную группу открытых сосудов составляют *цедилки (strainers)*- 8 фрагментов (рис. 13; 14, *1–3*), то есть, 4,42% всего «собрания» (табл. 2). По форме тулова выделяются два вида. Первый составляют открытые сосуды больших размеров в форме перевернутого усеченного конуса с плоским дном (например, рис. 14, *3*). Второй – миски-цедилки на невысоких (до 20 мм) ножках (рис. 14, *1*; 13, *2*; 14, *3*). Две цедилки (рис. 13, *1, 7*) найдены в непотревоженном слое пожара, четыре (рис. 13, *2, 3, 6*; 14, *2*) – в траншее выборки стены 175; в нивелировочном слое найдена одна цедилка (рис. 14, *3*), еще одна – в золе из поздней ямы 493 (рис. 13, *5*). Из оранжевой формовочной массы с примесью толченой ракушки изготовлены четыре цедилки (например, рис. 14, *1–3*), из серой с примесью дресвы – три (рис. 13, *2, 3, 7*).

Сосуды – цедилки (в виде горшочков с отверстиями в стенках и дне) появляются впервые в лесостепных памятниках периода поздней бронзы. В раннем железном веке мисочки-цедилки – частая находка в памятниках лесостепного региона Северного Причерноморья. В степной зоне наиболее ранними считаются цедилки в виде мисочек из слоев архаического поселения Нижнего Побужья Черноморка 2 [Гаврилюк, Отрешко, 1982, с. 86, рис. 5, *19*]. В слое IV в. до н. э. они зафиксированы на Каменском городище [Граков, 1954, с. 76]. Помимо эллинистических слоёв Тиры это мисочки с коническим туловом, характерные для гето-дакийских памятников [Гаврилюк, 2010, с. 34–35]. Они встречаются и в материалах раскопок античных памятников за пределами Северного Причерноморья [Boardman, 1967, p. 145, № 612–13,147, fig. 96, 52]. Но, ни в одном из них цедилки на ножках зафиксированы не были. То есть, перечисленные аналогии касаются лишь сосудов-дуршлагов, имеющих форму мисок конической формы.

Цедилки в виде мисок на трех-четырех ножках из слоя пожара Артезиана уникальны и, по-видимому, характерны только для античных памятников Приазовского Боспора. По формальным признакам такие сосуды, несомненно, являются лепным вариантом сероглиняных гончарных изделий. Так, целый гончарный сосуд аналогичной формы был обнаружен в материалах святилища Полянка в Крымском Приазовье [Масленников, 2007, с. 45–46, рис. 25].

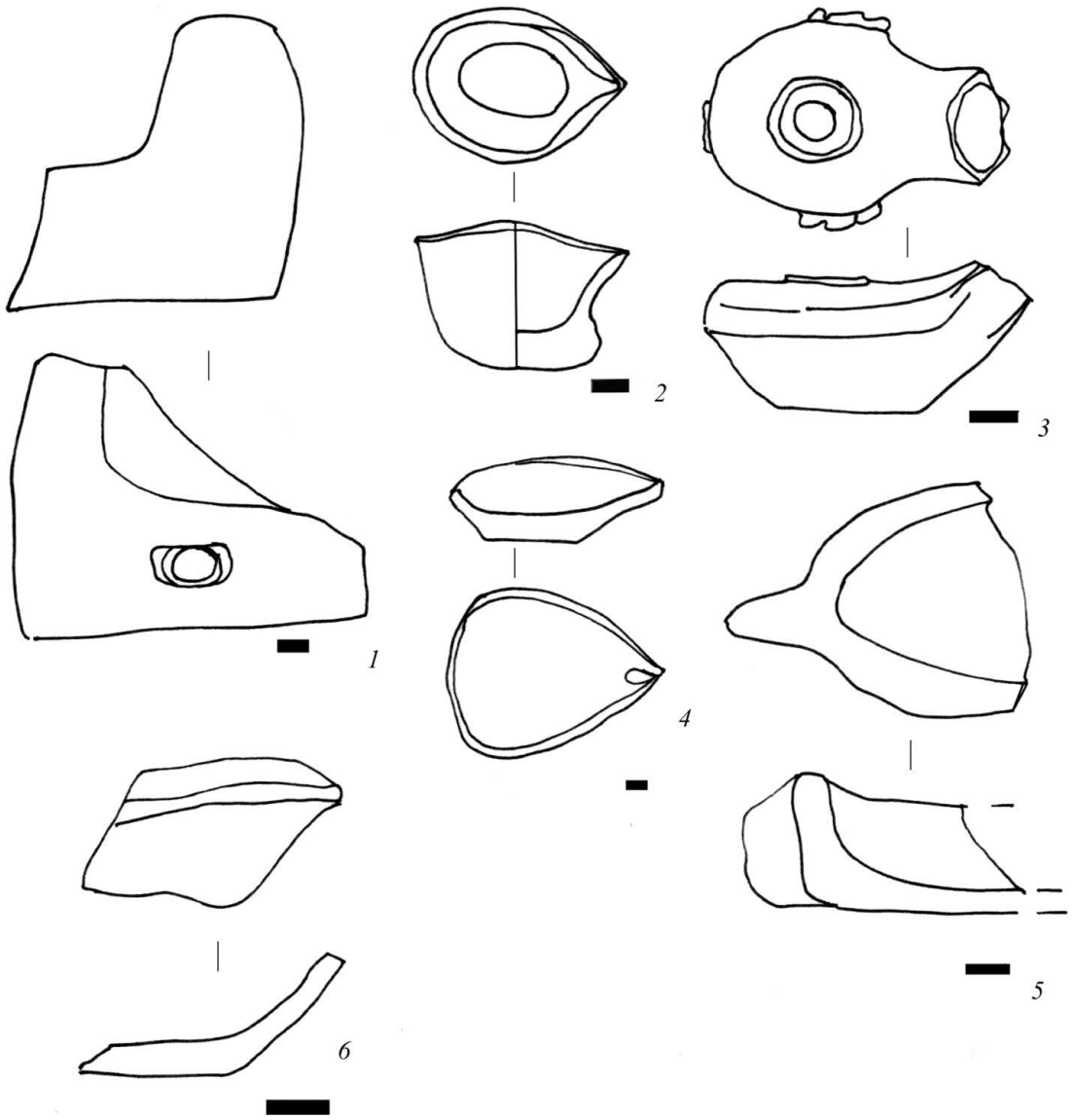

Рис. 15. Жаровня (*1*), мисочка культовая (*2*)
1 – помещение 4, слой пожара; *2* – заполнение подвала 1, у стен 196 и 200; *3* – ниже слоя пожара, в яме из-под пифоса клад № 2; *4* – из разрушенных крепостных сооружений; *5* – юго-восточный участок, ямы перекопа, глубина 1,1 м; *6* – пожарище

*Светильники (lamps)*представлены четырьмя находками (рис. 14, *7*; 15, *4–6*), что составляет 2,21% (табл. 2).

Светильник закрытого типа (рис. 14, *6*; 15, *3*) найден ниже слоя пожара, в яме из-под пифоса. Это однорожковый сосудик с боковыми выступами: стилизованными крылышками (напоминает уточку). Изготовлен он из формовочной массы бежевого цвета.

Ближайшей аналогией являются светильник из Китея. Эти изделия относятся к группе А (однорожковые светильники с закрытым резервуаром) типу 1. [Молев, 2010, с. 223; Гаврилюк, Молев, 2013, с. 100–101, рис. 21, *13*]. Они, безусловно, повторяют форму античных изделий, которые, по классификации Т. Н. Арсеньевой, относятся к группе 1, типу 2 [Арсеньева, 1988]. В Китее такие светильники появляются во II–I вв. до н. э. Этим же временем можно датировать и светильник из-под слоя пожара на городище Артезиан.

Открытые *ладьевидные светильники* с намеченным носиком, заостренным краем венчика и плоским дном представлены тремя находками в слое пожара (рис. 14, *7*; 15, *4–6*). Светильник (рис. 15, *4*) из слоя разрушения ранней цитадели имел ручку-защип. Формовочная масса – светло-серая, слоистая с большим количеством ракушки. На внутренней поверхности всех светильников – толстый слой нагара. По классификации Т. М. Арсеньевой они относятся к разделу III (лепные светильники), группе Б – с открытым резервуаром. Ладьевидным светильникам из слоя пожара Артезиана аналогичны светильники 4 типа (ладьевидной формы с удлиненным суженным носиком) из находок Китея. Они происходят из слоев I–II вв. н. э. [Гаврилюк, Молев, 2013, с. 103, рис. 22, *6*]. По материалам Мирмекия такие светильники датируются I–III вв. н. э. [Гайдукевич, 1952, с. 176, рис. 78, *3–4*], а в памятниках Крымского Приазовья они существуют до V в. н. э. [Зубарев, Крайнева, 2004, с. 204, рис. 11, *1–4*].

Чашки на ножке (bowls on a stems) с конусовидным основным вместилищем представлены двумя сосудами (рис. 14, *8–9*), то есть, 1,1%. (табл. 2). Форма вместилища чаши на невысокой ножке, найденной в вяжущем растворе стены 179/189, конусовидная. Ножка заканчивается плоским круглым днищем. На внутренней поверхности основной части сосуда следы закопчённости. Формовочная масса плотная, серая; примеси – толченая ракушка и дресва (кварцитовые зерна), амфорный шамот. Высота 45 мм диаметр венчика 80 мм, диаметр днища 30 мм (рис. 14, *8*).

Принято считать, что все лепные сосуды на ножке являются подражаниями гончарным греческим образцам [Арсеньева, 1965, с. 184, табл. IX. *6, 8, 11*]. Наиболее полная публикация чашек на ножках содержится в работах К. И. Зайцевой [Зайцева, 2001]. Однако недавно опубликованные материалы некрополя у хут. Рассвет свидетельствуют о существовании «лепных вазочек», являющихся близкими аналогиями находке из слоя пожара на городище Артезиан. Все они происходят из погребений второй половины VI–V вв. до н. э. [Население….2010, с. 209, рис. 212, 156, 74, 28]. На территории Европейского Боспора такая «вазочка» найдена на Тиритаке и датируется концом III–I вв. до н. э. [Кастанаян, 1981, с. 57, рис. 13, *2*]. В материалах Китея один такой сосуд датируется IV–III вв. до н. э. [Гаврилюк, Молев, 2013, с. 82, рис. 9, *1*]. В Нимфейской коллекции близкой аналогией является чаша № 183 [Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 329]. Создаётся впечатление, что форма чашек на невысокой ножке заимствована обитателями Крымского Приазовья у населения Азиатского Боспора, в памятниках которого зафиксированы наиболее ранние находки такого рода

Чашка на ножке (рис. 14, *8*), также найденная в стене 179/189, имела усечённо-коническую с прямыми стенками форму. С одно стороны у неё имелся слив, ножка отбита и заглажена. Формовочная масса серая с небольшим количеством толченой ракушки и примесью

оранжевого амфорного шамота. Высота 50 мм, диаметр венчика 120 мм, диаметр ножки 40 мм. Этот сосудик находит аналогии в материалах многих памятников Европейского Боспора [Зайцева, 2001, с. 120, табл. 3, *73–81*]. Однако чашки с овальным вместилищем и сливом известны в основном по раскопкам в Крымском Приазовье. Можно вспомнить, например, находки из святилища около поселения «Сиреневая бухта» и теменоса на плато к северу от вершины горы Сююрташ [Масленников, 2007, с. 247, рис. 109, *4, 5*; с. 400, рис. 165, *7*]. Открыты эти сосуды и в слоях, синхронних слою пожара на городище Артезиан.

В этом же слое, в яме из-под пифоса была обнаружена *жаровня (roaster or dutch oven)* (рис. 15, *1*). Это толстостенный сосуд с невысоким бортиком и отверстием в дне. Изготовлен он из грубой формовочной массы оранжевого цвета с перегоревшими растительными примесями и крупными примесями дресвы. Диаметр венчика 270 мм, высота бортика 40 мм, толщина стенок 20 мм. Подобные переносные жаровни – довольно обычная находка в материалах эллинистических памятников Северного Причерноморья.

Два других миниатюрных сосудика из слоя пожара: мисочка и горшочек. Мисочка усеченно-конической формы с вертикальными стенками имела отогнутый венчик и слив с одной из сторон. Дно закруглено. Высота 30 мм, размеры по венчику 40×50 мм (рис. 14, *4*; 15, *2*). Это, несомненно, культовый предмет. Ближайшей ему аналогией является сосудик, найденный в районе алтаря № 2 святилища около поселения «Сиреневая Бухта» в Крымском Приазовье [Масленников, 2007, с. 247, 249, рис. 109, *3*; 110, *19*]. Маленькие мисочки с отогнутыми или вертикальными стенками часто встречаются в наборе культовой посуды эллинистических памятников [Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 330–331].

К редким миниатюрным лепным сосудам можно отнести горшочек с биконическим туловом из слоя пожара в помещении 6 (рис. 14, *5*). Горло отогнуто в виде раструба, тулово биконической формы с наибольшим расширением в средней части, дно плоское. Изготовлен из серо-коричневой формовочной массы с большим количеством выгоревших примесей. На внешней поверхности замечены следы вертикального (на верхней части сосуда) и горизонтального (на ребре) заглаживания. Высота 57 мм, диаметр венчика 26 мм, диаметр тулова 67 мм, дна 30 мм. Этот сосудик входит в группу культовых миниатюрных изделий, но близкие аналогии нам не известны.

Коллекция лепной керамики слоя пожара городища Артезиан имеет все особенности, присущие лепной керамике эллинистического периода [Гаврилюк, 2004, с. 40, 48]. Её количество заметно увеличивается по сравнению с предыдущим периодом, но соотношение в группе кухонной посуды «гончарная-лепная» сохраняется, как 1:3. Лепная посуда не орнаментируется (примитивный орнамент имело лишь два сосуда).

Учитывая, что коллекция происходит из надежно датированного слоя, и образовалась практически единовременно, можно утверждать, что все перечисленные сосуды использовались в быту короткое время – не более 50 лет. Отсутствие некоторых из них в других датированных объектах городища Артезиан может быть аргументом в пользу их узкой датировки, а значит ряд лепных сосуды, например, цедилки на ножках могут быть хронологическим индикатором, по крайней мере, для Приазовских памятников.

Привлечение большого количества аналогий и сравнение керамического комплекса из слоя пожара городища Артезиан [Гаврилюк, 2014, с. 30–60] позволило выделить здесь несколько генетически неоднородных групп керамики (табл. 2; 3).

Таблица 3. Группы лепной посуды из слоя пожара

№ п.п.	Группы	Кол-во	%
1	Всеобщая	87	48,07
2	Греческая	56	30,94
3	Боспорская	26	14,36
4	Позднескифская крымская	12	6,63
	Всего	**181**	**100,00**

«Всеобщая» группа состоит из горшков с дуговидной в разрезе шейкой, слабопрофилированных, с раструбовидным горлом, мисок в форме перевернутого усеченного конуса и мисок с завернутым краем венчика. Это сосуды, которые в эллинистический период встречаются в материалах античных памятников всех регионов Северного Причерноморья, а также в скифских степных погребениях. Последнее обстоятельство стало причиной того, что их стали называть «скифскими», хоть таковыми они являются лишь по месту находки, о чем уже упоминалось. В материалах слоя пожара посуда этой группы составляла 48, 07% (табл. 3).

В «греческую» группу входят лепные кастрюли, горшки с сильно отогнутым в виде раструба горлом, образующим упор для крышки, имитации греческих гончарных форм, кувшины с высоким цилиндрическим горлом, крышки. В материалах слоя пожара на сосуды этой группы составляли 30, 94% (табл. 3).

«Боспорская» группа представлена кувшинчиками, двуручными сосудами (кубками), сложнопрофилированными мисками и мисками с прямыми стенками, чашками на невысокой ножке и цедилками на ножках. При этом чашки на невысокой ножке (вазочки) имеют аналогии в ряде могильников Азиатского Боспора, а цедилки в виде миски на трех ножках повторяют форму сероглиняных гончарных изделий и встречены лишь в рассматриваемом контексте. Сосуды последних двух типов придают известную специфику всей коллекции лепной посуды из слоя пожара и позволяют говорить об особой, Приазовской, группе лепного керамического комплекса Боспора. Она занимает 14, 35% (табл. 3).

С крымским позднескифским керамическим комплексом связаны горшки с прямым горлом и горшки-кувшины, которых в нашей коллекции немного – всего 6,63% (табл. 3), что свидетельствует о слабых связях памятников Крымского Приазовья с Северо-Западным и Центральным Крымом.

Общее количество лепной керамики из слоя пожара и синхронных ему объектов не может соответствовать общему количеству использованных в то время, т. е. в 46/47 г. н. э.[2], лепных сосудов. Однако вышеуказанное соотношение гончарной и лепной керамики приблизительно такое же, как на других относительно синхронных памятниках Европейского Боспора.

Наличие различных групп лепных сосудов в лепном керамическом комплексе городища Артезиан свидетельствует о его неоднородности, что, возможно, отражает

[2] Датировка слоя гибели ранней цитадели городища Артезиан по новейшим нумизматическим данным не выходит за пределы 46/47 г.

полиэтничность населения. В тоже время, вряд ли правомерно считать всю лепную посуду античных памятников «варварской», а также использовать её в качестве аргумента для подтверждения гипотезы о значительном количестве варваров среди обитателей городища Артезиан.

Список литературы

Алексеева, 2002. Алексеева Е. М. Центральная часть Горгиппии в первых века нашей эры //ДБ. 5.

Арсеньева, Науменко, 2001. Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища //ДБ. 4.

Арсеньева, Шолль, 2013. Арсеньева Т. М., Шолль Т. Исследования в западном городском районе Танаиса в 2011 г. (раскоп XXV) //Novensia. 24.

Арсеньева, 1965. Арсеньева Т. М. Лепная керамика Танаиса //МИА. 127.

Арсеньева, 1969. Арсеньева Т. М. Лепная керамика Танаиса. Горшки //МИА. 154.

Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988. Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев.

Бураков, 1976. Бураков А. В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев.

Власов, 2005. Власов В. П. Античные влияния в познескифской керамике Крыма // БИ. VIII. Симферополь-Керчь.

Власов, 2007. Власов В. П. Боспор и миграционные процессы в Крыму в первых веках н. э. //БИ. XVI. Симферополь-Керчь.

Высотская, 1979. Высотская Т. Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев.

Вязьмітіна, 1962. Вязьмітіна М. І. Золота Балка. Київ.

Гаврилюк, 1980. Гаврилюк Н. О. Кераміка степових скіфских поховань IV–III ст. до н. е. //Археологія. № 34. Киев.

Гаврилюк, 1981. Гаврилюк Н. А. Лепная керамика Степной Скифии. – Автореф. дис. … канд. ист. наук. Киев.

Гаврилюк, 1989. Гаврилюк Н. А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев.

Гаврилюк, 2010. Гаврилюк Н. А. Лепная керамика Тиры //Тира – Белгород – Аккерман (материалы исследований). Одесса.

Гаврилюк, 2014. Гаврилюк Н. О. Ліпна кераміка античних центрів Північного Причорномор`я як джерело для вивчення етнічної і економічної історії //Археологія. № 4.

Гаврилюк, 2014 а. Гаврилюк Н. А. Феномен лепной керамики античных центров Северного Причерноморья //Таврические студии. Исторические науки, № 6. Симферополь.

Гаврилюк, Абикулова, 1991. Гаврилюк Н. А., Абикулова М. О. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы). – препринт. Киев.

Гаврилюк, Крапивин, 1999. Гаврилюк Н. А., Крапивина В. В. Кухонная и столовая керамика позднескифских городищ Нижнего Поднепровья //100 лет черняховской культуры. Киев.

Гаврилюк, Молев, 2013. Гаврилюк Н. А., Молев Е. А. Лепная керамика Китея //ДБ. 17. М.

Гаврилюк, Отрешко, 1982. Гаврилюк Н. А., Отрешко В. М. Лепная керамика архаического поселения Большая Черноморка 2 //Древности Степной Скифии. Киев.

Гаврилюк, Соколова, 2007. Гаврилюк Н. А., Соколова О. Ю. Лепная керамика Нимфея //Античный мир и варвары на юге Украины и России. Скифия. Ольвия. Боспор. Москва-Киев-Запорожье.

Гайдукевич, 1952. Гайдукевич В.Ф Археологические изучения Мирмекия //МИА. № 4.

Граков, 1954. Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре //МИА. № 36.

Греки и варвары…, 2005. Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху..Отв. ред., Марченко К. К. СПб.

Дашевская, 1958. Дашевская О. Д. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма //МИА. № 64.

Древний город …, 1999. Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб.

Зайцева, 2001. Зайцева К. И. Лепные чашки на ножках конца I в. до н. э. – VI в. н. э. из Северного Причерноморья //Археологический сборник, № 35. Спб.

Зубарев, Крайнева, 2004. Зубарев В. Г., Крайнева А. А. Светильники городища «Белинское» //ДБ. 7. М.

Іллінська, 1966. Іллінська В. А. Про походження та етнічні зв`язки племен скіфської культури Посульсько-Донецького лісостепу //Археологія. Т. XX.

Кастанаян, 1952. Кастанаян Е. Г. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки //МИА. № 25.

Кастанаян, 1955. Кастанаян Е. Г. Художественные элементы в лепной керамике Боспора //Античные города Северного Причерноморья. М.

Кастанаян, 1981. Кастанаян Е. Г. Лепная керамика боспорских городов. Ленинград.

Козуб, 1974. Козуб Ю. І. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. е. Київ.

Кругликова, 1954. Кругликова И. Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого городища //МИА. № 26.

Марченко, 1972. Марченко К. К. Лепная керамика 5–3 вв. до н. э. городища у ст. Елизаветовская на Нижнем Дону //СА. № 1.

Марченко, 1975. Марченко К. К. Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV- первой половины I вв. до н. э. //КСИА. 143.

Марченко, 1976. Марченко К. К. Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII–V вв. до н. э. //Художественная культура и археология античного мира. М.

Марченко, 1988. Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине 1 вв. до н. э. Ленинград.

Масленников, 2007. Масленников А. А. Сельские святилища Европейского Боспора. М. Молев, 2010. Молев Е. А. Боспорский город Китей. Симферополь – Керчь.

Население…, 2010. Население архаической Синдики (по материалам некрополя у хутора Рассвет //Некрополи Черноморья. III. М.

Тереножкин, 1976. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев.

Яковенко, 1978. Яковенко Е. В. Ліпна кераміка VI–V ст. до н. е. з Німфея //Археологія. 27.

Boardman, 1967. Boardman J. Excavation in Chios 1952–1955. Greek Emporio. Oxford.

Gavrylyuk, 2010. Gavrylyuk N. A. Handmade pottery //The Lower City of Olbia (Sektor NGS) in the 6th century BC to the 4th Century AD | ed. N. A. Lejpunskaja, Pia Guldager Bilde, Jakob Hojte, V. V. Krapivina & S. D. Kryzickij. Aarhus.

Harlat, 2002. Harlat C. Productions ceramiques Egyptiennes D`Alexandrie l`epoque Ptolemaïque. (Evolution des formes at des fabriques: Traditions locales et innovations) // Ceramiques hellenistiques et romanies Productions et diffusion en Mediterranee oriental (Cyrpus, Egypte et syro-palestinienne). Lyon-Parise.

Summary

N. A. Gavrylyuk, N. I. Vinokurov

Handmade ceramic from the fire layer of Artezian settlement

It is a collection of handmade ceramic from the fire layer from Artesian settlement. So the ceramics from the fire layer used in her life short time - less than 50 years. It has all the features characteristic of the handmade pottery of the Hellenistic period: the quantity of the handmade pottery is increased compared with the previous period, but the balance in the group of «cooking ware - handmade pottery» saved as 1: 3; handmade vessels have no ornaments. In that period were formed different origin groups of the handmade pottery. Universal group consists of vessels that are found in the Hellenistic period in the materials of ancient monuments of all regions of the Northern Black Sea area. The «Greek» group consists of vessels that have arisen among the first colonists and repeats the shape of the ceramic pottery. Handmade pottery from the «Bosporus» group are usual finds only in the sites of the Bosporus. In the layer of fire on the Artesian settlement also ware found

Г. П. Гарбузов
(Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону)

Корабли с зерном из Понта*

Целью настоящей работы является самое общее обсуждение сроков античной (имея в виду классическое время) торговой навигации в Черном море, с особым вниманием к организации мореплавания, связанного с торговлей зерном. Для этого далее будут рассмотрены имеющиеся свидетельства письменных источников и современная информация гидро- и агрометеорологического характера. Но перед тем, как подробно проанализировать случай Черного моря, сделаем краткий обзор того, что известно о сроках навигации в античном Средиземноморье.

Торговое мореплавание в Средиземном море не было круглогодичным, в источниках содержится множество прямых и косвенных указаний на его сезонность. Наиболее развернуто о сроках навигации пишет в конце IV – начале V в. н. э. Вегеций (IV. 39): «некоторые месяцы особенно удобны, в некоторые из них плыть рискованно, а в остальные по природным условиям море недоступно для кораблей»[1]. Он отнес к лучшему времени для мореплавания[2] период с 27 мая по 14 сентября, к рискованному – периоды от 14 сентября до 11 ноября и от 10 марта[3] до середины мая, зимой же, от 11 ноября до 10 марта, «моря для плавания закрыты»[4].

Отметим, что приблизительно со времен Вегеция сроки навигации начинают регулироваться законодательно, так, например, в кодексах Феодосия и Юстиниана торговые плавания на африканском направлении допускались только в период с 1 апреля по 1 октября (15 октября)[5]. Образец более поздних средневековых норм дает принятый

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-31-10173 «Крым и южные рубежи России: история, культура, межэтнические взаимодействия».

[1] Здесь и далее цитируется по [Кондратьев, 1940].

[2] Даты даны по [Milner, 1996].

[3] Вегеций называет 10 марта «днем рождения судоходства», в честь которого во многих городах справлялись торжественные игры и общественные зрелища. По-видимому, он имел в виду торжества в честь Исиды Пелагии (*Navigium Isidis* или *Ploiaphesia*) [Milner, 1996, p. 146, note 2; Beresford, 2013, p. 40–42].

[4] Причины закрытия навигации: «день очень короткий», «густые тучи», «воздух сумрачный», «жестокая сила ветров, удвоенная дождем или снегом».

[5] CTh. XIII. 9. 3. 3; CJ. XI. 6. 3. Норма основана на декрете императора Грациана 380 г. н. э. [Pryor, 1992, p. 87; Beresford, 2013, p. 22–32; Duggan, 2015, p. 278], возможно, что относилась она лишь к торговле, поддерживаемой государством [Beresford, 2013, p. 23].

в Пизе в 1161 г. кодекс *Constitum Usus*, который приостанавливал навигацию с ноября по февраль, сходные правила действовали в различных торговых городах Средиземноморья еще несколько столетий [Ashburner, 1909, cxlii–cxliii; Braudel, 1972, p. 248; Houmanidis, Zois, 1998, p. 9][6]. Необходимость правового регулирования косвенно свидетельствует о частых случаях мореплавания не в лучшие сроки, что вело к излишнему риску и финансовым потерям. Красноречиво замечание Вегеция (IV. 39) о том, что рискованный весенний отрезок навигации (середина марта – май) не пугает «деятельную энергию купцов», которых на плавание «преждевременно толкает частная нажива».

Позднеантичные и средневековые нормы основывались на давно сложившейся средиземноморской традиции. Почти все даты, приводимые Вегецием, определяются астрономическими явлениями[7], которые издревле были важными ориентирами в мореходной практике [McCartney, 1926а; 1926б]. Еще Гесиод («Труды и дни») предостерегал от выхода в море после захода Плеяд: «На море темном не вздумай держать корабля в это время» (623)[8], указывая в качестве наилучшего времени для плавания 50 дней после летнего солнцестояния (т. е. июль – первая половина августа) (663–665)[9]. О давней традиции говорит и то, что у Гесиода, как и у Вегеция, особо выделена весенняя навигация, когда плавание возможно, но сопряжено с излишним риском («трудно при нем от беды уберечься» (684)). Регулирование сроков мореплавания также имеет длительную историю и в том или ином виде существовало уже в классическое время. Демосфен упоминает о сроках рассмотрения исков морских торговцев (XXXIII. 23), откуда можно предположить официальный период афинской торговой навигации в IV в. до н. э.: с месяца Мунихион (апрель/май) по месяц Боедромион (сентябрь/октябрь) [Isager, Hansen, 1975, p. 85; Reed, 2003, p. 90–92; Lanni, 2006, p. 154–155; Moreno, 2007a, p. 286, note 362]. Такой вывод подтверждается афинским законом 374/373 г. до н. э. о сдаче на откуп налога на хлеб с островов [Stroud, 1998; Маринович, 2008], где указано, что откупщик обязан доставить зерно морем в Пирей до месяца Маймактерион (ноябрь/декабрь) [Stroud, 1998, p. 72–76][10].

---

[6] Согласно [Ashburner, 1909, cxlviii], из Венеции в XII–XIII вв. ежегодно отправлялось два каравана судов в Сирию и Египет. Первый уходил в плавание весной и возвращался в сентябре, второй отправлялся в августе и возвращался после зимы в мае следующего года. Во владения Византии ежегодно отправлялось три каравана: первый весной с возвращением в сентябре, второй – в конце июня с возвращением поздней осенью, третий отправлялся в августе и возвращался на Пасху.

[7] Начало наиболее благоприятного сезона связывается с восходом Плеяд, его окончание обусловлено восходом Арктура, заход Плеяд указывает на дату полного закрытия плавания.

[8] Здесь и далее цитируется по [Вересаев, 1963].

[9] В переводе В. В. Вересаева это время наступает *спустя* 50 дней после солнцестояния, то же самое указано в [Tandy, Neale, 1996, note 166]. Варианты перевода обсуждаются в [West, 1978, p. 322–323; Beall, 2001]. Но обычно все-таки из этих строк выводится, что лучшее время для навигации наступает сразу за солнцестоянием, см. например: «Fifty days after the solstice … is the right time for men to go sailing» [Evelyn-White, 1914]. Компромиссное понимание предлагается в [West, 1978, p. 323]: под лучшим временем для плавания подразумевается весь сезон, когда дует характерный для Эгейского моря летний ветер Этезиан.

[10] Афинский год по гражданскому лунному календарю начинался с первого новолуния, наступавшего вслед за летним солнцестоянием [Samuel, 1972, p. 64], и хотя есть все основания считать (см. комедию Аристофана «Облака», строки 615–626) данный календарь скорее иррегулярным, чем регулярным [Samuel, 1972, p. 57–58; Dunn, 1998; Stern, 2012, p. 26–38], уточним, что формальное начало пятого по счету лунного месяца Маймактерион, т. е. пятое новолуние после летнего солнцестояния, в указанный год приходилось на 31 октября [Бикерман, 1975, табл. II].

Все эти нормы не означали буквального запрета на плавания в неблагоприятное время. Подобного запрета безусловно не было в случае военных предприятий, это известно и для античности (см. о зимних плаваниях у Фукидида[11]), и для средневековья[12]. В неблагоприятный сезон в какой-то мере осуществлялось и торговое мореплавание, что, если оставить в стороне авантюризм торговцев[13], объясняется своеобразием климатических условий в некоторых частях Средиземного моря.

К примеру, у Демосфена указывается (LVI. 30), что навигация по направлению Родос – Египет «не прерывалась»[14] и за счет этого торговец мог «пустить те же самые деньги работать два или три раза», в отличие от направления Афины – Египет, на котором он был вынужден «пропускать зиму и ждать сезона плавания». Более длительный сезон плаваний в Египет подтверждается сообщением Фукидида (VIII. 35. 2) о торговых судах, в зимнее время шедших из Египта поблизости от Книда[15]. Сведения о сроках мореплавания в юго-восточной части Средиземного моря содержатся в таможенных записях 475 г. до н. э., происходящих из Элефантины [Yardeni, 1994; Tammuz, 2005, p. 151–152][16]. Первый в сезоне корабль из Греции (Ионии) в тот год прибыл в Египет в последней декаде февраля, последний – между 30 ноября и 4 декабря, а отправился из Египта первый корабль 6 марта, последний – между 9 и 14 декабря, т. е. сезон навигации длился здесь до 10 месяцев [Yardeni, 1994, p. 68–69; Tammuz, 2005, Table 2]. Кроме этой части моря, при хорошей погоде эпизодические зимние плавания осуществлялись, по-видимому, и в других районах Средиземноморья[17], однако январь и февраль были временем по возможности полного прекращения торгового судоходства[18].

Отношение к тем, кто выходил в море с торговыми целями в неблагоприятный сезон, было неодобрительным, что выражено в упреках таких торговцев в излишнем риске и алчности у Гесиода, Плиния и Вегеция. Эти упреки, помимо всего прочего, отражают

[11] *Thuc*. II. 69. 1; II. 93. 1; IV. 89. 1; IV. 104. 5; VIII. 30–35; VIII. 39; VIII. 60. 2, 3. К сожалению, нельзя сказать определенно, что подразумевал историк под началом и концом зимы, и были ли эти даты постоянны [Meritt, 1962; 1964; Карпюк, 2006]. Отметим, что в одном из указанных случаев (VIII. 39. 1) морская экспедиция точно обозначена зимним солнцестоянием.

[12] Подборка примеров для времени с VII по XIV вв. приведена в [Duggan, 2015], см. также [McCormick, 2001, Appendix 4].

[13] Плиний Старший указывает (II. 125), что «ранее» на риск смертельного зимнего плавания морехода толкало нежелание встречаться с пиратами, с характерным добавлением – «теперь к этому принуждает алчность» [Rackham, 1938].

[14] Здесь и далее по переводу [Murray, 1936]. Перевод этого места в [Bers, 2003]: для плаванья в Египет «всегда благоприятны» погодные условия. Рукописи дают два варианта определения пути – «краткий» или «надежный» [Bers, 2003, p. 101, note 22], в переводе В. В. Вальченко [Маринович, 1994] выбран вариант «расстояние там небольшое». Продолжительность чистого плавания между Родосом и Александрией оценивается в 3 ½ дня, обратного пути – до 10 дней [Casson, 1951, Table 1].

[15] См. также: *Thuc*. II. 69. 1.

[16] Близкое по времени к указанным записям упоминание о плаваниях зимой в Египет можно найти в «Истмийских одах» Пиндара (II. 42).

[17] Плиний пишет о погодном окне со спокойным морем (II. 125), якобы длившемся шесть дней до зимнего солнцестояния, и еще шесть после него. Отметим, что у этого автора самое нетривиальное среди всех источников представление о сроках навигации – ее открытие приходится у него на 8 февраля (II. 122), на месяц раньше, чем у Вегеция.

[18] В эти месяцы также находились желающие рисковать: в нескольких папирусах из архива Зенона середины III в. до н. э. говорится о связанных с Александрией зимних плаваниях, совершенных, в том числе, в штормовых условиях конца декабря – января [Edgar, 1931, p. 70–71; Tammuz, 2005, p. 153–155].

специфику организации античной морской торговли. Уже в IV в. до н. э. мы застаем греческое торговое мореплавание сложно устроенным: торговля во многом осуществлялась на заемные средства[19], при этом залогом под денежную ссуду обычно служили корабль[20] или груз[21]. Залог мог перезакладываться[22], заложены могли быть корабль и груз порознь у разных заимодавцев[23], торговец мог брать несколько займов[24], поэтому в одну торговую экспедицию подчас вовлекалось много кредиторов.

Доход по ссуде в морской торговле был выше процентного дохода, связанного с обычным денежным займом и ссудой под залог земли или имущества (ставки сравниваются, например, в (*Dem*. XXXIV. 23–24) – в морском займе ставка равна 30%, в земельном 16,7% (одна шестая)), но с морским займом было связано одно важное обстоятельство: взятые под залог деньги отдавались только в случае, если корабль заемщика благополучно завершит плавание[25]. Отсюда можно предположить сильную заинтересованность в безопасности мореплавания всего того множества кредиторов, которые участвовали в морской торговле. Эта заинтересованность проявлялась, в частности, в финансовом наказании заемщиков за несоблюдение оговоренных сроков навигации (см. ниже о договоре морского займа (*Dem*. XXXV. 10–13)).

Наш обзор позволяет заключить, что сезон торгового мореплавания в античном Средиземноморье продолжался от середины марта – начала апреля (возможным ориентиром было весеннее равноденствие) до начала ноября (до захода Плеяд). На вопрос о том, в какой мере сроки мореплавания в Черном море (Понте) соответствовали средиземноморским, ответить непросто. К сожалению, упоминаемые в источниках торговые плавания в Понт далеко не всегда соотнесены с определенным временем года, и лишь в небольшом числе случаев эта связь либо прямо указана, либо ее можно попытаться установить. Ниже мы приводим небольшую подборку (вполне возможно, что неполную) известий о таких, в той или иной степени датированных, плаваниях.

1. У Геродота (VII. 147) рассказывается о кораблях с зерном, которые шли из Понта на Эгину и Пелопоннес в то время, когда Ксеркс готовился к переправе через Геллеспонт. Царское войско двинулось из Сард к проливу ранней весной (VII. 37) – этот момент обычно приурочивают к началу апреля, основываясь на предположительных датах последующих событий и возможных длительностях переходов [Macan, 1908, p. 56; How, Wells, 1912, p. 144]. Путь войска занял, скорее всего, не более тридцати дней [How, Wells, 1912, p. 144], и еще месяц царь провел у пролива, включая время переправы (VIII. 51)[26]. В [Maurice, 1930, p. 212, 233] предполагается, что поход начался сразу после дня

[19] *Dem*. XXXIV. 51. Залоговые ссуды в морской торговле были распространены, по-видимому, с середины V в. до н. э., если не раньше [Reed, 2003, p. 40–41; Moreno, 2007a, note 356].

[20] *Dem*. XXXII. 14; XXXIII. 6, 8; XXXV. 32–33; LVI. 29, 38–39, 45.

[21] *Dem*. XXXII. 4, 12; XXXV. 32–33.

[22] *Dem*. XXXIV. 6; XXXV. 22–23.

[23] *Dem*. XXXII. 14.

[24] *Dem*. XXXII. 4.

[25] *Dem*. XXXII. 5; XXXIV. 33; LVI. 22, 31, 35–36. В раннесредневековом морском праве договор о морском займе также подразумевал, что кредитор берет на себя риски мореплавания [Ashburner, 1909, ccx].

[26] В эпизоде с кораблями Ксеркс был еще на азиатской стороне, так что отрезок времени, к которому относит-

весеннего равноденствия, а переправа войск через пролив полностью закончилась к середине мая. Соответственно, корабли с зерном плыли где-то в апреле–мае 480 г. до н. э., с большей вероятностью второй половины апреля.

2. Ксенофонт пишет о торговых кораблях в море у южно-понтийского города Трапезунт (Anab. V. 1. 11, 16). Эпизод относится к весне 400 г. до н. э., его более точные хронологические рамки – период либо с начала марта по начало апреля, либо с конца мая по конец июня [Paradeisopoulos, 2013, Table 6; 2014, p. 221, 254].

3. В (*Dem*. XXXVII. 6) есть ссылка на торговое плавание из Афин в Понт, начавшееся в девятом месяце Элафеболион в год архонтства Теофила. Начало этого года приходится на лето 348 г. до н. э., первый день указанного месяца формально соответствует 10 марта 347 г. [Бикерман, 1975, табл. II, VII], отсюда предположительное время отплытия в Понт – от середины марта до середины апреля.

4. Граффити второй четверти III в. до н. э. на стенах святилища в Нимфее свидетельствуют о плаваниях (торговых?) в водах Понта в первые месяцы милетского календаря Тавреон, Таргелион и Каламайон [Грач, 1984; Яйленко, 1995, с. 259–261], т. е. в возможном диапазоне конец марта – первая половина июля[27], причем самым ранним сроком может быть первая декада апреля (девятый или одиннадцатый день Тавреона [Яйленко, 1995, с. 260])[28].

5. В корпусе речей Демосфена приводится текст договора (XXXV. 10–13)[29], в котором плата по займу повышается с 22,5% до 30%, если торговцы, взявшие деньги под залог, не выйдут из Понта к Гиерону до восхода Арктура (около 20, или, может быть, 18 сентября[30]) (XXXV. 10). Восход этой звезды, если вспомнить Вегеция, связан с завершением наилучшего сезона для плавания, но здесь это может быть еще и обозначение предела, после которого судно уже не успевает вернуться в Пирей до закрытия навигации (конец октября). То, что около этого времени торговые суда с зерном обычно покидали Понт, отмечается в (*Dem*. L. 19): дежуривший 45 дней в Гиероне афинский военный корабль после восхода Арктура счел свою задачу выполненной, так как грузовые суда вышли из Понта[31]. Указанное повышение на 7,5% платы по займу фактически означает штраф за излишний риск.

6. В том же договоре содержится не вполне ясный пункт (XXXV. 13): «Если они не войдут в Понт, но останутся в Геллеспонте 10 дней после восхода Песьей звезды (Сириуса), и выгрузят свои товары в безопасном (не связанном с риском ареста судна) порту, и оттуда вернутся в Афины, пусть они платят проценты, записанные в договоре в прошлом

ся появление кораблей с хлебом, предшествовал продолжавшейся неделю переправе.

[27] Начало Тавреона определялось первым новолунием после весеннего равноденствия [Скржинская, 2000, с. 43–44] и приходилось на время от двадцатых чисел марта до середины апреля.

[28] Высказано предположение, что указанные в граффити даты как-то связаны с мореходными празднествами [Murray, 2002, p. 549].

[29] Это единственный сохранившийся полный текст договора о морском займе, поэтому он комментируется практически во всех исследованиях по афинской морской торговле и праву, в отечественной литературе см. [Маринович, 1998, с. 10–13].

[30] Первая дата – восход звезды на широте Афин, вторая – на широте Византия [Бикерман, 1975, табл. III].

[31] Соответственно, еще одной причиной появления указанной даты в договоре могло быть желание кредиторов, чтобы судно с товарами шло обратно в составе афинского конвоя, см. [Gabrielsen, 2007; Moreno, 2008, p. 666].

году»[32]. Восход Сириуса в IV в. до н. э. приходился на 28 июля в Афинах и 1 августа на входе в Понт [Бикерман, 1975, табл. III], прибавление еще десяти дней указывает на 7–11 августа. Эти даты можно истолковать как крайний срок для входа в Понт судна, везущего товары в северо-понтийские регионы с расчетом вернуться обратно в тот же навигационный сезон [MacDowell, 2004, p. 136, note 23][33]. В пользу такого понимания говорит сопоставление дат. От 11 августа до 18 сентября менее 40 дней, за которые необходимо успеть в условиях действительного, а не умозрительного плавания добраться от Геллеспонта до Боспора или Борисфена, продать привезенные товары, купить и загрузить товары для продажи в Афинах, и вернуться к выходу из Понта. В [Boeckh, 1828, p. 184–185; Paley, Sandys, 1898, p. 64; Murray, 1936, p. 283] невозможность войти в Понт объясняют какими-то продолжительными штормами, сигналом к которым служил восход Сириуса, и хотя именно такое объяснение малоубедительно[34], вполне можно связать появление этого пункта в договоре с метеорологией (см. ниже).

Как видно из источников, начало торговой навигации в Понте в общем соответствовало средиземноморским нормам и приходилось, вероятно, на апрель. Более сложно обстоит дело с определением времени окончания навигации – единственной верной датой служит гелиакический восход Арктура, т. е. время немного позже середины сентября. Но это совершенно точно не момент закрытия моря, так как в рассмотренном выше договоре подразумевается, что Понт судоходен и после этой даты, только это судоходство становилось, по-видимому, более рискованным[35]. Заметим, что в договоре не оговаривается срок возвращения в порт отправления, так что, в принципе, он был бы выполнен, даже если бы судно осталось в Понте на зиму.

Для оценки сроков навигации, связанной с торговлей зерном, немаловажен вопрос о районах, откуда это зерно вывозилось. С большой вероятностью регулярный экспорт зерна производился лишь из региона степного Северного Причерноморья, где можно обозначить два района греческой колонизации, которые были способны уже с конца VI – начала V в. до н. э. продавать какое-то количество зерна в Грецию – это округа Ольвии (Нижнее Побужье)[36] и область Киммерийского Боспора [Кузнецов, 2000, с. 108]. В последнем случае наиболее ранним экспортирующим хлеб районом скорее всего был Азиатский Боспор (Таманский полуостров), где, также как и в округе Ольвии, весьма

[32] Изложение по [Murray, 1936]. В [MacDowell, 2004] вступление следующее: «Если они не войдут в Понт после 10 дней ожидания в Геллеспонте с момента восхода Сириуса». В переводе В. В. Вальченко [Маринович, 1994] вводная часть дается так: «А если они не загрузят корабль, оставаясь 10 дней в Геллеспонте после восхода созвездия Пса».

[33] См. [Маринович, Кошеленко, 1999, прим. 19]: начало августа «считалось уже не подходящим для завершения путешествия и можно было продавать товары, не заходя в Черное море».

[34] Сириус ассоциировался в античное время скорее с жарой [McCartney, 1926б; Theodossiou *et al*., 2011], чем с сильным ветром, кроме того, штормы в июле–августе у входа в Боспорский пролив крайне редки [Black Sea Pilot, 2003, table 1.203].

[35] О сезоне полного закрытия моря дает представление средневековый Статут генуэзской колонии Пера, в котором плавание в Черном море запрещалось под угрозой больших штрафов с 1 декабря до середины марта [Ashburner, 1909, cxliii].

[36] Здесь выявлено более 100 сельских поселений VI – первой половины V в. до н. э. [Крыжицкий и др., 1989, рис. 3]. О хлебной торговле с Ольвией нет прямых известий, но в договоре (*Dem*. XXXV. 10–13) заемщикам предоставлено на выбор два равнозначных маршрута плавания – в Ольвию или на Боспор, что говорит об одинаковой важности этих рынков для афинских торговцев.

рано возникает множество сельских поселений (более 80 памятников к середине V в. до н. э. [Завойкин, 2013, с. 235–239, табл. 15]). В IV в. до н.э товарное зерно уже безусловно производили на значительной части Крыма и на левобережных равнинах черноморского русла Кубани (условная Синдика). Из локализации мест экспорта зерна следует, что основной интерес представляют возможности мореплавания в северной части моря.

Рассмотрим эти возможности, опираясь на многолетние ряды современных метеорологических данных. На безопасность навигации парусных судов наибольшее влияние оказывает ветровой режим, соответственно, в первую очередь обратимся к наблюдениям за сезонной изменчивостью сильных ветров. Такие ветры над Черным морем наблюдаются во все сезоны, однако их повторяемость и продолжительность существенно зависят от времени года. Наиболее интенсивные и продолжительные усиления ветра во всех районах моря отмечаются в холодном сезоне, с ноября по март, при этом из отмечаемых в трех северных районах открытого моря[37] в среднем за год 44–57 случаев сильных (≥10 м/сек) ветров на долю сезона с ноября по март приходится от 59 до 66% [Соркина, 1974, табл. 14]. Среднее число часов с сильным ветром для каждого месяца по двум северным районам моря показано на рис. 1*а* (согласно [Соркина, 1974, табл. 17[38]; Кудрявцева, Макеева, 1991, табл. 2,5[39]]).

Наибольшая суммарная продолжительность сильных ветров за один месяц в северных районах моря составляет в ноябре–марте от 10 до 13 суток [Соркина, 1974, табл. 19]. При этом сильные ветры зимой в этих районах могут длиться без перерыва до 5–7 суток [Соркина, 1974, табл. 16]. Непрерывная продолжительность сильного ветра одного направления достигает 5–6 суток (северо-восточный ветер в северных районах моря в декабре, январе и марте [Соркина, 1974, табл. 25])[40]. Особо сильные ветры свыше 20 м/сек отмечаются преимущественно с ноября по март в северной части моря и в январе–феврале в южной[41]. Наиболее часты такие штормы в Керчь-Туапсинском районе, в феврале–марте они составляют 7–8% от всей категории сильных ветров [Соркина, 1974, с. 100, табл. 20]. В [Дивинский, Пушкарев, 2007] для этого района за период 1996–2003 гг. описаны характеристики 32 особо сильных штормов с максимальной высотой волн более 5 м[42], из них лишь два пришлось на лето (июнь), остальные на время с середины сентября по середину апреля (см. рис. 1*б*), причем пять раз в период с декабря по февраль и один раз в апреле высота волн превышала 8 м, при абсолютном максимуме 12,4 м (февраль) [Дивинский, Пушкарев, 2007, табл. 4][43].

[37] Северо-Западный, Крымский и Керчь-Туапсинский районы.

[38] Наблюдения за 1954–1968 гг.

[39] Наблюдения за 1978–1983 гг.

[40] При устойчивых штормовых восточных и северо-восточных ветрах в юго-западной части Черного моря может наблюдаться волнение с высотой волн более 8 м [Полонский, Фомин, Гармашов, 2011].

[41] У берега скорость ветра обычно ниже, чем в открытом море, но иногда на побережье штормы усиливаются локальными явлениями, такими, например, как бора [Раскин, Кабатченко, 1991, с. 364].

[42] По данным волноизмерительного буя, установленного в открытом море вблизи Геленджика.

[43] Абсолютные максимумы волн, зафиксированные на береговых метеостанциях за период 1954–2009 гг., также приходятся на холодное время года: более 5 м в Одессе (ноябрь), более 7 м на станции «Херсонесский маяк» (ноябрь), 5,5–6 м в Ялте (с января по март), 3,5 м в Феодосийском заливе (февраль), 4 м на входе в Керченский пролив (март) [Наумова и др., 2010, с. 270–271, рис. 4].

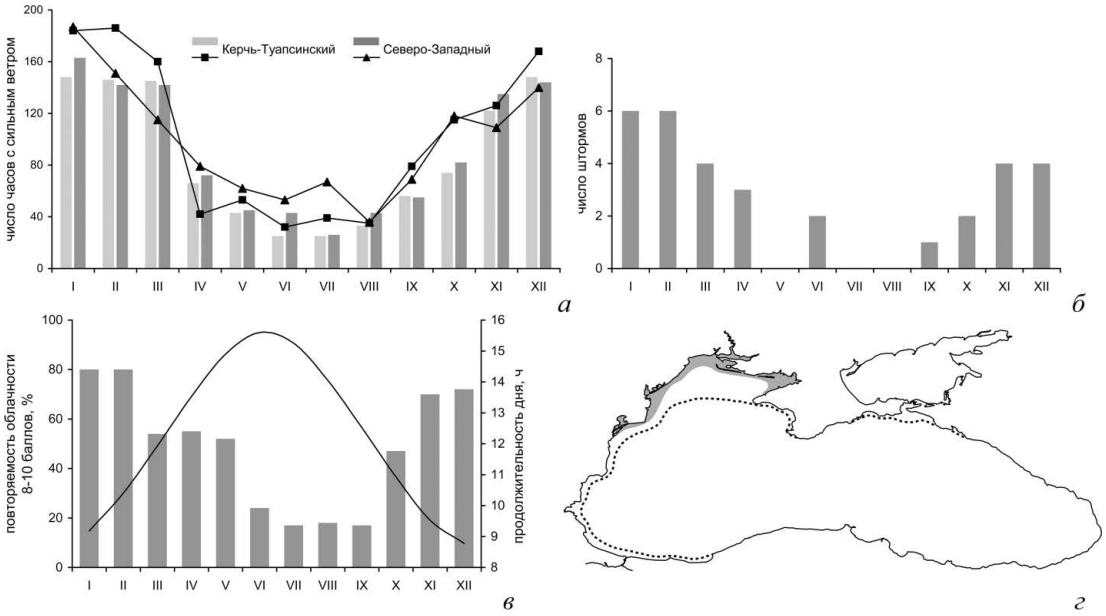

Рис. 1. *а* – среднее число часов с сильным ветром (≥10 м/сек) для Керчь-Туапсинского и Северо-Западного районов Черного моря (гистограммы – по данным [Соркина, 1974, табл. 17], графики – по данным [Кудрявцева, Макеева, 1991, табл. 2.5]); *б* – число сильных штормов с волнами высотой более 5 м в открытом море вблизи Геленджика (по данным [Дивинский, Пушкарев, 2007, табл. 4]); *в* – повторяемость облачности 8–10 баллов в Керчь-Туапсинском районе Черного моря (по данным [Макеева, 1991, табл. 5.2]); *г* – распространение льдов в северо-западной части Черного моря в феврале суровых зим (заливка) и предельная граница встречаемости льда всех видов в экстремально суровые зимы (по данным [Голубева, 1991, рис. 5, *1а*, рис. 5, *2*; Ice Atlas, 1946, p. 67; Black Sea Pilot, 2003, chart 1.158.2])

Из метеорологической статистики следует, что в северных районах моря наиболее спокойными месяцами считаются июль и август, а наиболее штормовыми – январь и февраль (им в этом смысле мало уступают ноябрь, декабрь и март)[44]. Пять штормовых месяцев будут представлять собой время, очевидно небезопасное для плавания тех небольших парусных судов, которые участвовали в греческой торговле. В качестве самого благоприятного, с точки зрения минимума штормов, времени для плавания представляется период с мая по сентябрь, с расширением его за счет более рискованных месяцев – апреля и, возможно, октября. Помимо непогоды, в октябре дополнительный вклад в трудности навигации будет вносить падающая продолжительность дня[45], а для апреля

[44] В ноябре–марте в открытом море выпадает и большая часть осадков (в среднем над морем в это время выпадает в 2 раза больше осадков, чем в остальные месяцы года, в Крымском и Керчь-Туапсинском районах данное отношение достигает 2,3–2,6:1, а в центральной части моря – 4:1) [Соркина, 1974, с. 280–281, табл. 96, рис. 75]. Среди осадков, выпадающих в холодный период, особенно в январе–марте, преобладают малоинтенсивные обложные и моросящие дожди [Кудрявцева, 1991, с. 79].

[45] За октябрь день на широте Киммерийского Боспора уменьшается более чем на полтора часа.

характерна большая вероятность сплошной или почти сплошной облачности (8–10 баллов) (см. рис. 1*в*, построенный для квадрата моря 17 по [Макеева, 1991, табл. 5, 2])[46].

Для ранней весны необходимо помнить еще об одном обстоятельстве – несмотря на то, что Черное море относится к южным, оно тем не менее может частично замерзать в Северо-Западном районе и у берегов Таманского и Керченского полуостровов. Для Черного моря степень ледовитости (площади льда любой сплоченности) прямо пропорциональна степени суровости зимы [Крындин, 1964, с. 10–11; Владимирский, Косарев, 1976, с. 65][47]. В суровые зимы лед в Северо-Западном районе появляется в декабре, а в самой северной и северо-восточной части в конце ноября [Голубева, 1991, с. 414][48]. Льдом в это время заняты места вблизи Днепровского лимана и север Каркинитского залива. В январе количество льда увеличивается и его кромка смещается к югу, вплоть до устья Дуная. Максимального развития в такие зимы лед достигает в феврале[49]. В очень суровые зимы припай распространяется южнее Констанцы[50], а плавучий лед дрейфует вдоль всего западного побережья до Боспорского пролива. В короткую, но суровую зиму 1928/29 гг. в феврале припай шириной более километра наблюдался у болгарских берегов, плавучий лед распространялся до Боспорского пролива и попадал в Мраморное море. Лед в проливе в виде отдельных льдин и ледяной каши отмечался также зимой 1823/24, 1849/50, 1862/63, 1953/54 гг. [Голубева, 1991, с. 414]. При продолжительных морозах в некоторых местах пролива образовывался припайный лед и замерзала бухта Золотой Рог (см. фото в работе [Yavuz, Akçar, Schlüchter, 2007, Fig. 2–5]).

В северо-восточной части Черного моря лед появляется в умеренные и суровые зимы, обычно в виде редких и разреженных плавучих льдов, которые иногда доходят до Судака и мыса Утриш. В такие зимы в Феодосийской, Анапской и Новороссийской бухтах могут образовываться небольшие забереги. Даже в суровые зимы неподвижный лед здесь достаточно редок, например, за 1925–1985 гг. на акватории порта Феодосии припай отмечался всего 4 раза [Голубева, 1991, с. 414–415][51].

Согласно [Гоптарев, 1991, с. 72–73], в Керченском проливе лед отмечается ежегодно, наиболее ледовитыми являются северная часть пролива до косы Тузла и Таманский

[46] В апреле–мае в открытом море наиболее часто наблюдаются туманы, на это же время приходится максимум туманов на побережье Крыма [Макеева, Богатко, Волошина, 1991, с. 87–88].

[47] Суровость зимы определяется по сумме среднесуточных отрицательных температур воздуха за холодный период, к суровой зиме относят случаи, когда эта сумма превышает 400 градусов [Крындин, 1964, с. 13; Владимирский, Косарев, 1976, с. 57]. Для сравнения, в Северо-Западном районе Черного моря среднее многолетнее значение указанной суммы составляет 282 градуса, в регионе Азовского моря 317 градусов (по данным [Владимирский, Косарев, 1976, табл. 1]).

[48] Из 57 зим за период 1925–1985 гг. в Северо-Западном районе к суровым отнесены 14%, к умеренным 46%, к мягким 40% [Голубева, 1991, табл. 5. 1], причем внутривековое распределение суровости весьма неоднородно, например, на десятилетие 1925–1935 гг. приходится 4 суровые зимы, из них две подряд. Для того же района из 41 зимы за период 1928–1972 гг. к суровым, умеренным и мягким отнесено соответственно 15%, 44% и 41% [Владимирский, Косарев, 1976, табл. 2].

[49] Наибольшая ледовитость моря оценивается в 26 тыс. кв. км [Голубева, 1991, табл. 5,4], т.е. до 6% общей площади моря.

[50] О замерзшем море пишет живший в Томах в начале I в. н. э. Овидий (Tr. III. 10. 35–41).

[51] Подобный случай, явившийся результатом суровой зимы, описан в [Паллас, 1999, с. 161]: в зиму 1787 г. «замерзли не только все Азовское море и Босфор, но также и половина бухты Кафы».

залив[52], площадь и мощность льда зависят от суровости зимы. Сплошной ледяной покров устанавливается в северной части пролива в умеренные и суровые зимы[53] за счет смерзания плавучих льдов, выносимых из Азовского моря, в южной части Керченского пролива наблюдаются большей частью только плавучие льды. Для Таманского залива характерен местный лед (в экстремально суровую зиму 1953/54 гг. его толщина достигла здесь 64 см). Очищение Керченского пролива ото льда в умеренные зимы происходит к 25 февраля, в суровые – к 1 апреля. В Черном море во всех случаях лед полностью исчезает до начала апреля [Крындин, 1964, с. 14]. На рис. 1*г* для северо-западной части Черного моря указано распространение льда в феврале суровых зим, а для всего моря в целом обозначена граница встречаемости льда в экстремально суровые зимы (ледовые условия Азовского моря и Керченского пролива на рисунке не отображены).

После общего метеорологического анализа хотелось бы еще раз обратиться к договору (*Dem*. XXXV. 10–13), в частности, к обозначению срока, до которого заемщик должен зайти в Понт (см. выше). В свое время Р. Карпентер [Carpenter, 1948] привлек внимание к вопросу, могли ли греческие парусные корабли преодолеть сильное течение, характерное для Боспорского пролива[54], высказав предположение об освоении греками пути через пролив в Понт не ранее первой четверти VII в. до н. э. и лишь с распространением гребных судов. Это предположение, вероятно слишком прямолинейное[55], основано отнюдь не на надуманной проблеме. В силу сложности гидрометеорологических условий Боспорского пролива его действительно трудно пройти под парусом в направлении из Мраморного в Черное море. Об этом вполне определенно говорит лоция начала XX в.: «при противном ветре из-за силы течения в разных частях пролива парусному судну без буксира невозможно, при самом хорошем управлении, за один раз пройти через Боспор в Черное море» [Black Sea Pilot, 1920, p. 105].

Тезис Карпентера оспорен в [Labaree, 1957], где указано на значимость для преодоления пролива попутных ветров южных направлений[56], при которых замедляет-

[52] Ср. с характеристикой в (*Strab*. XI. 2. 8).

[53] В регионе Азовского моря (сюда, хотя бы частично, относится и область Керченского пролива) распределение зим по суровости в 1928–1972 гг. было следующее: 24% суровых, 44% умеренных, 32% мягких [Владимирский, Косарев, 1976, табл. 2]. Для сравнения приведем частоту замерзания Керченского пролива, указанную в [ДБК, 1854, СХ]: «От Керчи до Еникале пролив весь покрывается льдом, так что по нему можно сухо переходить. Это случается в каждые четыре года раз».

[54] В [Альтман, 1991, с. 118] средняя скорость поверхностного течения из Черного моря в Мраморное оценена в 0,7–0,9 м/с, на протяжении Боспорского пролива скорость течения заметно меняется, а при северо-восточном ветре она достигает на южном входе в пролив 3 м/с. В [Graham, 1958, p. 29–30] для самого узкого места пролива указана максимальная скорость 7 узлов (3,6 м/с), согласно [Akten, 2002, p. 182] средняя скорость течения в этом месте равна 4–5 узлам (2,1–2,6 м/с), а в целом по проливу средняя скорость лежит в пределах 2–3 узлов (1–1,5 м/с). Средняя скорость имеет выраженный годовой ход, соответствующий изменению речного стока в Черное море, который увеличивается весной и достигает максимума в апреле–мае при минимуме в сентябре–октябре [Альтман, 1991, с. 119] (об обусловленности течений в проливах речным стоком см. рассуждения у Полибия (IV. 39)).

[55] Оно критикуется в [Graham, 1958] на основании как археологических и литературных свидетельств, так и обзора гидрометеорологических данных. В этой критике, по крайней мере в ее части, касающейся природной обстановки, используется иногда не самая убедительная аргументация, вроде переноса навыков и опыта плаваний более позднего времени, в том числе современного, на эпоху ранней архаики, или приписывания первым мореплавателям экзотических способов преодоления течения.

[56] О южном ветре см. (*Ov*. Tr. III. 12. 39–41): «Бывает также, что кто-нибудь приплывает сюда, подставив паруса надежному Ноту, из устья пролива и по волнам длинной Пропонтиды» (цитируется по [Подосинов, 1985])

ся скорость поверхностного течения из Черного моря в Мраморное[57]. После сверки с метеорологическими таблицами оказалось, однако, что шанс пройти пролив появляется не так часто: плавание будет затруднено для большей части всех месяцев навигационного сезона, причем наиболее сложны в этом плане именно июль и август, в каждом из этих месяцев по 26 дней непригодны для прохода парусников через пролив [Labaree, 1957, p. 32][58]. Ситуацию с ветрами иллюстрирует наш рис. 2, на котором показана суммарная повторяемость всех южных ветров на южном входе в Боспорский пролив (наибольший вклад в эту повторяемость вносят ветры юго-западного направления)[59]. Подчеркнем, что современный ветровой режим в проливе (и, в более широком смысле, во всем черноморском регионе) вполне корректно сравнивать с античным – в пользу такого вывода говорит совпадение характеристик ветров восточного Средиземноморья с той картиной, которую подробно описали Аристотель и Теофраст [Murray, 1987; 1995].

Впрочем, и при попутных ветрах пройти пролив было нелегко: «течения так сильны, что с трудом преодолеваются даже судном, идущим под полными парусами с благоприятным ветром» [Norie, 1831, p. 279]. По узкому (до 700 м) извилистому проливу длиной около 17 миль (более 31 км) [Akten, 2002, p. 180] можно безопасно двигаться только днем, и чтобы миновать весь пролив засветло, попутный ветер должен быть сильным и продолжительным. Из рис. 2 следует, что в июле–августе ветры, дующие с Мраморного моря, весьма редки утром и чаще встречаются в середине дня, соответственно и часы, пригодные для плавания против сильного течения, будут составлять только часть светлого времени суток. Отсюда значение для античной навигации Гиерона – это не только пункт сбора кораблей на пути из Понта [Gabrielsen, 2007, p. 303–307], но и укрытая от северо-восточных ветров стоянка [Moreno, 2008, p. 663–665], до которой можно было добраться от Византия за один дневной переход (этот путь составляет около 22 км). В целом же, говоря о договоре (*Dem*. XXXV. 10–13), надо признать, что подразумеваемые в нем трудности с входом в Понт вполне адекватно отражают реальную ситуацию[60]. Очень вероятно, что греческим торговым судам для прохождения пролива в июле–августе необходимо было подолгу ждать подходящего ветра южных направлений [Gabrielsen, 2007, p. 299].

и (*Pind*. P. IV. 203–204): «Дуновенье Юга привело их к устью неприютного моря» (цитируется по [Гаспаров, 1980]).

[57] При продолжительных сильных южных ветрах, в основном в зимнее время года, это течение на значительном протяжении пролива способно поменять свое направление на обратное, представляя собой дополнительную опасность для навигации [Akten, 2002, p. 183–184].

[58] В [Graham, 1958, p. 28–29] была предпринята попытка улучшить эту пропорцию, упростив подход и взяв новый ряд данных, но результаты, по существу, получены были те же самые.

[59] Использованы данные из работы [Graham, 1958, p. 29], в свою очередь взятые из британской лоции Черного моря 1955 г., сведения более современной лоции [Black Sea Pilot, 2003, table 1.203], основанные на наблюдениях за 1960–1999 гг. на метеостанции стамбульского аэропорта (расположена приблизительно в 15 км к западу от южного входа в Боспорский пролив, в 37 м над уровнем моря), и показания той же метеостанции за 2000–2015 гг. (http://www.windfinder.com/windstatistics/istanbul).

[60] В источнике говорится о двадцативесельном торговом судне (*Dem*. XXXV. 10, 18), но оно вряд ли могло идти против сильного течения и встречного ветра. В проливе его весла были бы наиболее полезны при маневрировании в местах поворота фарватера, где основное течение сопровождается водоворотами и противотечениями [Black Sea Pilot, 1920, p. 105–107].

Что касается хлебной торговли, то сроки навигации, помимо ветра и течений, не могли не зависеть еще и от календаря сельскохозяйственных работ в тех областях, из которых вывозили зерно. В качестве справки отметим, что на Таманском полуострове и в Крыму уборка хлебов в дореволюционное время занимала вторую половину июня – июль [Паллас, 1999, с. 165–166; Ланд, 1876, с. 69; 1891; Вернер, 1889, с. 62][61]. Трудоемкий цикл уборочных работ и вывоз зерна с полей длился не одну неделю (в Крыму в конце XIX в. продолжительность уборки ячменя и пшеницы составляла в среднем от 16 до 22 дней [Вернер, 1889, с. 62]). Кроме того, греческие земледельцы из нового урожая должны были какую-то часть заложить на хранение для своих нужд, т. е. лишь спустя еще некоторое время излишки зерна отправлялись в торговый порт (на Боспоре зерновые порты известны в Пантикапее и Феодосии (*Dem*. XX. 33)). Для перевозки зерна от земледельческих поселений до порта требовалось немало времени и усилий, так как расстояния здесь могли составлять десятки километров. Отсюда следует, что массово хлеб начинал поступать на продажу не ранее начала августа, и первым к вывозу был готов, скорее всего, ячмень[62]. Таким образом, загрузка кораблей зерном нового урожая происходила в течение около 40 дней, с начала августа по первую декаду сентября (к 18 сентября судам с зерном желательно было выйти из Понта).

Если предположить, что основную долю продаж составлял урожай текущего сезона, то в указанный срок нужно было успеть отправить морем крупные партии зерна. Основной ориентир здесь – 400 тыс. медимнов[63], указанных у Демосфена (XX. 32) для середины IV в. до н. э. В [Casson, 1979, p. 26] для этого времени наиболее обычными считаются торговые суда водоизмещением в 100–150 тонн, причем возможно, что вплоть

[61] Ср. со средними для начала XX в. сроками уборки в других регионах, вывозивших в античности зерно в Грецию: апрель (ячмень) и май (пшеница) в Египте, март–апрель (ячмень) и май–июнь (пшеница) на Кипре, с конца мая по начало июля в Сицилии [Shaw, 1926, p. 57–59]. Для прибрежных равнин Киренаики предполагаемое начало уборки – конец апреля [De Angelis, 2000, note 16]. В самой Греции на равнинах уборка зерновых приходилась на май–июнь (ячмень) и июнь – начало июля (пшеница), в гористых местностях сроки уборки сдвигаются на полмесяца [Shaw, 1926, p. 58].

[62] В источниках не уточняется, из чего состояло отправляемое в Грецию с Боспора зерно (*sitos*). Современные исследователи обычно понимают под ним (явно или неявно) исключительно пшеницу, назначением же ячменя, возделывание которого в античное время в Северном Причерноморье подтверждают многочисленные археологические свидетельства, видят лишь внутреннее потребление (см. например [Гаврилов, 2004, с. 108]). Более того, ячмень почему-то относят к кормовым культурам [Кутайсов, 2001, с. 134; 2002, с. 294] (см. также [Stolba, 2005, p. 300], где ни «cereal cultivation», ни «grain production» никак не связаны с ячменем). Однако взгляд на ячмень в классической Греции как на фуражную культуру представляет собой грубую модернизацию. Напротив, ячмень в виде крупы или муки был основным продуктом питания («a staple food», согласно [Garnsey, 1985, note 17]) многих греков [Isager, Hansen, 1975, p. 18; De Angelis, 2006, p. 30–31] и играл важную роль в годы нехватки продовольствия (об ажиотажном спросе на ячменную крупу (*alphita*) см. (*Dem*. XXXIV. 37)). Несмотря на значительное собственное производство ячменя в Аттике (около 340 тыс. медимнов при всего 27 тыс. медимнах пшеницы, оценка для 329/8 г. до н. э. [Garnsey, 1988, table 5]), он в IV в. до н. э. ввозился морем в Афины с островов Лемнос, Имброс и Скирос, об этом прямо говорится в законе о налоге на хлеб [Stroud, 1998]. В свете этих соображений экспорт ячменя с Боспора в Афины был более чем вероятен, см. [Isager, Hansen, 1975, p. 18; Виноградов, 2010, с. 311].

[63] Объем аттического медимна примем равным округленно 52,5 л [Pritchett, Pippin, 1956, p. 182; Garnsey, 1985, note 19; Moreno, 2007a, p. 325]. Средний вес такого объема зерна составлял в 1888–1899 гг. в Феодосийском уезде Таврической губернии и в 1892–1899 гг. в Темрюкском отделе Кубанской области около 40 кг для озимой пшеницы, 38–40 кг для яровой пшеницы и 33–34 кг для ячменя (расчет по [Временник ЦСК МВД, 1900, с. 123, 133, 156, 166, 222, 232]). Эти цифры хорошо соответствуют указанным в [Garnsey, 1988, table 5]. Отсюда весовая оценка упоминаемых у Демосфена поставок хлеба: 16 тыс. тонн пшеницы или до 13,6 тыс. тонн ячменя.

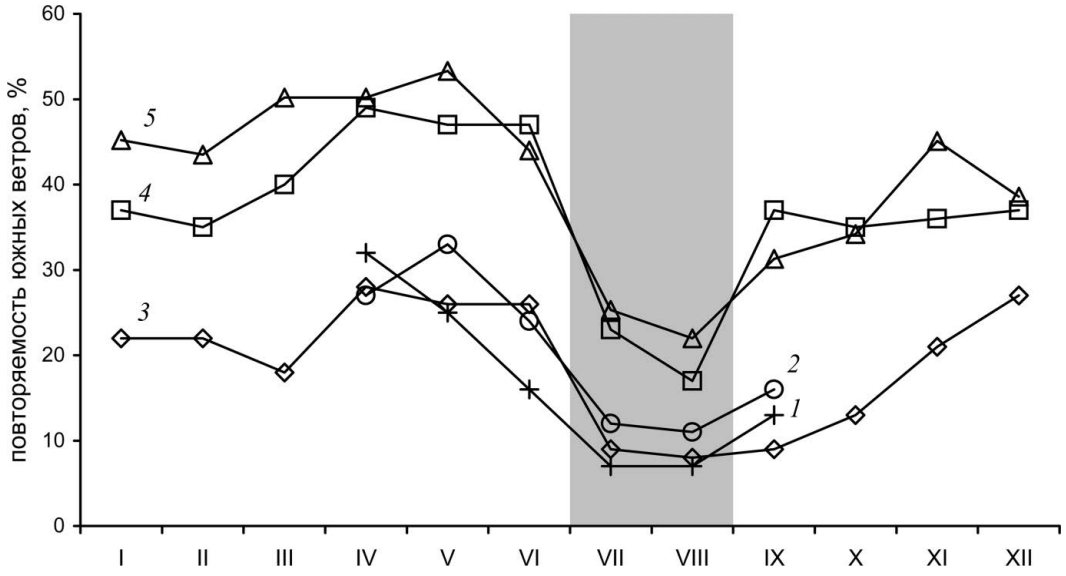

Рис. 2. Повторяемость ветров южных направлений у южного входа в Боспорский пролив. *1* – утром (7-00) и *2* – днем (13-00) согласно [Graham, 1958, p. 29]; *3* – утром (8-00) и *4* – днем (14-00) согласно [Black Sea Pilot, 2003, table 1.203]; *5* – днем (?) по данным http://www.windfinder.com

до эллинизма предпочтение отдавали скорее небольшим судам, от 26 до 78 тонн [Stronk, 1993, p. 130–131] (одна из вероятных причин – нежелание заимодавцев рисковать слишком крупными суммами под залог больших кораблей)[64]. Взяв в качестве образца стотонное судно, найдем, что вывоз 400 тыс. медимнов эквивалентен (в весе пшеницы) загрузке 160 кораблей. Правдоподобность такой цифры подтверждается упоминаемым Дидимом в комментарии к речам Демосфена [Moreno, 2008, p. 688–689] числом торговых кораблей, скопившихся в Гиероне в 340 г. до н. э. – их насчитывалось по одним сведениям 180, по другим 230[65]. С погрузкой 160 кораблей за 40 дней (при двух портах необходимо грузить два судна в день в каждом, или, отвлекаясь от числа

[64] Корабли с зерном, виденные Ксерксом в ожидании переправы через Геллеспонт, прошли через персидские наплавные мосты, в которых, по словам Геродота (VII. 36), оставили проходы для «любых мелких судов», следующих «из Понта и в Понт» (цитируется по [Стратановский, 1972]). Высказывалось мнение, что суда с зерном были слишком велики, чтобы отвечать данному определению [Macan, 1908, p. 53], но изучение потерпевших кораблекрушение торговых кораблей V–IV вв. до н. э. в большинстве случаев указывает на их небольшие размеры и грузоподъемность [Stronk, 1993, p. 132–134; Carlson, 2003]. Находки более крупных торговых кораблей этого времени относительно редки, к ним следует отнести, например, судно последней четверти V в. до н. э. с грузом (оценочно) 4200 амфор и вероятной грузоподъемностью 126 тонн [Hadjidaki, 1996, p. 588], и судно второй половины IV в. до н. э., также нагруженное большим количеством амфор, с приблизительными размерами корпуса 24×8 м [Терещенко, 2013].

[65] Указанный комментарий уточняет, что захват этих судов принес Филиппу II 700 талантов. В [Gabrielsen, 2007, p. 295] предложено разделить данную сумму на составляющие: стоимость кораблей, стоимость груза (зерна и шкур), а также наличные деньги. Допустив условно, что вся сумма определялась только проданным грузом и приняв весь груз за зерно (пшеницу), получим при цене пшеницы 5 драхм за медимн (*Dem*. XXXIV. 39) (о ценах см. подробно [Jardé, 1925, p. 178–183; Pritchett, Pippin, 1956, p. 196–198; Stroud, 1998, p. 73–76]) гипотетический общий объем зерна в 840 тыс. медимнов. Оценка этого же объема по возможному тоннажу кораблей лежит в диапазоне 600–800 тыс. медимнов [Whitby, 1998, p. 124–125].

кораблей, ежедневно по 200 тонн зерна в каждом порту[66]) было, наверное, еще возможно справиться[67].

Однако здесь уже намечена одна из проблем организации хлебной торговли, которая сводится к вопросу, как эта торговля адаптировалась к циклам урожайности, например, что происходило не при недостатке, а при избытке товара[68]. Известное сообщение Страбона (VII. 4. 6) о 2,1 млн. медимнах зерна (84 тыс. тонн по весу пшеницы), отправленных Левконом из Феодосии, ставит, если его понимать буквально, необыкновенно сложную задачу – за 40 дней пришлось бы загрузить в одном порту 840 стотонных кораблей, т. е. более 20 судов в день. Это сообщение, на первый взгляд малоправдоподобное (его рассматривают и как скрытое суммирование поставок за целый ряд лет [Kocevalov, 1932; Moreno, 2007б, p. 70]), все-таки предполагает, что иногда производилась торговля и аномально крупными партиями зерна. На Боспоре в целом, вопреки сложившимся в последние годы представлениям, было достаточное количество качественных земельных ресурсов [Гарбузов, 2015], и в IV в. до н. э. при большой посевной площади и удачных погодных условиях все области Боспора теоретически были способны совместно произвести товарные объемы зерна, сопоставимые по порядку с указанными у Страбона. Возможно, что в таких случаях какая-то часть урожая вывозилась не в год его сбора, а после зимы, начиная с апреля, при этом предназначенное для продажи зерно могло храниться с осени в специальных зернохранилищах (большие хлебные склады известны, например, в Пирее и Афинах[69])[70].

Возможность вывоза зерна весной доказывается упомянутыми у Геродота кораблями, шедшими из Понта в самом начале навигационного сезона. Предположив, что такого рода плавания были распространенной практикой, следует обратить внимание на один важный момент: если взять за образец расписания движения судов рассказ Геродота, то почти невероятно, чтобы корабли рано весной зашли в Понт, загрузились зерном и успели вернуться к Геллеспонту уже в апреле. Гораздо правдоподобнее, что ранней

[66] Современная норма выработки одного работника за 7 часов работы при «затаривании тяжеловесного (ячмень, пшеница) зерна в мешки с завязыванием, переносом на 50 м и погрузкой на автомашину» составляет 2,3 тонны [Типовые нормы, 1992, табл. 2, п. 282]. Взяв ее за очень приблизительный ориентир, найдем, что за световой летний день (14 часов) для погрузки 200 тонн зерна, без отмеривания и прочих действий, потребуется непрерывная работа 44 человек (в том же источнике норма выработки с учетом взвешивания уменьшается более чем на 25%).

[67] Помимо обычного понимания объявления Левкона о первоочередной загрузке афинских кораблей (*Dem.* XX. 31) как свидетельства возможной нехватки зерна для всех, его можно трактовать и как указание на привилегию загрузки без очереди в условиях не такого уж длительного окна навигации.

[68] Из [Кутайсов, 2002, табл. 2] следует, что за 1882–1918 гг. урожайность зерновых в Крыму около 10 раз заметно превышала среднюю, см. также [Гарбузов, 2015, с. 85].

[69] Упомянутое в законе о хлебном налоге общественное зернохранилище в Афинах (в законе предписано следить за состоянием его дверей и крыши) предназначалось для зимнего хранения, оценочно, 31 тыс. медимнов зерна, в современном комментарии этому хранилищу ставится в соответствие здание размером 26,5×31 м [Stroud, 1998, p. 51–53, 98]. Есть основания считать закладываемые на хранение объемы зерна намного большими, соответственно, данный склад мог быть обширнее [Moreno, 2003, note 36]. В производивших зерно регионах зернохранилища открыты в Моргантине в центральной Сицилии: к ним предположительно отнесены две постройки III в. до н. э., одна из них имеет размер приблизительно 93×7,7 м, от второй сохранилась часть размером 33×7,5 м [Sjöqvist, 1960, p. 130–131; Bell, Holloway, 1988, p. 321–324].

[70] В марте–апреле земледельцы были заняты севом зерновых, и в этот период везти зерно на продажу им было бы просто некогда. То, что на Боспоре зерновые высевались как осенью, так и весной, подтверждается Теофрастом (HP VIII. 4. 6).

весной хлеб из Понта вывозился или судами из городов Греции, зимовавшими в северопонтийских портах, или кораблями, принадлежавшими местным судовладельцам.

Формально о зимовке кораблей из Греции в Понте нигде прямо не говорится, хотя из (*Dem*. XXXIV. 8, 28, 41) следует, что один из живших в Афинах состоятельных торговцев держал на Боспоре торгового агента, проводившего там зиму. Вполне возможно, что суда из Греции оставались на Боспоре на зиму, по крайней мере вынуждено. В целом это, как кажется, противоречило интересам тех, кто кредитовал торговую экспедицию (морской заем подразумевал быстрое получение прибыли[71]), но можно еще раз обратить внимание на то, что в договоре (*Dem*. XXXV. 10–13) нет предписания вернуться в Афины до зимы[72]. Отметим, что обеспеченные жители Боспора имели, скорее всего, возможность фрахтовать суда из греческих городов, в том числе, может быть, и под весенние рейсы. О боспорских или иных северо-понтийских судовладельцах в классическую эпоху сложно говорить определенно. Тем не менее, вряд ли имеет смысл отрицать наличие в IV в. до н. э. собственного торгового флота в крупных греческих центрах Северного Причерноморья[73]. О развитом местном судовладении в более позднее время свидетельствует, например, ольвийский декрет конца III в. до н. э., упоминающий частные и государственные грузовые суда (IOSPE I^2 32. B 49–52).

Возвращаясь к нашей теме, опишем на основе вышеизложенного самую общую схему навигационного сезона греко-понтийской хлебной торговли. Для этого обратимся еще раз к статистике ветрового режима. С точки зрения господствующих над Черным морем ветров период навигации делится на две фазы. В апреле и с июля до конца навигации на севере моря и в его западной половине наибольшую повторяемость имеют ветры северных направлений [Соркина, 1974, с. 20]. Весь этот период лучше всего подходит для плавания под парусом из северных районов моря к Боспорскому проливу, что весьма кстати для судов, загрузившихся в Северном Причерноморье зерном нового урожая в августе – начале сентября, или идущих этим маршрутом рано весной. Ветровой режим над морем заметно иной лишь в мае, когда не наблюдается преобладания какого-либо определенного направления ветра, и в июне, когда преобладают юго-западные ветры [Соркина, 1974, с. 20]. Это время наиболее благоприятно для входа

[71] Морские займы отличались от обычных тем, что не были по сути процентными, поскольку оговоренный договором доход кредитора не увеличивался со временем [Cohen, 1989].

[72] Торговцу зерном зимовка могла быть выгодной – цены на зерно в Афинах весной скорее всего были значительно выше осенних. Именно это, судя по всему, подразумевалось в афинском законе о хлебном налоге при введении нормы о запрете продажи зерна из общественных запасов до месяца Анфестерион (февраль/март) [Stroud, 1998, p. 73]. О сезонных изменениях цен говорится у Демосфена в речи LVI: заемщики отправили корабль из Афин в Египет в месяц Метагейтнион (август/сентябрь), в тот момент, когда в город еще не прибыли корабли с зерном с Сицилии и цены на хлеб оставались высокими (LVI. 9) (о падении цен, поставленным в косвенную связь с сицилийским зерном, см. также (*Dem*. XXXII. 25)).

[73] Некоторым контрастом к такой уверенности служит изложение событий в (*Dem*. XXXV. 31–34), из которого следует, что каботажные плавания между Пантикапеем и Феодосией с ничтожным грузом на борту совершали вовсе не местные суда, а корабли, прибывшие из-за пределов Понта. При желании критически можно оценить и описанный у Исократа (XVII. 3, 4) случай с отправкой знатным боспорцем двух кораблей с зерном в Афины – нельзя исключать, что эти корабли были просто зафрахтованы у иностранных (афинских) судовладельцев, о чьем присутствии на Боспоре Исократ упоминает в той же речи (XVII. 52). Сходные рассуждения применимы к рассказу Диогена Лаэртского (VI. 1. 9) о юноше с Боспора (Понта), ждавшем в Афинах прибытия корабля с соленой рыбой.

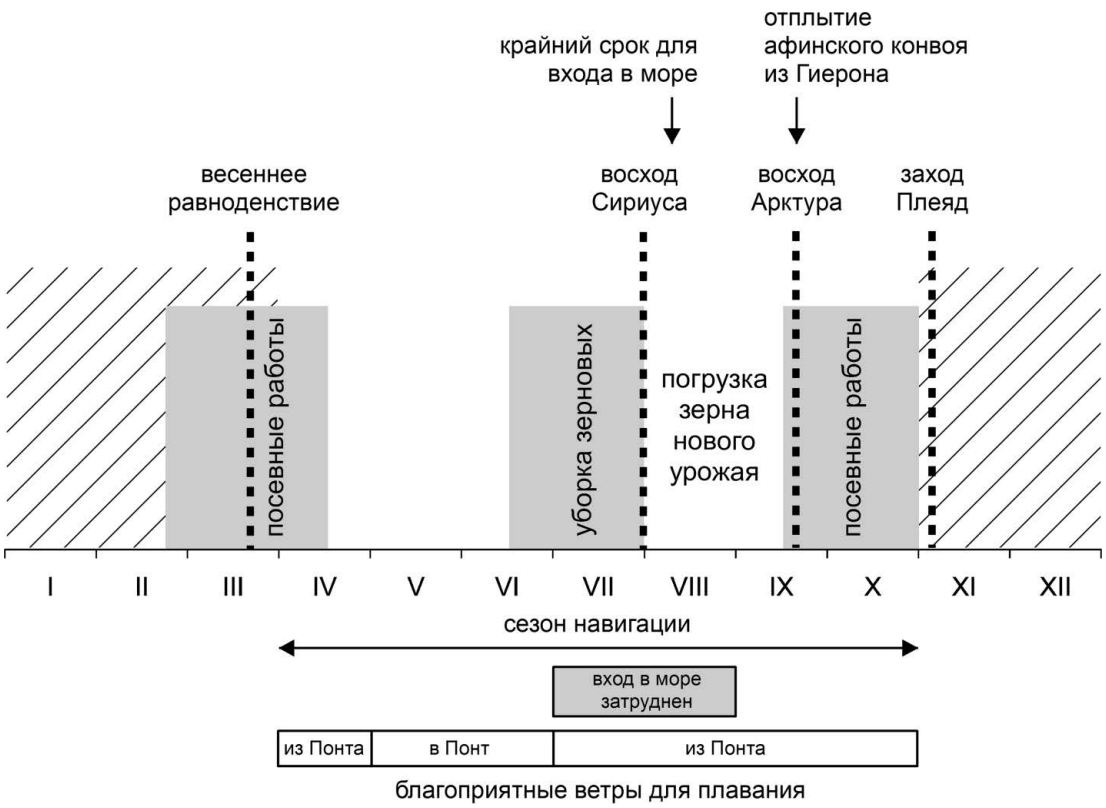

Рис. 3. Морская хлебная торговля между Грецией и Боспором: условная схема навигации с основными сезонными ориентирами

в море через Боспорский пролив и плавания в его северные районы. Отсюда схема навигации могла быть примерно такой (рис. 3): 1) ранней весной торговые корабли (зимовавшие греческие или местные) шли с Боспора (условно) к проливам и далее в Грецию; 2) в мае–июне в Понт заходила основная масса торговых судов из Греции (крайний срок здесь начало августа); 3) в августе – начале сентября суда грузились зерном нового урожая и отправлялись в обратное плавание к проливам (срок прибытия к Гиерону – не позже середины сентября).

В качестве заключения отметим, что в классическое время торговое мореплавание в самом Понте могло, в принципе, осуществляться практически в те же самые сроки, что и в Средиземноморье, т. е. с апреля по октябрь. Но на мореплавание, связанное с хлебной торговлей, существенное влияние, вероятнее всего, оказывали не столько климатические условия собственно Понта, сколько иные факторы. Важнейший из них – прохождение торговыми судами Боспорского пролива в сроки, гарантировавшие как успешную торговлю, так и завершение экспедиции в течение одного навигационного сезона. Другим заметным регламентирующим фактором являлось время и продолжительность уборки урожая в зернопроизводящих районах Северного Причерноморья.

Список литературы

Альтман, 1991. Альтман Э. Н. Водный баланс //Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. Том IV. Черное море. Вып. 1. Гидрометеорологические условия. СПб.

Бикерман, 1975. Бикерман Э. Хронология древнего мира: Ближний Восток и античность. М.

Вересаев, 1963. Вересаев В. В. (перев.) Эллинские поэты. М.

Вернер, 1889. Вернер К. А. (ред.) Памятная книжка Таврической губернии. Отдел IV. Статистика сельского хозяйства. Симферополь.

Виноградов, 2010. Виноградов Ю. А. Некоторые современные тенденции в изучении экономики Боспорского государства IV в. до н. э. //АМА. 14.

Владимирский, Косарев, 1976. Владимирский Ю. А., Косарев А. Н. Суровость зим на южных морях СССР //Труды ВНИИГМИ-МЦД. Вып. 16. Вопросы океанологии. М.

Временник ЦСК МВД, 1900. Вес четверти зерна отдельных хлебов в 1888–1899 гг. Временник Центрального статистического комитета МВД. 47. СПб.

Гаврилов, 2004. Гаврилов А. В. Округа античной Феодосии. Симферополь.

Гарбузов, 2015. Гарбузов Г. П. Земельные ресурсы Боспора //Боспорские чтения. XVI.

Гаспаров, 1980. Гаспаров М. Л. (перев.) Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. М.

Грач, 1984. Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее //ВДИ. 1.

Голубева, 1991. Голубева З. А. Лед //Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. Том IV. Черное море. Вып. 1. Гидрометеорологические условия. СПб.

Гоптарев, 1991. Гоптарев Н. П. Ледовые условия //Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. Том V. Азовское море. СПб.

ДБК, 1854. Древности Босфора Киммерийского. Т. I. СПб.

Дивинский, Пушкарев, 2007. Дивинский Б. В., Пушкарев О. В. Экстремальные волны в северо-восточной части Черного моря //Вестник ЮНЦ РАН. Т. 3. № 1.

Завойкин, 2013. Завойкин А. А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. БИ. Supplementum 10.

Карпюк, 2006. Карпюк С. Г. Зима и зимние кампании в «Истории» Фукидида //ВДИ. 3.

Кондратьев, 1940. Кондратьев С. П. (перев.) Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела //ВДИ. 1.

Крыжицкий и др., 1989. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. Киев.

Крындин, 1964. Крындин А. Н. Сезонные и межгодовые изменения ледовитости и положения кромки льда на Черном и Азовском морях в связи с особенностями атмосферной циркуляции //Труды ГОИН. 76. Результаты исследования льда на морях. М.

Кудрявцева, 1991. Кудрявцева Г. Ф. Атмосферные осадки и снежный покров //Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. Том IV. Черное море. Вып. 1. Гидрометеорологические условия. СПб.

Кудрявцева, Макеева, 1991. Кудрявцева Г. Ф., Макеева Л. П. Ветер //Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. Том IV. Черное море. Вып. 1. Гидрометеорологические условия. СПб.

Кузнецов, 2000. Кузнецов В. Д. Афины и Боспор: хлебная торговля //РА. 1.

Кутайсов, 2001. Кутайсов В. А. Палеоэкономическая модель развития хоры классического полиса Северного Причерноморья (на примере Керкинитиды) //ПИФК. X.

Кутайсов, 2002. Кутайсов В. А. Проблемы аграрной истории Северного Причерноморья // ПИФК. XII.

Ланд, 1876. Ланд Ф. Ф. Тамань //Памятная книжка Кубанской области на 1876 год. Отдел третий. Екатеринодар.

Ланд, 1891. Ланд Ф. Ф. Климатические наблюдения в городе Темрюк //Кубанский сборник. Т. 2. Екатеринодар.

Макеева, 1991. Макеева Л. П. Облачность и солнечное сияние //Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. Том IV. Черное море. Вып. 1. Гидрометеорологические условия. СПб.

Макеева, Богатко, Волошина, 1991. Макеева Л. П., Богатко О. Н., Волошина В. И. Туманы //Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. Том IV. Черное море. Вып. 1. Гидрометеорологические условия. СПб.

Маринович, 1994. Маринович Л. П. (ред.) Демосфен. Речи в трех томах. Т. I–II. М.

Маринович, 1998. Маринович Л. П. Морская торговля Афин (по данным «Корпуса речей Демосфена») //ПИФК. VI.

Маринович, 2008. Маринович Л. П. Новое о снабжении Афин зерном (Закон Агиррия 374/3 г. до н. э.) //История. Мир прошлого в современном освещении. СПб.

Маринович, Кошеленко, 1999. Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Куда и зачем плавал Демея? //Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Доклады конференции. М.

Наумова и др., 2010. Наумова В. А., Евстигнеев М. П., Евстигнеев В. П., Любарец Е. П. Ветро-волновые условия Азово-Черноморского побережья Украины //Наукові праці Українського Науково-Дослідного Гідрометеорологічного Інституту. 259.

Паллас, 1999. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.

Подосинов, 1985. Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья: Тексты, перевод, комментарий. М.

Полонский, Фомин, Гармашов, 2011. Полонский А. Б., Фомин В. В., Гармашов А. В. Характеристики ветрового волнения Черного моря //Доповіді Національної академії наук України. 8.

Раскин, Кабатченко, 1991. Раскин Л. Г., Кабатченко И. М. Ветровое волнение //Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. Том IV. Черное море. Вып. 1. Гидрометеорологические условия. СПб.

Скржинская, 2000. Скржинская М. В. Будни и праздники Ольвии в VI–I вв. до н. э. СПб.

Соркина, 1974. Соркина А. И. (ред.) Справочник по климату Черного Моря. М.

Стратановский, 1972. Стратановский Г. А. (перев.) Геродот. История в девяти книгах. Л.

Терещенко, 2013. Терещенко А. И. Подводно-археологические исследования торгового судна «Змеиный-Патрокл» (IV в. до н. э.) в Черном море (полевые сезоны 2011–12 гг.) //БФ.

Типовые нормы, 1992. Типовые нормы выработки и нормативы времени на ручные сельскохозяйственные работы. М.

Яйленко, 1995. Яйленко В. П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях //Женщина в античном мире. М.

Akten, 2002. Akten N. The Bosphorus: Factors Contributing to Marine Casualties //Turkish Journal of Marine Sciences. 8.

Ashburner, 1909. Ashburner W. Nomos Rhodon nautikos: The Rhodian Sea-Law. Oxford.

Beall, 2001. Beall E. F. Notes on Hesiod's Work and Days, 383–828 //American Journal of Philology. 122.

Bell, Holloway, 1988. Bell M., Holloway R. R. Excavations at Morgantina, 1980–1985: Preliminary Report XII //AJA. Vol. 92. No. 3.

Beresford, 2013. Beresford J. The Ancient Sailing Season. Mnemosyne Supplements 351. Leiden.

Bers, 2003. Bers V. (trans.) Demosthenes, Speeches 50–59 (The Oratory of Classical Greece. Vol. 6). Austin.

Black Sea Pilot, 1920. Black Sea Pilot. First edition. Washington.

Black Sea Pilot, 2003. Black Sea and Sea of Azov Pilot. First Edition. Taunton.

Boeckh, 1828. Boeckh A. The public economy of Athens. Vol. I. London.

Braudel, 1972. Braudel F. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Vol. I. New York.

Carlson, 2003. Carlson D. N. The Classical Greek Shipwreck at Tektaş Burnu, Turkey //AJA. Vol. 107. No. 4.

Carpenter, 1948. Carpenter R. The Greek Penetration of the Black Sea //AJA. Vol. 52. No. 1.

Casson, 1951. Casson L. Speed under Sail of Ancient Ships //Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Vol. 82.

Casson, 1979. Casson L. Traders and trading. Classical Athens //Expedition. Vol. 21. Issue 4.

Cohen, 1989. Cohen E. E. Athenian Finance: Maritime and Landed Yields //Classical Antiquity. Vol. 8. No. 2.

De Angelis, 2000. De Angelis F. Estimating the Agricultural Base of Greek Sicily //Papers of the British School at Rome. 68.

De Angelis, 2006. De Angelis F. Going against the Grain in Sicilian Greek Economics //Greece and Rome. Vol. 53. No. 1.

Duggan, 2015. Duggan T. M. P. From mid-October to the end of March – voyaging in the Medieval Mediterranean //CEDRUS. III.

Dunn, 1998. Dunn F. M. Tampering with the calendar //Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 123.

Edgar, 1931. Edgar C. C. Zenon Papyri in the University of Michigan Collection. Ann Arbor.

Evelyn-White, 1914. Evelyn-White H. G. (trans.) Hesiod. The Homeric Hymns and Homerica (Loeb Classical Library 57). Cambridge, MA.

Gabrielsen, 2007. Gabrielsen V. Trade and Tribute: Byzantion and the Black Sea Straits //Gabrielsen V., Lund J. (eds) The Black Sea in Antiquity. Regional and interregional economic exchanges. BSS 6.

Garnsey, 1985. Garnsey P. Grain for Athens //Cartledge P. A., Harvey F. D. (eds) Crux: Essays in Greek History Presented to G. E.M. de Ste. Croix on his 75th Birthday. History of Political Thought. 6. 1/2. London.

Garnsey, 1988. Garnsey P. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World. Cambridge.

Graham, 1958. Graham A. J. The Date of the Greek Penetration of the Black Sea //Bulletin of the Institute of Classical Studies. 5.

Hadjidaki, 1996. Hadjidaki E. Underwater Excavations of a Late Fifth Century Merchant Ship at Alonnesos, Greece: the 1991–1993 Seasons //BCH. 120 (2).

Houmanidis, Zois, 1998. Houmanidis L., Zois C. About the first shipping codices and especially on the Nomos Rhodion Nauticos //Archives of Economic History. IX. 1–2.

How, Wells, 1912. How W. W., Wells J. (eds) A commentary on Herodotus with introduction and appendixes. Vol. II (books V–IX). Oxford.

Ice Atlas, 1946. Ice Atlas of the Northern Hemisphere. Washington.

Isager, Hansen, 1975. Isager S., Hansen M. G. Aspects of Athenian society in the fourth century B. C. Odense.

Jardé, 1925. Jardé A. Les céréales dans l'Antiquité grecque: I. La production. Bibliothèques de l'Ecole française d'Athènes et de Rome. Fascicule 130. Paris.

Kocevalov, 1932. Kocevalov A. Die Einfuhr von Getreide nach Athen //Rheinisches Museum für Philologie N. F. Band 81.

Labaree, 1957. Labaree B. W. How the Greeks Sailed into the Black Sea //AJA. Vol. 61. No. 1.

Lanni, 2006. Lanni A. Law and Justice in the Courts of Classical Athens. Cambridge.

Macan, 1908. Macan R. W. (ed.) Herodotus. The Seventh, Eight, & Ninth books with introduction, text, apparatus, commentary, appendices, indices, maps. Vol. I. Part I. Introduction, book VII (text and commentaries). London.

MacDowell, 2004. MacDowell D. M. (trans.) Demosthenes, Speeches 27–38 (The Oratory of Classical Greece. Vol. 8). Austin.

Maurice, 1930. Maurice F. The Size of the Army of Xerxes in the Invasion of Greece 480 B. C. //The Journal of Hellenic Studies. Vol. 50. Part 2.

McCartney, 1926a. McCartney E. S. The Classical Astral Weather Chart for Rustics and for Seamen //The Classical Weekly. Vol. 20. No. 6.

McCartney 1926б. McCartney E. S. The Classical Astral Weather Chart for Rustics and for Seamen (Concluded) //The Classical Weekly. Vol. 20. No. 7.

McCormick, 2001. McCormick M. Origins of the European Economy. Communications and Commerce, A. D. 300–900. Cambridge.

Meritt, 1962. Meritt B. D. The Seasons in Thucydides //Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. Bd. 11. H. 4.

Meritt, 1964. Meritt B. D. The End of Winter in Thucydides //Hesperia. Vol. 33. No. 2.

Milner, 1996. Milner N. P. (trans.) Vegetius: Epitome of Military Science (Translated Texts for Historians. Vol. 16). Liverpool.

Moreno, 2003. Moreno A. Athenian Bread-Baskets: The Grain-Tax Law of 374/3 B. C. Re-Interpreted //Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 145.

Moreno, 2007a. Moreno A. Feeding the democracy. The Athenian grain supply in the fifth and fourth centuries BC. Oxford.

Moreno, 2007б. Moreno A. Athenian Wheat-Tsars: Black Sea Grain and Elite Culture //Gabrielsen V., Lund J. (eds) The Black Sea in Antiquity. Regional and interregional economic exchanges. BSS 6.

Moreno, 2008. Moreno A. Hieron: The Ancient Sanctuary at the Mouth of the Black Sea //Hesperia. Vol. 77. No. 4.

Murray, 1936. Murray A.T. (trans.) Demosthenes. Orations. Vol. IV: Orations 27–40, Private Cases (Loeb Classical Library 318). Cambridge, MA.

Murray, 1987. Murray W.M. Do Modern Winds Equal Ancient Winds? //Mediterranean Historical Review. Vol. 2. No. 2.

Murray, 1995. Murray W.M. Ancient Sailing Winds in the Eastern Mediterranean: The Case for Cyprus //Karageorghis V., Michaelides D. (eds) Cyprus and the Sea. Proceedings of the International Symposium organized by the Archaeological Research Unit of the University of Cyprus and the Cyprus Ports Authority, Nicosia 25–26 September, 1993. Nicosia.

Murray, 2002. Murray W.M. Observation on the «Isis Scraffito» at Nymphaion //Tzalas H. (ed.) Tropis VII: 7th International Symposium on Ship Construction in Antiquity. Pylos 1999. Athens.

Norie, 1831. Norie J.W. New piloting directions for the Mediterranean Sea, the Adriatic, or Gulf of Venice, the Black Sea, Grecian Archipelago, and the Seas of Marmara and Azof. London.

Paley, Sandys, 1898. Paley F.A., Sandys J.E. (eds) Select Private Orations of Demosthenes. Part I. Cambridge.

Paradeisopoulos, 2013. Paradeisopoulos I.K. A Chronology Model for Xenophon's Anabasis //Greek, Roman, and Byzantine Studies. 53.

Paradeisopoulos, 2014. Paradeisopoulos I.K. Route and Parasangs in Xenophon's Anabasis //Greek, Roman, and Byzantine Studies. 54.

Pritchett, Pippin, 1956. Pritchett W.K., Pippin A. The Attic Stelai: Part II //Hesperia. Vol. 25. No. 3.

Pryor, 1992. Pryor J.H. Geography, Technology, and War: Studies in the Maritime History of the Mediterranean 649–1571. Cambridge.

Rackham, 1938. Rackham H. (trans.) Pliny. Natural History. Vol. I: Books 1–2 (Loeb Classical Library 330). Cambridge, MA.

Reed, 2003. Reed C.M. Maritime Traders in the Ancient Greek World. Cambridge.

Samuel, 1972. Samuel A.E. Greek and Roman Chronology: Calendars and Years in Classical Antiquity. München.

Shaw, 1926. Shaw W.N. Manual of Meteorology. Vol. I: Meteorology in History. Cambridge.

Sjöqvist, 1960. Sjöqvist E. Excavations at Morgantina (Serra Orlando) 1959: Preliminary Report IV //AJA. Vol. 64. No. 2.

Stern, 2012. Stern S. Calendars in Antiquity. Empires, States and Societies. Oxford.

Stolba, 2005. Stolba V. The oath of Chersonesos and the Chersonesean economy in the early Hellenistic period //Archibald Z., Davies J., Gabrielsen V. (eds) Making, Moving and Managing. The New World of Ancient Economies, 323–31 BC. Oxford.

Stronk, 1993. Stronk J.P. (Greek) Sailing Merchant-ships, c. 500–300 BC: A Preliminary Research //TALANTA. XXIV–XXV. 1992–93.

Stroud, 1998. Stroud R.S. The Athenian Grain-Tax Law of 374/3 B.C. Hesperia Supplements 29. Princeton.

Tammuz, 2005. Tammuz O. *Mare clausum*? Sailing Seasons in the Mediterranean in Early Antiquity //Mediterranean Historical Review. Vol. 20. No. 2.

Tandy, Neale, 1996. Tandy D.W., Neale W.C. (trans.) Hesiod's Works and Days. A Translation and Commentary for the Social Sciences. University of California Press.

Theodossiou *et al.*, 2011. Theodossiou E., Manimanis V.N., Dimitrijevi M.S., Mantarakis P.Z. Sirius in Ancient Greek and Roman Literature: from the Orphic Argonautics to the Astronomical Tables of Georgios Chrysococca //Journal of Astronomical History and Heritage. 14 (3).

West, 1978. West M.L. (ed.) Hesiod. Works and Days. With prolegomena and commentary. Oxford.

Whitby, 1998. Whitby M. The grain trade of Athens in the fourth century BC //Parkins H., Smith Ch. (eds) Trade, Traders and the Ancient City. London.

Yardeni, 1994. Yardeni A. Maritime Trade and Royal Accountancy in an Erased Customs Account from 475 B.C.E. on the Ahiqar Scroll from Elephantine //Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 293.

Yavuz, Akçar, Schlüchter, 2007. Yavuz V., Akçar N., Schlüchter Ch. The frozen Bosphorus and its paleoclimatic implications based on a summary of the historical data //Yanko-Hombach V., Gilbert A.S., Panin N., Dolukhanov P.M. (eds) The Black Sea Flood Question: Changes in Coastline, Climate, and Human Settlement. Springer.

Summary

G.P. Garbuzov
Ships with grain from Pontus

On the basis of evidence of written sources and modern meteorological data the article is examined briefly a question of the sailing seasons in the Black Sea (Pontus) in the Classical Greece period. Particular attention is paid to routine of maritime grain trade between Pontus and Greece. As a result in the article assumes that seasonal calendar of grain trade have been defined by local agricultural seasons and recurrent meteorological phenomena mainly in the Bosporus strait.

Г. П. Гарбузов*, Н. И. Сударев**
(Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону;*
*** Институт археологии РАН, Москва)*

Разведки на южном берегу лимана Цокур

Осенью 2015 г. Восточно-Боспорской археологической экспедицией ИА РАН были проведены небольшие по объему разведки в южной части Таманского полуострова, на южном берегу лимана Цокур и перешейке, отделяющем указанный лиман от озера Соленого (рис. 1). Наше внимание привлекла здесь округа крупного поселения, известного сейчас как Веселовка 1. Это поселение обозначено под номером 55[1] на археологической карте С. Ф. Войцеховского и под номером 25 на карте А. А. Миллера, оно же, скорее всего, упоминается у Дюбуа де Монпере [Dubois de Montpéreux, 1843а, p. 100], Ф. Ф. Ланда [Ланд, 1876, с. 90, прим.] и К. К. Гёрца [Гёрц, 1898, с. 73][2]. В частности, Дюбуа де Монпере пишет о развалинах «древнего города», которые он видел в 1832 г. недалеко от заброшенной татарской деревни Кормусса, что позволяет связать их именно с районом поселения Веселовка 1 (см. ниже).

Поселение Веселовка 1 расположено на берегу лимана Цокур и дважды обследовалось в 1980–90-х годах, первый раз Я. М. Паромовым [Паромов, Николаенко, 1984а, с. 68–70; 1984б, с. 30, черт. 28, с. 131–132, табл. 29; 1984в, с. 23–24, фото 41–44; Паромов, 1992, с. 498–501, рис. 168], второй – в ходе выполнения российско-французского археологического проекта ТРАП [Горлов, 1998а, с. 30–31; 1998б, рис. 82–84]. Размеры поселения, по оценке Я. М. Паромова, составляют 1100×450 м [Паромов, 1992, с. 498]. Во время разведок Ю. В. Горлова было выявлено поселение ТРАП-98–20/21 [Горлов, 1998а, с. 66–68], фактически примыкающее с запада к предложенным Я. М. Паромовым границам поселения Веселовка 1 (рис. 2). Таким образом, состоящая из поселений Веселовка 1 и ТРАП-98–20/21 агломерация тянется вдоль берега лимана на 1,7–1,8 км.

Картографы конца XVIII – начала XIX в. показывают на месте объединенного поселения Веселовка 1/ТРАП-98-20/21 татарскую деревню Кормусса[3] (ее приблизительное

[1] Номер у самого поселения пропущен, но восстанавливается по общему порядку нумерации и по легенде к карте.

[2] На археологической карте В. В. Соколова, составленной в 1915 г. [Соколов, 1919], показано размещение археологических памятников в юго-западной части Таманского полуострова, однако памятника, точно соответствующего поселению Веселовка 1, на карте не обозначено. Ближе всего к нему, на расстоянии около полутора километров, находится «городище XX».

[3] См. карты К. Габлица 1787 г. [Тункина, 2010, рис. 3] (обозначено Kormoussi) и генерал-майора С. А. Мухина 1816 г. (обозначены развалины деревни Кормуса).

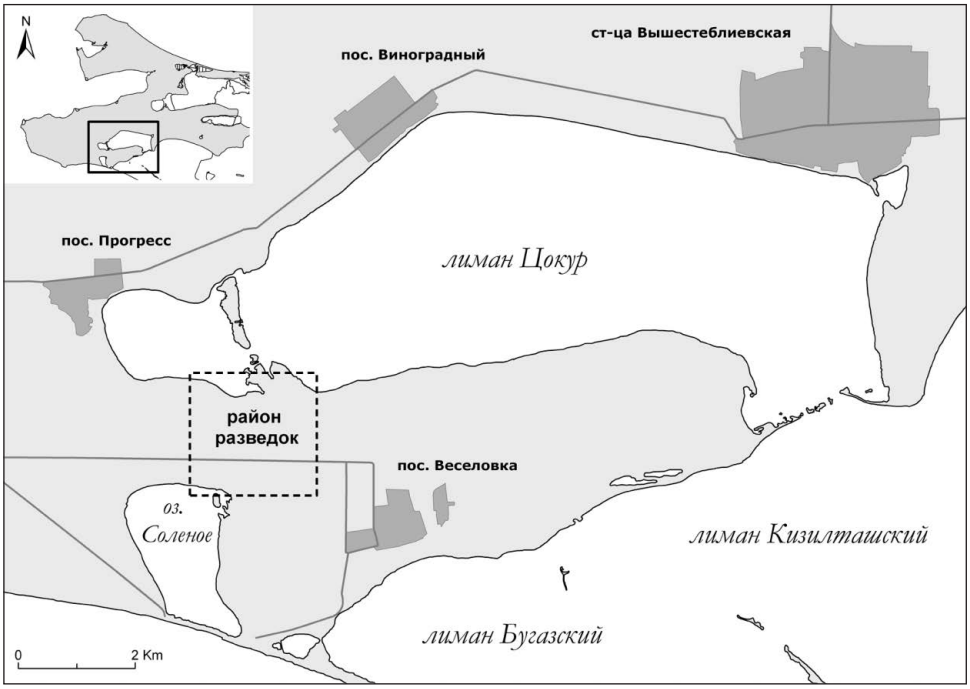

Рис. 1. Ситуационный план района разведок

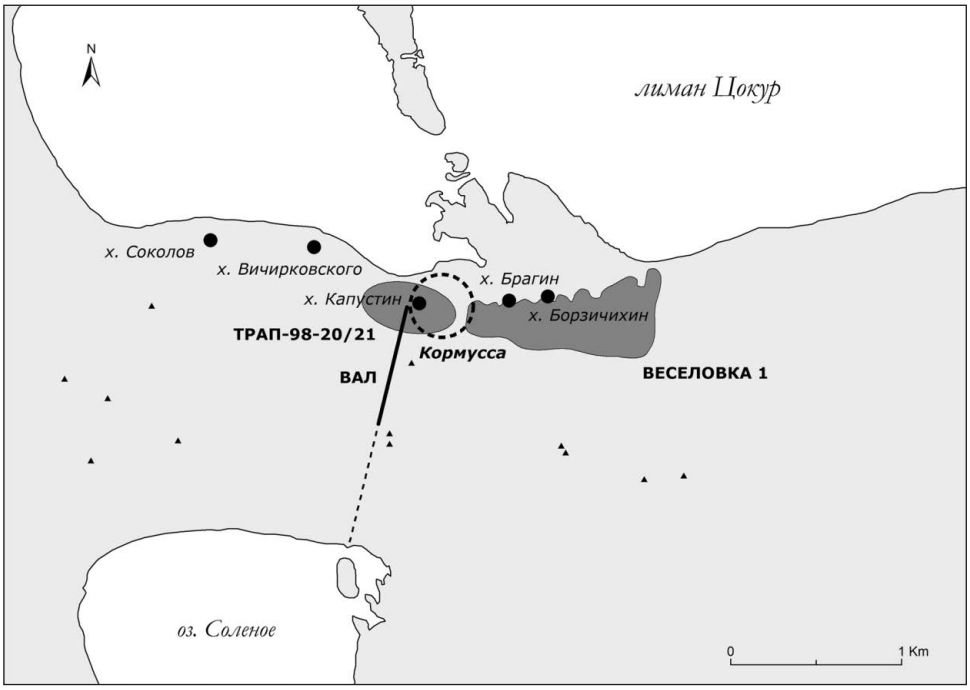

Рис. 2. Археологические памятники в районе разведок, с обозначением приблизительного местоположения хуторов середины XIX в. (по карте из [ДБК, 1854]) и татарской деревни Кормусса (по карте А. С. Мухина 1816 г.).

местоположение отмечено, исходя из карты С. А. Мухина, на рис. 2), название которой, под впечатлением от вышеупомянутого рассказа Дюбуа де Монпере о развалинах «города», в первой половине XIX в. пытались интерпретировать как сокращенное и искаженное слово «Гермонасса» [Neumann, 1855, S. 569; Гёрц, 1898, с. 73][4]. Отголоски истории с развалинами города проявляются, по-видимому, и в оценке интересующего нас памятника, данной Ю. В. Горловым. Им высказано предположение, что в этом месте был расположен, возможно, «один из известных из письменных источников, но нелокализованных городов» [Горлов, 1998а, с. 30–31]. Впрочем, Я. М. Паромов также видел в рассматриваемом памятнике (Веселовка 1) поселение высокого ранга, хотя и относил его к сельским. Это поселение являлось, по мнению исследователя, «центром какой-то сельскохозяйственной округи» [Паромов, Николаенко, 1984а, с. 70].

В описании сборов керамики на поселении Веселовка 1 в [Паромов, 1992, с. 501–502] упоминается приблизительно 40 атрибутированных профильных фрагментов амфор, которые позволили датировать памятник концом VI в. до н. э. – III в. н. э., а также VIII–XIII вв. В полевом отчете Ю. В. Горлова [1998а, с. 31] описано 16 профильных амфорных фрагментов, собранных на этом поселении, их датировка подтверждает периодизацию, предложенную Я. М. Паромовым, кроме того, в отчете отмечается присутствие посуды турецкого времени. Выявленное в 1998 г. поселение ТРАП-98–20/21 хронологически весьма схоже с поселением Веселовка 1: его восточная часть (ТРАП-98–20) датируется 2-й четвертью V – первой половиной II в. до н. э., концом II – первой половиной III в. н. э. и VIII–IX вв. (учтено 8 профильных фрагментов амфор), западная (ТРАП-98–21) – второй половиной V–III в. до н. э., I в. до н. э. – I в. н. э. и концом II – первой половиной III в. н. э. (учтено 14 фрагментов амфор) [Горлов, 1998а, с. 67–68]. Стоит упомянуть, что с поселения Веселовка 1 происходит значительное число (несколько десятков) ранних серебряных монет V – начала IV в. до н. э. [Гарбузов, Завойкин, Строкин, Сударев, 2011, с. 128, рис. 20–24, табл. 1, прим. 45].

Наши разведки в 2015 г. были проведены на месте открытого Ю. В. Горловым поселения ТРАП-98-20/21[5] и в его окрестностях. В задачи обследования входило определение границ памятника по распространению археологического материала, уточнение его датировки и изучение связанных с ним оборонительных сооружений. В ходе осмотра предполагаемой территории поселения местоположение всех замеченных наблюдателями фрагментов керамики фиксировалось с помощью GPS-приемников, одновременно с этим осуществлялся сбор подъемного материала. Съемка проведена по выборочной схеме (без сплошного осмотра), тем не менее она может считаться, на наш взгляд,

[4] Варианты названия деревни следующие: Кормуса, Kormoussi (см. примечание выше), Kormoussa [Dubois de Montpéreux, 1843a, p. 100], и, как простой повтор последнего, Kormussa в [Neumann, 1855, S. 569] и Кормусса в [Гёрц, 1898, с. 73]. На самом деле имя деревни имеет явные тюркские корни, причем вероятный смысл этого имени весьма любопытен при сопоставлении с теми оборонительными сооружениями, о которых идет речь далее в нашей статье. В ногайском «кора» означает ограду, «корсалав» ограждение, охрану, защиту; в крымскотатарском «къора» также ограда; в турецком «koruma», «korunma», «korunuş» – защита, охрана, наблюдение, прикрытие, отсюда, например, слово «korumasi» (т. е. для защиты, защищать), которое довольно близко по звучанию к «Kormoussi» с карты К. Габлица (подробно об этимологии тюркского «қо: ра-/қора-» см. [Благова, 2000, с. 73–77]).

[5] На государственный учет памятник будет поставлен под именем «Веселовка 26».

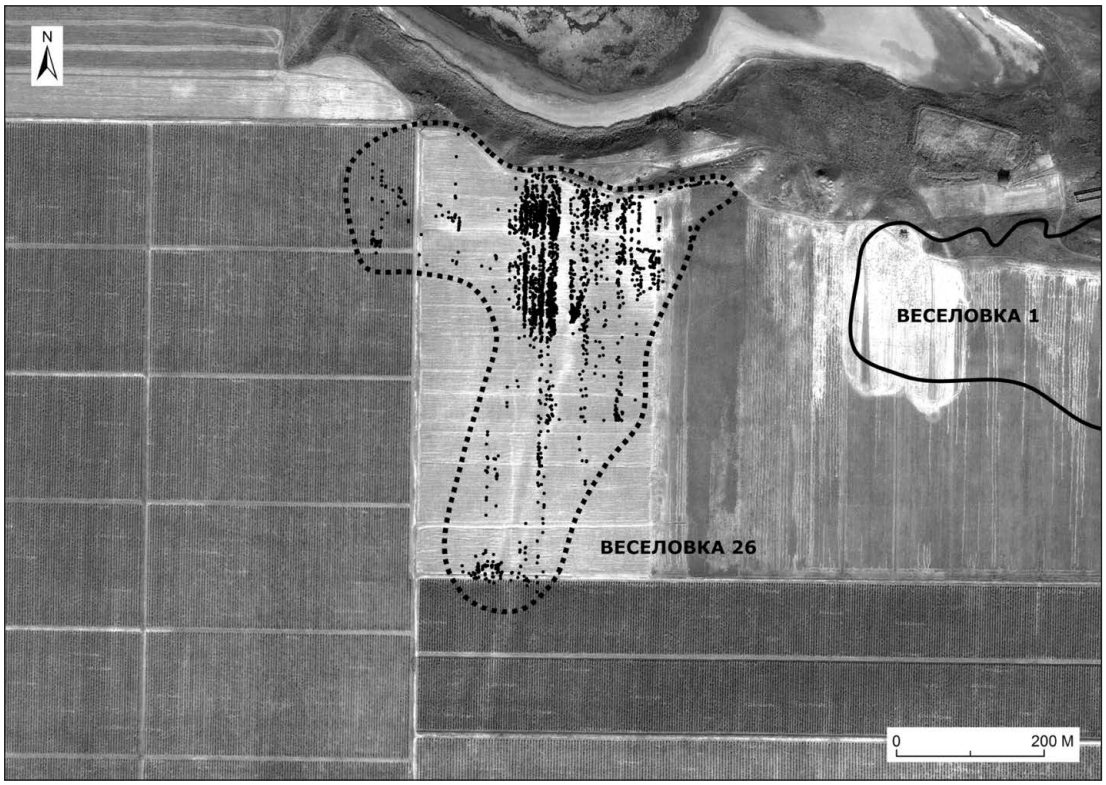

Рис. 3. Распределение керамики по GPS-отметкам с ориентировочной границей распространения археологического материала. В качестве подложки использован космический снимок GoogleEarth/Astrium от 11 октября 2013 г.

вполне репрезентативной. Ее результаты позволили приблизительно оконтурить область поселения с наибольшей плотностью керамики (рис. 3), найденный контур взят нами в качестве ориентировочной границы памятника (его площадь составляет не менее 16 га).

На поселении в ходе обследования собрано около 180 профильных фрагментов амфор, множество профильных фрагментов кухонной и столовой керамики, керамические грузики, черепица. В выборке амфорного материала представлены амфоры «протофасосского» типа, Лесбоса (серо- и красноглиняные), Хиоса, в том числе пухлогорлого типа, Фасоса, Гераклеи, Синопы, Родоса, Книда, Коса, амфоры позднеримского времени, амфоры с воронкообразным горлом. На ряде амфорных ручек выявлены клейма (рис. 4). В целом собранный материал соответствует предложенной Ю. В. Горловым датировке данного памятника, с расширением ее за счет IV–V вв. н. э. Хотелось бы отметить присутствие среди сборов фрагмента дна сероглиняного лепного горшка, который предварительно датирован периодом средней бронзы[6].

Важной особенностью округи поселения ТРАП-98-20/21 служит наличие внушительного оборонительного комплекса, состоящего из рва и вала, который собственно

[6] Материалы эпохи бронзы были выявлены на поселении Веселовка 1 во время разведок А. А. Миллера [Паромов, Николаенко, 1984а, с. 68; Паромов, 1992, с. 87–88].

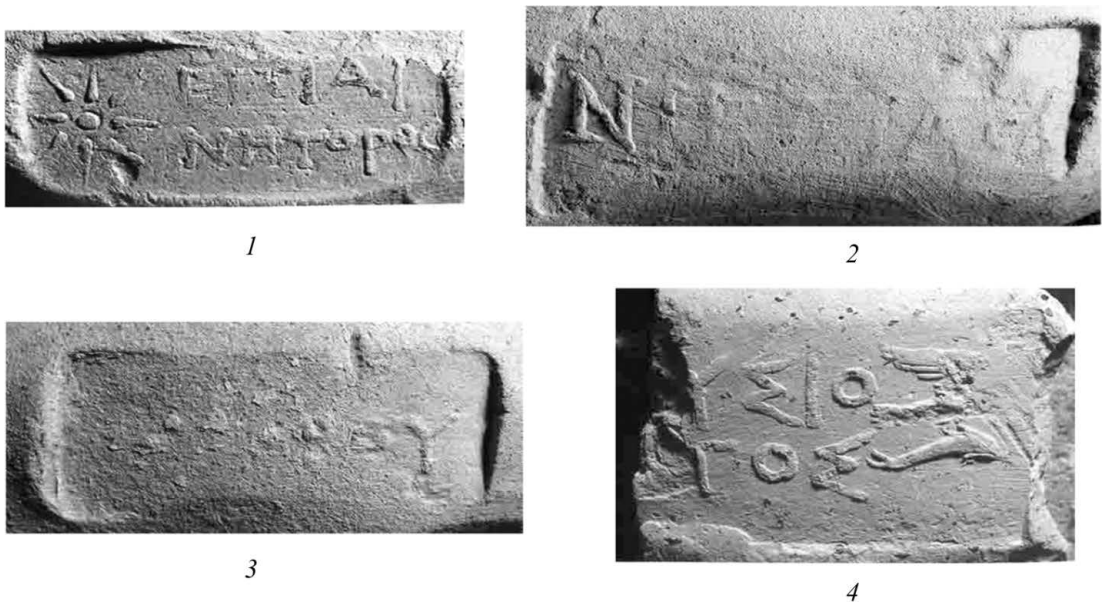

Рис. 4. Клейма на ручках амфор с поселения Веселовка 26 (ТРАП-98–20/21):
1 – Родос, группа IIIc, ок. 178–176 гг. до н. э.; *2* – Родос, группа III, ок. 196–161 гг. до н. э.;
3 – Родос, группа V, ок. 145–108 гг. до н. э.; *4* – Синопа, ок. 373 г. до н. э.
(фото и определения А. Б. Колесникова)

и делит это поселение на восточную и западную части. Комплекс впервые достаточно подробно описан Ю. В. Горловым [1998а, с. 68–69][7], хотя он посещался археологами и прежде. Так, на археологической карте А. А. Миллера у поселения номер 25 обозначен и даже подписан протяженный вал (местоположение, длина и ориентация вала показаны здесь не совсем точно). Не исключено, см. [Горлов, 1998а, с. 68], что этот вал изображен также и на карте С. Ф. Войцеховского, но, ввиду отсутствия ясности с условными обозначениями, это остается лишь предположением (рис. 5). Очень может быть, что про данный вал пишет Ф. Ф. Ланд [1876, с. 90, прим.] в связи с «селищами» у лимана Цокур: возле одного из селищ располагался «вал вышиною в сажень, длиною ½ версты, направленный от хутора Брагина к Черноморскому Пеклу»[8]. Хутор Брагина обозначен

[7] Отметим, что ров и вал хорошо читаются в рельефе на топографической карте масштаба 1:10000, составленной в 1974 г. (такого рода карты строятся, в основном, по аэрофотосъемке, и действительно, как будет продемонстрировано ниже, ров и вал на ней выделяются очень отчетливо).

[8] Упомянутое «селище» может соответствовать городищу близ Кормуссы, о котором сообщает К. К. Гёрц [1898, с. 73] со ссылкой на того же Ф. Ф. Ланда (сам Гёрц, как кажется, не очень хорошо знал эту часть Таманского полуострова): городище было расположено «в двух верстах по направлению к Бугазу от хутора Чепеля, лежащего на южном берегу Цукура». Хутор урядника Чепеля есть в списке населенных мест Темрюкского уезда [Фелицын, 1885, № 4599], он был расположен на землях общинного владения Таманской станицы «при балке Сиромахиной». Указанная балка обозначена на межевом плане 1882 г. (межевание проведено в 1875 г.) юрта станицы Таманской (РГАДА, ф. 1354, оп. 209, дело Т-4«к»), где она впадает в западную плавневую часть лимана Цокур южнее современного пос. Прогресс (на карте из [ДБК, 1854] на ней обозначен хутор Серомахов). От ее устья до условной западной границы объединенного поселения Веселовка 1/ТРАП-98-20/21 не более 2,5 км, считая по берегу лимана.

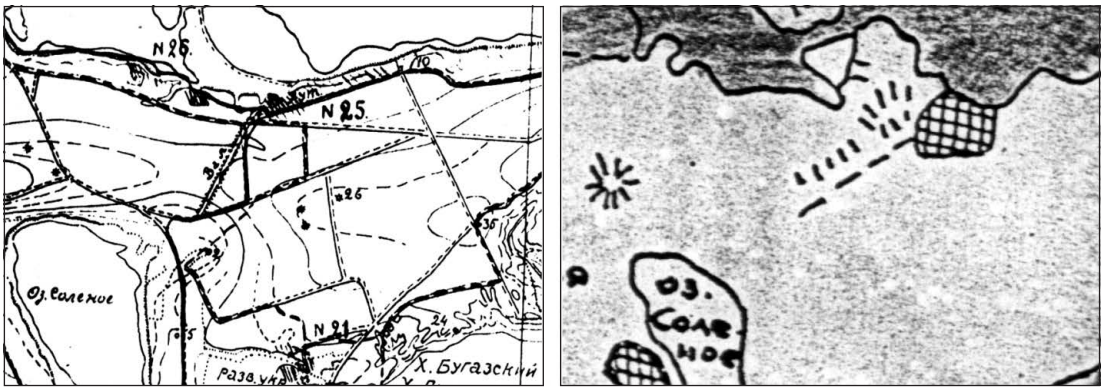

Рис. 5. Вал к западу от поселения Веселовка 1 на археологической карте А. А. Миллера (слева), и, возможно, обозначение того же вала на археологической карте С. Ф. Войцеховского (справа)

на помещенной в [ДБК, 1854] топографической карте 1853 г. у основания пересыпи, отделяющей от лимана Цокур его небольшую западную часть[9], приблизительно здесь же он и на карте Дюбуа де Монпере (хутор № 19). При такой локализации хутор должен был располагаться где-то на месте поселения Веселовка 1, по соседству с татарской Кормуссой (см. рис. 2, на котором согласно карте из [ДБК, 1854] показано примерное местоположение некоторых русских хуторов[10]).

Ю. В. Горловым [1998а, с. 30, 68] для рассматриваемого оборонительного комплекса приведен ряд пространственных характеристик. Согласно имеющемуся в отчете описанию, вал и сопутствующий ему ров тянутся от южного берега лимана Цокур в южном направлении почти до шоссе Тамань – Веселовка, далее на юг вал не прослеживается, основная часть вала имеет длину около 430 м, высоту до 3,5 м (?), ориентацию (азимут) 98 градусов, максимальная общая ширина вала и рва с запада от него составляет 34 м (в южной части). В северной части, уже недалеко от берега лимана, имеется разрыв. Автор отчета предполагал здесь проезд, а само поселение ТРАП-98-20/21 считал возможным «пригородом» крупного античного городища [Горлов, 1998а, с. 67–68], понимая

[9] Эта часть временами представляла собой скорее болотистую низину и плавни, чем лиман. В [Паллас, 1999, с. 127] говорится, что она «покрыта камышом», см. также ее обозначение в виде плавней на межевом плане Таманской станицы и на карте В. В. Соколова. В конце XVIII – начале XIX в. именно она называлась Цокуровский лиман [Паллас, 1999, с. 127] или Цукур [Гёрц, 1898, с. 14–15, прим. 30] (название происходит, вероятно, от турецкого «çukur», т. е. котловина, низина, ложбина), а оставшаяся к востоку значительно большая часть нынешнего лимана Цокур называлась Кизил(ь)таш, см. [Гёрц, 1898, с. 14–15, прим. 30] и карту адмирала Г. Г. Кушелева 1800 г., на карте Дюбуа де Монпере [1843б], составленной в 1835 г., восточная часть лимана носит название «залив Бугаз».

[10] Ситуация с локализацией хуторов XIX в. довольно запутанная. Привязать к местности обозначенные на старых картах хутора можно лишь с большими погрешностями, кроме того, имена собственников (арендаторов) хуторов часто меняются от карты к карте. Достаточно сказать, что из обозначенных на рис. 2 хуторов в списке земель частного владения Темрюкского уезда обнаруживается только хутор сотника Петра Соколова [Щербина, 1894, с. 24, № 1406], который по описанию располагался при лимане Цокур на его южной («левой») стороне в 9 верстах к юго-западу от пос. Вышестеблиевского. Всего в указанном списке на этой стороне лимана упомянуто 5 частных участков, отмежеванных в 1875 г., один из которых связан с известным «садом Яхно» – данный участок первоначально принадлежал наследникам войскового старшины Высочины, а затем был в 1879 г. куплен темрюкским мещанином М. Ихно.

Рис. 6. Современное состояние рва и вала на центральном отрезке, вид с запада

под ним, вероятно, поселение Веселовка 1. После разрыва ров и вал поворачивают на северо-восток, почти параллельно берегу лимана, и прослеживаются еще 100 м, высота вала в этом месте доходит до 3 м.

В настоящее время ров и вал, также как и в 1998 году, и в предшествовавшие десятилетия (что доказывается, например, топографической картой 1974 г.), полностью находятся под виноградниками, северный край которых подходит почти к береговому обрыву лимана Цокур. Эти виноградники, скорее всего, за прошедшие годы не раз обновлялись, что предполагает неоднократную распашку памятника плантажным плугом. Последнее по времени обновление виноградника на северном отрезке вала произошло совсем недавно – на космических снимках 2011 г. здесь расположен виноградник, в 2013 г. он выкорчеван и распахан (см. подборку снимков в GoogleEarth), а в 2015 г. наше обследование на этом поле проходило уже среди молодого виноградника. Распашка, в особенности плантажная, сильно сгладила первоначальные профили рва и вала, но они все-таки легко различимы в рельефе (рис. 6–9).

Как и следовало ожидать, ров и вал отчетливо видны на имеющихся аэро- и космоснимках (рис. 10), анализ которых позволяет, совместно с полевыми обмерами, скорректировать приведенные Ю. В. Горловым характеристики оборонительного сооружения. Вал, вернее его строго линейная часть, начинается приблизительно в 130–140 м от берегового обрыва лимана Цокур и продолжается по прямой линии в южном направлении (азимут около 103,5 градуса) вверх по северному склону водораздела между озером Соленым и лиманом. Вблизи водораздела, не доходя 160–170 м до автодороги на Веселовку, вал довольно резко выполаживается, приблизительно в 90 м к юго-востоку от конца вала на водоразделе находится группа из двух курганов. Прослеживаемая по аэрофотоснимку длина вала на этом линейном участке – около 710 м, при ширине вала до 25 м (по гребню, выделяющемуся на снимке осветленной полосой) и суммарной ширине рва

Рис. 7. Вид с юга вдоль линии вала в его северной части

Рис. 8. Вид с запада на поселение Веселовка 26 (ТРАП-98-20/21)
и северную оконечность вала у берега лимана Цокур

и вала около 40 м, высота вала от дна рва – до 2 м[11]. Абсолютная отметка высот северного конца линейной части вала – около 15 м, южного, в том месте, где вал выполаживается – около 29 м. Фрагмент вала, поворачивающий севернее «проезда» на северо-восток,

[11] Длина и высота вала, указанные у Ф.Ф. Ланда, достаточно схожи с наблюдаемыми в настоящее время, особенно если учесть известную условность таких количественных определений, как «пол версты». Направление вала, заданное «Черноморскими Пеклами», под которыми сейчас понимается грязевый вулкан у мыса Железный Рог, сильно отличается от реального, хотя не исключено, что ориентиром был Бугазский грязевый вулкан у юго-восточного угла озера Соленого [Шнюков и др., 1986, табл. 1, рис. 5], в этом случае отмеченное Ф.Ф. Ландом направление вала будет не таким уж неточным.

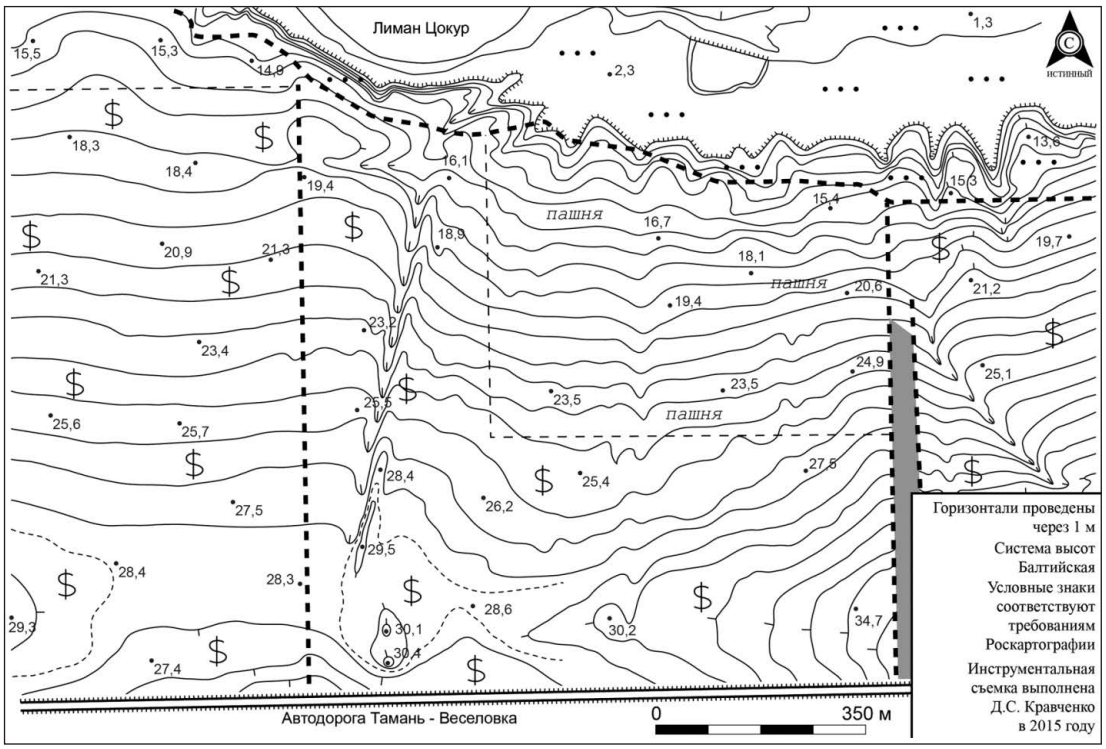

Рис. 9. Современная топографическая съемка участка с рвом и валом

плохо заметен на снимках, находится в сложном микрорельефе, и его точное описание требует детальной топографической съемки, хотя почти нет сомнений, что здесь действительно наблюдается продолжение основной линейной части вала. В целом данный монументальный вал в своем нынешнем состоянии представляет собой второй по масштабу, после т. н. Киммерийского вала, памятник такого типа на Таманском полуострове, уступая последнему по протяженности (суммарная длина Киммерийского вала около 1240 м, оценка по аэрофотосъемке 1958 г.) и сохранности.

Необходимо отметить, что линия нашего вала, проведенная далее в южном направлении, после пересечения водораздела спускается по его более крутому южному склону и выходит к озеру Соленому (рис. 2). Если мысленно допустить продолжение вала вдоль этой линии, то он полностью отрежет относительно небольшой полуостров Бугаз (полуостров «Янтарь», согласно [Горлов, 1998а, с. 68]), лежащий между лиманами Цокур, Бугазский и Кизилташский (см. рис. 1), от остальной территории Таманского полуострова. То, что такое допущение правдоподобно, косвенно подтверждается топографией – линия, обозначенная валом, пересекает перешеек между озером Соленым и лиманом Цокур в самом узком месте (его ширина здесь, вдоль линии вала, составляет около 1600 м) и проходит, помимо всего прочего, через наиболее низкое место водораздела. Ю. В. Горлов [1998а, с. 68] предполагал, что южная половина вала, вплоть до озера Соленого, была утеряна – либо в силу естественных причин, либо была специально срыта. Вспомнив сообщение Ф. Ф. Ланда об этом вале, следует признать, что он имел современный «усеченный» вид уже в середине XIX в., и, соответственно, потерю валом

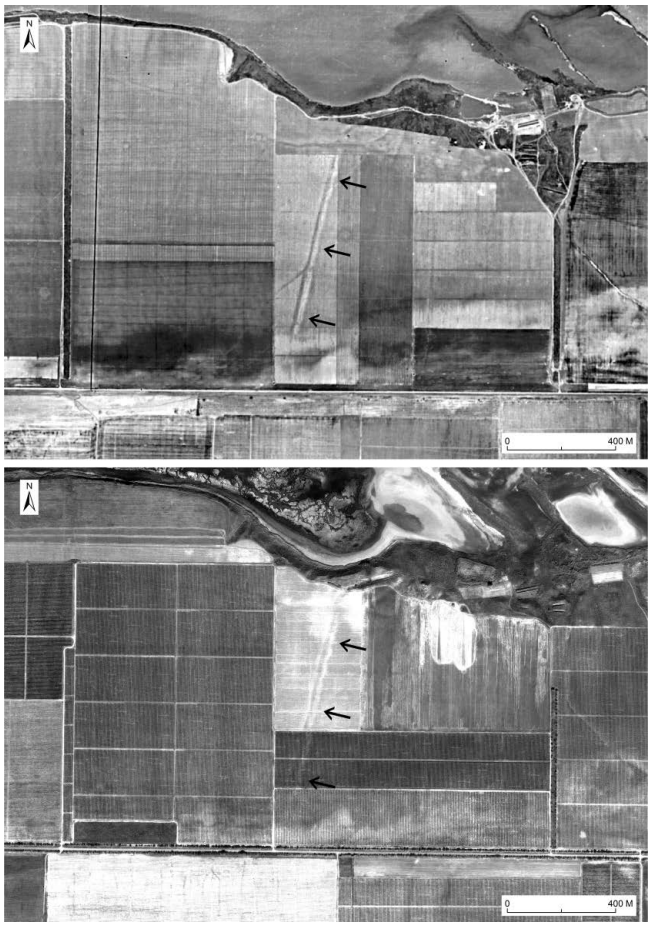

Рис. 10. Ров и вал у поселения Веселовка 26 (ТРАП-98-20/21) на аэрофотоснимке 1971 г. (вверху) и на космическом снимке GoogleEarth/Astrium от 11 октября 2013 г. (внизу)

Рис. 11. Вид с севера на возможные остатки насыпи вала у берега озера Соленого

своей южной части надлежит относить ко времени не позже первой половины XIX в. Ни в рельефе местности, ни на аэро- и космоснимках проследить эту южную часть не удается. Гипотетически с ней можно связать только расположенный точно на линии вала невысокий вытянутый островок у берега озера Соленого (см. схему на рис. 2 и фото на рис. 11), форма и размер которого напоминают размытую насыпь вала.

При реконструкции оборонительной системы по всей возможной длине понять ее формальное назначение несложно. В силу того, что глубокий ров расположен с западной стороны от вала, ров и вал должны были защищать полуостров Бугаз от вторжений с запада (со стороны Боспора Киммерийского, как предполагал Ю. В. Горлов, хотя им же предложен и другой вариант – вал ограничивал сельскую территорию одного из полисов азиатской части Боспора [Горлов, 1998а, с. 68–69]). Время создания данной системы обороны, как практически всегда бывает с подобными памятниками, оценить очень сложно[12]. О том, что эта система существовала здесь по крайней мере в средневековье, говорит название деревни «Кормусса» – маловероятно, чтобы имя, связанное по смыслу с охраной, защитой чего-то, случайно появилось в этом месте, рядом с внушительным оборонительным комплексом. Значит ли это, что сам комплекс относится к средневековому времени? Ответ на этот вопрос вполне может быть и отрицательным, так как не исключено, что имя татарской деревни отражало не функцию поселения, а его важную примету, т. е. соседство с сохранившимся от более раннего времени оборонительным сооружением.

Косвенно об этом свидетельствует расположение здесь же большого и богатого археологическим материалом античного поселения. Несмотря на несомненное перемещение материала при пахоте, особенно плантажной, значительная доля керамики, и, как кажется, даже какие-то структурные элементы поселения (возможные усадьбы), располагаются непосредственно на валу. Показательно, что во время наших разведок были выявлены сильно поврежденные распашкой погребения, сопровождавшиеся античной керамикой. Они точно позиционируются на той части вала, которая вблизи берега лимана Цокур начинает поворачивать к северо-востоку[13]. В любом случае, какие-либо выводы обо всем оборонительном комплексе – его конструкции, датировке, строителях, историческом контексте, возможной связи с античными поселениями, можно будет сделать только после проведения дополнительных исследований.

[12] Ю. В. Горлов датирует ее предположительно IV–I вв. до н. э. [Горлов, 1998а, с. 68].

[13] Исходя из этих наблюдений, возможной датой возведения рва и вала представляется период от начала раннего железного века до V–IV вв. до н. э. Ряд рвов и валов, известных на Таманском полуострове, прекращают функционировать именно в конце этого периода. К их числу относятся, например, ров и вал на территории Гермонассы (перекрыты погребением IV в. до н. э.), ров в юго-восточной части некрополя Фанагории (перекрыт погребением IV в. до н. э.).

Список литературы

Благова, 2000. Благова Г. Ф. (ред.) Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «К». Вып. 2. М.

Гарбузов, Завойкин, Строкин, Сударев, 2011. Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Строкин В. Л., Сударев Н. И. Освоение греками Таманского п-ова в VI–V вв. до н. э. //ДБ. 15.

Гёрц, 1898. Гёрц К. К. Археологическая топография Таманского полуострова (Собрание сочинений. Вып. 1). СПб.

Горлов, 1998а. Горлов Ю. В. Отчет о работах по Таманскому региональному археологическому проекту в 1998 году. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 21599.

Горлов, 1998б. Горлов Ю. В. Альбом к отчету о работах по Таманскому региональному археологическому проекту в 1998 году. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 21600.

ДБК, 1854. Древности Босфора Киммерийского. Т. I. СПб.

Ланд, 1876. Ланд Ф. Ф. Тамань //Памятная книжка Кубанской области на 1876 год. Отдел третий. Екатеринодар.

Паллас, 1999. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.

Паромов, Николаенко, 1984а. Паромов Я. М., Николаенко Т. Д. Отчет о работе по теме «Обследование и рекомендации по охранным зонам памятников археологии Таманского полуострова» в 1984 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 10327.

Паромов, Николаенко, 1984б. Паромов Я. М., Николаенко Т. Д. Отчет о работе по теме «Обследование и рекомендации по охранным зонам памятников археологии Таманского полуострова» в 1984 г. Том 2. Архив ИА РАН. Р-1. № 10327а.

Паромов, Николаенко, 1984в. Паромов Я. М., Николаенко Т. Д. Отчет о работе по теме «Обследование и рекомендации по охранным зонам памятников археологии Таманского полуострова» в 1984 г. Том 3. Архив ИА РАН. Р-1. № 10327б.

Паромов, 1992. Паромов Я. М. Археологическая карта Таманского полуострова. Депонировано в ИНИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992 г. 1992.

Соколов, 1919. Соколов В. В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской //ИТУАК. 56.

Тунькина, 2010. Тунькина И. В. История изучения //Античное наследие Кубани. Т. 1. М.

Фелицын, 1885. Фелицын Е. Д. Кубанская область. Списки населенных мест по сведениям 1882 года //Зейдлиц Н. (ред.) Сборник сведений о Кавказе. Том VIII. Тифлис.

Шнюков и др., 1986. Шнюков Е. Ф., Соболевский Ю. В., Гнатенко Г. И., Науменко П. И., Кутний В. А. Грязевые вулканы Керченско-Таманской области. Киев.

Щербина, 1894. Щербина В. А. Темрюкский уезд. Земли частного владения лиц войскового сословия Кубанского казачьего войска //Кубанский сборник. Т. 3. Екатеринодар.

Dubois de Montpéreux, 1843a. Dubois de Montpéreux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. T. V. Paris.

Dubois de Montpéreux, 1843б. Dubois de Montpéreux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Atlas. Série Géographie. Paris.

Neumann, 1855. Neumann K. Die Hellenen in Skythenlande. Erster Band. Berlin.

Summary

G. P. Garbuzov, N. I. Sudarev

Field prospecting on the southern shore of the Tsokur liman

The article summarized the results of field archaeological work in the south part of the Taman Peninsula on the southern shore of the Tsokur liman. In the area of field work have previously been known to large rural settlements of antique and early medieval age which constitute perhaps the parts of a single rural agglomeration. In addition, in this area are located long earth mound with ditch. Field prospecting were conducted with support of the topographic and thematic maps from various periods, as well as various remote sensing data (aerial photographs and satellite images).

А. В. Дмитриев
(ОАО «Наследие Кубани», Краснодар)

Геракл на чаше из Новороссийского музея

В 1916 г. при строительстве железнодорожной линии из Туапсе в Ново-Сенаки были найдены обломки серебряной чаши, украшенной рельефами[1]. Вместе с чашей обнаружили железный наконечник копья, кусок шлака (сильно окисленный железный предмет), бронзовый шлем, золотые бляшки. В том же году в Новороссийске был создан музей природы и истории Черноморского Побережья, куда и поступили упомянутые находки [Фармаковский, 1921, с. 193]. Железные и золотые предметы были утрачены в годы Великой Отечественной Войны. Не сохранилось даже их фотографий. Б. И. Фармаковский полагал, что на чаше изображены три кентавра и три грека (рис. 1). А именно: фигура юноши, борющегося с кентавром, часть туловища бородатого человека с дубиной и шкурой хищника, наброшенной на плечи, которого он принял за кентавра, следы неясной фигуры перед ним, кентавр с камнем, поднятым над головой.

Подробно разбирая эти сюжеты, Б. В. Фармаковский сравнивал изображения лиц юношей с рельефами храма Аполлона в Фигалии, героона Триссы (Гельбаши) и горитом из кургана Солоха. Аналогии кентаврам он находит на рельефах храма Тезея в Афинах, на «ликийском» саркофаге из Сидона и героона Триссы [Фармаковский, 1921, с. 197]. При исследовании чаши, Борис Владимирович оригинал не видел, а пользовался фотографиями. Из-за их невысокого качества при описании чаши им были допущены некоторые неточности. Так, относительно фигуры второго кентавра с дубиной, он считал, что сохранилась часть крупа.

Рис. 1. Развёртка изображений на чаше (прорисовка автора)

[1] Новороссийский Государственный исторический музей-заповедник. Шифр учёта НМ-5838.

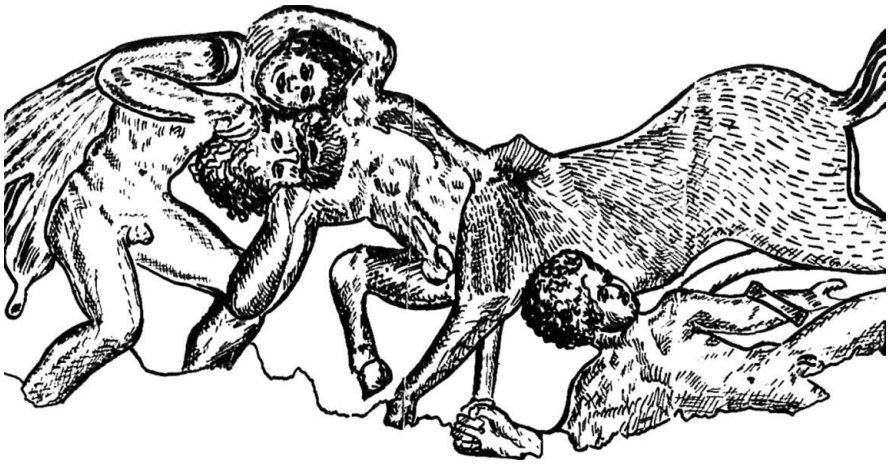

Рис.2. Борьба двух юношей с кентавром на чаше (прорисовка автора)

В 1989 г. реставратор Новороссийского исторического музея-заповедника А. А. Дмитриева и реставратор Киевского музея исторических драгоценностей К. В. Корза очистили и спаяли отдельные фрагменты чаши. При этом нижняя часть и дно отсутствовали, но ободок сохранился без утрат. Это позволило вернуться к её анализу.

Композицию чаши можно разделить на три отдельные сюжета. В первом – три участника борьбы (рис. 2). Юноша схватил кентавра за волосы и пытается повалить его на землю. Кентавр отчаянно сопротивляется. Как только что писалось, Б. В. Фармаковский видел близкие аналогии этому изображению на рельефе фигалийского храма и герооне Триссы [Фармаковский, 1921, с. 197]. Задние ноги кентавра вытянуты в галопе назад. Под кентавром лежит поваленный на землю юноша (мальчик) с круглым щитом на левой руке. Правой – он вонзает кинжал в лошадиную грудь кентавра.

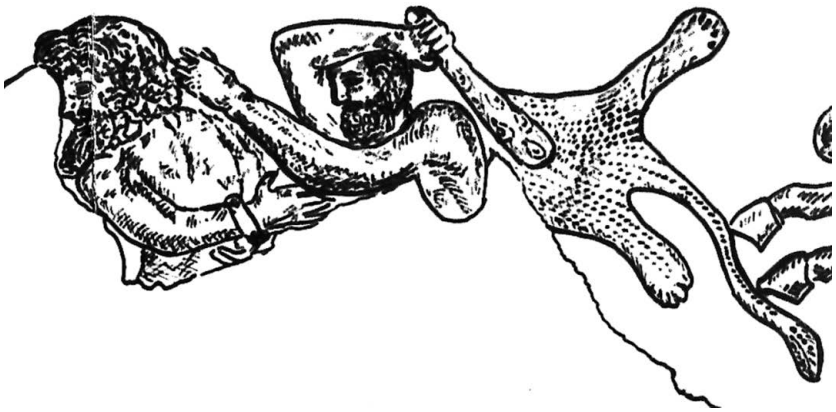
Во втором сюжете сохранились верхние части двух мужских фигур, повёрнутых влево (рис. 3. *1, 2*). У одной (задней) красивое лицо с аккуратной бородкой и усами. Причёску закрывает правая рука с дубинкой, занесённая над головой. Сохранилось левое плечо с развевающейся шкурой хищника. Там, где Б. В. Фармаковский предполагал увидеть кентавра [Фармаковский, 1921, с. 198], ни крупа лошади, ни других конских деталей не было. Вытянутой левой рукой мужчина схватил за волосы бородатую фигуру, у которой руки связаны за спиной. Хорошо виден ремень, стягивающий запястья. Лицо последнего напоминает лица бородатых сатиров на боспорских монетах IV в. до н. э., отличаясь лишь правильным носом. Из-за перспективного искажения фотографии о наличии этой фигуры Б. В. Фармаковский мог только догадываться, считая, что это грек. Этот участок рельефа сохранился хуже других. Нижние части фигур отсутствуют.

Сюжет 3. Круг на чаше замыкает фигура скачущего кентавра с большим камнем, поднятым над головой обеими руками (рис. 4). Он готов обрушить его на человека с дубинкой. Сюжет кентавра с камнем широко распространён в вазописи и рельефах.

В своём искусствоведческом анализе Б. В. Фармаковский не остановился на каком –то определённом оригинале, а высказал предположение, что художник ионийской школы, изготовивший чашу, «заимствовал группу с какой-нибудь картины или

1

2

Рис.3.Убийство кентавра со связанными руками
1 – фото чаши; *2* – прорисовка

Рис.4. Кентавр с поднятым над головой камнем на чаше (прорисовка автора)

Рис.5. Рельеф из театра в Перге. Мальчик,
втыкающий меч в лошадиную грудь кентавра

рельефа монументального искусства, где эта группа была расположена на прямоугольной плоской поверхности» [Фармаковский, 1921, с. 195]. Как мы увидим ниже, в этом он был абсолютно прав.

В 1985–1993 гг. при производстве археологических раскопок театра в Перге профессор, доктор Jale Inan обнаружил великолепный мраморный фриз. Его третий ярус состоял из четырёх блоков с изображением кентавромахии, битвы лапифов с кентаврами (как указано в проспекте Археологического музея Антальи [Demirer, 2005, p.125])[2].

На одном рельефе, как и на чаше, представлен кентавр и две мужские фигуры (рис. 5). Но в данном случае мужчина со щитом замахивается на кентавра каким – то оружием (рука отбита). Кентавр же левой рукой обхватил юношу (мальчика) за шею, оторвал его от земли и пытается задушить. Мальчик извивается в воздухе, но правой рукой вонзает кинжал в лошадиную грудь кентавра. Элемент этого сюжета (лапиф вонзает меч в грудь кентавра) наличествует на рельефе фриза храма Аполлона в Фигалии (Бассах), датируемом около 420 г. до н. э. [Бозунова-Пестрякова и др., 1980, рис. 267] (рис. 6).

На следующем рельефе полностью присутствует второй сюжет с чаши: человек со шкурой льва на плечах правой ногой, согнутой в колене, надавил на круп кентавра. Левой рукой он схватил его за волосы, а правой – замахнулся на него дубинкой [Demirer, 2005, p. 146, fig. 144] (рис. 7). Как на чаше, так и на рельефе из Перге, все персонажи направлены влево, а руки у кентавра стянуты в запястьях ремнем (или верёвкой). Волосы

[2] Научные публикации фриза автору статьи не встречались.

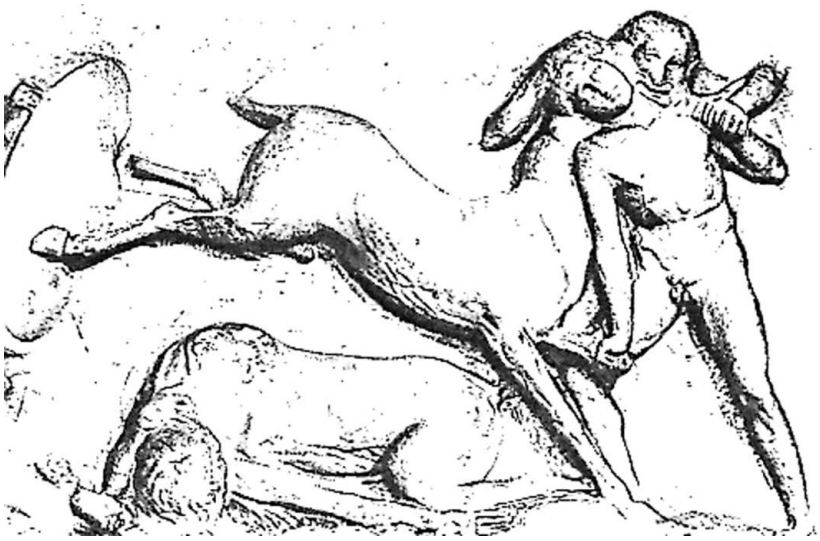

Рис.6. Кентавромахия. Деталь фриза храма Аполлона в Фигалии (Бассах)

на его голове, разворот плеч, положение связанных рук на чаше и мраморном фризе полностью совпадают. Нет сомнения, что сюжеты практически идентичны.

На третьем рельефе из Перге изображены два кентавра, скачущих влево [Demirer, 2005, p. 147, fig. 147] (рис. 8). На спине первого безбородого кентавра помещён грифон, вцепившийся клювом в поясницу юноши-кентавра. Скачущий за ними кентавр

Рис.7. Рельеф из театра в Перге. Убийство кентавра со связанными руками

Рис.8. Рельеф из театра в Перге. Два кентавра и грифон

замахнулся на грифона занесённым над головой камнем. Позы кентавра с камнем на чаше и фризе очень похожи, только на чаше корпус кентавра немного развёрнут вправо, а сам он замахивается камнем на фигуру с дубиной, а не на сбитого юношу, как считал Б. В. Фармаковский [Фармаковский, 1921, с. 199] (рис. 9). На чаше молодой кентавр с грифоном отсутствуют.

Сюжет четвёртого блока фриза с кентавром и двумя лапифами не рассматривается, так как на чаше эти фигуры не воспроизведены. Несовпадение количества персонажей

Рис.9. Кентавр замахивается камнем на человека с дубинкой.
Фрагмент чаши до реставрации

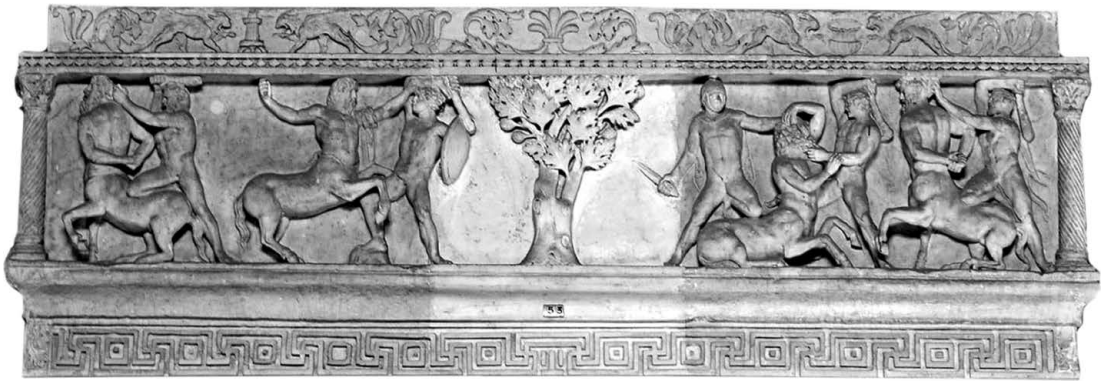

Рис.10. Саркофаг II в. с кентавромахией из музея Пия-Климента в Риме. По краям дважды повторяется сюжет убийства кентавра со связанными руками

на чаше и мраморных рельефах из Перге можно объяснить неполным копированием первоисточника в связи с малыми размерами поверхности чаши.

Попробуем отождествить бородатого героя со шкурой хищника на плечах, замахнувшегося дубиной на кентавра со связанными руками и придавившего его спину коленом. Данная композиция в деталях совпадает на чаше и рельефе из Перге, и дважды повторена на мраморном саркофаге из музея Пия-Климента в Ватикане (Рим)[3] (рис. 10).

Это не лапиф. Среди всех известных нам сцен кентавромахии мы не встретим ни одного изображения бородатого лапифа. Героем, сражающимся с кентаврами, был Тезей. Профессор Стамбульского университета доктор Elif Tul Tulunay в своей работе «Тезей в кентавромахии» подробно рассмотрела все сюжеты кентавромахии с участием Тезея [Tulunay, 1986]. На них он сражается мечом, топором, копьём, и представлен только безбородым! Так что в «нашем случае» это не Тезей.

А мог ли бородатый герой оказаться Гераклом? Известны три мифа о борьбе Геракла с кентаврами. Первый – при его встрече с Фолом. Но там Геракл разгоняет кентавров горящими поленьями и уничтожает стрелами [Грейвс, 1986, с. 356].

Второй случай, – это эпизод похищения кентавром Нессом Деяниры. Согласно мифу, Геракл смертельно ранил Несса отравленной стрелой [Грейвс, 1986, с. 413]. Но на известной чернофигурной амфоре из Афинского музея Геракл, упёршись левой ногой в круп Несса, схватил его левой рукой за волосы и угрожает ему мечом. Надписи около фигур: «Геракл» и «Несс» позволяют точно идентифицировать персонажи [Тасиh, 1980, с. 79] (рис. 11). Ещё в одном мифе Геракл убивает кентавра Эвритиона, который посватался к Деянире, а также его братьев. Другие участники этого побоища не указываются [Грейвс, 1986, с. 401].

Лицо с аккуратной бородкой, дубина в руке, шкура (льва) на плечах, – это хорошо известные атрибуты Геракла. Это подтверждает и атрибуция статуэтки «Геракл связывающий кентавра» из галереи Флоренции [Reinach, 1897, p. 464, tabl. 787] (рис. 12).

[3] Рельеф саркофага II в. Инв. № 290. Рим. Ватиканские музеи. Музей Пия-Климента. Зал муз 53. Фото С. И. Сосновского http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm? id=1273.

Рис.11. Геракл и Несс на амфоре из музея Афин

Рис. 12. Геракл, связывающий кентавра. Статуэтка из галереи Флоренции

Нужно отметить ещё одну деталь совпадений изображений на новороссийской чаше и рельефах из Перге. В первом сюжете на фризе кентавр пытается задушить мальчика, который вонзает ему в грудь меч. На чаше у сбитого кентавром юноши, вонзающего в него меч, тоже детское лицо (рис. 13). Не Иолай ли это – племянник, возничий и спутник Геракла в его многочисленных походах?

Нет сомнения, что на приведённых произведениях древнего искусства (чаша из Новороссийского музея, фриз из Перге и саркофаг из Музея Пия-Климента), несмотря на разновременность памятников, изображён именно Геракл, убивающий дубиной кентавра со связанными руками. На вышеперечисленных памятниках позы Геракла и кентавра одинаковы, даже направление движения фигур одно и то же. Правда, количество и позы сражающихся лапифов и кентавров различны, но относительно Геракла она остаётся неизменной, как будто бы в разносюжетные сцены кентавромахии внесён какой-то «устоявшийся стереотип», скопированный с некоего более древнего памятника.

Учитывая неоднократность повторения сюжета: «Геракл убивающий дубиной кентавра со связанными руками» можно предположить, что так изображён неизвестный нам вариант мифа (как и убийство Несса мечом на афинской амфоре). Но, может быть, совместная борьба Геракла и лапифов против кентавров – просто аллегория борьбы человека с негативными силами природы.

На основании многочисленных совпадений в изображениях можно было бы сделать вывод, что серебряная чаша из Новороссийского музея выполнена именно по мотивам фриза из театра Перге. И он был бы верным, если бы не вопросы хронологии. Б.В. Фармаковский убедительно датировал чашу IV в. до н.э. Строительство театра в Перге относится к концу I–II вв.н.э. [Demirer, 2005, p. 125]. Вероятнее всего, сюжеты для чаши были скопированы с какого-то более древнего ионийского рельефа, а в I–II в. они же были воспроизведены

Рис. 13. Мальчик с мечом под ногами кентавра.
Фрагмент чаши из новороссийского музея

и в театре Перге, и на саркофаге из музея Ватикана. Если в древности первоисточник не был уничтожен, то его ещё предстоит открыть. В землях Средиземноморья скрыто много неисследованных памятников!

Работая над темой, я обратил внимание, что в исследованиях по кентавромахии, несмотря на повторяемость данного сюжета (№ 2), никто не отождествляет его с Гераклом. Даже рассматривая фрагмент метопы № 4 Парфенона из глиптотеки Копенгагена, изображающий часть фигуры мужчины с бородкой и поднятой вверх рукой (рис. 14), Бернард Ашмол принял её за голову кентавра, поскольку бородатые люди в кентавромахии раньше не «фиксировались». Отметив её необычность, исследователь сделал вывод, что головы кентавров на метопах Парфенона выполнялись мастерами разных школ [Ashmol,1972, p. 99–100, fig. 111]. Думается, это всё же Геракл. Вид и поза фигуры с метопы № 4 и Геракла на новороссийской чаше и фризе из Перге имеют много общего.

Рис.14. Геракл с дубинкой.
Фрагмент метопы №4 из
глиптотеки Копенгагена

Список литературы

Бозунова-Пестрякова и др., 1980. Бозунова-Пестрякова Н. В., Флиттнер Н. Д., Блэк В. Д., Чубова А. П., Доброклонский М. В., Бартенев И. А., Шафранская Н. В. История искусства зарубежных стран. Первобытное общество, древний восток, античность. М.

Грейвс 1992. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М.

Фармаковский, 1921. Фармаковский Б. В. Серебрянная украшенная рельефами чашка из Новороссийского музея. ИРАИМК. Т. 1, № 19.

Ashmol, 1972. Ashmole B. Archetect and sculptor in classical Greece. New York.

Demirer, 2005. Demirer U., Cinar U. Antalya museum. Ankara.

Reinach, 1897. Reinach S. Repertoire de statuaire Grecque at Romaine. Paris.

Тасић, 1980. Тасић Б. Археолошки музеј, Атина. Београд.

Tulunay, 1986. Tulunay E. T. Theseus ve kentavromakhi. Istanbul.

Summary

A. V. Dmitriyev

Hercules on the chalice from Novorossiysk museum

While researching the reliefs on the silver chalice from the Novorossiysk museum issued by B.V. Farmakovsky, the author highlights the plot with Hercules. The author finds close analogies to this plot on the friso reliefs of theater in Pergamum dated II century (Turkey) and on the marble sarcophagus dated II cent. C.E. in the museum of Pius-Clement in Vatican (Rome).

Considering that this composition presents on monuments from IV cent. B.C. till II cent. C.E., the author considers that their prototype is another one unknown Ionic monument which is more ancient.

The author makes an assumption that the fragment of metope No. 4 of Parthenon from the Copenhagen glyptotheca represents not centaur as it was expected earlier, but Hercules as on the monuments examined by him.

Д. В. Журавлев, Е. В. Захаров
(Государственный исторический музей, Москва)

Свинцовая гиря с поселения Голубицкая 2

Поселение Голубицкая 2, раскопки которого Боспорской археологической экспедицией Государственного исторического музея совместно с Евразийским отделом Германского археологического института начались в 2007 г., известно как памятник «первой волны» греческой колонизации Таманского полуострова, основанный в начале второй четверти VI в. до н. э. [Журавлев, Шлотцауер, 2014а, с. 139–148]. Наибольшее количества материала, происходящего с территории поселения, датируется VI–V вв. до н. э. Но ряд комплексов относится к эпохе эллинизма – последнему этапу существования этого памятника [Журавлев, Шлотцауер, 2014б, с. 167, 172, рис. 25], который был разрушен в результате сильного пожара во второй половине III в. до н. э. Однако обитатели поселения вернулись на пепелище, следы пожара были убраны и ссыпаны в хозяйственные ямы, и жизнь продолжалась до конца II или начала I в. до н. э., а, возможно, и немного позднее. К настоящему времени никаких следов строительной активности в позднеэллинистическое время здесь не выявлено; обнаружены только хозяйственные ямы, засыпанные мусором. В одной из них в 2011 г. и была найдена свинцовая гиря. Специального исследования её ещё не проводилось, хотя фотография дважды публиковалась без комментария [Schlotzhauer, Žuravlev, 2012, S. 354, Abb. 23 (с ошибочной датировкой); Журавлев, Шлотцауер, 2014, с. 172–173, рис. 27]. Кроме того она была упомянута в перечне находок гирь с изображением монет [Сапрыкин, Куликов, 2013, с. 164].

Описание гири

Гиря (рис. 1) изготовлена из свинца[1]. Она имеет прямоугольную форму (7,6–8×8,7×0,7–1,4 см); по краям на высоту до 0,4 см над плоскостью лицевой стороны возвышается бортик, загнутый по углам в виде наплыва металла. Неровные края эталона деформированы, на боковых сторонах видны вертикальные линии (следы ударов?). На лицевой стороне гири, по углам, в прямоугольных углублениях (ок. 1,6×1,8 см) оттиснуты изображения лука в горите, расположенного вертикально (высота 1,45, максимальная ширина 0,6 см). Поверхность лицевой стороны неровная, деформирована

[1] Фотографии к статье выполнены И. А. Седеньковым, рисунки – А. В. Журавлевым (гиря) и Е. О. Назаровой (керамика).

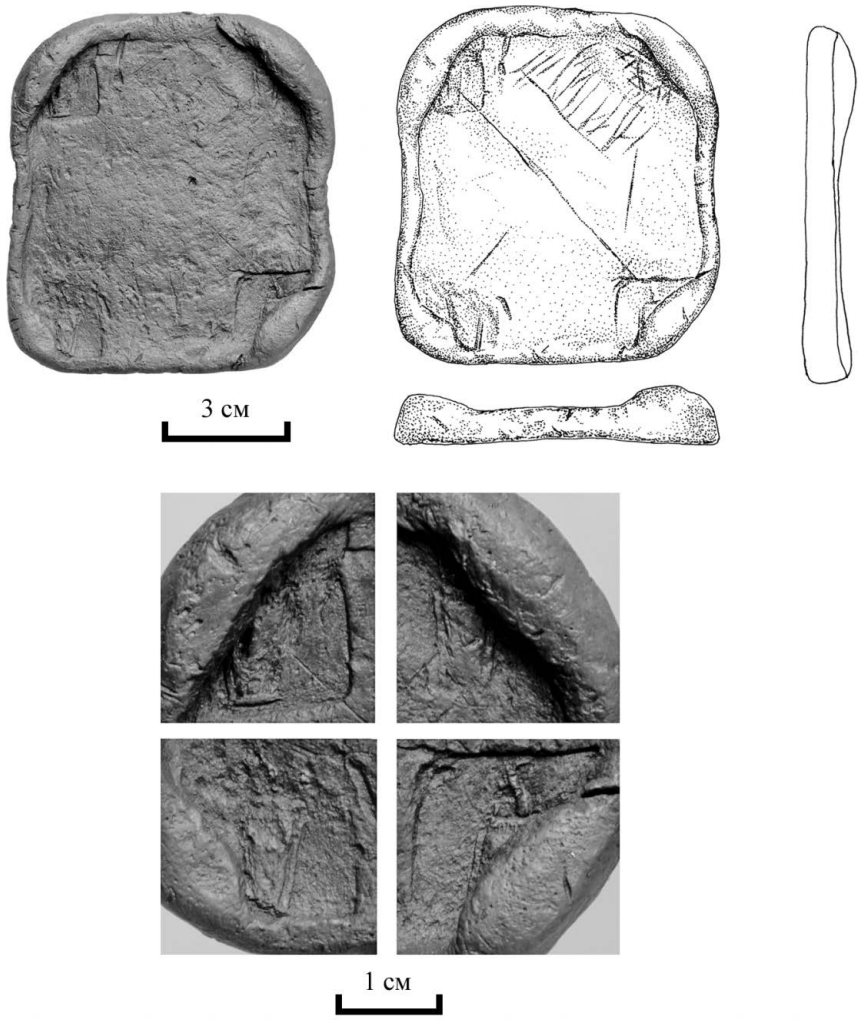

Рис. 1. Свинцовая гиря с поселения Голубицкая 2

и покрыта многочисленными царапинами и выбоинами. На ней заметны царапины, перечёркивающие всю поверхность по диагонали крест-накрест, в верхней части прямоугольный участок, заполненный серией царапин, нанесённых по диагонали, в центре – подтреугольное углубление. В центре оборотной стороны находится след оттиска подпрямоугольного штампа (видимые размеры 0,9–1,9 см)[2].

Контекст находки

Гиря была найдена в засыпи хозяйственной ямы 25 (Раскоп 1, кв. 44), исследовавшейся в 2010–2011 гг.[3] Верх ямы в плане имел округлую форму диаметром 1,50–1,55 м.

[2] Гиря хранится в собрании отдела археологических памятников Государственного исторического музея, сектор Б, ГИМ 114539. Оп. Б – 2092/№ 2.

[3] Работами на данном участке руководила научный сотрудник Исторического музея Г. А. Камелина.

Наклонные стенки расширялись к дну. Дно ровное, горизонтальное, диаметром 2,60 м. Глубина ямы 2,12 м.

В верхней части слой заполнения – серо-коричневый, плотный суглинок мощностью 0,06–0,16 м с включениями мелких камней, угольков, мелких кусков обожженной глины. Ниже залегал светло-серый суглинок с комками прокаленной глины и обломками керамики. Мощность этого слоя достигала 0,86 м. Его подстилает слой тёмно-серого, рыхлого, золистого суглинка с камнями, угольками, прокаленной обмазкой, раковинами моллюсков, костями животных, керамикой. Количество фрагментов посуды и крупных кусков прокалённой глины увеличивается книзу. На границе двух вышеописанных слоев прослежена прослойка светло-серого, комковатого суглинка толщиной 0,04–0,18 м. На дне ямы было несколько зольных пятен аморфной формы; грунт под ними прокален.

Хронология комплекса

В контексте данной статьи интересны лишь наиболее поздние находки из ямы, дающие нам дату её засыпи. Среди амфорного материала встречены фрагменты позднеэллинистических амфор Синопы, Родоса и Коса с суммарной датировкой в пределах второй половины II в. до н. э. (Синопа), или II–I в. до н. э. (Родос, Кос). Кроме того, здесь были найдены обломки простой столовой керамики, рельефных «мегарских чаш» (рис. 2. *2–6*), буролаковых сосудов (рис. 2. *1*), лепных сосудов. Следует отметить также находки глиняных грузил, обломков черепицы и терракотовой статуэтки, а также костяной накладки, железного ножа и фрагментированного бронзового перстня.

Среди рельефной керамики выделяется группа чаш эфесского производства, в том числе – один профиль (рис. 2. *4*), которые находят многочисленные аналогии в разных регионах. Бордюр её украшен овами [ср. Rogl, 2014, fig. 14. *89*], дно гладкое без декора, а тулово покрыто чередующимися длинными листьями, обрамлёнными рельефными точками и побегами [ср. Коваленко, 1989, рис. 1, 6, 7]. К продукции того же центра относится и другой крупный фрагмент (рис. 2. *5*), бордюр которого украшен розетками, а тулово – длинными листьями. Вероятно, он относится к поздней фазе эфесской продукции (конец II в. до н. э.) [ср. Rogl, 2014, p. 133–134, fig. 19a]. Возможно, эфесским является и фрагмент с изображением ветви с боковыми отростками (рис. 2. *3*) [ср. Коваленко, 1989, рис. 3]. Подобный сюжет характерен и для мастерской Менемаха [Гжегжулка, 2010, с. 176–178, № 285–289]. К изделиям одного из ионийских центров относятся дно чаши с изображением чередующихся пальмовых и аканфовых листьев (рис. 2. *6*) [ср. Коваленко, 1989, рис. 5] и стенка с изображением мелких треугольных листиков, покрывающих все тулово чаши (рис. 2. *2*). Все рельефные сосуды из ямы 25 можно суммарно отнести ко второй половине II в. до н. э., причем, последняя четверть этого столетия выглядит предпочтительней. Фрагмент буролакового эллинистического кубка с граффито HP под венчиком (рис. 2. *1*) относится к тому же времени.

Уточнить датировку помогает родосское клеймо ΕΠΙ ΑΡΙΣΤΟΜ[ΒΡ]/ΟΤΙΔΑ ΠΑΝΑΜ[ΟΥ] (рис. 2. *7*) – 120–108 гг. до н. э. [Finkielsztejn, 2001, groupe Vc, p. 156][4].

Таким образом, комплекс из заполнении ямы датируется *последней четвертью II в. до н. э.*

[4] Определение клейма А. В. Ковальчук.

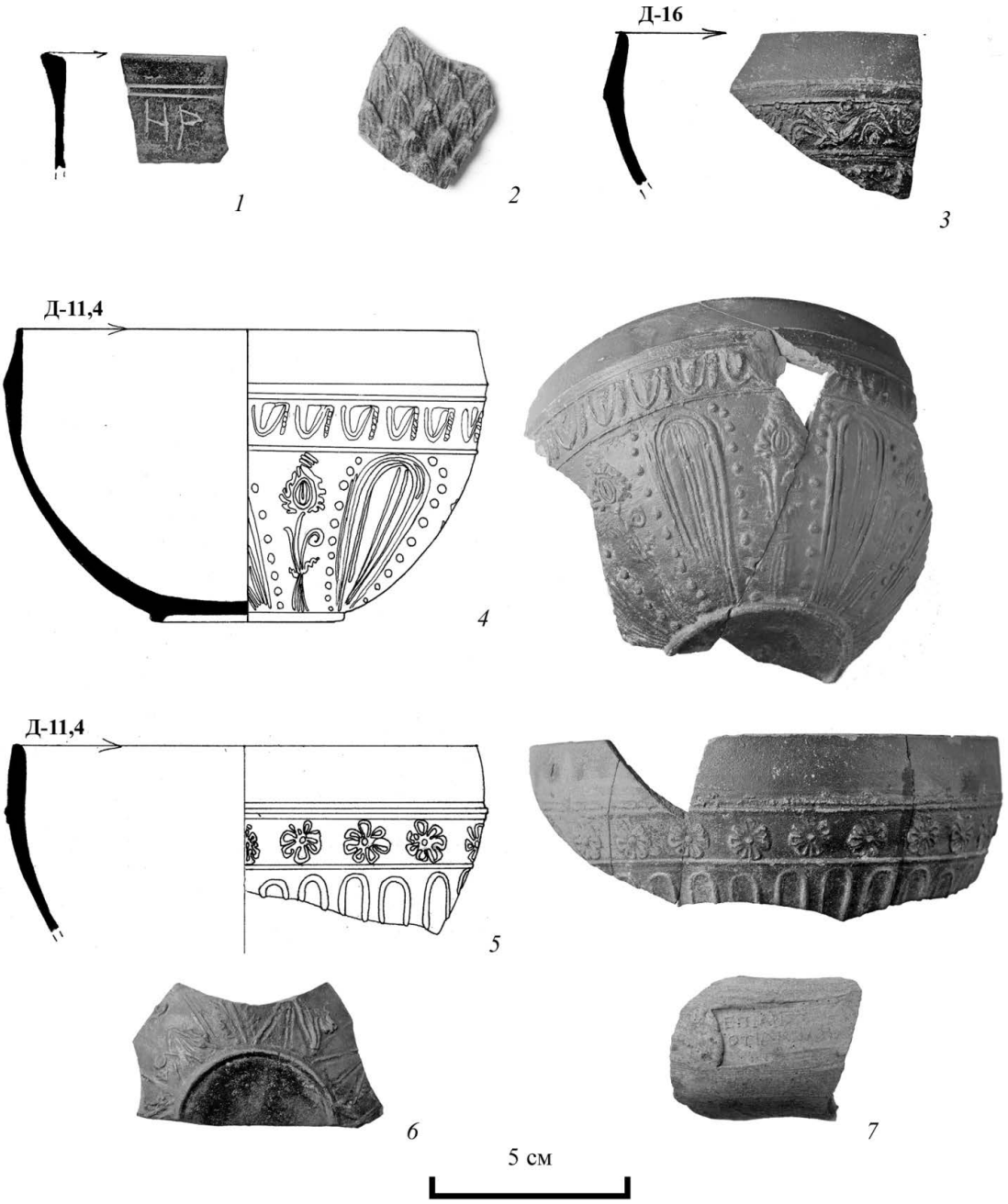

Рис. 2. Датирующие фрагменты керамики из заполнения ямы 25

Анализ гири

Изображение лука в горите в клеймах, помещённых на лицевой стороне гири, имеет ближайшие аналогии среди типов боспорских монет конца IV–II вв. до н. э. Причём наибольшее сходство наблюдается с серебряными и медными монетами первой половины II в. до н. э., несущими на лицевой стороне изображение головы Аполлона,

а на оборотной – лука в горите [Шелов, 1956, табл. VII. 86–88; VIII. 94, 95; IX. 106; АГСП, табл. LXXX. 53]. Близость изображений на античных монетах и весовых гирях является достаточно распространённым явлением. И те, и другие часто маркировались городскими эмблемами или символами, принятыми в полисе в определённый период, которые были призваны выделить их среди продукции других государств. Не был исключением и Пантикапей. Правда здесь, в отличие от некоторых городов (Афины, Кизик, Лампсак и др.), не было постоянной государственной эмблемы. Распространёнными типами, встречающимися на монетах столицы Боспора доримского времени, были изображения льва, головы сатира, Диониса, Аполлона и его атрибутов: лука и стрелы, а также лука в горите. Последнее было широко распространено в греческой монетной типологии и связано в большинстве случаев с образом Геракла. В Северном Причерноморье, в особенности на Боспоре, оно занимало особое место, так как, с одной стороны, было тесно связано с популярным культом Аполлона, с другой, – с влиянием культуры соседних кочевых племён. Но, насколько нам известно, изображение лука в горите в таком виде ещё не встречалось на весовых гирях. В совокупности с приведёнными нумизматическими параллелями это позволяет предположить, что публикуемая гиря была изготовлена в одном из городов Боспора Киммерийского и рассматривать её в качестве источника по истории весовых систем, существовавших в регионе в III–II вв. до н. э.

Начало изучения боспорской метрологии было положено В. Д. Блаватским. На основании анализа нескольких гирь из Пантикапея и других боспорских городов ему удалось выделить местную весовую систему, основанную на мине весом 408–410 г [Блаватский, 1955, с. 202, 203, 205]. Позднее исследование независимой пантикапейской весовой системы продолжила Л. И. Чуистова [Чуистова, 1962, с. 71–77]. Ей были собраны 18 гирь, снабжённых «надписями, буквами или изображениями, которые можно связать с Пантикапеей». К ним автор относит изображения грифона и дельфина, пронзённого гарпуном, а также надпись ΠΑΝ, аналогичную легенде на боспорских монетах III–II вв. до н. э. Руководствуясь этим критерием при отборе метрологических памятников, она реконструировала боспорскую мину весом 460–480 г, которая начала использоваться с V в. до н. э. [Чуистова, 1962, с. 71, 75, 77]. При этом Л. И. Чуистова допускала использование в более ранний период эгинской весовой системы и собственной пантикапейской мины, выделенной В. Д. Блаватским [Чуистова, 1962, с. 77].

Ревизия сложившейся точки зрения на весовую систему, принятую в Пантикапее и его округе, была произведена Н. Л. Грач в ходе изучения новых находок свинцовых гирь в боспорских городах [Грач, 1976]. Ключевым объектом её исследования стала свинцовая контрольная гиря эллинистического времени с изображением тирса, лозы с гроздью винограда и надписью, в которой перечисляются имена агораномов, обнаруженная в Нимфее [Грач, 1976, с. 186, рис. 1]. Вес гири 256,95 г, что позволяет определить её, как половину мины персидской или вавилонской системы (персидская мина весила 504,6 г) [Грач, 1976, с. 190, 192]. По справедливому замечанию исследовательницы, изображение лозы и грозди винограда, идентичное типам нимфейских монет, а также обозначение на гире имён полисных магистратов, предполагает местное происхождение данного метрологического памятника. Всё это заставило Н. Л. Грач критически пересмотреть весовые данные боспорских контрольных гирь эллинистического периода,

опубликованных в своде Л. И. Чуистовой, и привело её к выводу, что на Боспоре в III в. до н. э. использовался весовой стандарт, включавший мину равную 520 г, основанный на персидской весовой системе [Грач, 1976, с. 192]. В VI–V вв. до н. э. ему предшествовал эвбейско-аттический весовой стандарт с миной в 425–437 г и независимый боспорский с миной равной 480 г [Грач, 1976, с. 198].

Гиря с поселения Голубицкая 2 весит 484,7 г и, судя по форме и изображению на клеймах, относится к эллинистическому времени. Она имеет хорошую сохранность и незначительные утраты металла, что не позволяет отнести её к весовой системе, основанной на мине в 520 г, характерной, по мнению Н. Л. Грач, для боспорский метрологии III–II вв. до н. э. Скорее всего, рассматриваемая находка принадлежит к местному весовому стандарту с миной в 460–480 г, использовавшемуся в Пантикапее и соседних городах, который был выделен Л. И. Чуистовой. Незначительное отклонение массы рассматриваемого экземпляра от указанного допустимого веса не препятствует такой атрибуции. Весовые эталоны многих крупных полисов, использовавших в течение длительного времени одну весовую систему, часто имеют заметные колебания веса, которые менялись со временем в зависимости от изменений монетной весовой системы [например, см. Tekin, 2013, p. 125, tabl. 2]. Поэтому мы можем рассматривать публикуемую гирю как новый памятник боспорской метрологии эллинистического времени, свидетельствующий о продолжении использования в регионе локальной весовой системы, основанной на мине в 460–480 г.

О точном времени изготовления публикуемой гири говорить сложно. Она имеет следы активного использования, деформации и царапин, перечёркивающих его лицевую сторону, которые могут свидетельствовать о длительном использовании и умышленной порче предмета для выведения его из обращения (?), в результате чего он и оказался среди других материалов, сброшенных в яму в последней четверти II в. до н. э.

Список литературы

Блаватский, 1955. Блаватский В. Д. О пантикапейской весовой системе // СА. XXIII.

Гжежулка, 2010. Гжежулка С. «Мегарские» чаши из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Часть первая. Варшава.

Грач, 1976. Грач Н. Л. Свинцовые гири из Нимфея и некоторые вопросы боспорской весовой метрологии // ТГЭ. XVII. Культура и искусство античного мира. Л.

Журавлев, Шлотцауер, 2014а. Журавлев Д. В., Шлотцауер У. О дате основания поселения Голубицкая 2 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь.

Журавлев, Шлотцауер, 2014б. Журавлев Д. В., Шлотцауер У. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове (2006–2013 гг.) // Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников (Тр. ГИМ. 201). М.

Коваленко, 1989. Коваленко С. А. Античная рельефная керамика III–I вв. до н. э. в Северном Причерноморье. Дисс. … канд. ист. наук. М.

Сапрыкин, Куликов, 2013. Сапрыкин С. Ю., Куликов А. В. Новые данные о монетной реформе Савромата II на Боспоре // ВДИ. 1.

Чуистова, 1962. Чуистова Л. И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // АИБ. II. Керчь.

Шелов, 1956. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.

Finkielsztejn, 2001. Finkielsztejn G. 2001. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 180 av. J.-C. environ. BAR. International Series. 900. Oxford.

Rogl, 2014. Rogl C. Mouldmade Relief Bowls from Ephesos – The Current State of Research // Pottery, People and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery (BSS. 16). Aarhus.

Schlotzhauer, Žuravlev, 2012. Schlotzhauer U., Žuravlev D. Taman-Halbinsel (Russische Föderation) // Archäologischer Anzeiger 2012/1 Beiheft (Jahresbericht 2011). München.

Tekin, 2013. Tekin O. Two Hellenistic Weights of Cyzicus from Dascylium // Anatolia. 39.

Summary

D. V. Zhuravlev, E. V. Zakharov
Lead weight from the settlement Golubitskaya 2

Lead weight, which was found in household pit on the settlement Golubitskaya 2 (Taman peninsula), is published in the article. Pottery from the pit dated to the last quarter of the 2nd century BC.

The depictions of a bow in *gorites*, represented in the stamps in all 4 corners on the front side of the weight, have close parallels among some types of Bosporan coins of the late 4th – 2nd century BC. The most similar ones are silver and bronze coins of the first half of the 2nd century BC with a depiction of Apollo head on the front side and bow in *gorites* on the back side.

Weight from the settlement Golubitskaya 2 weights 484,7 g, is preserved very well and has a few metal losses. Probably it belongs to the Bosporan weight standard with *mina* of 460–480 g.

Е. Г. Застрожнова (Панкратова)
(Санкт-Петербургский филиал Архива РАН)

Археологические раскопки сельских поселений Таманского полуострова в XIX столетии

Изучение сельских поселений Азиатского Боспора имеет ключевое значение для понимания особенностей экономических взаимоотношений между городами и сельской округой, а также для восстановления хода исторического процесса заселения Таманского полуострова. Даже на настоящий момент сельские памятники Тамани изучены недостаточно и неравномерно [Гарбузов, Завойкин, 2009, с. 142]. В 1950–1960-х гг. исследованием сельских поселений в основном Фонталовского полуострова занимался Н. И. Сокольский. Определенный итог этих изысканий в 1970-х гг. был подведен в монографии Т. С. Кругликовой [Кругликова, 1975]. Ей были обобщены все данные о сельских поселениях, полученные к тому времени в ходе раскопок и разведок. Большое значение имеют в дальнейшем работы Я. М. Паромова [Паромов, 1994], Г. П. Гарбузова и А. А. Завойкина [Гарбузов, Завойкин, 2009; 2012; 2013]. В настоящее время изучение сельских памятников Азиатского Боспора продолжают Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев, Н. И. Сударев, Г. А. Ломтадзе и Д. В. Журавлев и н. др.

Но эти исследования имеют свою гораздо более давнюю историю. После присоединения Крымского и Таманского полуостровов к Российской Империи в конце XVIII в., практически сразу у части российского общества появился интерес к античному наследию этого региона. Однако в основном он был направлен на курганы, как на объекты для пополнения коллекций Императорского Эрмитажа. Большие античные городища и менее выразительные, мелкие сельские поселения, не были на тот момент даже верно локализованы, не говоря уже о том, чтобы стать объектами специального изучения. Одной из первых археологических карт Азиатского Боспора с отмеченными городищами, поселениями и курганами стала археолого-топографическая карта барона Ф. К. Биберштейна (рис. 1). Хотя большинство памятников были отмечены на ней не верно, она представляет ценность в качестве некой фиксации и учёта объектов, исчезнувших к настоящему времени [Тункина, 2010, с. 28]. Главным и единственным для XIX столетия трудом, посвященным археологической топографии Таманского полуострова, является монография К. К. Гёрца [Гёрц, 1898]. Хотя в ней отсутствует полноценная карта упомянутых памятников, ценность словесного их описания была велика как для археологов XIX в., так и для современников (рис. 2). По мнению К. К. Гёрца основная сложность

в изучении этих объектов заключалась в трудности их локализации, ввиду различных, а зачастую и противоречивых данных письменных источников. Он полагал, что «пока точные археологические исследования, основанные на находках надписей, не прольют свет на подобного рода вопросы, задача историка будет сложна, а подчас невозможна» [Гёрц, 1898, с. 3].

Важно добавить, что основная трудность при работе с архивными источниками заключается в том, что исследователи XIX в. крайне редко соотносили раскопки в различных частях Таманского полуострова непосредственно с теми или иными сельскими поселениями и могильниками. Чаще всего речь шла либо о «холмистых насыпях усеянных черепками», либо о группах курганов. Для более точной интерпретации архивной информации, данные о раскопках сельских поселений в XIX в. соотносились нами с выделенными Г. П. Гарбузовым и А. А. Завойкиным «областями высокой плотности распределения поселений» [подробнее см.: Гарбузов, Завойкин, 2012].

Итак, хронику раскопок поселений следует начинать с археологической деятельности «чиновников по раскопкам», А. Б. Ашика[1] и Д. В. Карейши[2] в 1830–1840-х гг. [ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. 1–1838. Д. 30. Л. 80]. Уже первый из них отмечал, что вся земля Таманского полуострова усеяна обломками черепиц и битых горшков, что указывает на наличие следов древних городищ [НА РО ИИМК РАН. Ф. 6. Д. 121. Л. 11 об.] В 1845 г. Д. В. Карейша производил раскопки курганов вблизи станицы Вышестеблиевская. А. Б. Ашик писал, что «в этих курганах он нашел древние вещи», однако, какие именно, не уточняется. В 1846 г. раскопки близ Вышестеблиевской станицы были продолжены, однако их результаты и ход не известны. Есть лишь сведения о покупке А. Б. Ашиком в станице у казака двух фанагорийских монет[3] [НА РО ИИМК РАН. Ф. 6. Д. 121. Л. 22]. Весной 1846 г. он же раскопал девять курганов на берегу Ахтанизовского лимана, два у Титаровской станицы и один к югу от станции Тамань [Тункина, 2010, с. 41]. Вплоть до 1847 г. А. Б. Ашик и Д. В. Карейша производили раскопки в курганах, окружающих Фанагорию, не затрагивая местность, где могли бы находиться сельские поселения.

С 1850 г. вся археологическая деятельность в Российской Империи велась под контролем министра уделов, графа Л. А. Перовского[4] [Тункина, 2002, с. 253]. На Таманском полуострове первоочередными объектами для исследования Л. А. Перовский считал: насыпи близ станции Сенной, курганы близ Тамани, станицы Вышестеблиевской и селения Фонтан [НА РО ИИМК РАН. Ф. 6. Оп. 1–1851. Д. 186. Л. 2]. Согласно К. К. Гёрцу, селение Фонтан существовало на месте татарского аула и название своё оно получило

[1] Антон Бальтазарович Ашик (1801–1854) – археолог. Участник Турецкой войны 1828–1829, служитель Канцелярии Херсонского военного губернатора, чиновник по особым поручениям при начальнике Кавказской области, директор Керченского музея древностей (1833–1850). С 1831 г. проводил раскопки античных памятников в Крыму и на Таманском полуострове.

[2] Дамиан Васильевич Карейша (1808–1878) – археолог; действительный член ООИД (1839 г.). Помощник правителя (1830–1833), правитель (1833–1838) Канцелярии Керчь-Еникальского градоначальства, чиновник Министерства Имп. Двора-МВД при Кабинете Императора для разыскания древностей на юге России (1838–1852), с 1831 г. проводил раскопки античных памятников в Крыму и на Таманском полуострове.

[3] Серебряная: av. – голова Аполлона, rv. – колона, увенчанная цветами и повязками – легенда ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ; медная: av. – голова Дианы в шлеме, rv. – скачущий олень – легенда ΦΑΝΑΓΟ.

[4] Лев Алексеевич Перовский (1792–1856) – граф, государственный деятель, министр внутренних дел, министр уделов (1852–1855), организатор и создатель Управления для исследования древностей.

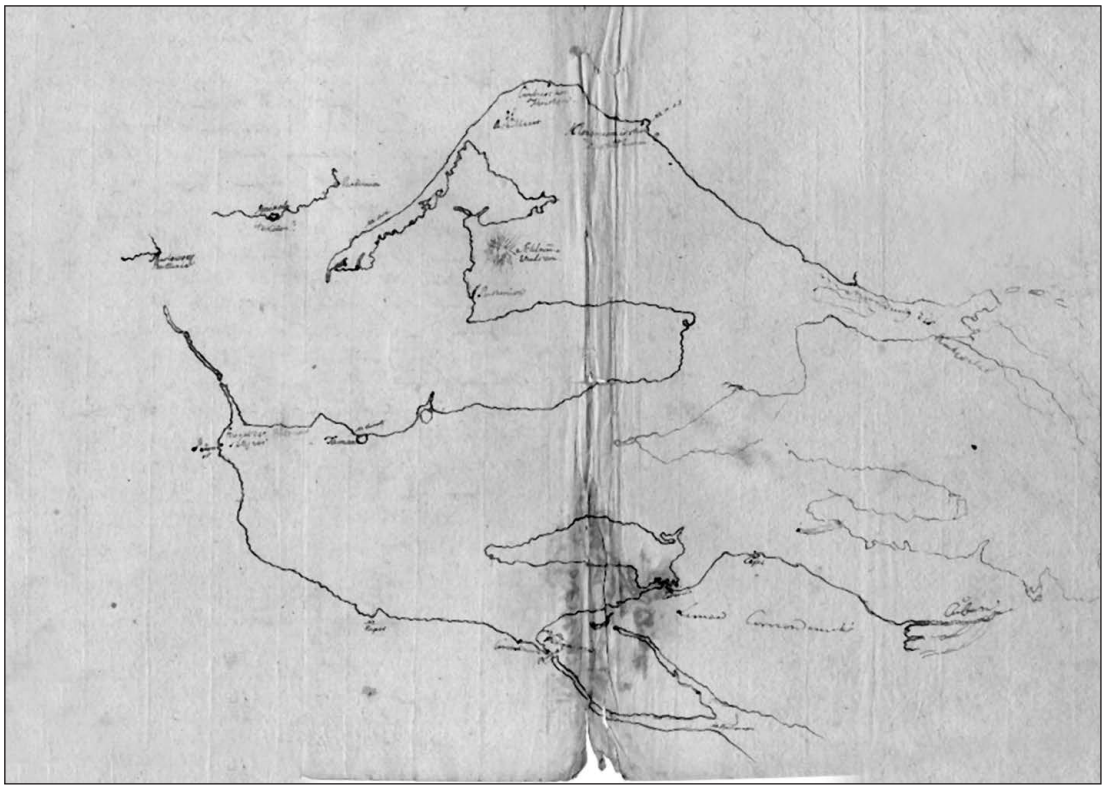

Рис. 1. Археологическая карта Ф. К. Биберштейна с локализацией античных пунктов Азиатского Боспора (Фанагория ошибочно отмечена близ Бугаза) 1796 г. (СПФ АРАН. Р.I Оп. 110. Д. 9. Л. 14 об.-15)

от естественного источника с пресной водой, который ещё с древних времен был обложен отесанным известняком. В XIX в. никаких сведений о нахождении следов греческих древностей на месте селения не было. Отмечается, что на территории Фонтана находилось несколько курганов, в одном из которых проводил раскопки Я. М. Лазаревский по заданию Л. А. Перовского [Гёрц, 1898, с. 87].

В 1852 г. археологические разыскания на Таманском полуострове были произведены К. Р. Бегичевым[5] в пунктах, намеченных Л. А. Перовским: Южный кордон в районе Тузлы, старая турецкая крепость в окрестностях Тамани и местность, в упомянутом выше селении Фонтан [НА РО ИИМК РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 15. Л. 44]. Весьма интересная история связана с раскопками курганов в районе Южного кордона у Тузлы. Поводом для них, по свидетельству К. К. Гёрца, послужила случайная находка двумя детьми катакомбы, внутри которой находился саркофаг, терракоты и мраморные статуи. О своей находке дети заявили спустя несколько лет, так как «намеревались сами, когда вырастут,

[5] Кирилл Родионович Бегичев (1819–1862) – археолог, художник, скульптор. Исполнял должность директора Керченского музея древностей с 1846 по 1850 гг. и с 1851 по 1853 гг. Проводил раскопки на территории Таманского полуострова в 1852–1855 гг.

Рис. 2. Археологическая карта Таманского полуострова (Гёрц, 1870. Прил. 1)

воспользоваться скрытыми в подземелье сокровищами» [Гёрц, 1898, с. 67]. Однако поиски К. Р. Бегичева не увенчались успехом, загадочная катакомба так и не была найдена. Можно предположить, что эти курганы относились к городку Корокондаме или поселению Пятколодезному, локализуемому в районе Южного мыса близ косы Тузла (область 1 – район от Корокондамы до Гермонассы по Г. П. Гарбузову, А. А. Завойкину) [Кругликова, 1975, с. 141; Maslennikov, 2007, p. 881].

После основания Императорской археологической комиссии (ИАК) в 1859 г., её первым председателем, князем С. Г. Строгановым[6] были впервые официально обозначены задачи по исследованию сельских памятников Азиатского Боспора. В 1859 г. на Таманский полуостров был отправлен доцент Московского университета по кафедре истории и археологии искусства К. К. Гёрц[7] [Zastrozhnova, 2012, p. 42]. В Инструкции, состав-

[6] Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882) – граф, государственный деятель, сенатор, меценат, коллекционер, археолог. Основатель и председатель Императорской археологической комиссии (1859–1882).

[7] Карл Карлович Гёрц (1820–1883) – профессор археологии и истории искусств Московского университета, коллекционер. По заданию ИАК производил раскопки Фанагории в 1859 г. Автор трудов «Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с кон. XVIII в. до 1859 года», СПб.,1898 г. и «Археологическая топография Таманского полуострова», СПб., 1870 г.

ленной для него С.Г. Строгановым, указывалось, что «в землях Черноморского войска находится много следов древних поселений и могильных курганов. Археологическое расследование их может привести к открытию замечательных памятников древности и послужить для объяснения истории этого края» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1859. Д. 11. Л. 4]. Также в своем письме К.К. Гёрцу от 19 июня 1859 г. С.Г. Строганов ставил перед ним следующие задачи: «Независимо от местности Фанагории исследовать: 1) большой курган у с. Фонтан; 2) местность на берегу Ахтанизовского лимана; 3) оконечность мыса известного под названием Дубового рынка, где в двух местах на горе и у подножия видны следы древних поселений» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1859. Д. 11. Л. 6]. Как поясняет К.К. Гёрц, мыс под названием «Дубовый рынок» – это значительная гора, покрытая малорослым дубовым лесом, «рынком» же это место было названо ввиду того, что древесина составляла выгодный предмет торговли. По утверждению К.К. Гёрца, на самом конце мыса есть следы какого-то пепелища, но это известие не достоверно [Гёрц, 1898, с. 161]. Согласно локализации швейцарского ученого Ф. Дюбуа де Монпере, здесь находился Апатур, однако К.К. Гёрц не разделял эту точку зрения.

Очевидно, что основное свое рабочее время К.К. Гёрц посвящал раскопкам центральной части городища и некрополям Фанагории. В письме своей сестре, Эрнестине Карловне, К.К. Гёрц писал: «… ежедневные занятия наши состоят в следующем: Костя[8] рисует раскапываемые курганы и местности, считает работу и плату; я веду всему журнал. Когда погода сделается несколько посвежее, мы начнем поездки по окрестностям с археологическими целями, если будет возможно, произведем раскопки и там» [СПФ АРАН. Ф. 28. Оп. 6. Д. 50. Л. 14]. Судя по всему, эти «поездки» были совершены, так как в письме С.Г. Строганову от 27 сентября он писал: «… я посетил местность Ахтанизовского лимана и гору Бориса и Глеба, где рассматривал местность и, по-видимому храм Артемиды-Агротеры. Но раскопки, которые необходимы на этом месте, потребовали бы моего неусыпного надзора, а по причине отдаленности этого места от Сенной и здешних моих многих занятий, к сожалению, в нынешнем положении я вынужден отказаться» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1859. Д. 14. Л. 42 об.]. В очередном письме С.Г. Строганову, от 2 октября, он добавляет, «что вскоре я посетил Фонтан и видел курганы и весьма замечательный вал Киммерийского полуострова, был также на Дубовом рынке, но найти там храм Афродиты Апатурийской будет весьма затруднительно» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1859. Д. 14. Л. 43]. Стоит отметить, что в одном из полевых журналов К.К. Гёрца, есть упоминания об исследовании насыпи за хутором Чижевского, где были случайно найдены две надгробные плиты. Культурный слой этого вала был насыщен фрагментами черепицы и керамики «поздних и весьма странных форм». На глубине 3 м была найдена ручка амфоры с клеймом и две монеты [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1859. Д. 14. Л. 67]. Как отмечал К.К. Гёрц: «… все эти прибрежные пепелища, лежащие в отдалении от хуторов и станиц, известны по нахождению в насыпях хорошо сохранившихся боспорских монет» [Гёрц, 1898, с. 62].

[8] Константин Карлович Гёрц (1826–1879) – художник, младший брат Карла Гёрца. Его авторству принадлежит серия известных акварельных рисунков окрестностей, насыпей и курганов Фанагории (см.: Античное наследие Кубани; Фанагория). Подлинники хранятся в НА РО ИИМК РАН (Р.I. Д. 563).

В 1864 г. раскопки на территории Таманского полуострова производил старший член ИАК – И. Е. Забелин[9]. По мнению исследователя, «необходимо было повсеместное собирание сведений о местных памятниках старины, в самом обширном смысле, начиная с земляных сооружений вроде городищ, валов, курганов и заканчивая самыми мелкими предметами древности, с целью создания топографической карты с отметками на ней всех упомянутых памятников» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 129. Л. 13]. И. Е. Забелиным была составлена небольшая заметка: «Замечание о древностях Таманского полуострова». В ней, отмечая археологическое богатство региона, он особо обращал внимание на курганы Близницы, курганы Васюринской горы, а также на возвышенности, идущие: к западу – от Близниц к Тамани, к востоку – до урочища Дубовый рынок и к северу до станицы Ахтанизовской [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1864. Д. 14. Л. 9 об.]. Среди архивных материалов никаких сведений о раскопках И. Е. Забелиным на территории сельских поселений не встречается. Нельзя не отметить, что исследования, проведённые им на территории городища Фанагории (1864,1869–1872 гг.), отличаются наибольшей систематичностью по сравнению с его современниками, хотя, конечно, с современных позиций и не выдерживают критики.

В 1866 г. А. Е. Люценко[10] руководил раскопками в одном из холмов, располагавшихся недалеко от Близниц. Строительных остатков в раскопе зафиксировано не было, хотя культурный слой был насыщен фрагментами амфор и сильно окислившихся монет [Гёрц, 1898, с. 63]. К. К. Гёрц так писал об этом поселении: «к северу от Близниц находится довольно обширная, окруженная валами возвышенность, которая носит название древнего городища. Говорят, что размеры городища невелики, но других сведений о нём мы не имеем» [Гёрц, 1898, с. 69]. Согласно современным данным, к северу от Близниц нет следов подобной возвышенности. Скорее всего, здесь имеется в виду поселение Вышестеблиевская 9, которое находится в 800 м к северо-востоку от Близниц [Гарбузов, Завойкин, 2012, с. 136].

В 1868 г. В. Г. Тизенгаузеном[11] было раскопано два кургана, лежавших по дороге к Тузле, в 2 км от Тамани. В одном из них было зафиксировано погребение в деревянном саркофаге, который находился внутри каменной катакомбы. В саркофаге была погребена женщина с богатым набором инвентаря. Стены катакомбы в соседнем кургане были оштукатурены и покрыты полихромным орнаментом [Гёрц, 1898, с. 69].

В 1870–1871 гг. В. Г. Тизенгаузен занимался исследованием ранее нетронутой части Таманского полуострова, лежащей между Азовским морем и Таманским заливом. Как отмечал исследователь, «кроме большого количества курганов, эта местность примечательна также по количеству небольших городищ, известных у местных жителей под названием «батарей», лежащих частью на берегу моря, либо же в недалеком от него

[9] Иван Егорович Забелин (1820–1908) – историк, специалист по Древней Руси, археолог, коллекционер, музеевед. Младший (1859), старший (1864), почетный (1886) член ИАК. С 1872 г. входил в Комиссию по постройке здания Исторического музея в Москве, с 1884 г. – товарищ председателя музея.

[10] Александр Ефимович Люценко (1807–1884) – инженер путей сообщения, археолог, коллекционер. Директор Керченского музея древностей (1853–1878), с 1859 г. включен в штат ИАК.

[11] Владимир Густавович Тизенгаузен (1825–1902) – востоковед-арабист, нумизмат, археолог. Производитель дел (1861–1864), младший (1864–1876), старший (1876–1894) член ИАК. Производил раскопки на территории Таманского полуострова в 1860–1870-х гг.

расстоянии» [ОАК 1870–1871, с. XII]. По свидетельству В.Г. Тизенгаузена, он ограничился исследованием двух городищ, которые располагались в северо-западной части Таманского полуострова, «где по словам Страбона находился Ахиллеон». Одно из этих городищ, примерно в 1 км от Северной Косы, представляло собой четырехугольное искусственное возвышение. На поверхности насыпи отсутствовали следы построек, была лишь визуально заметна котлообразная впадина, образовавшаяся, вероятно, от выборки строительного материала. Со всех сторон возвышения В.Г. Тизенгаузеном было заложено шесть траншей. В ходе раскопок оказалось, что насыпь городища имеет вдоль своих границ каменное основание, сложенное из дикарных и тесаных известковых плит, среди которых встречались надгробные стелы более раннего периода [ОАК 1870–1871, с. XIII]. С восточной стороны «батареи» были найдены пифосы, кувшины, жернова, большое количество фрагментированных амфор, грузила, обломки светильников и терракот, а также несколько монет. В настоящее время эта «батарейка» идентифицирована как Ильич 1 [Гарбузов, Завойкин, 2012, с. 130].

В насыпи, принадлежавшей меньшей по размеру «батареи», располагавшейся к юго-востоку от первой, было заложено несколько раскопов (вероятно памятник Батарейка 1). Строительных остатков выявлено не было, культурный слой был насыщен фрагментами амфор и столовой керамики. В одной из насыпей, лежавшей к северу от второй «батареи» была открыта плитовая гробница, перекрытая камкой. В ней находилось два костяка, ориентированные головой на запаД. У одного во рту была найдена византийская серебряная монета, а в районе грудной клетки – бронзовые пряжки и кольцо [ОАК 1870–1871, с. XIV].

В 1872 г. А.Е. Люценко проводил раскопки на территории «пепелища» вблизи Соленого озера, рядом с казенным кирпичным заводом. В насыпи были обнаружены фрагменты керамики и бронзовые монеты. В небольшом кургане, находившемся вблизи «пепелища», была открыта большая разграбленная земляная гробница, в которой сохранились два лепных горшка [ОАК 1872, с. XI]. В этом же году В.Г. Тизенгаузен продолжал исследования небольших «батарей» к северу от Таманского залива. Им была раскопана так называемая Каменная батарея, расположенная к востоку от Северной Косы. В ходе раскопок было установлено, что это земляное укрепление располагалось на естественном холме. Верхняя часть была возвышения укреплена дикарными камнями, перемежающимися со строительными фрагментами и надгробиями. Траншеи, заложенные В.Г. Тизенгаузеном, показали, что весь холм был прорезан ямами, вероятно, для хранения зерна. Среди находок встречались только фрагменты толстостенной керамики и монета II в. н. э. [ОАК 1872, с. XII]. По свидетельству К.К. Гёрца, таких «батарей» в этой части полуострова больше, чем где-либо в другой. Он также уточнял, что под названием «батарей» местные жители подразумевают насыпи четырехугольной формы, свидетельствующие о наличии в древности поселений на этих местах [Гёрц, 1898, с. 134]. Намного позднее исследователями было установлено, что так называемые крепости-батареи возникли на территории поселений и существовали какое-то время одновременно с ними, главным образом, в I в. до – I–II вв. н. э. [подробнее из недавних работ см.: Бонин, 2014; о плотности распределения поселений на Фонталовском полуострове см.: Гарбузов, Завойкин, 2012, с. 121–125].

В 1881 г. С. И. Веребрюсов[12] производил разведки у нескольких курганов к востоку от Титаровской станицы. Между Ахтанизовским лиманом и его рукавом, ныне, Старотитаровским лиманом, всё низменное пространство было покрыто множеством канав и небольших валов в разных направлениях. К югу простиралось ровное поле, покрытое многочисленными небольшими насыпными холмами овальной формы и высотой от 1,5 м до 3 м. По мнению С. И. Веребрюсова, эти возвышения могли составлять некрополь прежних обитателей, то есть, древних греков. По его же свидетельству, на территории самой станицы, среди улиц и на огородах местных жителей находилось несколько больших курганов. На южной окраине станицы возвышался так называемый Жидовский курган [ОАК 1881, с. XVIII]. В нём была обнаружена разоренная земляная гробница, в которой уцелели только фрагменты лепных сосудов, обломок бронзового зеркала, золотой листок от погребального венка, серебряный круглый сосуд с плотно закрытой крышкой и толстое железное кольцо. В другом кургане, к югу от предыдущего, были найдены две гробницы, выложенные деревянными брусьями и перекрытые ими. Оба погребения оказались безинвентарными.

Из вышеупомянутых холмов, рассеянных по полю, для раскопок С. И. Веребрюсовым было выбрано два самых больших. В каждом из них с западной стороны были открыты мужские погребения, ориентированные на юг. На одном из костяков сохранились следы предположительно шёлковой ткани, а в ногах – большие поливные кувшины, покрытые зеленой глазурью. Археолог отмечал, что в «пепелищах» (какие и где не уточняется) было сделано несколько разведок, показавших, что жилища здешних обитателей возводились не из камня, а из земляного (сырцового) кирпича [ОАК 1881, с. XIX].

В этом же году С. И. Веребрюсов заложил несколько раскопов у северной подошвы горы Дубовый рынок [Виноградов, 2009, с. 296], однако ход и результаты работ не известны [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1, Оп. 1–1881, Д. 7]. В записке, составленной им для нового председателя ИАК, А. А. Васильчикова[13], первоочередными объектами для раскопок на Таманском полуострове помимо Большой и Малой Близниц, значились: «городища, батарейки и курганы, находящиеся на разных урочищах между Таманью, Цукурским лиманом и Бугазом, курганы, рассеянные в окрестностях станций Старо-Титоровской, Стеблеевской и Ахтанизовской, а также в селении Фонтан и его окружностях» [Виноградов, 2009, с. 314].

В 1884 г. под руководством Ф. И. Гросса[14] был раскопан курган на церковном участке в Титаровской станице, под местным названием «Шаповалов». Окружность кургана составляла 14 м (?), высота – 6 м. С южной и западной стороны кургана было заложено несколько раскопов, в надежде найти уцелевшую от разграбления гробницу. Ближе

[12] Степан Иванович Веребрюсов (1819–1884) – статский советник, археолог. Директор Феодосийского музея древностей, Керченского музея древностей (1878–1884). Производил раскопки на территории Таманского полуострова в 1880-х гг.

[13] Александр Алексеевич Васильчиков (1832–1890) – дипломат, историк искусства, коллекционер. Директор Императорского Эрмитажа (1879–1888), второй председатель ИАК (1882–1886).

[14] Федор Иванович (Фридрих Иоганн) Гросс (1822–1897) – художник, археолог. Директор Керченского музея древностей (1862–1883), с 1888 г. – член ИАК. Автор известной серии рисунков и чертежей керченских катакомб и курганов.

Рис. 3. Фрагменты краснофигурного закрытого сосуда. Публ. впервые.
(НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1884. Д. 47. Л. 27 об.)

к центру кургана была обнаружена разоренная каменная гробница [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1884. Д. 47. Л. 26 об].

В том же году Ф. И. Гроссом был раскопан ещё один курган на земле станицы Вышестеблиевской, на южной стороне Ахтанизовского лимана. В ходе работ были открыты две разоренные гробницы, в которых было найдено несколько черепков от вазы с «рисунком вакхического содержания» (рис. 3) [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1884. Д. 47. Л. 27 об].

Раскопки проводились Ф. И. Гроссом и в отдаленных от Тамани окрестностях по направлению к мысу Панагия и Бугазу. Для изысканий им был выбран большой курган в 6 км к западу от Тамани, по дороге в Тузлу. В нём было обнаружено несколько кремаций в урне и в сырцовой гробнице. На 1,5 м выше материка была зафиксирована каменная гробница, а ближе к центру курганной насыпи находилась детская гробница. Рядом с погребённым ребенком лежали: «вазочка» с крышкой, фрагментированная лекана, алабастрида, ожерелье из позолоченных бусин, медное кольцо, 8 грузил, и пять терракотовых статуэток (2 – в виде сидящего мальчика, 1 – в виде стоящей женской фигуры, 2 – в виде стоящих мужских фигуры). Насыпь была насыщена фрагментами разбитой чёрнолаковой, краснофигурной посуды, свидетельствовавшей о совершении над каким-то из погребений тризны (всего – 105 фрагментов) [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1885. Д. 10. Л. 8].

В 1885 г. раскопки вблизи Титаровской станицы проводил Н. П. Кондаков[15]. Им были исследованы курганы в нескольких направлениях: вдоль холмистой возвышенности, идущей у Ахтанизовского лимана по направлению от хутора Яновского к Дубовому рынку, на холме от Цукурского лимана к горе Нефтяной и на равнинной части между этими возвышенностями. Как отмечает археолог, некоторые из этих курганов в первом направлении, были раскопаны ещё в 1830–1840-х гг. А. Б. Ашиком и Д. В. Карейшей.

[15] Никодим Павлович Кондаков (1844–1925) – историк-византиевист, археолог. С 1876 по 1891 гг. – член ИАК. 1888–1893 гг. – старший хранитель Отделения искусства средних веков и эпохи Возрождения Эрмитажа. С 1898 г. – член Императорской Академии наук. В 1880-х гг. проводил раскопки в окрестностях Фанагории.

Помимо этого был раскопан курган над высохшим Соленым лиманом. В ходе этих работ были обнаружены в основном разграбленные и безынвентарные взрослые и детские погребения [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1885. Д. 23. ЛЛ. 6–7 об.].

В 1886 г. под руководством Ф. И. Гросса проводилось «расследование курганов и сплошных могильников» к западу от Тамани. Всего было раскопано 11 насыпей [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1886. Д. 7. Л. 32 об.]. В основном все курганы оказались разграбленными. В одном из них была обнаружена нетронутая каменная гробница. В ней был погребен мужчина, на голове которого находился золотой венок с индикацией золотой монеты по центру. У черепа стояли две чёрнолаковые «вазы», одна – с двумя витыми ручками, опирающимися на основу в виде театральной маски, украшенной вокруг плющом. Другая – была украшена лепной головой Зевса. У правой руки погребенного находилось чернолаковое блюдо и серебряная чаша, у другой – серебряная ложка, серебряной ситечко и железный стригиль. В этом же кургане, с правой его стороны, была найдена сырцовая гробница с двумя погребенными. Их сопровождали: два лекифа с пальметтами, две монеты и три наконечника стрелы. С этой же стороны насыпи находилась каменная гробница, внутри которой стоял деревянный саркофаг, в котором был погребен мужчина. Рядом с ним были найдены: флакон, чёрнолаковая патера и железный стригиль [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1886. Д. 7. Л. 34]. В другом кургане было открыто детское погребение, в котором находились: несколько бусин, шесть астрагалов и украшение из слоновой кости с отверстием для привешивания.

В 1893 г. В. Г. Тизенгаузен писал К. Е. Думбергу[16] об обнаружении древнего могильника у станицы Вышестеблиевской, на территории которого было найдено несколько надгробных камней с надписями. Для раскопок этого некрополя К. Е. Думбергу был выдан Открытый лист и выделены деньги [НА РО ИИМК РАН. Ф.1. Оп. 1–1893. Д. 140. Л. 1]. К сожалению, в архиве отсутствует информация об этих работах [Виноградов, 2009, с. 346].

В сентябре 1900 г. К. Е. Думберг производил раскопки в районе станиц Сенной и Ахтанизовской, южного кордона Тамани, а также вдоль вершины горного хребта, тянущегося от сопки Блеваки к горе Цымбала, в районе Ахтанизовской станицы. Поводом для раскопок близ Ахтанизовской станицы послужила случайная находка казаком Яковом Лупиковым каменной гробницы с набором золотых и серебряных вещей, среди которых были: золотое ожерелье, две застежки, 28 бляшек и две серебряных чаши. В своем полевом рапорте К. Е. Думберг отмечал, что этот горный кряж «покрыт множеством мелких холмиков и курганов, что свидетельствует о наличии в этой местности древнего кладбища». За три недели раскопок было открыто десять гробниц, о которых сказано лишь то, что одна из них была «греческого» происхождения [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1890. Д. 23. Л. 198 об. ст.]. Недалеко от станции Сенной, в районе хутора Посполитаки, им было открыто ещё 30 гробниц, большая часть которых была ограблена.

Подводя итог изучению сельских поселений в XIX столетии, можно сказать, что они, несомненно, носили для исследователей второстепенное значение в сравнении

[16] Карл Евгеньевич Думберг (1862–1931) – археолог. С 1891 по 1901 гг. – заведующий Керченским музеем древностей. В 1896–1899 гг. впервые провел крупномасштабные раскопки Пантикапея. В 1890-х гг. проводил раскопки на территории Таманского полуострова.

с раскопками курганов. Вероятно, были произведены и эпизодические раскопки некрополей, относившихся к поселениям сельской округи, однако отрывочность сведений не позволяет в полной мере установить их принадлежность. До середины XIX в. раскопки на территории хоры, вообще, носили случайный характер. После основания Императорской археологической комиссии в 1859 г. перед исследователями впервые была официально поставлена задача по проведению археологических раскопок на территории античных сельских поселений. Однако сложность их локализации, нехватка средств и рабочей силы не позволили в полной мере реализовать эти задачи. Тем не менее, сопоставив полученные данные с результатами современных исследований, можно заключить, что некоторые памятники хоры, которые подверглись раскопками в XIX в., располагались именно в районах высокой плотности распределения поселений, выделенных на территории Таманского полуострова в последнее время. В первую очередь, это «максимальное ядро плотности», которое находилось на хоре Фанагории (раскопки в районе станиц Вышестеблиевская, Титаровская, лимана Соленый) [Гарбузов, Завойкин, 2012, с. 126]. Раскопки в окрестностях Тамани и в районе Южного кордона Тузлы совпадают с двумя областями распределения сельских поселений: в округе Гермонассы и у мыса Панагия, а также в западной и южной частях Западно-Цокурлиманской области [Гарбузов, Завойкин, 2012, с. 127]. Раскопки «батареек» и близлежавших курганов на Фонталовском полуострове четко совпадают с Фонталовской областью распределения поселений. Таким образом, уже тогда были верно намечены основные направления для дальнейших полевых исследований. Хотя, по сути, никаких научно-исследовательских задач в ходе проведения раскопок решено не было, они положили начало дальнейшему изучению сельских поселений уже в советский период.

Список литературы

Ашик, 1848. Ашик А. Б. Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. 1–3. Одесса.

Бонин, 2014. Бонин А. В. «Неукрепленные батарейки» //ДБ. Т. 18.

Виноградов, 2009. Виноградов Ю. А. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского //Императорская археологическая комиссия. СПб.

Гарбузов, Завойкин, 2009. Гарбузов Г. П., Завойкин А. А. Античная сельская территория: формальное описание и возможности исторической интерпретации //ДБ. Т. 13.

Гарбузов, Завойкин, 2012. Гарбузов Г. П., Завойкин А. А. Сельская территория центров Азиатского Боспора в период автономии (вторая половина VI – V в. до н. э.) и в составе державы Спартокидов (IV – начало III в. до н. э.) //ДБ. Т. 16.

Гарбузов, 2013. Гарбузов Г. П. Некоторые результаты сплошных разведок в округе Фанагории //БФ. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Мат. межД. конФ. СПб.
Гёрц, 1898. Гёрц К. К. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб.
Кругликова, 1975. Кругликова Т. С. Сельское хозяйство Боспора. М.
Паромов, 1994. Паромов Я. М. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху. Автореферат дисс. канД. ист. наук. СПб.
Тункина, 2002. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – сер. XIX в.). СПб.
Тункина, 2010. Тункина И. В. История изучения //Античное наследие Кубани. Т. 1. М.
Maslennikov, 2007. Maslennikov A. A. Small and Poorly Studied Towns of the Ancient Kimmerian Bosporos //Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Oxford.
Zastrozhnova, 2012. Zastrozhnova E. G. The first archaeological researches of the Imperial Archaeological Commission in the South of Russia: C. C. Goerz's excavations at Phanagoria (1859) //Archaeology and Linguistics in the modern world. Exchange of knowledge in the History of Mankind /Humboldt Colleague; Simferopol, Yalta.

Summary

E. G. Zastrozhnova

Archaeological excavations of rural settlements of the Taman peninsula in the nineteenth century

Study of rural settlements of the Asian part of the Bosporos is crucial to the understanding of economic relationships between cities and rural countryside, and for the recovery of the historical process of the Taman peninsula colonization. Even at present, the rural sites of Taman are irregularly studied. With regard to the nineteenth century, throughout its duration, the mounds were of the main interest to researches. Ancient settlements, especially rural settlements, were not correctly localized at the time, not to mention they should have been the object of independent research. Before the mid-nineteenth century excavations on the territory of the rural districts were random and fragmented. After the founding of the Imperial archaeological Commission in 1859, the researchers were first officially tasked with excavation of ancient rural settlements. Excavations were conducted in the area of Fontalovskiy peninsula, near Chora of Phanagoria and Hermonassa and in the vicinity of Korokondame. However, the complexity of their localization, the lack of material resources and human resources failed to accomplish the Commission tasks. No purely scientific objectives were implemented; however, the question was raised about the necessity of learning the rural territory adjacent to the cities of the Asian Bosporos.

А. А. Иванов
(ОАО «Наследие Кубани», Краснодар)

Охранно-спасательные исследования поселения эллинистического времени «Усадьба «Виноградник» в 2014 г.

В ноябре – декабре 2014 г. археологической экспедицией ОАО «Наследие Кубани» под руководством автора были проведены охранно-спасательные раскопки только что выявленного объекта археологического наследия – поселения эллинистического времени «Усадьба «Виноградник», попавшего в зону строительства берегового примыкания газопровода «Южный поток»[1]. Поселение расположено в 1,1 км к югу-юго-западу от восточной окраины с. Варваровка, входящего в состав г-к. Анапы Краснодарского края (рис. 1, *а*) в юго-восточной части обширной мысовой площадки, образованной пересечением русла р. Шингарь и безымянной балки, ограничивающей западный склон горы Шусева (рис. 1, *б*). Поскольку памятник был выявлен в ходе масштабных строительных работ, сильно изменивших рельеф местности, говорить о топографии и границах памятника можно лишь в общих чертах. Судя по данным топосъёмки, сделанной до начала строительных работ, мысовая площадка представляла собой покатый склон, плавно понижающийся к западу и юго-западу (рис. 2, *а*). Этот участок долгое время находился в зоне хозяйственного освоения. До начала строительства западный склон г. Шусева использовался под виноградники и в течение нескольких десятилетий подвергался плантажной распашке. На начальной стадии строительных работ по всей площади землеотвода был снят верхний плодородный слой. После этого в пределах мыса, образованного балкой и руслом реки, строителями была начата выемка грунта на глубину до 5 м, с целью устройства бетонированной площадки для входа микротоннелей берегового примыкания газопровода. Необходимо отметить, что как на этапе предварительного археологического обследования, так и в ходе археологического надзора, на начальной стадии строительных работ, признаки археологического памятника в виде подъемного материала или обнажений участков культурного слоя визуально не прослеживались. Остатки античного поселения были выявлены только в процессе надзора за работой тяжелой землеройной техники, осуществлявшей выемку грунта на большой площади.

[1] Материалы из раскопок поселения «Усадьба «Виноградник» в 2014 г. переданы на постоянное хранение в Анапский Археологический музей-филиал государственного бюджетного учреждения культуры Краснодарского края «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына».

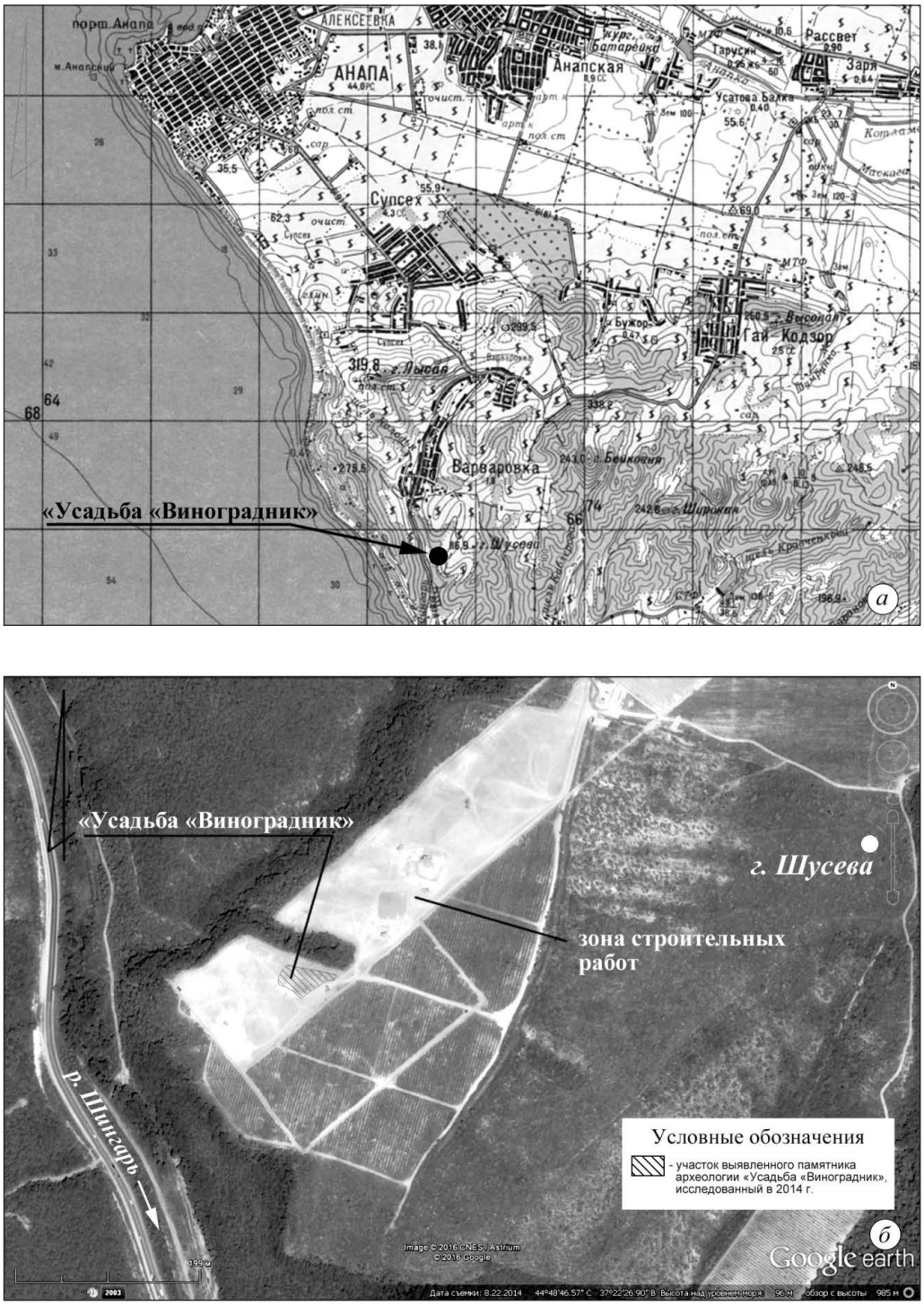

Рис. 1. План-схема расположения поселения «Усадьба «Виноградник» и космоснимок округи поселения: *а* – план-схема расположения памятника; *б* – космоснимок поселения «Усадьба «Виноградник» и его округи (по материалам сервиса Google Earth)

После остановки земляных работ от указанной мысовой площадки, содержавшей остатки древнего поселения, сохранился останец с отвесными обрывами (1,2–5 м), имевший форму неправильного четырёхугольника (61×34 м), вытянутого по линии запад-восток (рис. 2, *б*). В его юго-восточном и северо-восточном бортах прослеживались профили котлованов жилищ, каменных стен и отдельные участки сохранившегося культурного слоя. В осыпях грунта по периметру останца был собран подъёмный материал, позволивший провести первичную культурно-хронологическую атрибуцию памятника. Находки представлены фрагментами амфор, пифосов, черепицы и красноглиняных столовой посуды.

В пределах останца мысовой площадки был заложен раскоп площадью 1031,2 кв. м, сориентированный по сторонам света.

В большинстве случаев, за исключением мест полного разрушения культурного слоя, стратиграфия исследованного участка поселения оказалась достаточно однообразной (рис. 2, *г*). В верхнем горизонте залегал слой (0,14–0,42 м), сформировавшийся в результате многолетней плантажной распашки – мешаный, слабо гумусированный, среднекомковатый суглинок, насыщенный обломками горных пород. В отдельных местах, преимущественно в восточной и центральной частях раскопа, под ним залегали развалы камня остатков древних построек. Именно под этими развалами сохранились участки непотревоженного культурного слоя в виде золистого, слабо гумусированного суглинка коричневого цвета мощностью от 0,12 до 0,26 м. Подстилавшие его материковые породы представляли собой суглинок пылевой структуры серо-желтого цвета. Практически по всей площади раскопа зафиксированы выходы скальных пород в виде вертикальных гребней.

Говоря о стратиграфии исследованного участка поселения, необходимо упомянуть следующий фактор. По мнению специалистов-геоморфологов, на западном склоне г. Шусева в течение продолжительного времени шёл процесс активного делювиального смыва, а также плоскостной и линейной эрозии почв. Они могли быть причиной практически полного уничтожения (смыва) погребенного культурного слоя на большей части площади поселения, а также перекрытия его отложениями тяжелосуглинистого субстрата с включением обломочного материала, характерного для активного протекания склоновых процессов и образования делювия[2]. Именно это обстоятельство и объясняет отсутствие подъемного материала и визуальных признаков древнего поселения на дневной поверхности мысовой площадки. Подтверждает выводы геоморфологов и тот факт, что значительная часть керамических находок оказалась окатанной и крайне фрагментированной. Отметим также, что выводы геоморфологов, объясняющие особенности протекания склоновых процессов, оставляют открытым вопрос о границах выявленного памятника. Традиционная практика закладки шурфов в нашем случае оказалась неэффективна, а анализ рельефа, к сожалению, стал невозможен вследствие упомянутых масштабных земляных работ. Вместе с тем, в 2015 г. был открыт ещё один участок застройки усадьбы, располагавшийся в непосредственной близости (в 55 м к востоку) от раскопа 2014 г. Здесь при полном уничтожении (размытии) культурных напластований хорошо сохранились остатки древней постройки с каменными стенами, за пределами которых залегал

[2] Выражаю свою искреннюю признательность аспиранту кафедры геоморфологии и палеогеографии Московского Государственного Университета им М. В. Ломоносова А. К. Малютиной за ценную консультацию.

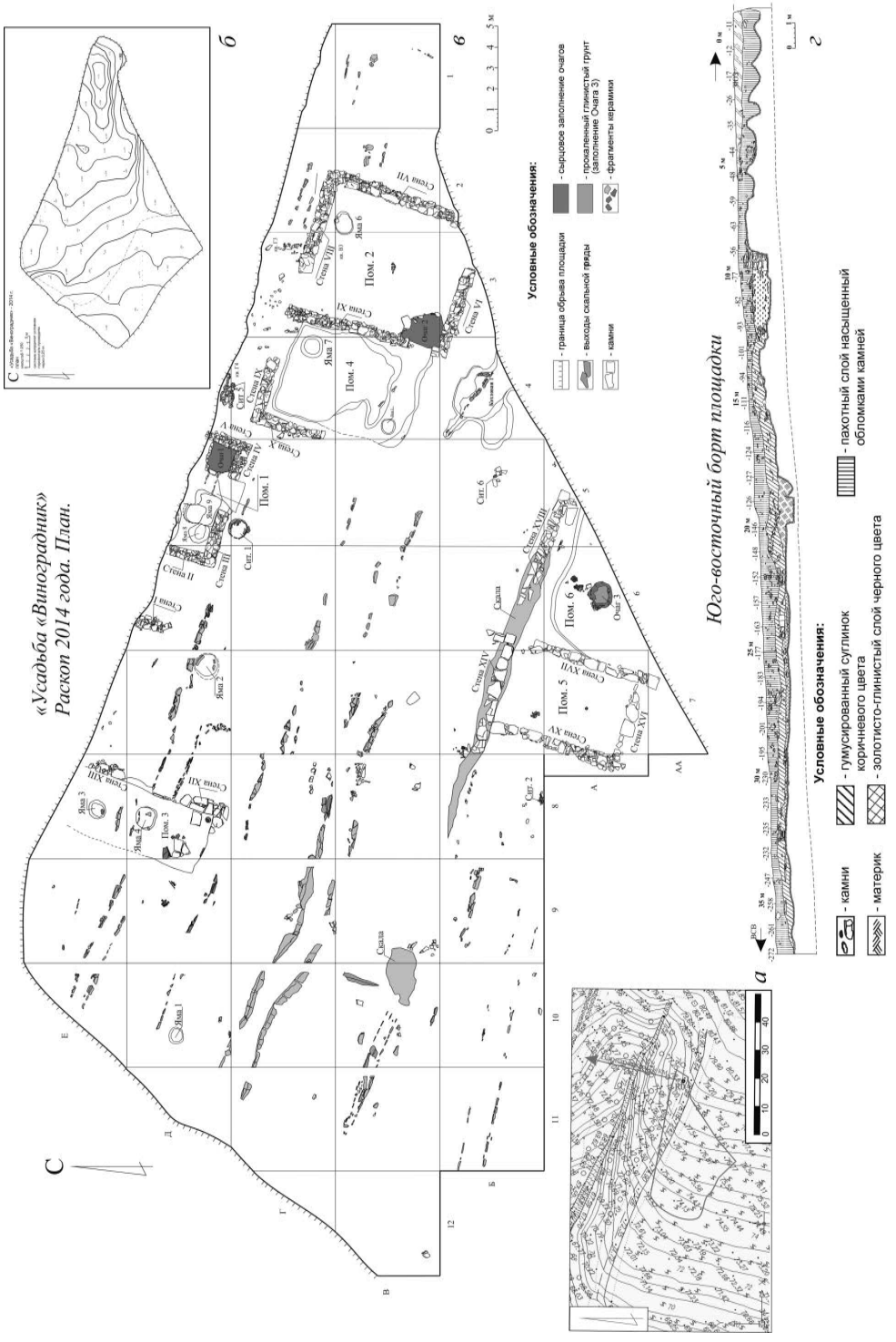

Рис. 2. Топографические планы поселения «Усадьба «Виноградник» и план раскопа 2014 г.
а – топографический план участка, снятый до начала строительных; *б* – топографический план останца мысовой площадки; *в* – план раскопа 2014 года; *г* – профиль юго-восточного борта останца мысовой площадки

однородный стерильный грунт, сформированный делювиальными отложениями[3]. Это не исключает вероятности выявления в ходе последующих земляных работ на оконечности западного склона горы Щусева новых участков этого античного поселения.

Раскопками 2014 г. было исследовано 10 ям, 6 так называемых археологических ситуаций и остатки стольких же помещений (рис. 2, *в*). В двух случаях доследованы остатки построек, частично уничтоженных в ходе строительных работ. Кроме этого были выявлены развалины двухкамерного строения, получившего условное наименование «Дом 1» и часть ещё одной постройки – «Дом 2». Она также состояла не менее чем из двух помещений. В северной части раскопа были прослежены остатки также частично уничтоженной строителями постройки, получившей название «Помещение 1» (рис. 2, *в*; 3). Четырехугольное в плане, ориентированное углами по сторонам света, заглублённое в землю оно имело размеры по периметру сохранившихся каменных стен 6,28×2,24–2,36 м. Ширина их кладок, увязанный между собой вереплёт, колебалась в пределах 0,46–0,61 м. В юго-западной стене имелся дверной проем шириной 1,58 м.

Стены Помещения 1 были заглублены в котлован, выкопанный, очевидно, до начала с целью нивелировки перепада высот на склоне площадки. Профиль его хорошо читался в зачищенном срезе останца площадки (рис. 3, *б*). Таким образом, дно котлована залегало на 0,40–0,47 м ниже уровня материка за пределами периметра стен постройки, основания которых находились на дне котлована (рис. 3, *г*). Кладки сохранились в высоту до 0,96 м. Пол помещения, очевидно, был земляной, но определить его не удалось. Зато у дна котлована, под завалом камня и затечного глинистого грунта был прослежен тонкий слой золисто-глинистого грунта черного цвета. При его разборе выявлено скопление древесного угля и находки, залегавшие примерно на одном уровне. Они и маркировали пол помещения (рис. 3, *а*).

В юго-восточном углу Помещения 1 были обнаружены остатки очага («Очаг 1»). Полуовальный в плане (1,51×1,64 м) он представлял собой примыкавшую к стенам выкладку из одного ряда камней (рис. 3, *а*; 4, *а*). Внутри неё имелось глинобитное заполнение – по́д очага. Были прослежены и остатки прокаленной глиняной подмазки. Под подом печи (на одном уровне с основанием её стенок, на выровненной площадке материкового грунта) находилась «выкладка» из горизонтально лежавших амфорных стенок (рис. 4, *б*). По всей видимости, этот объект можно интерпретировать как очаг открытого типа. Отметим также, что нижний слой заполнения котлована Помещения 1, представлявший собой золистые отложения черного цвета, очевидно, мог сформироваться в результате выброса золы из этого очага.

Возле него был расчищен значительный развал керамики. Удалось собрать несколько профильных частей лепной посуды, в том числе большой археологически целый сосуд с выделенными плечиками и высоким, отогнутым наружу венчиком (рис. 5, *1–6*) и верхнюю часть крупного красноглиняного сосуда (рис. 5, *7*). Из керамических обломков заполнения Помещения 1 отметим археологически целый красноглиняный кувшинчик (рис. 5, *9*). Слева от входа, на условном полу помещения, был расчищен развал фрагментов столовой

[3] Работы проведены под руководством главного специалиста ОАО «Наследие Кубани» О. Ф. Жупанина, которому автор благодарен за предоставленную информацию.

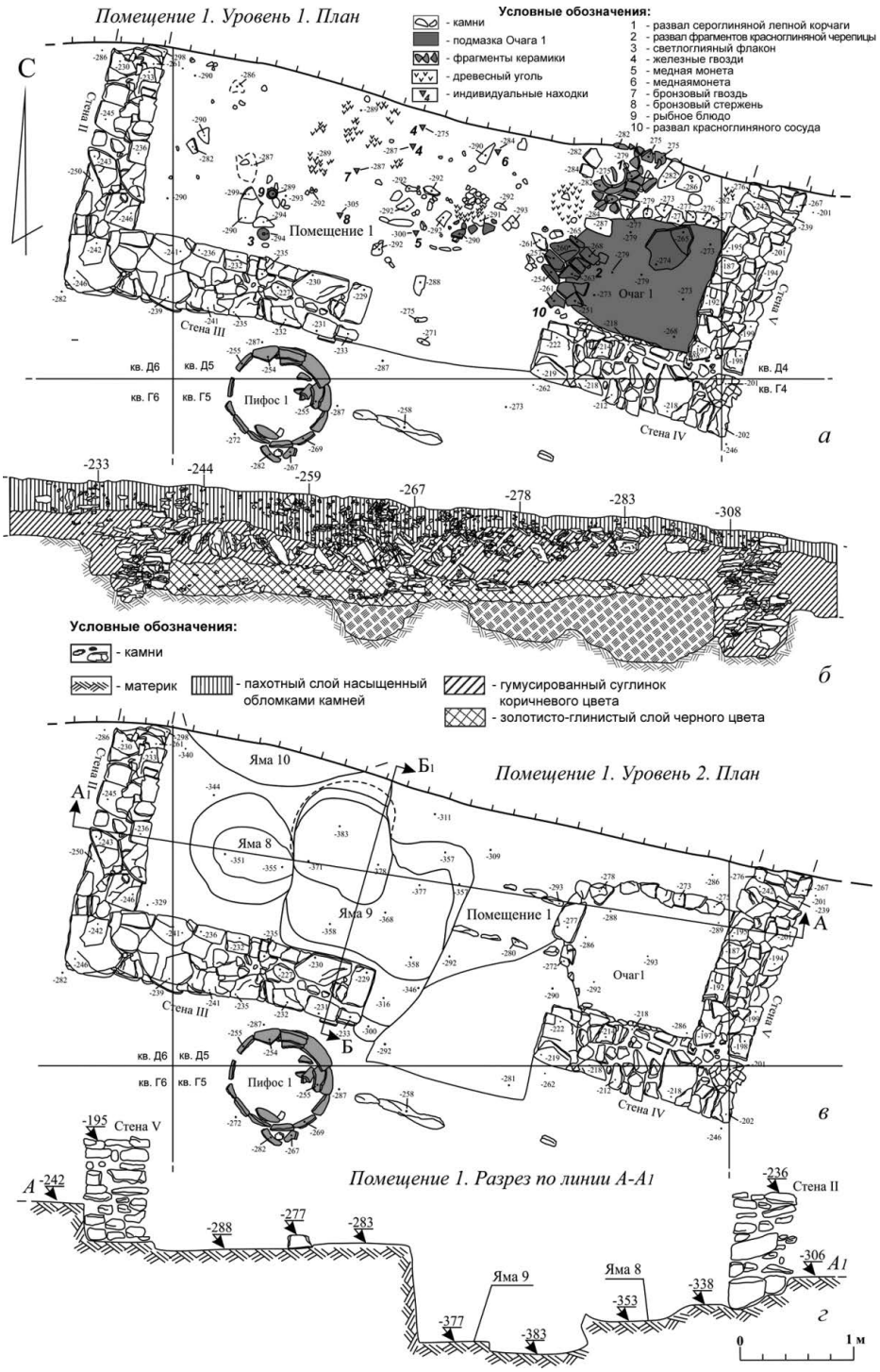

Рис. 3. «Усадьба «Виноградник». Планы и разрезы Помещения 1
а – план Помещения 1 на первом уровне фиксации; *б* – профиль Помещения 1 в северо-восточном борту останца мысовой площадки; *в* – план Помещения 1 на уровне материка; *г* – разрез Помещения 1 по линии А-А1

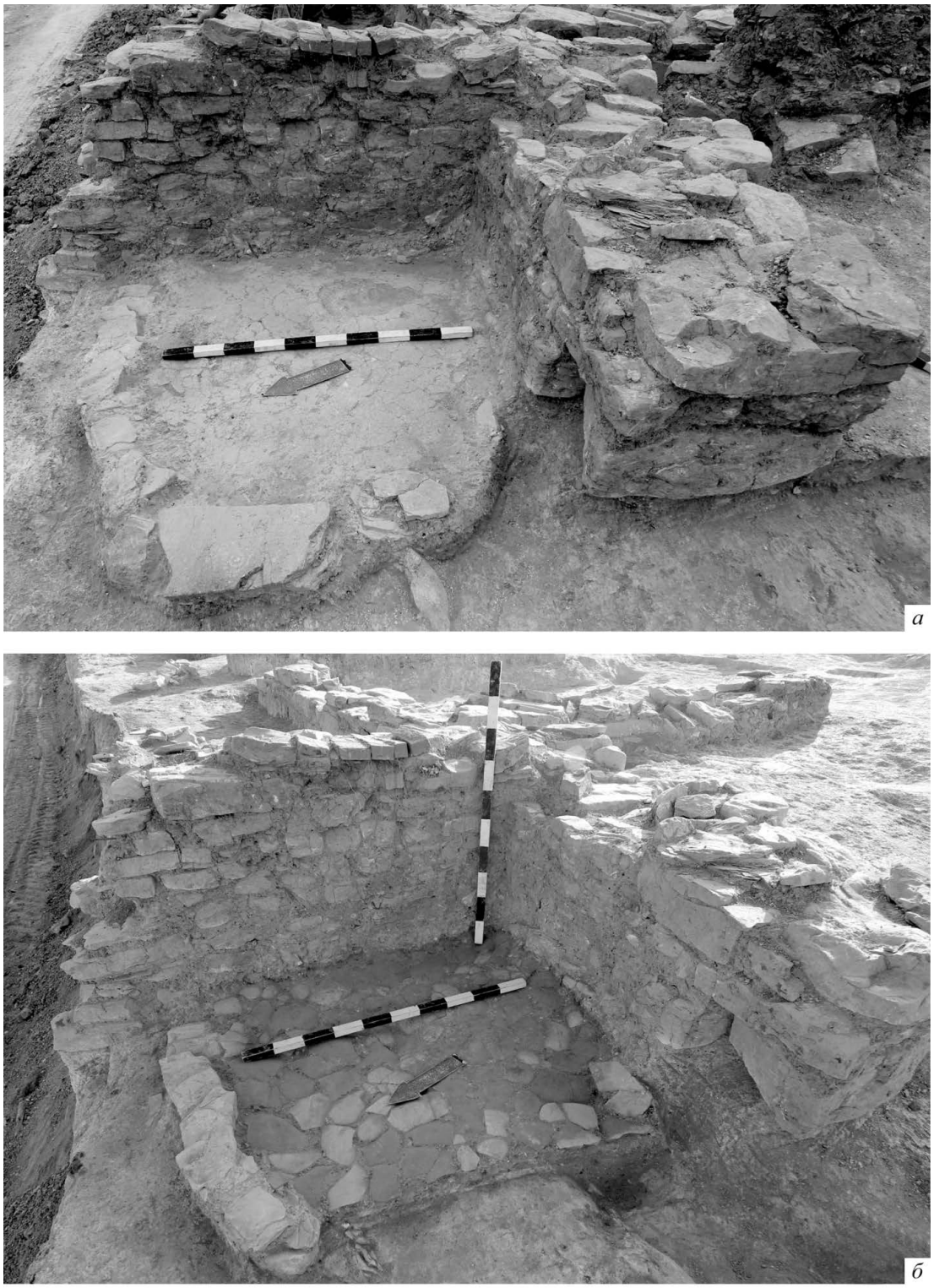

Рис. 4. «Усадьба «Виноградник». Остатки очага в Помещении 1
а – общий вид очага; *б* – выкладка из черепков амфор во внутреннем пространстве очага

посуды, из числа которых удалось собрать рыбное блюдо, красноглиняные миску, и амфориск и светлоглиняный флакон (рис. 5, *11, 10, 12, 13*). На этом же уровне обнаружены: бронзовый и два железных гвоздя, бронзовый стержень и фрагмент терракотовой статуэтки (протомы) (рис. 5, *14, 18, 19, 15, 20*). При расчистке упомянутого золистого слоя найдены две однотипные медные боспорские монеты с изображением головы безбородого сатира в венке влево на лицевой стороне и лука, стрелы и надписи ΠΑΝ внизу на оборотной (рис. 5, *16, 17*). Монеты относятся к эмиссии 2–3-й четверти III в. до н.э[4]. Массовый материал из разбора заполнения Помещения 1 представлен обломками синопских амфор и красноглиняной столовой посуды, в том числе мисок, рыбных блюд, кастрюль, кувшинчиков. Присутствовали и обломки плоских красноглиняных керамид (рис. 5, *8*).

После снятия золистого слоя на дне котлована Помещения 1 выявлена группа вырытых в материке ям (рис. 3, *в*). Одна из них представляла собой углубление округлой формы с пологими стенками и слегка прогнутым дном. Находки в яме отсутствовали. Яма подчетырехугольная в плане была прослежена ближе к центру площади этого помещения. Её заполнял мешаный чёрный, золисто-глинистый грунт, идентичный нижнему слою заполнения помещения. В нём находились фрагменты амфорной тары и красноглиняной столовой посуды. С внешней стороны, слева от входа в помещение, были расчищены остатки вкопанного в землю красноглиняного пифоса, от которого сохранилась большая часть тулова и упавшего вовнутрь массивного венчика (рис. 3, *а*, *в*).

В восточной части Раскопа I, под довольно мощным завалом камней были открыты остатки заглубленной в землю двухкамерной постройки с каменными стенами, получившей обозначение Дом 1 (рис. 2, *в*; 6). Его прямоугольные в плане размеры – 12,62×8,06 м. Ширина кладок 0,52–0,63 м. Внутреннее пространство разделено перегородкой. Вход, очевидно, располагался с северо-востока, о чём говорит прослеженный «разрыв» кладки. Стены в северо-западном углу постройки соединены в переплет, а в северо-восточном – встык. Юго-восточный угол был снесён строителями. Южная и часть западной стены следующего помещения (№ 4), хотя и оставались в пределах сохранившейся части памятника, оказались разрушенными в результате плантажной распашки.

При возведении постройки был вырыт котлован, профиль которого хорошо читался в срезе останца мысовой площадки в юго-восточном углу Помещения 2 (рис. 2, *г*). Вероятно, как и в предыдущем случае, это было сделано с целью нивелировки рельефа в месте, на которой был построен Дом 1. Заполнение котлована – рыхлый золисто-глинистый грунт серо-коричневого цвета. В восточной части постройки, в пределах Помещения 2, основания стен располагались на дне котлована по его периметру. Стены в северо-западной части были возведены на «ступеньке», устроенной вдоль стенок котлована. Пол помещений данной постройки, по всей вероятности, также был земляной; подмазок или вымосток прослежено не было.

В юго-западном углу Помещения 2 располагался очаг (рис. 6), конструктивно аналогичный вышеописанному (полуовальная в плане каменная выкладка). Размеры его снаружи – 1,88×1,27 м. Внутри сохранился по́д и остатки прокалённой обмазки стен, но выкладка из черепков амфор не представляла собой единого массива. В северо-восточном

[4] Определение монет из раскопок 2014 г. выполнено к. и.н. С. И. Безугловым.

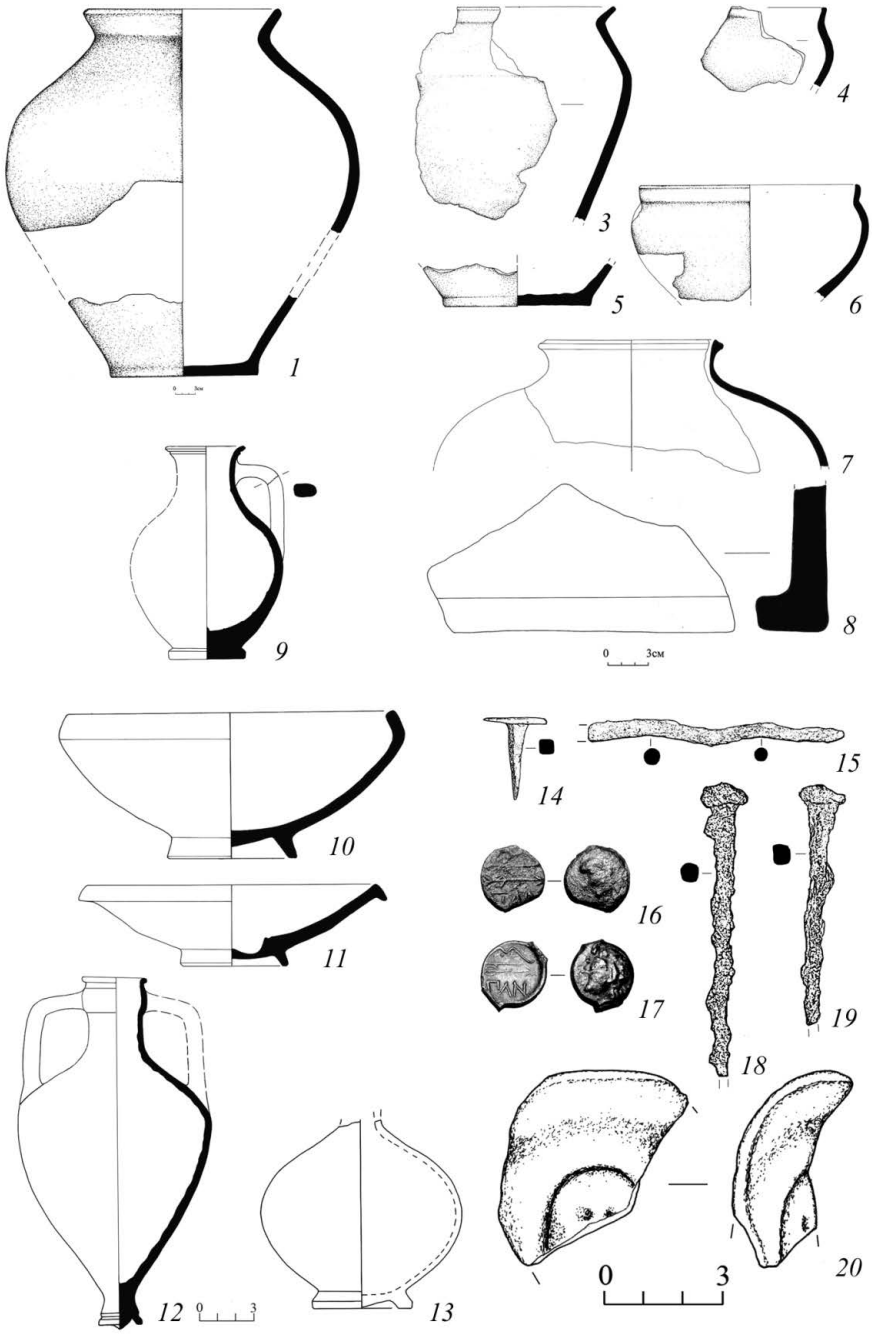

Рис. 5. «Усадьба «Виноградник». Находки из заполнения Помещения 1
1–6 – фрагменты лепных сосудов; *7* – фрагмент края красноглиняного сосуда; *8* – профильный фрагмент черепицы; *9* – красноглиняный кувшинчик; *10* – красноглиняная миска; *11* – красноглиняное рыбное блюдо; *12* – красноглиняный амфориск; *13* – светлоглиняный флакон; *14* – бронзовый гвоздь; *15* – бронзовый прут; *16, 17* – медные боспорские монеты; *18, 19* – железные гвозди; *20* – фрагмент терракотовой протомы. *1–13* – керамика; *14, 15* – бронза, *16, 17* – медь; *20* – терракота

углу того же помещения прослежена неглубокая округлая в плане яма размером 0,85×1,11 м. В её заполнении находки отсутствовали. Еще две округлые в плане ямы, также без находок, были выявлены в северо-восточном и юго-западном углах Помещения 4.

В ходе исследований Дома 1 было сделано достаточного много разнообразных находок (рис. 7). Амфорная тара представлена обломками родосских, синопских и фасосских сосудов. Также в большом количестве были встречены фрагменты красноглиняной столовой посуды: мисок, рыбных блюд, тарелочек, кувшинов, а также светлоглиняного лутерия. Лепная керамика представлена плоскодонным изделием открытого типа со слегка отогнутым наружу невысоким бортиком и ручкой-упором в виде налепного валика П-образной формы (рис. 7, *1*). Среди фрагментов чернолаковой керамики – аттические миски и канфары (рис. 7, *9–11, 15, 16*), а также край тарелки, покрытой тонким слоем матового лака бурого цвета (рис. 7, *12*) и стенка орнаментированного эллинистического кубка (рис. 7, *13*). Суммарно фрагменты этих чернолаковых сосудов, датируются от рубежа IV–III вв. до н. э. до первой половины II в. до. н. э.[5] Кроме того, в заполнении котлована Помещения 4 был обнаружена часть горла родосской амфоры с (рис. 7, *8*) с эпонимным клеймом «ΕΠΙΕΥΚΛΕΥΣ» 80-х годов III в. до н. э.[6] В помещений 2 и 4 было найдено 10 медных боспорских монет (рис. 7, *17–26*). Наиболее ранняя – обол эмиссии ок. 315–300 гг. до н. э. (л. с. голова безбородого сатира в венке влево, о. с. голова быка в ¾ оборота влево, по кругу слева направо – П-А-N (рис. 7, *21*). Самая поздняя – конца III – середины II вв. до н. э. (л. с. голова Аполлона в диадеме вправо, о. с. лук, стрела, внизу – ΠΑΝ (рис. 7, *17*). Из индивидуальных находок следует отметить красноглиняный светильник, относящийся к типу «кувшинчик» с вертикальной ручкой петлевидной ручкой и рожком (рис. 7, *2*), керамический грузик пирамидальной формы (рис. 7, *4*), железный ключ (рис. 7, *6*), бронзовый предмет (фибула?) (рис. 7, *3*), свинцовый грузик, бронзовые гвозди и железный гвозди (рис. 7, *5*). В юго-западном углу Помещения 2, непосредственно возле очага, найден бронзовый перстень с плоским овальным щитком. На нём врезанное изображение Гермеса (?), держащего в правой руке опущенный факел (рис. 7, *7*).

К Западу от Помещения 1, в северо-западной части раскопа, были выявлены остатки прямоугольной заглубленной в землю, плохо в целом сохранившейся постройки с каменными стенами – Помещение 3 (рис. 2, *в*; 8, *1*). Северный её край уничтожен котлованом строительной площадки, а стены с южной и западной сторон разрушены плантажной распашкой. Тем не менее, удалось выявить юго-восточный угол и остатки стен, сохранившихся вдоль восточной стороны постройки. После разбора завала камней к западу от сохранившихся участков кладок восточной стены, был прослежен контур прямоугольного в плане котлована и исследовано его заполнение. Данная постройка имела прямоугольную в плане форму размером 7,36×3,40 м. Между участками каменных кладок восточной части помещения имелся разрыв в 2,82 м, очевидно, образовывавший вход. Эти кладки имели длину соответственно: 2,47 и 1,92 м при ширине 0,61–0,63 м. Размеры сохранившейся заглублённой в материк на 0,21–0,22 м части котлована составили 6,73×3,05 м. Дно

[5] Пользуясь случаем, благодарю Т. В. Егорову за консультацию по определению фрагментов чернолаковой керамики.

[6] Определения амфорных клейм из раскопок 2014 г. выполнены доц. каф. археологии ЮФУ, к. и. н. С. М. Ильяшенко.

Рис. 6. «Усадьба «Виноградник». План и разрез Дома 1
а – план постройки; *б* – разрез постройки по линии А-А1

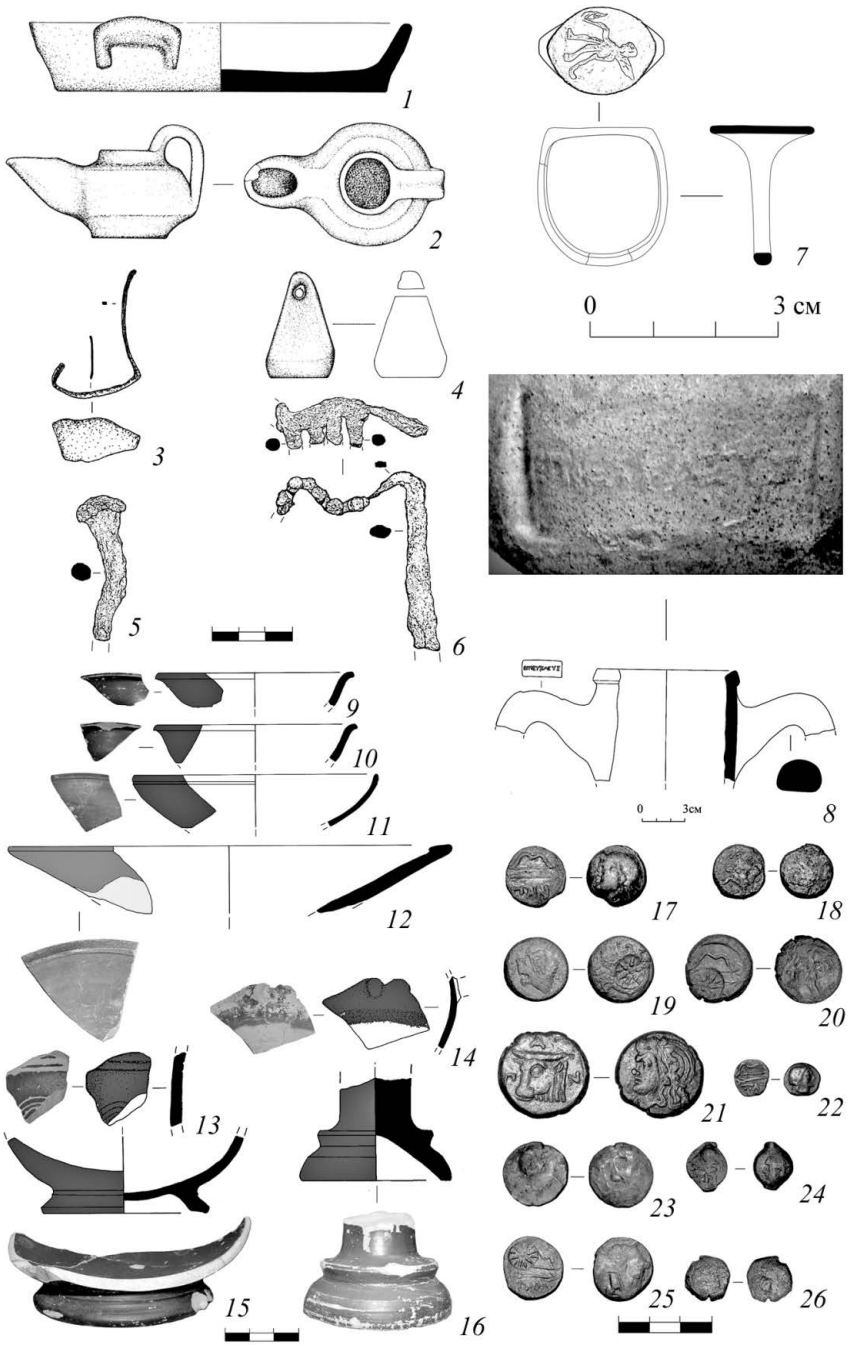

Рис. 7. «Усадьба «Виноградник». Находки из заполнения помещений Дома 1
1 – лепной сосуд с невысоким бортиком и ручками упорами; *2* – красноглиняный светильник; *3* – бронзовый предмет (фибула?); *4* – керамический грузик; *5* – железный гвоздь; *6* – железный ключ; *7* – бронзовый перстень; *8* – фрагмент горловины родоской амфоры с клеймом на сохранившейся части ручки; *9–16* – фрагменты чернолаковых сосудов; *17–26* – медные боспорские монеты
1–2, 4, 8–16 – керамика; *3, 7* – бронза; *17–26* – медь; *5, 6* – железо

его ровное, с небольшим наклоном к северу и западу в южной части. На нём, кое-где прослеживались выходы скальных гребней. Стенки сохранившейся части котлована вертикальные. В центре Помещения 3, на уровне дна котлована, обнаружена расколотая необработанная мергелевая плита размером 1,67×1,22 м. Там же расчищены две округлые в плане неглубокие ямы. В заполнении одной из них встречены стенки амфор и пифоса. В юго-восточном углу рассматриваемого помещения, чуть выше уровня материка, была обнаружена лежавшая вверх дном красноглиняная миска (рис. 8, *3*). У западной стенки котлована помещения – большой обломок красноглиняной черепицы (солена) (рис. 8, *2*), а в юго-восточной части котлована, на уровне материка – керамический грузик пирамидальной формы (рис. 8, *4*) и железный предмет неясного назначения (рис. 8, *5*).

В юго-западной части Раскопа I выявлены остатки еще одного строительного комплекса, получившего условное наименование Дом 2, от которого сохранилась стены двух смежных помещений (№№ 5 и 6) (рис. 2, *в*; 9). Размеры уцелевшей части всей этой постройки 13,77×7,64 м. Остатки стен Помещения 5, имевшего прямоугольную в плане форму, прослежены по всему его периметру, тогда как от разрушенного строителями Помещения 6 сохранилась лишь северо-восточная стена. Тем не менее, можно предполагать, что оно также было прямоугольным в плане.

Помещение 5 по внутреннему периметру имело размеры 5,94×3,74 м. При разборе глинисто-золистого заполнения признаков пола или каменных конструкций не обнаружено. Следует отметить, что уровень материка внутри помещения находился ниже уровня основания стен на 0,21–0,24 м. Очевидно, оно также имело неглубокий котлован по периметру стен. Вход, возможно, располагался в северо-восточной стене, где имелся разрыв в кладке шириной 0,82 м.

С Востока к этому помещению примыкало следующее (№ 6), юго-восточная часть которого была уничтожена строительными работами. Сохранившиеся размеры его изнутри не менее, чем 7,68×7,04 м. При выборке заполнения пол также не был прослежен. Но вдоль сохранившихся стен снаружи зафиксированы границы вырытого под него прямоугольного с закруглёнными углами котлована. Дно его ровное, почти горизонтальное, со следами нивелировочных подтёсов скальных выходов. В заполнении у дна расчищено скопление фрагментов лепной посуды и остатки ещё одного очага, который располагался в центре помещения. Он имел округлую в плане форму 1,41×1,28 м. В высоту его стенки в виде прокалённого слоя глины коричневого цвета сохранились на 0,38–0,40 м. Изнутри очаг был заполнен прокаленным золисто-глинистым грунтом красноватого цвета. В непосредственной близости от очага были найдены следующие предметы: фрагменты терракотовой статуэтки (рис. 10, *1*), ножка лепной курильницы с рельефным растительным орнаментом (рис. 10, *5*), чернолаковая миниатюрная миска (рис. 10, *2*), сероглиняный бальзамарий (рис. 10, *4*), сероглиняный сосудик с высоким горлом, близкий бальзамарию, с процарапанным каннелированным орнаментом по тулову (рис. 10, *3*), керамический грузик (рис. 10, *6*), железный гвоздь (рис. 10, *7*), железный нож (рис. 10, *8*) и медная боспорская монета конца III – середины II вв. до н. э. (л. с. голова Аполлона в диадеме вправо; о. с. лука в горите, надпись ΠΑΝ внизу) (рис. 10, *9*). Среди датирующих находок в помещениях Дома 2 упомянем край аттического канфара с формованным венчиком рубежа IV–III до. н. э. и (в районе Помещения 5) четыре

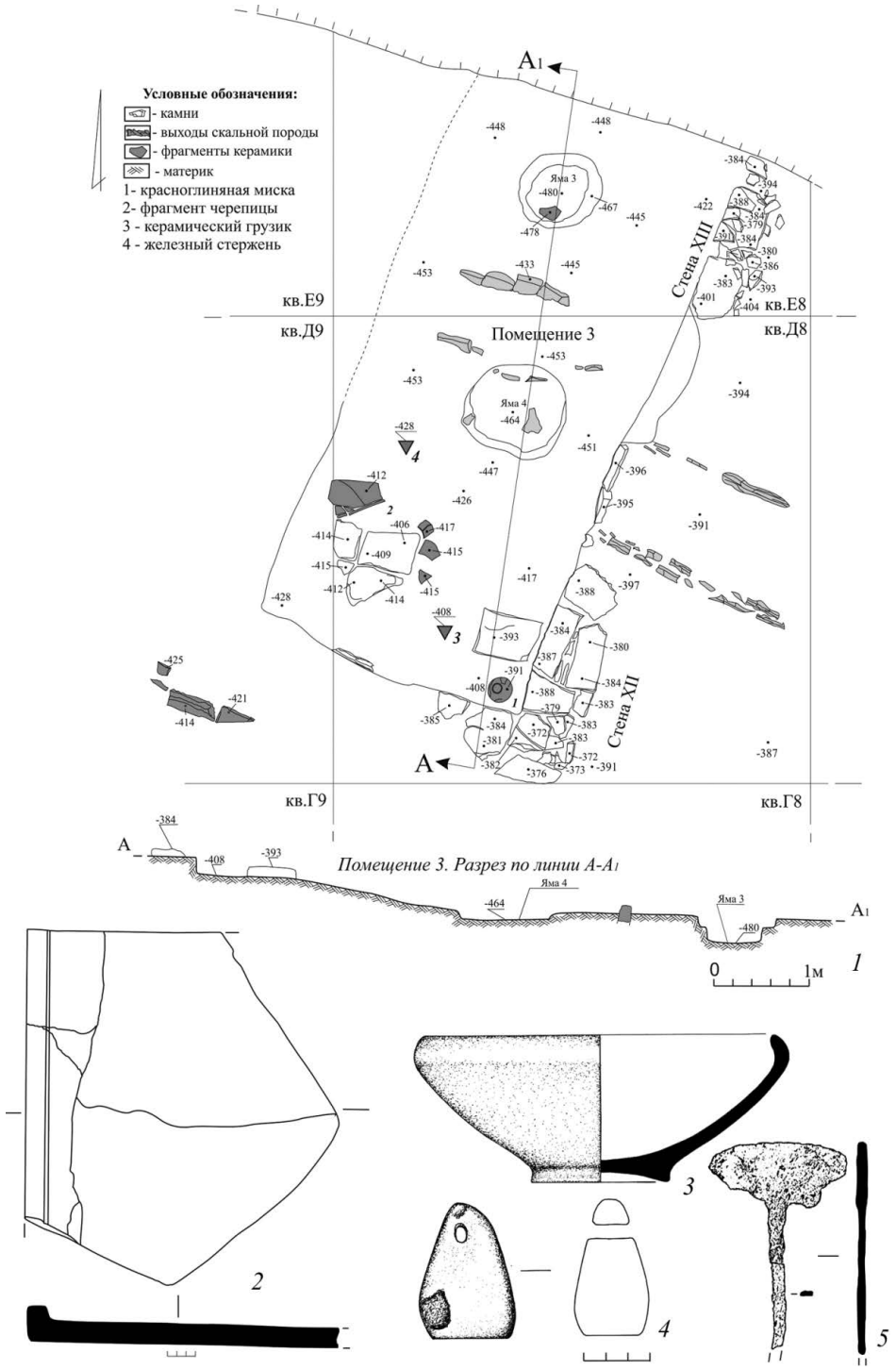

Рис. 8. «Усадьба «Виноградник». План Помещения 3 и обнаруженные в нём находки
1 – план помещения; *2* – фрагмент красноглиняной черепицы (солена);
3 – красноглиняная миска; *4* – керамический грузик; *5* – железный предмет.
2–4 – керамика; *5* – железо

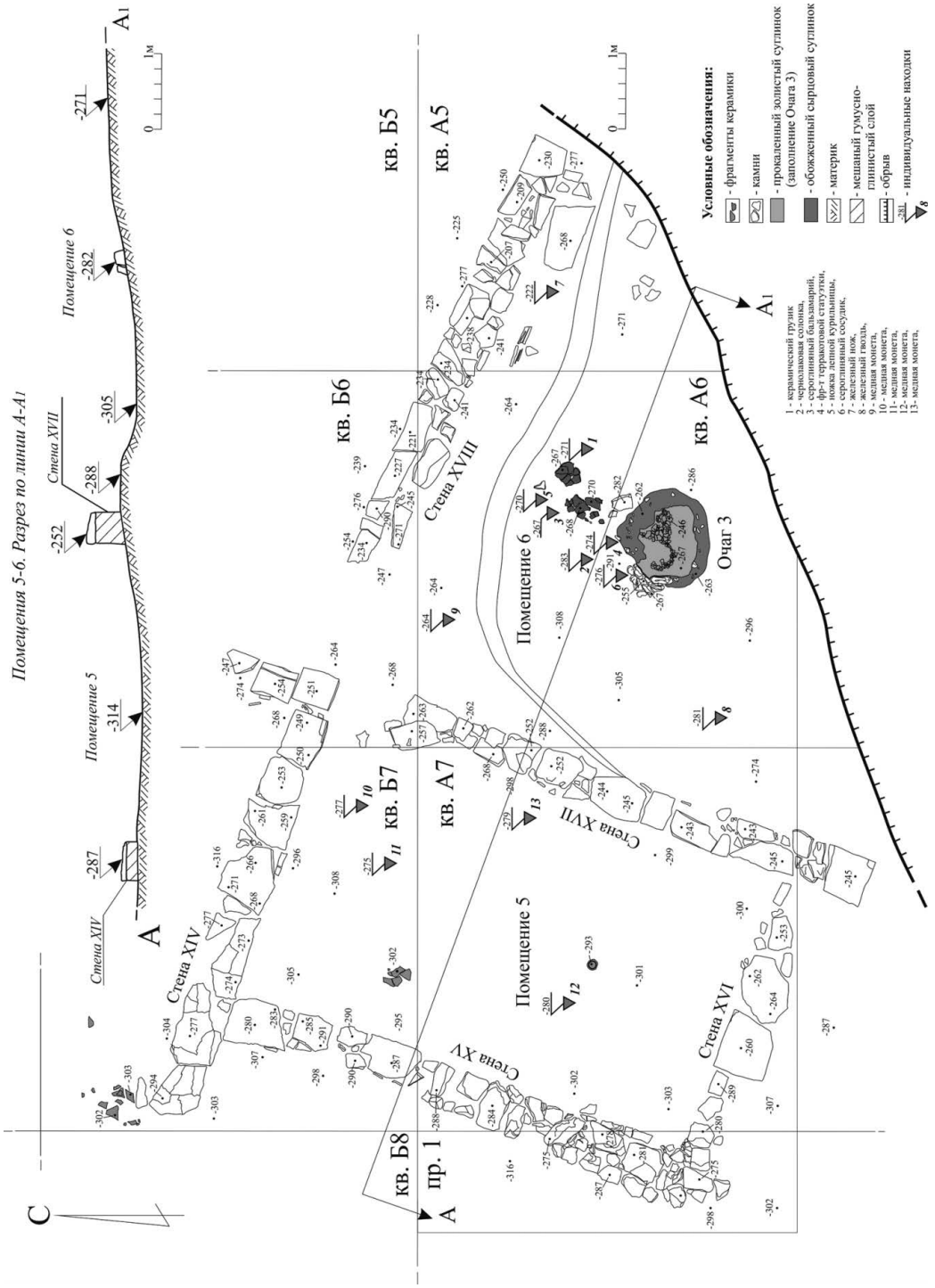

Рис. 9. «Усадьба «Виноградник». Планы и разрезы Дома 2

медные боспорские монеты. Из них три относятся к эмиссии 2–3 четвертей III в. до н. э. и одна к его середине.

Таким образом, для всех раскопанных построек на данном памятнике характерны близкие строительные приёмы. Стены сложены в иррегулярной, постелистой, двухслойной, двухлицевой кладке из необработанных серых мергелевых плит различной величины с использованием связующего глинистого раствора. В отдельных случаях швы между камнями достигали 3–4 см [ср. Крыжицкий, 1981, с. 39–40; 1982, с. 24, рис. 5, *1*]. Но в отдельных случаях, например, в северо-восточной стене Помещения 2, заметны участки двухрядной, постелистой, ложково-тычковой кладки из крупных необработанных плит. Основания стен поставлены на материк на дне специально вырытых котлованов или на грунте, залегавшем несколько выше материковой скалы. Плиты, составлявшие кладку северо-восточной стены Помещения 6, были уложены на специально подтесанный скальный гребень, естественное направление которого и определило ориентировку данной постройки относительно сторон света. В ряде случаев зафиксировано соединение стен помещений встык, что может свидетельствовать о перестройках, имевших место в ходе их функционирования или же о каких-то специальных (антисейсмических?) строительных приёмах.

Обращает на себя внимание практически единая ориентация всех построек. (Во всех случаях – по продольной оси: ССВ-ЮЮЗ.) В силу далеко неполной сохранности раскопанных на данной территории строительных комплексов судить об их общей планировке, вернее – планировочном решении, сложно. Однако можно предположить, что это были отдельно стоящие одно- или двухкамерные прямоугольные помещения (дома), располагавшиеся как бы по периметру некоего свободного, также подпрямоугольного пространства – двора.

Все эти помещения были, скорее всего, заглубленными почти везде до скалы жилищами. (Во всех случаях были прослежены котлованы, повторявшие в плане контуры построек. Дно их залегало в среднем на 0,2–0,4 м ниже уровня материка, фиксировавшегося за периметром строений. Почти повсеместны остатки печей-очагов в углах помещений или в их центре.) Не исключено, что эти котлованы выкапывались с целью устранения естественных перепадов высот на площадках, предназначенных для обживания. Показательно и наличие значительного числа обломков керамид. Все эти обобщения небезинтересны для дальнейшей интерпретации и культурно- хронологической характеристике рассматриваемого памятника.

Касаясь самой общей характеристике находок, в том числе и массового материала, отметим следующее. Керамический комплекс с исследованного участка поселения достаточно разнообразен и представлен разными группами и типами посуды. Амфорная тара – в основном фрагменты два центров: Синопы и Родоса. Встречены также обломки косских, книдских, фассоских, херсонесских, гераклейских и колхидских амфор. Особо отметим серию из 13 амфорных клейм, преимущественно родосских и синопских. Заметный процент составляют обломки толстостенных сосудов для хранения продуктов – пифосов. Но в целом доминируют фрагменты столовой и кухонной посуды: красноглиняных мисок, рыбных блюд, кувшинчиков, тарелок, кастрюль и т. д. Обломки чернолаковых сосудов, а также лепной посуды относительно немногочисленны.

Были получены и материалы, важные и для характеристики быта и хозяйства обитателей поселения. К их числу следует отнести серию находок бронзовых перстней с инталиями (3 экземпляра), железный ключ, роговые обкладки рукояти ножа с циркульным

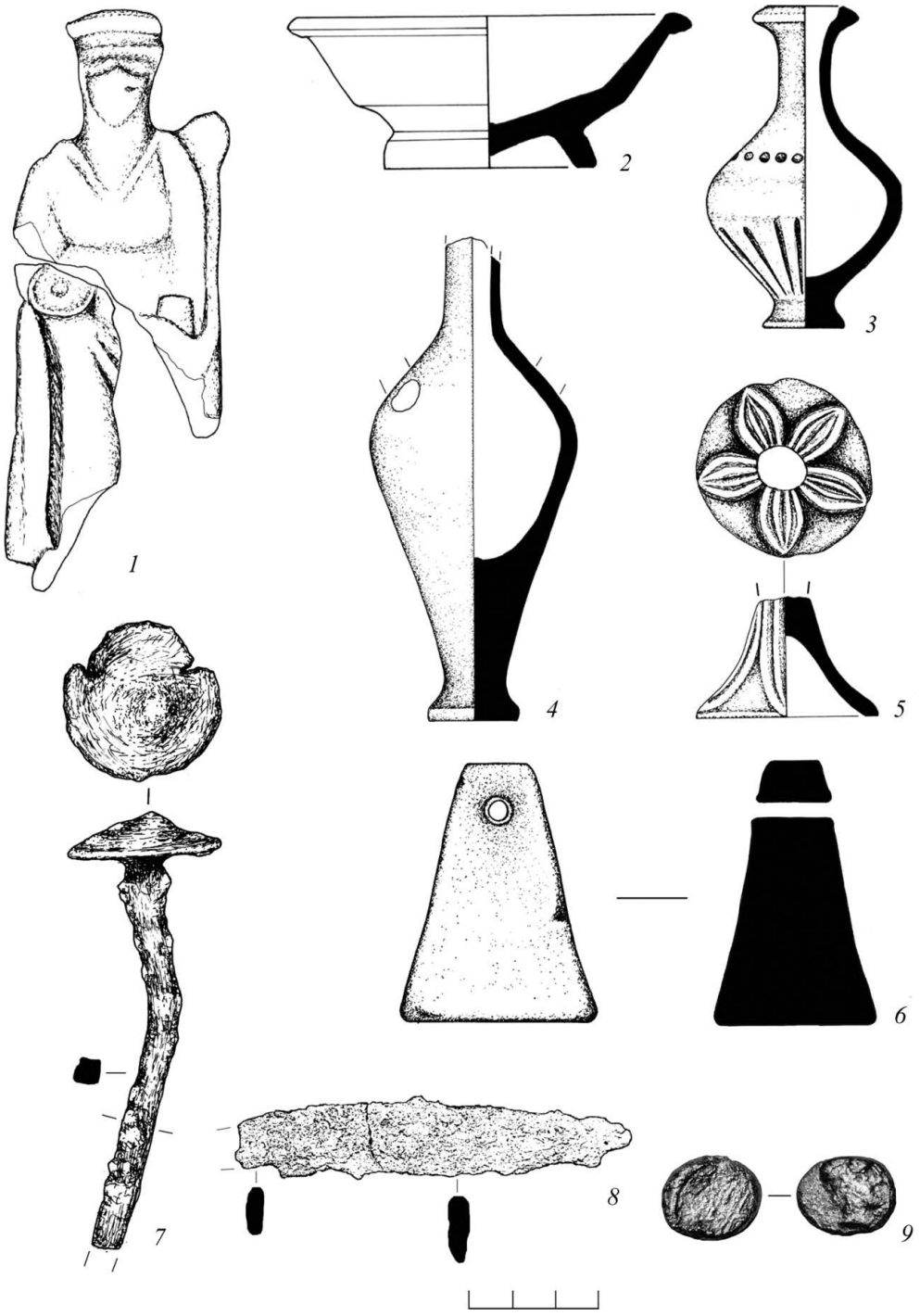

Рис. 10. «Усадьба «Виноградник». Вещи из скопления находок на полу Помещения 6
1 – фрагменты терракотовой статуэтки; 2 – чернолаковая миниатюная миска;
3 – сероглиняный сосудик; 4 – сероглиняный бальзамарий; 5 – ножка лепной
курильницы; 6 – керамический грузик; 7 – железный гвоздь; 8 – железный нож;
9 – медная боспорская монета

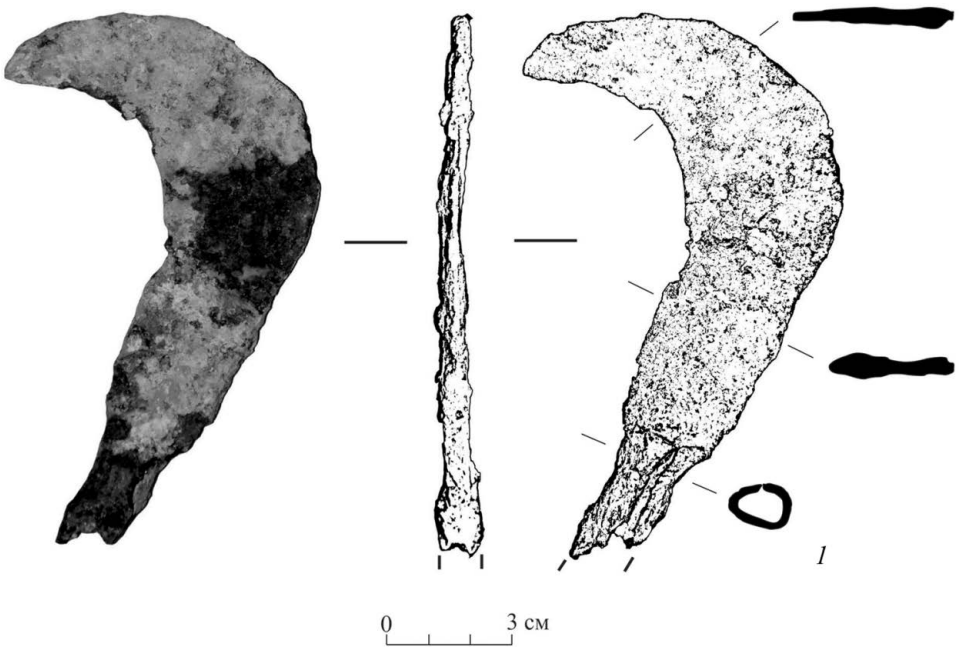

Рис. 11. Железный виноградный нож из раскопок поселения «Усадьба «Виноградник» в 2014 г. *1* – железо

орнаментом, фрагменты терракотовых статуэток, красноглиняный светильник, красноглиняную курильницу-фимиатерий. Важное место в этом ряду занимают и находки орудий труда, в частности железного тесловидного орудия, очевидно, предназначенного для рыхления почвы, керамических (ткацких) грузил, железных ножей, свинцового грузила (пряслица?). Особо отметим хорошо сохранившийся железный виноградный нож с изогнутым лезвием и втулкой для крепления рукояти (рис. 11, *1*). В целом, облик находок характерен для поселений (усадеб?) ближней сельскохозяйственной округи боспорских городов эллинистического времени.

Значительная часть полученных материалов находит аналогии в синхронных слоях и комплексах близлежащей Горгиппии [Алексеева, 1976, с. 44–50; 1997, табл. 116, *9*; табл. 180, *12*а, б; табл. 181, *19*; табл. 245, *7*].

О хронологии усадьбы «Виноградник» позволяет говорить весьма представительная серия медных боспорских монет (62 экземпляра), а также амфорные клейма и чернолаковая посуда. Датировка этих категорий находок хорошо коррелируется и позволяет отнести исследованный памятник к концу IV – первой половине II вв. до н. э. Несомненно, он располагался на хоре Горгиппии, но, в отличие от большинства известных на сегодняшний день и находившихся в пределах обширной равнины, раскопанная усадьба отстояла достаточно далеко к югу, располагаясь уже в предгорьях. Именно здесь, южнее современного с. Варваровки, согласно мнению Н. И. Сударева, проходила южная граница Синдики, активно осваиваемой греками с конца VI по III вв. до н.э [Сударев, 2014, с. 95, 100–101]. Таким образом, стал известен ещё один объект, несомненно, важный для разного рода реконструкций в столь слабо освещённый письменными источниками период истории античного Боспора.

Список литературы

Алексеева, 1976. Алексеева Е. М. Керамический комплекс первой половины III в. до н. э. из Горгиппии //КСИА. 145.

Алексеева, 1997. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.

Крыжицкий, 1981. Крыжицкий С. Д. О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья //КСИА. 168.

Крыжицкий, 1982. Крыжицкий С. Д. Жилые дома Северного Причерноморья (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Киев.

Сударев, 2014. Сударев Н. И. Греки и варвары в Синдике //Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова. СПб.

Summary

A. A. Ivanov
Security and saving researches of the settlement of the the Hellenistic period "The Estate "Vinogradnik" in 2014

The article is devoted to the publication of the results of excavation of the settlement dated back to Hellenism time "The Estate "Vinogradnik", located by Varvarovka village of the resort city of Anapa, Krasnodar Krai. The monument was revealed and investigated during the archaeological security and saving operations, which were carried out in a zone of construction of a coastal section of the gas pipeline "South Stream".

The construction complexes revealed during the excavation described in the article are represented by the remains of 6 rooms buried into the ground with well-remained stone walls. In three studied rooms the remains of hearth have been found. Judging by a plenty of the finds made during excavation, the studied monument can be carried to rural settlements of the agricultural neighborhood of Gorgippiya.The materials received during the excavation allow to date the revealed monument from the end of IV-the first half of the II centuries BC.

А. В. Иванов
(Южно-Российский центр Археологических исследований, Краснодар)

Племена региона Анапы-Новороссийска и меоты. Сопоставление

Все в мире мы узнаем не иначе как через сравнение.
К. Д. Ушинский

Как известно, в археологии под термином «меоты» подразумевается меотская археологическая культура. В историографии, с опорой на сведения античных авторов, сложились две точки зрения касательно этого названия: меоты, как географическое название и меоты, как понятие «этническое». Если следовать первой – (В. Ф. Гайдукевич, Л. К. Галанина, А. Ю. Алексеев и В. Р. Эрлих), под меотами следует понимать всё население, проживающее вокруг Меотиды (Азовского моря). Однако, эта «географическая» позиция имеет ряд противоречий. Например: размещение вдоль северного побережья Азовского моря скифов, которых никто и никогда не называл меотами, и надписи боспорских правителей, именовавших себя «царями всех маитов», то есть, совсем не претендовали на географическое понимание этого «термина» [Каменецкий, 2011, с. 199].

По другой точке зрения, которая была артикулирована Б. Н. Граковым, Н. В. Анфимовым и И. С. Каменецким и которую на данный момент разделяют многие ведущие специалисты изучающие Кубань эпохи железа, меоты – это название «этническое»[1]. Под ним скрывается группа родственных по происхождению и культуре племен, с которыми исследователи связывают «меотскую археологическую культуру» Прикубанского населения. И здесь кроется проблема. А что делать с племенами черноморского побережья, то есть, с синдами, торетами и керкетами? Ведь Страбон, кстати, как и Псевдо-Скимн, перечисляя племена Северо-Западного Кавказа, довольно внятно сообщал: «К числу меотов принадлежат сами синды и дандарии, тореаты, агры и аррехи, а также тарпеты, абидиакены, ситтакены, досхи и некоторые другие» (Страбон, XI. 2. *11*). Однако и у древних авторов, и в эпиграфических источниках те же синды часто, если не противопоставляются меотам, то, как минимум, рассматриваются и упоминаются отдельно. Все это приводит к большой путанице. В целом же в науке приморский регион

[1] Здесь и далее все что касается этничности я, естественно, завожу в скобки.

традиционно рассматривался отдельно от Кубани. Как иллюстрация этого – работы И. С. Каменецкого, в которых ученый неоднократно отмечал своеобразие приморских племен и очень осторожно относился к вопросу культурной атрибуции, хотя и считал их «этническими» меотами, отмечая дискуссионность этого вопроса. Вообще, вопрос о родстве кубанских меотов и населения региона Анапы-Новороссийска остается открытым. Всякие гипотетические выкладки по поводу их этнической атрибуции всецело лежат в области антропологии и лингвистики. Вопросы этничности в археологии второстепенны, если вообще возможно их решение только археологическими методами. В более "радикальной" формулировке это звучит так: «… поле археологии – не изучение мифических общностей, а структурирование и характеристика материальной и духовной культуры историко-культурных областей…» (Яблонский, 2013, с. 36). Иными словами, основной единицей археологии является именно культура. И если меотов соотносят с культурой, то с приморскими племенами дело обстоит иначе. Их традиционно никогда не рассматривают как единую общность и тем более как единую культура, а изучают в рамках племенной или этнической истории региона. Небезосновательные, но довольно робкие попытки «зажать» это население в рамки археологической культуры были предприняты М. А. Новичихиным [Новичихин, 2009, с. 289; 2010, с. 255], однако они остались, причем, весьма незаслуженно, без должного резонанса. По моему мнению, при изучении меотов и приморских племен, до тех пор, пока не решен вопрос их «этнической» принадлежности, стоит двигаться именно в этом, культурологическом направлении, оперируя археологическими данными, объем которых вполне достаточен не только для предварительных и основательных выводов, но и для сопоставления. Сопоставление же в данном контексте выступает не как антитеза, а как способ познания, позволяющий уловить разницу объектов исследования, либо выявить их сходство.

Для этой процедуры мной был выбран культурологический подход, с применением генетического метода, который предполагает такое исследование культуры, которое позволяет понять интересующий феномен с точки зрения его возникновения и развития, а так же компаративный метод, подразумевающий сравнительно-исторический анализ различных культур или каких-либо конкретной области культуры в определенном временном интервале. Этот временной интервал я определяю от момента сложения культур, то есть, от начала VI в. до н. э., и до середины III в. до н. э., то есть, до того момента когда все приморские племена вошли в состав Боспорского государства.

Все вышесказанное, собственно, подводит к основному вопросу, который может быть сформулирован следующим образом – можно ли говорить об меотской культуре и культуре приморских племен региона Анапы-Новороссийска, как о разных археологических культурах или нет.

Итак, после скифских походов на территории Северо-Западного Кавказа начинается особый этап местного культурогенеза. В процессе скифского перемещения на основе протомеотского населения VIII–VII вв. до н. э. складываются два культурных кластера: в Закубанье формируется меотская культура, которая в VI в. до н. э. занимает практически всю территорию Средней Кубани и предгорную зону [Каменецкий, 2000, с. 74–108; 2011, с. 201–207], а на территории Черноморского побережья в регионе Анапы–Новороссийска к VI в. до н. э. образуется племенной массив, объединенный одной

археологической культурой [Новичихин, 2009, с. 289–291], куда были инкорпорированы такие племена как синды, керкеты и тореты [Алексеева, 2000; Новичихин, 2009].

Процесс этого деления не случайный, и, по-видимому, происходил еще в предскифское время. Так на памятниках протомеотского времени были подмечены территориальные различия, что в дальнейшем позволило В.Р. Эрлиху выделить три локальных варианта: Предгорный, Центральный и Приморско-Абинский [Эрлих, 2007]. Если рассматривать их территориально, то первые два – занимают те пространства, на которых в дальнейшем сложилась собственно меотская культура, последний же вариант предполагает, правда несколько условно, территорию, где размещались приморские племена. Почему условно? Памятники Приморско-Абинского варианта были встречены на значительной территории, куда входили не только низовья Кубани и Черноморское побережье, но и Тамань. Однако уже со времени скифских походов и после их завершения, некоторые пространства оказываются опустевшими. Так, например, на землях Крымского и Абинского районов аборигенные памятники VI в. до н. э. отсутствуют, хотя здесь фиксируется предшествующие протомеотское население VIII–VII вв. до н. э. Это следует увязывать со скифским присутствием, которое маркировано раннескифскими комплексами в Воронцовском и Мазепинском курганах. Но существует и иное мнение, согласно которому, данная территория перешла под контроль кочевого (или полукочевого) населения скифоидного облика – язаматам [Новичихин, 2006, 2009]. Впрочем, это предположение на сегодняшний день археологически не подтверждается[2].

На Тамани же сложилась несколько иная ситуация. Здесь местное население, видимо, лишь в некоторой степени пострадавшее от скифов, в довершение ко всему было изгнано с архипелага, либо, что более вероятно, уничтожено уже другим интервентом – греками. По сути, не затронутыми этой агрессией остались только те автохтоны, которые располагалось в регионе Анапы-Новороссийска. И этому несколько причин. Во – первых, сам по себе этот регион в определенной степени изолирован, а некоторые его районы, в основном горная часть, труднодоступны. Во – вторых, в силу этого же обстоятельства он вряд ли мог привлечь номадов с их стадами. Ну, и в третьих, обозначенный регион, не входил в основной маршрут перекочевки и остался не затронут миграцией номадов[3]. Мы уже высказывали предположение, что переселение в лесостепь скифов происходило несколькими маршрутами, один из которых, по-видимому, проходил вдоль русла Кубани, через Тамань в Крым [Кононов, Иванов, 2013, с. 401]. Отражением этого перемещения может являться известное погребение второй половины VII в. до н. э. в кургане у Цокурского лимана. Это же предположение на основании материалов из комплексов кургана у хут. Красный было высказано и Н.Ф. Шевченко [Шевченко, 2013, с. 117].

Таким образом, к VI в. до н. э., то есть, ко времени сложения местных культур, меоты и рассматриваемые приморские племена были разделены «свободной», вернее, незаселённой

[2] И более того, на территориях, о которых идет речь, полностью отсутствуют следы пребывания какого-либо постоянного населения в VI в. до н.э., хотя если следовать выводам А.М. Новичихина, картина должна быть абсолютно другая.

[3] Стоит упомянуть и иное мнение, согласно которому через эту территорию проходил участок меото-колхидского пути, позволявшему кочевникам проникать в Закавказье [Техов, 1980, с. 7-9].

зоной шириной приблизительно в 100 км[4]. Более того, их разделяли леса и горы Северо-Западного Кавказа. На протяжении VI в. до н. э. эти культуры существовали до известной степени обособленно, со своим набором факторов, влиявших на их развитие. Говоря об этих двух археологических культурах, следует понимать, что они не представляют собой четко определенные, по сути, автономные объекты. К рубежу VI–V вв. до н. э. меотами осваивается западное направление: сначала предгорная часть Закубанья[5] (современный Крымский и Абинский районы), а позднее и плавневая зона правобережья Кубани – территория Восточного Приазовья[6]. Закономерность этого процесса была обусловлена социально-экономическим развитием меотской культуры, причем сам этот импульс являлся продолжением расселения и освоения правобережья Кубани, начатого еще на рубеже VII–VI вв. до н. э. Причины этих подвижек могли быть различными – от войны и межплеменных конфликтов до нехватки пахотных земель [Лимберис, Марченко, 2012, с. 166]. Примерно в это же время памятники приморского населения появляются к востоку от хребта, на северных слонах Кавказских гор[7]. То есть, лишь в V в. до н. э. наблюдается процесс территориального сближения двух этих культур. Но, судя по всему, не более того, так как у нас нет свидетельств активных, постоянных контактов и формирования «контактной зоны», если её понимать не как простую географию, а как социальное пространство. Правда, почти вековой временной отрезок, о котором идет речь, рамки которого с одной стороны определяются моментом сближения культур в начале V в. до н. э. и событиями в Синдике[8] в начале IV в. до н. э. – с другой, всё – таки, не очень продолжительный. Поэтому какие-то следы межкультурных контактов на бытовом уровне археологией пока что не улавливаются[9]. Складывается впечатление, что процесс передачи культурных импульсов, если такой и был, возможно, не проходил напрямую. Обе стороны были вполне самодостаточны и не имели потребности в прямых контактах, по крайней мере, в мирное время. Таковые – могли осуществляться посредствам других «надкультурных систем», например аристократии. Процесс её сложения проходил V в. до н. э. практически одновременно и у меотов. и на побережье. Появление аристократии у варварских обществ Кубани являлось не столько следствием их социального развития, сколько ответом на «вызов» со стороны античных греков. Суть его – осуществление контроля над торговлей и путями доставки товаров. Эти надкультурные контакты отражены в новелле Полиэна о Таргитао, если, конечно же, принять гипотезу И. С. Каменецкого, согласно которой язаматы были носителями меотской культуры.

[4] На данный момент крайним западным пунктом, где зафиксированы материалы VI в. до н. э., следует считать селище «Марьянское» [Кононов, 2014, с. 166].

[5] На рубеже VI–V вв. до н. э. было основано поселение «Красное-1» [Иванов, Сударев, 2015а], чуть позднее – поселение «Виноградный-1» [Шевченко, 2013а, с. 102].

[6] Существует мнение, что меотская культура уже к VI в. до н. э. утверждается в своих окончательных границах [Эрлих, 2007, с. 202]. Но, очевидно, это не так, и процесс осваивания меотами новых территорий проходил и в V, и в IV вв. до н. э.

[7] Автором весной 2015 г. у ст. Неберджаевской был исследован участок курганного могильника «Вышка-1» с очень интересными погребальными комплексами V в. до н. э., окруженными каменными кольцами, характерными для некрополей Анапы-Новороссийска.

[8] С вхождением Синдики в состав Боспорского царства, культурные черты приморского населения постепенно начинают стираться, а значит, становится практически невозможна его культурная атрибуция.

[9] Возможно, ситуацию прояснят раскопки поселения у ст. Неберджаевской, проведенные В. Трубниковым в 2015 г.

В продолжение темы стоит обратить внимание на то, что исследователи, занимающиеся регионом Анапы-Новороссийска, не раз отмечали влияние кубанских меотов на материальную культуру местного населения [Новичихин, 2009, с. 289–290; 2010, с. 255; Дмитриев, Малышев, 2009, с. 61]. Правда никто не уточнял ни степени этого влияния, ни в чем оно выражалось, отсылая к протомеотскому «горизонту», то есть, к эпохе предшествовавшей времени сложения этих культур. Логично, говоря о каком-либо влиянии, указывать и пути, по которому это влияние могло распространяться. Применительно к VI в. до н. э. таковых нам пока не известно.

Из всего вышесказанного, может сложиться впечатление, что я настаиваю на том, что население двух регионов контактировало только через каких-либо посредников. Это не так. Естественно, такие контакты должны были быть. Но сослагательное наклонение уводит нас в область гипотетических предположений.

Теперь обратимся к имеющимся данным о культурах и сопоставим их. Как один из способов определения культурной атрибуции, помимо материальной культуры, о которой речь пойдет ниже, вполне может выступить погребальный обряд. Он, как известно, является первостепенным фактором позволяющим уловить наиболее консервативные черты археологической культуры. Итак, меотские могильники, как правило, располагались по периметру поселений, практически вплотную к ним. Приморские же племена свои некрополи выносили за пределы обжитой территории, поэтому для некоторых могильников неизвестны поселения, к которым они относятся. На Кубани меоты хоронили своих покойных в простых грунтовых подпрямоугольных ямах, без ярко-выраженных надмогильных сооружений, располагая их довольно хаотично. Для топографии могильников племен Анапы-Новороссийска характерно плотное, упорядоченное расположение погребальных сооружений [Дмитриев, Малышев, 2009, с. 56]. Но основное их отличие от меотских могильников – широкое применение разнообразных каменных конструкций[10]. Помимо грунтовых могильников захоронения в ямах и плитовых могилах производились и под небольшими каменными курганами. Иногда курганы имели каменные кольца-кромлехи, а в ряде случаев захоронения окружали башнеобразные конструкции. Это разнообразие и локальная вариативность, по-видимому, отражают территориально – племенное разделение торетов-керкетов и синдов. С IV в. до н. э. в юго-восточной и южной частях приморского региона встречаются крупные подкурганные гробницы из массивных плит [Иванов, Сударев, 2015, с. 174], а чуть позднее появляется практика захоронений в узкой, торцевой части «ящика». Не исключено, это можно рассматривать как эволюцию местных обычаев под влиянием античной погребальной традиции [Дмитриев, Малышев, 2009, с. 56].

Для приморских могильников обычны парные и семейные, либо асинхронные коллективные захоронения [Алексеева, 1991, с. 160; Дмитриев, Малышев, 2009, с. 56], что совершенно не характерно для прикубанских могильников, где вплоть до конца IV в.

[10] Использование камня в погребальных сооружениях было широко распространено в протомеотское время, причем, не только в предгорной зоне. И если у ранних меотов данная «деталь» изживает себя, то приморское население продолжило эту традицию. Это, на мой взгляд, еще раз подтверждает культурную преемственность протомеотов и приморского населения VI–V вв. до н. э. В какой-то степени это обстоятельство подкрепляет тезис об этно-культурной изолированности региона.

до н. э. преобладают одиночные захоронения [Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2005, с. 71], а парные и коллективные – единичны. Выборка данных по всем раннемеотским могильникам показала близкое соотношение между вытянутым и скорченным положением покойных. В могильниках Правобережной Кубани преобладает скорченное положение [Лимберис, Марченко, 2012, с. 99], а для некоторых Закубанских – вытянутое [Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2005, с. 71]. Но эта разница колеблется в рамках нескольких процентов. С IV в. до н. э. в Прикубанье в основном хоронили вытянуто на спине, процент скорченных погребений невелик. Для погребений VI–V в. до н. э. в регионе Анапы-Новороссийска преобладает вытянутое положение [Новичихин, 2010, с. 196, 254], которое доминирует и в IV в. до н. э.

Не менее важна и ориентировка покойных, которая позволяет наметить моменты, связанные с представлениями о загробном мире и посмертной судьбе умершего [Бессонова, 1990, с. 27]. Так, на протяжении VI–IV вв. до н. э. в приморском регионе доминировала ориентировка в восточном секторе [Дмитриев, Малышев, 2009, с. 66; Новичихин, 2010, с. 196, 254]. На Кубани же, почти во всех раннемеотских могильниках, а на многих – и в IV в. до н. э. преобладает южная – с сезонными отклонениями [Лимберис, Марченко, 2012, с. 98]. Однако на могильниках, начавших функционировать в IV в. до н. э., наблюдается несколько иная картина. Значительный процент погребений совершается с ориентировкой в восточном секторе. Вряд ли это связанно с влиянием «приморской» традиции, отражая скорее изменения внутри самой меотской культуры.

Продолжая сопоставления и определения культурной атрибуции, следует иметь в виду, что уже на момент культурогенеза в материальной культуре и меотов, и приморского населения, имевшей, безусловно, самобытную основу, присутствовали черты, общие с культурами скифского круга. Это наблюдается в общих формах керамических сосудов, общих типах вооружения и конского снаряжения [Лимберис, Марченко, 2010, с. 190]. Поэтому материальная культура двух рассматриваемых регионов в VI в. до н. э., в целом, была схожая, хотя и не идентичной. Так очевидно использование и кубанскими меотами и приморским населением одних и тех же общих типов посуды: корчаг, кружек, вазочек, мисок, ковшей, чуть позднее – лепных горшков баночной формы, шейки которых зачастую декорировались орнаментированным воротничком. Необходимо отметить, что этот прием в приморском регионе был распространен гораздо шире, нежели на Кубани, а вот ковши с «рогатой» ручкой встречаются гораздо реже. В целом, различия в оформлении перечисленных типов посуды имеют скорее локальный характер. То же самое можно сказать и о технологии её изготовления. Что же касается металлообработки, то на данный момент мы можем сравнивать лишь морфологию изделий. Исследования в области технологии производства кузнечной продукции проводились в основном на материалах памятников Синдики[11]. Морфология же самих изделий, в целом, очень схожа. Правда, в приморском регионе, в отличие от Кубани, где в ходу были трехлопастные наконечники стрел, большее распространение, видимо, по причине простоты изготовления, получили наконечники двулопастные. Наблюдается несколько иной подход в оформлении мечей, особенно это касается наверший.

[11] Исследования, проведенные Н. Н. Тереховой и Л. С. Розановой.

В приморском регионе отмечается большее разнообразие или, правильнее сказать, вариативность различных мелких железных изделий: иголки, проколки, ножи, ворворки, и т. д. У меотов же подобное разнообразие форм характерно для наконечников копий.

В целом, можно констатировать, что отмеченные черты сходства материальной культуры VI–V вв. до н. э., помимо скифского влияния, проистекают из общих протомеотских корней ранних меотов и населения Анапы-Новороссийска. Однако во второй половине VI в. до н. э., и особенно к концу столетия ситуация несколько меняется. На поселениях приморской зоны фиксируется резкий всплеск продукции античных центров, в первую очередь амфор. Чуть позднее, в V в. до н. э. тут распространяется и столовая посуда. Приморские племена, благодаря своему расположению, имели возможность контактировать с греческими колониями и полисами как бы напрямую. В дальнейшем, в отличие от меотов Прикубанья, это обстоятельство привело к сокращению, вернее некоторому упадку собственного керамического производства. Так на протяжении и V и IV вв. до н. э. приморские племена продолжали пользоваться лепной посудой, процент которой оставался весьма высоким. Но о развитие собственного керамического производства говорить, в отличие от меотов Кубани[12], видимо, не приходится. Всякий отказ такого рода до известной степени стирает характерные черты той или иной археологической культуры, обезличивая ее материальную часть. По выражению Н. И. Сударева, мы видим перед собой уже в V в. до н. э. территорию по многим показателям более «греческую», более эллинского облика, чем хора Тамани. Все эти процессы способствовали в IV в. до н. э. продвижению Боспора в предгорья Северо-Западного Кавказа, на земли торетов и керкетов [Дмитриев, Малышев, 2009, с. 66] и их максимально быстрому инкорпорированию в Боспорское государство. Именно соседство с греками и восприятие многих черт их культуры явилось основной причиной обособления населения приморского региона от других автохтонов Кубани.

Итак, процесс сложения местных меотских культур проходил на фоне скифских походов и на основе протомеотского культурного субстрата. Известная разница в погребальных конструкциях, положении и ориентировке погребенных обусловлена локальными особенностями погребальной практики. На протяжении VI в. до н. э. меотская материальная культура двух рассматриваемых районов, имея определённую общность с культурами скифского круга, развивается как бы в территориальном отрыве друг от друга. Со второй половины этого столетия приморский регион испытывает растущее влияние со стороны боспорских греков, которое постепенно стирает местное культурное своеобразие, но способствует сосуществованию, а затем и слиянию с культурным и политическим доминантом. Меотская же культура Прикубанья развивалась несколько иным путём, сохраняя свою самобытность, впитывая и перерабатывая различные инокультурные новации. Несомненно, культура племен региона Анапы-Новороссийска обладает всеми признаками отдельной археологической культуры, причем, в одной из классических её формулировок[13].

[12] Напомню, в IV в. до н. э. у меотов помимо керамического производства активно развивалась и металлургия, что позволило выработать собственные типы вооружения и конского снаряжения.

[13] Как совокупность материальных памятников, которые относятся к одной территории и эпохе и имеют об-

Список литературы

Алексеева Е. М. 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.

Алексеева Е. М. 2000. Местная среда ранней Горгиппии //ПИФК. Вып. VIII.

Бессонова С. С. 1990. Скифские погребальные комплексы как источник для идеологических представлений //Обряды и верования древнего населения Украины. Киев.

Дмитриев А. В., Малышев А. А. 2009. Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII–IV вв. до н. э. //ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М.

Иванов А. В., Сударев Н. И. 2015. О восточной границе Синдики //Боспорские Чтения. Вып. XVI. Керчь.

Иванов А. В., Сударев Н. И. 2015а. Поселение «Красное 1» //V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар.

Каменецкий И. С. 2000. Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар.

Каменецкий И. С. 2011. История изучения меотов. М.

Кононов В. Ю., Иванов А. В. 2013. Соседи Азиатского Боспора в VI–IV вв. до н. э.//Боспорский Феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб.

Кононов В. Ю. 2014. «Марьянское-1» – новый памятник меотской археологической культуры в Прикуьанье (предварительное сообщение) //Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. М.

Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. 2005. Меоты Закубанья в середине VI – начале III века до н. э. Некрополи аула Уляп: погребальные комплексы. М.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2010. Древние культуры Кубани. Меоты. Античное наследие Кубани. М. Том. 1

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2012. Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар.

Новичихин А. М. 2009. Могильник у хутора Рассвет: вопросы культурной принадлежности и этнической атрибуции //Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.

Новичихин А. М. 2010. Планиграфия и погребальный обряд могильника у хутора Рассвет //Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет. – Некрополи Черноморья. М.

Техов Б. В. 1980. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. М.

Шевченко Н. Ф. 2013. Курган раннескифского времени у хутора Красный //Археологический сборник. 39 выпуск: материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти М. Б. Щукина посвящается. СПб.

щие черты.

Шевченко Н. Ф. 2013а. Культовые сооружения типа ботросов на поселении Виноградный-1 //Древности Западного Кавказа. Вып. I. Краснодар.

Эрлих В. Р. 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.

Яблонский Л. Т. 2013. Проблемы концепции этногенеза на современном этапе развития гуманитарных знаний //Этничность и археология или археология этничности?: Материалы Круглого стола. Челябинск.

Summary

A. V. Ivanov

The tribes of the region Anapa-Novorossiysk and Meotians. Comparison

As is known, the term “Meotians” means Meotian archaeological culture. But what to do with the tribes of the Black Sea coast, with Cindy, and Toretam Kerkets, which ancient writers that are included in Meotians then oppose them?

To address this issue are invited to drop its “ethnic” component (ethnicity in archeology methodically disputed), and move in a cultural direction, operates the archaeological material, which is associated with a culturally and geographically. Applying the comparative method, and focusing on the cultural aspect, the author comes to the conclusion that the apparent difference between Meotian archaeological culture and the culture of the tribes of the region Anapa-Novorossiysk

А. Е. Кислый
(Институт археологии Крыма РАН, Симферополь)

О стенах (специальные постройки Каменской Культуры Восточного Крыма)

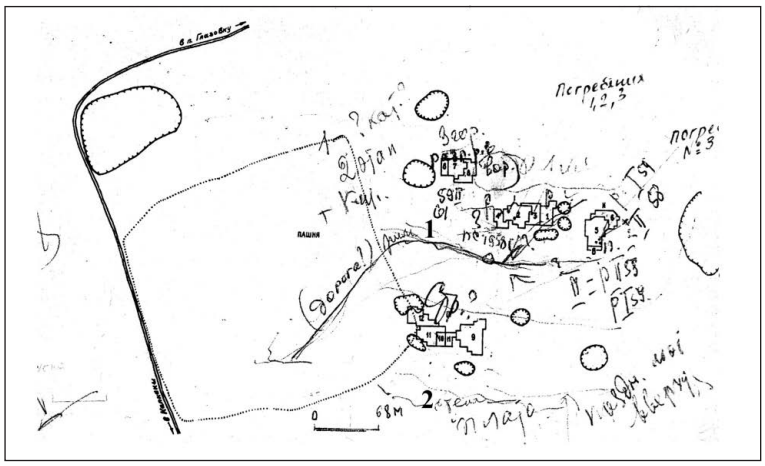
«И теперь еще в Скифской земле существуют киммерийские укрепления…»
(Геродот, IV, 12)

Всего лишь двадцатый выпуск «Древностей Боспора» есть свидетельство той молодости, когда все еще впереди и все доступно. Однако научная солидность каждого выпуска – и тематическая, и по объему, позволяет видеть 2–3 обычных, добротных научных журнала в каждом. Несложный демографический подсчет показывает, что по качественному уровню «Древности…» достигли той возрастной зрелости, которая характеризуется понятием «акме». Поздравляя коллектив редакции с первой из многих будущих вершин творчества, полагаю, что тема статьи для юбилейного выпуска должная быть достаточно проблемной и острой.

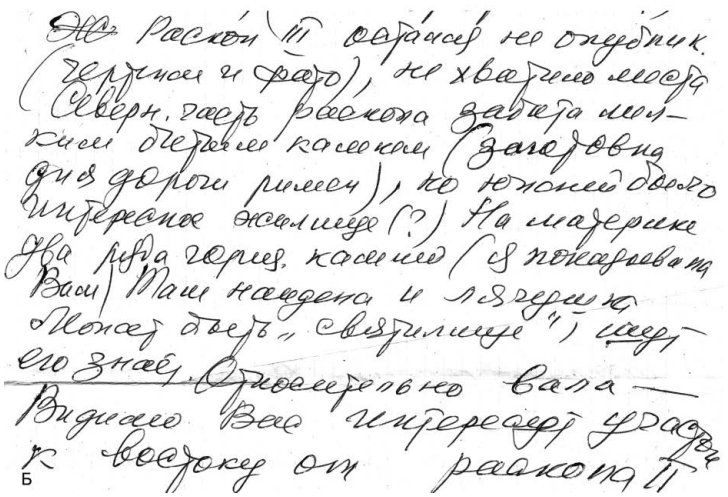
Прежде я писал, что на эпонимном поселении Каменской культуры Восточного Крыма (ККВК) вряд ли возможны оборонительные сооружения. Менее всего для такого строительства располагает рельеф местности. В целом, поселение расположено в долине, находится в понижении между холмами. Однако В.В Веселов наблюдал остатки невысокого вала на южной окраине поселения, со стороны плато, что подтверждала и В. Д. Рыбалова [Рыбалова, 1974, с. 19], несколько сомневаясь и в вале, а также и в римской дороге, которую проследить первоначально удалось еще ей, и которую затем наверняка зафиксировала наша экспедиция в 1994 году (рис. 1).

Теперь на фоне общего уровня развития исследуемой культуры, с учетом уровня развития производительных сил той поры, потребностей, которые могли возникнуть в сообществах, оставивших памятники ККВК и сопредельных сообществах, поставим задачу ответить на вопрос, могли ли в принципе на каменских поселениях быть оборонительные сооружения, каков мог быть их характер и есть ли хотя бы в первом приближении археологические свидетельства таковых?

Проблема сложна тем, что, судя по общему уровню развития обществ конца III – первых столетий II тыс. до н. э., (а по новым датировкам в эти хронологические рамки входит и ККВК) с учетом сравнительной бедности, однообразия степных культур, в Северном

А

Б

Рис. 1. **А** – схема раскопов на поселении Каменка с пояснениями, выполненными рукой В. Д. Рыбаловой: **1** – указание места предполагаемой римской дороги (надпись: «рим»); **2** – предполагаемое место стены (надпись: «стена, плато»). **Б** – фрагмент письма В. Д. Рыбаловой автору статьи, где она дает пояснение о римской дороге и вале

Причерноморье не было потребностей в оборонительных сооружениях. Если же такие и появлялись, то в каждом случае требуют дополнительного анализа и объяснений. Конечно, Каменка в значительной мере выпадает из ряда обычных степных поселений.

Большой обзорный материал о ранних оборонительных сооружениях – крепостях, укрепленных поселениях и т. п., начиная с самых ранних эпох, с энеолита, собран С. Н. Братченко [Братченко, 2012]. Он отмечает, что в Восточной Европе по сравнению с Центральной и Западной значительно меньше таких находок. Но, по мнению исследователя это связано, прежде всего, не с их отсутствием, а с недостаточной изученностью поселений. Часто раскопки проводились ограниченными площадями, в случае новостроечных археологических исследований – лишь на определённых участках. Отсутствие средств не позволяло изучить полностью памятник. К тому же древнейшие валы и рвы, как правило, визуально уже не прослеживаются. Такие замечания необходимо учесть.

Важно для нашего исследования замечание, что оборонительные сооружения могли присутствовать не только на поселениях, занимавших возвышенности, но и на поселениях с «низкой топографией». Работа С.Н. Братченко связана с подробной публикацией материалов раскопок уникальных крепостей в низовьях Дона – Ливенцовской и Каратаевской. Обнаруженные материалы крепостей настолько близки материалам каменских памятников Крыма, что их иногда объединяют в одну культуру (каменско-ливенцовскую), хотя С.Н. Братченко и согласен считать крымские памятники «однотипными в культурном отношении», принадлежащим к одной группе, которую следует назвать по лучше изученному поселению – каменской. «Итак, Левенцовская и Каратаевская крепости сближаются в культурном отношении с многочисленными поселениями предгорий Крыма. Вместе они образуют каменско-левенцовскую культурною группу или культуру – южное образование, синхронное и родственное культуре Бабино (многоваликовой)» [Братченко, 2012, с. 183].

Безусловно, нельзя не согласиться с С.Н. Братченко, что каменско-ливенцовские поселения отличны от памятников культуры многоваликовой керамики (КМК) и представляют отдельное культурное образование, но каменская культура и КМК близки. По нашему мнению, каменские памятники немного более ранние, чем Ливенцовка, представляют собой именно местное культурное образование, вырастающее из катакомбной культуры, подпитываемое традициями разных племен, в том числе и племен КМК [Кислый, 2000]. В.Д. Рыбалова также считала, что Каменка не полностью тождественна Ливенцовской крепости, прежде всего по таким признакам, как отсутствие сосудов с резко расчлененным биконическим корпусом и отсутствие богатых орнаментированных мотивов [Рыбалова, 1974, с. 45–47]. Памятники крымской катакомбной культуры не имели достаточно своеобразных черт в ряду иных катакомбных культур, чтобы можно было говорить об отдельной крымской катакомбной культуре. Тем не менее, в Восточном Крыму их своеобразие проявилось в более четких, чем на остальных территориях потребностях и возможностях создания разнообразных поселений, в том числе и достаточно крупных, в оседлой жизнедеятельности. Ряд прибрежных поселений ККВК связаны с культурой мореиспользования и мореплавания, иные размещены на древнейших сухопутных путях, ведущих к ближним и дальним землям. У поселения Глейки I каменской культуры, расположенном у самой крайней, восточной точки полуострова обнаружены остатки древнейшего маяка-кострища. Находка дисковидного костяного псалия с шипами на Каменке связывает ККВК с рядом евразийских колесничих культур – бабинской, синташтинской, доно-волжской абашевской, петровской культур, памятниками потаповского типа, а также с доантичными Микенами, ближневосточной Рас Шамрой и Газой.

Остановимся на краткой характеристике сооружений нижнедонских крепостей, поскольку это важно для последующего анализа ситуации в Крыму, имевшей место фактически в это же время с незначительным временным сдвигом.

Ливенцовская и Каратаевская крепости эпохи бронзы расположены на правом берегу реки Мертвый Донец, разделяются глубоким оврагом. Сооружения уникальны для своего времени, во время раскопок Ливенцовской крепости выявлены каменные оборонительные и жилые сооружения, рвы, богатые вещественные материалы. Конструктивно пространство площадью 1,5–1,3 га окружалось стеной и рвом, которые разделялись достаточно частыми и многочисленными проходами шириной до 1,5–4 м. В отдельных звеньях стены,

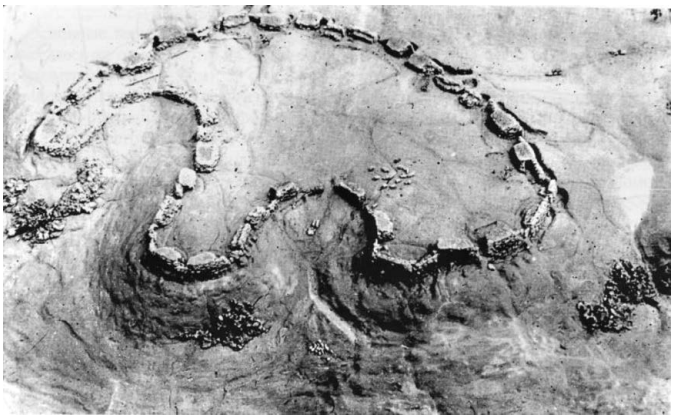

Рис. 2. Ливенцовская крепость. Макет. Вид с юго-востока.
По: [Братченко, 2012, с.52, фото 32]

разделенной проходами, на высоких платформах находились жилища, хозяйственные помещения, сверху – наблюдательные и боевые площадки (рис. 2). Согласно интерпретации С.Н. Братченко, это своеобразные поселения-убежища с долговременной каменной фортификацией, служили они также для защиты, контроля пойменных богатых пастбищ, в т.ч. зимовий, водных и сухопутных путей, переправ [Братченко, 2012, с. 15–52, 136, 145]. Древние дороги связывали крепости с наименее затапливаемой частью дельты, с левобережьем Дона и Кубанским Приазовьем. Скифские поселения местности и античное городище подчеркивают экономическое значение этой территории в разное время. Среди находок 692 кремневых и обсидиановых наконечников стрел двух типов – с выемчатым основанием и черешковым. Наконечники копий или дротиков не найдены. Условия обнаружения наконечников стрел – на дне рвов, в развалинах каменных сооружений, во рвах, на проходах. Характерные сколы остриев наконечников, ударявшихся о каменные стены, следы воздействия огня говорят о том, что они принадлежали как нападавшим, так и оборонявшимся, причем аналогии могут свидетельствовать, что черешковые наконечники, вероятно, принадлежали племенам не только местным. С.Н. Братченко показывает, что они появляются на Юге Восточной Европы еще в позднекатакомбное время, а может и раньше [Братченко, 2012, с. 147]. Вместе с тем, часть черешковых наконечников, а также ромбических и иволистных с овальным основанием, обнаруженных в крепости, имеют аналогии на Востоке – в потаповских, абашевских, раннесрубных, петровских и синташтинских памятниках. Находка бронзового наконечника с башневидным широким пером и плоским черешком, сделанная примерно в 1 км к востоку от крепости при раскопках 1979 г. в кургане, но вне комплекса, как считает Братченко, есть свидетельство боевых действий у крепости или рядом с нею. Наиболее близкий ему аналог – наконечники из двух погребений Синташты. Однако из таких сопоставлений имеем два разных вывода: некоторые различия в типах наконечников крепости и восточных культур от Среднего Дона до Урала не дают пока возможности полагать участие в штурме крепостей «столь отдаленных соседей» [Братченко, 2012, с. 148], и наоборот, опираясь на сходные черты можно говорить об оговоренном участии [Ильюков, 2013].

Перейдем к характеристике крымских памятников. Большинство поселений и стоянок каменской культуры расположены в долинах в окружении холмов, с подветренной их стороны. Для крупных поселений характерно расположение у больших балок, как правило, водоточных в древности, удобных для устройства плотин. Прибрежные поселения располагались либо у больших лиманов, у древних водных артерий, открывавшихся к морю, либо у берега моря. Очень часто рядом с каменскими поселениями находилась одна или несколько доминирующих высот, т.е. в случае окружения поселения валами или оборонительными стенами с высот поселение оказывалось более чем уязвимым.

Таким образом, в топографии поселений каменской культуры прослеживается очень четкая зависимость от условий среды обитания с соблюдением каких-то древних традиций привязки к местам, закрытым от ветров. С другой стороны, для крупных поселений важно было размещение у дорог и/или у морского побережья, наличие большого количества пресной воды, возможность ее аккумулирования, что связано с особенностями агрикультуры, скотоводства в степной зоне. То есть, первичный анализ не выявляет таких особенностей, которые можно четко охарактеризовать как связанные с обороной. Однако, сравнение топографии поселений разных культур может свидетельствовать об ином. Рядом с поселениями каменской культуры достаточно часто расположены поселения срубно-сабатиновского этапа. Их расположение иное. Как правило, это более открытая ветрам территория, в принципе менее приспособленная для охраны и наблюдения за местностью, менее защищенная от возможного нападения.

Сложилось представление, что на Каменке поселение срубного времени находилось там же, где и поселение ККВК. Мне уже приходилось писать, что это ошибка. В северо-западной части поселения ККВК располагался грунтовый могильник срубно-сабатиновского времени, с чем связаны отдельные находки характерной керамики и предположение о бытовании в этом же месте в позднее время поселения срубной культуры. Но слоя срубной культуры там нет. Поселение срубной культуры (Каменка II) обнаружено в 0,5 км западнее поселения Каменка практически на открытом поле, возможно у ручья (рис. 3). Другой пример: поселение Слюсарево каменской культуры размещено в седловине холма, а срубные поселения – у источника под холмом, у реки и т.п.

Попытаемся внимательно проанализировать сведения о вале на Каменке. В.Д. Рыбалова в своем письме от 29.07.80 г. в ответ на мой вопрос о возможных оборонительных сооружениях на поселении пояснила: «В 1957 г. на раскопе был Веселов. Он сказал, что вала, о котором он писал, сейчас уже нет, что он снесен при бульдозерных работах. Место его нахождения он показал очень приблизительно (перстом!) – куда-то южней каменистого спуска и пруда, на ЮВ, (ближе к подъему на плато, на котором стояла тогда сторожевая вышка). Т.е. вал скорей прикрывал подступы к поселению в той части его, где совсем не было естественной защиты. Искать вал на этом развороченном участке я не стала. На пашне я что-то не нашла следов поселения, как и к северу от раскопа IV». На схеме расположения раскопов Валентина Дмитриевна своей рукой отметила остатки предполагаемой стены из бута (ранее видимый невысокий вал), которая проходила по краю плато, ограничивая поселение с юга (рис. 1, 3). Восточное направление, «где на общем плане спуск к проливу (к пос. Опасное)» она представляла прикрываемым «каменистым естественным кряжем (так же как к северу от моих раскопов». Таким

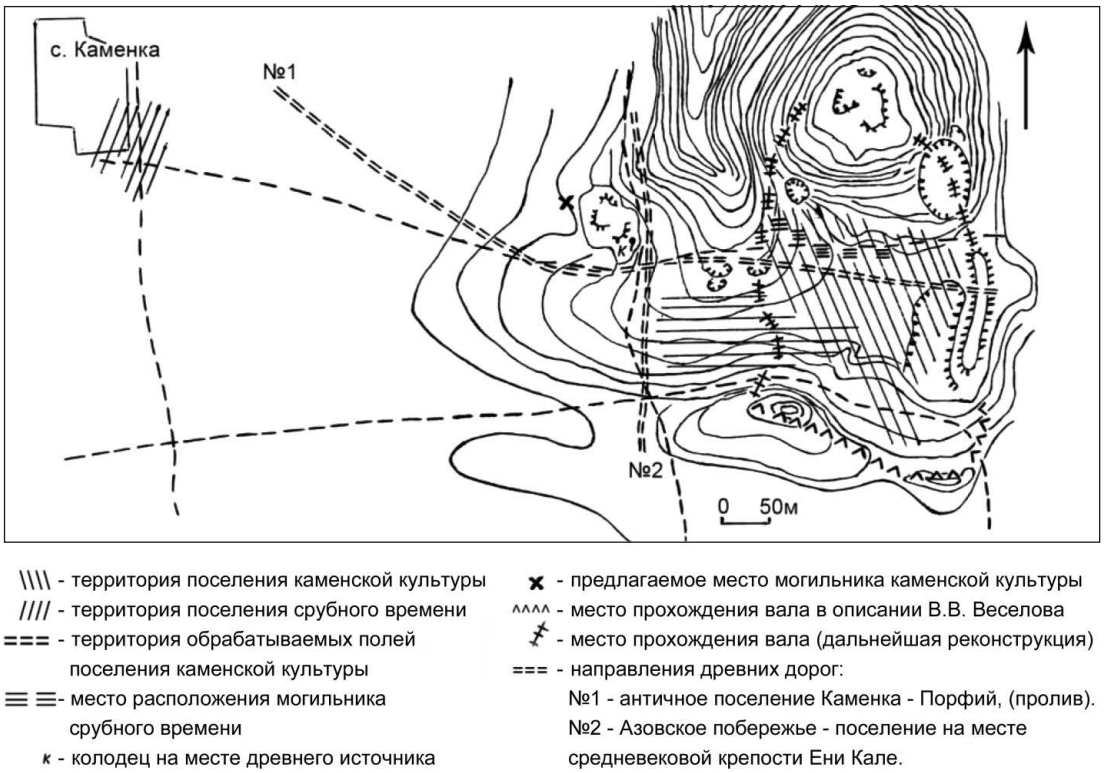

Рис. 3. Поселение Каменка. Реконструкции

образом, можно полагать, что в том месте, где между южным плато и кряжем на Востоке имелось естественное понижение местности (здесь теперь мусорная керченская районная свалка и дорога к ней), в древности был насыпан вал, возможно, имелась стена. К югу она поднималась на плато. Верно, к западу поселение достаточно резко обрывалось, что нами также прослежено вслед за В. Д. Рыбаловой в 80-х гг. За этой чертой, западнее шли редкие для этой каменистой местности плодородные земли с толстым слоем почвы, орошаемые по заключению палеогидрогеолога К. К. Шилика несколькими источниками. Ниже по склону они образовывали общий водоток к оврагу, пролегавшему за холмами на севере от поселения Каменка. Один из них сохранился до нашего времени и переоборудован в колодец с каменной обкладкой. Еще в 80-х гг. уровень воды в нем был столь высок, что при незначительном переоборудовании вода могла бы изливаться в долину. Напомним, что через эту уникальную местность проходил в XVIII в. водовод, питавший турецкую крепость Ени-Кале. Таким образом, с запада стена могла проходить либо по линии раздела собственно поселения и обрабатываемых полей, либо к западу от них при подъеме на невысокое плато. В последнем случае огражденными оказывались также несколько источников. С севера поселение ограничивалось естественными высотами. Здесь В. В. Веселов обследовал остатки оборонительного сооружения, вероятно, римского времени, размещенного, как представляется, на месте более раннего сторожевого пункта ККВК. Воронки и поздние перекопы сегодня не позволяют провести специальное исследование.

Вывод. Поселение Каменка представляло собой важное для Крыма и окружающих регионов поселение у пролива, перед спуском к морским переправам. Сюда направлялись многие древние дороги из Северо-Западного Причерноморья, Поднепровья, Подонья, Северного Кавказа, очевидны связи с районами Ближнего Востока. Судя по конструкции жилищ (два разных типа) на поселении [Кислый, 2005, с. 98–103], здесь могли останавливаться путники перед дальними переходами, они получали различную помощь, в том числе и помощь проводников, перевозчиков. Безусловно, скотоводство, земледелие, рыболовство, мореплавание, воинское дело и др. занятия были важными направлениями жизнедеятельности жителей.

Поскольку Ливенцовская, Каратаевская крепости очень близки по культуре Каменке, нельзя не поставить вопрос, почему на Каменке нет подобных им солидных фортификационных сооружений. В отличие от Ливенцовской и Каратаевской крепостей Каменка не была даже в какой-то мере в стороне от путей сообщения, не находилась в зоне обширных тучных пастбищ (такие были в крымском Приазовье, но там нет скоплений каменских поселений), ее жители имели несколько иную специализацию. По месту расположения нижнедонские крепости не могли выполнять функцию перевалочных пунктов для путешественников, но они были легко достижимы регулярным нападениям разных племен со степи. Располагаясь возле донской дельты на правом берегу реки Мертвый Донец, крепости находятся немного в стороне от удобных путей, проходивших севернее у верховьев балок Бранцева, Кетельникова, Рябинина, а далее – за Доном с поворотом на юг. У самой крепости был и есть проход к не заболоченной части дельты, но он там и заканчивается. Каменка находилась в долине, через которую с древнейших времен проходила удобная дорога на восток, к переправам, ибо к северу югу простиралась более пересеченная местность.

Кроме того, в описываемое время, если принять о внимание палеогидрогеологические реконструкции [Зенкович, 1958, с. 193; Невесский, 1967, с. 227] северный проход на Крымский полуостров был более широким, а пролив более мелким и узким, представлял собой меньшее препятствие, чем низовья крупных Причерноморских рек, поэтому через Крым шла удобная для кочевников дорога. Потенциально враждебных племен было на крымском пути значительно меньше. Оговоренная особая роль Каменского поселения обеспечивала долговременность его существования и функциональную коллективную защищенность. Соответственно, фортификационные средства защиты были самыми простыми и эффективными: наблюдательный пост на северных высотах, откуда видна окружающая местность, защищенность валом и каменными оградами поселка и, возможно, полей, скота, источников воды. Внутри Ливенцовской крепости практически нет культурного слоя [Братченко, 1976, с. 120], но есть многочисленные, фактически регулярные проходы для скота (в большинстве случаев), легко перекрываемые в случае опасности, к примеру, повозками, камышом, камнями и проч. Из-за образовавшихся «баррикад» можно было вести более прицельный обстрел противника. С.Н. Братченко пишет о проходах в стенах как о проемах «для вылазок» [Братченко, 1976, с. 121]. Кажется, такая реконструкция более чем противоречива. Не было за стенами большого населенного пункта, долговременного постоянного поселения, не претерпевали крепости столь долговременной осады, и вылазки оттуда были не особенно нужны. Да и не стали бы в солидной крепости делать столько проемов ради возможных вылазок (рис. 3). Вся проблема в быстрой, организованной по тревоге защите главного богатства – многочисленных стад. Перед нами не крепости как таковые,

а древнейшие убежища обширного, богатого союза скотоводческих племен, ориентированного в своих связях более на Крым и Кубань, чем на дикую, экстенсивно развивающуюся степь. И это закономерно: социум дельты (союза племен и т. п.) был гораздо богаче племен степи , убежищ разного характера могло быть гораздо больше.

Каменка была открыта для путников, даже случайных, а крепости привлекательны для грабежей. Когда в моменты опасности с окрестных селений и стойбищ загоняли многочисленные стада внутрь крепостей, само встревоженное блеяние отар было невыносимо привлекательным для древних рейнджеров – путешествующих искателей приключений. К сожалению, современные реконструкторы жизнедеятельности племен того времени традиционно запомнив, что культуры могут исчезать по причине климатических изменений, не учитывают более чем очевидную палеодемографическую составляющую. Периодически в скотоводческих сообществах (или иных с системными экономико-демографическими деструкциями, что описано в литературе – [Кислый, 2005, с. 120–122 и др.]) накапливались такие значимые половозрастные диспропорции в сторону преобладания мужской части населения (гораздо реже – женской), что рушились сообщества (археологические культуры). Значительная часть молодых мужчин независимо от уровня богатства вынуждена была отправляться на поиски удачи. В целом, плавные палеоклиматические колебания (если они были) на самом деле при данном для III–II тыс. до н. э. уровне экономического развития могли не угнетать, а наоборот стимулировать воспроизводство всей жизни социумов. Во всяком случае, зависимость «социум-колебания климата» не была однозначно направленной.

Второй значительный наблюдательный пункт восточной части Керченского п-ва находился на Темир-Горе (поселение Темир-Гора I). Он хорошо реконструируется благодаря горизонтальной планиграфии поселений и археологических объектов местности, а также великолепным находкам В. В. Веселова, как самого поселения, так и характерного подъемного материала [Веселов, 2005, с. 22]. Темир-Гора I расположена в 1 км на северо-восток от главной вершины горы между 4 и 5 вершинами кряжа и в 1,6 км южнее приазовского села Юркино, в местности продуваемой ветрами и вовсе неудобной для земледелия и отчасти даже для скотоводства. Как на север, ниже по склону кряжа, так и к югу, на хорошо обводненных лугах у нынешней деревни Глазовка-Баксы[1], имеются гораздо более выгодные территории, где и расположены кусты поселений каменского типа. Описываемое поселение небольшое, В. В. Веселов определял его площадь по значительному скоплению фрагментов грубой лепной посуды приблизительно равной 0,5–0,7 га. Учитывая также, что памятник находится в мало привлекательных для поселения эпохи бронзы условиях, он сначала был нами интерпретированная как неоднократно используемая сезонная стоянка или поселение скотоводов. Дальнейшие исследования позволили присмотреться к нему более детально [Кислый, 2015, с. 188–189].

[1] «Бакчи-бахчи-bakzy-bakzi» – сад, огород, или «баг-сув, бак-су» – сад на реке, сад на водах (тюркск.) Этот древний, красноречивый топоним почему-то обходят вниманием специалисты, мы не находим его в специальных изданиях по топонимике [Суперанская, Исаева, Исхакова, 1995; Белинский, Лезина, Сеперанская, 1998]. Доктор филологических наук Р. И. Музафаров дает очень краткую статью «Баксы», но не приводит этимологию слова [Музафаров, 1993, с. 89]. Местные краеведы, привязывают топоним «баксы» к особенностям местности и трактуют его как «источник», «ручей».

По южному склону Темиргорского кряжа шла дорога к переправам, в частности к Глейкам I. На этом древнейшем кочевническом пути с запада на восток находился курганный могильник у пос. Аджимушкай с погребениями, возможно, каменского типа с кромлехами, а также прямоугольными оградками второй четверти II тыс. до н. э. [Кислый, 1993] и скифским захоронением V века до н. э. с мечом [Кислый и др., 1990, с. 135], святилище Асклепия (по В.Ф. Гайдукевичу), известное погребение раннескифского времени на Темир-горе середины-третьей четверти VII в. до н. э., античная усадьба villa rustica.

Перекрестно описанной дороге от поселения Каменка к поселениям у Азова шла дорога с юга на север. Если только верно, что каменская культура Восточного Крыма входит в число «колесничих» культур, оставивших на широких просторах Евразии в качестве артефактов конские шипастые псалии и костяные пряжки, – а это так, то на путях воинов-колесничих, при пересечении путей, на важных их направлениях должны были быть сторожевые пункты. Один из них находился на Темир-Горе. Темир-Гора и ее кряж доминируют над местностью, и этот сторожевой пункт или пункты должны были располагаться недалеко от естественных высот, с которых открывался окружающий обзор на много километров: в западную сторону, на север к Азову, а также к Протокиммерийским переправам. Сторожевой пункт общего назначения, очевидно, был здесь и в раннескифское время. Кроме характерной лепной керамики В.В. Веселовым на поселении Темир Гора I в ямах найдены: фрагмент (1/2 часть) шлифованного топорика местного плотного известняка зернистой структуры, кремневый отбойник размером 8×4 см и большое количество кремневых отщепов. Не совсем понятен из описания характер найденных ям. Были они ямами-хранилищами или ямами для отбросов. Учтем, что Веселов был внимательным исследователем, и, если бы в ямах оказались какие-то значительные находки керамики, то они были бы отмечены обязательно. Вернее всего, здесь имеем дело с мастерской по обработки кремня, которая работала определенное время. Но топорик был выполнен не из кремня. Сработан он довольно мастерски, хотя изделие из дешевого материала, тем не менее, аккуратных пропорций с немного свисающим обухом и нервюрой по средней линии верхней его части (Веселов, 2005, с. 22, рис. 11). И все же, в любом случае, известняк не мог по своим качествам конкурировать в аналогичных изделиях с твердыми породами камня, как правило, обрабатываемыми шлифованием и сверлением.

Аналогичный по своим свойствам топорик, выполненный из куска коричневой железной руды с определенной претензией на изысканность, известен из раскопок поселения Каменка 1985 г. [Кислый, 2005, с. 115, рис. 13, *2*]. Он также орнаментирован центральной продольной нервюрой и одной боковой врезанной линией, которая подчеркивает очертания верхней части изделия. Кусок руды, используемый для производства топорика, оказался более рыхлым, чем ожидали мастера, изделие растрескивалось на поверхности. Итак, мастеру пришлось нарушить пропорции и отказаться от вырезания линии, которая ограничивала верхние очертания с другой стороны.

Эти два изделия показывают, что в районе Каменки в древности какое-то время продуцировалась повышенная потребность в знаковых предметах вождества с целью, прежде всего, демонстрации властных функций (парадных или рабочих, функциональных), и в меньшей мере ради собственно боевых действий. В таких случаях говорят, как правило, о культовом использовании топорика, а это не всегда верно. С функцией

поселения Темир-Горы I как сторожевого, воинского пункта и связанная находка каменного известнякового топорика. Безусловно, что такой придорожный поселок-сторожевой пункт, имел прямые хозяйственные связи с дальними территориями, получая в первую очередь привозное кремневое сырье при отсутствии местного. Следовательно, в поселке могли быть мастерские по переработке сырья, функционировавшие долгое время. Отсюда находка большого количества кремневых отщепов в ямах. Рабочие руки для таких мастерских также были, потому что какое-то количество мужчин на том этапе развития функций поселка должно было находиться здесь почти постоянно. Трудно допустить, что воин не мог сам починить оружие в случае поломки, или изготовить оружие из готового привезенного сырья [Березанська, 1994, с. 27], например, для обмена, как вероятно было на этом поселении. Со временем рядом со сторожевым пунктом расположилось небольшое поселение, жители которого выпасали скот, обрабатывали поля на южных склонах холмов Темир-Горы, имели плодовые деревья и охотничьи угодья на северном склоне, которые доныне есть там.

Третий наблюдательный пункт и крепостца-убежище – поселение Слюсарево, расположенное примерно в срединной, степной части Керченского п-ва. Находится памятник между двумя водораздельными грядами, на каменистом подковообразном холме высотой 15 м среди долины, орошаемой в древности р. Самарли (рис. 4). По долине вдоль реки также проходили древние кочевнические дороги. Разведками В. В. Веселова, Л. Г. Мацкевого, А. М. Лескова, Э. В. Яковенко, Е. В. Черненко и др. здесь открыт целый ряд поселений, стоянок и убежищ, в том числе скифское убежище на холме VIII–IX вв. н. э. [Яковенко, 1967; Яковенко, 1968, с. 13] (рядом с каменским поселением) и поселения срубной культуры у колодцев на берегу реки под холмом. На этом памятнике, в местности отдаленной от переправ и в большей мере подверженной опасности нападений, возможность устройства фортификационных сооружений реализована на более солидном уровне, хотя и в малых по объему масштабах. Ранее нами уже высказывалось мнение о Слюсарево как об укрепленном убежище каменской культуры [Кислый, 2005, с. 106–107], такое мнение позже высказал и С. Н. Братченко [Братченко, 2012, с. 213].

Обитателями поселения традиционно учтено преобладающее северо-восточное направление ветров. Жилища были устроены в восточной части холма, в удобной ложбине, закрытой полукольцом возвышенностей с севера, востока и юга. С западной стороны находился естественный пологий спуск (возможно, дополняемый искусственным пандусом – выходом из крепостцы) к источникам питьевой воды у подножия холма и нижним каменским поселениям у берега реки. Одно из них, упоминаемое И. Т. Кругликовой [Кругликова, 1955], в 60-х гг. прошлого века разрушено карьером по забору камня. Поселение срубного времени расположено севернее, на противоположном берегу реки на открытой территории. Раскопки экспедицией Керченского музея 1983 г. убежища обнаружили слабо насыщенный культурный слой до 0,5 м толщины. Судя по характеру культурных отложений, жилища здесь были облегченного типа. Таким образом, исходя из этих признаков, можно говорить о том, что в открытой степи, невдалеке от оживленных дорог, проходивших по долине вдоль реки, потребовалось обустройство убежища, в чем-то аналогичного Ливенцовско-Каратаевскому. Обзор окружающей местности обеспечивался идеально, подковообразные холмы создавали основу для каменных фортификационных

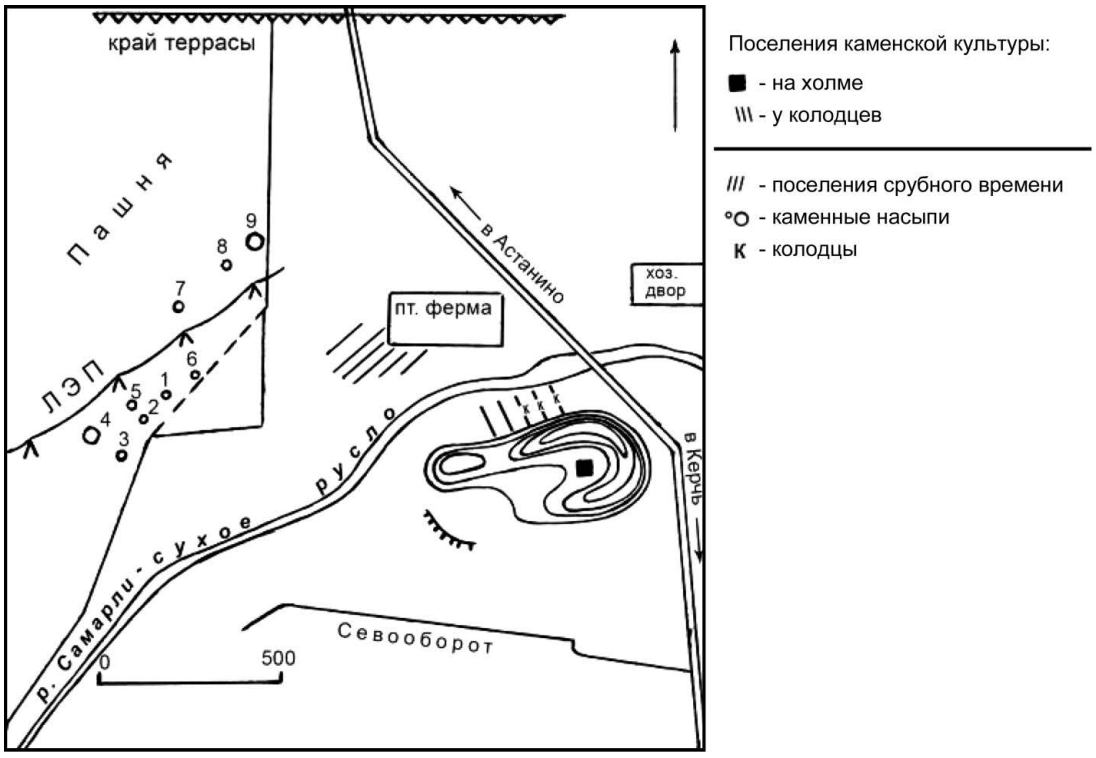

Рис. 4. Поселение Слюсарево и его округа

сооружений, с западной стороны укрепления могли быть временными, упрощенными, а западный пандус обеспечивал быстрый загон скота в случае опасности.

Безусловно, в пределах Керченского п-ва укрепленными могли быть и другие поселения. Не исключено устройство оборонительных сооружений на поселениях Киммерик I и II, Глейках I, Юркино IV, на горе Митридат, где в Экспланадном раскопе 1949 г. обнаружены громадные глыбы камня (остатки оборонительной стены), использовавшиеся из более ранних, доантичных построек по предположению В.Д. Блаватского [Блаватский, 1957, с. 7]. Сюда же можно присовокупить другие недавние наблюдения о доантичных поселениях на г. Митридат [Куликов и др., 2012]. Однако, доантичные находки с этой горы требуют еще более внимательного изучения, т.к. могут быть связаны также с культурой Глеек II.

Все же наиболее необычно и интересно в плане искомых специальных оборонительных сооружений эпохи бронзы поселение Планерское I. Прежние наши реконструкции показали, что Планерское выполняло особую роль [Кислый, 2005]. Это не приморское поселение, оно одно из немногих, где не были обнаружены рыболовные грузила или иные находки, связанные с морскими промыслами. Находится оно фактически на границе зоны степей и юго-восточных отрогов главной гряды крымских гор, также у древней дороги, ведшей от нескольких приморских поселений, что располагались по черноморскому побережью юго-западнее и восточнее, через удобные проходы между холмами, а затем долинами к Азовскому побережью. Здесь у Азовского побережья (район с. Красновка, устье р. Чурюк-Су и др.) перекрещивались пути с юга, востока

и центрального Крыма, и далее дорога вела вдоль низовий азовского побережья на северо-запад к выходу из Крыма. Кроме стоянок каменской культуры местность у Красновки интересна находкой захоронения мастера-литейщика катакомбной культуры [Нечитайло и др., 1985; Кислый, 2005, с. 118–119]. Умения такого мастера были востребованы, и он работал у пересечения традиционных путей.

Планерское выполняло важную сторожевую функцию, правда, дороги от него на юг заканчивались тупиковыми поселками, важными для осуществления разнообразного обмена, но совершенно не перспективными для развития колесничного дела или дальних путешествий. Здесь начиналась гористая местность, и плавание морем в далекие земли исключалось. Само главное в особенностях этого поселения то, что оно играло особую роль в связях экономически и культурно значимых территорий. Подобно Ливенцовке-Каратаеву хорошие условия торгового обмена, наличие удобных пастбищ, привязанных к достаточно обильным в то время источникам пресной воды, привели к ситуации, когда жителям древнего Планерского было что защищать. Вторым фактором появления солидных сооружений на поселении, с которыми столкнулись экспедиции под руководством В. А. Колотухина 1978 г. [Колотухин, 1983] и Г. Н. Тощева 1986–1987 гг. [Тощев, 2007, с. 95–112, с. 150], стало размещение объекта в пределах гористой пересеченной местности, на склонах холмов.

На Планерском по сравнению с поселениями восточной части полуострова сосуды катакомбного облика оказываются богаче орнаментированными именно валиковым орнаментом или валиковым в сочетании с прочерченным (реже – шнуровым). Подобную орнаментацию керамики и еще более древний ее облик имеет исследуемое с 2011 г. Керченской экспедицией Крымского филиала НАН Украины поселение Коктебель, находящееся юго-восточнее поселения Планерское.

Для понимания характера специальных построек ККВК и характера самого поселения Планерского имеет то, что данный памятник отличается более крупными и мощными в сравнении с другими каменскими поселениями каменными сооружениями (рис. 5, 6). Можно говорить о некоторых строительных технологиях, которые известны в традиционных сооружениях вплоть до нашего времени, но впервые в Крыму они прослежены на Планерском.

Исследованы мощные по своей ширине (до 1,3–1,4 м, с развалом камней до 4-х метров и более), длине (от 10 до 35 м) и высоте (до 0,7–0,8 м, сохранность – три камня в высоту) дуговидные выкладки-стены, в конструкции которых использовались большие рваные глыбы. Расчистка завалов позволила зафиксировать характерную конструкцию с выкладкой мощного двурядного панциря стены из крупных дикарных камней с забутовкой, образовавшейся внутренней части более мелкими камнями (раскоп II). При этом выравнивалась лицевые поверхности стены (особенно в сторону понижения склона) даже в ущерб возможной общей ее крепости.

Последнее наблюдение важно. Но сначала о терминах, которые в нашем дальнейшем описании будут играть значительную роль. Под бутовой кладкой в строительстве понимается кладка из бута, что не совсем логично, ибо бутовый камень (неровные куски плитнякового и постелистого рваного камня) – это то, по определению, что используется для бутования (забутовки), а не для возведения самостоятельной кладки. То, есть правильнее было бы говорить о кладке из глыб и булыжников, в которой может быть забутована

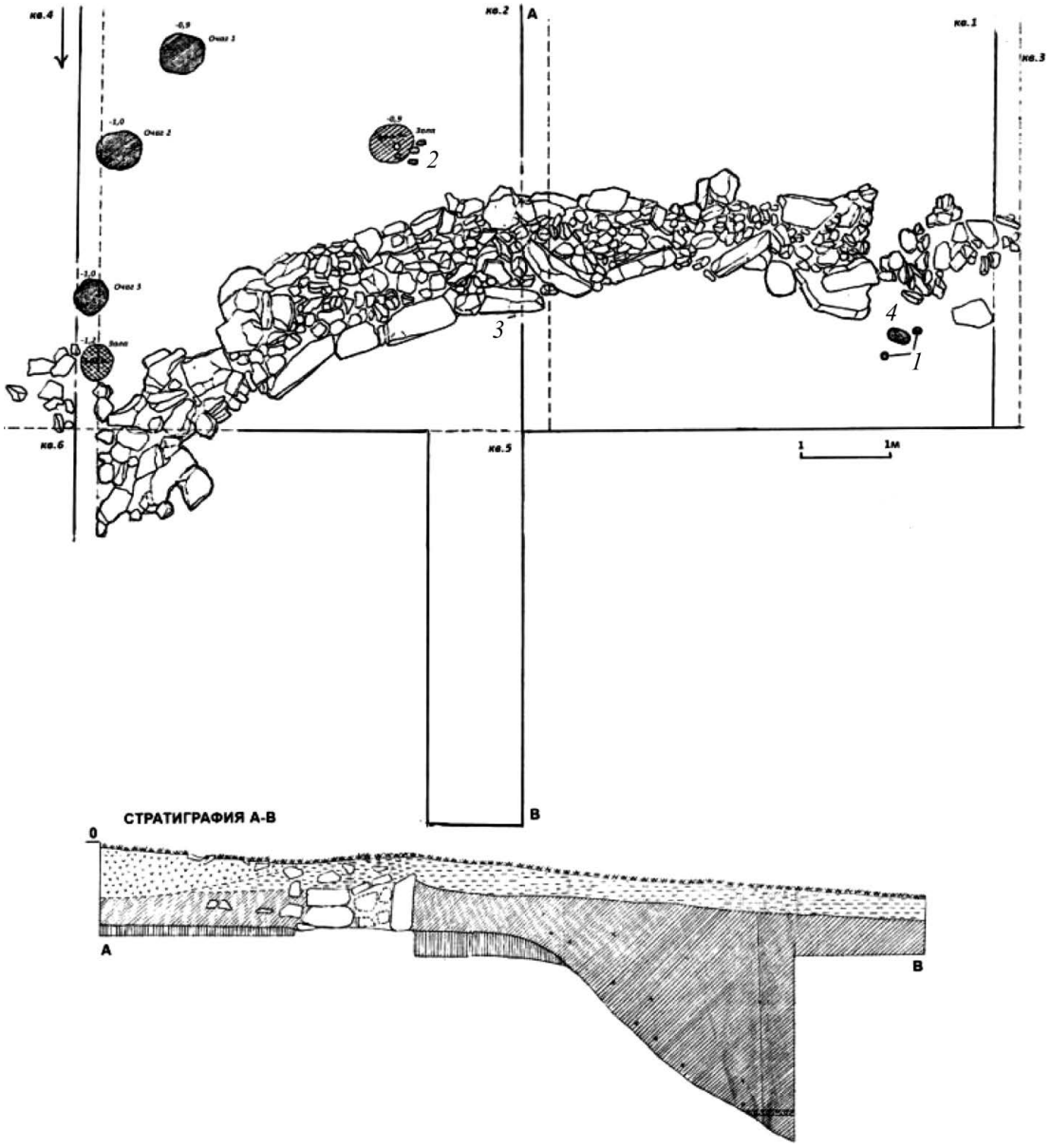

Рис. 5. Поселение Планерское I. Каменные сооружения раскопа I

внутренняя часть. Это уточнение помогает понять, насколько сложна и технически трудоемкой может быть глыбовая («бутовая») кладка. Глыбовая кладка может выполняться «под лопатку», когда каждый слой камней выравнивается раствором, укладываемым лопаткой, а сверху укладывается новый слой камней. Если же кладка стен выполняется «насухо», то мастера должны иметь достаточный опыт организации связки между полигональными отдельными булыжниками за счет неровностей поверхности самих булыжников, причем в разных направлениях, т. е. не только и не столько по фасаду. После организации сцепления между камнями промежутки могут заполняться щебнем (бутом) или

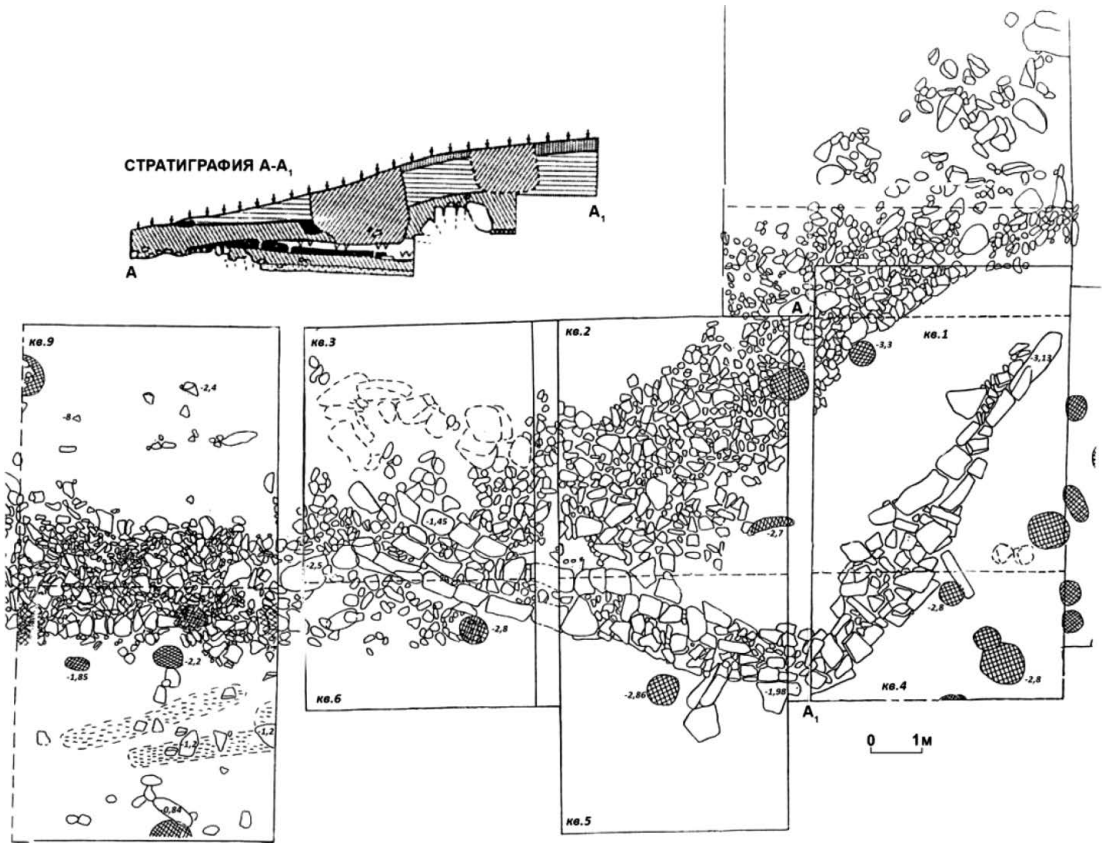

Рис. 6. Поселение Планерское I. Каменные сооружения раскопа II

землей. Горизонтальные промежутки заполняются после примерки камней и их последующего поднятия, посыпки щебня и дальнейшего укладывания в выбранной позиции.

Профессиональная, усложненная техника глыбовой кладки обеспечивает полигональную (пригнанную более или менее) лицевую сторону выкладки. Камни приходится специально подбирать или подтесывать на месте. Получалась достаточно прочная стена из больших глыб-блоков, используемая часто как подпорная до наших дней. Конструкция отличалась особой прочностью: даже при выпадении со стены отдельных блоков, верхние камни могли оставаться in situ, если сцепление углами и давление сверху было достаточным. Характерна выполненная в этой манере т. н. «лесбосская кладка» подпорной стены террасы храма Аполлона в Дельфах. Стена создана во второй половины VI в. до н. э. для защиты от падающих камней и на всем протяжении фактически отвесна, выполнена без наклона.

В упрощенной технике кладки глыбовых стен уплощенно-удлиненные камни укладываются таким образом, чтобы периодически обеспечивать связь между двумя панцирями стены или иными камнями однопанцирного сооружения, при этом не обращается внимание на внешний вид кладки. Недостатки разнообразных по форме рваных камней превращались в достоинства. Эти достоинства особенно становились очевидными при профессиональном сооружении двухпанцирной стены с внутренней забутовкой и выравниванием менее рваных частей камня снаружи. Выравнивание лицевой части стены

требовалось, в первую очередь, не из чисто эстетических соображений, а, прежде всего, в случае строительства крепостного сооружения. Естественно, для поселения Планерское предположение о полнофункциональном большом крепостном сооружении выглядит пока малореальным (сооружение находится фактически у горы), требует иного взгляда. Но то, что строители поселения были знакомы с новейшими технологиями, необходимо учесть и четко представлять, не стесняясь оказаться перед огнем обвинений в модернизме.

На поселении Троя I (3000–2500 гг. до н. э.) бронзового века оборонительные стены раннего и среднего этапа были сооружены в характерной манере глыбовой кладки из рвано-уплощенных камней. Такие камни специально не обрабатывались перед укладкой, наружная сторона стены рыхлая, корявая, т. е. это не «лесбосская кладка». Если не учитывать уплощенность большинства камней, то технология укладки каждого камня та же, что и на памятниках каменской культуры. Но по стене Трои I легко взбираться противнику наверх. Кроме того, хотя толщина стены и составляет 2,5 м, она имеет значительный наклон внутрь: на один метр высоты – от 30 до 40 см. В период позднего поселения Трои I площадь крепости расширяется еще больше. На расстоянии от 2,5 до 5 метров от прежней стены насыпается из глины и земли вал высотой до 4 м с наружным наклоном насыпи под 45^0. Насыпь покрывается слоем необработанных камней, уложенных на глине. Понятно, что такой вал не был достаточной преградой, поэтому сверху выставлялась вертикальная стена из сырцовых блоков, прослеженная в нескольких местах во время раскопок [Блеген, 2004, с. 17, рис. 8].

Сравним, на Планерском стена имела сложную структуру. В целом, она была двухпанцирной. Каменные плиты, образующие эти панцири (0,9×0,7×0,3 м; 1,2×0,3×0,7 м), укладывались как вертикально (вниз по склону, т. е. «снаружи»), так и плашмя одна на другую со стороны горы, там, где требовалась особая прочность сооружения [Колотухин, 1979, с. 26, № 64; Колотухин, 1983, с. 277; Тощев, 1999, с. 81]. Кладка плашмя, та, что условно «изнутри», отчасти, напоминает кладку Трои I. Напомним, на поселении Алчак вертикально поставленные плиты и дополняющие их сверху камни употреблены для крепления борта террасированного склона, что в принципе по выполняемой задаче сходно с Планерским [Кислый, 2005, с. 101, 104, 105].

Однако, стены Планерского имеют несколько необычных особенностей. Так в раскопе I (рис. 5) была открыта длинная (до 10 м) и толстая стена, которая «плавно закруглялась» так, что она своей выпуклостью была обращена не вниз по склону, а вверх. Эта каменная дуга «неожиданно обрывается с двух сторон», как написано в археологическом отчете. Правда, в восточной оконечности стены все же во время раскопок прослежено (на схеме это видно) небольшое ответвление кладки в юго-восточную строну, окружающее зольную яму. Очевидно, что это ответвление было мощнее и разрушено оползнями, и это часть подпорно-оборонительной стены и/или отдельного сооружения, пристроенного к стене. В последнем случае пристройка будет напоминать жилища у крепостной стены Ливенцовской крепости. Вверх по склону, за дугой расчищено два зольных пятна и три очага. То есть, здесь могли стоять жилища, проходила определенная жизнедеятельность. Отметим сразу, что в раскопе II очажные пятна обнаружены по обе стороны подобной кладки.

Но еще любопытнее ситуация в описываемом раскопе I за стеной вниз по склону. Разведочной траншеей внутри выпуклости стены расчищено углубление (автор раскопок В. А. Колотухин пишет о «рве», не определяя точно его природу), открывающееся в 1,5 м

к северу от стены. Заметим сразу, не обязательно площадка между стеной и углублением должна быть такой стабильной ширины. Углубление прослежено частично. Далее, к северу шел достаточно резкий уклон под 45^0 на глубину до 2,5 м, внизу на дне прослежена прослойка из гальки и щебня, а в заполнении – кости животных и керамика, т. е. культурный слой поселения. Северная сторона «рва» не прослежена, ее могло и не быть. На верхней площадке между стеной и «рвом» обнаружена зернотёрка и молоточковидная булавка. Последняя находка говорит о том, что верхняя часть поселения использовалась достаточно рано, а значит, вероятнее всего, и начало сооружения подпорной стены проходило также достаточно рано. Расположенные за стеной зольные ямы и очаги могли быть и более поздними, но как видим по конфигурации стены, они все же были с ней связаны.

Второй раскоп Планерского 1978 г. дал также достаточно мощное сооружение (рис. 6). Это часть каменной стены, обращенной снова же выпуклой частью, в данном случае – углом, вверх по склону. Внимательное изучение стратиграфии раскопов на Планерском свидетельствует, что такие стены необходимы были для укрепления склонов холма в условиях достаточно сильных делювиальных потоков, как это прослежено на Алчаке [Кислый, 1991, с. 108–109]. Заметим, что этот вывод важен сам по себе, независимо от того как интерпретировать «ров». С этим нашим выводом согласен Г. Н. Тощев, замечая, что можно предполагать наличие различных построек внизу непосредственно на берегу ручья. «В некоторой мере в пользу такого предположения указывают многочисленные камни и материалы раскопа III» [Тощев, 2007, с. 151], исследованного позже Геннадием Николаевичем. Таким образом, если мы признаем, что с раннего этапа жизни поселения жители могли жить на холмах над долиной, то необходимо признать, что необходимы были какие-то подпорные сооружения, иначе их жилища, стойбища, кострища и прочее просто бы смывало.

На втором этапе жизни поселения вырастает роль Планерского как пункта у дорог, соединяющих север и юг полуострова в западной зоне активного расселения каменцев. Тогда появляется необходимость регулярных наблюдений за местностью, за долиной. На террасе, образованной подпорной стеной (раскоп I) строятся более фундаментальные дома, отсюда осуществлялось наблюдение, здесь также можно было скрыться в момент опасности, а в низине могли размещаться как дома самих жителей, так и круглые небольшие относительно временные шатровые жилища тех, кто прибывал сюда на какой-то период. Естественно, таких сооружений, располагавшихся вдоль склона и долины могло быть несколько, что подтверждено строительными остатками раскопа II.

Таким образом, известные нам материалы археологических исследований на обширных просторах Евразии от Приуралья до Подонья, Поднепровья и Крыма свидетельствуют, что в какой-то период (по новым датировкам он приходится на конец III – первые века II тыс. до н. э.) возрастает подвижность населения, появляются т. н. «колесничие» культуры и оригинальные прототипы оборонительных сооружений.

Тот или иной тип специальных сооружений становится востребованным в зависимости от конкретных условий жизнедеятельности, возможной опасности или потребности продвижения к новым землям. Схема «богатства-потребность их защиты» (или возросший уровень благосостояния) в этих случаях не однозначна, по крайней мере, для северопричерноморских культур. Хотя и этот фактор не исключен, к примеру, для Ливенцовки, Каратаево отчасти, Планерского и других поселений. Походы за богатствами чужих земель

также не прослеживаются археологически в каких-то значимых размерах. Поэтому главная причина возникшей подвижности населения состоит в возросших за прошедшие периоды трансформации культур эпохи бронзы экономических деструкциях, и особенно в половозрастных диспропорциях в сторону маскулинизации населения. Прежде всего, превышение числа мужчин в населении становилось побудительным мотивом снаряжения воинов для дальних походов, нападений на соседние общины, и далее – поиска благ определенного уровня за пределами известного обжитого традиционного пространства.

Характер остатков специальных оборонительных сооружений большинства крымских поселений, как мы видели, свидетельствует о том, что их задачей было не отражение регулярно возникавшей опасности и защита значительных накопленных богатств, а предупреждение возможных нападений, защита своих жилищ, семьи, женщин, скота и т. д. В случае с поселением Каменка добавлялась также защита остановившихся перед переправами путников. Поэтому превалирующей задачей было не сооружение сложных фортификационных сооружений, а размещение поселений рядом с доминирующими над местностью холмами, где устраивались наблюдательные пункты. Поселение-убежище Слюсарево могло быть одним из пунктов на пути от Каменки к выходу из Крыма с хорошей охраной и защитой, что было связано с особенностями маршрутов в открытой степи. Здесь также ставилась задача наблюдения за местностью с высот доминирующего над местностью кряжа.

Уместно вспомнить, что самый ранний из известных в человеческой истории укрепленных пунктов, Иерихон учеными трактуется неоднозначно. Здесь в слое докерамического неолита (IX–VIII тыс. до н. э.) обнаружена мощная стена толщиной более 2-х метров из крупных дикарных блоков, к которой с внутренней стороны примыкала башня высотой 8 м и т. п. Исследовательница памятника Кетлин Кеньон описывала сооружения как древнейший в мире город с оборонительными сооружениями. «Но другие ученые, – отмечает Н. Я. Мерперт, – видят в башне культовое сооружение или наблюдательный пункт, а в стенах – крепление склонов холма, преграду для оползней, наводнений, грязевых потоков и т. п.» (В. А. Шнирельман, О. А. Bar-Yosef, O. Aurenche, B. Mazar) [Мерперт, 2000, с. 67]. Как и в наших случаях с самыми ранними из обнаруженных в Крыму оборонительными сооружениями в Иерихоне имеем дело с ситуацией когда: 1) потребность охраны накопленных богатств и сооружение настоящих городов было еще не столь устоявшимся историческим фактом; 2) конкретным условиям, способствовавшим сооружению фортификационных сооружений, предшествовали разные побудительные мотивы, и вполне возможно, они все были значимы. Это потребность в наблюдательном пункте, укрепление склонов холма, защита от нападения, культовые действия.

Как нам представляется [Кислый, 1999], остатки яркой и значимой каменской культуры в Восточном Крыму стали причиной, по которой античная письменная традиция связывала полуостров с легендарными в античное время киммерийцами. Поселения ККВК были достаточно многочисленны, находки артефактов встречались часто. Поселения часто располагались в тех же природно-географических зонах, что и поселения греков, пытливость первых поселенцев воплотилась в своеобразное «познание» местной истории, а далее в сказания о киммерийцах, их истории, городах и стенах. Если остатки сооружений ККВК выделялись на фоне остатков сооружений иных эпох, предшествующих античности, а это так, – то их также связывали с киммерийцами. Сегодня

надо признать, что собственно поиски следов киммерийцев на Боспоре от П. Дюбрюкса до В. Д. Блаватского также находятся в этом ключе.

В целом строительные технологии населения ККВК только на первый взгляд кажутся обычными. На самом деле они очень разнообразны. Это и древнейшие сооружения облегченной конструкции округлые в плане с ровиками, округлые жилища с каменным основанием, прямоугольные жилища, навесы и подпорные стены, в том числе и двухпанцирные с забутовкой и достройкой каких-то помещений (площадок-башен?), убежище-крепостца, приморский маяк-кострище, наблюдательные пункты, которые могли оформляться как башни и длинные стены вокруг больших поселений. Методика и способы сооружения некоторых построек, к примеру, больших стен Планерского, свидетельствует о том, что жители каменских поселений в принципе были знакомы с передовыми технологиями своего времени. Однако не всегда они оказывались востребованными полностью и особенно в дальнейшей культуре местных племен.

Список литературы

Белинский, Лезина, Сеперанская, 1998. Белинский И. Л., Лезина И. Н., Сеперанская А. В. Крым. Географические названия. Краткий словарь. Симферополь.

Березанская, 1994. Березанская С. С. Камнедобывающее и камнеобрабатывающее производство //Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. Киев.

Блаватский, 1957. Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея //МИА. № 56. Пантикапей. М.

Блеген, 2004. Блеген Карл. Троя и троянцы, боги и герои города-призрака. М.

Братченко, 2012. Братченко С. Н. Левенчовская крепость. Памятник культуры бронзового века. Киев.

Веселов, 2005. Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. //Древности Боспора. Supplementum II. М.

Геродот, 1972. Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. Л.

Зенкович, 1958. Зенкович В. П. Берега Черного и Азовского морей. М.

Ильюков, 2013. Ильюков Л. С. Кто осаждал Ливенцовско-Каратаевскую крепость в низовьях Дона? //КСИА. Вып. 231. М.

Кислый, 1991. Кислый А. Е. Некоторые особенности строительной техники и особенности среды обитания в эпоху средней бронзы //Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вип. II. Запорожье.

Кислый, 1993. Кромлехи и каменные оградки срубной культуры на Керченском полуострове //Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. IV. Запорожье.

Кислый, 1999. Кислый А. Е. Феномен античной письменной традиции: Боспор Киммерийский, киммерийская культура, на Боспоре //Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции, декабрь 1999. СПб.

Кислый, 2000. Кислый А. Е. Каменская культура Восточного Крыма //Наукові праці історичного факультету Запоріжського університету. Вип. IX. Запоріжжя.

Кислый, 2005. Кислый А. Е. Население и памятники каменской культуры Восточного Крыма //Stratum plus. № 2. Дискурс цивилизаций. Кишинев.

Кислый, 2015. Кислый А. Е. Планиграфия памятников каменской культуры Восточного Крыма: поселения Долины Любви и Азовского побережья под Керчью //ДБ. Вып. 19. М.

Кислый, Скорый, 1990. Кислый А. Е., Скорый С. А. Скифские погребения V в. до н. э. возле Керчи //Археология. № 2.

Колотухин, 1979. Колотухин В. А. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства водовода Феодосия-Судак в 1978 году //Науковий архів ІА НАНУ. Киев.

Колотухин,1983. Колотухин В. А. Многослойное поселение в Юго-Восточном Крыму // СА. 1.

Кругликова, 1955. Кругликова И. Т. Поселения эпохи бронзы и раннего железного века в Восточном Крыму //СА. XXIV.

Куликов и др., 2012. Куликов А. В., Бейлин Д. В., Ермолин А. Л., Столяренко П. Г. Археологические разведки на южном склоне Митридатской гряды в 2007–2008 гг. (еще раз к вопросу о догреческом поселении на месте Пантикапея) //ДБ. Вып. 16. М.

Мерперт, 2000. Мерперт Николай. Очерки археологии библейских стран. М.

Музафаров, 1993. Музафаров Р. И. Крымско-татарская энциклопедия. Т. I. Симферополь.

Невесский, 1967. Невесский Е. Н. Процессы осадкообразования в прибрежной зоне моря. М.

Нечитайло и др., 1985. Нечитайло А. Л., Рунич А. П. Новое звено в системе контактов Украины и Кавказа в эпоху бронзы //Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Рыбалова, 1974. Рыбалова В. Д. Поселение Каменка в Восточном Крыму //Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 16. Л.

Суперанская и др., 1995. Суперанская А. В., Исаева З. Г., Исхакова Х. Ф. Введение в топонимию Крыма. Ч. I. М.

Тощев, 1999. Тощев Г. Н. Поселение эпохи средней бронзы Планерское I в Крыму // Матеріали міжнародної археологічної конференції "Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)". Дніпропетровськ.

Тощев, 2007. Тощев Г. Н. Крым в епоху бронзы. Запорожье.

Яковенко,1967. Яковенко Э. В. Отчет об археологических работах //Научный архив ИА НАНУ. 1967. Киев.

Яковенко,1968. Яковенко Э. В. Разведка у с. Слюсарево Кримской области //Археологические исследования на Украине. Киев.

Summary

A. E. Kisly
About the Walls
(Special Construction of Kamenka Culture of Eastern Crimea)

An author in the article raises a discussion question about defensive buildings of Kamenka Culture of East Crimea. The comparative materials close in culture on the Lower Don Liventsovsky fortress, as well as distant systemic analogy found in Troy I and Jericho are given. The study allows us to conclude that the defenses Kamenka culture were brought to life by a variety of factors, among this a protection of the accumulation of wealth is not the main thing. Features of special buildings depended on each of the settlements on the specific conditions of life of the population and the environment.

А. В. Ковальчук*, В. А. Дикарев**
*(*Институт Археологии РАН, Москва;*
***Московский государственный Университет им. М. И. Ломоносова)*

Краснолаковая посуда из Зольника 1 у бухты Сиреневая. Предварительный анализ*

С 2013 г. Восточно-Крымская экспедиция ИА РАН проводит археологические исследования на зольном холме, который находится почти в центральной части Караларского побережья, на юго-восточной окраине поселения «Сиреневая бухта», материал которого датируется I в. до н. э. – VI в. н. э. [Масленников, 1998, с. 33]. Расположенная на краю высокого берегового обрыва насыпь возвышается сейчас над дневной поверхностью на 1,3 м, диаметр основания составляет около 20 м. В древности высота холма была больше, однако под воздействием природных и антропогенных факторов его целостность была нарушена, зольные напластования фиксируются на всем береговом склоне. В 2013–2015 гг. были исследованы юго-восточный, юго-западный и северо-восточный сектора насыпи до слоя желтой глины, которая представляет собой искусственно выровненную поверхность, служившую основанием для ссыпания золы. В ходе работ были открыты остатки двух каменных стен (стены №№ 1–2), принадлежавших, по-видимому, более ранней городской застройке, каменная круговая обкладка части насыпи, а также постройка времени Великой Отечественной войны, впущенная в центр холма (рис. 1).

За три сезона работы на Зольнике 1 (на поселении и рядом есть ещё несколько, видимо, аналогичных по происхождению и структуре насыпей) была получена большая коллекция археологического материала, который в процентном отношении распределяется следующим образом: 65% составляет лепная керамика, 24% приходится на обломки амфорной тары, 5% – простая тонкостенная керамика, 3% – костный материал, 2% – фрагменты краснолаковой посуды и 1% – стекло (рис. 2). Незначительный процент находок составляют толстостенная керамика (пифосы), предметы, связанные с религиозной жизнью (вотивные хлебцы, курильницы, светильники, примитивные терракотовые статуэтки, дипинти на амфорной стенке, пряслица), а также бусины

* Статья написана в рамках работы по гранту РГНФ № 13-31-01287 «Зольные холмы. Методика раскопок и проблемы интерпретации»

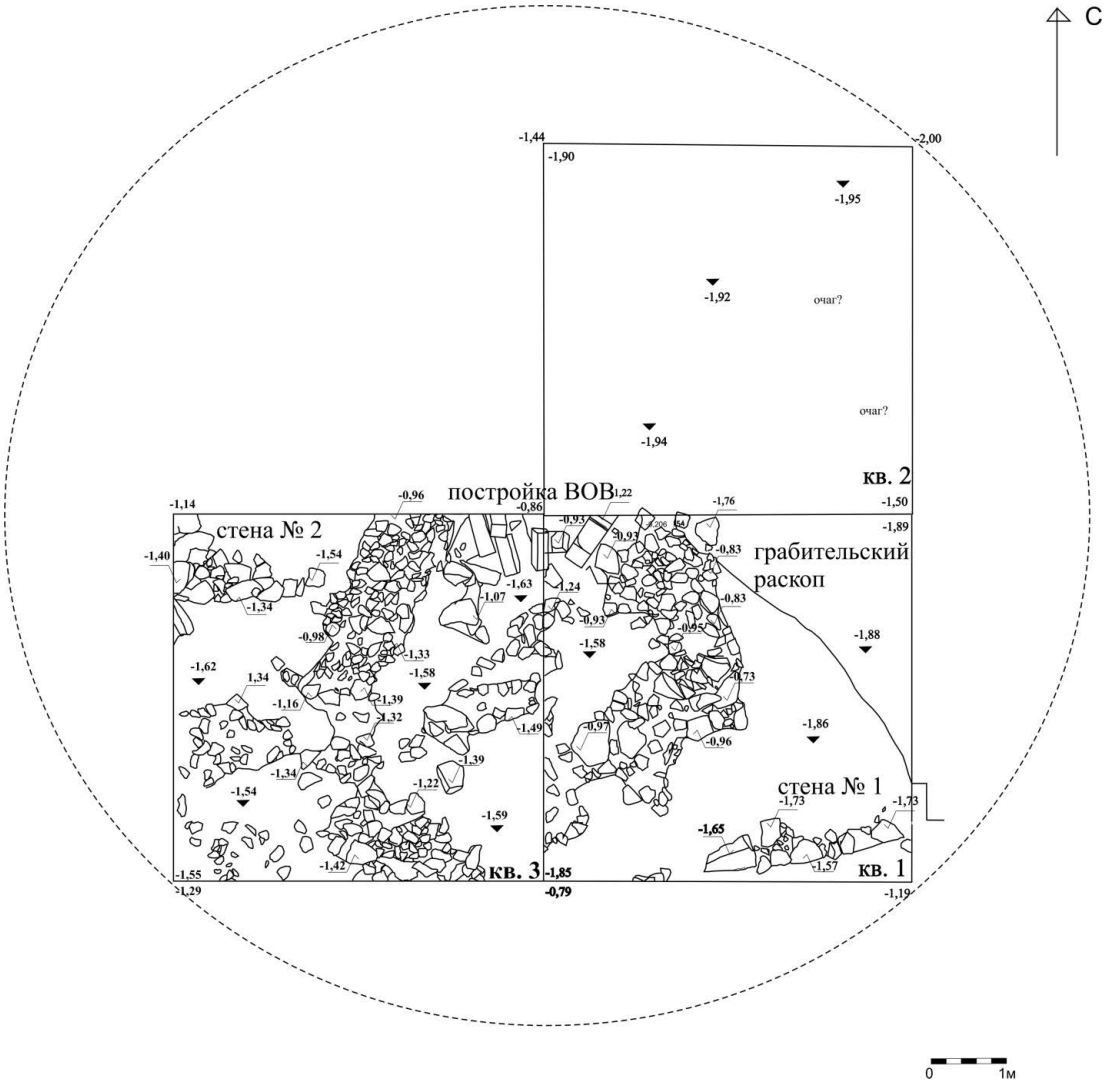

Рис. 1. План зольника у бухты Сиреневая

и монеты. Несмотря на то, что удельный вес краснолаковой керамики невелик, она, наряду с амфорной тарой и монетами имеет первостепенное значение для датировки данного археологического объекта в целом и по слоям, которые соответствуют периодам его формирования.

Транспортная тара представлена амфорами боспорского производства типа 96–97 [Зеест, 1960, с. 119–120, табл. XXXVIII], светлоглиняными – с рифлением типа набегающая волна LRA 1A1, LRA 1B1, LRA 3A2, LRA 4B2 [Pieri, 2005, p. 70–74, 103–106], типом Делакеу с двухчастным венчиком из двух нависающих валиков Type C Snp I variant 2, Snp III variant 1, Type D Snp I [Kassab Tezgör, 2010, p. 130–133, 154, 168, 172–173], узкогорлыми светлоглиняными типа Е [Шелов, 1978, с. 17, 19, рис. 9] и амфорами с морковообразным туловом (тип I по Якобсону) [Якобсон, 1979, с. 9]. В целом, преобладающая

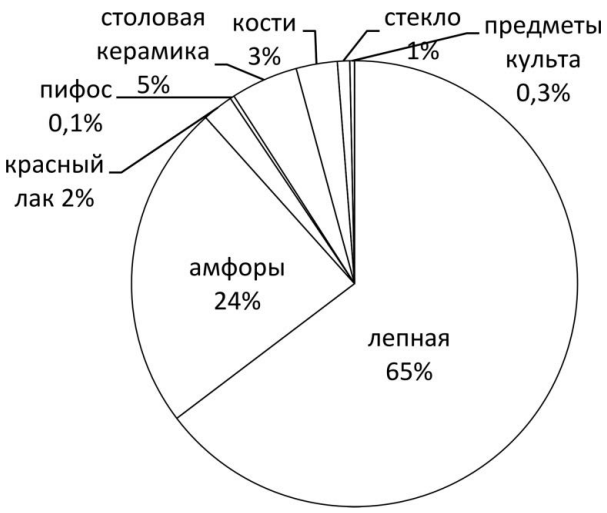

Рис. 2. Процентное соотношение находок из Зольника 1

Рис. 3. Распределение краснолаковой керамики из Зольника 1 по центрам производства

часть находок относятся к периоду с конца III по начало VI в. н. э. Однако есть отдельные примеси более позднего времени (LRA 1B1 и ножка амфоры с морковообразным туловом, датирующиеся VI – первой половиной VII в. н. э.).

Следует также упомянуть шесть медных монет, три из которых имеют хорошую сохранность и являются статерами Рескупорида VI (319 и 323 гг. н. э.) и Фофорса (297 г. н. э.)[1]

Коллекция краснолаковой посуды из зольника насчитывает 276 фрагментов, из которых большая часть (128 фр.) была зафиксирована в процессе послойного изучения насыпи холма и отмечена при помощи тахеометра на плане, а оставшаяся – получена в ходе последующей просевки грунта (рис. 5–16). Материал представлен преимущественно фрагментами мисок (131 край, 93 донца, из них 10 со штампами, 47 стенок), однако встречаются также находки отдельных фрагментов кувшинов (1 венчик, 1 ручка, 1 стенка), сосудов открытого типа на кольцевом поддоне (1 донце) и один фрагмент стенки светильника. Находки являются продукцией трех производственных регионов Причерноморья и Средиземноморья и относятся к «Понтийской краснолаковой» (Pontic Red Slip ware), «Африканской краснолаковой» (African Red Slip ware) и «Поздний римский С/Фокейская краснолаковая» (Late Roman C/Phocean Red Slip ware) группам. Подавляющая часть фрагментов принадлежит к фокейской группе (83%), затем по численности следует керамика понтийской группы (16%) и около 1% от всей коллекции приходится на посуду африканского производства (рис. 3). Подобное процентное распределение краснолаковой посуды типично для данного региона в это время; сходные цифры дают нам раскопки в Босфорском переулке в Керчи [Смокотина, 2015, с. 269]. Отметим лишь более ярко выраженное доминирование посуды «Фокейской краснолаковой» группы и отсутствие посуды группы «Позднеримская светлоглиняная».

[1] Выражаем нашу благодарность М.Г. Абрамзону, выполнившему определение монет из зольника.

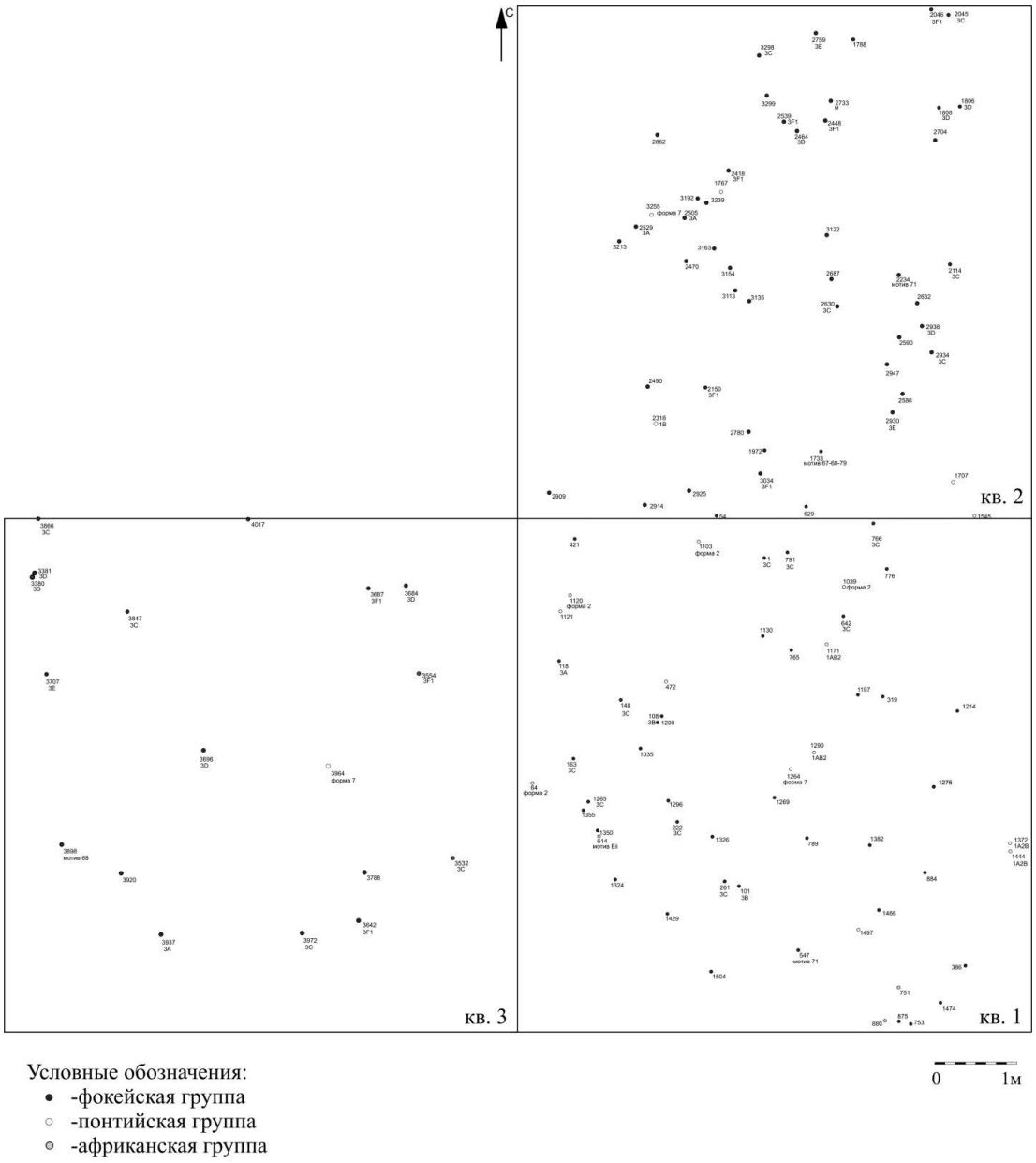

Рис. 4. Распределение краснолаковой керамики по секторам Зольника 1

Из зольника происходят миски формы 3 (A, B, C, D, E, F1) и 6 Фокейской группы и форм 1 (1A/1B, 1A/2B, 1B), 2 и 7 понтийской группы. Встречаются также отдельные фрагменты посуды Африканская краснолаковая (донца, из которых одно со штампом мотива Eii). Общая датировка всех найденных фрагментов в насыпи определяется временем с середины IV по середину VI вв. н. э.

По секторам зольника керамика распределяется следующим образом (рис. 4): 134 фрагмента (59 венчиков, 41 донце, 34 стенки) происходят из юго-восточного сектора

(кв. 1), 87 (45 венчика, 1 ручка, 33 донцев, 8 стенок) – из северо-восточного (кв. 2) и 47 (27 венчиков, 13 донцев, 7 стенок) из юго-западного (кв. 3). Еще 8 фрагментов были найдены в бровках. Согласно представленным данным, доля находок краснолаковой керамики по секторам выглядит крайне неравномерно, однако в целом хорошо коррелирует с общей картиной распространения всего найденного в ходе работ материала. Так, на юго-восточный сектор приходится около 68% всех находок, в то время как в северо-восточном секторе было зафиксировано 13% материала, а в юго-западном – 18%. При объяснении такого распределения материала необходимо учитывать несколько факторов. Во-первых, наличие многочисленных перекопов насыпи зольника. В частности, большая часть котлована под постройку времени Великой Отечественной войны располагается в юго-западном секторе. Во-вторых, было установлено [Ковальчук, Дикарев, 2016], что нарастание зольной насыпи происходило не из одной точки, а путем формирования отдельных небольших зольников и их последующего слияния в единый холм. По-видимому, центр одной из основных насыпей приходится на юго-восточный сектор зольника, в то время как юго-западная часть юго-восточного и северо-западная часть северо-восточного секторов находились по большей части уже за пределами этих изначальных насыпей.

Анализ форм краснолаковой керамики позволяет сделать вывод о более раннем образовании и функционировании центральной насыпи, находившейся в юго-восточном секторе. Так, подавляющая часть материала здесь представлена формами 3A (№ 118), 3B (№№ 101, 108) и 3C (№№ 1, 118, 148, 163, 222, 261, 642, 766, 791, 1265) Фокейской группы и формой 2 (№№ 64, 1039, 1103, 1120), 1A/2B (№№ 1171, 1290, 1372, 1444) понтийской группы. В целом, данные сосуды датируются временем с середины IV по третью четверть V в. н. э. [Hayes, 2008, p. 88] Послойное распределение форм не дает нам, к сожалению, ясную картину. Отметим лишь скачкообразное увеличение понтийской керамики в нижнем горизонте сектора (слой 1 – 2 шт., слой 2 – 1 шт., слой 3 – 3 шт., слой 4 – 2 шт., слой 5 – нет, слой 6 – 15 шт.), а также, несмотря на доминирование во всех остальных горизонтах сосудов фокейской группы (слой 1 – 12 шт., слой 2 – 19 шт., слой 3 – 7 шт., слой 4 – 6 шт., слой 5 – 2, слой 6 – 9 шт.), постепенное снижение их числа по мере углубления. Отметим также незначительную примесь поздних форм в верхних горизонтах (№№ 547, 614), относящихся к середине V – третьей четверти VI вв. н. э.

Иная картина предстает перед нами при анализе краснолаковой керамики, происходящей из северо-восточного сектора. Зольная насыпь здесь формируется в более позднее время и характеризуется практически полным преобладанием фокейской посуды (65 фрагментов фокейской группы и 7 фрагментов понтийской). Доминирующая часть материала относится к формам 3D (№№ 1806, 1808, 2464, 2936), 3E (№№ 2759, 2930, 3034) и 3F1 (№№ 2046, 2150, 2418, 2448, 2539) фокейской краснолаковой посуды и датируется с конца V по середину VI вв. н. э. [Hayes, 2008, 241]. Отметим также относящиеся к этому времени отдельные штампованные фрагменты (№№ 1733, 2234, 2733) и донце формы 7 понтийской группы (№ 3255). В насыпи, в слое 2–3, присутствует также небольшое количество более ранней керамики середины IV – третьей четверти V в. н. э., представленной фрагментами фокейских мисок формы 3A (№№ 2505, 2529), 3C (№ 2045, 2114, 2934, 3298) и одним профилем понтийского сосуда формы 1B (№ 2318).

Отчасти сходная ситуация наблюдается в юго-западном секторе, где также доминирует краснолаковая посуда фокейской группы (35 фрагментов фокейской группы и 1 фрагмент понтийской). На основании данного материала мы можем в целом проследить здесь постепенное нарастание зольных слоев с начала V в. н. э. по середину VI в. н. э. Так, посуда из пятого и четвертого горизонтов представлена формами 3A (№ 3937), 3B, 3C (№ 3847, 3866, 3972) начала – третьей четверти V в. н. э., из третьего формами 3C, D (№№ 3684, 3696), E (№ 3707), F1 (№ 3642), из первого и второго горизонта – 3C (№ 3532), 3D (№№ 3380, 3381), 3F1 (№ 3554).

Таким образом, анализ материала позволяет прийти к следующим заключениям. Функционирование зольника приходится на период с конца III до середины VI в. н. э., при этом наиболее активная фаза относится к отрезку времени с середины IV по конец V в. н. э. Сброс и накопление зольных остатков происходил не в одной точке насыпи, а одновременно в нескольких местах холма. Наиболее ранняя насыпь располагалась в юго-восточном секторе холма, происходящая из нее керамика относится к середине IV – третьей четверти V вв. н. э. Несколько позднее начинается накопление зольных остатков в юго-западном секторе насыпи, здесь материал датируется временем с начала V по середину VI вв. н. э. С конца V в. н. э. возникает еще одна насыпь в северо-восточном секторе зольника, накопление золы в этом месте продолжается также до середины VI в. н. э.

Список литературы

Зеест, 1960. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора //МИА. 83. М.

Ковальчук, Дикарев, 2016. Ковальчук А. В., Дикарев В. А. Археологические работы на Зольнике 1 у бухты Сиреневая в 2013–2015 гг. //Археологические открытия 2015 года. М. (в печати)

Масленников, 1998. Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М.

Смокотина, 2015. Смокотина, А. В. Диссертация а соискание ученой степени кандидата исторических наук. Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV – первой половине VII в. М.

Шелов, 1978. Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология //КСИА. 156

Якобсон 1979. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики. Л.

Hayes, 2008. Hayes J. W. Roman pottery. Fine-ware imports //The Athenian Agora. Vol. XXXII. Princeton, New Jersey

Kassab Tesgör, 2010. Kassab Tesgör D. Typologie des amphores sinopéennees entre les IIe-IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. //Les fouilles et le material de l'atelier amphorique de Demirci près le Sinope. Paris

Pieri, 2005. Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine (Ve-VIIe siècles): le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth.

Summary

A. V. Kovalchuk, V. A. Dikarev

The red slip ware from the excavation on the ash hill of the settlement ''Lilac Bay''. Preliminary analysis

The article is based on the materials of the excavation conducted in 2013–2015 by the East Crimean Expedition of the Institute of Archaeology of RAS on the ash hill located at the south-east part of the settlement «Lilac Bay». In the course of the research was revealed a numerous collection of the red slip ware; their analysis enabled us to obtain new detailed information about the formation and functioning of the hill. According to the hand molded pottery, amphora, glasswares and coins finds the ash hill was functioning in the period from the 2 till the first half of the 6th century AD, but the most intense phase of the hill's rise was during 4 – first half of the 5 century AD. The red slip ware collection consist of the 276 fragments of dishes and open bowls, flagons and one fragment of the lamp. The pottery was manufactured at the three production centers of the Black Sea and Mediterranean region: Late Roman C/Phocean Red Slip ware (83%), Pontic Red Slip ware (16%) and African Red Slip ware (1%). The analysis of the red slip ware demonstrates that throw and accumulation of the ash did not take place at the one point, but occurred at the same time at the different sites of the hill. It can state unhesitatingly that the central part of hill was created earlier that the remaining parts, the material can be dated from the middle of the 4 century AD till the third quarter of the 5 century AD. Other parts of the hill, where prevails the Phocean Red Slip ware, spring up at the end of 5 century AD.

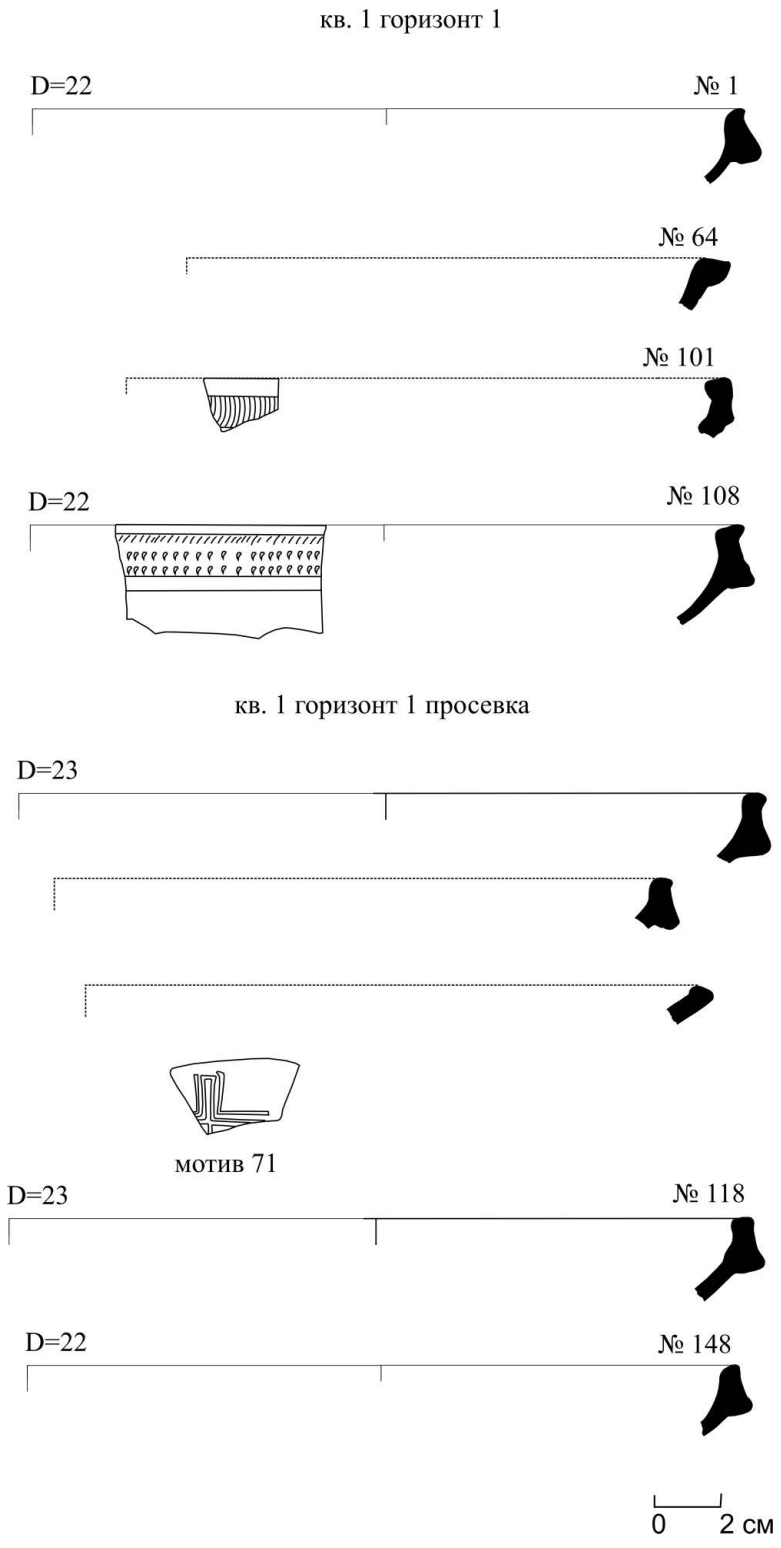

Рис. 5. Краснолаковая посуда из Зольника 1. Кв. 1 горизонт 1

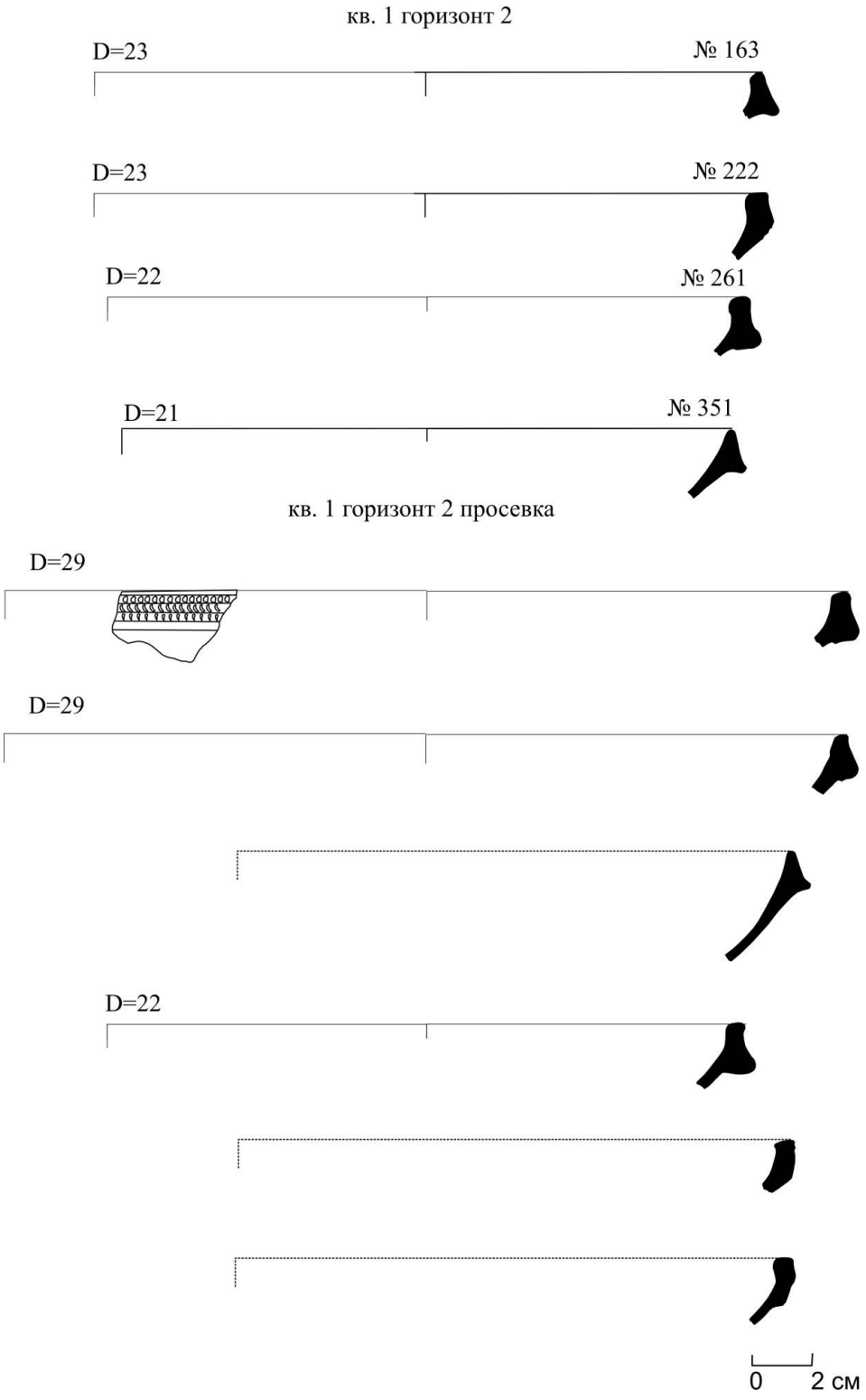

Рис. 6. Краснолаковая посуда из Зольника 1. Кв. 1 горизонт 2

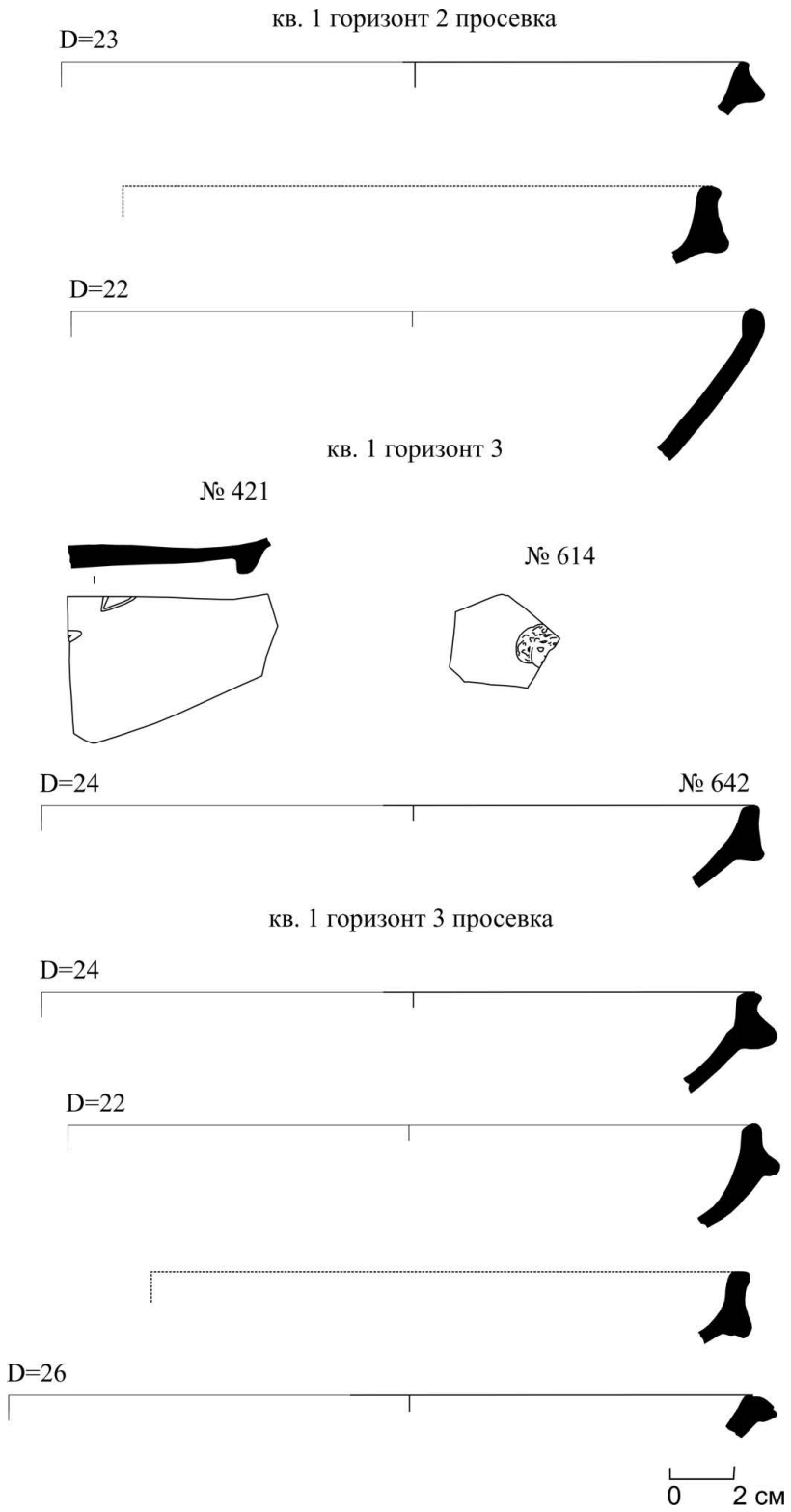

Рис. 7. Краснолаковая посуда из Зольника 1. Кв. 1 горизонт 3

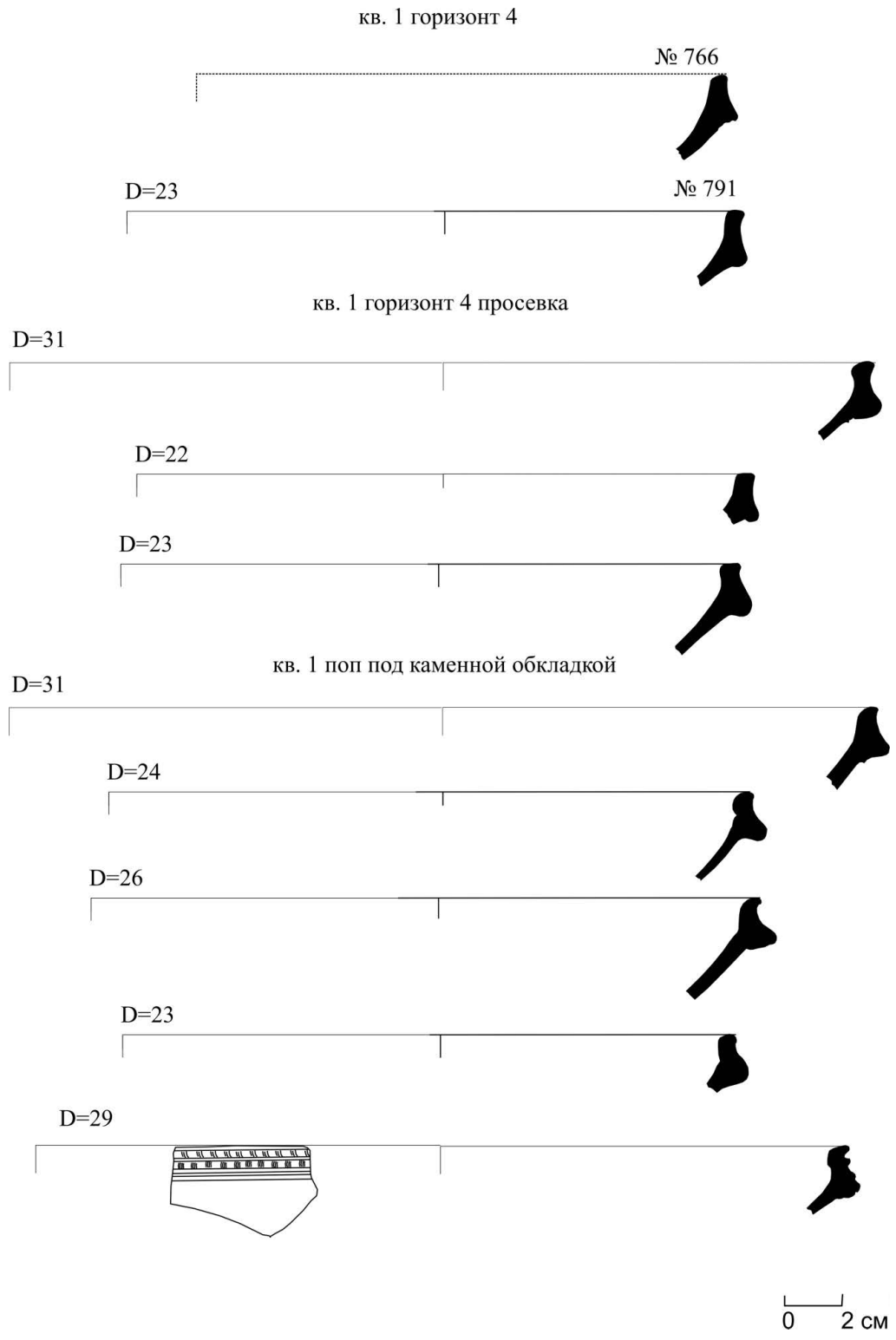

Рис. 8. Краснолаковая посуда из Зольника 1. Кв. 1 горизонт 4

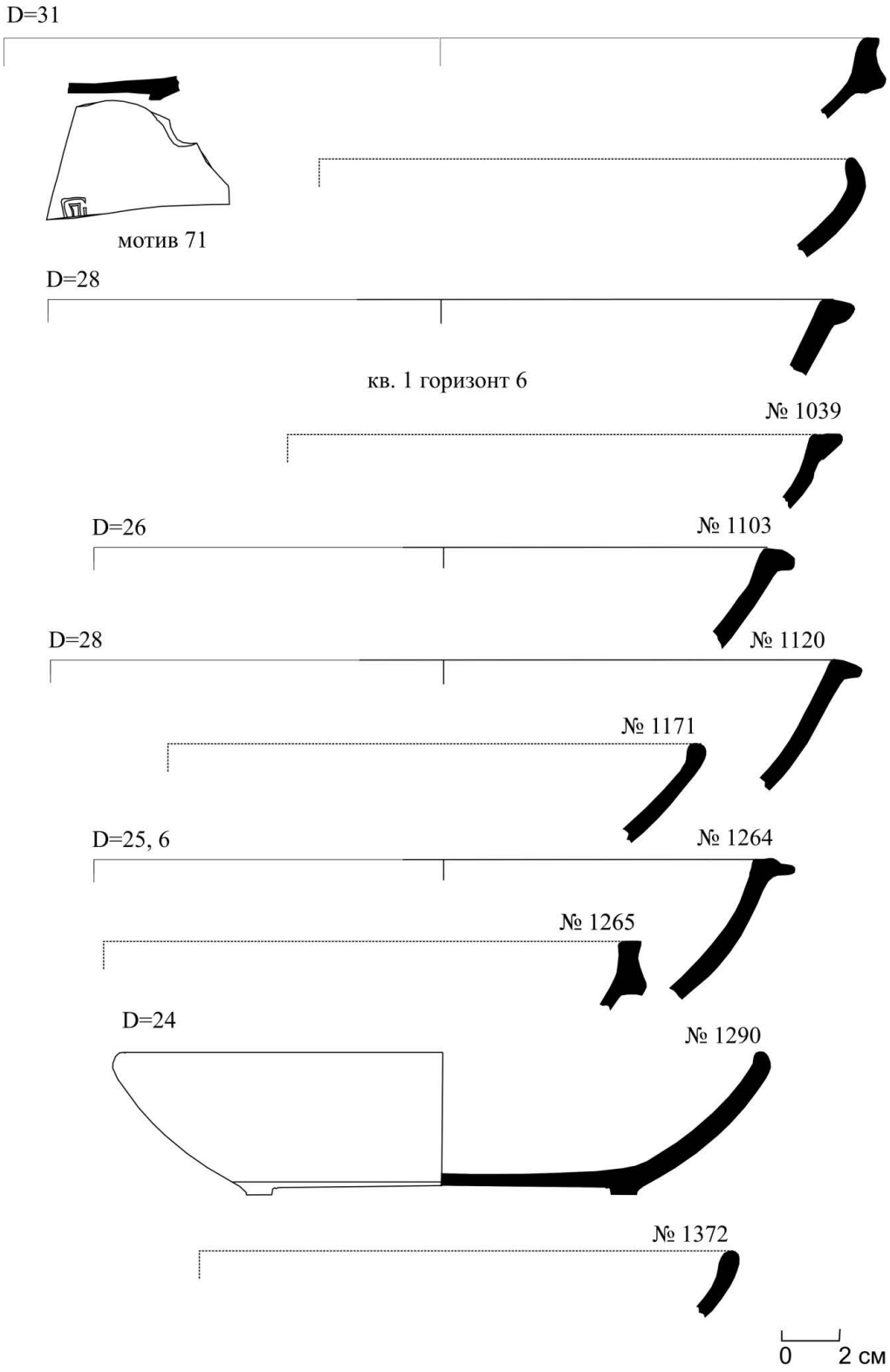

Рис. 9. Краснолаковая посуда из Зольника 1. Кв. 1 горизонт 6

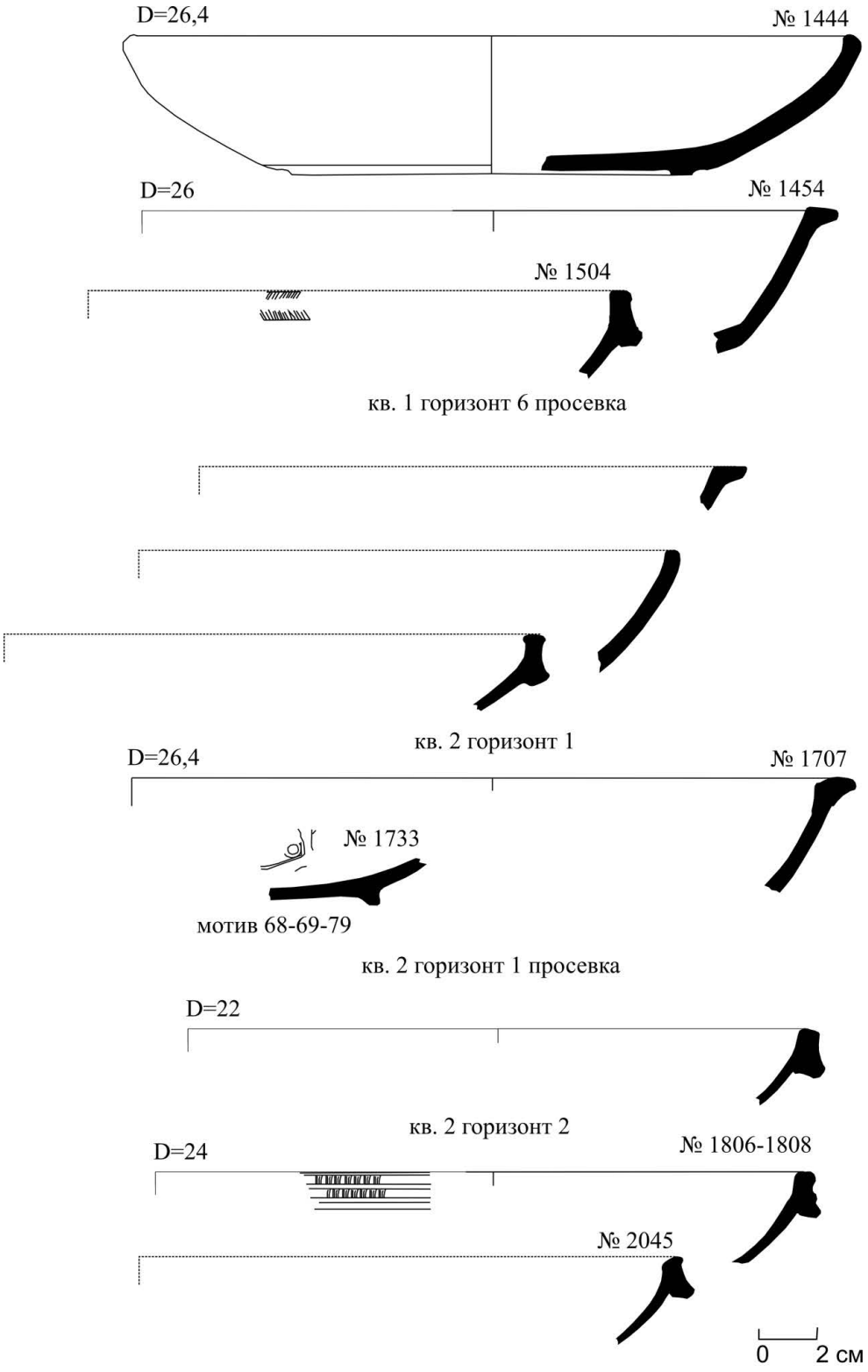

Рис. 10. Краснолаковая посуда из Зольника 1. Кв. 1 горизонт 6, кв. 2 горизонт 1, 2

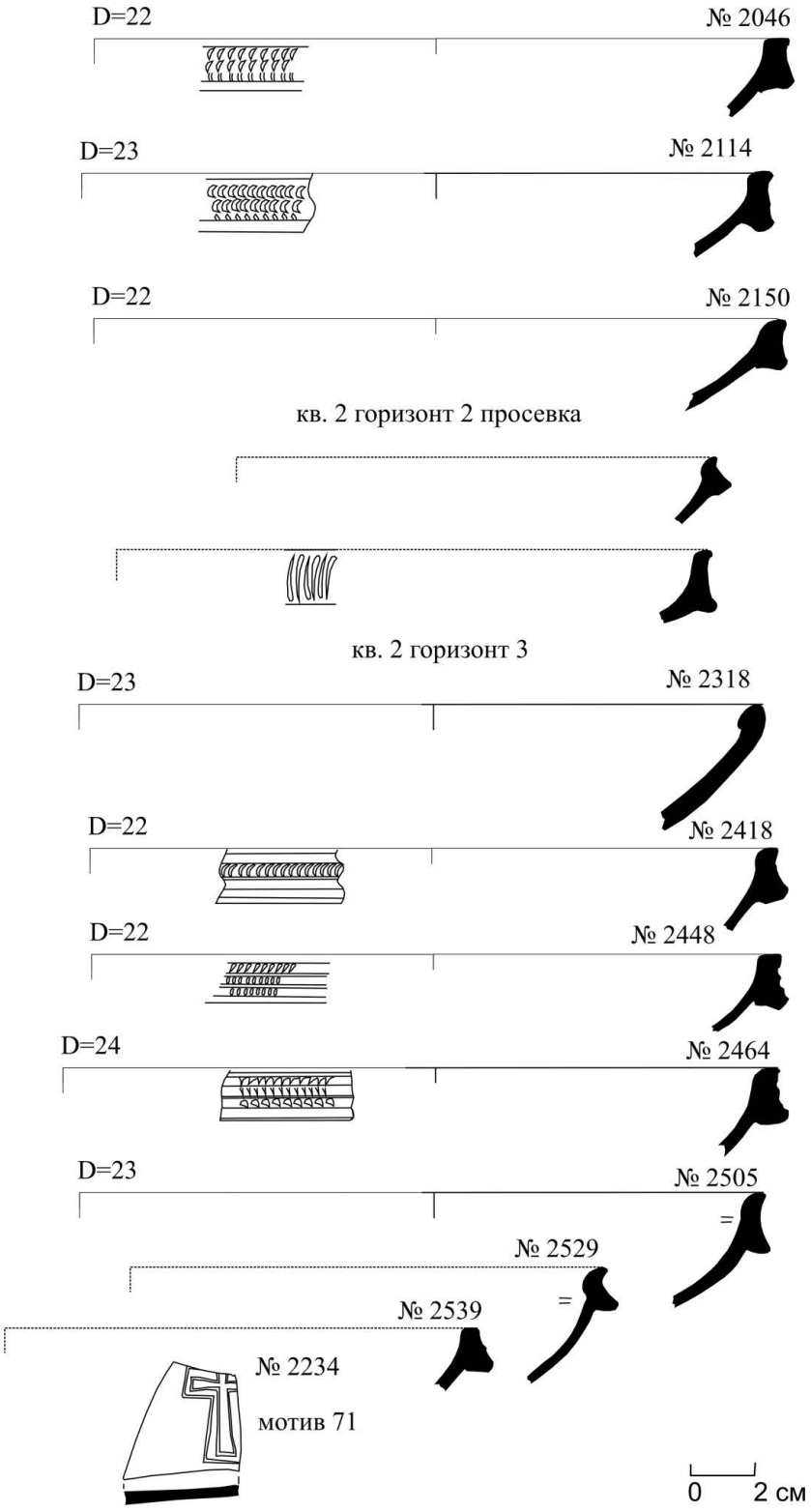

Рис. 11. Краснолаковая посуда из Зольника 1. Кв. 2 горизонт 2, 3

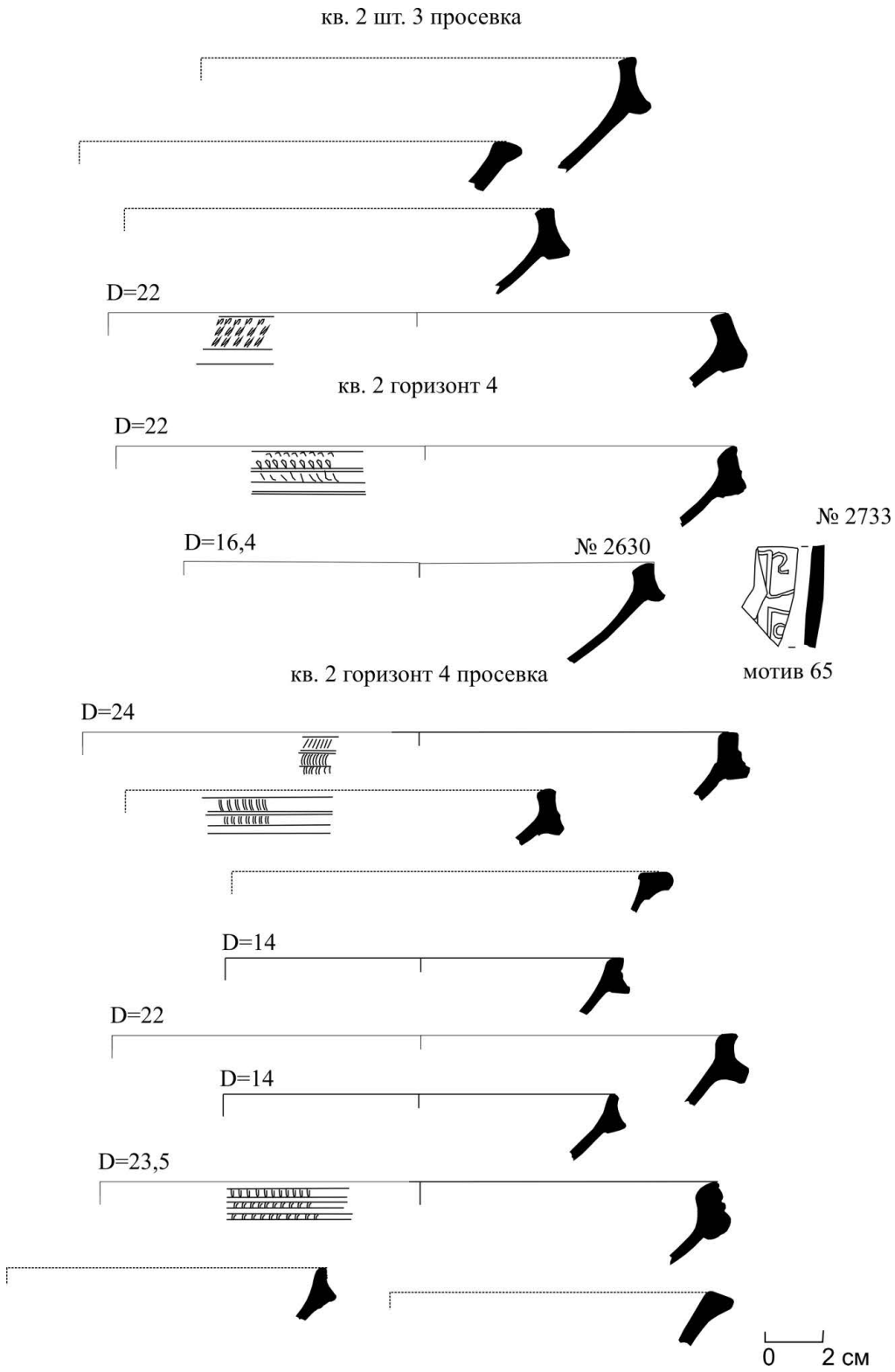

Рис. 12. Краснолаковая посуда из Зольника 1. Кв. 2 горизонт 3, 4

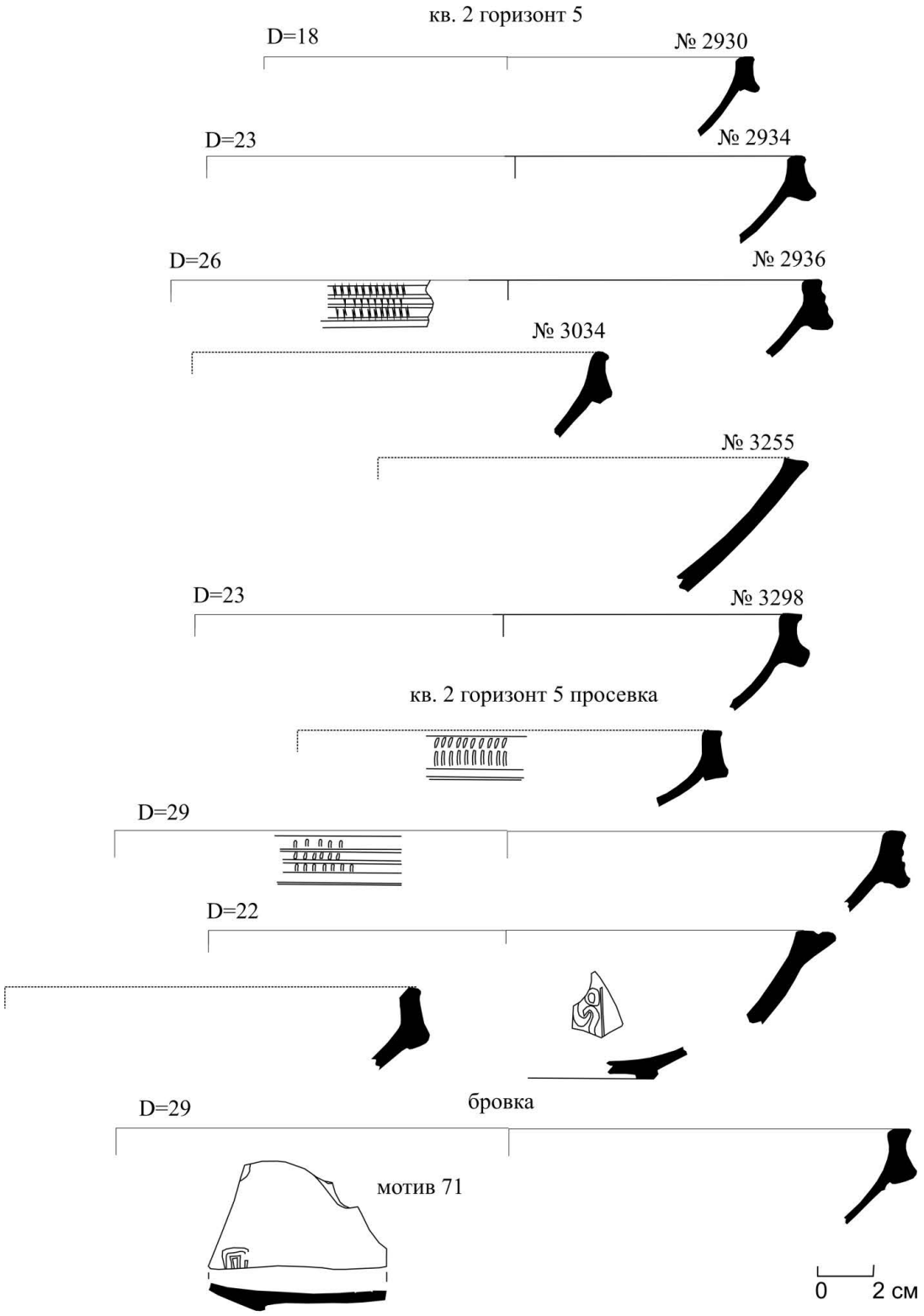

Рис. 13. Краснолаковая посуда из Зольника 1. Кв. 2 горизонт 5

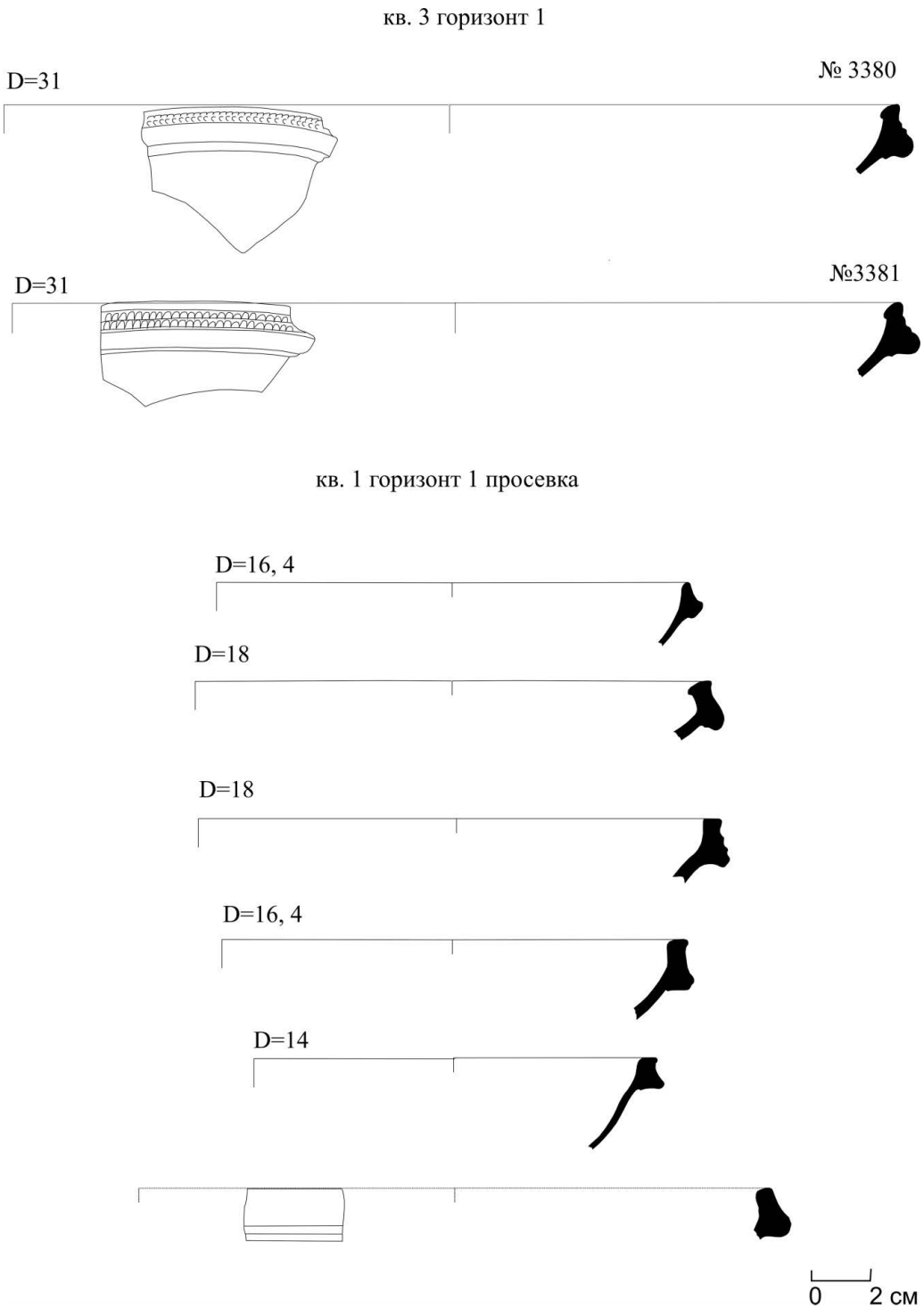

Рис. 14. Краснолаковая посуда из Зольника 1. Кв. 3 горизонт 1

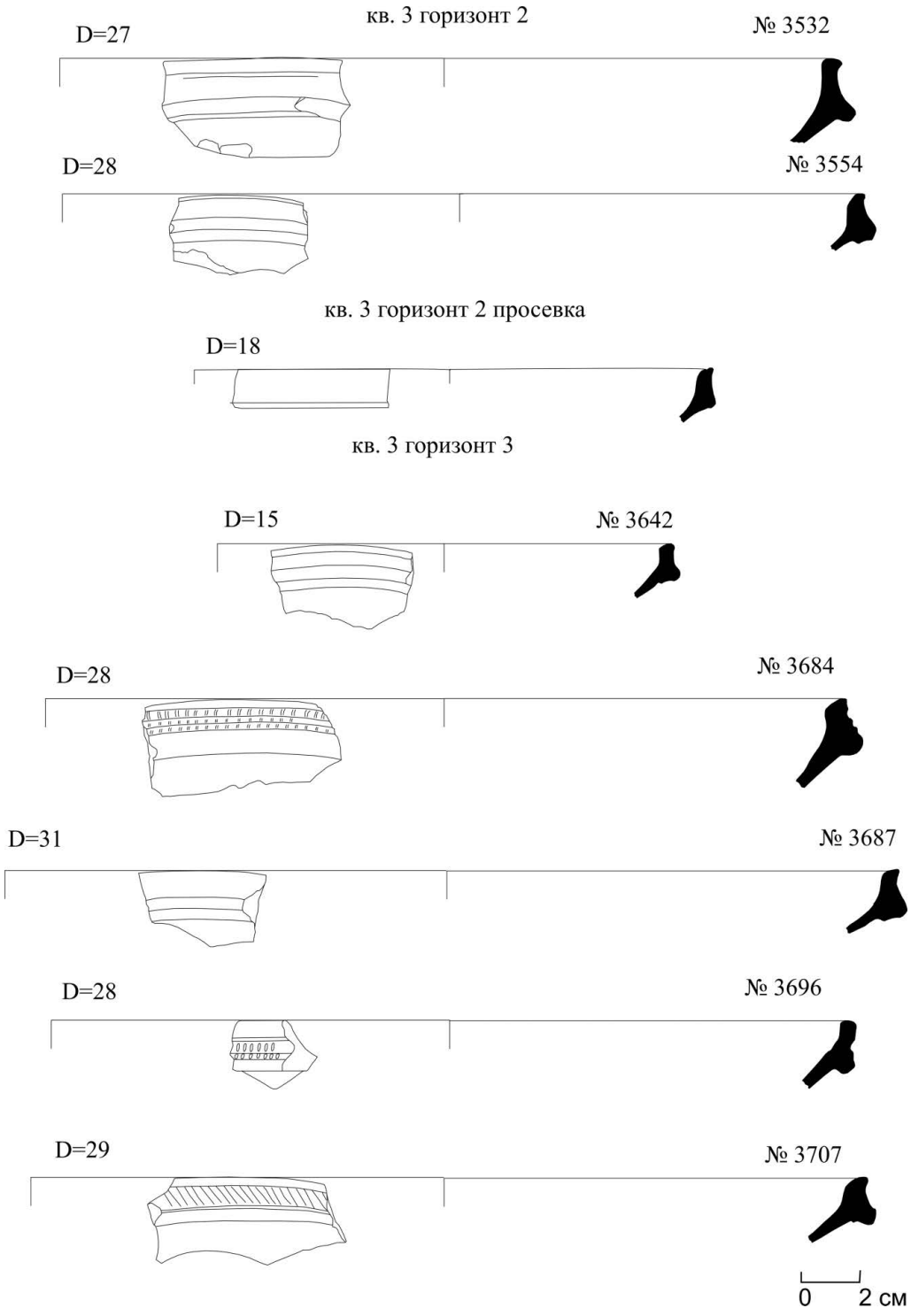

Рис. 15. Краснолаковая посуда из Зольника 1. Кв. 3 горизонт 2, 3

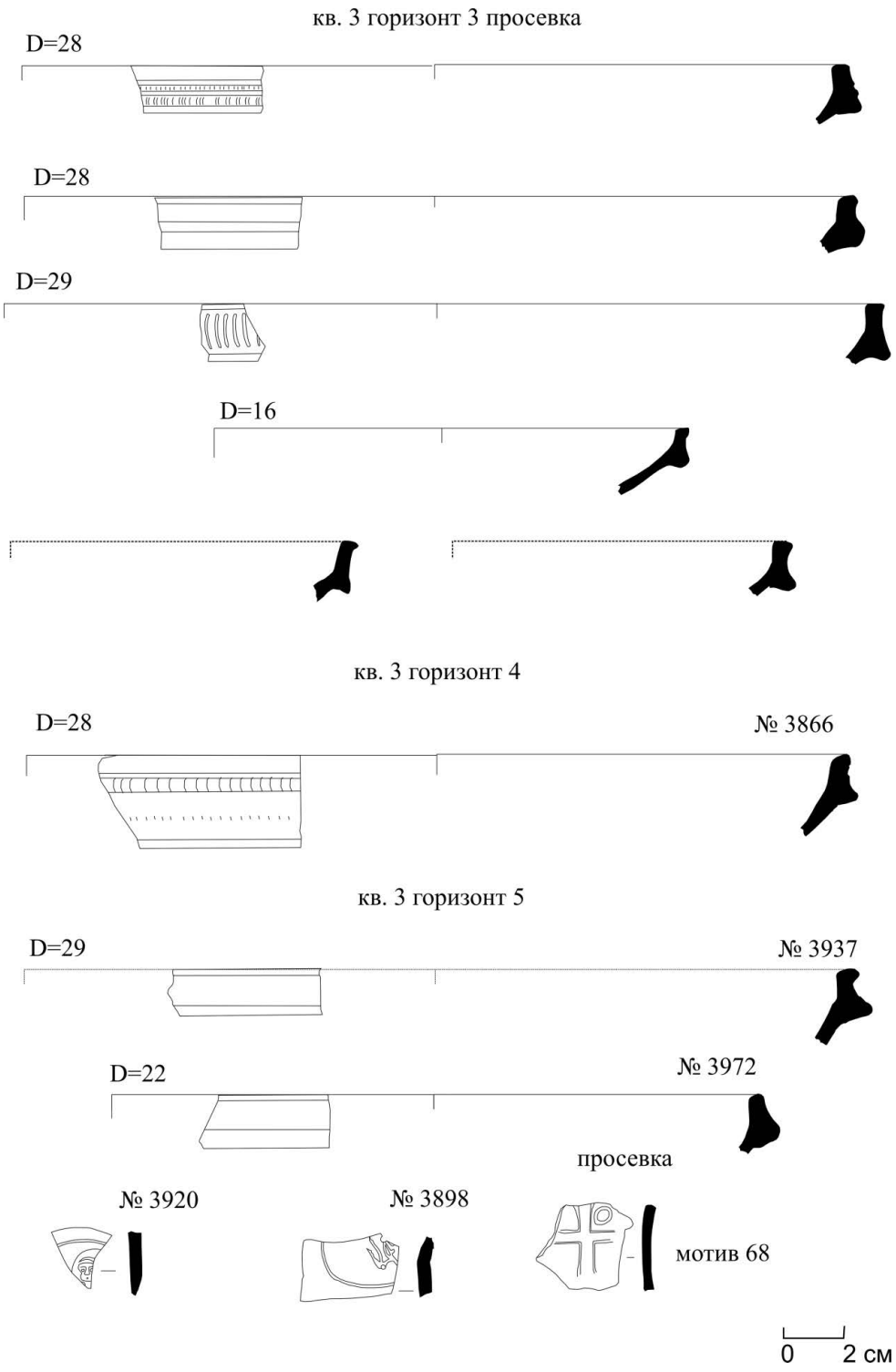

Рис. 16. Краснолаковая посуда из Зольника 1. Кв. 3 горизонт 3–5

В. Д. Кузнецов
(Институт Археологии РАН, Москва)

Раннесредневековый дом в Фанагории[1]

Раннесредневековая Фанагория известна крайне плохо. Это относится как собственно к истории города, так и к его археологии. Не случайно в очерках, посвященных этому памятнику, этому периоду уделено совсем немного места [Плетнева, 2000, с. 145–148; 2003, с. 179–181; Георгиев, 2005, с. 47; Флеров, 2011, с. 141–143]. Исследование наиболее поздних культурных напластований Фанагории (VII – начало X в. н. э.) осуществлялось очень отрывочно, на нескольких участках городища, по преимуществу на его нижнем плато. Материалы этих раскопок либо остались не введенными в научный оборот, либо не несли сколь-либо значимого объема информации. Исключение составляют два раскопа – «Центральный», который исследовала М. М. Кобылина, и «Стратиграфический», на котором работы вел А. Г. Атавин [Плетнева, 2000, с. 146–147; Атавин 1988; 1992, с. 173–191]. На первом из них был открыт участок раннесредневекового города, а второй – дал материалы для датировки времени прекращения его существования. Эти результаты были опубликованы, и дают определенное, хотя и совершенно недостаточное представление о раннесредневековой Фанагории. В целом, нужно признать, что наши знания о размерах города этого времени, типах общественных и частных зданий остаются крайне ограниченными.

В 1995 г. были начаты работы на большом раскопе, находящемся в центральной части городища, на вершине холма, на котором в античное время располагался акрополь. Здесь было открыто несколько жилых домов 9 в. н. э. [Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 393–429]. Эти данные позволили говорить о том, что город занимал не только нижнее плато, но также и верхнее. Другими словами, Фанагория была крупным городом в рассматриваемое время.[2]

В 2015 г. развернулись раскопки и на нижнем плато городища, у подножия античного акрополя. Площадь раскопа равна 2000 кв. м. В течение первого полевого сезона

[1] Автор выражает свою искреннюю благодарность М. О. Жуковскому, которому принадлежит авторство рис. 3, и А. А. Наумову (чертежи).

[2] Одним из внешних признаков культурных напластований хазарского времени является наличие в них большого количество пифосов. В различных местах городища (в частности, на западной и восточной окраинах верхнего плато Фанагории) периодически обнаруживаются провалы внутрь таких пифосов, находящихся непосредственно под современной дневной поверхностью.

были открыты, частично или полностью, остатки нескольких жилых домов, являвшихся частью городского квартала. Их можно датировать 9 в. н. э. (видимо, его второй половиной).[3] Раскопки тут ещё не завершены. Однако одно из зданий, которое можно признать нетипичным, уже исследовано полностью. Его публикации и посвящена данная статья.

Небольшой участок городской застройки, о котором идет речь, представляет собой несколько домов, расположенных вдоль улицы, вытянутой с востока на запад. После окончания исследования, ему будет посвящена специальная работа. Описываемое здание (№ 9) имеет форму близкую прямоугольной и представляет собой многокомнатный жилой дом. Он состоит из анфилады помещений, ориентированных с востока на запад. Однако эта ориентация не строгая: восточный край здания отклоняется к северу примерно на 10^0. Дом состоит из шести помещений и большого двора, примыкающего с юга. Размеры здания: 20,0×6,3 м; общая площадь (по внешнему контуру стен) составляет 126 кв. м.

Описание стен

Стена 9/1 (северная) это фундамент под внешнюю стену, ориентированную с востока на запад с небольшим отклонением. От него сохранилось три участка. Первый – образует северо-восточный угол дома с восточной стеной (9/2). Его длина 2,2 м, ширина 0,6 м. Сложен из уплощенных блоков ракушечника вторичного использования. Наиболее крупные из них имеют размеры от 0,3×0,6 м до 0,6×0,6 м. Блоки положены поперек кладки. Второй отрезок находится в 9,7 м к западу от первого. Его сохранность оставляет желать лучшего: длина 1,4 м, ширина более 0,7 м. Далее в 3,5 м к западу находится третий участок. Его длина 3,5 м, ширина 0,65 м. Он также сложен из блоков ракушечника вторичного использования; сохранилось три ряда камней.

Стена 9/2 (восточная): фундамент под стену, сохранившийся почти полностью. Его длина 6,3 м (по внешнему контуру), ширина 0,8–0,85 м. Кладка сложена в технике opus spicatum в два панциря с забутовкой. Камни панцирей довольно крупные (ракушечник, немного известняка), в забутовке – помельче. Сохранилась в два ряда. С восточной стороны к стене вплотную примыкает западная внешняя стена дома № 4.

Стена 9/3 (южная): от южного фундамента под стену уцелело только два фрагмента. Один образует юго-восточный угол здания с восточной стеной. Здесь его размеры таковы: длина 2,0 м, ширина 0,8 м. Кладка в два панциря с забутовкой. Камни – ракушечник, немного плитняка и известняка – довольно крупные (0,2×0,3 м, 0,3×0,4 м), в забутовке – мелкие. Сохранилось до двух рядов. Второй участок примыкает к западной стене 9/4. Его длина 2,9 м, ширина 0,8 м. Кладка та же; сохранность – до двух рядов. Камни панцирей среднего размера, забутовки – мелкие.

Стена 9/4 (западная): фундамент под западную стену сохранился частично (примерно его центральная часть). Длина 3,5 м, ширина 0,75–0,8 м. Северо-западный и юго-западный углы дома 9 не сохранились. Кладка западной стены сложена в два панциря с забутовкой. Камни панцирей средние по размерам, в забутовке – помельче. Сохранилось до двух рядов камней (ракушечник).

[3] Консультация Л. А. Голофаст, которой я приношу свою признательность.

Стена 9/5 (перегородка между пом. 1 и пом. 2): сохранилась на длину 4,5 м при ширине 0,6 м. Кладка сложена в технике opus spicatum в два панциря с забутовкой. Камни панцирей небольшие и необработанные (около 0,1×0,1 м, 0,1×0,15 м). Камни забутовки мелкие, их совсем немного. Сохранилось три ряда камней (преобладает ракушечник). Кладка выполнена аккуратно, можно сказать тщательно. С западной стороны, в 1,3 м от южного конца стены, почти вплотную (на 5–6 см) к ней поставлен большой грубо обработанный блок (ракушечник, 0,48×0,37×0,37 м). Сверху в центре камня просверлено углубление конической формы: диаметр по верху 0,17–0,18 м, глубина 0,2 м. Подошва камня почти точно совпадает с подошвой кладки стены. Функциональное назначение камня очевидно – это ступа.

Стена 9/6 (перегородка между пом. 2 и пом. 3): отстоит от стены 9/5 на 1,9 м к западу. Сохранилась на длину 4,5 м, ширина 0,6 м. Камни чуть крупнее, чем в стене 9/5 (ракушечник, известняк) и не так тщательно подобраны, как в последней. Кладка сложена в два панциря с забутовкой. Сохранился один ряд камней. В 0,6 м от южного конца стены в ней устроен проход, ведущий из пом. 2 в пом. 3. Его ширина 0,84 м. С каждой из стороны проход фланкирован двумя слегка обработанными блоками ракушечника, лежащими последовательно по всей ширине стены. С западной стороны стены, примерно на уровне ее середины и на расстоянии 0,3 м от нее, лежит целая амфора.

Стена 9/7 (перегородка между внутренним двориком 3 и помещениями 4 и 5): отстоит от стены 9/6 на 2,8–3,3 м к западу (стены не параллельны). Ее длина 4,3 м, ширина 0,55 м. Сложена в технике opus spicatum в два панциря с забутовкой. Камни средних размеров, не обработаны. В забутовке они мельче. Преобладает ракушечник, но встречается известняк и плитняк. Сохранился один ряд камней. У северного конца кладки, с ее восточной стороны, сделана некая выгородка из необработанных небольших камней, положенных в один ряд. Она начинается в 1,6 м от северного конца стены и полукругом уходит в северном направлении. Максимальная ширина выгородки до 0,8 м, длина не менее 1,45 м. Очевидно, что она имела хозяйственное назначение. Этот факт дает основание для предположения о том, что между стенами 9/6 и 9/7 находилось не жилая комната, но какое-то хозяйственное помещение. Не случайным, видимо, является и то, что около стены 9/6 находилась амфора (см. выше).

Стена 9/8 (перегородка между пом. 4 и 5 и пом. 6): отстоит от стены 9/7 на 1,9–2,1 м к западу. Ее длина 4,5 м, ширина 0,5 м. Сложена в технике opus spicatum в два панциря с забутовкой. В целом, камни средних размеров (ракушечник и немного известняка). Сохранился один ряд камней.

Стена 9/9 (перегородка, разделяющая помещения 4 и 5, которые образованы стенами 9/7 и 9/8): она отстоит от южного конца стены 9/7 на 1,8 м и от южного же конца стены 9/8 на 2,0 м. Ее длина 2,0 м, ширина 0,35 м. Сложена в технике opus spicatum в два панциря с забутовкой. Использованы камни ракушечника средних и мелких размеров. Сохранился один ряд камней. В центре стены (в 0,6 м от стены 9/8 и в 0,5 м от стены 9/7) устроен проход, соединяющий пом. 4 и пом. 5. От него сохранились два слегка обработанных блока ракушечника (0,2×0,2×0,4 м и 0,2×0,2×0,35 м). Они примыкают к северному фасу описываемой стены и уходят ниже ее подошвы. От западной притолоки прохода сохранился еще один камень, который лежит на стене ребром – небольшой

обработанный блок ракушечника размерами 0,3×0,2×0,1 м. Ширина прохода равна 0,8 м.

Теперь перейдем к описанию всех помещений дома (с востока на запад).

Помещение 1 (восточное): образовано стенами 9/1, 9/2, 9/3 и 9/5. Его площадь около 25 кв.м. Это одна из двух главных комнат дома (наряду с пом. 6 в западном конце здания). В пользу этого свидетельствуют не только размеры, но также и вполне уверенное определение функционального назначения всех остальных помещений (еще кроме № 6). Вход в помещение и пол в нем не выявлены. Однако поскольку вход не зафиксирован в хорошо сохранившихся восточной и западной стенах и его не может быть в северной стене (т.к. с этой стороны проходит улица), то для него остается только южная стен (см. ниже).

Помещение 2: образовано стенами 9/1, 9/3, 9/5 и 9/6. Его площадь 8,5 кв.м. Пол не зафиксирован. Оно не сообщается с соседним пом. 1. В нем отмечены две особенности: наличие прохода в хозяйственное пом. 3 и наличие ступы у стены 9/5. Эти может свидетельствовать только об одном – пом. 2 является кухней. Вход в нее вёл, по всей видимости, не только из пом. 3, но и с южной стороны (только не из соседних комнат).

Помещение 3: образовано стенами 9/1, 9/3, 9/6 и 9/7. Его площадь равна 14 кв.м. Представляет собой пространство, использовавшееся для неких хозяйственных целей. Например, для выполнения разнообразных работ, хранения запасов и т.п. В пользу этого свидетельствует выгородка из камня (см. выше), нетипичная для жилого помещения, и амфора у стены 9/6. Хозяйственное помещение сообщалось только с кухней 2 и имело выход в основной двор дома.

Помещения 4 и 5: образованы стенами 9/1, 9/3, 9/7 и 9/8. Оба помещения представляют собой единый комплекс – две спальни, которые разделены перегородкой 9/9. В пользу того, что эти две комнаты являлись спальнями, говорит тот факт, что они не сообщаются ни с одним другим помещением дома, но зато имеют проход между собой. Кроме того, они совсем небольшие: около 4 кв.м. У спален был общий вход с южной стороны (со двора).

Помещение 6: образовано стенами 9/1, 9/3, 9/4 и 9/8.Площадь комнаты равна примерно 18,5 кв.м. Не сообщается ни с одним из других помещений дома. Вход, по всей видимости, был со двора, т.е. с южной стороны. Пол не зафиксирован. Местоположение комнаты в западном конце дома, ее размеры и отсутствие связи с другими помещениями дает основание видеть в ней особое место, носившее нехозяйственный характер.

Таким образом, дом 9 является одним из самых больших жилых домов хазарского времени, когда-либо открытых в Фанагории. Он состоит из шести помещений, из которых две комнаты (крайние восточная и западная, пом. 1 и пом. 6) можно назвать основными жилыми (нечто типа гостиных), две крошечные спальни (пом. 4 и 5) и кухня. Кроме того, в центральной части дома находилось хозяйственное помещение. На основании расположения пом. 6 около спален можно предполагать, что здесь была женская «половина» дома. В то же время пом. 1 могло выполнять роль мужской «половины». Своей тыльной (северной) стороной дом выходил на улицу, которая шла вдоль здания с востока на запад. Здесь в северной стене, скорее всего, не было окон. С противоположной же стороны (южной) находился большой двор с портиком-навесом, который

опирался на деревянные столбы-колонны. Они обычны для этого времени в Фанагории. Каменные подпятники под такие столбы очень распространены в слое хазарского периода. В 2,0 м от южной стены, напротив пом. 4 найден такой подпятник, видимо, принадлежавший портику дома 9. В пользу существования двора свидетельствуют не только остатки замощения в виде слоя железняка вдоль южной стены дома, но и тот факт, что ни одно помещение не имело выхода в северной стене здания, т. е. со стороны улицы. Трудно представить, например, что из спален выход был прямо на улицу. Другими словами, каждая комната имела выход во двор. Сообщение внутри дома имели между собой только две спальни и кухня с хозяйственным помещением.

Что касается техники строительства дома, то здесь следует отметить распространение способа кладки каменного цоколя, который называется opus spicatum (или в «ёлочку») [Чхаидзе, 2008, с. 115–118; Флеров, 2011, с. 172–177; Сорочан, 2004]. Судя по выровненной поверхности кладок цоколей, стены дома были сооружены из сырцовых (саманных) кирпичей. К сожалению, ничего нельзя сказать о конструкции крыши. Неподалеку от дома был найден большой кусок черепицы, правда, принадлежавший соседнему зданию. На этом основании можно полагать, что и дом 9 мог также быть покрыт черепицей. В пользу этого говорят и его значительные размеры, свидетельствующие об определенном уровне благосостояния хозяина. Важно и следующее обстоятельство: в плане дом представляет не совсем прямоугольник, а скорее параллелограмм. Его противоположные стороны параллельны, но углы не прямые. К этому можно добавить, что внутренние стены-перегородки не параллельны между собой. Как показывает пример соседних домов, нарушение правил геометрии при строительстве является обычным делом для архитектурного облика города рассматриваемого времени. Все это свидетельствует о значительных потерях, понесенных культурой строительной техники Фанагории по сравнению с периодом античности.

До нынешнего момента в Фанагории (а также и в Гермонассе–Таматархе) были известны только двух- или трехкомнатные дома. Открытие дома с шестью помещениями, говорит о существовании значительных социальных дифференциаций между жителями города. Дом, в котором были комнаты различного функционального назначения, свидетельствует о довольно высоком уровне жизни определенной категории горожан. Нет сомнений, что и это жилище отнюдь не было самым большим. Очевидно, в Фанагории были и более состоятельные люди, дома которых отличались как своими размерами, так и внутренним убранством. Так, вряд ли изгнанный император Юстиниан II жил со своей женой Феодорой, сестрой кагана, в каком-нибудь скромном жилище [см.: Георгиев, 2005, с. 47].

Рис. 1. Общий вид раскопа «Нижний город» (с юга)

Рис. 2. Панорамный вид раскопа «Нижний город» (с юго-востока)

Рис. 3. Местоположение дома 9 на раскопе «Нижний город» (с запада)

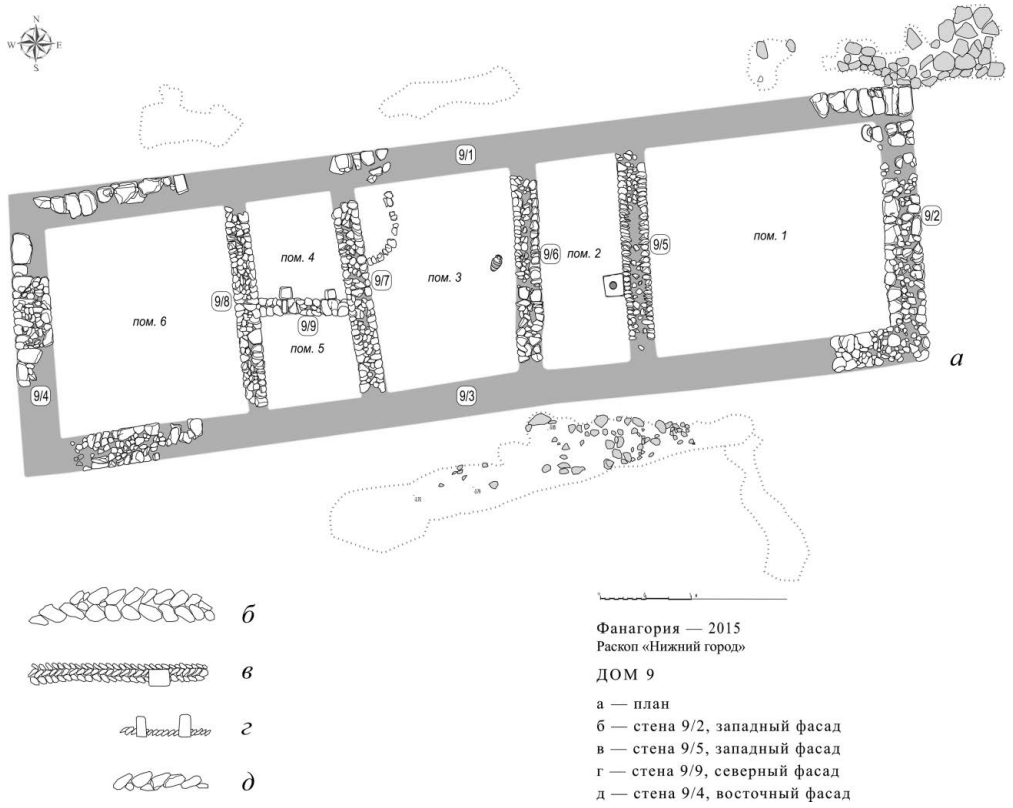

Рис. 4. План дома 9

Рис. 5. Общий вид дома 9 (с юго-запада)

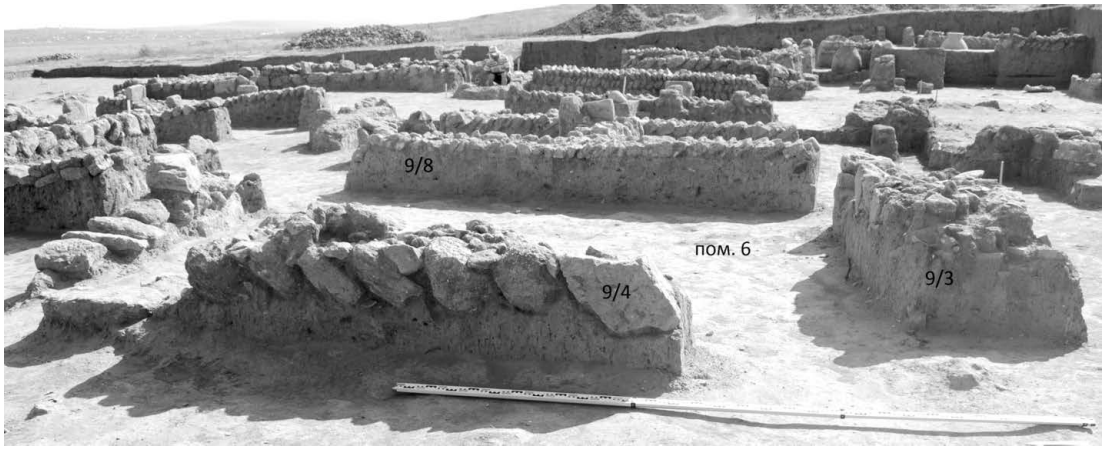

Рис. 6. Вид дома 9 (с запада)

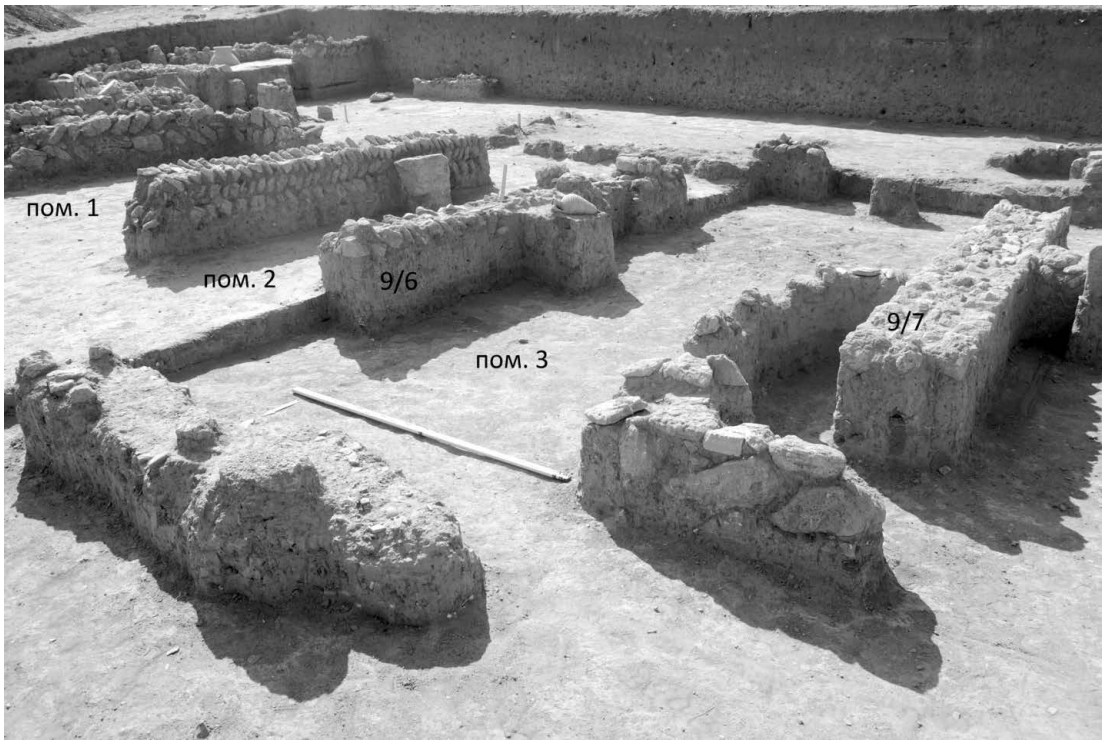

Рис. 7. Помещения 1–3 дома 9 (с северо-запада)

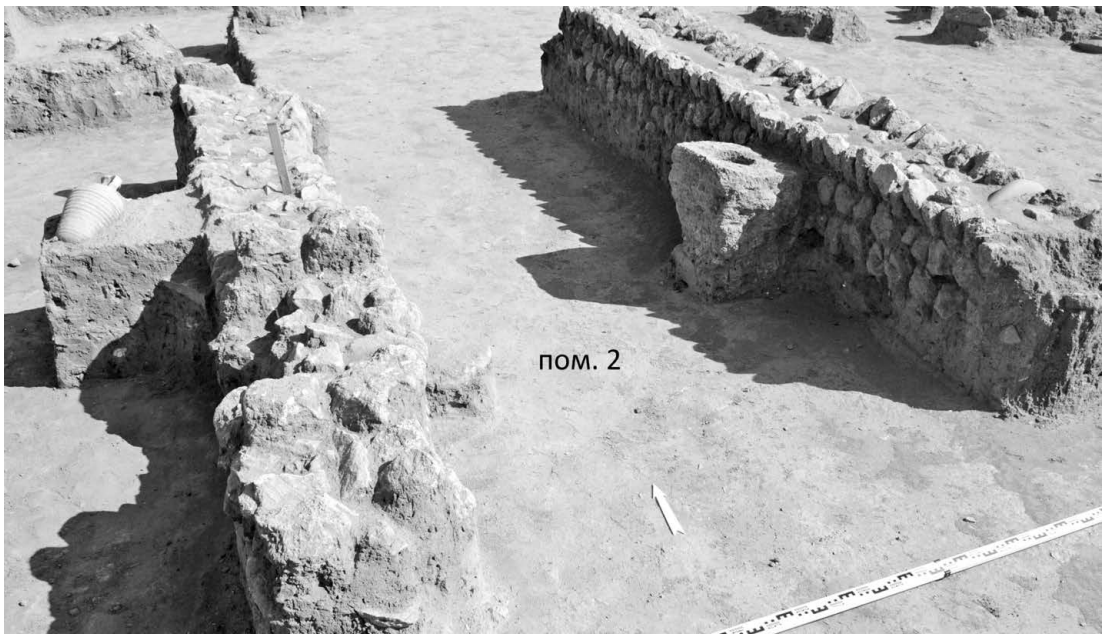

Рис. 8. Помещение 2, кухня (с юго-юго-запада)

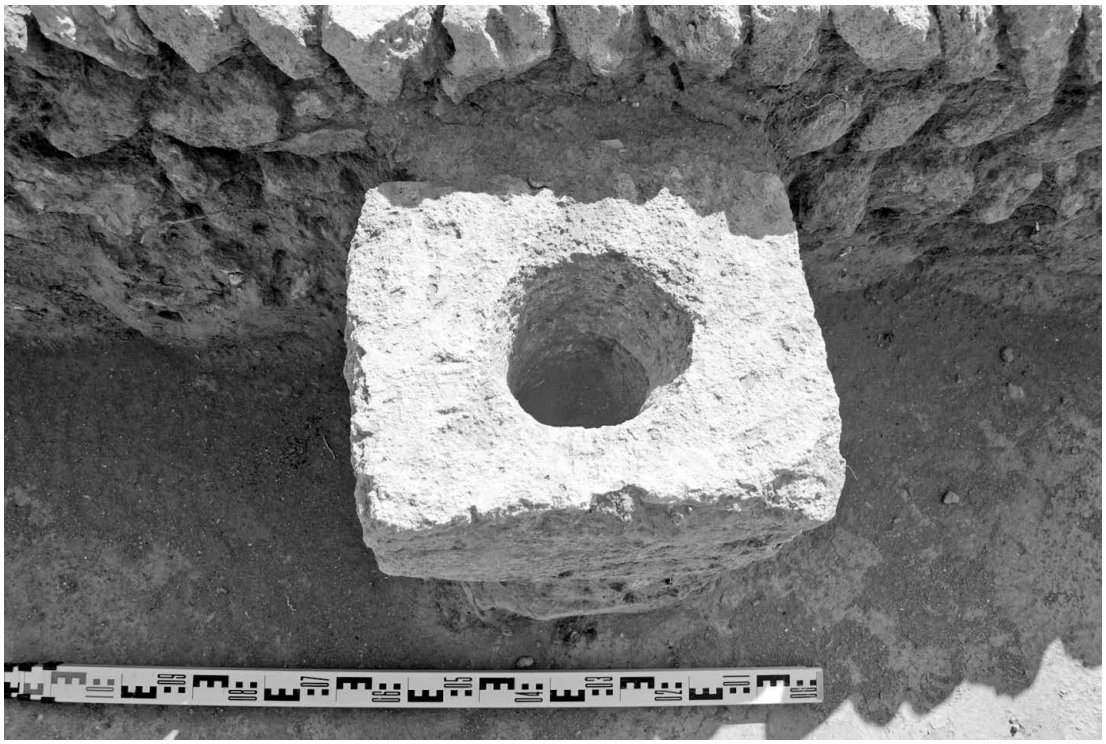

Рис. 9. Ступа в пом. 2

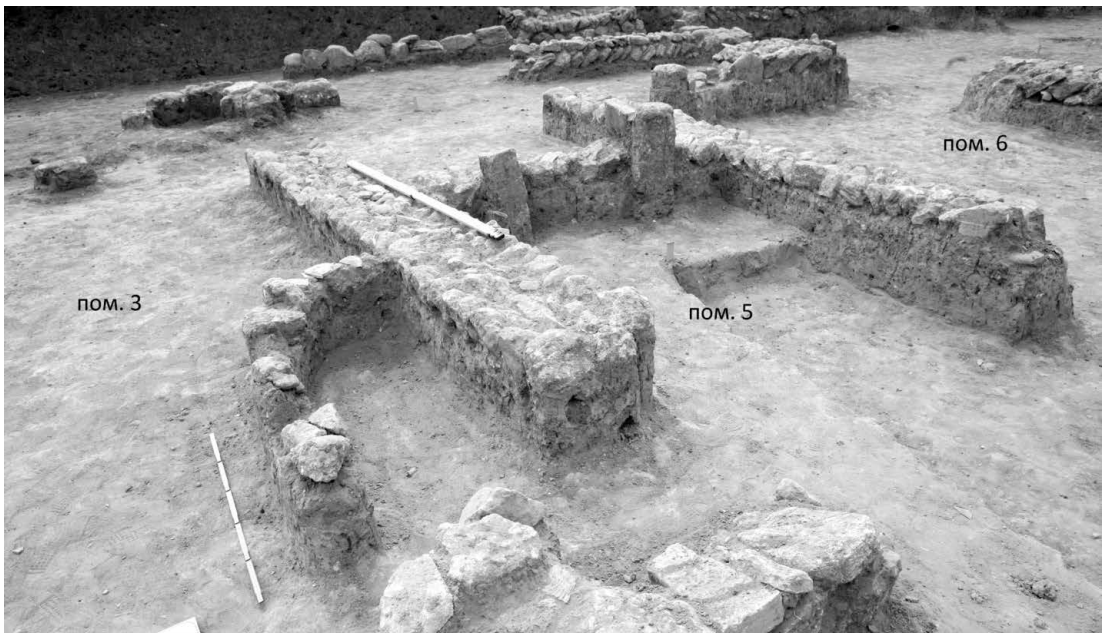

Рис. 10. Хозяйственное помещение 3 с выгородкой и спальни (пом. 4 и 5) (с северо-востока)

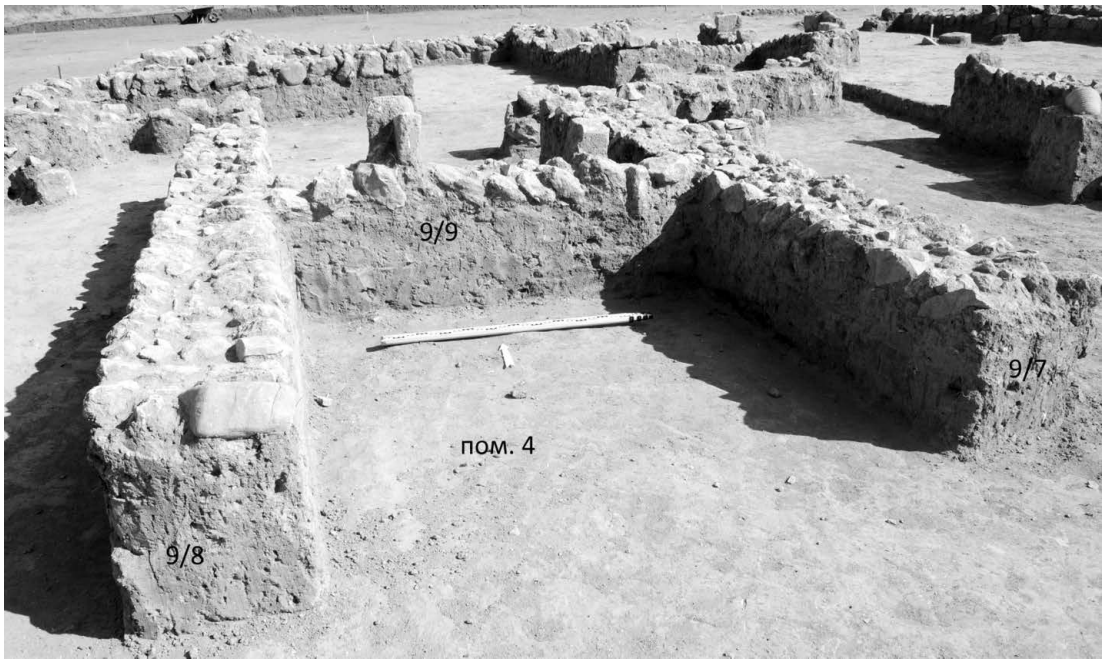

Рис. 11. Спальни (пом. 4 и 5) (с юга)

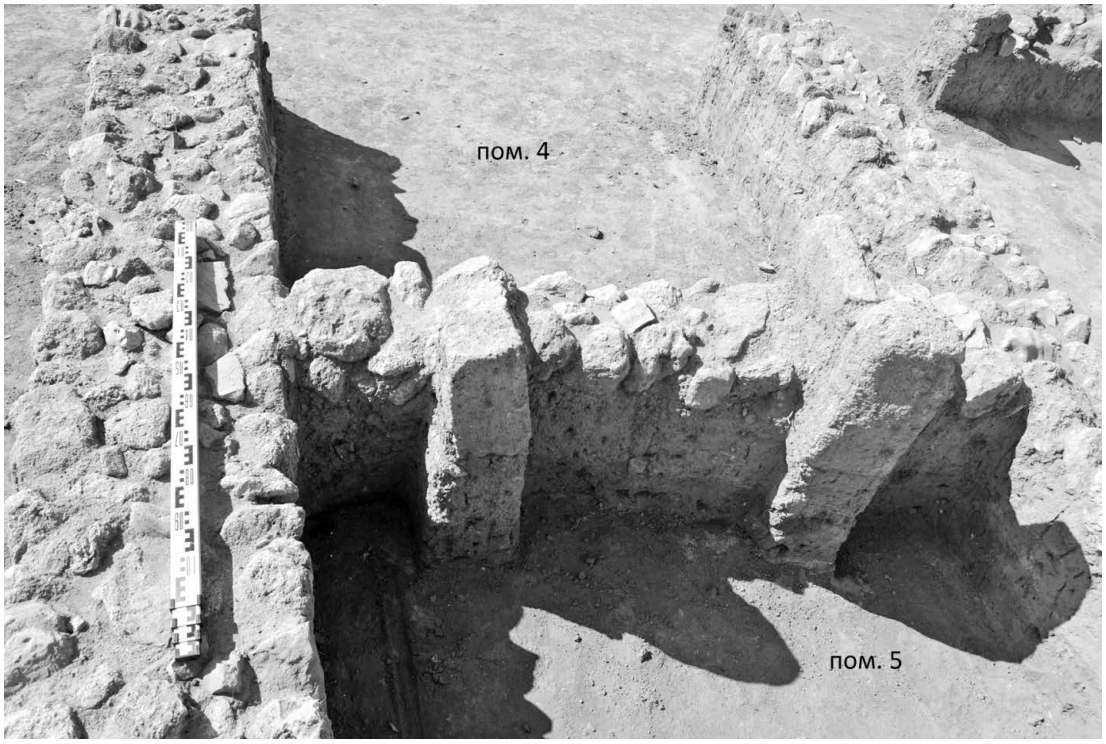

Рис. 12. Проход из пом. 4 в пом. 5 (с севера)

Список литературы

Атавин А.Г. 1988. Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья //Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития (Сб. тезисов). М.

Атавин, 1992. Атавин А.Г. Лощеная керамика средневековой Фанагории //Боспорский сборник. Вып. 1. М.

Георгиев, 2005. Георгиев П. Фанагурис, Томитуракан и «Великая Болгария» //Античная древность и средние века. Екатеринбург.

Плетнева, 2000. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.

Плетнева, 2003. Плетнева С.А. Города Таманского полуострова в конце VIII – XII веках //Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья, IV–XIII века. М.

Сорочан, 2004. Сорочан С.Б. Об opus spicatum и населении раннесредневековой Таврики //Хазарский альманах. Том. 3. Харьков.

Флеров, 2011. Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. Москва–Иерусалим.

Чхаидзе, 2008. Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.

Summary

V.D. Kuznetsov
An Early Middle Age House from Phanagoreia

The article is devoted to an early mediaeval dwelling house discovered in Phanagoria. The structure dates back to the second half of the 9th century AD. While most of the houses that existed on the Taman Peninsula at that time usually had two or three rooms, the Phanagorian dwelling was found to consist of six enclosed areas. Which is more, it proved possible to determine the function of almost all its rooms. Thus, one of them must have been the men's quarters, another was the portion of the house reserved for women; two areas were used as bedrooms, one served as a kitchen, and the last one was used for storage and various household needs.

В. В. Майко*, В. Г. Зубарев, С. В. Ярцев****
*(*Институт археологии Крыма РАН;*
***Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого)*

Раннесредневековые материалы городища «Белинское» в Восточном Крыму[1]

Многолетние исследования городища «Белинское» в Восточном Крыму свидетельствуют о том, что на памятнике античного времени (II – начало V в. н. э.) присутствует слабо выраженный раннесредневековый слой, содержащий, тем не менее, многочисленные материалы второй половины IX – начала X вв. Данная ситуация типична для памятников Керченского полуострова т. н. крымского варианта салтово-маяцкой археологической культуры. Наряду с массовым керамическим материалом, ещё ждущим специального исследования, встречены и уникальные не только для этого городища, но и для всей салтово-маяцкой культуры находки.

Остановимся на тех из них, которые были получены в ходе полевых сезонов последних лет, в том числе и 2015 г.

Первую группу находок образуют знаки на камнях позднеантичной алтарной (?) вымостки, в восточных углах погребальных камер склепов № 19 и № 23, а так же в заполнении дромоса последнего из них. Первые два знака, представляющие собой крест в круге и простой крест, прочерчены, соответственно, на дне культового тарапана (?), вторично использованного в вымостке и на одной из плит этой же вымостки (рис. 1, *1*). Крест (рис. 1, *2б*) в сочетании с тамгообразным знаком, напоминающим по форме двузубец (рис. 1, *2а*), зафиксирован в восточном углу погребальной камеры склепа № 19. Аналогичный простой крест (рис. 1, *3а*), так же в сочетании с тамгообразным знаком в виде нескольких пересекающихся линий (рис. 1, *3б*) был нанесён и в восточном углу погребальной камеры склепа № 23.

Учитывая, что наиболее поздние захоронения в этих склепах датируются второй половиной IV – началом V вв. н. э. [Зубарев, Ланцов, 2006, с. 113–139; Зубарев, Минаев, Ланцов, 2007, с. 144–150], появление крестов может быть связано с процессом постепенного проникновения и распространения христианской идеологии среди местного населения.

[1] Работа выполнена в рамках НИР «Структурно-пространственное изучение памятников как парадигма археологического исследования истории конкретного региона (на примере урочища «Аджиэль» и городища «Белинское»)» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л. Н. Толстого (задание № 2014/389 Минобрнауки России, № НИР 1799).

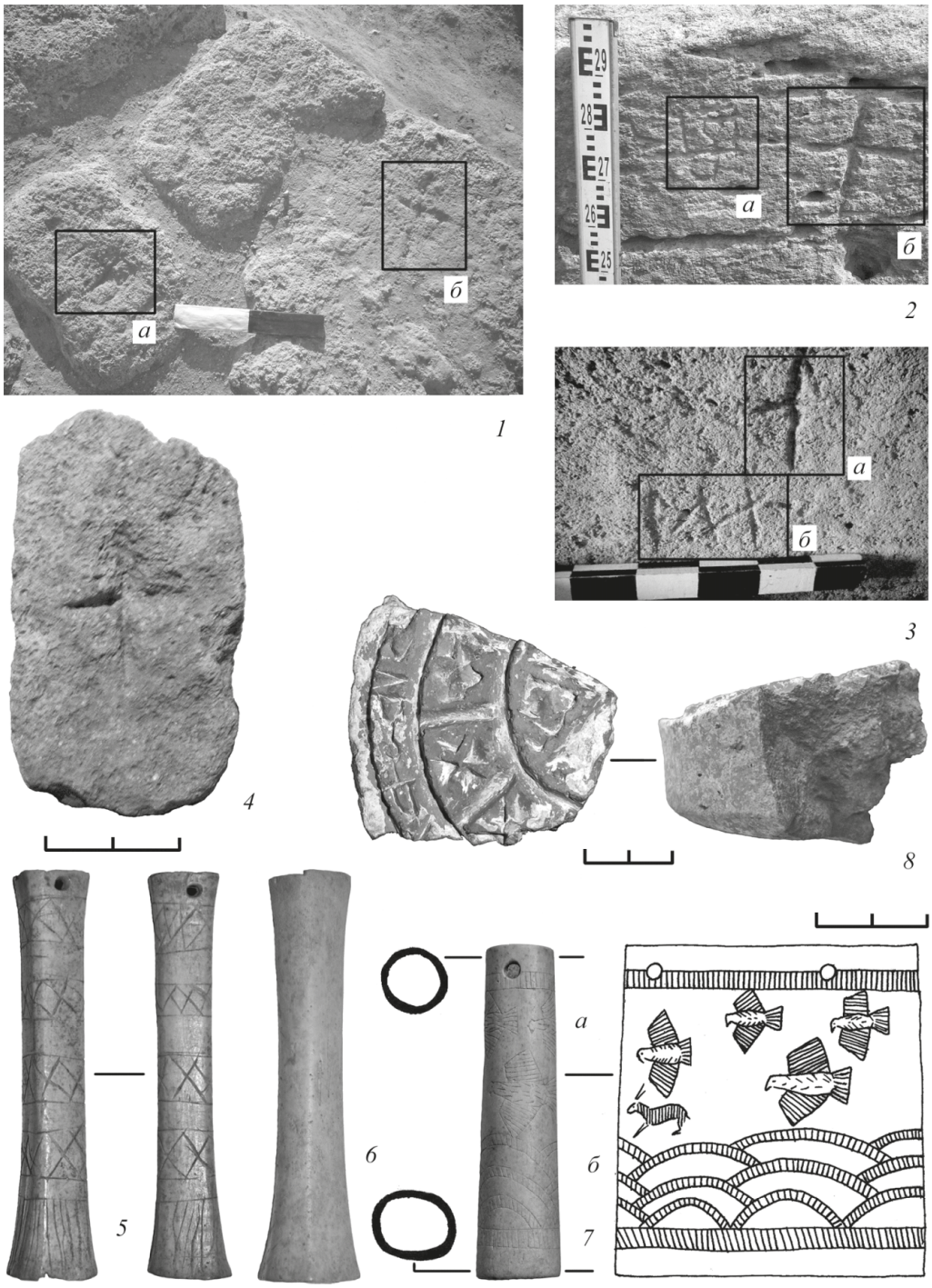

Рис. 1. Средневековые материалы городища «Белинское» в Восточном Крыму
1 – кресты на камнях алтарной вымостки; *2* – крест и тамгообразный знак в восточном углу камеры склепа № 19; *3* – крест и тамгообразный знак в восточном углу камеры склепа № 23; *4* – надгробье из заполнения дромоса склепа № 23; *5–7* – костяные игольники из склепа № 23 (№ 7а – рис. М. А. Никитиной); *8* – фрагмент керамического штампа

Тем не менее, ориентируясь на присутствие тамгообразных знаков, не исключена их связь и с салтовским населением. Тамгообразный знак в виде различных вариантов двузубца широко распространен на территории Крымского полуострова, в том числе и в раннесредневековое время и встречен на различных категориях находок [Флёрова, 2001, с. 53–62; Флёрова, 1997, с. 114, табл. VI]. Наиболее близкие аналогии – это блоки оборонительных стен средневековых городов Таврики. Самые богатые коллекции получены при раскопках оборонительных стен городища Мангуп, где представлены не только единичные изображения, но и знаки, образующие монограммы [Герцен, 1990, с. 114–119] и городища Сугдея [Баранов, 1990, с. 57, рис. 20; Майко, 2005, с. 234–244]. За пределами полуострова они встречены практически на всех укрепленных пунктах Хазарии (Саркел и Маяцкое городища на Дону, Хумаринское на Северном Кавказе) [Флёрова, 2001, с. 59, рис. 13] и Первого Болгарского царства (Плиска, Преслав) [Димитров, 1993, с. 70, рис. 1; Иванов, 1990, с. 53–61]. Исследуя разнообразные знаки на камнях оборонительных стен городища Маяки, Е. В. Флёрова выделила специальную группу, оставленных мастерами, возводившими крепость. Все они, как справедливо указывает исследовательница, в отличие от знаков-граффито, нанесены массивными орудиями [Нахапетян, 1988, с. 98, рис. 6, 86]. В основном изображения различного рода двузубцев и трезубцев, отличающихся как размерами, так и прорисовками деталей, характерно для Хазарии и Ирана [Флёрова, 2001, с. 57].

Помимо блоков фортификационных сооружений знаки в виде двузубца присутствуют и на астрагалах, получивших широкое распространение среди салтовского населения полуострова. Уникальными являются два астрагала, происходящие из одного жилого комплекса городища Тепсень. На одном прочерчены, вероятно, две тамги в виде двузубца и двух углов, образующих у основания тамги ромб, на другом – тамгообразная надпись, состоящая, вероятно, из шести символов. Три из них – различного рода двузубцы [Майко, 2004, с. 234, рис. 132, *11, 12*].

Изображения в виде двузубцев широко известны и в качестве меток на черепицах. Эта категория находок изучена в Крыму достаточно полно, опубликованы представительные каталоги и типологии, но в основном по византийским и византинизированным, в подавляющем большинстве христианским памятникам южного и юго-западного берега Крыма [Якобсон, 1979, с. 67–70, 95–107; Паршина, 1988, с. 40–43; Паршина, 1974, с. 82–90; Паршина, 1991, с. 73]. Несмотря на наличие знаков и меток, типологически близких к тюрко-болгарским, в частности двузубцам и углам, примыкающим к основанию двузубцев [Якобсон, 1979, с. 68, рис. 40, *2, 3*], связь этих объектов с памятниками салтово-маяцкой культуры Крыма и тюрко-болгарским этносом, за исключением меток на черепицах из Баклы, Партенита и Мангупа представляется проблематичной.

Сочетание тамгообразного знака и христианского символа в виде креста не должно являться уникальным для синкретичной Хазарии и, прежде всего, Крымского полуострова. Тем не менее, подобных находок пока не много. В частности, в обкладке детской плитовой могилы 8 (некрополь Судак-VI) и могилы 43 (некрополь Судак-II), на блоках прочерчен двузубец [Майко, Фарбей, 1995, 77, рис. 1, *4*; 79, рис. 2, *4*]. В первом случае, что особо актуально, в сочетании с крестом, расположенном на соседнем блоке.

Следует обратить внимание и на находку каменного блока с прочерченным в аналогичной технике простым крестом из заполнения дромоса склепа № 23 (рис. 1, *4*).

Не исключено, что он представляет собой христианское надгробие. Византийские надгробные памятники эпохи раннего средневековья с т. н. циркульными крестами достаточно хорошо известны, но на салтовских памятниках полуострова встречаются довольно редко [Майко, 2007, с. 166, рис. 109, *3*, *4*]. Надгробия, подобные находке из склепа 23, правда, с аккуратно прочерченными крестами с расширяющимися лучами, известны из лапидарной коллекции Керченского заповедника [Майко, Пономарев, 2011, с. 236–239].

Вторую категорию находок составляют костяные изделия, обнаруженные в слое жёлто-коричневого суглинка среди скопления костей № 4 в заполнении погребальной камеры уже упоминавшегося склепа № 23 некрополя городища. Они представлены тремя костяными полыми однотипными предметами. Один – является, вероятно, неорнаментированной заготовкой (рис. 1, *6*). Второй, – со сквозным отверстием, украшен в нижней части горизонтальными линиями и четырьмя поясами, заполненными небрежным сетчатым орнаментом, характерным для орнаментации костяных изделий салтовской культуры (рис. 1, *5*). Третье изделие, обработанное наиболее тщательно, имеет сюжетный орнамент, о котором речь пойдет ниже.

Данная категория костяных находок также неплохо представлена в материалах салтовской культуры. Это т. н. игольники, достаточно подробно рассмотренные в литературе [Флёрова, 1996, с. 297–299]. В большинстве случаев они представляют собой полые, тщательно выделанные изнутри цилиндрические предметы, традиционно изготавливаемые из трубчатых костей мелкого рогатого скота. В качестве крымских аналогий можно упомянуть два игольника из материалов Тепсеньского городища [Майко, 2004, с. 232, рис. 131, *4*, *5*], предмет из погребального инвентаря могильника Ай-Фока близ с. Морское [Баранов, 1991, с. 148, рис. 2, *24*], а также игольница с четырьмя тамгообразными знаками из связанного с последним некрополем поселения [Майко, 1996, с. 145, рис. 1, *5*].

Очевидно, эта категория предметов была многофункциональной. Как справедливо отмечают исследователи, во-первых, трудно провести грань в частности между игольниками и костяными рукоятями шильев или ножей, во-вторых, не исключено их использование и в качестве украшений или амулетов [Флёрова, 1996, с. 297]. Эту мысль подтверждают не только упомянутая игольница из Морского с тамгообразными знаками, но и публикуемое изделие из склепа № 23 (рис. 1, *7а*).

В нижней и верхней части предмет украшен поясами насечек, обрамляющих композицию. Над нижним поясом расположены украшенные аналогичными насечками три ряда пересекающихся дуг. Центром сюжетной композиции является, вероятно, достаточно реалистичное изображение парнокопытного животного, очевидно, косули, помещенное сразу над дугами. Туловище её заполнено аккуратными параллельными линиями. Над ней прочерчены чередующиеся в шахматном порядке четыре изображения хищных птиц, которые мастер попытался зафиксировать в полете. Именно так, на наш взгляд, можно объяснить кажущееся перпендикулярным их расположение по отношению к животному. Несмотря на схематичность изображения птиц с распростертыми крыльями и хвостами, принадлежность их к хищникам, исходя из прорисованных клювов, обращенных к земле, не вызывает сомнения. Напомним в этой связи, что в художественном мире Хазарии хищные птицы всегда играли особую роль и их изображения, даже предельно схематичные, всегда отличались от водоплавающих [Флёрова, 2001,

с. 72]. Туловища птиц заполнены косыми чередующимися черточками, а крылья и хвосты – аккуратными параллельными и расходящимися линиями соответственно.Напомним, что типологически близкая манера изображения орлов отмечена на ручке широко известного кипского ковша, происходящего из некрополя Кип III лесного Прииртышья, который датируется IX–X вв. [Флёрова, 2001, с. 95, рис. 20, *1*].

С большой долей вероятности можно предположить, что дуги обозначают горы, а расположенный над ними сюжет трактовать, как сцену терзания хищными птицами, связанными с символикой неба и солнца, парнокопытных животных (рис. 1, *7б*). Эти сцены известны, в том числе, и в хазарской мифологии, о которой мы до сих пор знаем чрезвычайно мало. В большинстве случаев дошедшие до нас графические изображения средневековой тюркской, в том числе и хазарской культуры сохранились на костяных горловинах бурдюков, больших по размерам, нежели публикуемый игольник. Наиболее известной и опубликованной остается сцена терзаний хищными птицами парнокопытных животных из Саркела [Флёрова, 1997, с. 122, табл. X, 4; Флёрова, 2001, с. 70]. Напомним, что и там все фигуры композиции заполнены точками.

Уникальной находкой, заслуживающей особого внимания, является и фрагмент керамического просфорного штампа, обнаруженный на глубине 0.4 м в слое золистой супеси на участке раскопа «Восточный» в 2015 году (рис. 1, *8*). В центре изделия в медальоне расположен крест с расширяющимися лучами, разделенными треугольниками, обрамленный поясом из крестов, образованных треугольными углублениями и разделенных глубокими прочерченными линиями. В верхней части штампа – прочерченная тонкими линями греческая посвятительная надпись. К сожалению, исходя из сохранности находки, атрибутировать её сложно.

Сразу необходимо оговориться, что просфорные керамические штампы среди материалов салтово-маяцкой культуры Крыма до этой находки известны не были. Не обнаружены они и среди находок данной культуры за пределами полуострова. И это несмотря на то, что бронзовые и глиняные штампы для церковного хлеба получили распространение на территории Византийской Империи еще с позднеантичного и раннесредневекового времени. Наибольшее их количество обнаружено, естественно, в Херсонесе [Седикова, 2012, с. 35–36]. Самые ранние на территории южной и восточной Таврики находки датируются второй половины X в. В большинстве своём, это округлые изделия с простым крестом с расширяющимися лучами, в который часто вписан простой равноконечный крест с рельефными треугольниками между ними. Посвятительные надписи в большинстве случаев отсутствуют. Происходят они из подводных исследований у пос. Карасан Алуштинского региона [Jastrzebowska, Gerasimov, 2010, p. 191–192; Герасимов, Ястршебовска, 2012, с. 185–187], раскопок в портовой части средневековой Сугдеи [Майко, 2014, с. 181–182], переотложенных горизонтов заполнения сооружения 7 раскопа XXII поселения Бакаташ-II [Крамаровский, Гукин, 2006, с. 298, табл. 178, *1,2*; Гукин, 2008, с. 348, илл. 18], средневековых материалов Каффы [Денисюк, 2010, с. 116, рис. 1, *4*]. За пределами полуострова наиболее представительная коллекция происходит из Каира; экземпляры отсюда хранятся в музее Византийского искусства в Боде-Музее (ФРГ) [Герасимов, Ястршебовска, 2012, с. 186, рис. 1, *3*] и Британском музее в Лондоне и датируются VI в. [Dalton, 1909, p. 36].

Типологически самой близкой аналогией рассматриваемому штампу с территории городища «Белинское» является целый экземпляр, происходящий из раскопок усадьбы 1, датирующийся серединой – второй половиной XIII в. на территории городища Эски-Кермен [Айбабин, Хайрединова, 2011, с. 457, рис. 25]. Аналогично оформленный медальон с центральным крестом, разделенным крупными треугольниками, обрамляют кресты, выполненные в такой же технике, но рельефными треугольниками. Вторая аналогия известна в материалах некрополя в с. Гончарном [Якобсон 1970, с. 139, рис. 90, *13*]. Здесь крест заключен в двойной круг с зигзагом; в промежутках между «ветвями» креста помещены простые крестики с углублениями вокруг и углубленные розетки. Рисунок выполнен врезной линией. За пределами Крымского полуострова аналогии данному виду штампов также многочисленны. В частности, в коллекции музея Спийкенисс в Нидерландах известен двойной глиняный хлебный штамп, датирующийся XI–XII вв. с подобным же крестом с раздвоенными концами [Past-Ancient Art Gallery]. Типологически близок и просфорный штамп из Олимпии, датируемый VI в. [Герасимов, Ястршебовска, 2012, с. 186, рис. 1, *7*].

Время появления различных категорий хлебных штампов, в том числе и глиняных [Сорочан, 2005, с. 312, рис. 99] и время их бытования установить достаточно сложно, что неоднократно подчеркивалось специалистами [Feig, 1994, p. 594]. Сказанное справедливо и по отношению к изделию из материалов городища «Белинское». Приведенные выше крымские аналогии датируются средневизантийским и поздневизантийским временем. Но синхронные им материалы на территории данного памятника пока не обнаружены. Исходя из этого, есть все основания считать, что эти штампы появляются на полуострове значительно раньше, по крайней мере, не позже середины IX в.

Функциональное определение изделия из материалов городища «Белинское», как штампа для хлеба, так и для иных религиозных целей зависит от наличия и содержания надписи. Традиционно считается, что штампами, предназначенными для евхаристических целей, могут являться те из них, на которых присутствует такой текст, как например: IC XC NIKA, XPICTOCNIKA или IC XC OY YC, указывающий на их изначальное евхаристическое предназначение для выпечки просфор, используемых при богослужениях [Doelger, 1929, s. 1–46; Galavaris, 1966, s. 747–752; Wesel, 1983, s. 721–722; Spitzing, 1989, s. 65–67]. Для точного определения штампа, предназначенного для евлогии, решающим является присутствие текста: ΕΥΛΟΓΙΑ, как например на штампе из Пальмиры [Герасимов, Ястршебовска, 2012, с. 186, рис. 1, *6*]. Яннис Варалис полагает возможным выделить евхаристическую функцию штампов по присутствию декорации в виде креста заключенного в круг, которые можно отнести к серии «cross-in-a medallion» [Varalis, 1994, p. 331–342]. При этом вышеупомянутый исследователь считает важным тот факт, что круг должен состоять из серии углублений, которые имитируют корону и вместе символизируют так называемый «croix-trophee (trophy-cross), то есть триумфальный крест. К сожалению, сохранность надписи на штампе из городища «Белинское» не позволяет пока делать подобные выводы.

Таким образом, кратко проанализированные находки, связанные со средневековым поселением на месте античного городища «Белинское», дают основание говорить о высокой степени христианизации проживавшего там населения. Об этом же свидетельствуют не только многочисленные кресты, в том числе и архаичные христианские надгробия,

но и находка первого для всей салтово-маяцкой археологической культуры штампа для просфор. В целом высокая степень христианизации салтовцев Крыма, особенно во второй половине IX в. неоднократно отмечалась в литературе. Вместе с тем, мы постоянно сталкиваемся с её синкретичным характером, что подтверждают и материалы городища «Белинское». Сказанное справедливо и для территории Керченского полуострова. Уникальное этому свидетельство представляют материалы раскопок средневекового поселения на месте античного городища Артезиан, расположенного в прямой видимости от городища «Белинское». Открытые здесь синхронные погребальные комплексы, включающие ритуальное захоронение частей человека и животного и погребения в котлованах жилищ [Винокуров, 2004, с. 63–72; Винокуров, Пономарев, 2015, с. 18–22] никак не могут свидетельствовать в пользу хотя бы минимального влияния христианской идеологии.

Ещё одно уникальное свидетельство хазарского синкретизма – находка игольника с графическим изображением сцены терзаний, совершенно не характерной для христианской идеологии. Этот сюжет позволяет дополнить наши представления о самой загадочной стороне Крымской Хазарии – её мифологических представлениях.

Список литературы

Айбабин, Хайрединова, 2011. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермена //МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь-Керчь.

Баранов, 1990. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев.

Баранов, 1991. Баранов И. А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи //Проблеми на прабългарската история и култура. София.

Винокуров, 2004. Винокуров Н. И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье) //OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М.

Винокуров, Пономарев, 2015. Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкое поселение на античном городище Артезиан (Керченский полуостров) //Laurea I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы. Харьков.

Герасимов, Ястршебовска, 2012. Герасимов В. Е., Ястршебовска Э. О находке просфорного штампа на месте кораблекрушения X–XI вв. в Карасанской бухте у мыса Плака в Крыму //Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака. Археологический альманах № 28. Донецк.

Герцен, 1990. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа //МАИЭТ. Вып. 1. Симферополь.

Гукин, 2008. Гукин В. Д. Фрагмент стеатитовой иконы рубежа XI–XII веков из предместья средневекового Солхата //Византия в контексте мировой культуры. ТГЭ. Т. XLII. СПб.

Денисюк, 2010. Денисюк В. Л. Штамп для церковных просфор из Феодосии-Каффы из собрания Одесского Археологического музея НАН Украины //Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь.

Димитров, 1993. Димитров Я. Знаци по зидовете на монументални постройки в Плиска //Плиска-Преслав. Т. 6. Шумен.

Зубарев, Ланцов, 2006. Зубарев В. Г., Ланцов С. Б. Некрополь Белинское (предварительные результаты первых раскопок) //Древности Боспора. № 10.

Зубарев, Минаев, Ланцов, 2007. Зубарев В. Г., Минаев О. В., Ланцов С. Б. Склепы некрополя городища «Белинское» //Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 1. СПб.

Иванов, 1990. Иванов П. Към въпроса за руническото писмо на прабългарите //Добруджа. № 7.

Крамаровский, Гукин, 2006. Крамаровский М. Г., Гукин В. Д. Поселение Бакаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.). СПб.

Майко, 1996. Майко В. В. Комплексът прабългарски паметници от VII–X вв. край с. Морское в юго-източен Крим //БСП. Т. 5. В. Тырново.

Майко, 2004. Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев.

Майко, 2005. Майко В. В. К вопросу о рунических и тамгообразных знаках тюрко-болгар Таврики VIII–X вв. //Хазарский альманах. Т. 4. Киев-Харьков.

Майко, 2007. Майко В. В. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев.

Майко, 2014. Майко В. В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев.

Майко, Пономарев, 2011. Майко В. В., Пономарев Л. Ю. Об одной особенности погребальных сооружений Боспора второй половины X–XI вв. //Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь.

Майко, Фарбей, 1995. Майко В. В., Фарбей О. М. Християнізація тюрко-болгар Криму в світлі археологічних джерел //Археологія. № 4.

Нахапетян, 1988. Нахапетян В. Е. Знаки строителей на камнях Маяцкого городища //СА. № 3.

Паршина, 1974. Паршина Е. А. Средневековая керамика Южной Таврики //Феодальная Таврика. Киев.

Паршина, 1988. Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика //Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев.

Паршина, 1991. Паршина Е. А. Торжище в Партенитах //Византийская Таврика. Киев.

Седикова, 2012. Седикова Л. В. Штампы для изготовления литургического хлеба из Херсонеса //ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «Империя и полис». Тезисы докл. и сообщ. IV Международного Византийского Семинара. Севастополь.

Сорочан, 2005. Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. Харьков.

Флёрова, 1996. Флёрова В. Е. Домашние промыслы в Саркеле-Белой Веже (по материалам коллекций костяных изделий) //Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара.

Флёрова, 1997. Флёрова В. Е. Граффити Хазарии. М.

Флёрова, 2001. Флёрова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим-М.

Якобсон, 1970. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики //МИА. № 168.

Якобсон, 1979. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Dalton, 1909. Dalton O. M. Catalogue of Early Christian Antiquities and Objects from Christian East in the Department of British and Mediaeval Antiquities and Etnography of the British Museum. London.

Doelger, 1929. Doelger F. J. Heidnische und christliche Brotstempel mit religioesen Zeichen, in: Antike und Christentum, I.

Feig, 1994. Feig N. A Byzantine bread stamp from Tiberias //SBF. Liber Annuus. Studium Biblicum Franciscanum. Vol. XLIV. Milano.

Galavaris, 1966. Galavaris G. Brotstempel //Reallexikon zur Byzantinischen Kunst, I.

Jastrzebovska, Gerasimov, 2010. Jastrzebovska E., Gerasimov V. Brotstempel-Fund aus der Krim //Archeologia. № LIX. № 4.

Past-Ancient Art Gallery. Past-Ancient Art Gallery, Spijkenisse, http://www.cookieboard.com

Spitzing, 1989. Spitzing G. Brot/Brotstempel, in: Lexikon byzantinisch-christlicher Symbole. Die Bildwelt Griechenlands und Kleinasien, Muenchen.

Varalis, 1994. Varalis Y. D. Un sceau paleochretien de pain eucharistique de l` Agora d` Argos, BCH 118.

Wesel, 1983. Wesel K. Brotstempel, in Lexikon des Mittelalters, II, Muenchen.

Summary

V. V. Maiko, V. G. Zubarev, S. V. Yartsev
Early medieval materials of settlement "Belinskoye" in east Crimea

The materials related to the medieval settlement in place of ancient settlement "Belinskoye" are examined in the article. Judging on ceramic material it is dated the second half of IX – beginning of X centuries. Materials are presented by a few categories of finds. Firstly, it is the Christian symbols discovered on the walls of late ancient burial vaults. To this

category of finds belongs the Christian tombstone with a drawing cross. Unique not only for the Crimean variant of saltovo-majaki culture but also for all culture on the whole there is a find of fragment of communion bread stamp. All of it testifies the high degree to the Christianization of living population. On the other hand many of discovered on "Belinskoye" Christian crosses are accompanied the Turkic tamga. We will especially distinguish the unique find of bone needle case with a drawing plot. The last is a valuable source for the reconstruction of ideological heathen presentations of Khazaria. Taking into account materials of excavations of medieval settlement in place of the site of ancient settlement Artezian, located next to Belinskoye, it is possible once again to establish the high degree of religious syncretism of Crimean Khazaria.

А. А. Масленников
(Институт археологии РАН, Москва)

Керамика с лаковым покрытием из раскопок городища Сююрташ*

Городище античного времени Сююрташ или, по терминологии И. Т. Кругликовой, – Золотое восточное, как известно, является самым крупным в Крымском Приазовье, занимая площадь в пределе оборонительных стен около 1,52 га. Впрочем, вне их культурный слой, в отличие от всех более поздних укреплённых поселений этого района, да и вообще Восточного Крыма, вовсе отсутствует. По всей видимости, памятник был открыт или самой Ириной Тимофеевной, или же краеведом В. В. Веселовым в 1953 г., когда на нём и были проведены первые раскопки. Они затронули в основном участки мощных оборонительных стен и на относительно небольшой площади – собственно внутреннюю часть городища. В статье, посвящённой этим работам, И. Т. Кругликова упоминает о находках фрагментов черно-, буро- и даже краснолаковой посуды, а также т. н. мегарских чашек [Кругликова, 1957, с. 130–136], но их рисунков или подробной характеристики не приводит. Датировка поселения на основании всей массы находок, согласно первоисследовательницы – конец IV – начало I вв. до н. э. В 1987 г. геофизические изыскания и небольшие раскопки здесь осуществила Т. Н. Смекалова, а в 1989–92 гг. – автор данной публикации. Таким образом, площадь единого раскопа в западной части городища составила около 2000 кв. м. В 2010 г. работы были возобновлены отрядом ВКАЭ ИА РАН (А. А. Супренков). За шесть полевых сезонов на северо-востоке поселения была вскрыта площадь около 1720 кв. м. (Но все нижеследующие подсчёты и почти все описания делались на основании результатов работ по 2014 г. включительно, то есть с площади на 225 кв.м меньше.) Мощность культурных напластований в целом невелика и лишь местами превышает 1,5 м. Но по своему характеру, насыщенности находками, облику и планировке строительных остатков оба упомянутых раскопа заметно отличаются. Если на «западном» раскопе практически повсеместно (кроме юго-восточной части) это оборонительные сооружения (стены, «бастионы», ворота) и «кварталы» жилой застройки, разделённые широкой улицей, то на «северо-восточном» – обособленные, порой очень примечательные и солидные постройки не

[1] Статья подготовлена в рамках работ по проекту «Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований», грант РГНФ № 15-31-10125.

вполне ясного назначения перемежаются с незастроенными пространствами [Масленников, 1998, с. 90–100; Супренков, 2014, с. 376 и сл.]. При этом в массе своей они перекрыты здесь достаточно толстым и значительным по площади зольно-мусорным слоем. Это обстоятельство в силу своей специфики требует особого учёта при всём последующем повествовании. Так или иначе, но данный памятник, безусловно, неплохо изучен, вернее, раскопан, что позволяет с большим доверием относиться к статистике, а равно и выводам, касательно общей хронологии объекта. Последнее же – чрезвычайно важно для более широких историко-археологических реконструкций. И тут на первое место выступают вопросы т. н. частной (узкой) хронологии отдельных групп массового археологического материала. Прежде всего, это керамическая тара, амфорные клейма и т. н. столовая посуда, в первую очередь – керамика с лаковым покрытием.

Данное «широкое», вернее – как бы нейтральное определение объяснимо и более подходяще, поскольку, как хорошо известно каждому археологу-антиковеду, для эллинистического и особенно позднеэллинистического периодов оно вовсе не подразумевает упоминания только чёрного лака. Различные «переходные» от оного к красному цвета покрытия чаще всего фигурируют под термином «буролаковые» изделия. Порой вообще трудно в поле, тем более по небольшому обломку, установить, что собственно ты держишь в руках: ещё поздний, «буроцветный» вариант чернолакового сосуда или уже ранний собственно краснолакового изделия. В данной связи нельзя не напомнить и об «общем» и остающемся справедливом мнении, согласно которому типология и хронология чернолаковой посуды предшествовавшего (классического) периода разработана в настоящий момент куда более основательно, нежели эллинистического. И если, так сказать, морфология (типология) интересующей нас керамики более или менее ясна, то с центрами её производства и датировками дело обстоит куда менее определённо. Некоторое исключение – рельефная посуда («мегарские чашки»), но в данной работе мы её сознательно не касаемся. Впрочем, наука не стоит на месте и в этой, весьма узкой области археолого-вещеведческих изысканий.

Итак, открывая этой статьёй, надеемся, серию публикаций материалов раскопок на памятниках III–I вв. до н. э. в Крымском Приазовье, обратимся к краткой статистике.

Согласно нашим подсчётам, на западном раскопе было обнаружено 8368 фрагментов кухонной (по большей части лепной) и столовой (простой и с лаковым покрытием гончарной) посуды. Амфорная тара, естественно, при этом не учитывалась, а вот «мегарские чашки», вернее их обломки – тоже посуда. Всего же различных обломков разных форм покрытых лаком сосудов (без учёта рельефной керамики) здесь было выявлено 328, то есть 3,9%.

На северо-восточном раскопе общестатистическая «картинка» такая: из 4766 всяких керамических фрагментов покрытых лаком (приметно, на 75% чёрным) – 199. Это равняется почти 4,1%. Таким образом, получается, что практически никакой разницы по степени насыщенности культурного слоя такого рода находками на двух частях городища нет. А ведь, как только что писалось, характер этих напластований (их генезис) на обоих раскопах довольно заметно отличается. Примечательно, что и общее число находок керамики при довольно схожей вскрытой раскопками площади и мощности слоя во втором случае заметно меньше, хотя, казалось бы, всё должно было быть наоборот.

Причину этого мы видим в том, что зольно-мусорные слои на северо-восточном раскопе в целом, очевидно, сформировались в относительно более поздний период функционирования городища, когда интересующей нас посуды в обиходе стало по определению меньше.

Но вернёмся к цифрам, вернее, процентам. Много это или мало? Всё в сравнении и, прежде всего, с синхронными и столь же исследованными и информативными памятниками. Таковых на хоре Европейского Боспора, в сущности, два: поселения Крутой берег и Полянка. Однако соответствующими цифрами для них мы пока не располагаем. Зато для объектов т. н. царской хоры в том же регионе (в первую очередь это усадебные комплексы Генеральское западное и Генеральское западное, юго-западный склон) они имеются. В общем, процент чернолаковой посуды на них, как минимум, больше раза в два, а сам её набор разнообразнее и, если так можно сказать, «сочнее». Больше и условноцелых форм и, вообще, «есть за что уцепиться» в плане графических реконструкций и поиска аналогий. И это по-своему показательно. Итак, вот материалы с Сююрташа.

В нашем собрании нет ни одной целой или хотя бы условноцелой формы интересующей нас посуды; только всего лишь несколько более или менее полных профилей. Всё остальное – обломки, причем, по большей части довольно мелкие и не всегда уверенно соотносимые с конкретными формами. Особенно это касается стенок сосудов. Будучи сами по себе малоинформативными, они ещё и меньше всего привлекали внимание. То есть, в процессе первичной фиксации по ряду причин далеко не всегда делалась хотя бы попытка их определения; стенки, как это водится, не зарисовывались, не фотографировались и тем более не брались в коллекцию индивидуальных находок. В массе своей это обломки чашек – мисок, в меньшей степени – тарелок. Конечно, отдельные «случаи», что называется, бросались в глаза, например, стенки канфаров, тем более, с каннелированной или ложно-каннелированной поверхностью, либо, что ещё реже, – с росписью. Но таковых единицы. Поэтому, сочтём целесообразным при дальнейшем рассмотрении и статистике вообще не брать их, стенки, в расчёт. Это будет как бы слишком «строго», но всё же, более объективно. В некотором роде с той же проблемой мы сталкиваемся и при определении донцев открытых сосудов. Отличить решительно все из них по принципу: чашки-миски или тарелки-блюда можно далеко не всегда, особенно при плохой сохранности черепка. С ножками канфаров и донцами рыбных блюд, естественно, дело обстоит проще. Также специфичны и редкие плоские, либо на низком поддоне донца открытых тонкостенных сосудиков (кубки?).

Итак, рассматриваемая коллекция на западном раскопе в порядке убывания представлена следующим образом: на первом месте – фрагменты чашек и мисок (73), причем вторые явно преобладают. Затем – тарелок и блюд (33); канфаров (21); тонкостенных сосудов типа кубков (17) (среди таковых, наверняка, могли оказаться и канфары поздних типов); рыбных блюд (15); флаконов и неопределённых форм (15); закрытых сосудов (кувшинов, лекифов, ойнохой), солонок и киликов (?) (по одному). Обломков «мегарских чашек» всего 33.

На северо-восточном раскопе расклад следующий: чашки – миски (85); канфары (17); тарелки – блюда (15); рыбные блюда (5) и закрытые сосуды, флаконы и кубки – по одному фрагменту. Обломков «мегарских чашек» – 18. То есть в принципе, набор покрытой

лаком посуды повсеместно почти одинаков. «Почти» – это за исключением редких форм (килики, солонки и кубки) и покрытых лаком унгвентариев – флаконов. В принципе, это как будто бы подтверждает только что сделанное предположение относительно зольно-мусорного сброса. Хотя так называемые тонкостенные сосудики (кубки), вроде бы говорят об обратном. Но ещё раз повторим: фрагменты их были по большей части столь малы и непрезентабельны, что остались графически и фото - незафиксированными и упомянуты только в дневниковых записях и полевых описях.

Внутри каждой «формальной» группы профильные и, что существенно реже, непрофильные, но более или менее уверенно определяемые обломки распределяются следующим образом (цифры по двум раскопам суммированы).

Чашки-миски. Края (венчики): 94; донца (целые и фрагменты): 60; полные и почти полные профиля: 4.

Канфары. Края (венчики): 12; руки: 13; донца (ножки): 8; полный и неполный профиля: 2.

Тарелки-блюда. Края: 33; донца: 13; профиля: 5.

Рыбные блюда. Края: 12; донца: 8.

Кубки: Края: 9; ручки: 4; донца: 8.

Флаконы: Горловины: 5; тулова: 1; ножки: 9.

Прочие формы открытых (солонки) или закрытых (кувшины – ойнохои, лекифы, лагиносы – горловины с ручками и донца) сосудов единичны. Некоторое число профильных обломков с какими-либо формами вообще уверенно не отождествимо.

Охарактеризуем эту посуду. Но прежде – ряд предварительных замечаний.

Во-первых, о поиске соответствующих аналогий. Карамические материалы III – рубежа II–I вв. до н. э. публикуются в отечественной и зарубежной литературе не то, чтобы часто, но всё же и не очень редко. В Греции даже периодически проходят посвящённые им конференции. Так что число ссылок и сносок по каждому конкретному «поводу» может стать весьма значительным. Только вот, думается, прав был тургеневский Базаров, полагавший, что читать надо только самые главные, как сейчас бы сказали, «основополагающие», наиболее информативные издания. А из таковых «заграничных», безусловно, остаётся капитальный труд Сюзан Ротрофф (1997). Из отечественных же – Татьяны Егоровой (2009). В большинстве случаев, во избежание повторов, этого для нас будет вполне достаточно.

Во-вторых, работая над данными (как, впрочем, и другими) материалами эллинистического времени, надо помнить, что от предыдущей эпохи их не отделяет некая непроходимая грань. Определённая эволюция типов и форм, конечно, имела место. Но следует как бы иметь в виду, что он, этот материал, происходит из раскопок заведомо более поздних памятников и при выборе аналогий, волей-неволей, лучше отдавать предпочтение позднейшим из возможных вариантов. К тому же, Боспор, как и всё Северное Причерноморье, - район импорта этой посуды, да ещё и весьма отдалённый. Иными словами, «мода» на те или иные формы здесь могла немного запаздывать. Впрочем, не будем преувеличивать значение данного фактора.

И в-третьих, всё нижеследующее – не каталог. По большей части, эти обломки того не стоят.

Итак, *миски* и *чашки*. Они делятся так по совершенно очевидному признаку: загнутый внутрь или же, напротив, отогнутый край, в общем, довольно глубоких сосудов. При этом миски, как отмечалось, судя по числу обломков венчиков, заметно преобладают. Надо сказать, что почти все встреченные на городище фрагменты этих изделий - суть продолжение и лишь в некоторой степени развитие прежних традиционных форм. Однако ввиду, как уже было указано, почти полного отсутствия целых экземпляров или хотя бы полных профилей, такой «основной» датирующий признак, как форма и «роспись» поддона не «работает». Соотнести последние – с тем или иным конкретным «типом» этих сосудов невозможно. Начнём с чашек.

Всё это относительно небольшие изделия с диаметром 14–16 см и высотой 4,5–5 см. Стенки нельзя назвать тонкими, но они и не столь массивны, как у блюд и тарелок. Поддоны невысокие, но и не совсем низкие; подошва их всегда плоская, в цвете глины. При различиях в профилировке (подтрапециевидные, подпрямоугольные, подтреугольные или профилированные (с желобком?)) они всегда имеют наклон наружу. Зато – ни разу в центре внешней стороны дна не зафиксирован конический выступ. Она почти ровная (горизонтальная) и не покрыта лаком. Внутренняя поверхность дна в единичных случаях украшена концентрическими кругами насечек и всегда с лаковым покрытием. Теснённых изображений пальметок не встречено вовсе. Надо думать, это были самые ранние из рассматриваемых изделий, как чашек, так и мисок. Единственный относительно надёжный хронологический признак – форма венчика и угол наклона стенок. Как известно, первый трансформируется на протяжении IV–II вв. до н. э. от слегка отогнутого с подтреугольным или «клювовидным» краем до всё более вытянутого и отклонённого наружу (почти горизонтального). В нашем собрании представлены экземпляры близкие к тому и другому вариантам. Но больше таких, где короткий край венчика заметно отогнут и или как бы остроконечен, или, немного сужаясь, имеет округлое завершение. Вместе с тем именно относительно целые формы чаш демонстрируют вариант, в котором аналогичный по форме край венчика вовсе не «самостоятелен», а являет собой продолжение верхней, плавно «обратно-изогнутой» части стенки, которая, отклоняясь наружу под прямым углом, образует (посредством ребра) соединение с нижней частью стенки. Впрочем, есть примеры и относительно плавного перехода этих двух частей стенок, что, вероятно, можно считать относительно ранним признаком. Отмеченные особенности, как считается, начинают «действовать» с первой трети III в., получая дальнейшее развитие (вытягивание и больший отгиб края венчика, больший угол наклона частей стенок, приближение нижней – к горизонтальному «положению», упрощение формы поддона) на протяжении III – первой половины II вв. до н. э. [Rotroff, 1997, p. 333–335; Егорова, 2009, с. 32–33]. Впрочем, некоторые из них могли бытовать и дольше. Но остановимся в данном случае на указанном периоде.

Теперь о глине и цвете лакового покрытия чашек. Перечислим эти признаки, согласно №№ рисунков вышеописанных фрагментов (рис. 2): глина красная, плотная, без видимых включений; лак черный, густой, слабо-блестящий (рис. 2, *11*); гл. красная, плотная; лак бурый, густой (рис. 2, *23*); гл. светло-коричневая, плотная, с мелкими блёстками: лак чёрно-бурый, густой (рис. 2, *2*); гл. светло-красная, плотная; лак чёрный, слабоблестящий (рис. 2, *14*); глина серая, плотная, лак тёмный (чёрный), тусклый (рис. 2, *18*);

гл. светло-коричневая, плотная, с мелкими блёстками, лак чёрный, густой, блестящий (рис. 2, *4*); гл. красная, плотная, тусклый чёрный лак (рис. 2, *8*); гл. тёмно-бурая, плотная, лак черный, неблестящий (рис. 2, *25*); гл. светло-коричневая, плотная, лак черный, тусклый (изнутри) (рис. 2, *20*); гл. светло-красная, плотная, с мелкими блёстками, лак черный, тусклый (рис. 2, *10*).

Миски. Они в массе своей несколько крупнее чашек. Диаметр их устья колеблется от 11,5 до 22 см., но преобладают 14–16 см; высота – 5,5–6,5 см. При этом, судя, правда, только по обломкам, доминируют довольно глубокие сосуды, то есть с весьма заметной «вертикальностью» стенок. К относительно неглубоким (4–4,2 см до дна, вариант 1) принадлежат две единственные археологически целые формы. Скорее к мискам, нежели чашкам (на основании больших общих размеров) следует, видимо, отнести и значительную часть донцев, которые нельзя или сложно «согласовать» с другими формами рассматриваемой посуды. Если это так, то для мисок характерны по большей части невысокие, подпрямоугольные или трапециевидные, реже профилированные в сечении, почти всегда плоские в основании поддоны. Внешняя поверхность дна по большей части либо плавно-овальная, приближающаяся к плоской, либо «тупоугольная», но всегда без острого выступа и не всегда покрыта лаком. Стенки встречаются как относительно тонкие, так и довольно массивные. Их переход к загнутому во внутрь венчику, как правило, плавный, либо в этом месте утолщённый (вариант 2), иногда довольно значительно, либо не меняющий своей толщины (вариант 3). Край венчика сужается, нередко становясь совсем острым. Встречаются экземпляры, где он имеет скорее подтреугольные очертания. В единичных случаях на внутренней стороне дна имелся орнамент из насечек по кругу. Специальные желобки или «ленты» в цвете глины на стыке стенок и поддона, кажется, как и для чашек, не зафиксированы ни разу. Упомянутые только что признаки, как будто бы свидетельствуют, что наше собрание можно отнести к условно позднему времени (III – начало – первая половина, а, может быть, и весь II вв. до н. э.) [Rotroff, 1997, p. 161–163, 339–342; Егорова, 2009, с. 35–37]. При этом очевидных формальных и хронологических признаков их эволюции в этот период выявить не удаётся. В этой же связи упомянем три специфических обломка краёв мисок. Первый – от весьма большого (диаметр устья не менее 24 см), явно высокого изделия. Его почти прямой (вертикальный) подтреугольный в сечении край венчика в месте перехода к обратновогнутым и довольно тонким стенкам нижней части сосуда сильно утолщён. К тому же, с внешней стороны он имеет нечто вроде валика, чем напоминает широко распространённые в IV – начале III вв. до н. э. не покрытые лаком, главным образом, красно- и розовоглиняные миски (вариант 4). Аналогий нам найти не удалось. Зато другой край миски с равномерно довольно толстыми стенками демонстрирует его резкое (под тупым углом, но с ребром), близкое вертикальному (небольшой наклон вовнутрь) положение. Сам край этого «бортика» овальный (вариант 5). Возможные (но не более) аналогии с материалами Афинской Агоры [Rotroff, 1997, fig. 63, № 1007] можно датировать (по контексту) 225–175 гг. до н. э. Наконец, ещё один край миски (чашки?) явно представляет собой относительно тонкостенный, прямой, высокий, со слегка отогнутым и заострённым краем бортик довольно глубокого сосуда (вариант 6). Очень вероятные аналогии [Rotroff, 1997, fig. 97, № 1603] можно датировать (также по контексту)

150–110 гг. до н. э. Но серая глина и характер покрытия (лак или лощение?) заставляют задуматься о ещё более позднем времени, что в плане общей хронологии памятника весьма и весьма примечательно.

Прочие характеристики рассмотренных обломков мисок (глина и лак) следующие (рис. 1): глина светло-красная, плотная, без видимых включений, лак чёрный тусклый, на внешней поверхности (без лака) – граффито (рис. 1, *1*); гл. красная, плотная, лак черный (изнутри), блестящий (рис. 1, *3*); гл. светло-красная, плотная, лак чёрный, тусклый (рис. 1, *6*); гл. красная, плотная, остатки светло-бурого лака на внутренней и местами на внешней (у края) поверхности (рис. 1, *4*); гл. красная, умеренно плотная, лак чёрный, блестящий (рис. 1, *9*); гл. красная, плотная, лак тёмно-бурый (изнутри) (рис. 1, *10*); гл. красная, плотная, лак бурый, густой (рис. 1, *17*); гл. тёмно-красная, плотная, без видимых включений, чёрно-бурый, густой лак (рис. 1, *16*); гл. светло-коричневая, плотная, лак чёрный, густой, но не блестящий (рис. 1, *5*); гл. красная, плотная, лак тёмно-красный, плохого качества на внутренней поверхности (рис. 1, *2*); гл. серая, плотная, лак чёрный, тусклый (рис. 1, *11*); гл. светло-красная, плотная, лак чёрный, тусклый (рис. 1, *15*); гл. светло-красная, плотная, лак чёрный, тусклый (рис. 1, *12*); гл. светло-красная, плотная, лак чёрный блестящий, густой (рис. 1, *8*); гл. светло-красная, плотная, лак чёрный, блестящий (рис. 1, *21*); гл. светло-коричневая, плотная, лак бурый, блестящий (рис. 1, *7*); гл. красная, умеренно плотная, с блёстками, лак бурый (рис. 1, *14*); гл. тёмно-серая, плотная, лак чёрный, тусклый (?) (рис. 1, *19*); гл. красная, плотная, лак чёрный, с металлическим блеском (рис. 1, *13*); гл. светло-красная, плотная, лак чёрный, тусклый (рис. 1, *20*).

Канфары т. н. классического типа (серии), как известно, принято делить на два типа в зависимости от формы венчика: с прямым и формованным (моделированным, валикообразным). Последние повсеместно встречаются реже и «не доживают» в Северном Причерноморье до второй четверти III в. до н. э. [Егорова, 2009, с. 27]. Канфары с прямым венчиком продолжают бытовать до середины этого столетия [Rotroff, 1997, с. 83]. Некоторая часть и тех, и других (до четверти) имела каннелированную поверхность тулова. Причем для сосудов аттического производства характерны аккуратные, выпукло-округлые каннелюры. Но бытовали и изделия, где они как бы имитировались. Вероятно, центр их производства был иным. Правда, в нашей коллекции таковых нет. В ней вообще-то всего два фрагмента – края с формованным венчиком. Один, несомненно, относился к канфарам первой четверти III в. до н. э. (угловатая моделировка валика, вариант 1). Другой обломок имеет заметно более выраженный наклон наружу, валик же его как бы вытянут (вариант 2). Он мог принадлежать как более позднему варианту канфаров, так и т. н. кубковидному канфару [Rotroff, 1997, fig. 8, № 81] последней четверти предшествовавшего века. Первое кажется, более предпочтительным. Глина первого фрагмента красная, плотная, лак чёрный, блестящий; глина и лак второго – аналогичны (рис. 3, *6*, *12*).

Всё прочее из этой «серии» – канфары с прямым венчиком, край которого отогнут наружу, высоким горлом и относительно высокой же ножкой. Выступы больших вертикальных, довольно изящных ручек (т. н. «усики») всегда в плане уплощённые, «лопаткообразные». Всё это, разумеется, судя в основном по обломкам, довольно крупные сосуды. Во всяком случае, в массе своей, явно больше тех, которые присутствовали среди

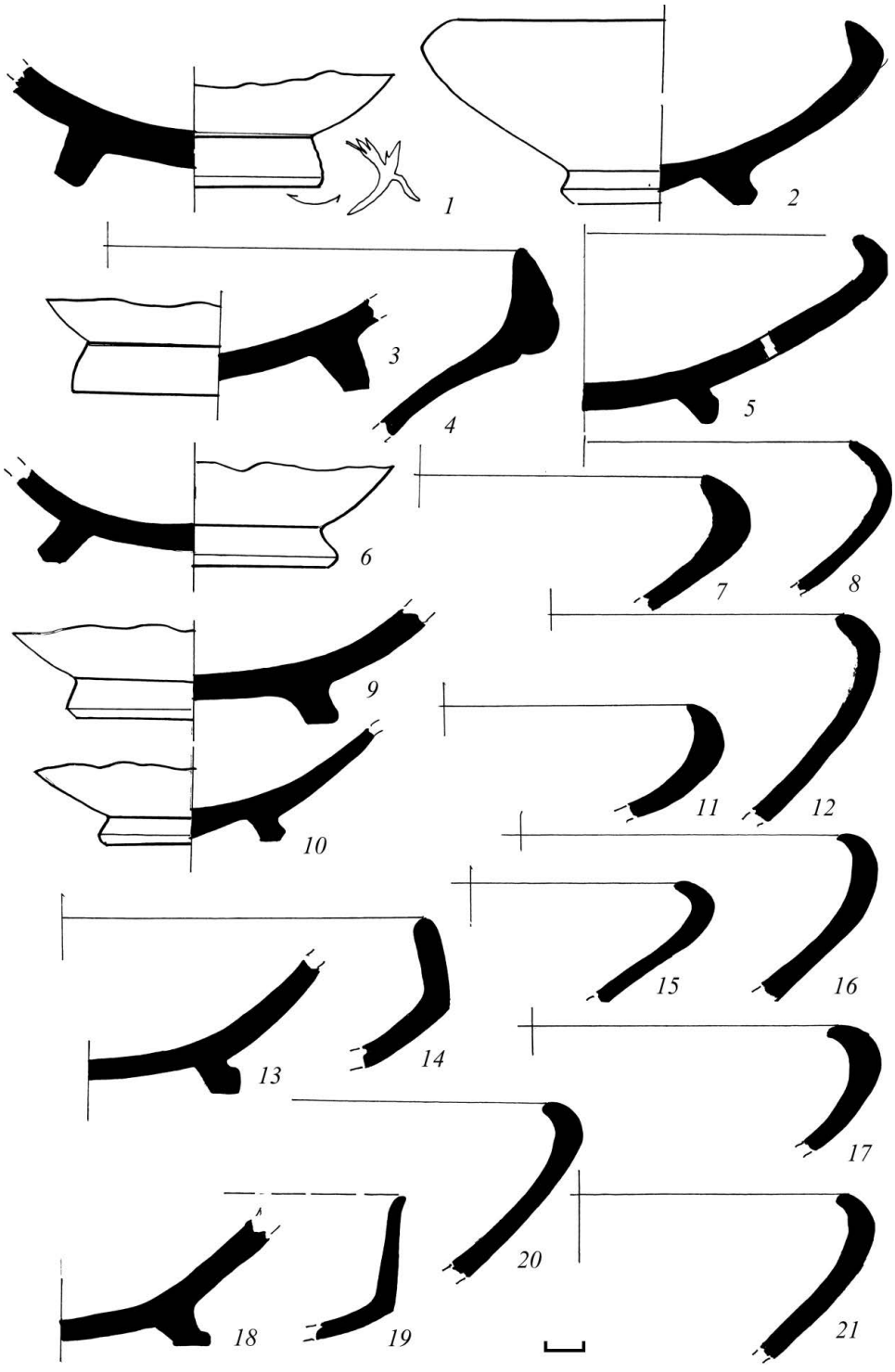

Рис. 1.

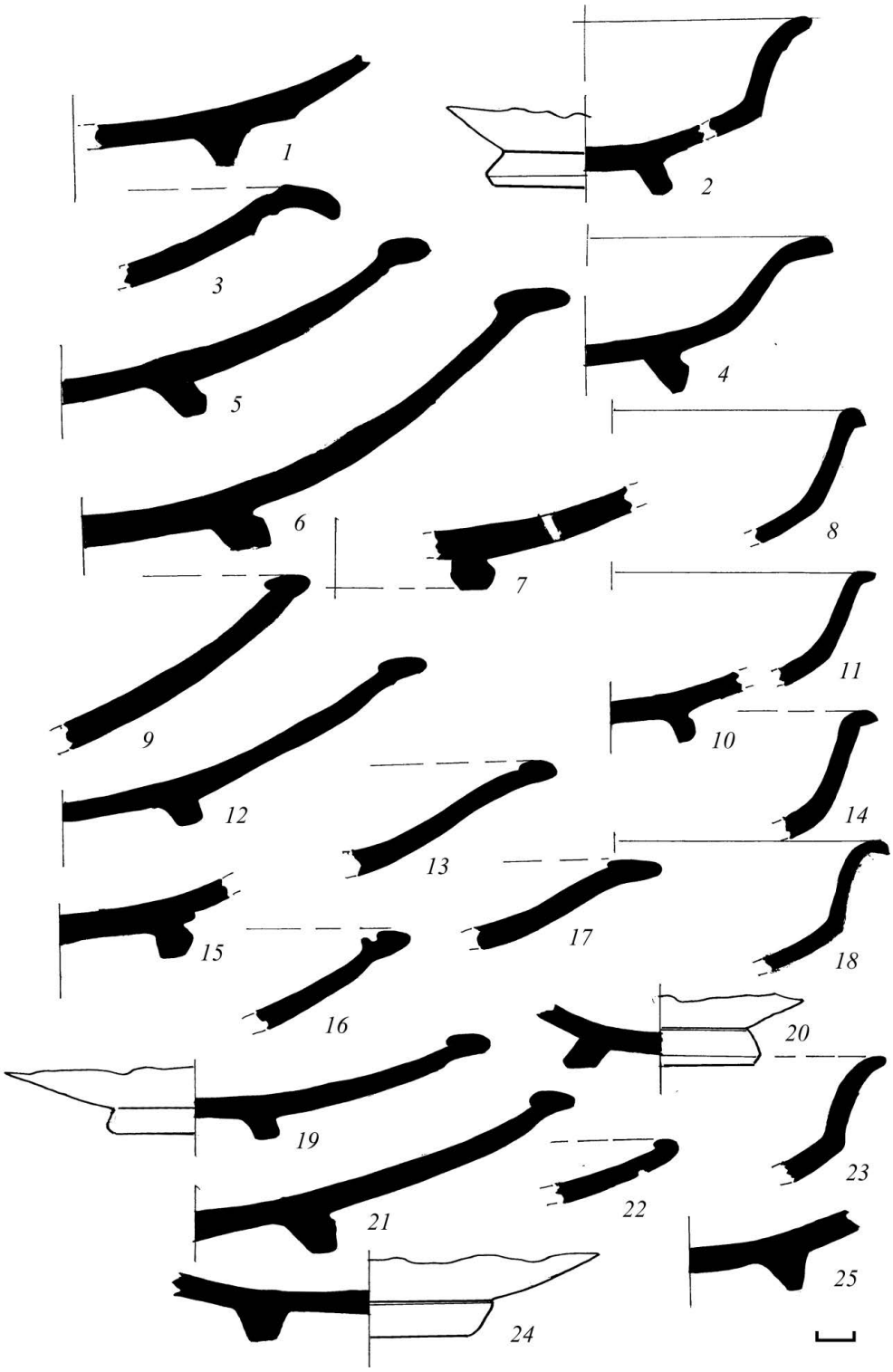

Рис. 2.

находок на поселениях «царской» хоры. Так, единственный почти целый экземпляр имеет высоту 16 см, а две-три сохранившиеся ножки свидетельствуют о ещё более «солидных» изделиях. Не менее примечательно и то, что фактически все они – с каннелированным туловом, между тем, как уже отмечалось выше, практика такого украшения в целом сходит «на нет» к середине III в. до н. э. Почему «между тем»? Да потому, что часть этих канфаров, судя по соответствующим обломкам, была расписана в стиле т. н. Западного склона (изображения лавровых гирлянд или листьев плюща в технике жидкой глины и белой краски). Их датировка – вторая половина III – начало II вв. до н. э., центр производства Пергам [Егорова, 2009, с. 48] или, если это всё-таки аттические изделия, 285–275 гг. до н. э. [Rotroff, 1997, fig. 5, № 27, 31]. Скорее всего, здесь представлены оба эти центра. По своим пропорциям и прочим показателям эти сосуды приближаются к несколько грубоватым по выделке, покрытым скверным чёрным лаком канфарам с сильно вытянутым, «узким» горлом, коротким каннелированным туловом, короткой же, тонкой ножкой, маленьким, явно неустойчивым поддоном, непропорционально большими, тонкими ручками с горизонтальными длинными остроконечными «усиками». Расписанные в том же самом стиле, они явно неаттического (малоазийского) происхождения и датируются обычно концом III–II вв. до н. э., [Bozkova, 2014, p. 210–211, fig. 29–30], а иногда и несколько позднее. Примечательно, впрочем, что в нашей коллекции таковых нет вовсе.

Приведём их «естественные» характеристики: глина красная, плотная, лак чёрный, блестящий (рис. 4, *8*); гл. красная плотная, с блёстками, лак бурый, густой (рис. 4, *3*); гл. красная, плотная, лак чёрный, блестящий (рис. 3, *1*); гл. красно-коричневая, плотная, с мелкими блёстками, лак чёрный, тусклый (рис. 3, *9*); гл. красная, плотная, лак чёрный, тусклый (рис. 4, *6*); гл. светло-красная, плотная, лак чёрный, блестящий, густой (рис. 3, *14*); гл. красная, плотная, без видимых включений, лак чёрный тусклый (рис. 4, *1*); гл. коричневая, плотная, с мелкими блёстками, лак чёрный (рис. 3, *13*); гл. красная, плотная, лак чёрный, тусклый (рис. 3, *4*); гл. плотная, красная, чёрный лак с металлическим блеском (рис. 3, *17*); гл. красная, плотная, чёрный лак с металлическим блеском, густой (рис. 3, *11*).

Все остальные канфары – это уже сосуды собственно «эллинистической» серии и времени, то есть, появившиеся после 275 г. до н. э. [Rotroff, 1997, p. 8–12]. Все они на кольцевом, как правило, профилированном, относительно невысоком поддоне, с заметно расширенным туловом, широким, но низким, плавно отогнутым наружу остроконечным с краю горлом (венчиком) и росписью всё в том же стиле. В нашей коллекции, как будто бы присутствуют только т. н. кубки-канфары с подбиконическим (точнее, бочковидным?) туловом. О размерах их судить трудно. По видимому, диаметр устья составлял от 10 до 14 см, высота – около 12–14 см, а максимальная ширина тулова приближалась к 16–18 см. Роспись, как правило, – или гирлянды (зёрна?), или листья плюща. Иногда они дополнялись горизонтальными и вертикальными полосами белой краски. Подработка рисунка резцом встречается редко. Ручки, как и положено канфаровидным сосудом, вертикальные, уплощённые в сечении. В обоих имеющихся случаях они дополнительно украшены сверху-сбоку овальными налепами. Аттические образцы этих сосудов, согласно С. Ротрофф, появились во второй четверти III в. до н. э. [Rotroff, 1997, p. 101]. Для неаттических изделий характерны более

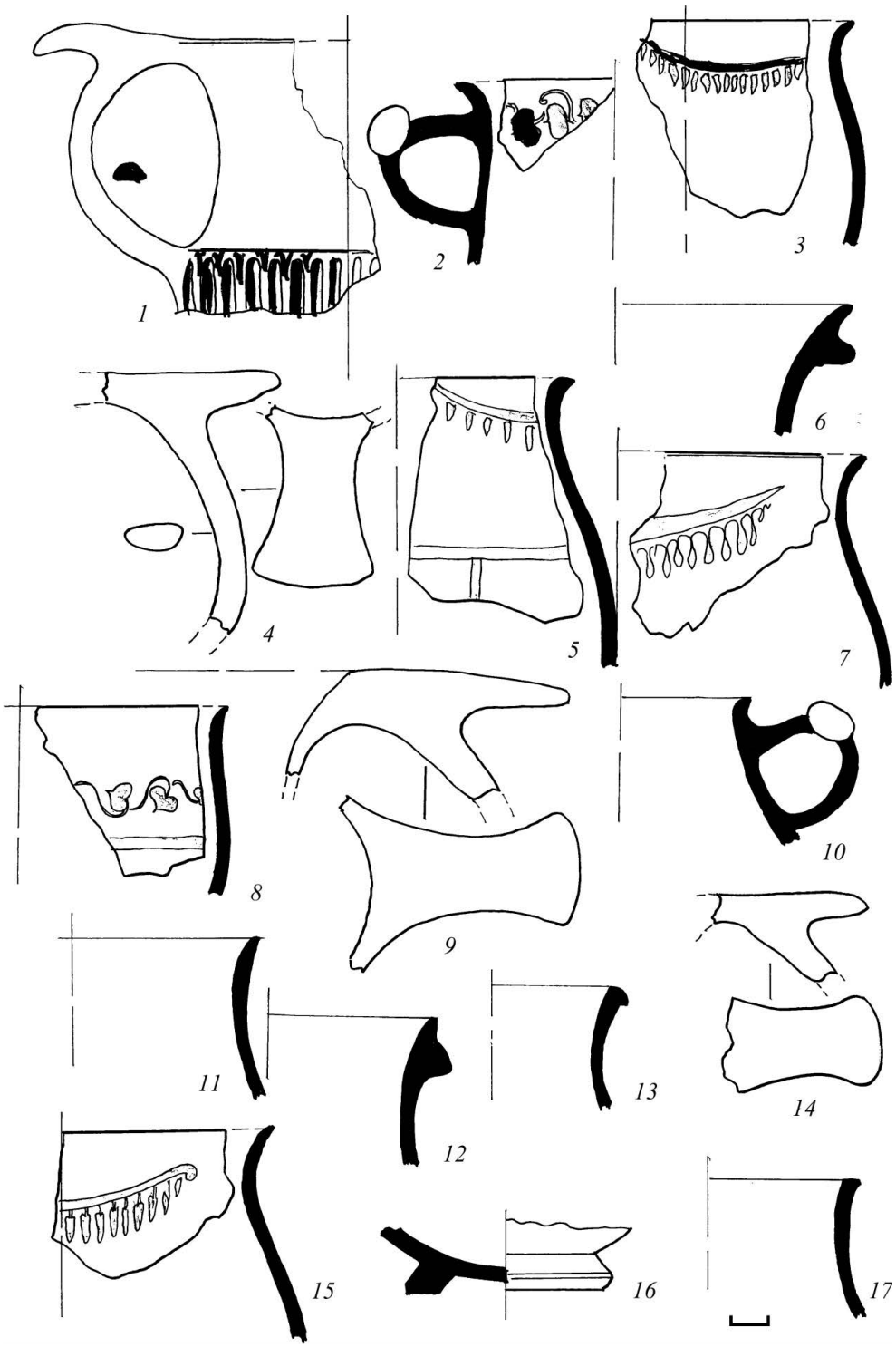

Рис. 3.

сжатые пропорции (при более плавном переходе к нижней части тулова). Датировка их в целом: вторая половина III – первая половина следующего века, хотя возможно и несколько более позднее время [Rotroff, 1997, p. 101–103; Егорова, 2009, 49–51]. Представляется, что большинство наших экземпляров происходит из Эфеса, и может быть отнесено к первой половине II в. до н. э. Судя по новейшим публикациям [Bozkova, 2014, p. 200–202], хронологический диапазон этих изделий может быть ещё шире, включая рубеж II–I вв. до н. э.

Вот их прочие характеристики: глина красная, плотная, с мелкими блёстками, лак чёрный, тусклый (рис. 3, *10*); гл. красная, плотная, тусклый чёрный лак (рис. 3, *7*); гл. красная, плотная с мелкими блёстками, лак чёрный с металлическим блеском (рис. 3, *8*); гл. светло-красная, плотная, лак чёрный, тусклый (рис. 3, *5*); гл. светло-коричневая, плотная, лак чёрный, умеренно тусклый (рис. 3, *15*); гл. светло-красная, плотная, лак красно-бурый, густой (изнутри) (рис. 4, *5*); гл. светло-красная, плотная, лак чёрный, умеренно густой и блестящий (рис. 3, *2*); гл. красная, плотная, с мелкими блёстками, лак чёрный, слабо блестящий (рис. 4, *9*); глина светло-коричневая, плотная, лак буро-красный (изнутри) (рис. 4, *7*); гл. светло-красная, плотная, лак чёрно-бурый (изнутри) (рис. 3, *16*); гл. светло-коричневая, плотная, лак буро-красный (изнутри) (рис. 4, *2*); гл. оранжевая, плотная, лак бурый (рис. 4, *4*).

Следующая «серия»: *тарелки* и *блюда*. Последние (но не последних) –, естественно, больше по размеру. Собственно профилей тарелок, как ни странно, довольно много, целых четыре. Диаметр их по венчику от 17 до 22 см; высота 3–5 см. За исключением одного обломка (неполного профиля) с характерным ребром в нижней, заметно утолщающейся части пологой стенки, двух-трёх фрагментов с короткой, плавной «выемкой» непосредственно под краем венчика с внешней стороны и двух примеров прежней формы самого края венчика (приплюснутый валик, обращённый во внутрь), иных признаков классической традиции их профилировки (вариант 1) IV – начала III вв. до н. э. вроде бы как и нет. Для второго, более многочисленного варианта характерны следующие признаки. Кольцевой поддон невысокий, подпрямоугольный, подтреугольный или профилированный в сечении. Иногда он довольно массивный, но всегда с плоским основанием. Стороны поддона теперь всегда отогнуты основанием наружу, а не прямые, как раньше. Стенки тарелок, как правило, плавно, но не сильно утолщаются ко дну. Само дно относительно ровное, толстое. Примеры штампованной орнаментации (круги из насечек) единичны. Вообще же, соотношение диаметра поддона и диаметра устья заметно изменилось в пользу второго. Иными словами, стенки стали выступать дальше и существенно поднялись кверху. Край венчиков в большинстве случаев – также приплюснутый овал. Но теперь он горизонтально выступает наружу (вариант 2). В одном экземпляре – это довольно длинное (2 см), плавно изогнутое и закруглённое на конце, сильно отогнутое наружу и даже слегка опущенное фактическое продолжение стенки (вариант 3). Все эти признаки, отмеченные ещё С. Ротрофф [1996, p. 143–145], сближая тарелки с чашками, явное веяние новой моды. Причём, эти радикальные изменения происходят со второй четверти III в. до н. э. [Rotroff, 1996, p. 144]. Судя по нашим примерам, они зашли уже довольно далеко и позволяют в массе своей датировать эти изделия никак не ранее конца II в. до н. э., а то и ещё позднее [Rotroff, 1997, fig. 50, № 694–700

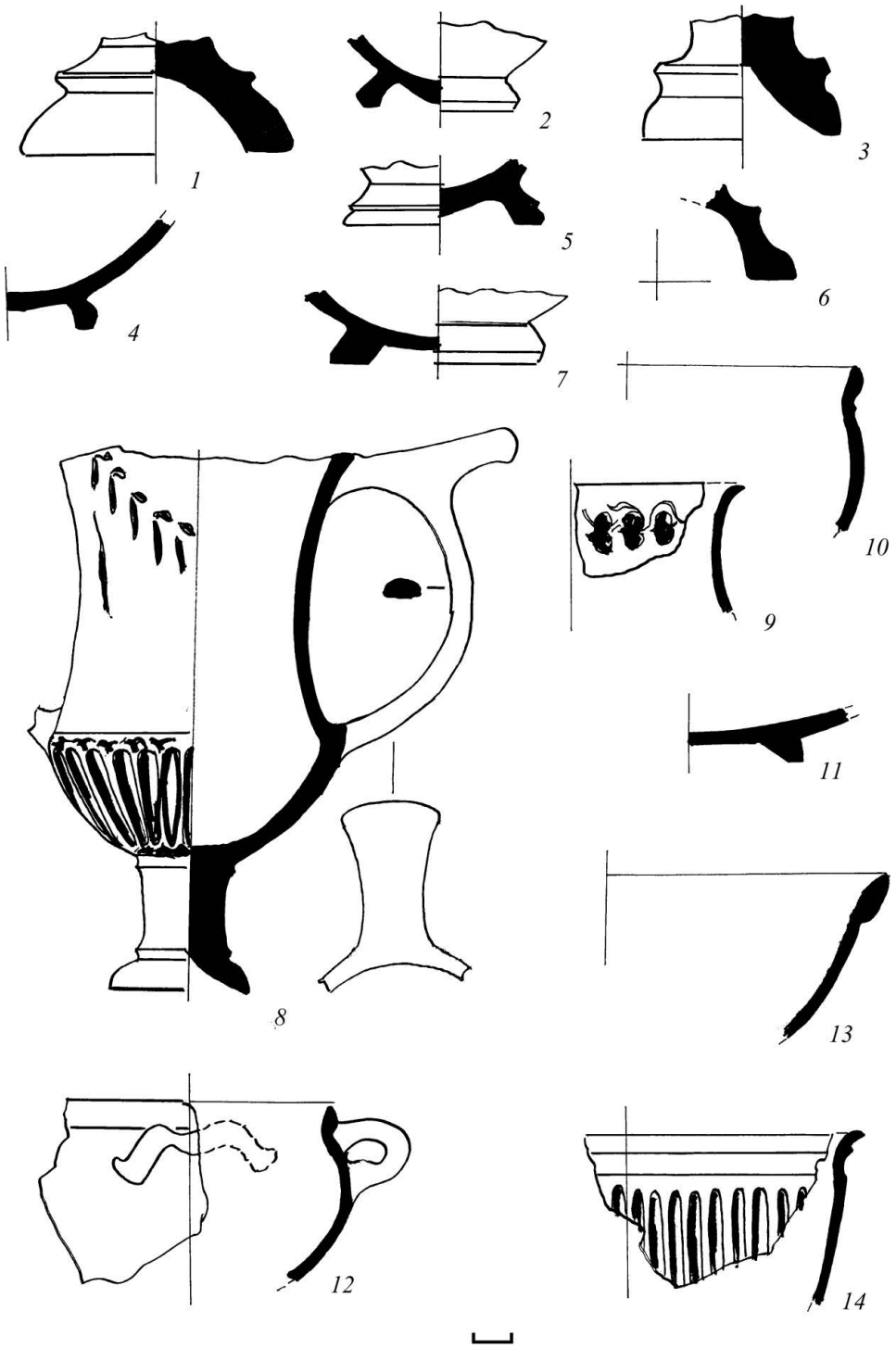

Рис. 4.

(110–86 гг. до н. э.)]. Упомянутое блюдо суть тарелка того же типа, но крупнее: диаметр её устья 30 см, высота 9 см, диаметр поддона 11 см.

Прочие характеристики этих изделий таковы: глина светло-красная, плотная, лак чёрный, густой, блестящий (рис. 2, *1*); гл. светло-коричневая, плотная, лак чёрный, тусклый (рис. 2, *6*); гл. светло-коричневая, плотная, лак тёмно-бурый (рис. 2, *9*); гл. светло-красная, плотная, с мелкими блёстками, жидкий тёмно-бурый лак (рис. 2, *3*); гл. светло-коричневая, с оранжевым оттенком, плотная, лак бурый (изнутри) и чёрный, тусклый (снаружи) (рис. 2, *13*); гл. красная, плотная, лак чёрный, густой, блестящий (рис. 2, *22*); гл. светло-коричневая, плотная с блёстками, лак чёрный, тусклый (рис. 2, *17*); гл. светло-красная, плотная, лак чёрный, тусклый (рис. 2, *12*); гл. светло-коричневая, плотная, с блёстками, лак бурый (внутри) и чёрный, тусклый (снаружи) (рис. 2, *21*); гл. светло-коричнево-бежевая, плотная, лак чёрный, тусклый, круг тёмно-красного лака на внутренней стороне дна (рис. 2, *24*); гл. розово-коричневая, плотная, с белыми включениями, лак чёрно-бурый, тусклый (рис. 2, *15*); гл. светло-красная, плотная с блёстками, лак чёрный тусклый (изнутри) (рис. 2, *7*); гл. светло-красная, плотная, лак чёрный (рис. 2, *16*); гл. красная, плотная, с мелкими блёстками, лак чёрно-бурый (рис. 2, *5*); гл. светло-красная, плотная, лак чёрный, блестящий (рис. 2, *19*); гл. тёмно-бурая, плотная, лак чёрный (рис. 2, *26*).

Теперь о *рыбных блюдах*. Наверное, как уже не раз было сказано, нет более специфической древнегреческой столовой посуды, нежели тарелки с соусницами. Получившие очень широкое распространение в классическую эпоху, они оставались ещё несколько столетий признаком истинно эллинских застольных традиций, но, как известно каждому археологу-антиковеду, примерно к рубежу тысячелетий почти исчезли из обихода или же до неузнаваемости изменились. В чём тут причина, остаётся не ясным, да, кажется, никто и не задавался этим вопросом. (И то дело: ведь рыба из числа самых востребованных продуктов огромной массы населения вовсе же не исчезла…) В нашей коллекции присутствует некоторое количество обломков покрытых лаком рыбных блюд, хотя нет ни одного целого профиля, что затрудняет качественный анализ. Тем не менее, судя по ним, можно сказать, что это в массе своей были изделия скорее среднего, нежели большого размера. (Диаметр устья, видимо, колебался между 20 и 22 см, при высоте никак не меньше 4–5 см.) Лишь один фрагмент края, явно принадлежал совсем маленькому блюду. Решительно все признаки эволюции (примерно те же, что и у блюд-тарелок), выявленные признанными знатоками античной керамики [Rotroff, 1996, p. 147–149; Егорова, 2009, с. 41–42, 60–61], говорят о том, что перед нами заведомо более поздние, нежели конец IV в. до н. э. или даже первая половина следующего века экземпляры. Особенно показательны в этом плане стенки и их отогнутые вертикально или почти вертикально края. Первые – в целом, ещё достаточно толстые, но решительно все весьма заметно изогнуты. Вторые – (т. е. края) по большей части – их (стенок) «крючкообразные», «подклювовидные» или даже «подтрапециевидные» продолжения. При этом они не закрывают и трети, а то и четверти высоты блюда. (Вспомним, ранее в V–IV вв. до н. э. этот показатель был существенно больше.) Желобок вокруг соусницы в большинстве случаев наличествует, а донца также в большинстве – довольно толстое, особенно в центральной части и отнюдь не плоское.

Указанные незначительные отличия позволяют выделить два-три варианта одной поздней серии (типа). Самой ранней датой представляется последняя четверть III в. до н. э. [Егорова, 2009, № 499, с. 143–144], но более вероятна – первая четверть II в. до н. э., если это аттическое производство [Rotroff, 1997, fig. 51, № 729–733] или даже ещё позже (по контексту, не ранее 110 г. до н. э. [Rotroff, 1997, fig. 102, № 1718]) для неаттических изделий. Однако не будем забывать, что само соотнесение рассматриваемых обломков стенок с «закраинами» именно с рыбными блюдами весьма вероятно, но всё же не бесспорно (тарелки-блюда?).

Вот их прочие характеристики: глина светло-коричневая, плотная, лак чёрный, слабо блестящий (рис. 5, *8*); гл. красная, плотная, лак бурый, блестящий (рис. 5, *5*, *10*); гл. светло-красная, плотная, лак бурый, густой (рис. 5, *3*); гл. красная, плотная, лак чёрный, тусклый (рис. 5, *2*); гл. светло-красная, плотная, лак чёрный, с металлическим блеском (рис. 5, *11*); гл. серая, плотная, лак чёрный, тусклый (рис. 5, *7*); гл. светло-коричневая, плотная, лак бурый, тёмно-бурый, густой (рис. 5, *12*); гл. плотная, коричневая, лак бурый, тусклый (рис. 5, *9*); гл. светло-красная, плотная, лак, чёрный, тусклый (рис. 5, *6*); гл. красная, плотная, лак чёрно-бурый, тусклый (рис. 5, *4*); гл. светло-коричневая, плотная, лак чёрный, слабо блестящий (рис. 5, *1*).

Наконец, рассмотрим отдельные, вернее единичные находки иных сосудов, покрытых лаковым покрытием.

Ножка очень большого и, скорее всего, высокого флакона (унгвентария). Глина светло-коричневая, плотная, лак чёрный, тусклый, отслаивающийся (рис. 5, *19*).

Горло кувшинчика (лагиноса?) с частью ручки (вариант 1). Глина красная, умеренно плотная, с мелкими белыми включениями, лак чёрно-бурый, тусклый (рис. 5, *17*). Датировка по такому фрагменту неопределённая – вторая половина III в. до н. э. – первая половина следующего века.

Фрагмент горла кувшина (лагиноса?) с частью витой ручки (вариант 2). Глина серо-коричневая, пористая, лак чёрный, тусклый (рис. 5, *16*). Возможная аналогия: [Rotroff, 1997, fig. 34, № 461–462] (275–250 гг. до н. э.).

Фрагмент нижней части закрытого сосуда на низком профилированном, плоском поддоне (лекиф? ольпа?). Глина светло-коричневая, плотная, лак бурый (рис. 5, *13*).

Горло и верхняя часть тулова большой ойнохои или лекифа. Глина светло-красная, с блёстками, умеренно плотная, лак красный, ярко-красный, отслаивающийся (рис. 5, *15*). Возможная аналогия: [Rotroff, 1997, fig. 70, № 1124] (110–86 гг. до н. э.). Отметим, и лак «там» красный!

Край тонкостенного кубка (скифоса?) с профилированным, слегка отогнутым венчиком. Тулово плавно, но не сильно сужающееся ко дну, украшено частыми вертикальными желобками. Диаметр по венчику не менее 12 см. Высота не менее 6 см. Глина светло-бежевая, плотная, с мелкими блёстками, лак чёрный, тусклый (рис. 4, *14*). Наличие ручек неопределено. Прямых аналогий пока найти не удалось, но отчасти это может быть вторая половина II в. до н. э. [ср. Bozkova, 2014, p. 202–203, fig. 8–9].

Формальная принадлежность остальных обломки тонкостенных сосудов определима ещё менее определённа. Скорее всего, их можно отнести к двум типам кубков (чаш, но не чашек): с ручками (I) и без оных (II).

Таблица 1.

форма	тип	вариант	Дата (гг. до н.э.)								
			300-275	275-250	250-225	225-200	200-175	175-150	150-125	125-100	100-75
А	I	1	■	■	■	■	■	■			
		2		■	■	■	■	■	■	?	
	II	1	■	■	■						
		2		■	■	■	■	■	■	?	
		3		■	■	■	■	■	■	?	
		4		■	■	■	■	■	■		
		5			■	■	■				
		6							■	■	?
Б	I	1	■								
		2	■	■							
	II	1	■	■							
		2		■	■	■	■				
В				■	■	■	■	■	■	■	
Г	I		■	■							
	II	1							?	■ ■	■
		2							?	■ ■	■
		3							?	■ ■	■
Д		1				■	■	■	■	■	
		2					■	■	■	■	?
		3								■	?
Е		1			■	■	■	■			
		2		■							
Ж										■	■
З									■	■	
И	I						■				
	II	1			■	■	■	■			
		2				■ ?	■				
		3				■ ?					

А – миски – чашки (открытые сосуды) (Тип I – чашки; Тип II – миски)
Б – канфары. «Классическая» серия
В – канфары. «Эллинистическая» серия
Г – тарелки (I), блюда (II)
Д – рыбные блюда
Е – кувшины (лягиносы)
Ж – лекифы (ойнохоя)
З – кубки-скифосы
И – кубки-чаши

Первый тип представлен уверенно всего одним фрагментом. Это неполный профиль тонкостенного, двуручного сосуда. Подовальный в сечении, почти прямой, невысокий венчик переходит в плавно выпуклое тулово. «З-образные» ручки крепились горизонтально. Диаметр устья не менее 10 см. Высота предположительно 5,5–6 см. Глина светло-красная, плотная, лак чёрный, тусклый (рис. 4, *12*). Возможная аналогия: [Rotroff, 1997, fig. 22, № 391] (200–175 гг. до н. э.).

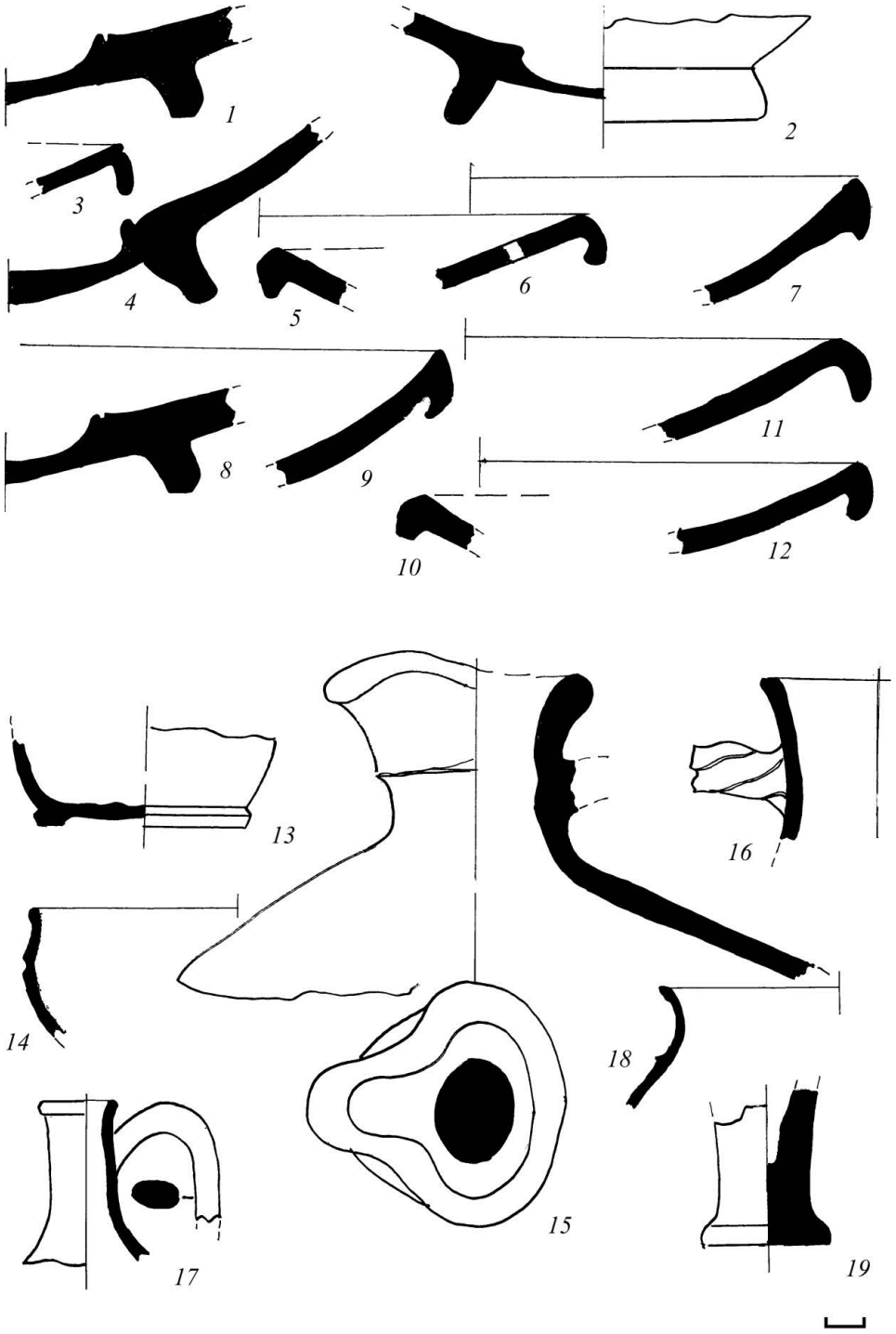

Рис. 5.

Все остальные изделия этой формы, очевидно, ручек не имели и различались формой края (венчика: прямой (вариант 1), «переходный» (2) или выражено вогнутый (3)) и декором.

Край тонкостенной чаши, скорее всего, типа т. н. полусферических чаш. Остроконечный, приплюснуто-подовальный венчик непосредственно переходит в плавно изогнутые, довольно круто сужающиеся ко дну (характер которого не ясен) стенки. Диаметр устья 14–16 см, высота не менее 6 см. Глина светло-красная, плотная, лак чёрный, блестящий (рис. 4, *13*). Вероятные аналогии: [Rotroff, 1997, fig. 20, 21, № 315 или, скорее, – № 327]. Хронологический разброс довольно большой: середина III – середина II вв. до н. э. Но данный фрагмент не имеет следов росписи и венчик его крупнее.

Край тонкостенного кубка (?) с плавно отогнутым, коротким, овально-завершённым венчиком и желобком в месте его перехода в плавно-выпуклое тулово (вариант 2). Диаметр устья не менее 16 см. Глина красная, плотная, лак бурый, блестящий (рис. 5, *14*). Аналогия, хотя и не вполне полная: [Rotroff, 1997, fig. 22, № 357 или, скорее № 362] (240–220 гг. до н. э.).

Вариант 3. Край тонкостенного кубка, венчик подовально-приплюснутый в сечении, как бы слегка вогнутый изнутри, немного отклонён наружу. В месте его плавного перехода в выпуклое тулово – острое горизонтальное ребро. Диаметр устья не менее 13 см. Глина светло-красная, лак бурый, густой (рис. 4, *10*). Возможные аналогии и датировки примерно те же, что и у предыдущего фрагмента, хотя между ними есть и различия.

Край почти аналогичного «кубка с ребром», но венчик – скорее «остро-завершённый», тонкий. Диаметр не менее 10–11 см. Глина светло-красная, плотная, лак чёрный, тусклый (рис. 5, *18*). Аналогии в принципе прежние, разве что сильно изогнутый и довольно высокий край (горло?) позволяет склониться к варианту № 364 (240–220 гг. до н. э.) того же капитального свода. Впрочем, датировки всех трёх последних экземпляров по археологическому контексту могут оказаться несколько более поздними.

Итак, хронология рассмотренной коллекции керамики в целом помещается в промежутке между первой – второй четвертями III и концом второй половиной II вв. до н. э. (табл. 1). Но отдельные фрагменты могли принадлежать изделиям чуть более ранним или поздним (конец II – начало I вв. до н. э.). Последние, кажется, более очевидны. А вот «долгоигравших» образцов из т. н. бабушкиного сервиза (явный IV в. до н. э.) вроде бы как нет вовсе. При этом на обоих раскопах хронологические различия невелики. Вообще, наша керамика несколько напоминает собрание аналогичных, но явно лучшей сохранности, находок из т. н. Южного дворца (горизонты Е-Д) Неаполя скифского. Напомним, датировка их: 175–112/108 гг. до н. э. [Зайцев, 2003, с. 21–25, рис. 59–60].

Сам рассмотренный набор столовой покрытой лаком посуды вполне соответствует обыденной эллинской застольной практике указанного времени. Большая, если не основная часть её покрыта именно чёрным лаком, хотя нередко и плохого качества, но подчёркнуто ярких, торжественно-праздничных форм и изделий среди неё нет вовсе. Да и общее число таких обломков сравнительно невелико. Её (такой посуды), по определению, было немного и ею, судя по неоднократно фиксированных следам ремонта, в общем-то дорожили. Иными словами, по крайней мере, на достаточно удалённых

от центров Боспорского государства сельских поселениях, даже самых больших и значимых, она постепенно выходит из употребления, всё ещё оставаясь достаточно разнообразной. Последнее, правда, следует снабдить оговоркой: «в целом». В более узком хронологическом контексте правильнее было бы говорить именно о существенном сокращении репертуара к концу очерченных временных рамок.

Теперь, кратко и, естественно, предположительно о возможных центрах производства рассмотренной керамики. Именно кратко, поскольку, как совершенно справедливо полагают специалисты в данной области [Егорова, 2009, с. 46–47], для такого рода выводов нужны, во-первых, тщательные анализы и сопоставления глин и глинищ. Во-вторых, значительные серии нетипичной или чем-то нетипичной по формальным признакам для аттического набора посуды, связанной к тому же с надёжным археологическим контекстом и безусловными аналогиями с такими же изделиями в других центрах восточного Средиземноморья. В нашем случае, к сожалению, по первому пункту добавить к написанному нечего. А по второму, – где могли, мы это уже сделали (Пергам, Эфес). Разве что сам рассматриваемый период заставляет предполагать, что значение эгейских (малоазийских) контрагентов торговли, в том числе столовой посудой с лаковым покрытием, на боспорском рынке чем ближе к митридатовской эпохе, тем становилось всё большим. Вряд ли в это время даже такие солидные поселенческие структуры, как Золотое восточное (Сюрташ), получали эту керамику, так сказать, напрямую. Скорее, это делалось опосредованно, например, через Пантикапей как столицу. Вот, пожалуй, и всё то немногое, что можно сказать по поводу только что рассмотренной категории находок.

Список литературы

Егорова, 2009. Егорова Т. В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.

Зайцев, 2003. Зайцев Ю. П. Неаполь скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь.

Кругликова, 1957. Кругликова И. Т. Поселения Золотое Восточное //КСИМК. 70.

Супренков, 2014. Супренков А. А. Назначение и хронология построек в северо-восточной части эллинистического городища Сюрташ в Крымском Приазовье (По результатам работ ВКАЭ в 2010–2013 гг.) //ДБ. 18.

Bozkova, 2014. Bozkova A. West Slop Pottery from Mesambria Pontike//Pottery, Peoples and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery. Ed. by P. Guldagen Bilde and M. L. Lawall (BSS 16). Aarhus.

Rotroff, 1997. Rotroff S. I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material (The Athenian Agora. XXIX). Princeton.

Summary

A. A. Maslennikov
Glazed Pottery from the excavations of Syayartash site (Eastern Crimea)

The article discusses typology and chronology of the findings – fragments of lacquered tableware (cups, bowls, cantharos, plates, fish dishes, bowls, cups, etc.) from the excavations of the settlement «Zolotoe vostochnoe» (Syuyurtash) in the Crimean Azov sea region. Its total dating: beginning – second quarter of the III – end of II century BC, the individual instances could refer to a slightly later time. In large part this seems to be an attic import. But there are, apparently, products of Pergamon, Ephesus and some other centers.

А. М. Новичихин
(Анапский археологический музей, Анапа)

Новое свидетельство культа «бога высочайшего» в Горгиппии

В 1994 г. в Анапе при благоустройстве ул. Набережной в северо-восточной части городища Горгиппии, рядом с одноименным археологическим заповедником был расширен котлован существующего здесь с начала 1980-х гг. фонтана. При осмотре места разрытия у восточного борта котлована была расчищена поврежденная ковшом экскаватора кладка позднеантичного (судя по залеганию в характерном для этого периода темно-коричневом суглинке) времени. Помимо обычного для домостроительства Горгиппии дикарного камня в кладку оказались включены известняковая база колонны и фрагмент мраморной плиты с греческой надписью, расколотый в результате удара ковша экскаватора.

Публикуемый фрагмент[1] (рис. 1) склеен из трех кусков. Его размер: 23,5 на 27,5 см. Мрамор белый с серыми прожилками и желтоватыми пятнами на поверхности. Надпись была нанесена на плиту толщиной 3,5–4 см. В верхней части выступает горизонтальный валик. На фрагменте сохранились остатки шести строк. Верхняя – начинается в 3,5 см ниже валика. Высота букв 2–2,3 см, за исключением *фи*, вертикаль которой значительно выступает за пределы строки и имеет длину 3,5 см. Расстояние между строками 1,2–1,5 см. По нижнему краю некоторых строк прослеживаются едва различимые следы тонких линий горизонтальной разметки. От нижней строки сохранилась только часть верхней горизонтали, возможно, *сигмы*. Различимая часть текста выглядит следующим образом:

[- - -]ΡΑΤΟΡΙΕΥΛΟΓ[- - -]
[- - -]ΥΟΝΤΟΣΒΑΣΙΛ[- - -]
[- - -]ΜΑΤΟΥΦΙΛΟΚΑ[- - -]
[- - -]ΣΕΒΟΥΣ ΕΤΟ[- - -]
[- - -]ΗΝΟΔ[- - -]
[- - -]Σ(?)[- - -]

[1] Хранится в Анапском археологическом музее, инвентарный номер КМ 10175. В настоящее время надпись находится в экспозиции «Античный город Горгиппия».

Рис. 1. Фрагмент надписи времени Савромата II с посвящением «богу высочайшему» из Горгиппии. Мрамор. Находка 1994 г.

Восстановление текста:

[Θεῶι ὑψίστωι]
[παντοκ]ράτορι εὐλογ[ητῶι].
[Βασιλε]ύοντος βασιλ[έως Τιβερίου Ἰουλίου]
[Σαυρο]μάτου φιλοκα[ίσαρος καὶ φιλορω-]
[μαίου εὐ]σεβοῦς, *v.* ἔτ̣ο̣[υς - - - μηνὸς - - -]
[-$^{6-7}$-]Αθ]ηνοδ[ώρου [- - -]
[- - - - - - - - -]Σ̣[- - - - - - - - -]

Перевод:

Богу высочайшему,
вседержителю, благословенному.
В царствование царя Тиберия Юлия
Савромата, друга императора и друга
римлян, благочестивого, в год…, месяц…
сын Афинодора…

Из палеографических особенностей надписи следует отметить *альфу* с изломанной перекладиной, *эту* с короткой, недоведенной до вертикалей перекладиной, крупный круглый *омикрон*, широкие *мю*, *ню* и *пи*, наклонные линии *мю*, расположенные ниже верхнего края, не примыкающую к краям наклонную черту *ню*, выходящую за края горизонталь *пи*, выступающие влево горизонтали *сигмы*. В целом, шрифт надписи

характерен для II – начала III в. н. э. [Болтунова, Книпович, 1962, табл. IV, 1, 2]. Из числа горгиппийских наибольшее сходство с публикуемой имеют надписи, относящие к периоду правления Савромата II: КБН 1119, 1134, 1135, 1136, 1 и 3 1962 г. [Кругликова, 1967, с. 183, рис. 1, с. 187, рис. 3], 2 и 3 1991 г. [Смирнова, 2002, с. 225–227, 230]. К правлению Савромата II следует относить и публикуемую надпись. На это указывают как её палеография, так и титул царя, менее пышный, чем у его одноименного предшественника Савромата I.

Самая первая, отсутствующая на фрагменте, строка надписи – посвящение «богу высочайшему» восстанавливается по хорошо сохранившимся горгиппийским надписям КБН 1123 и 1126, а также по уверенно восстанавливаемым зачинам надписи КБН 1125 и надписи из раскопок 1980 г. [Болтунова, 1982, с. 62, 63].

Размер и структура текста определяются по второй из сохранившихся строк, начинающейся традиционной для боспорских надписей формулой βασιλεύοντος βασιλέως: при таком размещении попадание сохранившейся его части на дошедший до нас фрагмент выглядит наиболее убедительным. Правда, в таком случае, начальная часть посвящения: Θεῶι ὑψίστωι должна была занимать отдельную строку. Вероятно, она находилась выше валика, в верхней части плиты. Расстояния в 3,5 см между валиком и нижней из сохранившихся строк для этого слишком мало, да и если начало посвящения помещалось на этом участке плиты, часть его несомненно оказалась бы на фрагменте.

Имя Афинодора, весьма популярное в Горгиппии в первых веках н. э.[2], в пятой строке восстанавливается как патронимик на основании того, что строка, вероятнее всего, начиналась с имени лица – субъекта посвящения. Его имя, при предлагаемом варианте структуры текста, должно было состоять из 6–7 букв. Заманчиво было бы предположить, что это было имя Неокл (Νεοκλῆς), неоднократно сочетавшееся в горгиппийских надписях (LGPN. IV. 20230, 20233, 20234), в том числе и времени Савромата II, с патронимиком Афинодор: КБН 1126, 1160 (предположительно)[3], надпись, найденная во дворе гостиницы «Анапа» в 1962 г. [Кругликова, 1967, с. 194, 196; Болтунова, 1968, с. 68][4]. Примечательно, что в Горгиппии имя Неокла, сына Афинодора, засвидетельствовано в надписи с посвящением «богу высочайшему» – манумиссии КБН 1126, относящейся к началу правления Рискупорида II (предположительно датированной 68 г. н. э.)[5], то есть более чем на столетие древней, чем публикуемый текст. Впрочем, нельзя исключать,

[2] О популярности имени Афинодор в знатных горгиппийский семьях свидетельствуют примеры, приведенные Н. В. Смирновой [2001, с. 361]; полную подборку материала см.: LGPN. IV. 15249–15277.

[3] Укажем, что один из вариантов реконструкции надписи КБН 1119 также предусматривает восстановление патронимика царского наместника Горгиппии Неокла как Афинодор. См.: [Смирнова, 2001, с. 353, 361].

[4] Пользуемся случаем внести ясность в вопрос о времени и обстоятельствах находки этого списка имен. И. Т. Кругликова [1967, с. 193] указывает, что надпись найдена во дворе гостиницы «Анапа» в декабре 1961 г. А. И. Болтунова [1968, с. 67] в качестве времени находки указывает февраль 1962 г. В акте № 376 от 20.02.1962 г., хранящемся в Анапском археологическом музее, указывается, что надпись была найдена во дворе гостиницы «Анапа» при земляных работах 20 февраля 1962 г. Как следует из того же документа, пятью днями ранее – 15 февраля 1962 г., в этом же строительном котловане были найдены обломки мраморной плиты с текстом писем царя Аспурга [Блаватская, 1965, с. 197–209] и два фрагмента монументальной мраморной скульптуры [Кругликова, 1966, с. 82, рис. 28].

[5] Т. В. Блаватская восстанавливала частично поврежденную дату как 364 г. б. э., соответствующую, по её мнению, 67 г. н. э., однако упоминание месяца Даисия, как отмечено в лемме к КБН 1126, указывает на 68 г. н. э. Надпись утрачена, её текст известен по прорисовке В. Д. Блаватского [Блаватская, 1958, с. 92, 93].

что в начале пятой строки могло стоять название месяца; тогда Афинодор – имя составителя надписи.

Исследователями отмечалось, что наделение «бога высочайшего» эпитетами «вседержитель» и «благословенный» засвидетельствовано только в горгиппийских надписях [Тачева-Хитова, 1978, с. 134, 135; Алексеева, 1997, с. 239]. В трех известных случаях (КБН 1123, 1125, 1126) эти надписи были манумиссиями, сообщавшими об освобождении рабов, в одном (надпись из раскопок 1980 г.) – благодарение божеству за успешное спасение «(от великих) опасностей», возможно, связанных с морским путешествием [Болтунова, 1982, с. 62–63, примеч. 7]. Сохранность публикуемого документа не позволяет сколь-либо однозначно определить его жанр. Однако такая особенность текста, как размещение календарной даты после эпонимной формулы, обычное для горгиппийских манумиссий (КБН 1123, 1126)[6], дает отнования предположить, что публикуемая надпись также могла быть манумиссией, сообщающей о даровании свободы рабу. В таком случае, частично сохранившаяся в нижней строке *сигма* могла принадлежать слову προσευχή – молельня, а сама строка содержать характерную для манумиссий формулу ἀνέθηκεν τῆι προ]ϙ[υχῆι или же ἐπὶ τῆς προ]ϙ[υχῆς.

Хронологически посвящения «богу высочайшему» из Горгиппии распределяются следующим образом: КБН 1123 – 41 г. н. э., надпись 1980 г. – время правления Котиса I (45–68 гг. н. э.), КБН 1126 – время правления Рескупорида II (68–93 гг. н. э.), предположительно – 68 г. н. э., КБН 1125 – время правления Савромата I (93–123 гг. н. э.), публикуемый документ – время правления Савромата II (174–210 гг. н. э.). Таким образом, вводимый в научный оборот эпиграфический памятник свидетельствует, что возникший в 40-х годах I в. н. э. культ «бога высочайшего, вседержителя, благословенного» существовал в Горгиппии, по меньшей мере, до последней четверти II в. н. э.

Список литературы

Алексеева, 1997. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.

Блаватская, 1958. Блаватская Т. В. Горгиппийская манумиссия 67 г. н. э. //СА. Т. XXVIII.

Блаватская, 1965. Блаватская Т. В. Рескрипты царя Аспурга //СА. № 2.

Болтунова, 1968. Болтунова А. И. Новая надпись из Горгиппии и несколько замечаний об организации управления государственными доходами Боспорского царства // Eirene. VII.

Болтунова, 1982. Болтунова А. И. Новые эпиграфические материалы из Горгиппии // ВДИ. № 3.

[6] На эту деталь внимание автора любезно обратила Н. В. Завойкина.

Болтунова, Книпович, 1962. Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре //НЭ. Т. III.
Кругликова, 1966. Кругликова И. Т. Раскопки Горгиппии //КСИА. Вып. 108.
Кругликова, 1967. Кругликова И. Т. Новые эпиграфические материалы из Горгиппии // ВДИ. № 2.
Смирнова, 2001. Смирнова Н. В. Наместники Горгиппии //ДБ. Т. 4.
Смирнова, 2002. Смирнова Н. В. Новые надписи из Горгиппии и Патрея //ДБ. Т. 5.
Тачева-Хитова, 1978. Тачева-Хитова М. О культе ΘΕΟΣ ΥΨΙΣΤΟΣ на Боспоре //ВДИ. № 1.

Summary

A. M. Novichikhin
New evidence of the cult of "the God is Supreme" at Gorgippia

The article publishes a fragment of the inscription to the time of Sauromates II, was found in Anapa in 1994. The preserved part of the text contains a dedication "to God the Supreme, the Almighty, the Blessed", have already appeared in lapidary epigraphy of Gorgippia. Finding indicate that the conservation in Gorgippia worship of the specified deity, at least until the last quarter of the II century AD.

С. В. Ольховский, А. В. Степанов
(Институт археологии РАН, Москва)

Спасательные подводные исследования на ОАН «Бухта Ак-Бурун» в 2015 г.

В 2014 г. при геомагнитной съемке трассы мостового перехода Керчь-Тамань (рис. 1) на мелководье между мысом Ак-Бурун и Минным пирсом Керченской крепости выявлено крупное скопление ферромагнитных объектов. При их проверке на взрывоопасность на дне найдено крупное скопление фрагментов античной керамики. Так как Республиканский комитет по охране культурного наследия Крыма не располагал информацией об этом объекте, специалисты ИА РАН провели его обследование для идентификации и ввода границ потенциального ОАН в проектную документацию мостового перехода. Обследование прилегающей акватории эхолотом и гидролокатором бокового обзора выявило обширный участок, приподнятый над окружающим дном на высоту до 1 м. Площадной визуальный осмотр поверхности дна подтвердил наличие значительного количества неокатанной керамики, обросшей водорослями и ракушкой, а также металлических изделий и стеклянной тары производства XX в. Для определения границ предполагаемого ОАН между Минным пирсом Керченской крепости и мысом Ак-Бурун расчищены 14 шурфов 1×1 м, в результате чего площадь керамического скопления приблизительно определена как 50000 кв. м, а мощность илового слоя, содержащего археологические находки – до 0,7 м.

При сборе информации для паспортизации керамического скопления выяснилось, что его в начале 1990-х гг. обнаружили рыбаки, арендовавшие Минный пирс и прилегающую акваторию после вывода воинской части из Керченской крепости. С того времени на «черный рынок» археологических находок Крыма поступило значительное количество полных форм античной керамики. Выборку граффито на чернолаковых сосудах III в. до н. э. опубликовал Н. Ф. Федосеев. В 2012–2014 гг. подводные разведки на этом участке акватории проводил А. В. Зинько (БФ «Деметра», г. Керчь), однако керамическое скопление не было поставлено на государственный учет, а коллекция собранных находок не опубликована и не передана в Государственный музейный фонд. Систематическое расхищение археологических предметов с керамического скопления, в том числе с применением грунторазмывного оборудования, не исключалось вплоть до лета 2014 г.

На основе собранных в 2014 г. материалов мы предположили, что керамическое скопление образовалось у мыса Ак-Бурун в результате длительного использования этого

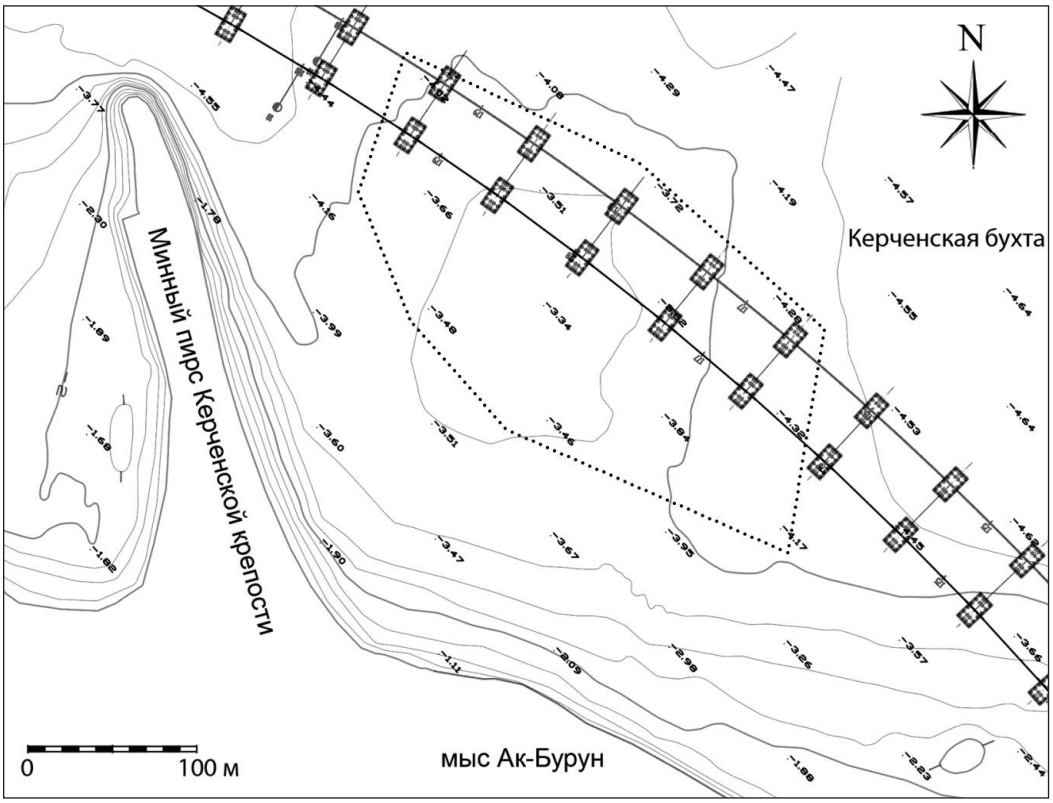

Рис. 1. Трасса мостового перехода Керчь-Тамань у мыса Ак-Бурун.
Пунктиром обозначена приблизительная граница ОАН «Бухта Ак-Бурун»

участка акватории в качестве якорной стоянки. Аргументами в пользу этого предположения стали: удобное местоположение под прикрытием высокого мыса и рифовой гряды; свидетельства древних авторов о переправе на Азиатскую сторону Боспора через мыс Ак-Бурун; значительное количество крупных фрагментов разновременной керамики на поверхности дна и в толще донных отложений. На основе вышеизложенного керамическое скопление получило обозначение ОАН «Бухта Ак-Бурун», и гидротехническое строительство в его границах стало допустимо только после выполнения спасательных подводных раскопок с полным изъятием находок.

В границах ОАН запланировано сооружение 16-ти опор временного моста, 5-ти опор железнодорожного моста, 5-ти опор автомобильного моста. Задачей сезона 2015 г. стала расчистка 16-ти участков под опоры временного моста (рис. 2). Опора состоит из трех свай диаметром 1 м, забитых в дно по одной линии с интервалом 4 м. Для обеспечения сохранности археологических предметов вокруг каждой сваи была предусмотрена охранная зона, с учетом этого размер раскопа определен как 15×5 м. Для своевременного выполнения столь крупных объемов работ Институт археологии РАН привлек к работам 3 водолазные станции, укомплектованные сотрудниками с опытом производства подводных археологических раскопок (рис. 3).

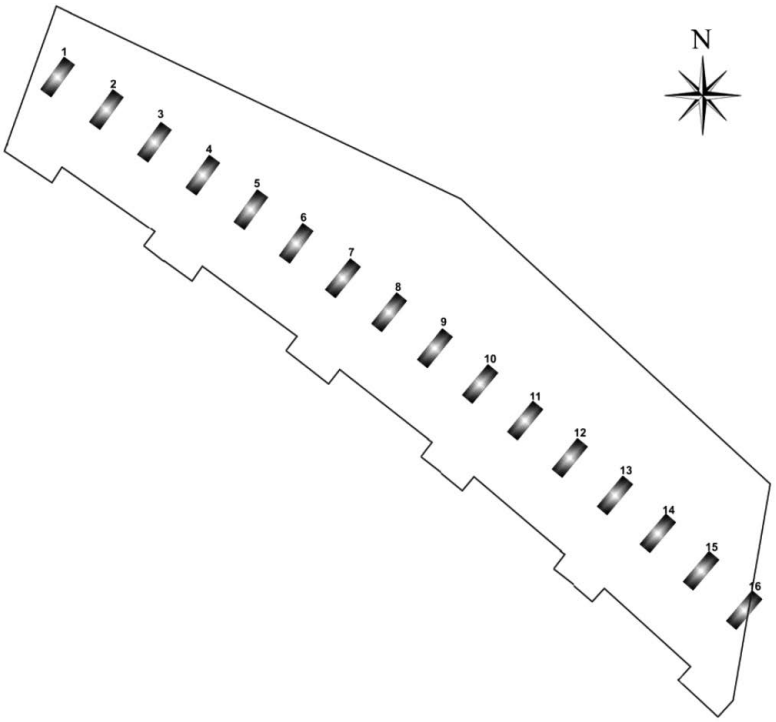

Рис. 2. Серый контур: часть акватории ОАН «Бухта Ак-Бурун», попавшая в зону строительства; расположение раскопов №№ 1–16

Рис. 3. Водолазные станции на ОАН «Бухта Ак-Бурун»

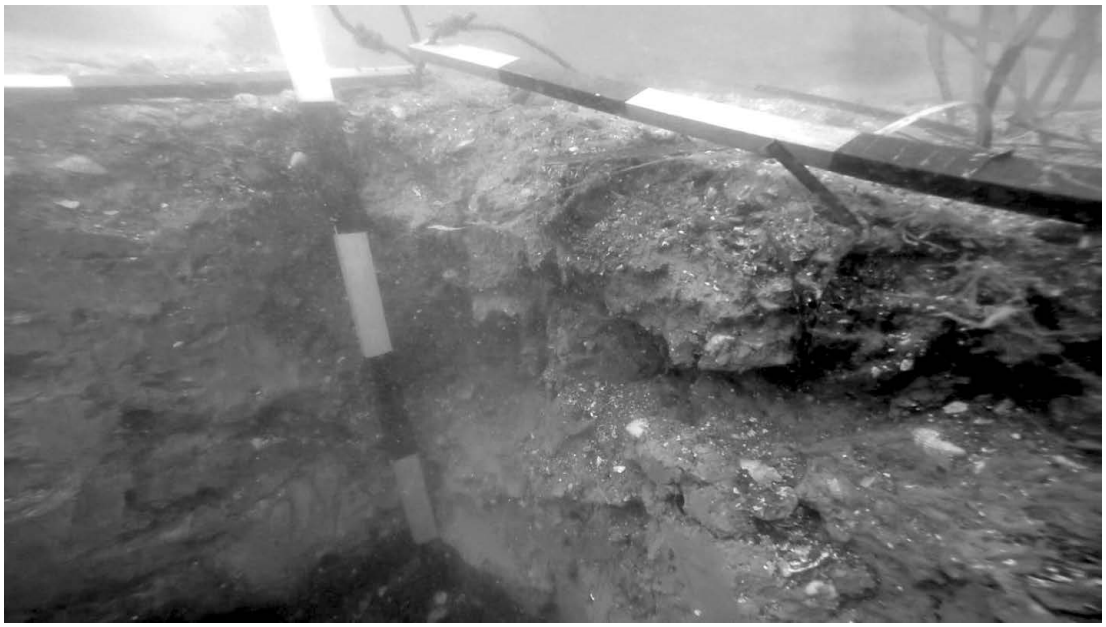

Рис. 4. Юго-западный угол раскопа № 6. Вид с СВ

Ввиду вышеупомянутого предположения о якорной стоянке, избранная методика исследований предусматривала детальную фиксацию стратиграфии и местоположения находок в раскопе. Для этого раскоп был разделён на три сектора 5×5 м, из 25 квадратов 1×1 м каждый. Обозначение каждого квадрата состояло из номера раскопа, номера сектора и буквенно-цифрового индекса квадрата в секторе, например: «12-2-Г3» означает раскоп № 12, сектор № 2, квадрат №Г-3.

Разметка раскопа выполнена следующим образом: угловые координаты заданного участка выносились в акваторию с помощью GPS-приемника с дециметровой точностью позиционирования и обозначались буйками; по длинным сторонам участка растягивались два 15-метровых троса, промаркированных через 1 м. Для поперечной разметки использовалась 5-метровая рейка, промаркированная через 1 м. Водолаз использовал рейку в качестве визуальной и тактильной границы между рядами квадратов, подлежащих расчистке. После завершения расчистки ряда, состоящего из пяти квадратов, водолаз передвигал рейку на 1 м, обозначая границу следующего ряда. Определение стратиграфии и глубины залегания находок относительно поверхности дна выполнялось масштабной линейкой с контрастной разметкой через 10 см (рис. 4). Оперативная фиксация стратиграфии, количества и местоположения находок обеспечивалась применением проводной телефонной связи водолаза с руководителем работ.

Расчистка раскопа производилась следующим образом: водолаз ладонями или совком отбирал порции ила из заданного квадрата, перебирал ил, отбирал находки, сообщал на поверхность их количество и местоположение, складывал в ящик, затем заборным шлангом гидроэжектора удалял просмотренный ил из раскопа. После извлечения на поверхность ящики с находками получали этикетки с номерами квадратов и поступали на камеральную обработку.

Рис. 5. Подъем находок

Такая методика доказала свою результативность, но фотосъемка оказалась крайне затруднена: прозрачность воды не превышала 0,4–0,5 м, а расчищенные участки раскопов сразу же заполнялись плотной взвесью, мешавшей фиксировать стратиграфию.

Расчистка раскопов №№ 6 и 9 в центральной части ОАН началась в июле 2015 г. Квадраты расчищались по пластам толщиной 20 см, с фиксацией глубины залегания находок. Это привело к неожиданному результату: в слое ила мощностью до 0,9 м по всей его высоте оказались перемешаны археологические предметы разных хронологических периодов и изделия производства 1950–1970-х гг. (стеклянная тара, металлические и пластмассовые детали, провода и шланги) (рис. 5–7). В некоторых квадратах при расчистке отмечены плотные протяженные линзы мощностью 10–15 см, состоящие из мелких камней, ракушек, археологических предметов и изделий XX в. Хотя было очевидно, что проваливание находок через эти линзы невозможно, множество изделий XX в. выявлено и под ними. Поскольку выявленная в раскопах стратиграфия нехарактерна для культурных напластований, было признано, что перемешанный слой оказался на дне у мыса Ак-Бурун в результате перемещения донных отложений, извлеченных из участков своего естественного формирования при дноуглубительных работах в Керченской бухте.

Для выяснения допустимости экстраполяции выводов, сделанных по результатам расчистки раскопов №№ 6 и 9, на всю площадь ОАН «Бухта Ак-Бурун», в предполагаемых границах скопления проведено акустическое профилирование донных отложений. Анализ результатов съемки, выполненной профилографом SeaKing Parametric SBP

Рис. 6. Первичная очистка находок

Рис. 7. Находки из перемешанного слоя

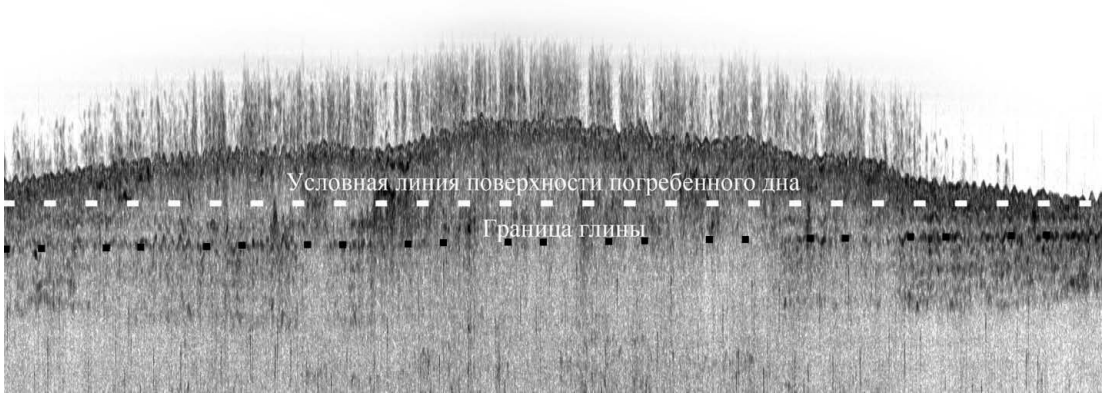

Рис. 8. Профиль насыпи, сформированной оплывшими конусами сбросов донных отложений

(Tritech International Ltd., Великобритания) показал, что естественная поверхность дна в границах ОАН перекрыта обширной насыпью, сформированной множеством оплывших и растянутых по дну конусообразных останцев (рис. 8). Вероятно, они образовались в результате множества локальных сбросов грунта, верхушки которых постепенно оплыли под воздействием штормов. По данным профилирования, ныне мощность насыпи над естественной поверхностью дна не превышает 1 м, что подтверждается результатами расчистки раскопов №№ 6 и 9. Хотя результаты профилирования подтвердили перемешанный характер слоя на всей площади ОАН «Бухта Ак-Бурун», расчистка остальных раскопов продолжена по квадратам 1×1 м, но без послойной фиксации, для дополнительной верификации результатов акустического зондирования и отслеживания плотности расположения находок в насыпи.

В июле-декабре 2015 г. исследованы 16 участков дна общей площадью 1200 кв. м. В результате обработки значительной части из более чем 20 тысяч находок оказалось, что их состав типологически близок и отличается лишь плотностью расположения: от 0 до 100 предметов на кв. м.

В качестве характерного и репрезентативного приведен состав находок с раскопа № 8, расположенного вблизи геометрического центра скопления. Определения керамики выполнены коллективом специалистов под руководством А. В. Куликова. Для демонстрации плотности расположения находок в раскопе приведена статистика по секторам (табл. 1).

Обработка находок сезона 2015 г. продолжается, но уже можно сделать ряд выводов.

Хотя в результате перемещения донных отложений находки оказались фактически депаспортизованы, они продолжают представлять значительный научный интерес. Обнаруженная керамика демонстрирует весь спектр торговых связей Пантикапея с VI в. до н. э. до III вв. н. э. Коллекция профильных частей амфор и клейм включает изделия практически всех причерноморских и средиземноморских центров, связанных в это время с боспорской столицей. Состав керамического комплекса своеобразен – почти полностью отсутствуют находки, характерные для местных сухопутных памятников: лепная керамика, керамические грузила, терракота, курильницы, металлические и костяные

Таблица 1.

Тип находки / Место находки – сектор	С. 1, фр-в	С. 2, фр-в	С. 3, фр-в	Всего фр-в
Строительная керамика:	**3**	**6**	**3**	**12**
Керамиды красноглиняные IV–II вв. до н. э.	2	3	-	5
Калиптеры неопределенного центра	-	-	1	1
Черепица южнопонтийская IV–II вв. до н. э.	-	2	2	4
Черепица красноглиняная XIX в. н. э.	1	1	-	2
Пифосы	**-**	**-**	**4**	**4**
Амфоры:	**459**	**419**	**602**	**1480**
Амфоры самосские конца VII – IV в. до н. э.	1	-	1	2
Амфоры хиосские последней четверти VI – IV в. до н. э.	49	51	73	173
Амфоры милетские 2-й пол. VI – 1-й пол. IV в. до н. э.	2	1	-	3
Амфоры клазоменские 2-й пол. VI в. до н. э.	-	-	1	1
Амфоры пепаретские IV в. до н. э.	2	-	-	2
Амфоры мендейские 2-й пол. V – III в. до н. э.	16	23	30	69
Амфоры протофасосские последней трети VI в. до н. э.	1	-	-	1
Амфоры фасосские IV–III вв. до н. э.	71	67	83	221
Амфоры круга Фасоса IV–III вв. до н. э.	1	-	10	11
Амфоры косские IV–II вв. до н. э.	21	35	50	106
Амфоры книдские IV–III вв. до н. э.	60	21	81	162
Амфоры гераклейские IV–III вв. до н. э.	53	42	30	125
Амфоры синопские IV–III вв. до н. э.	62	47	40	149
Амфоры южнопонтийские IV–III вв. до н. э.	7	-	10	17
Амфоры родосские III–II вв. до н. э.	72	88	132	292
Амфоры южнопонтийские I в. до н. э. – II в. н. э.	1	1	-	2
Амфоры колхидские II в. до н. э. – II в. н. э.	1	10	21	32
Амфоры псевдокосские I в. до н. э. – I в. н. э.	-	-	1	1
Амфоры синопские I–III вв. н. э.	-	-	1	1
Амфоры южнопонтийские II–III вв. н. э.	-	-	3	3
Амфоры боспорские II–III вв. н. э.	2	11	12	25
Амфоры гераклейские тип D по Шелову III в. н. э.	-	-	3	3
Амфоры «причерноморского» типа VIII–XI вв. н. э.	1	1	-	2
Амфоры неопределенных центров IV–III вв. до н. э.	31	16	12	59
Амфоры неопределенных центров II вв. до н. э. – I в. н. э.	5	-	-	5
Амфоры неопределенных центров II–III в. н. э.	-	5	8	13
Чернолаковая керамика:	**10**	**13**	**30**	**53**
Миски, тарелки, блюда, кубки, канфары, скифосы IV–II вв. до н. э.	6	13	29	48
Миски II–I вв. до н. э.	4	-	-	4
Кувшины IV–III вв. до н. э.	-	-	1	1
Краснолаковая керамика:	**22**	**27**	**9**	**58**
Чаши мегарские III–I вв. до н. э.	3	-	3	6
Миски, тарелки и кубки II в. до н. э. – I в. н. э.	19	26	6	51
Кувшины II в. до н. э. – I в. н. э.	-	1	-	1
Поливная керамика:	**1**	**-**	**-**	**1**
Миски XVIII–XIX вв.	1	-	-	1
Простая гончарная посуда:	**69**	**114**	**108**	**291**
Кувшины	55	95	74	224

Тип находки / Место находки – сектор	С. 1, фр-в	С. 2, фр-в	С. 3, фр-в	Всего фр-в
Кувшины и кубки с росписью II в. до н. э. – I в. н. э.	-	2	-	2
Ойнохои	1	1	-	2
Лагиносы	1	1	3	5
Лекифы IV–II вв. до н. э.	1	-	1	2
Флаконы (унгвентарии) III–I вв. до н. э.	2	1	-	3
Миски, блюда, кубки	1	-	9	10
Блюда рыбные сероглиняные II–I вв. до н. э.	1	4	-	5
Миски чернолощеные II–I вв. до н. э.	4	-	-	4
Сосуды неопределенного типа	3	10	21	34
Кухонная керамика:	**75**	**72**	**80**	**227**
Горшки и корчаги	23	21	23	67
Сосуды закрытого типа	2	-	5	7
Кастрюли и котлы	28	19	39	86
Сковороды	-	-	3	3
Сосудов неопределенного типа	22	32	10	64
Лутерии:	**4**	**6**	**2**	**12**
Лутерии красноглиняные IV–III вв. до н. э.	3	2	1	6
Лутерии синопские IV–III вв. до н. э.	1	4	-	5
Лутерии синопские II в. до н. э. – II в. н. э.	-	-	1	1
Крышки	**6**	**3**	**9**	**18**
Кости животных	**19**	**28**	**27**	**74**
Пластины свинцовые со сквозными отверстиями	**-**	**2**	**1**	**3**
Изделия из кости	**-**	**-**	**2**	**2**
Предметы XX в. (стеклянные бутылки, банки и флаконы, провода, электроустановочные изделия, шланги и т.п.)	**6**	**3**	**4**	**13**
Всего находок	**674**	**693**	**881**	**2248**

изделия, что вполне объясняется формированием скопления у причалов либо на прибрежной якорной стоянке. Косвенно подтверждают принадлежность некоторых находок к судовому камбузу 6 фрагментов столовой посуды, на которые нанесены граффити с изображением якорей. Значительная часть керамики представлена крупными и особо крупными фрагментами, что свидетельствует о практике утилизации в море разбитых при перевозке сосудов. Значительная часть фрагментов амфорной тары осмолена.

Период перемещения донных отложений к Минному пирсу Керченской крепости на основе анализа представительной выборки стеклотары можно определить как середину 1970-х гг. Исходное местоположение керамического скопления возможно определить благодаря выборке специфических находок – фрагментов сервизов с символикой ВМФ СССР производства 1960-х гг., шильдиков от орудийных систем и судового оборудования. По всей вероятности, донные отложения изъяты из района стоянки кораблей ЧФ СССР в Генуэзской гавани Керчи, с северной стороны Генуэзского мола. По некоторым данным, дноуглубительные работы в Генуэзской бухте были организованы командованием Керченско-Феодосийской военно-морской базы, на что указывают 2 обстоятельства: извлеченный ил сброшен в море не в специально предназначенных для этого глубоководных участках Керченского пролива, а на мелководье; Керченская крепость на мысе Ак-Бурун в 1970-е гг. являлась складом имущества Черноморского флота,

и прилегающая к Минному пирсу акватория находилась под постоянным наблюдением. Таким образом, систематический сброс перемещенного грунта в этой акватории мог осуществляться только с разрешения руководства КФВМБ.

В 2016 г. в границах ОАН «Бухта Ак-Бурун» запланировано продолжение спасательных подводных раскопок на участках под основные опоры мостового перехода Керчь-Тамань.

Список литературы

Федосеев Н. Ф. Граффити Боспора из-под воды //Древности Боспора. Вып. 13. М., 2009.

Summary

S. V. Olkhovskiy, A. V. Stepanov
Rescue underwater excavationson CHO «Bay Ak-Burun» in 2015

In 2014 during preliminary survey of the construction area of the bridge Kerch-Taman large accumulation of archaeological finds was found on the sea bottom. Total distribution area of ancient pottery was defined as 50,000 square meters. This ceramic accumulation was registered as CHO «Bay Ak-Burun». Main task for rescue underwater excavations in 2015 was exploration of 16 plots of sea bottom, projected for the temporary bridge supports. During the excavation of the first plots it became apparent that the archaeological finds doesn't preserved here in situ, but were moved from another area of the Kerch Bay. It became apparent that the finds have been moved to Ak-Burun area in the 1970s, during dredging in the ancient harbor of Panticapaeum. As a result, 1200 sq. m were excavated in 2015. 20000 items demonstrates a wide range of trade relations of Panticapaeum from VI cent. BC till III cent. AD.

И. В. Рукавишникова*, М. Ю. Меньшиков,**
И. И. Воробьев*, И. А. Воронков******
*(*Институт Археологии РАН, Москва;*
***ООО «Столичное археологическое бюро», Москва;*
****НПО Южархеология, г. Ростов-на-Дону;*
*****Московский государственный университет)*

Новый античный памятник сельской округи древней Горгиппии, публикация материалов

В сентябре 2015 г. археологический отряд ИА РАН провёл раскопки кургана «Роза Люксембург» – 4 в районе города-курорта Анапы (рис. 1). Он находился в 1,3 км к юго-юго-востоку от ул. Розы Люксембург в поселке Юровка. Рядом с поселком и далее, близ станицы Гостагаевская и посёлка Вестник, известно несколько поселений и могильников античного и более раннего времени. Так, в 2011 г., здесь А. В. Ивановым и М. А. Коваленко был раскопан один из курганов (№ 2) могильника «Роза Люксембург» – 1, содержавший погребения бронзового века, античный склеп и средневековые объекты. Курган № 4, как и могильник «Роза Люксембург-1», расположен на водоразделе – пологой возвышенности б. Шкуратка и б. Уташ, в южной части пахотного поля, к северу от лесополосы, протянувшейся с запада на восток. Насыпь кургана полностью распахана (рис. 1). По данным разведки 2014 г. памятник представлял собой возвышение диаметром 40 м, высотой всего 0,3 м. Почвенный слой в этом месте (мощностью до 2 м), перепаханный в верхней части, ниже содержал включения гидрокарбонатов от промывов воды, а также камни размытых построек. В ходе исследований выяснилось, что с этим местом связаны сооружения и погребальные комплексы двух хронологических периодов (рис. 1, *3*). Подъемный материал в районе кургана, датируемый IV–I вв. до н. э. (рис. 2–3 и 4–5), планиграфически и стратиграфически связан с *Сооружениями* №№ 1 и 2 и тоже может быть поделён на две хронологические группы. В основном это фрагменты амфор IV–II вв. до н. э., а также обломки мисок, кувшинов, тонкостенной в том числе и чёрнолаковой (рыбные блюда, канфар (ручки), чашечки-солонки) посуды. Встречено несколько стенок пифосов, лутерия, кусок плинфы (комплекс № 5: рис. 5, *2*), «выплески» металлов, железные стержневидные предметы (пироны для крепления камней?), ножевая пластина, скопление трёхлопастных железных наконечников стрел с длинными втулками (рис. 4).

Если фрагменты чёрнолаковых сосудов (рис. 2, *2*; 3) датируются позднеклассическим – раннеэллинистическим временем, то часть бальзамария – II–I вв. до н. э. (рис. 3).

На севере площади раскопа встречены и обломки средневековых сосудов (рис. 3). Отметим особо ручки синопской и фасосской амфор с клеймами (рис. 3; №№ 28–29).[1]

В толще насыпи, главным образом, в западной её части, с верхнего уровня встречались мелкие камни (известняк и ракушечник). При разборе насыпи было расчищено несколько объектов из крупных блоков местного известняка и три скопления камней, из которых два оказались развалинами древних построек, одно – разрушенным закладом погребального комплекса. Кроме того, в насыпи зафиксированы развалы сосудов, относившихся к первому из упомянутых периодов (рис. 2, *1–4*): сероглиняная миска «меотского» типа с намеренно вырезанным сливом (тесто плотное, с песком и мелкими железистыми включениями в качестве примесей) (рис. 2, *2)*; фрагмент амфоры и чёрнолакового расписного сосуда – комплекс № 1 (рис. 2, *4*); развалы нескольких амфор и кувшина – комплекс № 2 (возможно, сброс керамики после совершения ритуалов) (рис. 2, *5*); горло родосской амфоры [Монахов, 2003, с. 121–122, табл. 85] первой трети III в. до н. э., лежавшее на боку (рис. 2, *2*), возможно, вторичное использованное в ритуальной практике. В комплекс № 1 помимо обломков амфоры входил железный стержень и фрагменты расписной чёрнолаковой посуды [аналогии: Толстиков, 2006, с. 289, 315, рис. 8, *2*]. Эти предметы были расчищены на одном уровне и вокруг них зафиксирована прокаленная глина.

Комплекс № 2 представлял собой развалы амфор, кувшина, фрагменты тонкостенных сосудов и некоего железного предмета. Вблизи также зафиксированы растащенные плугом крупные обломки керамики. Представлены амфоры Хиоса, Фасоса, Книда, Менды и неустановленных центров второй половины IV- первой трети III вв. до н. э. Восточнее в насыпи был обнаружен каменный алтарь – эсхара, состоявший из трех плит (две – имели квадратные отверстия), лежавших наклонно к юго-западу (рис. 2, *1*; 5, *3*). В одной из плит отверстие было заткнуто каменной «пирамидальной» пробкой. Подобные алтари встречаются на Боспоре как на ритуально – сакральных объектах, так и вблизи или даже над погребальными комплексами [Масленников, 2007, с. 64]. (Близкая ситуация представлена на плане упомянутого кургана 2, раскопанного А. И. Иванова, где поминальные и ритуальные сооружения зафиксированы в комплексе с разрушенным склепом.)

Ко второму периоду бытования памятника относятся 10 погребений, содержавших ингумации[2], а также отдельные крупные камни, рядом с которыми были найдены кости и несколько предметов (комплекс 4, рис. 6, *4*) (рис. 6–8). Все погребения были расположены как бы по кругу холма насыпи. При этом зона наибольшего нарушения насыпи (большая грабительская яма в центре) была связана сначала с разрушением *Сооружения* № 1 и совершением некоторых погребений, в которых были использованы плиты от этой конструкции (погребения 5, 8 – рис. 6, *5*; рис. 8, *1*). Возможно, с ним же связаны комплекс № 4, пустая яма № 1 и разрушенная каменная выкладка (№ 1). В восточной части ямы было расчищено пятно прокаленной и утоптанной глины с фрагментом венчика

[1] Авторы выражают благодарность за соответствующие консультации к. и. н. Г. А. Ломтадзе, а за определения клейм – к. и. н. Н. Ф. Федосееву.

[2] Антропологические определения С. Ю. Фризен.

сероглиняной миски (рис. 1, *3*). Под каменным блоком комплекса № 4 (рис. 6, *4*) также было зафиксировано пятно прокала и золы, а рядом найдены обломки керамики, железного копья, стрел и бронзовая фибула с двусторонней железной пружиной (рис. 6, *3–4*).

Теперь приведём описание и предварительную реконструкцию раскопанных объектов. (См. объемные чертежи – рисунки 1 и 2.) Основным основанием для их датировки служат керамические находки in situ. *(На рисунке 1, 3 представлены все исследованные объекты с отметками глубин. На рисунке 2, 1 показаны комплексы первого периода появления некрополя. Измерение глубины проводилось от центрального репера – точки R0 на плане).*

Первый объект это *Сооружение* № 2, представлявшее собой остатки фундамента некоей кладки из рваного камня, вытянутой по оси почти запад-восток (рис. 5). Рядом располагались объекты в юго-восточном секторе кургана: погребение № 2 (абс. отметки глубин: от -16 см до -45 см) и связанные с ним развалы керамических сосудов. *(Сооружение № 2 размером 5×1,2 м находилось т.о. на линии северной бровки, в 7 м от центра насыпи и на расстоянии от 2 м до 8 м от оси север-юг.)* С юга кладка состояла из двух рядов плит. С севера – сооружение было частично разобрано. В восточной части, где фас стены состоял также из двух рядов мелких и крупных камней, расчищена подквадратная часть выкладки. Таким образом, перед нами двухступенчатый фундамент какого – то полуразобранного сооружения. Вокруг него и над ним в слое пахоты, как уже писалось, были найдены обломки и целые развалы различных сосудов (рис. 5, 3), биконическое пряслице и кость животного. На уровне верха выкладки (в юго-западной части) также расчищены развалы амфорной тары, керамическое биконическое пряслице, металлический шлак, фрагменты чёрнолаковых сосудов. Среди них – упомянутые выше ручки фасосской (310–300 гг. до н.э.) и синопской (310 г. до н.э.) амфор с клеймами (рис. 3). В западной части конструкции отмечены следы угля. Возможно, это сооружение имело культовый характер (было ритуальной площадкой, алтарём?) с сопровождавшем его керамическим сбросом.

Погребение № 2 было расположено выше (к западу) от только что описанного сооружения (рис. 5, *2*). Так как оно было сильно разрушено (от скелета сохранились кости ног в сочленении), сложно судить о синхронности и связи этих двух объектов.

Находки близ *Сооружения* № 2, как будто бы, не указывают на его погребальный характер. Под ним, после разборки камней и плит, ничего, достойного внимания, не обнаружено. Камни были уложены на выровненную грунтовую площадку без какой-либо подсыпки. Следы связующего раствора отсутствовали.

Каменная выкладка № 1 (рис. 1, *1*), зафиксированная в западной части насыпи на разных глубинах (абс. отм. от -65 см до -121 см), на расстоянии от 3,5 м до 5 м к северу и 7–9 м к западу от центральной (север-юг) оси кургана, состояла из развала каменной конструкции двух уровней. Верхний – это один кубический блок и мелкий рваный камень. Нижний – крупные плиты-блоки, рядом с которыми были обнаружены неопределяемые фрагменты человеческих костей.

Сооружение № 1 (рис. 4) в разрушенном виде представляло собой аморфный каменный завал, располагавшийся от 5 м до 12 м к западу и от 5 м до 13 м к северу от центра курганной насыпи. Общая площадь его около 48 кв.м. На уровне «подошвы» разобранной насыпи были зафиксированы кости животных (лошади и козы), фрагменты (в том

числе ножки) синопских амфор и дно кувшина (рис. 4, *1–3*). В верхней части насыпи также встречались обломки амфорной керамики, пифоса, мисок и кувшинов, в том числе и средневекового (рис. 3, пм.).

После разбора каменного завала было выявлено само *Сооружение* № 1 (рис. 4), построенное из обработанных известняковых блоков шириной 48–52 см, высотой 38 см и длинной 110–160 см и обломков плит, подобранных по форме. Строение было двухуровневое: первая ступень залегала на глубине по абс. отм. от -99 см до -120 см, вторая ступень – от -130 см до -186 см. Две разные по площади «платформы» были собраны строго с параллельными сторонами и прямыми углами и ориентированы по линии: северо-восток, юго-запад. Тёсаные ровные блоки уложены по краю периметра верхней платформы с северо-западной стороны. Постройка была прямоугольной в плане с максимальными размерами: 6,40×3,60 м.

Верхняя платформа, сформированная из крупных блоков, имела заложенный мелкими, аморфными по форме камнями «пол». Нижняя платформа была выложена по краю плитами в два ряда и представляла собой некий фундамент. Плиты были отёсаны только с лицевой стороны.

Блоки верхней платформы были выложены на выровненную поверхность без «подушки» фундамента или сами являлись фундаментом. Мелкие камни встречались в качестве забутовки между плитами. Наличие скрепляющего раствора не прослежено.

В процессе раскопок две плиты были найдены смещенными с первоначального места, а среди развала, возле сохранившегося уровня плит нижней ступени, обнаружена капитель колонны дорического ордера с выступом-козырьком и пазами для крепления (рис. 4, *2*). Размеры её: 28×33×19 см (высота) в широкой части. Возможно, она принадлежала колонне – пилястре. Как и блоки, капитель вытесана из местного камня – ракушечника, но более плотного.

Сверху на сооружении было найдено несколько амфорных стенок и кость животного (лошади?), а между камнями нижней платформы, в западной части – стреловидная бронзовая подвеска (рис. 4)

Согласно керамике из каменного завала, датировка этого *Сооружения*, скорее всего, IV–III вв. до н. э., и мы относим его к первому строительному периоду на данном объекте. Как и *Сооружение* № 2, оно располагалось на склоне. Конструктивно оно не похоже на склеп. Аналогий ему среди известных подкурганных конструкций Причерноморья выявить не удалось.

Другие комплексы-объекты:

Комплекс № 1 (рис. 2) располагался на уровне абс. отм. -22 см, в 2,5 м к западу и в 2,5 м к югу от центра насыпи и представлял собой развал родосской амфоры, стенки расписного чернолакового сосуда и железный стержень (?). Вокруг них зафиксирована обожжённая глина.

Комплекс № 2 (рис. 2, *5*), описанный выше, находился на уровне абс. отм. -36 см – -45 см, в 1,5 м к западу и в 5 м к югу от центра насыпи и представлен развалом нескольких сосудов (кувшинов и амфор конца IV в. до н. э.) и железным предметом (?).

Вышеупомянутый комплекс № 3 (рис. 5, *3*) был расчищен на уровне абс. отм. -11 см – -60 см, в 8 м к востоку и 4 м к югу от центра насыпи и представлял собой лежавшие по линии:

северо-запад, юго-восток три каменных квадратных блока (плиты). Под средним камнем найдена стенка амфоры. В центре двух плит (№ 1 и № 3) имелись квадратные отверстия. В первой – оно было заткнуто каменной пробкой в форме усеченной пирамиды. Камень был перевернут, т.е. пробка была обращена книзу. Размеры камней: № 1 – 40×37×12 см, размеры отверстия 8×8 см, размеры пробки: 9×5×5 см; № 2 – 63×57×15 см, диаметр углубления 8 см; № 3 – 60×60×13 см, размер отверстия: 9×9 см в утолщении 15×15 см.

Следующая стадия бытования объекта – период некрополя. Погребения, имевшие различную ориентацию, располагались, как уже писалось, по кругу от предполагаемого центра холма. У тех, которые были совершены неглубоко, контуры могильных ям не читались.

Погребение № 1 (рис. 6, *1*) находилось в 4–6 м к востоку и 2–3,5 м к северу от центра насыпи, на глубине по абс. отм.: -66 см, фактически в пахотном слое. Заполнение и яма не прослежены. Покойник приблизительно 45–55 лет лежал головой на северо-восток. Кости плохой сохранности и скелет прослежен условно. При нём найдены: кувшин гончарный, светлоглиняный на кольцевом поддоне и железный предмет. (Тесто сосуда плотное, с песком, иногда крупнозернистым, с белыми известковыми включениями.)

Погребение № 2 (рис. 5, *1*) было зафиксировано на глубине по абс. отм.: -16 см – -65 см, в 2 м к востоку от центральной оси насыпи. Границы ямы также не зафиксированы. Обломки длинных костей, вероятно, взрослой женщины находились рядом с каменными плитами. Вокруг обнаружены фрагменты керамики IV–III вв. до н. э.

Погребение № 3 (рис. 6, *3*) расчищено на глубине по абс. отметкам: -36 см, в 9 м к востоку от центра насыпи. Границы ямы не прослежены. Сохранившиеся кости безинвентарного захоронения взрослого мужчины позволяют предполагать, что оно было ориентировано головой на север.

Погребение № 4 (рис. 6, *5*) найдено на глубине по абс. отм.: -124 см – -132 см, в 8 м к востоку от оси насыпи север-юг и в 6 м к северу от центральной бровки. Границы ямы не «читались». Погребение взрослого, скорее всего, мужчины было ориентировано головой на юг, юго-восток. Кости плохой сохранности. В ногах слева стоял красноглиняный гончарный кувшин с биконическим туловом на кольцевом поддоне (рис. 6, 2, *1*). (Тесто оранжевого цвета, плотное, с мелкими железистыми включениями.) Рядом лежали железные предметы: втульчатое орудие с рубящей гранью, возможно, мотыжка; нож с костяной рукоятью (очень плохой сохранности), железный стержневидный предмет, два продолговатых оселка (один с недосверленным отверстием), абразивный подтреугольный, уплощенный камень и кусок грубо обколотого, со следами многочисленных ударов кремня, возможно, составлявший «пару» с железным стержнем. В головах лежали наконечники железного копья и дротика с узким лезвием.

Погребение № 5 (рис. 6, *5*) было расчищено между камнями, образовывавшими подобие частично разрушенного каменного ящика. Приблизительная ширина его 0,6 м. Восточная плита, вероятно, была взята из *Сооружения* № 1. Уровень залегания погребения по абс. отм.: -117 см – -124 см. Гробница находилась вблизи каменной выкладки № 1, в 4 м к западу и 3 м к северу от центра насыпи. Остатки скелета мужчины 35–45 лет были ориентированы головой на северо-восток. В голове стоял светлоглиняный, сильно заизвесткованный (ручка утрачена) кувшин на невысоком кольцевом поддоне. (Тесто оранжевого цвета, плотное с песком, иногда крупнозернистым и белыми известковыми включениями.)

Погребение № 6 (рис. 7, *1*) располагалось восточнее погребения № 5, в 5 м к северу от центра насыпи, на уровне абс. отм.: -102 см – -108 см. Границ ямы не выявлено. Кости плохой сохранности. Ориентация – восточная. В ногах слева стоял сероглиняный, лощёный кувшин на невысоком кольцевом поддоне с профилированной ручкой. (Тесто плотное, с примесью песка.) Под ним лежали фрагменты железных наконечников стрел. Между ног – колчанный крюк, также во фрагментах.

После разбора погребения и прокопки грунта были найдены: развал красноглиняного сосуда типа аска (ручка утрачена в древности) (рис. 7, *1, 8*), веретенообразный, сероглиняный бальзамарий и продолговатый оселок с отверстием.

Яма 1 (рис. 1, *2*). Вблизи центра насыпи, к северу (абс. отм.: -156 и -134) была зафиксирована овальная в плане (2,7×1,65 м) яма с рыхлым заполнением без находок.

Погребение № 7 (рис. 7, *2*). Овальное пятно ямы, вытянутое по оси: север-юг, размером 2,2×1,5 м было обнаружено на уровне абс. отм.: -162 см. В северной её части (в 2 м к западу и 2 м к северу от центра насыпи), на глубине по абс. отм. -94, -200, по тёмному грунту чётко прослеживался «квадрат» входной ямы размером: 0,85×0,63 м.

На «ступеньке» этой ямы был найден кувшинообразный сосуд с низким раструбным горлом, биконическим туловом и профилированной ручкой. Дно плоское, неровное, со следами срезания с гончарного круга. (Тесто серого цвета, плотное, пористое с песком и белыми известковыми включениями.)

На дне могилы расчищено два скелета, лежавших головами противоположно друг к другу: скелет № 1 головой на север, скелет № 2 – на юг. Среди костей ног скелета № 1 были найдены зубы и фрагменты костей скелета № 3. Скелет № 1, вероятно, принадлежал мужчине 45 лет и сохранился очень плохо. Под раздавленным черепом найден стеклянный бисер из зеленого, синего и белого стекла (3 шт.) и фрагменты длинных костей. Форма бисера: цилиндрическая, биконическая и веретенообразная.

На правой руке скелета № 2 (мужчина 25–35 лет) стояла глубокая красноглиняные миска усечённо-конической формы с слегка загнутым внутрь венчиком и кувшинчик Внутренняя сторона миски и венчик с внешней стороны покрыты красным лаком (тесто плотное, с песком и белыми известковыми включениями). Кувшин с низким широким, воронкообразным горлом и биконическим туловом имел плоское дно. Ручка профилирована неглубокой продольной бороздкой. Он был полностью покрыт красным ангобом. (Тесто оранжевого цвета, плотное, с песком, иногда крупнозернистым, и красноватыми железистыми включениями.) В районе ног костяка № 2 лежал железный предмет неясного назначения. По всей площади под бывшими телами зафиксирован органический тлен. Между костяками найдено также глиняное биконическое пряслице. Дно могилы имело абс. отм. -200 см.

Судя по расположению и разной сохранности костяков, погребальное сооружение, скорее всего, являлось склепом катакомбой.

Погребение № 8 (рис. 8, *1*). Глубина залегания: -167 см – -185 см. Располагалось в 6 м к западу и 5 м к северу от центра насыпи, в непосредственной близости от края *Сооружения* № 1. Могильная яма размером: 2,55×0,88 м была расчищена за хорошо обработанными, наклонено стоявшими каменными плитами, которые формировали заклад подбоя. Возможно, они (плиты) были взяты из этой постройки. В подбое (яма, вытянутая

по оси: север-юг; абс. отм. у дна: -180) головой на юг лежал скелет мужчины 35–45 лет средней сохранности. В ногах находились: сероглиняный бальзамарий и развал красноглиняной кружки. На камнях под закладом, слева от головы, лежал широкий листовидный железный наконечник копья. В районе груди – железная пряжка, три стеклянные бусины (зелёного, белого и коричневого цвета, рифлёные) и скопление железных трехлопастных наконечников стрел с длинными втулками. Справа от плечевой кости – колчанный крюк, справа от кисти – железный стержень.

Погребение № 9 (рис. 8, *2*) Пятно могильной ямы: 2,4×0,7 м было выявлено в материке, в 6 м к востоку и 10 м к северу от центра насыпи (абс. отм.: -167 см – -176 см). Скелет взрослой женщины (?) 35–45 лет хорошей сохранности находился в узкой яме и был ориентирован головой на северо-восток. В ногах стояли: кувшинчик, миниатюрные красноглиняная миска и сероглиняный бальзамарий. Кувшин с низким раструбным горлом, округлым туловом и плоским дном, на котором сохранились следы вращения на гончарном круге. Ручка утеряна. (Тесто оранжевого цвета, плотное, с редкими железистыми включениями и песком.) Бальзамарий имел шаровидное тулово. Красноглиняная миска усеченно-конической формы с загнутым внутрь венчиком и кольцевым поддоном. На внутренней стороне сохранились следы красного лака. (Тесто плотное, с мелкими железистыми включениями, а также песком и дресвой.)

Погребение № 10 (рис. 8, *3*). Пятно могильной ямы размером: 2,36×0,7 м было зафиксировано на уровне абс. отметок: -155 см – -177 см, рядом с *Сооружением* № 1, в 5 м к северу и 8 м к востоку от центра насыпи (абс. отм. дна -179). В ней расчищен скелет мужчины 35–45 лет, средней сохранности, лежавший головой на юго-восток. С запада от головы, у стенки могилы обнаружены три длинных узких железных наконечника копий. Справа у руки – 16 железных наконечников стрел. За головой стоял красноглиняный, гончарный плоскодонный кувшин (тесто плотное, с редкими мелкими белыми известковыми включениями и песком) и красноглиняный же с внутренним прокалом, также плоскодонный, частично фрагментированный кувшин. (Тесто рыхлое, коричневого цвета, на изломе черное.) У пояса найден железный предмет (рис. 8, *3*), возможно, фибула с двусторонней пружиной и с бронзовой обоймой на язычке.

По центру же насыпи была раскопана яма 1, вырытая в материке, со следами прокала и венчиком сероглиняной миски. Возможно, она осталась от центрального, разрушенного погребения, что фиксируется обширной воронкой грабительского раскопа. Рядом с ямой 1, выше, в пахотном горизонте был расчищен комплекс 4 – остатки разрушенного объекта с каменным блоком.

Итак, в кургане были представлены следующие типы погребальных конструкций: простые грунтовые ямы, подбои, плитовые могилы, катакомбы. Первые – существенно преобладают. В основном они содержали мужские захоронения в вытянутом на спине положении с несколько различающейся ориентацией. Сопутствующий инвентарь относится к одному периоду бытования (II–I вв. до н. э.) и общей культуре местного, эллинизованного населения.

Сам холм – курган являлся возвышенностью, на которой в IV–III вв. до н. э. были построены ритуальные каменные сооружения и совершались какие-то обряды, связанные с площадками (ступенчатыми алтарями?) для разжигания огня, эсхарами, ритуальными

сбросами керамики. Невозможно однозначно интерпретировать функцию этих построек без широких исследований окрестной территории. План раскопанного здесь ранее кургана также указывал на наличие «алтариков» вокруг античного склепа, который был возведен в насыпи бронзового века. Разные виды сакральных объектов: культовые площадки для сожжений органических приношений, эсхары, каменные и сырцовые алтари были зафиксированы также относительно недалеко, на Фанталовском п-ове. [Кузьмина, 2010]. Частое использование эсхар отмечено и на ряде памятников Крымского Приазовья этого же периода [Масленников, 2007; Журавлев Д. В., Ильина Т. А., Ломтадзе Г. А., Сударев Н. И., 2005].

Сооружения №№ 1 и 2 по целому ряду признаков не похожи на известные формы склепов Причерноморья и греческой Ойкумены, хотя исследователями отмечается разнообразие соответствующих погребально-поминальных конструкций [Крыжницкий, 1994; Масленников, 2007]. Сопутствовавшие находки также не свидетельствуют в пользу их отнесения к этой группе памятников. В сущности, нет и прямых доказательств их сакрального предназначения, хотя таковое и кажется наиболее вероятным. Отметим, что по времени, первый период бытования данного объекта связан с эпохой расцвета античной Горгиппии, да и всего Боспора [Алексеева, 1976, с. 44–51]. Найденная нами капитель, алтари-эсхары, некоторые железные предметы, сами отёсанные плиты, материал для которых происходит из ближайшего местонахождений (у с. Юровка), говорят о сложном архитектурном замысле и достаточно высоком уровне мастерства их исполнителей, чем бы эти постройки не являлись. Напомним: архитектурные детали (упрощенный дорийский антаблемент и фронтон) были в своё время засвидетельствованы в Тарасовском склепе, открытом ещё в XIX веке в окрестностях Горгиппии [Блавацкий, 1955]). Время же функционирования некрополя – следующий этап развития её сельской округи. И это место (насыпь) использовалось уже в качестве родового кладбища какого-то посёлка или усадьбы.

Список литературы

Алексеева, 1975. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.

Алексеева, 1976. Алексеева Е. М. Керамический комплекс первой половины III в. до н. э. из Горгиппии //КСИА, вып. 145. М.

Алексеева, 1997. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.

Блаватский, 1955. Блаватский В. Д. О происхождении Боспорских склепов //СА. № 14, М.

Журавлев, Ильина, Ломтадзе, Сударев, 2005. Журавлев Д. В., Ильина Т. А., Ломтадзе Г. А., Сударев Н. И. Комплекс кургана 17 (18) некрополя Кеп //Боспорский феномен. СПб.

Крыжицкий, 1994. Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев.

Кузьмина, 2010. Кузьмина Ю. Н. Эллинские святилища Боспора в VI–I вв. до н. э. (по материалам раскопок сакральных комплексов Азиатского Боспора) //Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.

Ломтадзе, 2015. Ломтадзе Г. А. Керамическая тара из раскопок поселений IV – первой трети III в до н. э. "царской хоры" Европейского Боспора //Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье) //Древности Боспора. Suppl. III. М.

Масленников, 2007. Масленников А. А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула: Гриф и К.

Монахов, 2003. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Москва-Саратов.

Сударев, 2014. Сударев Н. И. Греки и Варвары в Синдике //Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998). СПб.

Сударев, 2014. Сударев Н. И. Новые погребальные памятники Азиатского Боспора (по материалам раскопок Восточно-Боспорской Экспедиции в 2006–2008 гг.) //Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998). СПб.

Толстиков, 2006. Толстиков В. П. Новые материалы к изучению ансамбля Басилеи на акрополе Пантикапея //ДБ. Вып. 9. М.

Summary

I. V. Rukavishnikova, M. Y. Menshikov, I. I. Vorobiev, I. A. Voronkov
New antique monument of ancient rural districts Gorgippia, publication of materials

This article focuses on the new rural counties investigated monument ancient Gorgippia Rosa Luxemburg-4, investigated in 2015 during archaeological work in the area of land acquisition for construction in the area of the resort town of Anapa.

As a result of research, we can conclude that a monument to Rosa Luxemburg 4 are antique necropolis II-I centuries. BC. with ground burials to close the rite, but with a different design, perfect on the slopes around the expected peaks - hill center. Hill was the elevation, which ceremonial stone structures were constructed in the earlier period IV-III centuries BC and perform certain rituals associated with ritual sites calcined, eskhar, ritual dumping ceramics.

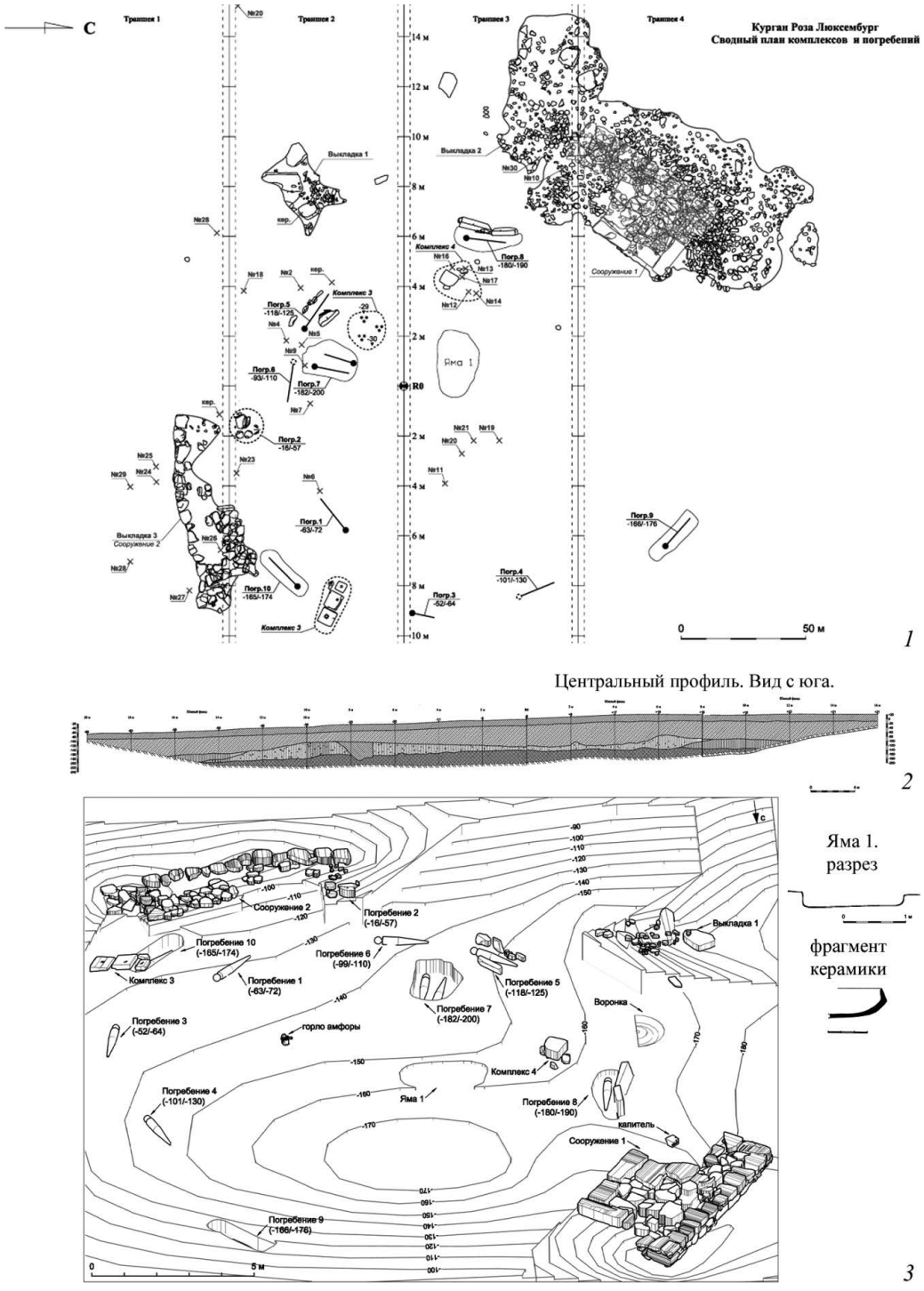

Рис. 1. *1* – план памятника Роза Люксембург-4; *2* – центральный профиль памятника; *3* – объемное представление всех объектов памятника и разрез ямы 1

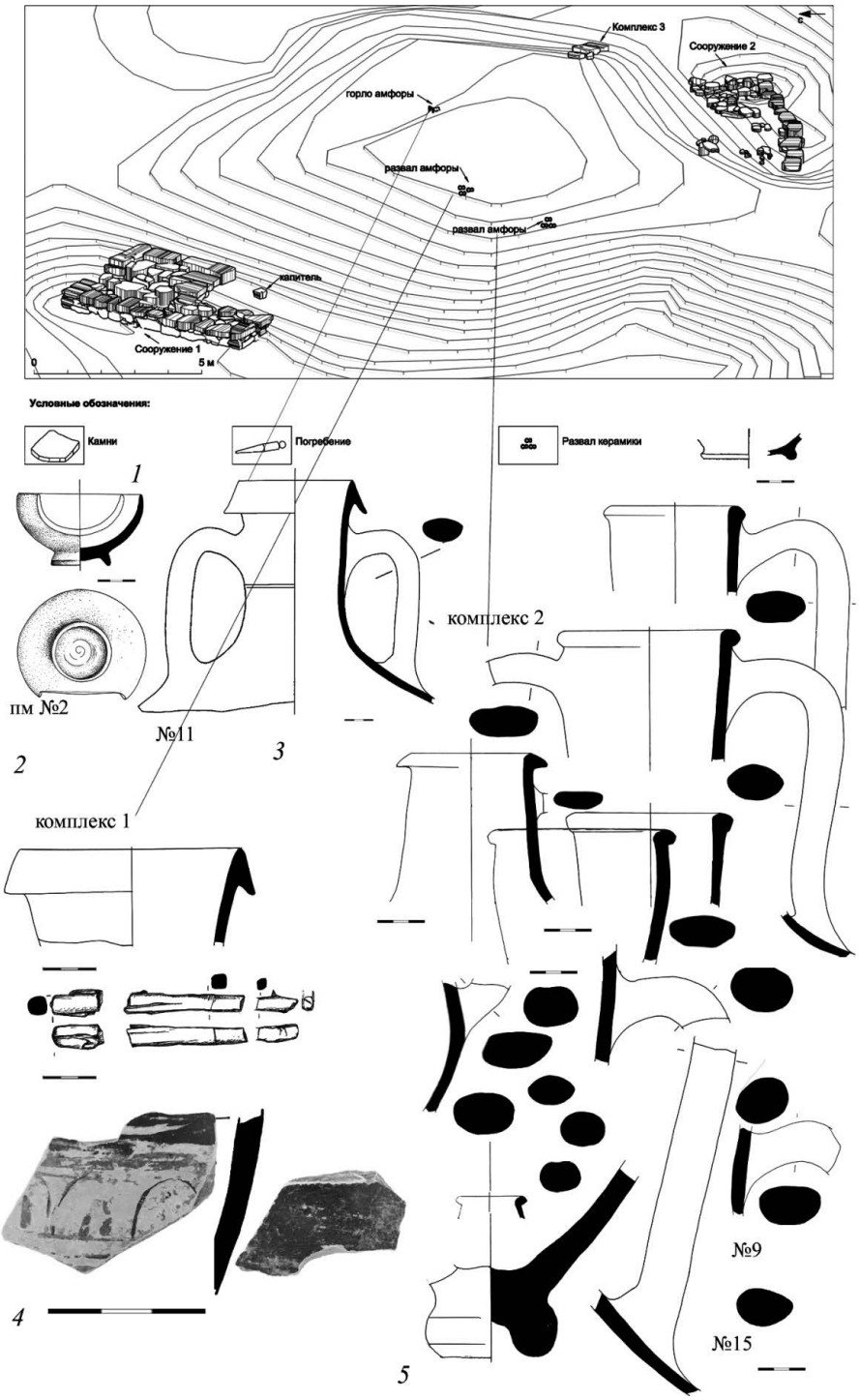

Рис. 2. *1* – объемное представление первого периода сооружений и поминальных объектов на памятнике; *2* – миска, подъемный материал, № 2; *3* – комплекс 1; *4* – горло амфоры № 11; *5* – комплекс 2

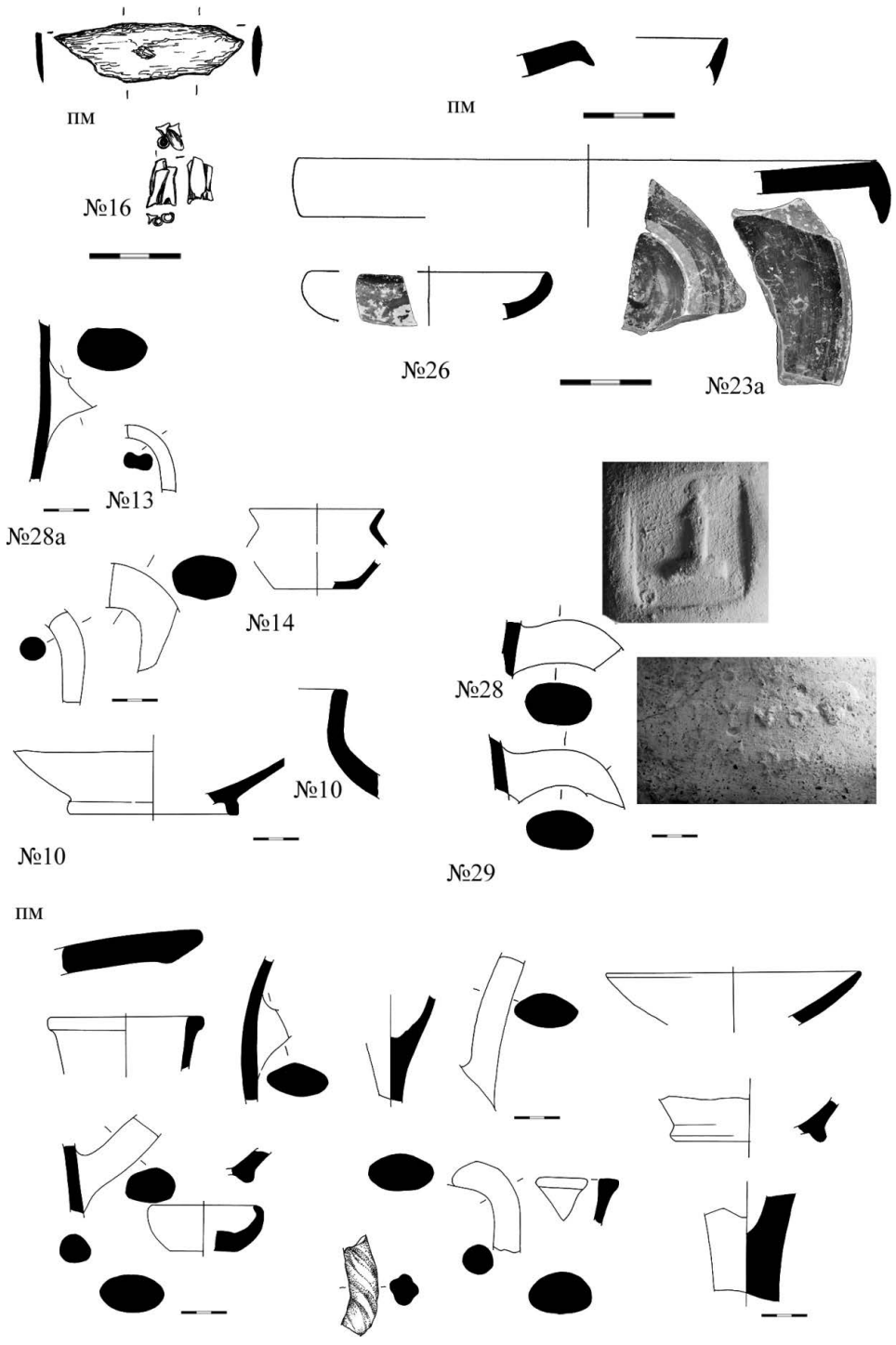

Рис. 3. *1* – подъемный материал памятника (номера указаны на общем плане)

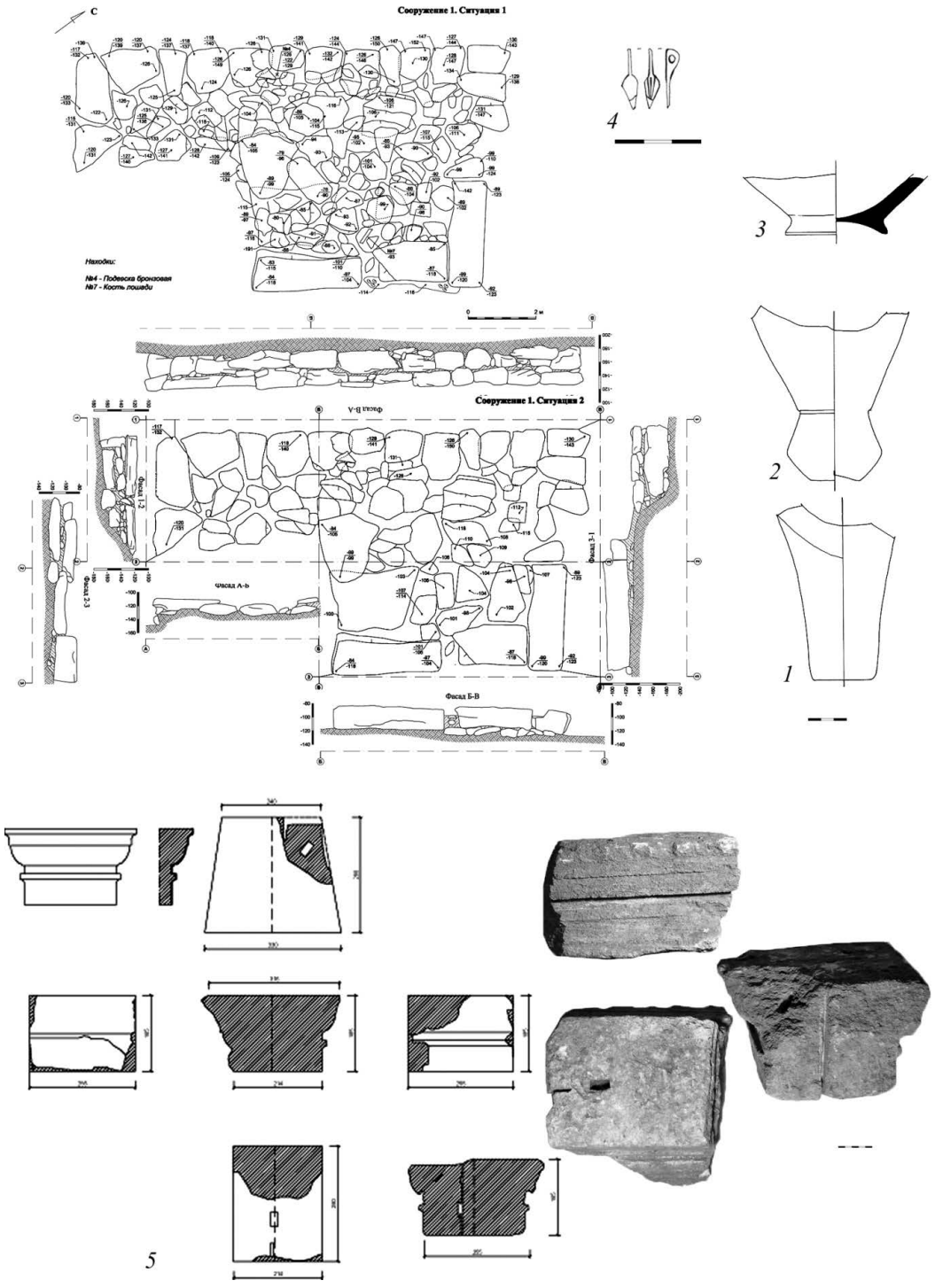

Рис. 4. План сооружения 1, список находок: *1* – донце сосуда керамического; *2–3* – ножка амфоры; *4* – подвеска бронзовая; *5* – капитель колонны сооружения 1

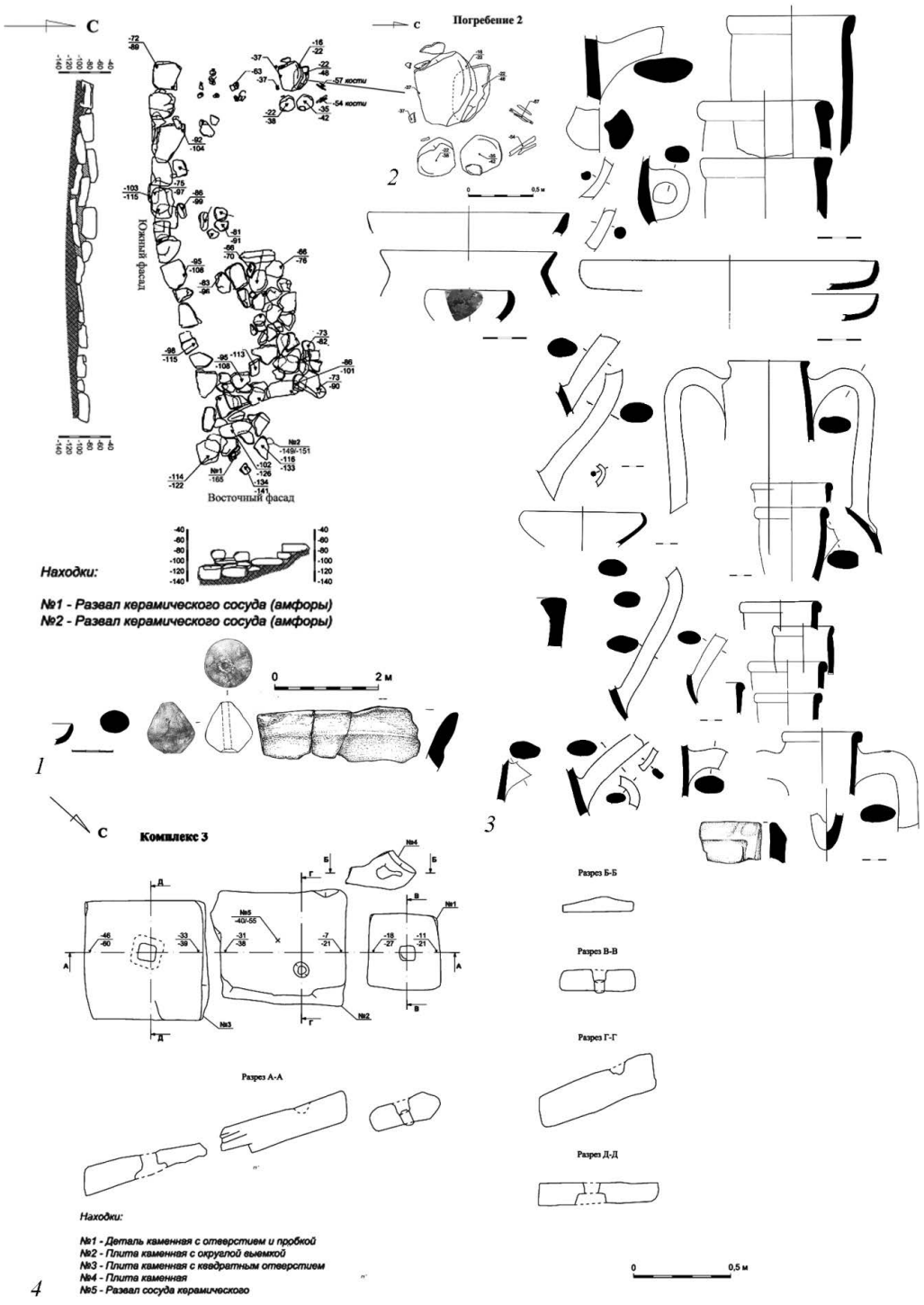

Рис. 5. *1* – план сооружения 2; *2* – погребение 2;
3 – комплекс керамики сооружения 2; *4* – комплекс 3 – «эсхара»

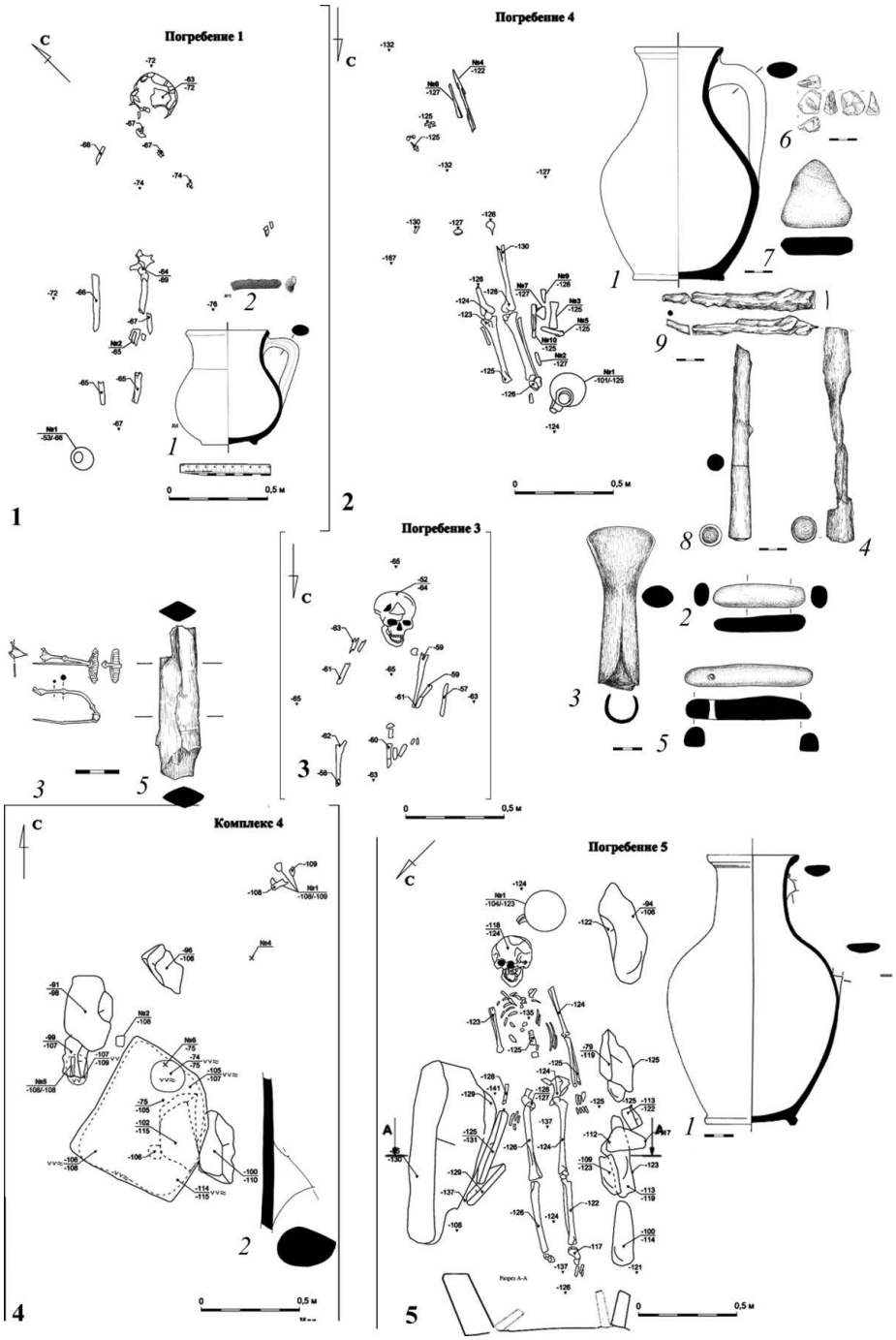

Рис. 6. **1** – погребение 1, находки: *1* – сосуд керамический, *2* – предмет железный, **2** – погребение 4, находки: *1* – сосуд керамический, *2* – оселок каменный, *3* – предмет железный, *4* – наконечник копья железный, *5* – оселок каменный, *6* – кремень, *7* – камень, *8* – наконечник дротика железный; **3** – погребение 3; **4** – комплекс 4, находки: *1* – фрагмент керамики, *2* – фрагмент амфоры, *3* – фибула бронзовая, *2* – фрагмент наконечника копья железного; **5** – Погребение 5, находки: *1* – сосуд керамический

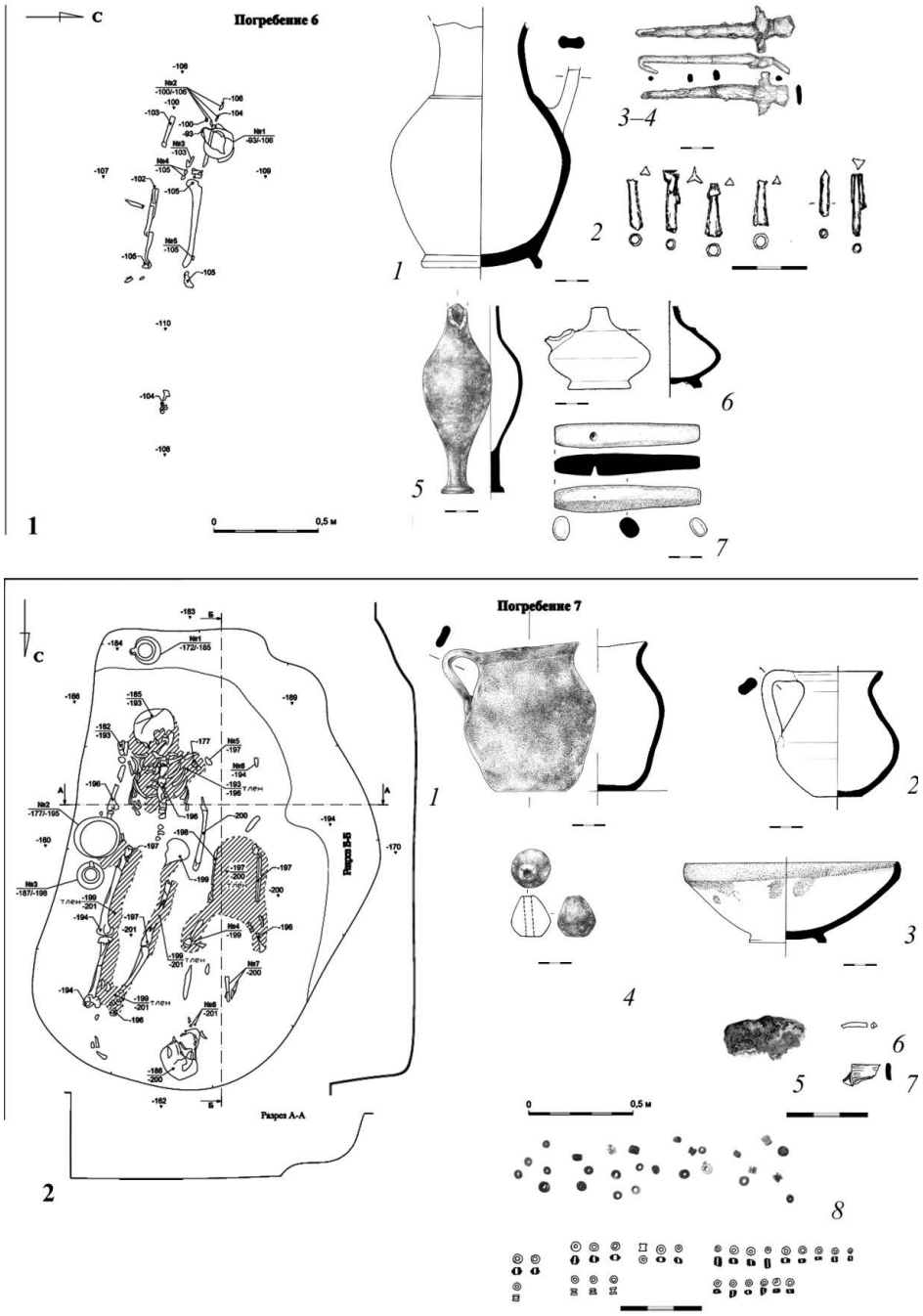

Рис. 7. **1** – погребение 6, находки: *1* – сосуд керамический, *2* – наконечники стрел фрагменты железные, *3–4* – фрагменты крюка железного, *5* – бальзамарий керамический, *6* – аск керамический, *7* – оселок каменный; **2** – погребение 7, находки: *1* – сосуд керамический, *2* – миска керамическая, *3* – сосуд керамический, *4* – пряслице керамическое, *5* – предмет железный, *6* – предмет железный, *7* – предмет железный, *8* – бисер стеклянный

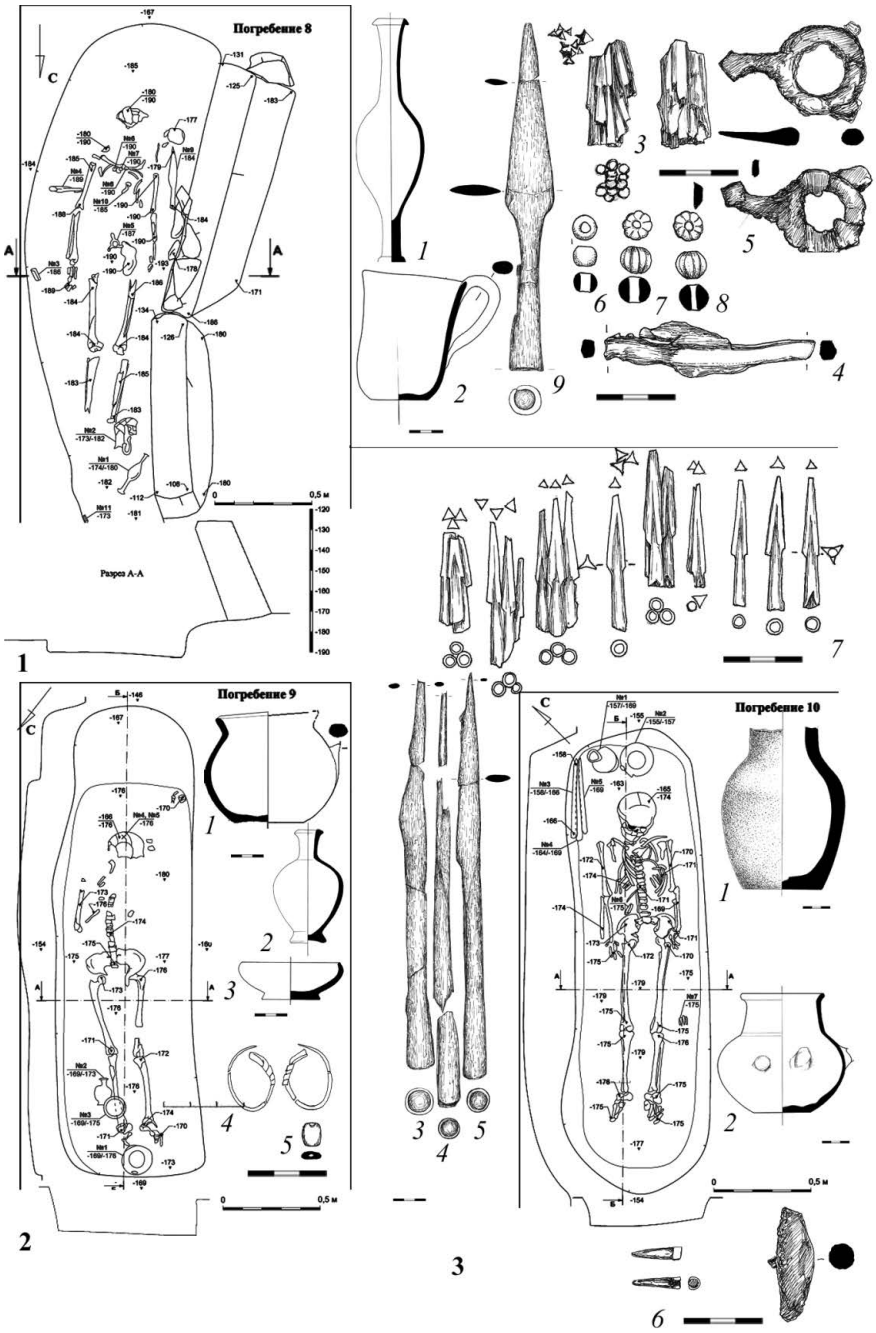

Рис. 8. **1** – погребение 8, находки: *1* – бальзамарий керамический, *2* – кружка керамическая, *3* – наконечники стрел железные, *4* – крюк железный, *5* – пряжка железная, *6* – бусина стеклянная, *7* – бусина стеклянная, *8* – бусина стеклянная, *9* – наконечник копья железный; **2** – погребение 9, находки: *1* – сосуд керамический, *2* – бальзамарий керамический, *3* – миска керамическая, *4* – серьга бронзовая, *5* – подвеска янтарная; **3** – погребение 10, находки: *1* – сосуд керамический, *2* – сосуд керамический, *3–5* – наконечники копий железные, *6* – предмет железный, *7* – наконечники стрел железные

М. В. Скржинская
(Институт истории Украины НАН Украины. Киев)

Боспорские цари и их послы в Афинах в IV–III вв. до н. э.

В научной литературе издавна уделяется большое внимание экономическим, политическим и культурным связям Боспорского царства и Афин в конце V–III вв. до н. э. [Гайдукевич, 1949, с. 64–70, 80–86; Жебелев, 1953, с. 129–133; Блаватская, 1959, с. 122–129; Брашинский, 1963, с. 121–133; Шеллов – Коведяев, 1985, с. 112–115; Яйленко, 1990, с. 293–296; Скржинская, 1998, с. 161–175 и др.]. Однако исследователи лишь бегло затрагивали тему об обмене посольствами между этими государствами и практически ничего не писали о визитах боспорских царей в Афины. В статье предлагается, насколько возможно, заполнить эту лакуну.

Основные сведения по интересующей нас теме можно почерпнуть из анализа текстов двух афинских декретов в честь боспорских царей в сочетании с некоторыми известиями древних авторов. Обе надписи хранятся в Афинском Национальном музее. Их полный текст и перевод на русский язык изданы Б. Н. Граковым (МИС. 3, 4).

Старшая надпись найдена в афинской гавани Пирее. Верх мраморной стелы венчает рельеф с изображением трех сыновей Левкона I: царей соправителей Спартока II и Перисада I и их брата Аполлония [Гайдукевич, 1949, с. 68, рис. 5]. Их лица, к сожалению, не сохранились, так что, не известно, имели ли они портретные черты. Цари представлены сидящими в кресле с высокой спинкой, а их младший брат стоит рядом. Все трое одеты в греческие плащи – гиматии, накинутые на обнаженное тело. Ниже высечен текст почетного декрета, принятого в апреле 346 г. до н. э. Из него следует, что после смерти Левкона новые цари написали письмо афинскому правительству, где подтверждались все прежние договорённости, в частности о поставках хлеба в Афины на льготных условиях. Сопоставляя эти слова с известиями Исократа (Or., XVII, 57) и Демосфена (Or., XX, 31), можно заключить, что, по воле боспорских царей, со времен правления Сатира I Афины пользовались исключительными правами беспошлинного вывоза хлеба и первоочередности при погрузке кораблей, а также возможностью торговать в кредит [Шелов-Коведяев, 1985, с. 137]. Кроме того уже к началу IV в. до н. э. были заключены договоры о взаимной выдаче преступников и об эпигамии [Жебелев, 1953, с. 192].

Письмо от двух недавно вступивших на престол царей – соправителей было отправлено с послами Сосием и Феодосием. Они, судя по дате декрета, находились в Афинах

в апреле 346 г. до н. э., то есть прибыли вскоре после того, как открывалось весеннее судоходство по Понту. Таким образом, можно заключить, что Левкон умер в конце предыдущего или в начале текущего года. В античности не существовало профессиональных дипломатов, и послов выбирали из уважаемых граждан. Назначение Сосия и Феодосия было продиктовано тем, что их хорошо знали афиняне, которым эти боспоряне у себя на родине постоянно оказывали поддержку, о чем с благодарностью сказано в декрете. Это позволяет считать, что Сосий и Феодосий имели проксенов в Афинах; ведь именно проксены выступали посредниками в отношениях приезжего с властями города. По установившейся традиции, послы вместе со своими проксенами, шли к соответствующему должностному лицу и предъявляли свои грамоты. После этого (обычно через пять дней) послов звали выступить в Совете, заседавшем в построенном на агоре здании булевтерия, или в Народном собрании на главной площади города. Там оглашали привезенные документы, обсуждали изложенные в них предложения и просьбы, а послы выступали с разъяснениями и отвечали на вопросы.

Вероятно, письмо Спартока и Перисада, подтверждавших прежние обязательства, не вызвало особых дебатов, и, как видно из декрета, было встретили с одобрением. Власти удовлетворили содержавшиеся в письме просьбы о присылке на Боспор квалифицированных афинских матросов и о возвращении кредита за поставленное зерно. Видимо, на боспорских кораблях не хватало опытных мореходов, умевших хорошо обращаться с корабельными снастями. Как ясно из декрета, Сосий и Феодосий, неоднократно встречали афинские корабли у себя на родине и оказывали услуги афинянам; поэтому можно заключить, что они знали, кого именно следует нанять боспорянам, и заранее составили список нужных им людей. Список утвердили, возможно, с какими-то поправками, а так как матросы, отправлявшиеся служить боспорянам, были афинскими гражданами, их следовало зарегистрировать у секретаря афинского Совета, о чем упомянуто в декрете. Там же выражалось напутствие матросам хорошо служить и исполнять все приказания боспорян.

Афиняне высоко оценили деятельность Сосия и Феодосия, которые помогали их землякам на Боспоре и доставили хорошие вести со своей родины. Им была оказана особая честь: приглашение на трапезу в Пританее, иными словами, для боспорян был устроен официальный прием, которого удостаивались далеко не все иностранные послы.

Весной 346 г. до н. э. Сосий и Феодосий вернулись в Пантикапей с отчетом о своей деятельности и с текстом почетного декрета, в котором говорилось о благодарности царям за намерение продолжать прежнюю политику и о предстоящем венчании Спартока и Перисада и их брата Аполлония золотыми венками на Великих Панафинеях. Праздник справляли в каждый третий год олимпиады, и как раз в это время шел третий год 108 олимпиады. Послы передали приглашение сыновьям Левкона прибыть на праздник, который проходил в конце июля – начале августа, и к этому сроку, как явствует из декрета, афиняне обязались изготовить предназначенные им венки.

В последний день Панафиней совершалась торжественная церемония награждения победителей спортивных и музыкальных агонов [Goddes and Polis, 1992, p. 15], среди которых иногда были и боспоряне [Скржинская, 2010, с. 224, 226, 228]. В число наград

входили золотые венки, имитировавшие листьев оливы, священного дерева богини, в честь которой устраивали праздник; тогда же в присутствии множества зрителей провозглашали благодарности гражданам и иностранцам, оказавшим важные услуги государству. По весу и величине венки были не одинаковыми. Самый большой венок, ценой в тысячу драхм, давали лучшему певцу, аккомпанировавшему себе на кифаре, победители в иных видах агонов получали венки, стоившие от 600 до 100 драхм. Об этом говорится в афинской надписи, современной рассматриваемому нами периоду (Syll^3. 1055). Таким образом, боспорские цари, для которых изготовлялись венки за тысячу драхм, удостаивались наиболее ценных наград.

Спарток и Перисад не были первыми царями, награжденными венком на Панафинеях; ведь на их венке, как сказано в декрете, раздатчики наград сделают уже традиционную надпись, в которой менялось лишь имя царя. Вероятно, Сатир I, при котором стали успешно развиваться экономические и политические связи с Афинами, был первым боспорским царем, получившим в награду от афинян золотой венок. Его сын Левкон, вступив на престол, отправил послов с известием о продлении договоренностей, которые имел с Афинами его отец, и в благодарность за это его венчали на Панафинеях золотым венком. Сыновья Левкона, следуя уже установившемуся правилу, сразу же сообщили афинскому правительству о продолжении прежней политики и также получили аналогичную награду.

Панафинейский венок не становился собственностью награжденного, он, по установившейся традиции, посвящал награду Афине Полиаде в её храм, описанный Павсанием (XXVII, 1). Наградные венки помещали в сокровищницу храма, где находилось множество подобных венков с надписями тех, кто их преподнес богине [Harris, 1995, p. 20]. Надпись на венках обоих боспорских царей, как сказано в декрете, была такой: «Спарток и Перисад, дети Левкона, посвятили Афине, будучи увенчаны афинским народом». Венки боспорских царей хранились на Акрополе в храме, который теперь больше известен под названием Эрехтейон. Под храмом находилась пещера, где обитала священная змея Афины; рептилия считалась олицетворением Эрихтея, мифического царя и героя, покровителя города, поэтому храм Афины Полиады и получил название Эрехтейон. Главная целла храма была посвящена Афине Полиаде (хранительнице города). Там стояла древняя деревянная статуя богини; именно для неё каждые 4 года афинские девушки ткали новый шафранного цвета пеплос с изображенными на нем сценами из мифов о богине. В шестой день праздника, считавшийся днем рождения Афины, ей подносили новое одеяние; момент этой торжественной церемонии запечатлен на фризе Парфенона [Скржинская 2010, с. 221–222]. Вероятно, после заключительного дня праздника перед древней статуей богини в Эрехтейоне проходила церемония, во время которой боспорские цари и другие эллины, оказавшие важные услуги Афинам, передавали в сокровищницу храма свои наградные венки. Этим актом завершалась официальная часть визита иностранцев, приглашенных на Панафинеи.

По-видимому, в IV–III вв. до н. э. все боспорские цари, начиная с Сатира I, присутствовали на Панафинеях, когда им в первый раз сообщали о награде. В последний восьмой день праздника глашатай объявлял боспорянам благодарность, и им публично вручали большой золотой венок. Не случайно в декрете сказано, что по венку получают

оба царя: на празднике чествовали каждого из них, а в дальнейшем провозглашение о награждении боспорских царей золотым венком звучало на каждых Великих Панафинеях, то есть, раз в четыре года. Левкон I и Перисад I, правившие не одно десятилетие, многократно удостаивались такой почести, и, скорее всего, не всегда посещали Великие Панафинеи.

Есть одно косвенное указание на то, что боспорские цари приезжали в Афины не только на этот праздник и посвящали венки в другие храмы. В инвентарных списках сокровищ Парфенона значится золотой венок весом в 189 драхм, поднесенный царем Спартоком народу Афин [Маринович, Кошеленко, 2000, с. 167]. Видимо, так было отмечено какое-то знаковое событие в отношениях двух государств.

Дорога в Афины занимала примерно неделю, что по античным меркам считалось недолгим. Ведь Агафархид во II в. до н. э., а вслед за ним Диодор Сицилийский, писали, что, считавшийся сравнительно небольшим путь из Меотиды на Родос быстроходный торговый корабль проходил за десять дней (Diod. Sic. III, 34, 7). Сочинения древних авторов позволяют представить, как шло судно, на котором приезжали в Афины боспорские цари и их послы. Античные корабли двигались главным образом вдоль берегов и останавливались в промежуточных дружественных греческих портах. Из Пантикапея сначала плыли вдоль берегов Таврики вплоть до мыса Криуметопон (Бараний лоб). Его название по очертанию больше всего подходит к Аю-Дагу, но в научной литературе также высказывалось мнение, что имеется в виду мыс Сарыч или Ай-Тодор. Между этим пунктом и лежащим против него мысом Карамбис (совр. Керемпе) проходил кратчайший путь из Северного в Южное Причерноморье; его греки освоили уже в классический период [Гайдукевич, 1969, с. 11–19]. Прохождение кораблей напрямик из Крыма к малоазийскому побережью подтверждается античными авторами, называющими расстояние между названными мысами [Подосинов, Скржинская 2011, с. 110]. Трудный для античного корабля переход по открытому морю занимал сутки (Ps. Scymn. 953); его длина составляла более 260 км. От крымского берега отплывали к концу дня и до темноты двигались, ориентируясь на пункт отправления; затем путеводителем становилась полярная звезда, которая находилась как раз по курсу судна, следовавшего прямо по меридиану, а утром уже можно было различить южный берег моря, направиться к нему и вдоль суши идти к ближайшей греческой гавани [Беренбейм, 1958, с. 201–203]. Ведь непременным условием для установившегося судоходного пути было наличие удобных гаваней в начале и конце опасного перехода через открытое море [Максимова, 1954, с. 51]. На крымском побережье таковыми были Херсонес и Балаклава, а на противоположной стороне ученые называют Гераклею или Амастрию, если корабль шел к Боспору Фракийскому, и Синопу, если мореходы отправлялись в восточные порты южного побережья Черного моря. Однако названные пункты находятся довольно далеко от мыса Карамбис. Поэтому целесообразно привлечь краткое сообщение Лукиана о его поездке на боспорском корабле; это позволяет уточнить место остановки античных судов после перехода через море. Интересующие нас сведения находятся в 57 главе памфлета «Александр или лжепророк» и являются единственным уцелевшим свидетельством очевидца, встретившего корабль, плывший по давно проложенному пути из Пантикапея к южному побережью Понта.

В 164 г. Лукиан не по своей воле оказался в небольшом местечке Эгиал, находившемся вблизи западной стороны мыса Карамбис (Strab. XII, 3, 10). Там он искал попутный корабль в Амастрию, где его ожидали жена и сын. Таким оказалось судно, на котором послы боспорского царя Тиберия Юлия Евпатора направлялись из Пантикапея в один из городов Вифинии ни южном побережье Понта. Это путешествие они совершали ежегодно, доставляя римскому представителю причитавшийся с Боспора взнос [Зубар, Скржинська, 1997]. Таким образом, можно заключить, что мореходы из античных городов Северного Причерноморья после пересечения Понта делали первую остановку в небольшом селении Эгиал, связи которого с этими государствами никак не зафиксированы; отсюда они направлялись в сторону проливов, ведущих в Средиземноморье. Если же они шли к восточной части южного побережья, то приставали в какой-то небольшой гавани к востоку от Карамбиса, например, в небольшом городе Абунотейхе, откуда Лукиана доставили в Эгиал.

Послы плыли не на попутном, а на специально предназначенном для их миссии корабле, поэтому Лукиан обратился именно к ним с просьбой отвезти его в лежащую по курсу судна Амастрию. По-видимому, так же в IV –III вв. до н. э. не попутные, а специально снаряженные корабли доставляли боспорских царей и их послов в Афины.

В декрете в честь Спартока и Перисада упомянута лишь одна важнейшая для Афин договоренность о льготных условиях поставок хлеба с Боспора. Однако сведения из речей афинских ораторов IV в. до н. э. позволяют расширить наши знания о том, какие договоры с афинянами санкционировали боспорские цари. При Левконе I, которого Демосфен назвал хозяином боспорского хлеба, товары из Афин на Боспор и с Боспора в Афины ввозились без пошлин (Dem. XX, 29–31). Это решение продолжало действовать и при Перисаде, сыне Левкона, и некоторые купцы злоупотребляли таким правом, вывозя товар якобы в Афины, а на деле – в другие полисы (Dem. XXXIV, 36). Из Афин на Боспор беспошлинно также шел большой объем импорта, в первую очередь оливковое масло и различные керамические изделия [Гайдукевич, 1949, с. 84–87]. Целые и фрагментированные афинские сосуды во множестве находят при раскопках на европейской и азиатской сторонах Боспорского царства; некоторые афинские мастерские в IV в. до н. э. производили массовые керамические изделия специально для боспорян: это так называемые боспорские пелики и рыбные блюда со сценой похищения Европы [Скржинская, 2010 а, с. 82, 135].

Древнейшие известия о тесных торговых и дипломатических контактах Боспора и Афин относятся ко времени правления царя Сатира I. Из «Банкирской речи» Исократа, написанной для боспорянина Сопеида между 394–391 гг. до н. э., известно о крупных поставках пшеницы в Афины, которые имели преимущественное право вывоза хлеба в неурожайные годы, о заключении договора о взаимной выдаче преступников и о регулировании судебных процедур, касающихся граждан обоих государств (Isocr. XVII, 1, 57; Блаватская, 1959, с. 114–128). Исполняя определенный пункт одного из договоров, Сатир отклонил просьбу рассмотреть в боспорском суде тяжбу своего соотечественника с афинским трапезитом Пасионом. В то же время для поддержки Сопеида царь передал с афинянином Ксенотимом письмо для прочтения в афинском суде; кроме того, Сатир просил афинских навклеров помочь своему подданному. Таким образом, мы узнаем,

что царь лично знал некоторых афинян, приезжавших на Боспор, и вел официальную переписку с дружественным государством.

Сын Сатира Левкон продолжал соблюдать заключенные на рубеже V–IV вв. до н. э. договоры, но был момент, когда исполнение некоторых соглашений стояло под угрозой ликвидации. Из-за финансовых трудностей в 355 г. до н. э. афиняне намеревались лишить права беспошлинной торговли всех, кроме потомков Гармодия и Аристогитона. Демосфен в речи против Лептина, инициатора этого предложения, доказывал, что такой закон в отношении Левкона не выгоден Афинам, потому что может привести к сокращению поставок хлеба или к удорожанию его цены. По-видимому, Демосфен сумел убедить афинян не менять ранее установившиеся соглашения, и взаимная ателия ещё долго оставались неизменной. Об этом косвенно свидетельствуют известия рассмотренной выше надписи о существовании стел с декретами в честь Сатира и Левкона, которые продолжали стоять на почетном месте после смерти этих царей (МИС. 3). Тексты соглашений, заключенных с боспорскими царями, хранились в афинском архиве и, по просьбе Демосфена, соответствующие документы были прочитаны в суде (XX, 31, 35).

Вероятно, при Левконе прежние обязательства получили новые, важные для Афин дополнения, так как стелы с декретом об ателии и других договоренностях с Левконом поставили в трех местах: в афинской гавани Пирее, на Боспоре и в местечке Гиерон на азиатском берегу Боспора Фракийского (Dem. XX, 37). Здесь у храма Зевса Урия приставали все суда, плывшие в Чёрное море, и там ставили стелы с копиями декретов, которые было важно знать всем плывущим в Понт. При раскопках в этом месте археологи нашли много надписей, в частности декрет о деньгах и их обмене в Ольвии на местные монеты (IOSPE I^2. 24). Хотя упомянутые Демосфеном стелы не обнаружены ни в одном из названных оратором мест, декрет в честь сыновей Левкона даёт представление о содержании начертанного на них текста.

Второй интересующий нас афинский декрет (IG II^2. 653; МИС. 4) издан в последние годы царствования Спартока, которого обычно называют третьим. По мнению В. П. Яйленко [1990, с. 307], он был четвертым царем, носившим такое имя. Б. Н. Граков датировал декрет февралем 288 г. до н. э. (МИС. с. 242), а Х. Хайнен [1999, с. 159] – началом 284 г. до н. э. Так как возвращение свободы Афин после македонской оккупации произошло, как пишет Х. Хайнен, в 287 г. до н. э., то кажется странным, что сведения об этом столь долго шли на Боспор, если датировать документ 284 г.

В самом начале декрета говорится, что предки царя Спартока оказывали услуги афинскому народу, и царь продолжил эту политику. За это афинский народ «сделал их гражданами и почтил медными статуями на площади и в порту и другими дарами, какими принято почитать доблестных мужей». В числе подобных наград следует подразумевать золотые венки на Панафинеях, дарование афинского гражданства и постановку статуй чествуемых лиц. О том, что в Афинах стояли статуи боспорских царей Перисада и его сына Сатира II известно также по упоминанию Динарха (I, 46), а о том, что Левкон был афинским гражданином говорил Демосфен (XX, 30).

Декрет с решением о наградах Спартоку издан в благодарность царю за его подарок 15 000 медимнов хлеба после того как он с радостью услышал от афинских послов о том,

что их город в борьбе с македонским владычеством вернул себе свободу. По тексту этой надписи видно, что афиняне высоко ценили давние дружеские отношения с Боспором, несмотря на то, что он к III в. до н. э. утерял свое первенствующее положение в поставках хлеба в Афины. Как справедливо заметил Х. Хайнен [1999, с. 164], «Спартокиды в коллективной памяти Афин продолжали играть особую роль как традиционные «кормильцы» города».

Б. Н. Граков (МИС, с. 242), а вслед за ним И. Б. Брашинский [1963, с. 155] усматривали в содержании надписи некоторое заискивание перед боспорским царем, в сотрудничестве с которым афиняне были чрезвычайно заинтересованы. Свой вывод ученые обосновывали в основном тем, что раньше боспоряне сами отправляли послов в Афины, а теперь к царю едут афинские послы с известием о награде монарху. Думается, что для такого вывода нет достаточных оснований, так как в III в. до н. э. ведущую роль в поставках пшеницы стал играть Египет, а других серьезных интересов, связанных с отдаленным государством на северных берегах Понта, у афинян не было. Они относились к Боспору, как к давнему надежному партнеру и союзнику, о благодеяниях которого афиняне всегда помнили. Недаром в городе в это время стояли стелы с декретами в честь многих боспорских царей, напоминая о длившейся более столетия истории взаимоотношений двух государств.

Пантикапей вошел в число городов, куда афиняне отправили послов с известием об обретении независимости от македонян, а затем другие послы извещали о благодарности за подарок пшеницы и о наградах глав этих государств. Об этом свидетельствует наряду с рассматриваемой надписью декрет в честь Автоледонта (IG II^{2}654), царя, Пеонии на севере Балкан. Этого царя, как и Спартока, венчали на Дионисиях золотым венком и наградили статуей, хотя его дар хлеба был вдвое меньше боспорского.

Декрет Спартока издан через много лет после начала его правления. Поэтому, исходя из слов о преемственности политики царя от его предков, есть все основания считать, что вскоре после вступления на престол в 304 г. до н. э. Спарток, как и его предшественники, отправил послов в Аттику с уверением о продолжении прежней политики Боспора в отношении Афин. Вероятно, афиняне по установившейся традиции увенчали Спартока золотым венком на Панафинеях и дали ему те же привилегии, которыми пользовались его предки, в частности права афинского гражданства, о чем, как о важнейшей награде упомянуто в декрете. Позднее афиняне решили вновь наградить царя за его подарок хлеба и поддержку Афин в их борьбе с македонским владычеством. Поэтому было решено увенчать царя золотым венком на другом известном во всей Элладе ежегодном празднике, Великих Дионисиях, который справляли в апреле. Афинские послы заранее сообщили царю, что указ о венке провозгласят в театре перед представлением трагедий.

В заключение следует сказать, что рассмотренные декреты показывают, как афиняне на официальном уровне относились к власти чествуемых ими царей. В боспорских надписях IV в. до н. э. они назывались архонтами Боспора и Феодосии, царями же они являлись только для покоренных варварских племен [Завойкин, 2001, с 65–68; Яйленко, 2010, с. 52–54]. Показательно, что Демосфен, современник Левкона, в речи «Против Лептина» (XX, 29) назвал боспорянина архонтом, что отражает его официальный статус в глазах афинян. Таким образом, для эллинов на Боспоре и за его пределами они были

гражданами, занимавшими подобные должности во многих греческих полисах, и такую должность в принципе мог исполнять любой полноправный гражданин государства. Архонт у греков был верховным магистратом полиса, часто с эпонимной функцией, то есть, его именем назывались годы. Поэтому в боспорских посвятительных надписях в качестве даты указывалось, при каком царе сделано приношение (КБН. 6–19, 971, 972 и др.).

Не случайно в «Трапезитике» Исократа при упоминании Сатира нет никаких его титулов. Поэтому для афинян Сатир, Левкон, Спарток и Перисад были такими же иностранными гражданами, как и другие иностранцы, оказавшие услуги их государству и получившие за это награду. Это подтверждается заголовком декрета 347 г. до н. э., где названы только имена чествуемых лиц, а также словами, которые глашатай должен был произнести на каждом празднике Великих Панафиней: «Афинский народ венчает Спартока и Перисада, детей Левкона, за доблесть и благорасположение афинскому народу». О том, что в таком же статусе боспорские цари воспринимались и в других греческих государствах, свидетельствует фрагмент почетной надписи, в которой аркадяне чествовали «Левкона, сына Сатира, пантикапейца» (КБН. 37).

Когда после смерти Александра Македонского образовались эллинистические царства, их главы Антигон, Птолемей, Селевк, Лисимах и другие стали носить царский титул. В это время и глава Боспорской державы стал официально признан греками царем. Возможно, первым их них стал Евмел, сын Перисада, но определенно об этом известно в отношении его сына Спартока. В декрете 288 г. до н. э. записали решение афинского Народного собрания: «Восхвалить царя Спартока, сына Евмела, боспорца, и увенчать его золотым венком по закону за добродетель и благорасположение, в котором он пребывает к народу, и возгласить о венке при трагедиях Великих Дионисий на состязаниях».

Итак, из наших наблюдений, можно сделать следующие выводы относительно пребывания в Афинах царей из династии Спартокидов и их послов.

Начиная с правления Левкона, боспорские цари, вступив на престол, отправляли послов в Афины с подтверждением продолжения уже выработавшихся договоренностей в экономической и политической сферах. Эта практика продолжалась на протяжении всего IV века и, по крайней мере, в первой половине III в. до н. э.

Боспорские цари могли лично общаться с афинскими властями, а также посылали им официальные письма со своими послами и знали многих афинян, посещавших их родину. Своих послов цари выбирали из граждан, известных афинянам и уважаемых ими за содействие соотечественникам, находившимся на Боспоре.

Боспорские цари за их дружественную политику и крупные поставки хлеба регулярно получали высокие награды от афинян. Их венчали золотыми венками на главных государственных праздниках, давали права афинского гражданства, устанавливали мраморные стелы с текстами почетных декретов и статуи с их изображениями на главной городской площади, на Акрополе и в Пирее.

Боспорские цари часто приезжали в Афины на празднования Великих Панафиней, а также посещали Дионисии; там в торжественной обстановке им объявляли благодарность и вручали золотые венки в присутствии множества местных граждан и греков со всех концов Эллады. Наградные венки с посвятительными надписями от Спартакидов находились в трех афинских храмах: в Эрехтейоне, Парфеноне и храме Диониса.

Список литературы

Беренбейм, 1958. Беренбейм Д. Я. О пути греков через Черное море //СА. № 3.

Блаватская, 1959. Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М.

Брашинский, 1963. Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М.

Гайдукевич, 1969. Гайдукевич В. Ф. О пути прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском //КСИА. № 116.

Жебелев, 1953. Жебелёв С. Л. Северное Причерноморье. М.; Л.

Завойкин, 2001. Завойкин А. А. Титулатура ранних Спартокидов //Античность в современном измерении. Казань.

Зубар, Скржинська, 1997. Зубар В. М., Скржинська М. В. До інтерпретації одного писемного джерела з історії Боспора //Археологія. № 4.

Максимова, 1954. Максимова М. И. Краткий путь через Черное море и его освоение греческими мореплавателями //МИА. № 33.

Маринович, Кошеленко, 2000. Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Судьба Парфенона. М.

Подосинов, Скржинская, 2011. Подосинов А. В., Скржинская М. В. Римские географические источники. Помпоний Мела и Плиний Старший. М.

Скржинская, 1998. Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб.

Скржинская, 2010. Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.

Скржинская, 2010а. Скржинская М. В. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев.

Хайнен 1999. Хайнен Х. Афинский почетный декрет в честь Спартока III (IG II^2. 653) // Древнейшие государства Восточной Европы. М.

Шелов-Коведяев, 1985. Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. //Древнейшие государства на территории СССР. М.

Яйленко, 1990. Яйленко В. П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху //Эллинизм: экономика, культура, политика. М.

Яйленко, 2010. Яйленко В. П. Титулатура первых Спартокидов //Тысячелетний Боспорский рейх. М.

Goddes and Polis 1992. The Panathenaic Festivals in Ancient Athens. Ed. J. Neils. New-Jersey.

Нarris, 1995. Harris D. The Treasures of the Parthenon and Erechteion. Oxford.

Summary

M. V. Skrzinskaja
Bosporean kings and their ambassadors in Athens (IV–III BC)

Right after inauguration Bosporean kings sent their ambassadors to Athens to reconfirm the previous agreements regarding economic and political relationships. The kings chose their ambassadors among the citizens who were well-known and respected by Athenians. Bosporean kings communicated directly with Athenian authorities and often visited Panathenaia and Dionysia, where they received various awards; golden wreaths, marble stelas with honorable decrees engraved on them, statues on Agora, Acropolis and Piraeus.

Т. Н. Смекалова*, В. А. Горончаровский**
*(*НИЦ «Курчатовский институт», г. Москва;
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь;
**Институт истории материальной культуры РАН, С.-Петербург)*

Топография курганного некрополя Нимфея[1]

Общая характеристика некрополя

Нимфейский некрополь занимает обширную территорию в несколько десятков гектаров к югу, западу и северо-западу от древнего города. Курганы простираются цепочками и группами на расстоянии 2–3 км от Нимфея и делятся по своему расположению на две группы: южную и северо-западную (рис. 1, 2).

Южная группа курганов тянется по вершинам возвышенности, идущей вдоль берега моря, начиная от городища и кончая последними домами с. Героевка. Насыпи шести наиболее крупных курганов этой группы венчают вершины естественных известняковых мшанковых скал, так же, как и курганы группы Юз-Оба (рис. 3, *а, б*). На обширном поле с запада от них находятся курганы меньших размеров.

Курганы северо-западной группы рассеяны по степи вплоть до Чурубашского озера. Они располагаются группами, цепочками или по-одиночке, и, в целом, уступают курганам южной группы по размерам.

Кроме курганного некрополя, непосредственно за городищем находились невысокие насыпи в виде валов, так называемые «сплошные могильные насыпи». Как показали раскопки, они содержали по нескольку погребений [Силантьева 1959, с. 5].

Степень сохранности и исследованности

В XIX в. некрополь Нимфея большей частью находился в имении Эльтиген помещиков Гурьевых, которое затем перешло другим владельцам – Новиковым. Это были частные земли, и контролировать ситуацию на них местные власти и Императорская археологическая комиссия не могли [Силантьева, 1959, с. 11–12; Виноградов, 2012, с. 122]. Раскопки здесь велись по заданию помещиков крестьянами, либо такая возможность предоставлялась на откуп желающим заняться поисками древностей. Иногда тем же занимались сами

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РГНФ а(ц) № 15-31-10151 «Российские археологи XIX – начала XX в. и курганные древности европейского Боспора», а также грантов РГНФ а(ц) № 15-31-10107 и РФФИ а № 14-06-00022.

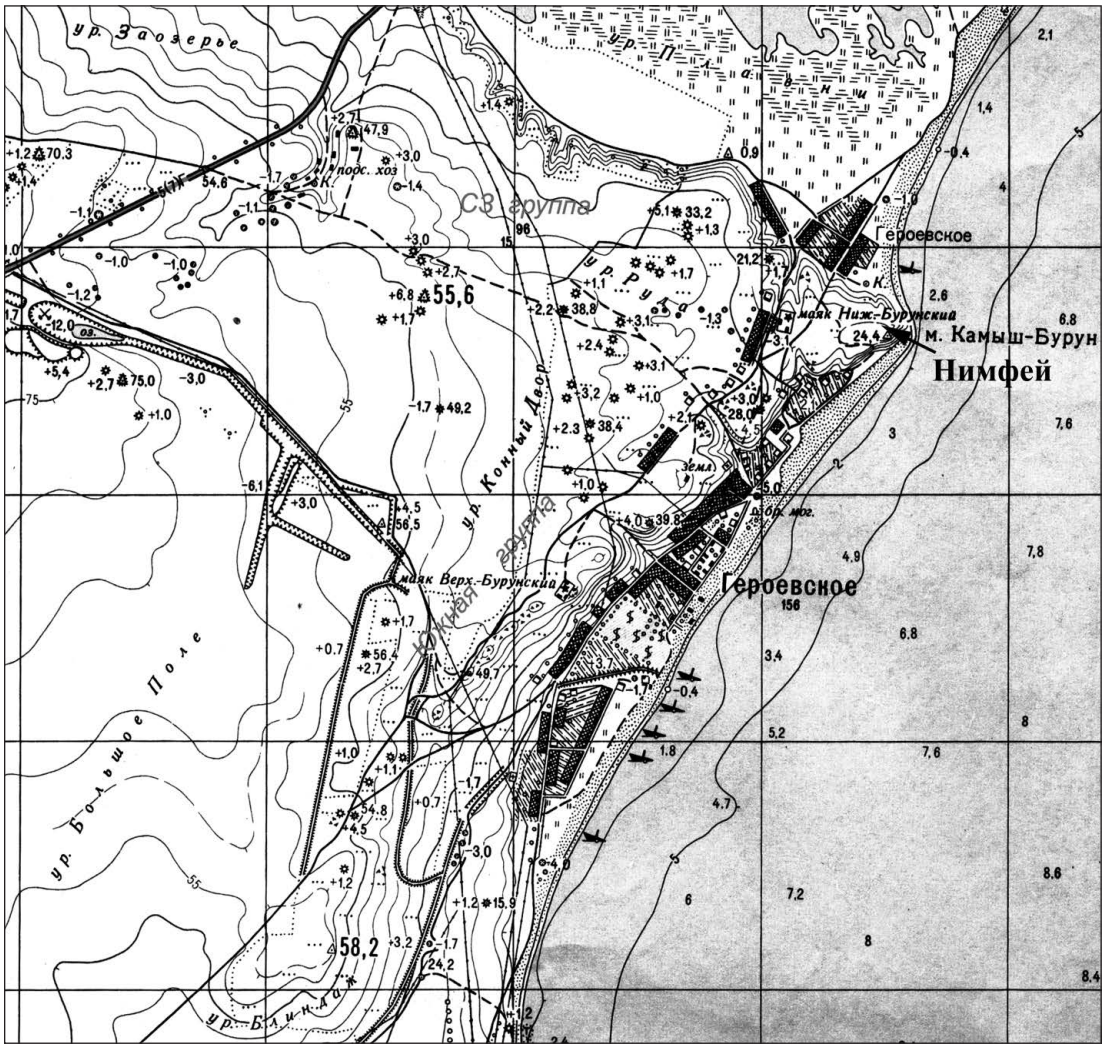

Рис. 1. Городище Нимфей и близлежащий курганный некрополь на карте 1957 г. масштаба 1:25000. Клетка на карте имеет размеры 1×1 км. Отмечены Северо-Западная и Южная курганные группы

крестьяне на принадлежавших им участках. Именно они впервые привлекли внимание к местным древностям, раскопав в конце 1866 г. курган с каменной гробницей, где нашли небольшие украшения из золота и резную цилиндрическую печать [Археологический вестник, 1867, с. 93]. На следующий год к раскопкам курганов подключился керченский мещанин Иван Меркулабов, который с согласия собственника земли – крестьянина Ивана Ерохина разграбил два погребальных комплекса, доследованных в том же году А.Е. Люценко [НА ИИМК РАН, 1867, д. 11, л. 11]. Начались переговоры между Археологической комиссией и помещицей Гурьевой о производстве в Эльтигене раскопок на регулярной основе. В цене сойтись не удалось, поскольку запрашиваемых 3000 рублей у директора Керченского музея не было. Зато прусский кладоискатель Биллер оказался более расторопным и купил себе право на «изучение» нимфейского некрополя. Найденные им вещи

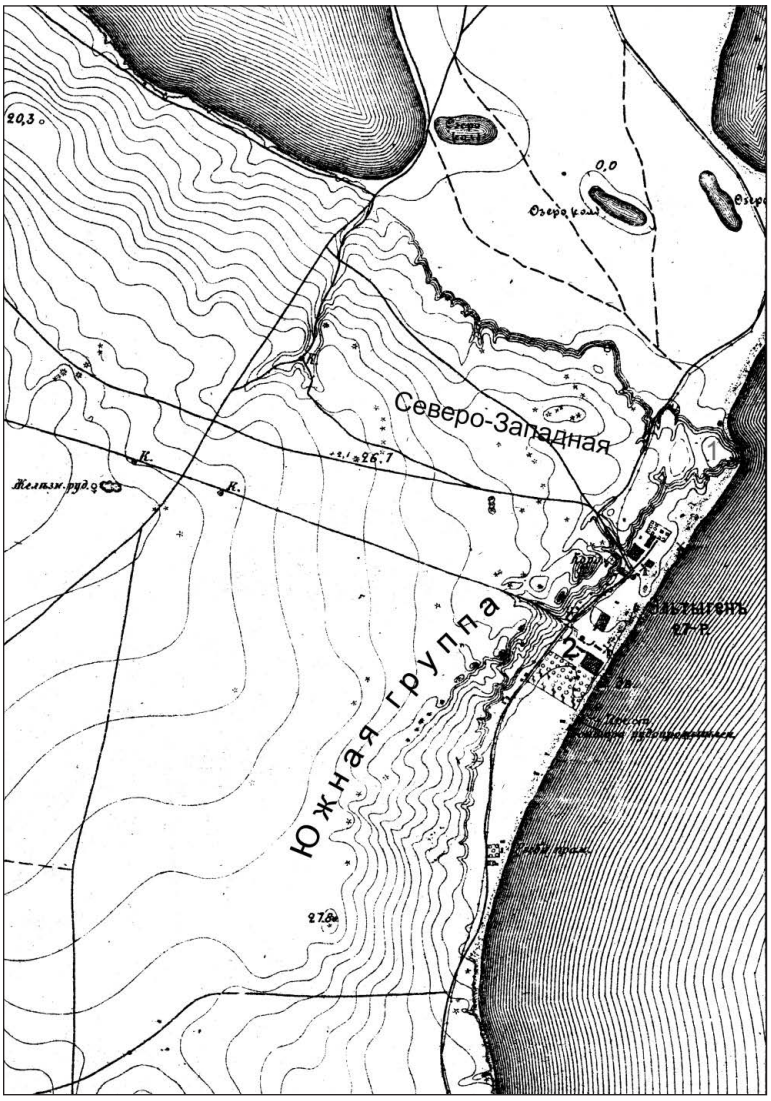

Рис. 2. Древний город Нимфей (1) и курганный некрополь на полуверстовой карте (масштаб 1:21000), съемки 1897 г. Цифрой «2» отмечен господский дом

были проданы за границу и в итоге оказались в Ашмолеан-музее Оксфорда. В 1884 г. эта коллекция была издана Е. А. Гарднером [Gardner, 1884, p. 62–73, pl. XLVI–XLVII], а спустя почти сто лет тщательно изучена и переиздана М. Викерсом [Vickers, 1979].

Раскопки Императорской Археологической Комиссии на территории, прилегающей к Нимфею, проводились на протяжении всего четырёх лет: в 1876 г. – А. Е. Люценко и Н. П. Кондаковым, а в 1878–1880 гг. – С. И. Веребрюсовым.[2] По составу коллекции,

[2] Материалы этих исследований, далеко несовершенных с точки зрения полевой методики и фиксации, а также первая топографическая схема городища и некрополя, составленная Н. П. Кондаковым (рис. 4), опубликованы Л. Ф. Силантьевой [Силантьева, 1959].

проданной помещиком А. В. Новиковым Эрмитажу в 1900 г., можно судить о том, что в конце XIX в. некрополь Нимфея снова подвергался интенсивным хищническим раскопкам, которые дали значительный, но, к сожалению, «беспаспортный» материал [Грач, 1999, с. 179]. Еще более серьезный урон местность в районе Нимфея понесла во время Великой Отечественной войны, когда по краю береговой возвышенности были устроены окопы, блиндажи и укрепленные огневые точки, а многие курганы использовались как временные укрепления (рис. 5).

В 1973–1978 гг. Нимфейской экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Н. Л. Грач проводились масштабные исследования грунтового некрополя, Всего были открыты 254 погребения в хронологическом диапазоне от середины VI в. до н. э. до первой трети IV в. н. э. и следы раннесредневекового поселения салтово-маяцкой культуры [Грач, 1999, с. 179–181]. Тогда же был составлен план расположения курганов в пределах некрополя (рис. 6). Учитывались только близлежащая территория на расстоянии 4 км к западу и югу от северного края Нимфейского плато. Всего был нанесен на карту и измерен 71 курган [Грач, 1999, с. 175, 311, табл. 179], хотя необходимо отметить, что в условиях отсутствия точной топографической основы, иногда их трудно идентифицировать на местности. При размещении данной схемы курганного могильника на современной топографической карте масштаба 1:5000 (рис. 6) заметны некоторые смещения обозначенных на схеме курганов относительно возвышенностей, помеченных на карте.

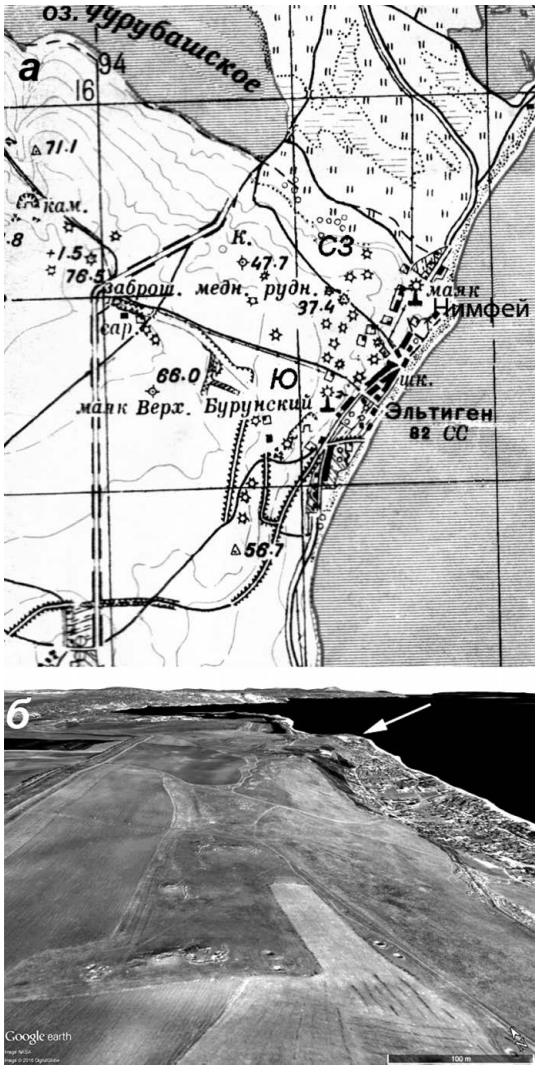

Рис. 3. *а* – Нимфей и курганные группы: СЗ – Северо-западная и Ю – Южная на довоенной карте; *б* – Курганы южной группы, идущие по кромке прибрежной возвышенности, на трехмерном космическом снимке от 7 октября 2011 г. Вид с юга. Стрелкой показано положение городища Нимфей

В 2013 г. экспедицией «CREDO» была проведена детальная инструментальная съемка ближайшей к городищу части некрополя, в масштабе 1:500. А в 2014 г. А. П. Пигин составил карту на основе данных этой съемки и данных спутниковых снимков (рис. 5).

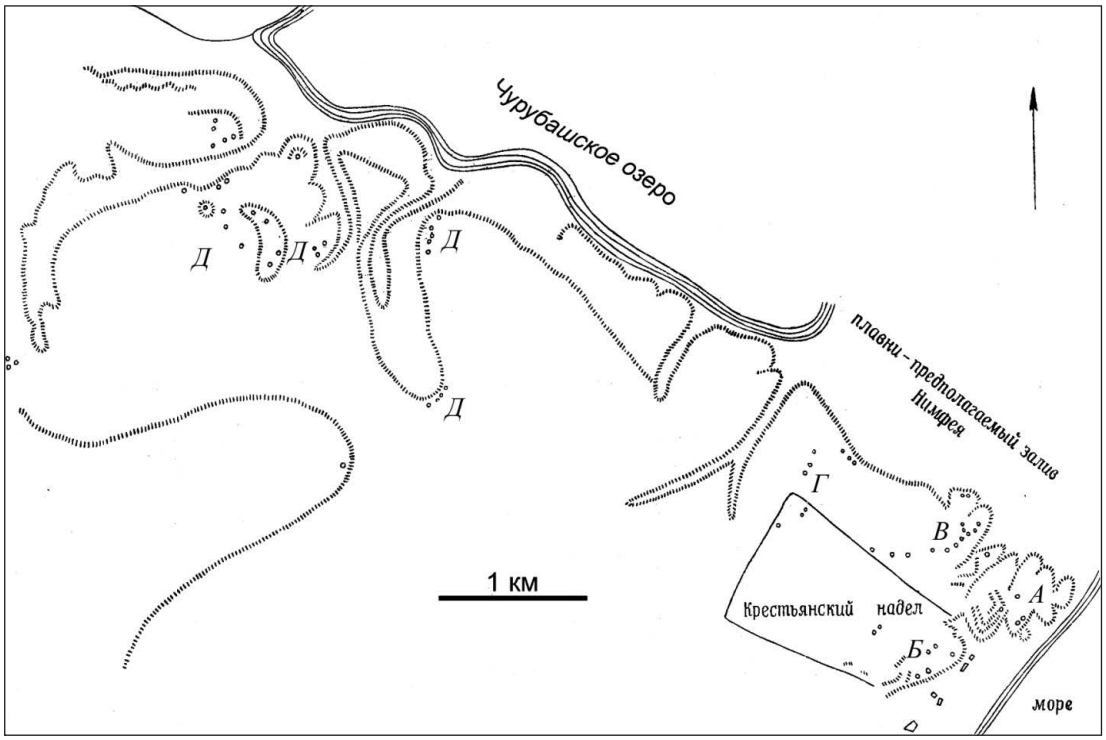

Рис. 4. План городища Нимфей и прилегающей к нему территории, по Н. П. Кондакову
А – городище; *Б* – южная курганная группа; *В* – северо-восточная (по Н. П. Кондакову – e); Г – северо-западная (по Н. П. Кондакову – d); *Д* – за пределами некрополя Нимфея (по Н. П. Кондакову – f, h, f). По: (Силантьева, 1959, рис. 1)

На ней детально показаны места старых раскопок («Аллея склепов»), отвалы, места, изрытые грабителями, военные окопы и укрепленные позиции.

В настоящее время все поля вокруг курганов распахиваются. Охранные зоны имеют только наиболее крупные и заметные насыпи. Множество мелких – ежегодно страдают от вспашки.

Обследование курганного некрополя в 2015 г.

Несмотря на многочисленные повреждения, которые претерпели курганы, в настоящее время на распаханных полях все еще возвышаются цепочки, группы и одиночные насыпи, самые крупные из которых расположены на склоне южного хребта, тянущегося вдоль берега моря (рис. 3, *б*). Как уже упоминалось, в XIX в. хорошо прослеживался и грунтовой могильник в виде так называемых «сплошных могильных насыпей». Очевидно, они были рассеяны по всему полю, занимаемому некрополем, но в настоящее время почти исчезли с лица земли в результате распашек в течение более чем столетия.

В июне 2015 г. были проведены натурные обследования курганов северо-западной и южной группы Нимфейского некрополя. Во время пеших разведок измерялись их точные географические координаты, делались описания насыпей, степени их сохранности, фотофиксация; с помощью цифрового альтиметра измерялись высота курганов,

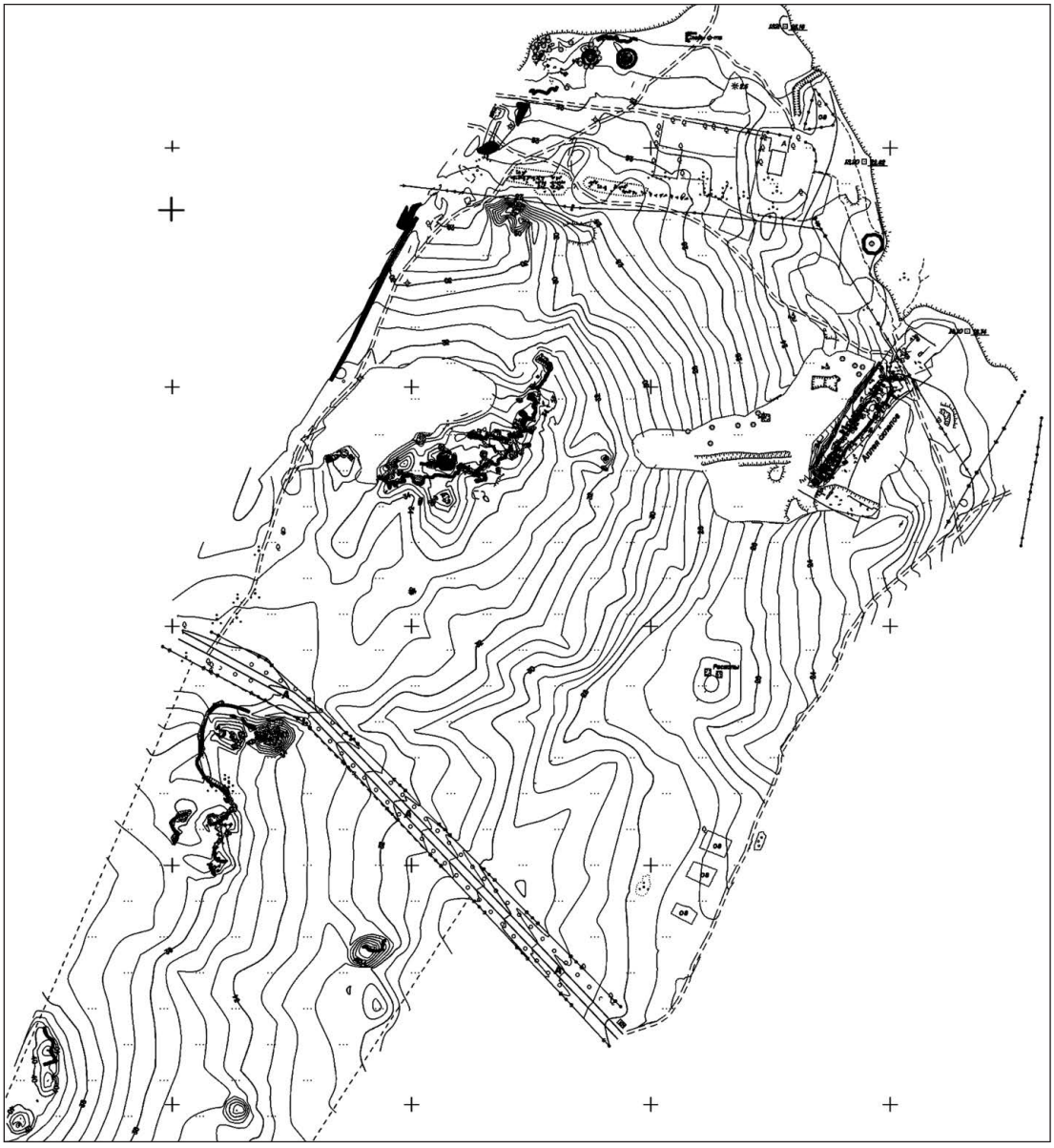

Рис. 5. Окрестности Нимфея. План составлен А. П. Пигиным на основе съемки масштаба 1:500 экспедиции «CREDO» (июль 2013 г.)

а с помощью лазерного дальномера и рулеток – диаметр насыпей и расстояние между курганами. Полученные данные относительно точного местоположения насыпей были использованы для помещения курганов на современную топографическую карту масштаба 1:5000 (рис. 8) и на космический снимок, датированный 7 октября 2011 г. (рис. 9, 10). В ходе анализа полученного материала учитывались все доступные детальные топографические карты и планы местности. Нумерация обследованных курганов показана на рис. 8–10. Приведем далее описание их современного состояния.

Рис. 6. План курганного некрополя к юго-западу от Нимфея. По: [Грач, 1999, с. 311, рис. 179]
1 – курган; *2* – ДОТ военного времени; *3* – памятник; *4* – маяк

Курган 0. Находится у дороги, ведущей в пос. Героевка, с южной её стороны. Высота насыпи 3,4 м, диаметр 33 м. Середина кургана изрыта грабителями и окопами военного времени. С западной стороны к нему примыкает небольшой курган, сильно поврежденный окопом. Курганы 0, 1, 16 и 17, возможно, располагались вдоль древней дороги, ведущей в Нимфей, которая просматривается на космическом снимке в виде темной линии (отмечена цифрой «2» на рис. 9).

Курган 1. Соседствует с предыдущим курганом, находится в 33 м к западу от него. Высота насыпи 2,4 м, диаметр 27 м. Восточная и западная части насыпи очень сильно повреждены прямоугольными ямами. Вокруг полы кургана с северной и западной частей проходит окоп.

Курганы группы 2 находятся в 80 м к юго-западу от кургана 0. Группа состоит, вероятно, из трех небольших насыпей высотой не более 1,6 м, очень сильно поврежденных военными окопами.

Курганы 0–2 находятся на общем нераспахиваемом «островке», который, однако, имеет минимально возможные размеры. Распашка подходит вплотную к полам курганов, постепенно повреждая их.

Курган 3. Курган с длинной, вытянутой в направлении запад-восток насыпью, размеры которой 35×15 м. Высота 1,6 м. Не охраняется и ежегодно распахивается.

Курган 4. Крупный курган высотой 2,7 м. Размеры овальной насыпи 40×29 м. Вершина повреждена в северо-восточной части грабительской ямой и окопом, проходящим через всю её верхнюю часть. Этот курган

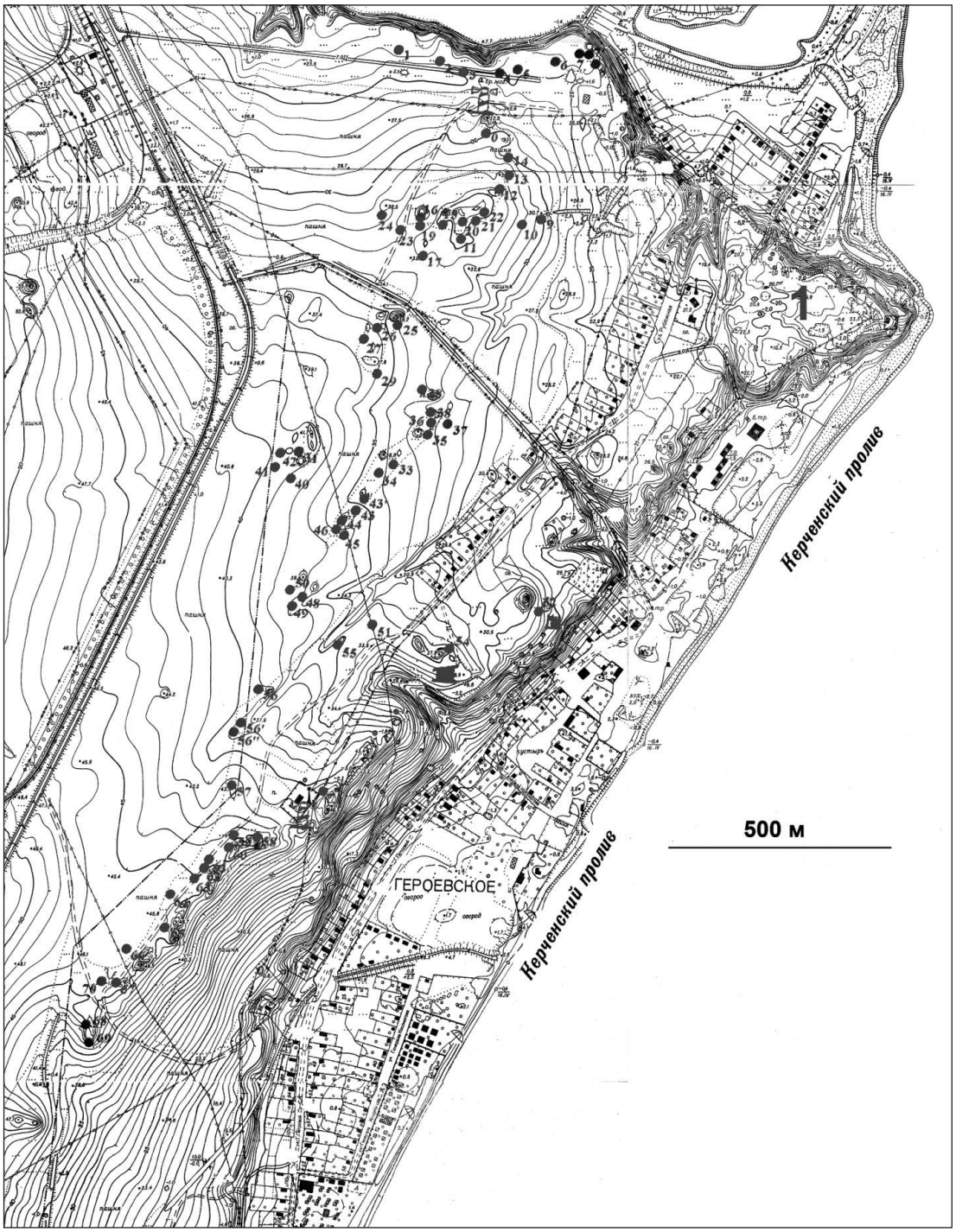

Рис. 7. Совмещение плана курганного некрополя, изображенного на рис. 6 с современной картой масштаба 1:5000. Цифрой «1» обозначено городище Нимфей

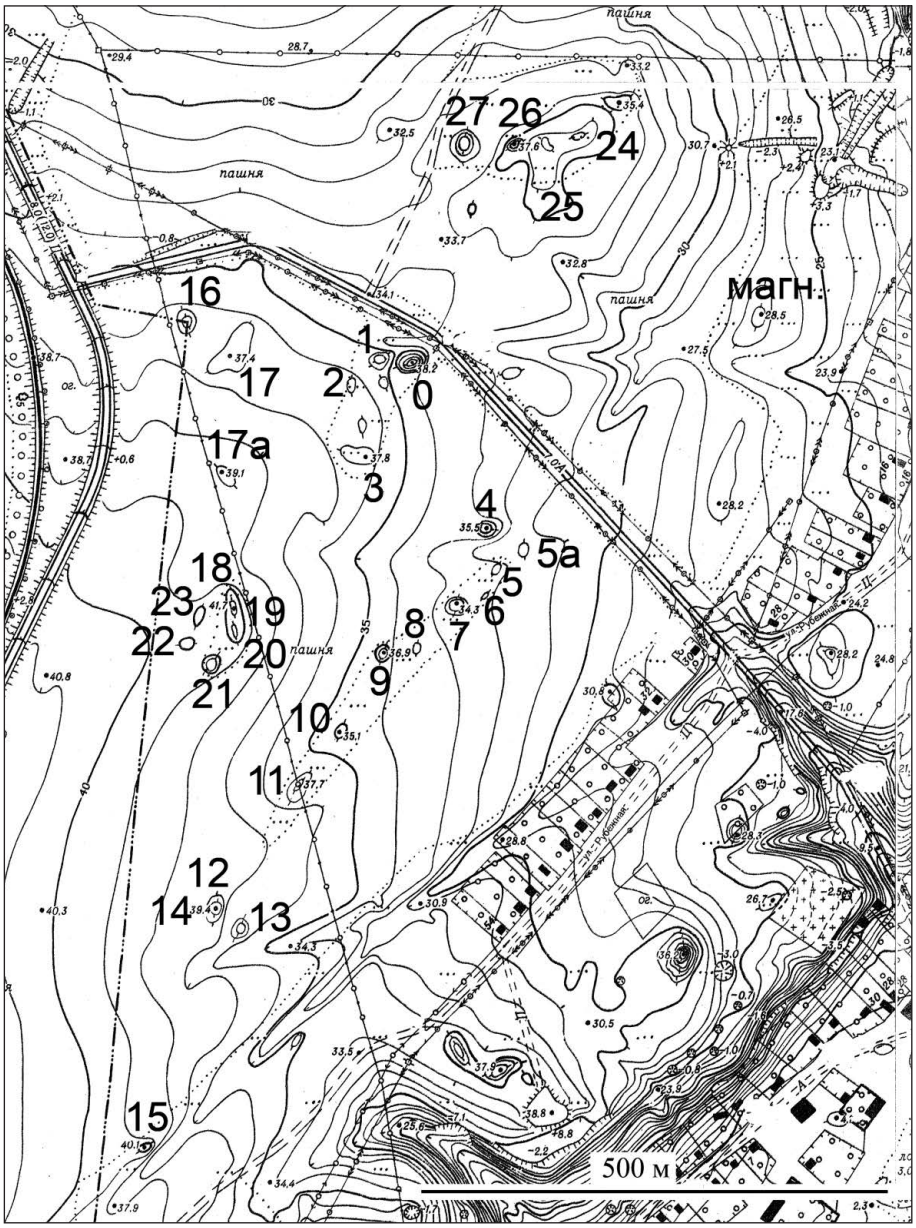

Рис. 8. Курганы, обследованные в 2015 г. на фоне современной картой масштаба 1:5000. Отмечено место проведения магнитной съемки («магн.»)

является крупнейшим в цепочке из 7 насыпей, следующих по наиболее возвышенной напольной части местности, примыкающей к прибрежному склону (рис. 8, 11). Курган не распахивается, однако, пашня подходит слишком близко к его полам.

Курганы 5, 5а и 6 – небольшие насыпи, идущие в ряд вдоль края склона. Курган 5а – невысокий (0,8 м), относительно широкополый. Диаметр насыпи с небольшой грабительской ямой в северо-западной части 21 м. Ежегодно распахивается.

Рис. 9. Курганы, обследованные в 2015 г. на фоне космического снимка от 7 октября 2011 г. Словом «магн.» отмечено место проведения магнитной съемки. **1** – городище Нимфей; **2**, **3** – возможные древние дороги, заметные на космических снимках в виде темных линий

Курган 5 имеет высоту 1,2 м, диаметр 19 – 21 м. По его вершине проходит окоп.

Курган 6. Очень маленький, высотой всего 0,8 м, диаметром 12 м. Изрыт окопами. Расстояние между соседними курганами 5 и 6 – 33 м.

Курган 7. Находится на расстоянии 24 м от кургана 6. Насыпь средней величины: высотой 1,2 м, диаметром 24 м. По вершине проходит глубокий окоп.

Курган 8. Отстоит от кургана 7 на расстоянии 34 м. Высота насыпи 0,8 м, диаметр 24 м. В средней части находится грабительская яма.

Курган 9. Находится на расстоянии 58 м от предыдущего. Высота 2,4 м, диаметр овальной в плане насыпи 24×17 м. Курган имеет уплощенную вершину. Он «замыкает» группу из курганов 4–9.

Следующая курганная группа, состоящая из насыпей 10 и 11, отстоит от кургана 9 на расстоянии 124 м.

Курган 10 высотой 1,5 м образовался, возможно, от слияния двух насыпей. Его форма вытянутая 31×15 м. Очень сильно изрыт грабительскими ямами и окопами.

Курган 11 высотой около 2 м также удлиненной формы. Около него устроен окоп.

До следующей курганной группы, состоящей из трех насыпей (12–14), – 154 м. Возможно, эти курганы стояли вдоль предполагаемой древней дороги, проходившей по дну небольшого, ныне распаханного, оврага (см. 3 на рис. 9, 10).

Курган 12 – самый крупный в этой группе. Он имеет высоту 2,5 м и диаметр 32 м. На его вершине находятся три больших грабительских ямы.

Рис. 10. Панорамный трехмерный космический снимок от 7 октября 2011 г.
Курганы, обследованные в 2015 г. отмечены номерами 0–26.
Словом «магн.» обозначено место проведения магнитной съемки.
1 – городище Нимфей; **2**, **3** – возможные древние дороги

Курган 13 находится в 25 м к западу от предыдущего. Его высота несколько меньше – 1,1 м, диаметр 21 м. Насыпь сильно пострадала; на вершине две больших ямы.

Курган 14 – примерно таких же размеров. Высота насыпи 1,1 м, диаметр 24 м. Она изрыта глубокими окопами военного времени.

Вся цепочка курганов 4–14 находится на нераспахиваемом «островке».

Последний из рассмотренных курганов (15), расположенных вдоль линии едва заметной вершины той же возвышенности, находится на расстоянии 223 м от кургана 14. Это довольно крупный объект высотой 1,8 м и диаметром 35 м. Курган почти не имеет видимых повреждений.

Перейдем теперь к описанию курганов и курганных групп, находящихся в напольной части, к западу от рассмотренной цепочки курганов.

Примечательна группа курганов 18а–23 (рис. 11). Насыпи в ней расположены очень тесно. Восточная часть группы состоит практически из одной сплошной насыпи, длина которой превышает 54 м, ширина составляет 18 м. Высота в разных её частях: от 2,4 до 2,8 м. Она очень сильно изрыта глубокими ямами и, вероятно, окопом военного времени.

Завершает эту группу с юга крупный курган 21 высотой 3,5 м, диаметром 29 м. На его вершине несколько больших грабительских ям, а с северо-западной стороны в насыпь врезан окоп.

С западной стороны от длинной насыпи находятся еще два небольших кургана.

Рис. 11. Центральная часть юго-западной курганной группы на космическом снимке от 7 октября 2011 г.

Курган 22 высотой всего 0,3 м и диаметром 18,5 м. Его поверхность задернована, и насыпь едва различима.

Курган 23 несколько больше, высотой 0,5 м, диаметром 19 м. Назадернованной, почти не потревоженной поверхности выступают несколько камней.

В 185 м к северу от этой группы находится плохо различимая широкая насыпь кургана 17а высотой всего около 0,5 м. Курган из года в год распахивается.

Далее на север, в 120 м от этого кургана находится еще один очень широкий и неповрежденный курган 17. Его высота 0,8 м, диаметр не менее 40 м. Возможно, он относится к эпохе бронзы.

В 50 м к западу от предыдущего – располагается большой курган 16 с довольно крутыми склонам. Его высота не менее 2 м, диаметр – 22 м. На вершине – грабительские ямы. Курган находится сейчас у перекрестка дорог, одна из которых ведёт из Керчи в пос. Челядиново, а вторая – в пос. Героевка.

Перейдем теперь к характеристике курганов, находящихся к западу от городища. Их насыпи пострадали в наибольшей степени. От крупной курганной группы, находящейся в 600 м к северо-западу от границы древнего города и в 360 м к северу от дороги на пос. Героевка, остались только несколько значительных, но очень сильно изрытых курганов, слившихся в единую насыпь (см. №№ 24–28 на рис. 8, 9). Курган 27 высотой не менее 2,5, диаметром 27 м, находится к западу от этой группы.

Необходимо сказать несколько слов о прибрежной группе курганов, располагающихся на краю возвышенности, довольно круто обрывающейся к морю.

Курганы к юго-западу от памятника десанту («Парус»), в настоящее время настолько изрыты, что представляют собой бесформенные нагромождения земли, камня, щебня, и, скорее, напоминают каменоломни (рис. 3, *б*). В районе самого памятника «Парус» сохранился довольно большой курган высотой 2,5 м, диаметром 25 м, поврежденный грабительскими ямами.

В 400 м к западу от границы города Нимфея, в поле, на небольшой возвышенности, которая некогда с юга была ограничена оврагом, в настоящее время распаханным, отрядом экспедиции Керченского музея под руководством М. А. Котина были заложены два раскопа, открывших заплывший овраг или ров и остатки культурного слоя эллинистического времени. По просьбе М. А. Котина мы провели здесь магнитную съемку (на площади 0,75 га) с целью выявления строений и определения протяженности предполагаемого рва. Результаты съёмки на фоне космического снимка представлены на рис. 12, а на рис. 13 дана интерпретация данных магнитных измерений. На карте магнитного поля положительные аномалии показаны темным цветом, а отрицательные аномалии – светлым. Действительно, судя по протяженной положительной магнитной аномалии, через весь участок проходит ров или овраг, заполненный магнитными рыхлыми отложениями (культурный слой, смытый с поселения?) (рис. 12–13). Скорее всего, однако, это был естественный овраг. К востоку от него, в южной части исследованной площади, ближе к раскопу, просматриваются локальные положительные аномалии, вероятно, создаваемые хозяйственными ямами. Они свидетельствуют о наличии поселения, возможно, продолжавшегося и далее к востоку. К югу от раскопов, вероятно, находится прямоугольная постройка (линейные отрицательные аномалии от немагнитных стен) и рядом – группа ям. К сожалению, прямо на древней постройке имеется какой-то железный объект, скорее всего, военного времен.

Упомянутый овраг или ров продолжается и далее к югу и северу, о чём можно судить по непрекращающейся магнитной аномалии, а также линейной структуре, просматривающейся на весенних космических снимках. Не исключено, что он отгораживал сельскохозяйственную территорию Нимфея от курганного некрополя.

* * *

Курганы, окружающие древнее городище Нимфей, по-видимому, относятся к разным эпохам: от бронзового века до эллинистического времени. Курганы эпохи бронзы имеют наиболее пологие склоны и широкие полы. Не исключено, что курганы более позднего времени насыпались кое-где поверх этих насыпей. Прибрежная цепочка курганов к юго-западу от Нимфея имеет сходный принцип расположения насыпей с курганами группы Юз-Оба: также, как и в последней, они насыпались поверх естественных выходов известняковых останцов [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012]. Наиболее яркой особенностью нимфейских курганов является их тесное расположение в группах.

Рис. 12. Результат магнитной съемки, проведенной на поселении у Нимфея, показанные на фоне космического снимка. На магнитной карте темным цветом обозначены положительные, а светлым – отрицательные аномалии

Рис. 13. Интерпретация результатов магнитной съемки. Кружками отмечены ямы и предполагаемые очаги или печи. Прямоугольником обозначено возможное каменное здание, в центре которого находится железный объект, вероятно, военного времени. Широкой линией помечен длинный овраг или ров. Показана также предполагаемая дорога

Список литературы

Виноградов, 2012. Виноградов Ю. А. Страницы истории боспорской археологии //БИ. Т. XXVII.

Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012. Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора //БИ. Supplementum.

Грач, 1999. Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб.

Силантьева, 1959. Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея //МИА. 69.

Gardner, 1884. Gardner E. A. Ornaments and Armors from Kerch in the Museum at Oxford // JHS. 5.

Vickers, 1979. Vickers M. Scythian Treasures in Oxford. Oxford.

Summary

T. N. Smekalova, V. A. Goroncharovsky
Topography of the kurgan necropolis of Nymphaion

This article presents the results of study of the topography and landscape position of the barrow groups surrounding the Bosporan town of Nymphaion. The studies were conducted on a comprehensive methodology that combines analysis of all available cartographic data, satellite images and field surveys with the geometric measurements, the morphology of the mounds,the degree of safety and precise geographical coordinates of the mounds. In addition, magnetic survey carried out in the agricultural area of Nymphaion. The attention is focused on a particular feature of the Nymphain mounds as "fusion" of adjacent embankments.

В. Л. Строкин
(Независимый исследователь, г. Темрюк)

Нумизматика Боспора при Левконе I

Настоящая статья продолжает серию авторских работ, посвященных раннебоспорским монетным чеканкам[1]. Ввиду того, что ряд сделанных там выводов имеют непосредственное отношение к заявленной теме, имеет смысл их вкратце обозначить. Итак, выявлено наличие трех масштабных денежных реформ, проведенных Спартокидами около 410, 405 и 390 гг. до н. э.[2] Если первая имела своей естественной целью унификацию денежного обращения в только что созданном Сатиром I едином Боспорском государстве[3], и получила наглядное отображение в выпуске Пантикапеем серебряных монет нового образца (с «головами бородатого и юного сатиров – головой льва» – 93–94[4]), то две другие были проведены по примеру денежных реформ Афин 406/5 и 393/2 гг., и заключались во вре́менном введении в обращение медной монеты (курс которой был официально приравнен к старому серебру). Ввиду того, что «реверсивная» денежная реформа Пантикапея приходится на первые годы правления Левкона I[5], то, судя по близкородственной стилистике, в этот краткий дореформенный период (*ок*. 393/2–390 гг.) выпускались три вида раритетных медных монет: с «головами сатира и осетра» (81 – рис. 1, *1*)[6], древнейший вариант монет с «головой сатира и луком в горите» (113 – рис. 1, *2*) и с «головами сатира и быка» (114) двух ранних разновидностей (рис. 1, *3, 4*).

Прежде чем продолжить обзор заявленной темы, хотелось бы напомнить одну простую истину: монетные сюжеты – это кладезь ценнейшей информации, изложенной предельно лаконичным языком символов. Вместе с тем, с сожалением приходится констатировать и другой факт: «Типология ранних монетных выпусков Боспора еще

[1] Пантикапея и боспорской Аполлонии (Фанагории) [Строкин, 2007], Феодосии [2011а], Пантикапея и Нимфея [2009б, 2013], синдов, Пантикапея, боспорской Аполлонии и Фанагории [2009а, 2011б, 2012, 2014а, 2014б].

[2] Далее все даты указаны до новой эры.

[3] Где на тот момент ходили объявленные вне закона монеты Аполлонии (Фанагории) и Нимфея – Саммаса.

[4] Здесь и далее номера монет указаны по каталогу: [Анохин, 1986]. На рисунках воспроизведены монеты из частных коллекций, оказавшиеся доступными автору или же взятые на веб-сайте: www.bosporan-kingdom.com. Сердечно благодарю Е. В. Захарова за любезно предоставленные фотоматериалы.

[5] В отличие от Афин, на Боспоре медные монеты не изымались из денежного обращения и в дальнейшем исполняли функции разменной мелочи [Строкин, 2011б, с. 87; 2015, с. 111].

[6] На мой взгляд, выпуском этой монеты была отдана дань памяти покойному Сатиру I [Строкин, 2011б, с. 85].

Рис. 1. Монеты Пантикапея первой половины IV в. до н. э.
серебро: *5–14*, *18*, *19*; золото I группы: *15–17*; медь: *1–4*, *20*;
1 – 393/2 г.; *2* – *ок*. 392/1 г.; *3*, *4* – *ок*. 391/0 г.; *5–14* – *ок*. 390–382 гг.;
15 – *ок*. 382 г.; *16* – *ок*. 381–375 гг.; *17* – *ок*. 375 г.; *18–20* – *ок*. 380–375 гг.

не вполне использована как исторический источник» [Голенко, 2004, с. 183]. Более того, в историографии издавна утвердилось весьма скептическое отношение к самой этой идее. Так, Д. Б. Шелов был убежден в том, что первым случаем прямого отображения на боспорских монетах неких исторических событий является драхма Гигиэнонта, «если

не считать специфически «военных» типов царских монет Левкона II» [Шелов, 1956, с. 185]. Разумеется, приходится считаться и с имеющимися здесь «подводными камнями». К примеру, нельзя поручиться за то, что истинные замыслы древних монетариев полностью укладываются в наши о них представления, притом, что едва ли не каждая миниатюра допускает возможность неоднозначной ее интерпретации. Всё это вынуждает сделать оговорку на предмет предпринятых здесь шагов в указанном направлении: каждый из них отнюдь не претендуют на роль «истины в последней инстанции» и, по сути своей, является лишь гипотезой. С другой стороны, нельзя не прислушаться к мнению наших авторитетных предшественников. Так, Э. Миннз расценивал появление в Херсонесе Таврическом, Феодосии и Фанагории монет с изображением бодающего быка в качестве важного свидетельства об установлении союзнических отношений между этими полисами и Гераклеей Понтийской [Minns, 1913, p. 559]. А А.Н. Зограф, добавив сюда монеты синдов последней серии (с «головами Геракла и коня», высказал мнение о наличии у гераклеотов «реальных интересов на азиатской стороне Боспора» [Зограф, 1951, с. 170]. Хотя перечень подобных примеров этим отнюдь не исчерпывается, важно заострить внимание на том, что к поискам некоего исторического контекста зачастую провоцируют сами монетные миниатюры. Так, на фоне медленного и постепенного развития типологии древнейшего блока монет Пантикапея, похоже, именно при Спартоке I впервые наблюдается эпизодическое использование нового лицевого типа (голова Аполлона). А начиная со второй половины правления Сатира I и при Левконе I монетные миниатюры сменяются подчас с неимоверной быстротой[7], что явным образом диссонирует с по-обыкновению весьма консервативными в этом плане полисными чеканками. Особый интерес представляют случаи заимствования типов из нумизматики ближайших соседей – взять хотя бы репродукцию на монетах Пантикапея конца V в. «фирменных» сюжетов синдских монет (голова коня) и нимфейских с легендой ΣAMMA (львиная голова в профиль). Приведенные факты вынуждают искать им некое объяснение вне рамок традиционных представлений о религиозно-апотропеическом характере монетных миниатюр или же о демонстрации ими специфики местных природно-хозяйственных условий. И, помимо всего прочего, способны наводить на мысль, что Спартокиды активно эксплуатировали это древнейшее средство массовой информации в пропагандистских целях: для прославления своих ратных деяний и упрочения власти посредством её сакрализации. Особенно показательны «персональные» монетные эмблемы Сатира I (бородатый сатир) и Левкона I (юный сатир). К этому стоит добавить, что в основу настоящей работы положен метод перекрестного анализа боспорских чеканок с привлечением соответствующих литературных, эпиграфических и археологических источников. Такой подход представляется вполне оправданным уже потому, что деятельность каждого из местных субъектов эмиссионного права осуществлялась в атмосфере последовательно проводившейся Спартокидами агрессивной внешней политики. Кроме того, мы будем исходить из презумпции, что каждая из боспорских чеканок осуществлялась в период независимости

[7] Если отсчитывать от предложенной мною даты начала монетной чеканки Пантикапея (*ок*. 480 г.) [Строкин, 2007, с. 348, примеч. 1; 2014б, с. 23 сл.], то за первые 70 лет её существования (*ок*. 480–410 гг.) город выпустил 9 монетных серий, а в последующие 60 лет (*ок*. 410–350 гг.) – как минимум, вдвое больше.

соответствующих эмитентов, а при определении продолжительности выпуска золотых и серебряных монет того или иного вида будем использовать метод учета лицевых штемпелей[8]. В связи с чем необходимо принять допущение: один такой штемпель находился в работе в течение одного календарного года (что, на мой взгляд, вполне адекватно отображает боспорские эмиссионные реалии). Прежде чем обратиться к существу разбираемых здесь вопросов, необходимо сделать ещё одно замечание.

Хотя монетное дело Пантикапея рассматриваемого времени разработано весьма основательно, однако не секрет, что здесь и поныне остается немало «белых пятен». Так, наряду с необходимостью поиска оптимального эмиссионного контекста для ряда новонайденных монет, имеются веские основания для существенной корректировки абсолютной хронологии золотой чеканки; та, как известно, издавна служит основой для датировки серебра и меди этого центра IV в. Ввиду того, что первый шаг уже сделан, то, в свете вышеупомянутой и, очевидно, первой по счету денежной реформы Левкона I, уместно обратиться к олицетворяющему её серебру.

Речь идет о гемидрахме с изображением «идущего льва» на о. с. (85 – рис. 1, *5*) и обole с «протомой идущего льва и полумесяцем» (86 – рис. 1, *6*). Принято считать, что эти серебряные монеты, а также медные с «головой барана» (88) и «головой коня» (87) на реверсе выпускались одновременно и открывают чеканку Пантикапея с головами сатиров.[9] Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что данному серебру непосредственно предшествует вышеупомянутый блок медных монет и два выпуска серебряных (93–94, 80) с теми же лицевыми сюжетами[10]. Сам факт отсутствия в анализируемой серии мельчайших номиналов серебра лишь укрепляет уверенность в существовании на Боспоре сугубо медного эмиссионного периода, равно как и в том, что в рассматриваемое время функции мелких серебряных монет исполняла старая медь. Отсюда следует, что принудительно введенный Сатиром запредельно высокий курс медных монет, подвергся существенной девальвации (что, в общем-то, и следовало ожидать): выпущенные при нём гемидрахмы с «головой коня» (87) в момент проведения анализируемой реформы обращались по курсу гемиобола, а однотипные им диоболы[11], а также диоболы с «луком в горите» (113 – рис. 1, *2*), с головами «льва», «барана» (88), «осетра», (81 – рис. 1, *1*) и «быка» (114 – рис. 1, *3, 4*) – по курсу тетартемория, и, наконец, оболы с «луком тетивой вверх» (96) – гемитетартемория[12]. Далее следует указать на факты, выпавшие из поля зрения исследователей: наличие у анализируемых монет (85–86) прямых типологических параллелей в нумизматике Гераклеи Понтийской начала IV в., коими являются лунарный дифферент (*ср.* рис. 1, *6* и рис. 1, *7*), а также новые принципы типологического

[8] Апробированный на боспорских чеканках V в. [Строкин, 2007, с. 333; 2009б, с. 366, примеч. 13; 2012, с. 397]. Полученные результаты представляются вполне корректными ввиду внушительного объема наличного материала, аккумулированного в музейных фондах и частных коллекциях. Иными словами, сегодня мы располагаем практически полным набором лицевых штемпелей наиболее ходовых из регулярно выпускавшихся боспорскими центрами в V–IV вв. номиналов серебра (гемидрахм и диоболов) и золота Пантикапея.

[9] Зограф, 1951, с. 172; Шелов, 1956, с. 97.

[10] Строкин, 2009б, с. 366–369; 2014а, с. 354–356. Правда, голова юного сатира есть лишь на монете типа 94.

[11] Строкин, 2009б, с. 367, рис. 2, *9*; Гарбузов и др., 2011, рис. 11, *14*.

[12] *См.*: Строкин, 2011а, с. 86; 2014, с. 351, рис. 3, *13*; 2015, с. 110–113.

разграничения номиналов в рамках одной эмиссии; на старших дается изображение всей фигуры животного, на младших – его протомы/головы[13]. Указанные параллели представляются далеко не случайными ввиду активного вмешательства гераклеотов во внутренние дела Боспора в первой половине IV в., чем подразумевается непосредственная причастность анализируемых монет (85–86) к каким-то знаменательным событиям этого военного конфликта. В свете господствующих в историографии представлений, согласно которым Левкону удалось захватить Феодосию в первые годы правления[14], возникает соблазн связывать появление гераклейских мотивов на рассматриваемом серебре Пантикапея с этим важным событием. Судя по имеющемуся набору лицевых штемпелей у гемидрахм (8 экз. – рис. 1, *5, 8–14*), данное серебро выпускалось в период около 390–382 гг.

Но, наряду с этой, существует и альтернативная точка зрения: Левкону удалось захватить Феодосию в период острого внутриполитического кризиса в Гераклее 366/4 гг., завершившегося установлением тирании Клеарха[15]. Ниже я попытаюсь показать, что перед нами – именно тот редкий случай, когда каждая из групп исследователей по-своему права, а длительная и упорная борьба за Феодосию шла с переменным успехом, и город неоднократно переходил из рук в руки. В пользу такого предположения может косвенно свидетельствовать присутствие в нумизматике Пантикапея IV в. двух других эмиссий крупного серебра с тем же реверсным сюжетом: драхмы с «фасовой» головой бородатого сатира на аверсе (рис. 4, *6*) и «гексадрахмы» [Марков, 2001]. Особенно показательна в этом смысле последняя монета – будучи крупнейшей в нумизматике Пантикапея (и в масштабах всего Причерноморья), она со всей очевидностью демонстрирует наличие некоего триумфально-мемориального контекста, стоящего за анализируемым реверсным сюжетом (идущий лев)[16].

Нельзя при этом не упомянуть о весьма распространенном взгляде на рассматриваемые монеты (85–86): якобы они имеют прямое отношение к небезызвестному финансово-эмиссионному мероприятию Левкона I – его, так называемой, «денежной реформе» (*Polyaen*. VI. 9, 1)[17]. Поэтому имеет смысл напомнить текст означенной стратегемы (в переводе Ф. В. Шелова-Коведяева).

---

[13] *См*.: Сапрыкин, 1986, с. 108, 109, рис. 6, *1*. Примечательно, что такие же принципы типологического разграничения номиналов демонстрируют монеты Фанагории и Феодосии этого времени (рис. 2, 5, *11–13*).

[14] Шелов, 1950, с. 171; 1956, с. 42; Шелов-Коведяев, 1985, с. 122; Блаватская, 1993, с. 40; Шонов, 2002, с. 330.

[15] Фролов, 1988, с. 206; Завойкин, 2000, с. 265, 266. Особого мнения придерживается С. М. Бернштейн: между 389 и 370 гг. Гераклея довела до победного конца большую войну с Боспором, и лишь около 366/4 гг. Спартокидам удалось окончательно взять у неё реванш [Burstein, 1974, p. 406–411; 1976, p. 44, 45].

[16] Думается, перед нами – нумизматическая реакция Пантикапея на силовое возвращение Феодосии в состав Боспора при Перисаде I (*ок*. 325 г.) после кратковременного периода независимости города, когда им были отчеканены драхмы с «головой Геракла и палицей, ΘΕΥΔΟ» (90); статья готовится автором к публикации.

[17] Анохин, 1999, с. 58; Болдырев, Завойкин, 2000, с. 8. В последнее время с данной «денежной реформой» неправомерно связывается операция по надчеканке монет с «головами сатиров и льва» (93–94) клеймом типа «голова Аполлона» [Завойкин, 2009, с. 140; Терещенко, 2010, с. 69, 70; 2013, с. 108, 110]. Судя по нарисованной Полиеном картине (*см*. ниже), финансово-эмиссионная акция Леакона носила масштабный характер, тогда как на деле надчеканке подверглась лишь крайне незначительная часть эмиссии монет типа 93–94 (ныне известны 6 экз. [Терещенко, 2013, с. 108, 110, примеч. 30]), и это притом, что в обращении тогда, вне всяких сомнений, находилось разнообразное по типам серебро прежних выпусков [Строкин, 2014а, с. 354, 355; 2015, с. 113, 114]. К слову сказать, «Полиенова денежная реформа» иногда ошибочно датируется временем Левкона II [Шелов, 1953, с. 37; 1956, с. 157; Мельников, 2002, с. 177] – критику *см*.: [Шелов-Коведяев, 1985, с. 116–122].

«Левкон, нуждаясь в средствах, объявил, что хотел бы бить другую монету, и он нуждался бы (в том, чтобы) ему от каждого принесли принадлежащее (каждому), чтобы стал очевиден необходимый объем новой чеканки; и (ему) принесли, (кто) сколько имел (денег), он же, наложив другой штемпель, написал двойной номинал на каждой монете, так что, присвоив себе половину собранного, не повредил ни одному из граждан».

Пожалуй, наиболее удачную попытку извлечь отсюда максимум полезной информации предпринял Ф. В. Шелов-Коведяев [1985, с. 120, 121]: «1) Речь, по всей видимости, идет не о надчеканке и не перечеканке, ибо эти меры имели целью подтверждение первоначального достоинства или придание нового – стремительно деградирующей *старой* монете. Здесь же постоянно говорится об эмиссии *новой*… 2) Полиэн не имел достаточно четкого представления о том предмете, о котором рассказывал, ведь на боспорских монетах этого времени вообще не проставлялся номинал. 3) Полиэн располагал (достоверными – *В. С.*) сведениями.., но они попали к нему через многие руки, в результате чего его представление о сущности этих явлений было весьма расплывчатым».

Если Ф. В. Шелов-Коведяев отставил эти тезисы без ссылки на конкретный нумизматический материал, то, по мнению В. А. Анохина, «Серебряные монеты (типа 85 – *В. С.*), соответствующие по весу старым триоболам, были приравнены к драхмам, оболы (типа 86 – *В. С.*) – к диоболам, а два номинала меди (типа 87, 88 – *В. С.*)… – к оболам и гемиоболам» [Анохин, 1999, с. 58][18]. Даже если закрыть глаза на вопиющее нарушение принципов классификации монет раннего времени (когда в рамках одной эмиссии они неизменно наделялись либо идентичными (как это было в V в.), либо аналогичными реверсными сюжетами – фигура животного, его протома/голова (как в рассматриваемое время)[19], то, на первый взгляд, ничто не мешает думать, что Левкон, «нуждаясь в средствах», мог пойти на циничное ограбление своих подданных, совместив возобновление серебряной чеканки с этой, по выражению В. Ф. Шелова-Коведяева [1985, с. 120], «махинацией». Однако при всей противоречивости литературной традиции о Левконе, ему нельзя отказать в уме и в умении находить выход из самых сложных жизненных ситуаций (*Polyaen*. VI. 9, 2–4). А уже само наличие этих неординарных качеств решительно минимизирует вероятность того, что тиран мог пренебречь вполне обычным в подобных случаях методом постепенного ужесточения режима налогообложения и сделать ставку на такое хлопотное и сугубо затратное мероприятие, как тотальная перечеканка ходячей монеты. Ситуация лишь усугубляется тем, что Левкон находился тогда в чрезвычайно сложном положении, чреватом внутренними заговорами и смутами, а также в состоянии войны с Гераклеей[20]. Но главное заключается в том, что в обозреваемое

[18] В. А. Анохин обосновывает данное заключение тем, что, «Во-первых, на реверсе монет (типа 85–86 – *В. С.*) появляется новое для Пантикапея изображение стоящего льва – тоже несомненный «говорящий» тип, указывающий на самого Левкона… (критику *см.*: [Фролова, 1988, с. 135] – *В. С.*). Во-вторых, серия включает два номинала меди… (что полностью исключено – *см.* ниже – *В. С.*)… В-третьих, среди номиналов серебра присутствуют… триобол, не выпускавшийся долгое время, и обол, вообще не чеканившийся до этого времени» [Анохин, 1999, с. 57]. Убедительное объяснение последнему факту дал Д. Б. Шелов. В начале IV в. в Пантикапее произошел «переход от исконного азиатского шестеричного деления статера, заимствованного… из Ионии…, к четверичному, общепринятому в греческом мире» [Шелов, 1956, с. 115].

[19] Которое, с легкой руки А. Н. Зографа [Зограф, 1951, с. 172], дожило до наших дней [Терещенко, 2013, с. 108].

[20] Комплексный анализ военно-политической ситуации этого времени *см.*: [Шелов-Коведяев, 1985, с. 117–119].

время на Боспоре (включая Феодосию[21]) имела хождение в основном медная мелочь, которая, будучи условным платежным средством, «не являлась тем капиталом, половину которого имело бы смысл присваивать даже в масштабах всего государства» [Шелов-Коведяев, 1985, с. 121]. Наконец, Левкон вряд ли мог всерьез рассчитывать на то, что его подданные безропотно понесут на обмен припасенное на «черный день» серебро по установленному им поистине грабительскому курсу (2 : 1). Всё это позволяют прийти к твердому убеждению в непричастности анализируемых серебряных монет (85–86) к описанной Полиеном «денежной реформе», т. е. данная акция проводилась в каких-то иных и притом весьма специфических условиях.

Оставляя пока открытым этот вопрос, обратимся к золотой чеканке Пантикапея, и присмотримся к реверсному сюжету статеров: грифон[22] с копьем в пасти, идущий по пшеничному колосу (рис. 1, *16*). Согласно доминирующему в историографии мнению, композиция символизирует хлебные богатства Боспора, охраняемые грифоном[23]. Не пытаясь умалить достоинства этой трактовки, хотелось бы указать на одно любопытное совпадение: аналогичный сюжет (орлиноголовый грифон, сидящий перед пшеничным зерном / колосом[24]/) демонстрируют монеты синдов (59, 60)[25]. К выводу о наличии здесь причинной связи позволяет склоняться то немаловажное обстоятельство, что появление «про-синдского» сюжета на золоте Пантикапея (*ок.* 375 г.[26]) почти совпадает по времени с исчезновением чеканки ΣΙΝΔΩΝ (самый конец 380-х гг. [Строкин, 2012, с. 404–406]), притом, что последнее событие, вне всяких сомнений, было инспирировано Левконом I. С другой стороны, сам факт возникновения в Пантикапее золотой чеканки в рассматриваемое время[27] ясно указывает на произошедший тогда значительный рост его экономического потенциала, что находит вразумительное объяснение, пожалуй,

[21] Период меди наблюдается тогда же в монетном деле Феодосии и Херсонеса Таврического (*ок.* 405–393/2 гг.) [Строкин, 2011а, с. 39, 40]. По всей видимости, буквально накануне своего первого падения (*ок.* 393/2–390 гг.) Феодосия выпустила серию крупного серебра (рис. 5, *14, 15*) [с. 43, 44]); сам факт его исключительной редкости ясно указывает на доминирующее положение меди в денежном обращении города в рассматриваемое время.

[22] Которого принято считать львиноголовым, причем невзирая на то, что у грифона отсутствует львиная грива, а рогатая голова скорее напоминает головы ископаемых ящеров, к примеру, тиранозавра. Поэтому нельзя согласиться и с определением Н. А. Фроловой: «… грифон с рогатой орлиной головой» [Фролова, 2015, с. 27].

[23] *См.*: Фролова, 2002, с. 286, 287. Но есть и иные мнения. 1. Золото Пантикапея демонстрирует идею единства Диониса хтонического (аверс) и Аполлона Гиперборейского (реверс). «Такая символика однозначно указывает на то, что Боспорское государство… находилось на краю ойкумены, поблизости от страны гипербореев… (и – *В. С.*) около входа в царство мертвых» [Виноградов, Шауб, 2005, с. 222]. 2. Грифон считался охранителем сокровищ, «важнейшими из которых на Боспоре были пшеница и рыба… в последней четверти IV в. место грифона (и колоса – *В. С.*) заняла львиная голова (и осетр – *В. С.*)… Такое изменение в типе монет было обусловлено… сокращением вывоза пшеницы… основным экспортным товаром на Боспоре стала рыба» [Брабич, 1964, с. 51]. Между тем, осетр появился на монетах Пантикапея раньше, чем пшеничный колос,– в конце V – начале IV вв., как в виде дифферента (67–69), так и в качестве основного сюжета о. с. (81 – рис. 1, *1*).

[24] Который имеется на золотых гемистатерах с легендой ΣΙΝΔΩΝ. Глубоко укоренившиеся сомнения в их подлинности фактически ничем не оправданы и, в сущности, голословны [*см.*: Строкин, 2012, с. 410 сл.].

[25] На мой взгляд, этот сюжет отображает стремление синдов к популяризации своего серебра (в условиях острой конкурентной борьбы с монетами греческих городов) посредством репродукции знаменитых монетных «брендов» той поры: сова (Афины), коленопреклоненный воин (Кизик), козел (Митилена) и, как в данном случае, грифон, заимствованный у тетрадрахм Абдеры последней трети V в. [Строкин, 2012, с. 406, примеч. 68].

[26] Зограф, 1951, с. 245, табл. XL. 7; Шелов, 1956, с. 213, табл. III. 29.

[27] Для справки: в других причерноморских городах своя золотая монета появилась не ранее 2-ой половины IV в.

лишь в контексте перехода под контроль Спартокидов всего Таманского п-ова и района Анапы, являвшихся главными производителями товарного хлеба в Причерноморье в V–IV вв. [Кузнецов, 2000, с. 108, 109]. Сказанное позволяет склоняться к выводу, что выпуск статеров I группы был предпринят по итогам успешно проведенной Левконом военной кампании в восточно-боспорском регионе[28]. А значит, наиболее реалистичной начальной датой для золотой чеканки Пантикапея следует признать ту, которую предложил Е. И. Похитонов: около 380 г.[29]

Что касается золотых гект с изображением «головы юного сатира и протомы львиноголового грифона» (92), то весьма сомнительным выглядит решение издателя синхронизировать их со статерами I группы (91) [Анохин, 1986, с. 32, 140]. Этому препятствуют различные реверсные сюжеты – на статере голова грифона показана в фас, на гекте – в профиль (*ср*.: рис. 1, *15* и рис. 1, *16*)[30]. Между тем, вышеозначенный военно-политический контекст позволяет предполагать, что именно гекта открывает золотую чеканку Пантикапея, выпускалась около 382 г. и подвела своего рода нумизматическую черту под боевыми действиями Левкона на Тамани[31]; вынужденно забегая вперед, замечу, что названную дату дает время пресечения дебютной чеканки Фанагории.

Теперь перейдем к малоприметной серебряной монете Пантикапея – оболу с «головой юного сатира и протомой орлиноголового грифона» (95 – рис. 1, *18, 19*), который, судя по стилистике, выпускался совместно с золотом I группы [Зограф, 1951, с. 176]. Ввиду того, что в нумизматике этого центра при Левконе I нет аналогичного вида монет более крупных номиналов, а возникающая здесь гигантская «вилка» (золотой статер – серебряный обол) встречается впервые, для прояснения столь необычной эмиссионной ситуации представляется целесообразным окинуть взором денежный рынок, сформировавшийся на руинах «империи» Сатира I (после примерно 394 г.[32]). Как это, в общем-то, и следовало ожидать, он также «раскололся» надвое, и вплоть до вторжения Левкона на Тамань (*ок*. 382 г.) в Европейской части боспорского региона ходили в основном монеты Пантикапея, а в азиатской – Фанагории и Синдского царства. Об этом красноречиво свидетельствует отсутствие раннего фанагорийского серебра на западной стороне Керченского пролива. А также тот вышеупомянутый факт, что

[28] На эту же мысль наводит и пшеничный колос, дебютирующий в чеканке Пантикапея. Он исполняет роль такого же добавочного символа, как и осетр на пантикапейских монетах конца V в. с «головами льва и барана» (67–69), которые чеканились в аналогичной геополитической ситуации – по итогам формирования I Боспорского царства [Строкин, 2009б, с. 368, 369]. Тем самым создается эффект преемственности – от знака «осетр», который, будучи одним из древнейших символов Керченского пролива, похоже, маркировал переход под контроль Спартокидов обоих его берегов [там же, с. 375, 376], к знаку «пшеничный колос». А значит, последний можно рассматривать в качестве символа азиатской части боспорского региона, который, как мы знаем, являлся безусловным лидером в аграрном секторе экономики Боспорского государства в раннее время.

[29] Pochitonov, 1968, s. 51. Хотя эта статья незаслуженно удостоилась лишь сугубо негативных оценок [Анохин, 1986, с. 31, 32; Фролова, 2002, с. 287], однако ниже по тексту В. А. Анохин называет ту же дату: «около 380 г.» [Анохин, 1986, с. 43] (которую, правда, затем пересмотрел: «около 370 г.» [Анохин, 1999, рис. 12, 7; 2011, с. 148, № 1001]), а Н. А. Фролова [2002, с. 288], с одной стороны, придерживается датировки, предложенной А. Н. Зографом (*ок*. 375 г.), а с другой – Е. И. Похитоновым: «I группа – 70-е – 60-е гг. IV в. до н.э.» [с. 287].

[30] Такого же мнения придерживается О. Н. Мельников, но при этом ссылается на различия (?) в трактовке волос на головах сатиров [Мельников, 2002, с. 166].

[31] О. Н. Мельников рассматривает в этом качестве золотые статеры I группы [Мельников, 2002, с. 167].

[32] Судя по нумизматическим данным [*см*.: Строкин, 2012, с. 404, 405].

при Левконе Пантикапей начал чеканить серебро (85–86) по новой четверичной системе, тогда как практически синхронное ему дебютное серебро Фанагории и финальное синдов (51–53)[33] демонстрирует приверженность прежней шестеричной системе, бытовавшей на Боспоре в V в.

Обрисованная в общих чертах картина биполярного денежного обращения на территории воссозданного Левконом единого Боспорского государства (очевидно, второго по счету) естественным образом ставила тирана перед необходимостью его унификации (как это было при Сатире) посредством изъятия из обращения монет завоеванных центров. Думается, смутные отголоски именно этой масштабной акции и донес до нас Полиен. К такому выводу подводит её откровенно конфискационный характер, что, как нельзя лучше, соответствует вполне ожидаемому бесцеремонному обращению новых властей с населением оккупированных территорий, а заодно проясняются две важнейшие детали. Становится понятна природа намерения Левкона бить «другую монету» – оная была призвана подменить собой ходившие на Тамани монеты Фанагории и Феодосии. Наконец, развеиваются последние сомнения относительно предназначения обола с «грифоном» (95); тот служил главным инструментом по принудительному изъятию у новых подданных Спартокидов половины накопленных ими денежных средств[34] – в частности, данный обол (или типа 86) обменивался на один диобол с легендой ΦΑΝΑ. Поскольку же для изъятия фанагорийских гемиоболов использовались тетартемории, то, ввиду отсутствия этого номинала серебра в чеканке Пантикапея IV в. (*см*. примеч. 101), логично предположить, что к обменному процессу были привлечены, наряду со старой медью, некие новые монеты. Думается, на эту роль с полным правом может претендовать лишь одна, а именно: древнейший вариант меди с «головой юного сатира и протомой пегаса», демонстрирующий близкое стилистическое родство с анализируемыми оболами (*ср*. рис. 1, *20* и рис. 1, *18, 19*) и, судя по метрологическим параметрам, являющийся тетартеморием[35].

Несколько сложнее с монетами ΣΙΝΔΩΝ последней серии (С-5; 51–53). Судя по их находкам в Восточном Крыму[36], в Пантикапее предпочли смотреть сквозь пальцы на демонстрируемую ими типично гераклейскую символику (головы Геракла и быка), и это антибоспорское по виду серебро какое-то время свободно обращалось при Левконе. Похоже, к этому вынуждало то, что на первых порах Синдика вошла в состав Боспора на правах вассального царства [*см*.: Завойкин, 2004б, с. 65, 66]. Это обстоятельство минимизирует вероятность проведения здесь обмена денег по жесткому таманскому образцу; скорее всего, фанагорийские монеты изымались по курсу 1 : 1. Попутно замечу, что успешной реализации данной финансовой акции способствовала географическая

[33] Соответствующие хронологические выкладки *см*.: [Строкин, 2012, с. 393 сл.; 2014б, с. 192 сл.].

[34] Понятно, что какая-то часть серебра была отобрана у местного населения воинами армии Левкона, как, впрочем, и то, что им вменялось в обязанность его обменять, но, разумеется, по «нормальному» курсу (1 : 1).

[35] Похоже, здесь мы впервые сталкиваемся с эпизодическим нарушением вышеупомянутых традиционных принципов типологического разграничения монетных серий Пантикапея. Примечательно, что именно в это время его золотые статеры приобрели свой, так сказать, стандартный или, если угодно, канонический облик.

[36] Грач, 1972, с. 138–140; Мельников, 2001, с. 415. К сожалению, можно лишь гадать на предмет синхронности или же дискретности процессов проведения «Полиеновой денежной реформы» на Тамани и в Синдике, не говоря уже о том, подлежали ли изъятию из обращения на Тамани монеты синдов в последнем случае.

обособленность новых владений Левкона (включая Феодосию[37]), донельзя упрощавшая дифференциацию населения, подпадавшего под действие его указа[38].

К слову сказать, значительная редкость обола с «грифоном», равно как и неэквивалентный характер обменных операций, наводят на мысль, что некая часть фанагорийского серебра послужила сырьем для производства монет Пантикапея иного вида. Думается, таковыми могли быть гемидрахмы с «возлежащим львом» (108) – во всяком случае, реверсный сюжет как нельзя лучше отображает умиротворенное состояние пантикапейского «льва», впервые в своей истории ставшего владыкой всего Боспора, Феодосии и Синдики. Судя по имеющемуся набору лицевых штемпелей (5 экз. – рис. 3, *12–16*), это серебро выпускалось в период около 380–375 гг. Сказанное предоставляет удобный повод к тому, чтобы заново рассмотреть древнейшие монеты Фанагории.

Они издавна объединялись в одну серию, но сравнительно недавно выяснилось, что в действительности их было две. Принято также считать, что фанагорийская чеканка осуществлялась непрерывно – вначале вышла серия с диоболом типа «голова быка» (78), а затем – «протома бодающего быка» (84)[39]. Чтобы по достоинству оценить эти воззрения, первым делом следует внести коррективы в существующую ныне классификацию монет с ΦΑΝΑ/ΦΑ[40].

Серия Фа-1 включает в себя 4 номинала: драхму типа «голова безбородого мужчины в пилосе (кабира?) – бодающий бык и пшеничное зерно, ΦΑΝΑ» (77 – рис. 2, *3*)[41], тетробол с «головой бородатого мужчины в пилосе с венком – бодающим быком и зерном, ΦΑΝΑ» (рис. 2, *4*)[42], диобол с «головой безбородого мужчины в пилосе с венком – протомой бодающего быка и зерном, ΦΑΝΑ» (84 – рис. 2, *6–15*), и гемиобол с «головой безбородого мужчины в лавровом венке (Аполлон?) и зерном между буквами Φ–Α» (рис. 2, *5*).

---

[37] Не исключено, что «Полиенова денежная реформа» была впервые апробирована Левконом в Феодосии около 390 г., а для изъятия из оборота её монет (в основном медных – рис. 5, *8–13*) в Пантикапее была отчеканена медь с «фирменным» феодосийским реверсным сюжетом – «голова быка в профиль» (рис. 1, *3, 4*). Однако полное отсутствие аутентичных данных не позволяет здесь идти дальше самых осторожных предположений.

[38] Само собой разумеется, что проведению данной акции предшествовало издание указа Левкона (возможно, вырезанного на каменных стелах), где регламентировался порядок обмена денег и предусматривалось введение санкций за его неисполнение. Ближайшим примером может служить знаменитый монетно-метрологический декрет Афин (IG. Ii. 1453) второй половины V в., предписывавший союзным городам произвести обмен своего серебра, битого в различных денежных стандартах, на аттическое серебро [*см.*: Строкин, 2009а, с. 153 сл.].

[39] Анохин, 1986, с. 29, 30; Фролова, 2001, с. 12, 13. Н. А. Фролова [там же] мотивировала свое решение тем, что в серии с «бодающим быком» отсутствуют мелкие номиналы (ниже обола), причем оболами считает две монеты (вес 0,81 и 0,84 г) с «протомой бодающего быка» на реверсе [там же, с. 14]. Отсутствие фототипий обеих монет и сведений об их сохранности вынуждает воздержаться от суждения о наличии оболов в этой серии.

[40] В основу классификации монет, предложенной В. А. Анохиным, положен сугубо формальный признак: наличие или отсутствие венка на голове кабира [Анохин, 1986, с. 139]. В результате в рамках одной эмиссии оказались разнотипные диоболы: с «бодающим быком» (77) и с «головой быка в ¾» (78). Здесь, безусловно, права Н. А. Фролова, положившая в основу классификации ранних монет Фанагории реверсный сюжет [Фролова, 2001, с. 12–14]. Что касается венка, то, надо полагать, эта деталь была введена для облегчения визуального распознавания монет различных номиналов. Судя по всему, фанагорийские монетарии выступили здесь в роли законодателей местной нумизматической «моды» – сочетание голов сатиров с плющевым венком и без оного в рамках одной эмиссии появилось в Пантикапее лишь на рубеже 60-х и 50-х гг. IV в. (*см.* ниже).

[41] Случайно найденную близ Фанагории в 2014 г.; вес 4,86 г, диам. 18 мм; вес до очистки – 5,54 г (рис. 2, *1*).

[42] Монеты этого вида Н. А. Фролова ошибочно считала триоболами [Фролова, 2001, с. 13]. Ныне известны экземпляры весом 3.08, 3.30, 3.64 и 2.62 г.; последний экз. средней сохранности полностью очищен от патины.

Рис. 2. Монеты Аполлонии – Фанагории IV в. до н. э.
1, *3–15* – Фанагория, серебро, *ок*. 392–382 гг.; *2* – Аполлония, медь, ок. 393/2 гг.
1, 3 – драхма; *4* – тетробол; *5* – гемиобол; *6–15* – диоболы

Серию Фа-2 образуют 3 номинала: диобол с «головой безбородого мужчины в пилосе – головой быка в ¾ и пшеничным зерном, ФА» (78 – рис. 3, *1–9*), обол с «головой быка в ¾ – зерном горизонтально, ФА» (рис. 3, *10*) и гемиобол с «головой безбородого мужчины – зерном, Ф–А (79 – рис. 3, *11*).

Прежде всего, следует заметить, что отсутствие в обеих сериях мельчайших фракций серебра[43], равно как и ранней фанагорийской меди, служит лишним доводом в пользу

[43] Из общей массы гемиоболов с «пшеничным зерном» Д. Б. Шелов выделил экземпляры пониженного веса (зачастую вследствие коррозии или (и) полной очистки от патины) и счел их тетартемориями [Шелов, 1956, с. 73]. Еще дальше пошла Н. А. Фролова, разделив монеты этого вида на три номинала: гемиобол, тетартемморий и гемитетартемморий [Фролова, 2001, с. 13]. При этом названные нумизматы оставили без объяснений

существования на Боспоре сугубо медного эмиссионного периода (*ок.* 405–393/90 гг.), а также того, что в рассматриваемое время функции мелкого серебра исполняла старая медь Аполлонии[44] и Пантикапея.

В пользу предложенной последовательности выхода серий можно привести два довода: 1) сюжет с бодающим быком впервые появился на монетах Гераклеи Понтийской, видимо, в самом начале IV в.[45], а в нумизматике Феодосии – около середины 390-х гг.[46]. Поэтому логично ожидать близкого по времени появления этого сюжета на монетах Фанагории; 2) в серии Фа-2 дебютирует новый номинал (обол), а на его лицевой стороне опять же впервые оказался реверсный сюжет старшего номинала (диобола) – голова быка.

Вряд ли соответствуют действительности и традиционные представления о непрерывном характере производства монет обеих серий. Во-первых, они разнородны по стилистике, чем выявляются руки последовательно сменявших друг друга мастеров (*ср.*: рис. 2, *6–15* и 3, *1–9*). Во-вторых, диоболы серии Фа-2 заметно тяжелее диоболов серии Фа-1; последние находятся на стопе боспорских монет конца V в., а первые – персидского стандарта (1,86 г[47]). Наконец, представляется далеко неслучайным, что реверсный сюжет диобола серии Фа-2 – «голова быка в трехчетвертном ракурсе» – активно эксплуатировался монетариями Пантикапея в IV–II вв.[48], а впервые появился на тетроболе с «фасовой головой сатира» типа 121 (рис. 4, *8*), который издавна датируется 360–340-ми гг.[49] Особого внимания заслуживает экземпляр, недавно найденный на Тамани, демонстрирующий явные следы литников (рис. 4, *9*)[50].

Итак, мы имеем дело с уникальным случаем выпуска на Боспоре серебряных монет по технологии, которая широко применялась здесь для меди в период денежного кризиса III в. Уже сам факт эпизодического использования этого приема при Левконе I ясно даёт понять, что пантикапейские монетарии вновь столкнулись с проблемой переработки значительного объема импортного серебра[51], но на сей раз применили новый метод: отливку нескольких монетных кружков в одной форме[52]. Думается, этот экстраординарный факт получает вразумительное объяснение, пожалуй, лишь в рамках предположения о новой «Полиеновой денежной реформе» Левкона. По всей видимости, в серебро этого типа (121) были конвертированы фанагорийские монеты второй

закономерно возникающий вопрос: как могли визуально различаться *однотипные*, и притом чрезвычайно близкие по размеру и весу монеты названных ими смежных номиналов?

[44] Которая наверняка была изъята Левконом из обращения в ходе его «Полиеновой денежной реформы».

[45] Зограф, 1951, с. 162, 183; Шелов, 1956, с. 51.

[46] Сапрыкин, 1986, с. 76; Шонов, 2002, с. 330; Строкин, 2011а, с. 44.

[47] Анохин, 1986, с. 38, 39. Средний вес 22-х учтенных мною диоболов серии Фа-1 составляет 1,20 г, максимальный – 1,51 г. Средний вес 19-ти диоболов серии Фа-2 составляет 1,68 г, максимальный – 1,76 г.

[48] Вряд ли прототипом здесь могла служить мелкая феодосийская медь конца V – начала IV вв. (рис. 5, *8–10*).

[49] Зограф, 1951, с. 245, табл. XL. 17; Шелов, 1956, с. 215, табл. IV. 44.

[50] Любопытно, что находчик монеты намеревался было удалить литники, дабы придать ей «нормальный вид».

[51] Как это было в конце V в., когда оно отчасти перебивалось новыми штемпелями [Строкин, 2014, с. 356].

[52] Понятно, что эта технология применялась эпизодически в вышеозначенной экстраординарной ситуации, и в дальнейшем от нее пришлось отказаться (видимо, из соображений экономии драгметалла).

Рис. 3. Серебряные монеты первой половины IV в. до н. э.
1–11 – Фанагория, *ок*. 371–362 гг.; *1–9* – диоболы, *10* – обол, *11* – гемиобол
12–16 – гемидрахмы Пантикапея, *ок*. 380–375 гг.

серии, изъятые у населения Тамани в ходе унификации денежного обращения в только что созданном III Боспорском царстве. Причем всё указывает на то, что в ходе этой «реформы» новые подданные Левкона были фактически ограблены, ибо в лучшем случае получили взамен конфискованному у них серебру с легендой ΦΑ медные тетартемории

Пантикапея типа 126[53], идентичные по виду «пост-фанагорийскому» тетроболу (*ср*. рис. 4, *8* и 4, *10*). Полагаю, едва ли найдется иное объяснение присутствию этой мелочи в тесном эмиссионном соседстве с крупным серебром. Весьма симптоматичным в этом плане представляется то, что эта единственная в Пантикапее «фасовая» медная монета выпускалась крайне недолго[54], причем после длительного перерыва[55]. Ну а сам факт её значительной редкости подразумевает высокую вероятность участия в этой конфискационной акции аналогичных по виду медных монет с «головами юного сатира в профиль и быка», причем опять же со следами литников (114 – рис. 4, *11*). Если приведенные рассуждения в целом верны, то выходит, что, условно говоря, вторая «Полиенова денежная реформа» была проведена Левконом в самом конце периода бытования «фасовых» голов в чеканке Пантикапея.

Для уточнения датировки этой финансово-эмиссионной акции мы будем опираться на ранее установленный ориентир: около 393/2 гг. в Аполлонии – Фанагории возобновилось производство денег, и, вслед за медной монетой с «головой льва в фас и пшеничным зерном (?), А-П» (рис. 2, *2*), вышла первая серия серебра с легендами ΦΑΝΑ/ΦΑ (*ок*. 392–382 гг.). Разумеется, последняя дата маркирует время захвата Фанагории Левконом, а к ней приводят 10 лицевых штемпелей у диоболов этой серии (рис. 2, *5–14*)[56]. Согласно приведенным выше соображениям, тогда же в Пантикапее были отчеканены золотые гекты, а после фактического поглощения им Синдского царства (*ок*. 381 г.) началось производство золотых статеров I группы. Последние – биты шестью лицевыми штемпелями, а статеры II группы – тремя [Фролова, 2002, с. 288, 289], что дает 6 эмиссионных лет для статеров I группы и 3 года для статеров II группы. Наличие же общего реверсного штемпеля у монет обеих групп [Зограф, 1951, с. 176] позволяет констатировать непрерывное производство статеров в период около 381–372 гг., где последняя дата, согласно оговоренным выше условиям, маркирует время начала освободительной войны на Азиатском Боспоре. Если допустить, что Левкон был изгнан оттуда в следующем 371 г., и тогда же в Фанагории возобновилась чеканка серебра (Фа-2), то, при наличии девяти лицевых штемпелей у диоболов этой серии (рис. 3, *1–9*), последний период независимости города приходится ориентировочно на 371–362 гг., и, соответственно, начало выпуска золотых статеров Пантикапея III группы – на 361 г.

Несложно заметить, что последняя дата разительно отличается от общепринятой (*ок*. 340 г.), и это притом, что датировка статеров III группы считается надежно установленной[57]. Однако в свете исследований Ч. Сэлтмана [Seltman, 1955, p. 201] и Е. И. Похитонова [Pochitonov, 1968], ускользнувших от внимания отечественных нумизматов, назрела необходимость в коренном пересмотре традиционных представлений. Ввиду

[53] В последнее время датировка этой монеты неоправданно завышается: около 294–284 гг. [Анохин, 1986, с. 141]; около 303–300 гг. [Мельников, 2002, табл. II], «может быть, 335–330 гг. » [Терещенко, 2013, с. 121].

[54] Ныне известны 2 экз. – рис. 4, *10* и [Анохин, 1986, с. 141, табл. 4, 146]

[55] Который, по мнению Д. Б. Шелова, приходится на время выпуска золота I и II групп [Шелов, 1956, с. 103], а, согласно вышеизложенным соображениям, на период между двумя «Полиеновыми денежными реформами».

[56] Для справки: синдские диоболы последней серии (С-5), которые, на мой взгляд, выпускались параллельно монетам Фанагории первой серии (Фа-1), биты 9-ю лицевыми штемпелями [*см*.: Фролова, 2002, с. 72, 73].

[57] Regling, 1931; Зограф, 1951, с. 172 сл., табл. XL. 9; Шелов 1956, с. 91 сл., табл. III. 31; Фролова, 2015, с. 27.

Рис. 4. Монеты Пантикапея первой половины IV в. до н. э.
1 – золотой статер I группы, *ок*. 375–372 гг.; серебро: *2–9*, *12*; медь: *10*, *11*
2, *3* – *ок*. 375/4 гг.; *4*, *5* – *ок*. 373/2 гг.; *6*, *7* – *ок*. 366/4 гг.; *8–11* – *ок*. 362/1 гг.; *12* – *ок*. 361 г.

того, что этот сюжет подробно рассмотрен мною ранее [Строкин, 2013, с. 583 сл.], ограничусь кратким резюме. Золото Пантикапея выпускалось в период около 380–330 гг., а статеры III группы чеканились примерно между 360 и 350 гг. [Pochitonov, 1968, s. 58].

Как видим, предложенная Е. И. Похитоновым начальная дата для статеров III группы (*ок*. 360 г.) практически совпадает с установленной здесь другим путем (*ок*. 361 г.).

Более того, если от новой даты прекращения золотой чеканки Пантикапея (*ок.* 330 г.) отсчитать 31 год (что соответствует числу лицевых штемпелей у статеров III–VI групп[58]), мы приходим ровно к той же «стартовой» дате для статеров III группы: 361 г. (330+31). Это свидетельствует о корректности полученных результатов в рамках использованного здесь метода учета лицевых штемпелей, с одной стороны, и надежности ряда хронологических ориентиров, а также новой датировки пантикапейского золота, – с другой. В результате выясняется, что в золотой чеканке Пантикапея существовал один продолжительный перерыв (*ок.* 372–361 гг.), а на последнюю дату приходится вторая «Полиенова денежная реформа» и начало производства статеров III группы, которые выпускались вплоть до 353 гг.[59], т. е. до смерти Левкона I (353/2 г.). Таким образом, мы обретаем, в общем-то, вполне надежные ориентиры для раннего серебра Фанагории и золота Пантикапея, что открывает широкие перспективы в деле хронологической реконструкции серебряных чеканок Пантикапея и Феодосии IV в. Но прежде, чем продолжить движение в указанном направлении, необходимо сделать беглый обзор политической и эмиссионной ситуации в последнем из названных городов[60].

Будучи одной из древнейших милетских колоний в Северном Причерноморье, Феодосия с момента своего основания (около середины VI в.) и вплоть до начала IV в. существовала как самостоятельный полис. Скорее всего, во время предпринятой Периклом в 437 г. Понтийской экспедиции город был вовлечен в I Афинский морской союз и подвергся колонизации, а затем ему было присвоено имя предводителя афинских переселенцев, Феодея[61]. С началом Пелопоннесской войны горожане разделили все тяготы, выпавшие на долю афинских союзников, чем, вероятно, и объясняется сравнительно позднее возникновение в Феодосии монетного двора. Пожалуй, единственное в своем роде эмиссионное «окно» могло открыться после произошедшей в 414/3 г. отмены поистине грабительских общесоюзных налогов; видимо, в это время выпускались два номинала серебра с легендой ΘΕΟΔΕΟΣ (Фе-1 – рис. 5, *1, 2*). Ну а тот факт, что с возвращением в 410 г. прежней системы налогообложения в Архэ [*см.*: Кондратюк, 1983, с. 341] городская чеканка не прервалась (Фе-2 – рис. 5, *3–7*), наводит на мысль, что Феодосии были предоставлены некие финансовые преференции. Другим же фактом – появлением около 405 г. политически нейтральной меди с «головой быка – звездой» (Фе-3, 4 – рис. 5, *8–10*) – подразумевается резкое ослабление позиций афинян в городе, а последовавшая вскоре капитуляция Афин (404 г.) делает присутствие здесь выходцев из Аттики и вовсе призрачным. Судя по демонстрируемой монетами этого вида смене легенды – ΘΕΟΔΕΟ – ΘΕΟΔΟΣ (рис. 5, *8*, *10*), – около 395 г. городу было возвращено его исконное название – Феодосия. Введенная тогда же в оборот новая серия медных монет (Фе-5 – рис. 5, *11–13*) с типично гераклейской символикой (бодающий бык/протома быка/голова быка) даёт недвусмысленное указание на то, что в первый период

[58] (8+10+8+5 = 31) [*см.*: Фролова, 2002, с. 289–291]. В своей таблице Н. А. Фролова [с. 291] разделила статеры Пантикапея аттического веса на две группы: VI и VII, однако в тексте нет упоминаний о статерах VII группы.

[59] Ввиду имеющихся в наличии восьми лицевых штемпелей [*см.*: Фролова, 2002, с. 289, 290].

[60] Который базируется на соответствующих исследованиях автора этих строк [Строкин, 2011а, 2014а].

[61] Строкин, 2014а, с. 368. Велик соблазн усматривать его портретное изображение в мужской голове с коротко стриженой бородкой на монетах дебютной серии Феодеи – Феодосии (рис. 5, *1, 2*).

Рис. 5. Монеты Феодеи (*1–9*) – Феодосии (*10–15*) V–IV вв. до н. э.
серебро: *1–7, 14, 15*; медь: *8–13*;
1, 2 – ок. 413–410 гг.; *3–7 – ок*. 410–405 гг.; *8, 9 – ок*. 405–395 гг.;
10 – ок. 395 г.; *11–13 – ок*. 395–393/2 гг.; *14, 15 – ок*. 393/2–390 гг.

меди (*ок*. 405–393/2 гг.) произошла резкая смена политических ориентиров: после ухода из города афинян на оказавшееся вакантным место союзника пришла Гераклея Понтийская. Судя по «про-гераклейской» типологии монет Фанагории (Фа-1) и Синдского царства (С-5), гераклеоты принимали активное участие в изгнании Сатира из пределов

Азиатского Боспора. После чего пантикапейский тиран приступил к осаде Феодосии, под стенами которой, как известно, скончался в 393/2 г. Едва ли можно сомневаться в том, что последнее событие было отмечено в Феодосии торжествами, а также эмиссией помпезного серебра с «головами Ареса/Афины – букранием в праздничном убранстве, ΘΕΟΔΟ» (Фе-6 – рис. 5, *14, 15*). После некой паузы, обусловленной похоронами Сатира, осаду города продолжил Левкон[62], успешно завершив её около 390 г. Судя по наличию трех эмиссий феодосийского серебра, безусловно, принадлежащих первой половине IV в.[63], еще при жизни Левкона городу удалось на какое-то время восстановить свою независимость.

Речь идет о двух наличных экземплярах тетробола с изображением «головы Аполлона и букрания, украшенного тениями, ΘΕΥΔΟ», битых общим лицевым штемпелем (рис. 6, *1*), уникальной гемидрахме с «головой Деметры и пшеничным колосом, ΘΕΥΔΟ» (Рис. 6, *2*)[64], одиннадцати диоболах того же типа, битых шестью лицевыми штемпелями (Рис. 6, *3–8*), и двух гемидрахмах с «головами Афины в ¾ и Афродиты, ΘΕΟΔΟ» (Рис. 6, *9*)[65].

Главным препятствием для определения места этих небольших по объему выпусков на хронологической шкале является то, что они заведомо не способны заполнить собой примерно 20-летний потенциально эмиссионный период (вплоть до середины 360-х гг., когда Феодосия была надолго поглощена Боспором). Дополнительные трудности создаются тем, что это серебро с одинаковой степенью вероятности могло чеканиться как в некий единственный период независимости города, так и в два или даже в три таких периода. С довольно высокой долей уверенности сейчас можно говорить, пожалуй, лишь о том, что гемидрахма с «головами Афины и Афродиты» завершает чеканку Феодосии при Левконе I, и выпускалась в период бытования «фасовых» голов сатиров в нумизматике Пантикапея (*ок*. 375–361 гг.)[66]. Другую «зацепку» может дать вышеупомянутая драхма с «головой бородатого сатира в ¾ и идущим львом» (99 – рис. 4, *6*)[67], несущая тот же «пост-феодосийский» реверсный сюжет (в «зеркальном» исполнении), что и рассмотренные выше монеты типа 85–86 (*ср*.: рис. 1, *5* и рис. 4, *6*). Это позволяет усматривать в драхме типа 99 нумизматическую реакцию Пантикапея на очередное взятие Феодосии Левконом. Ориентируясь на вышеуказанную датировку этого события (*ок*. 366/4 гг.), феодосийскую гемидрахму с «головами Афины и Афродиты» и «пост-феодосийскую» драхму Пантикапея (99) представляется возможным относить к тому же времени.

Решительную ясность в вопросы хронологии феодосийской чеканки при Левконе, как мне кажется, способна внести уникальная золотая монета Пантикапея неизвестного

[62] По всей вероятности, именно к этому времени относится новелла Полиена о Тиннихе (V. 23).

[63] Судя по фактурным признакам: сравнительно высокому рельефу изображений в сочетании с глубоким оттиском верхнего штемпеля с плоской рабочей поверхностью.

[64] Хотя вес полностью очищенной от патины монеты составляет 1,50 г, но ее значительные размеры (17 мм) при плохой сохранности не оставляют сомнений в том, что перед нами – гемидрахма.

[65] Обе формы названия города (Θεοδοσίη, Θευδοσίη) сосуществуют при Левконе I [Яйленко, 2004, с. 433–435].

[66] По мнению В. А. Анохина, эта феодосийская монета выпускалась около 385 г. [Анохин, 2011, № 939].

[67] Скорее всего, В. А. Анохин прав, полагая, что совместно с этими драхмами (99) выпускались гемидрахмы типа 100 с тем же лицевым сюжетом и львом, готовящимся к прыжку, на о. с. (рис. 4, *7*) [Анохин, 1986, с. 140].

Рис. 6. Серебряные монеты Феодосии IV в. до н. э.
1 – ок. 382 г.; *2–8 – ок.* 381–375 гг.; *9 – ок.* 370–366/4 гг.
1 – тетробол; *2* – триобол; *3–8* – диоболы; *9* – триобол

прежде типа и номинала – трите (вес 3,0 г)[68]. Аверс: голова бородатого сатира влево. Реверс: голова Деметры в венке из пшеничных колосьев влево, Π-A-N (рис. 1, *17*).

Бросается в глаза единственное в пантикапейской чеканке раннего времени изображение Деметры, ближайшие параллели которому имеются лишь в нумизматике Феодосии (*ср.*: рис. 1, *17* и 6, *2–8*). Уже один этот факт способен наводить на мысль, что трите наделен новой «пост-феодосийской» мемориальной символикой, и, судя по стилистике[69], чеканился в период выпуска золота Пантикапея I группы (*ок.* 382–375 гг.). Поскольку же

[68] Что равняется ⅓ золотого статера [Зограф, 1951, с. 40]. Для справки: средний вес «тяжелых» золотых статеров Пантикапея (I–V групп) составляет 9,09 г., амплитуда колебаний – от 9,0 до 9,20 г [там же, с. 174]

[69] К сожалению, фототипию монеты, находящейся в частной коллекции, заполучить не удалось. Рисунок выполнен автором со слов одного из прежних ее владельцев, а также лиц, видевших монету в оригинале. Каждый из них акцентировал внимание на том, что стилистика головы сатира здесь такая же, как на статерах Пантикапея I группы. Монета найдена случайно в начале нынешнего века близ п. Джигинка (Анапский район).

первая дата означает также время пресечения дебютной чеканки Фанагории (Фа-1) вследствие захвата города Левконом, то логично предположить, что феодосийцы, воспользовавшись отсутствием основных сил противника в Крыму, подняли мятеж и восстановили свою независимость. Ввиду отсутствия в нумизматике Пантикапея иных монет, способных претендовать на статус «пост-феодосийских», можно заключить, что Феодосии удалось дважды отложиться от Боспора/Пантикапея при Левконе, и, стало быть, тетробол с «Аполлоном и букранием» (Фе-7), а также серия монет с «Деметрой и колосом» (Фе-8) выпускались одновременно с золотом Пантикапея I группы (*ок*. 382–375 гг.). Если допустить, что раритетный феодосийский тетробол[70] увидел свет в том же 382 г., а в следующем году была запущена в оборот серия монет с «Деметрой и колосом», то, при наличии шести лицевых штемпелей у диоболов (рис. 6, *3–8*), мы получаем искомое время повторного захвата Феодосии Левконом: около 375 г. А заодно становится совершенно очевидным, что «пост-феодосийский» трите с «Деметрой» завершает эмиссию золота Пантикапея I группы, и эпизодически выпускался тогда же (*ок*. 375 г.).

Теперь обратимся к надписям левконовского времени. К сожалению, они не дают ответ на главный вопрос – о последовательности завоевания Левконом Тамани и Феодосии – связка «Боспор и Феодосия» фигурирует неизменно, – но при этом распадаются на две группы. К первой группе относятся посвящения, демонстрирующие эволюцию официальной титулатуры Левкона (архонт – царь) и расширение его территориальных владений. Древнейшими из них принято считать посвящения Демарха (КБН 1111) и Фениппа из Гермонассы, где Левкон – «архонт Боспора и Феодосии». В следующем по времени посвящении Теопропида из Нимфея Левкон уже – «архонт Боспора, Феодосии, всей Синдики, торетов, дандариев и псессов»[71], а в посвящении КБН 6а – «архонт [Боспора и Фео]досии [и синдов / Синдики] и царь [торетов, дандариев и псессов]». Все же прочие надписи (КБН 6, 8, 1037, 1038) принадлежат второй группе, так как демонстрируют окончательную «стандартную» формулу: «архонт Боспора и Феодосии, царь синдов, торетов, дандариев и псессов»[72].

В свете предложенной здесь периодизации территориальной экспансии Левкона I (два этапа) логично думать, что надписи первой группы относятся ко времени пребывания Феодосии в составе II Боспорского царства (*ок*. 375–372 гг.), а надписи второй группы – к III Б. ц. при Левконе (*ок*. 362–353/2 гг). Здесь напрашивается одно уточнение и два дополнения к только что сказанному.

Обе надписи, где Левкон является архонтом Боспора и Феодосии (КБН 1111 и из Гермонассы), равновероятно могли быть изготовлены в период становления как II, так и III Боспорских царств. К тому же, гермонасская надпись обломана, и теоретически могла содержать краткий перечень племен: «архонт… Бо [спора и Феодосии, царь синдов и (всех) меотов]»[73]. Ссылаясь на специфику письма посвящения Демарха (КБН 1111),

[70] Несущий «стандартную» для Феодеи – Феодосии нарочито триумфальную символику, которая красной нитью проходит через нумизматику города, начиная с конца V в.,– *ср*. рис. 5, *4, 14, 15* и рис. 6, *1*.

[71] Это единственная надпись, где фигурирует термин «вся Синдика», а Левкон – архонт меотских племен.

[72] *См*.: Завойкин 2004б, с. 66; 2013, с. 302 сл. с литературой.

[73] Белова 1967, с. 63; Яйленко 2004, с. 435, примеч. 1. Справедливости ради следует заметить, что такая формула зафиксирована пока лишь в надписях времени Перисада I.

В. П. Яйленко датирует его между 370 и 349 гг.[74]; если его наблюдения верны, то надпись относится к первым годам существования III Боспорского царства (вскоре после 362 г.).

Несколько особняком стоят две надписи: пантикапейская копия декрета аркадян в честь Левкона I (КБН 37) и его личное посвящение из Лабриса.

Декрет аркадян примечателен главным образом тем, что является единственной надежно датированной боспорской надписью раннего времени; по общему мнению, он связан с хлебной торговлей и был издан между 370 г. (образование Аркадской лиги) и 362 г., когда союз был распущен [*см.*: Завойкин, 2004в, с. 151]. Между тем, представленная здесь схема эволюции военно-политической ситуации на Боспоре позволяет усомниться в том, что Левкон был способен оказать реальную помощь продовольствием кому бы то ни было вплоть до момента формирования III Боспорского царства (*ок.* 362 г.) – между 372 и 366/4 гг. на Боспоре шла череда войн, и под контролем Левкона находилась лишь восточная оконечность Керченского п-ова (*см.* ниже). А после взятия Феодосии (*ок.* 366/4 гг.) он готовился к новой войне на Тамани, и, очевидно, сам испытывал острую нужду в провианте. Всё это делает фактически безальтернативной «точечную» датировку декрета аркадян: 362 г.[75]

Предельно широкий спектр датировок, охватывающий практически весь период правления Левкона I[76], исследователи предложили в отношении его личного посвящения Фебу Аполлону из Семибратнего городища/Лабриса.

Из контекста надписи, а также из новеллы «Тиргатао» (*Polyaen.* VIII. 55) следует, что Октамасад являлся сыном синдского царя Гекатея от брака с Тиргатао (которая была родом из меотского племени иксоматов), а инициированная беглой синдской царицей меото-боспорская война завершилась крахом I Боспорского царства (*ок.* 394 г.). Поскольку же Полиен не упоминает Октамасада, этим создается высокая вероятность пребывания Тиргатао на синдском престоле вплоть до первого вторжения Левкона в Синдику (*ок.* 381 г.), причем, похоже, тогда же она умирает (погибает?); во всяком случае, на момент установки лабрисского вотива синдскую оппозицию возглавлял её сын Октамасад. Всё это, а также то, что последнему удалось свергнуть отца с престола, ясно дает

[74] Яйленко 2004, с. 334, 335. На основании сравнения частотности употребления графем о и ου в боспорских надписях времени Левкона I и Перисада I, с одной стороны, и в датированных аттических надписях – с другой, В. П. Яйленко предложил новую датировку надписей времени Левкона I: КБН 1037, 1038 и нимфейский вотив – *ок.* 389–373 гг.; КБН 6, 1111 и лабрисский вотив – после 370 г.; КБН 6а, 8 и вотив из Гермонассы – после 368 г. [Яйленко, 2004, с. 434]. При этом ученый вынужден признать, что «полученные результаты не обладают желательной точностью ввиду того, что надписи времени Левкона содержат немного указанных графем» [там же]. Поскольку же схема В. П. Яйленко явно проигрывает традиционной, ученый относит наиболее вопиющие расхождения на счет ошибок древних резчиков. Так, в надписи Теопропида якобы пропущено слово βασιλεύοντος, а отсутствие перечня племен в надписи КБН 1111 объясняет отсутствием свободного места на кронштейне гермы. Наконец, оспаривая чтение В. В. Шкорпилом надписи КБН 6а, В. П. Яйленко полагает, что слово «синдов» можно восстановить вместо «торетов» [там же, примеч. 1, 2]. Если в первом случае достаточно сослаться на резонные возражения другого специалиста [Шелов-Коведяев, 1985, с. 130, 131], то в отношении надписи КБН 1111 хотелось бы указать на отсутствие препятствий для ее размещения на стержне гермы. Наконец, при реконструкции надписи КБН 6а явную оплошность допустил сам В. П. Яйленко: при переносе «синдов» на место «торетов» на прежнем месте возникает лакуна, которую, в сущности, нечем оправдать.

[75] Уместно при этом обратить внимание читателя на то, что полученная дата (362 г.) коррелирует с датировкой надписи, которую недавно предложил Д. В. Грибанов: 364–362 гг. [Грибанов, 2013, с. 92 сл.].

[76] «… самое начало IV в. до н. э.» [Блаватская, 1993, с. 34 сл.]; 380-е гг. [Шелов-Коведяев в статье: Виноградов, 2002, с. 20, 21]; 370–360 гг. [Яйленко, 2004, с. 435], после 366/4 гг. [Завойкин, 2004а, с. 92].

понять, что занимающее нас посвящение отображает следующий этап вооруженного противостояния в Синдике, когда, вслед за силовой реставрацией власти Гекатея (*ок.* 381 г.) и в ходе предпринятого затем Левконом штурма Феодосии, завершившегося около 375 г. взятием города, Октамасад совершил переворот, отчего боспорскому тирану вновь пришлось силой наводить порядок в Синдике. Если же учесть мизерную, на мой взгляд, вероятность того, что Гекатей мог дожить до конца 360-х гг. (когда его царство было окончательно инкорпорировано в состав Боспора)[77], а также то, что крупнейший и, вместе с тем, самый поздний из Семибратних курганов (№ 1) датируется рубежом первой и второй четверти IV в., причем существует небезосновательное мнение, что в нем был погребен Гекатей[78], то из всего этого вытекает однозначный вывод. Лабрисский вотив был установлен в годы существования Синдики в составе II Боспорского царства (*ок.* 381–372 гг.), а с учетом только что сказанного – около середины 370-х гг. К слову сказать, эти рассуждения согласуются с предложенным В. П. Яйленко чтением, пожалуй, наиболее спорного места надписи: «Левкон… двинувшись из Феодосии, с боем и победой изгнал Октамасада из Синдской земли…»)[79]. А впрочем, сюда подходит и вариант С. Р. Тохтасьева: «… Левкон… архонт Боспора и Феодосии, изгнал Октамасада битвой и военной силой из земли синдов…» [Тохтасьев, 2004, с. 156]. Однако в этом случае датировку надписи надлежит расширить почти до конца существования II Боспорского царства (*ок.* 375–372 гг.), когда, судя по относящимся к этому времени посвящениям Теопропида и КБН 6а, Левкону удалось подчинить ряд Прикубанских племен, а тревожные вести из Синдики могли застать его не только под стенами Феодосии, но и в землях меотов. В общем, при любых вариантах чтения лабрисской надписи её абсолютная датировка укладывается в довольно узкие рамки: около 375–372 гг.

И всё же вряд ли стоит пренебрегать любой возможностью для уточнения датировки этого замечательного памятника, а в особенности той, которую, на мой взгляд, способна предоставить нумизматика Пантикапея периода «фасовых голов» (*ок.* 375–361 гг.). В высшей степени примечательным является то, что в это время город выпускал серебро исключительно крупных номиналов (не ниже гемидрахмы), к тому же, наделенное «триумфально-милитаристской» символикой (рис. 4, *2–7, 12*). Чем во многом предопределяется следующий вывод: перед нами – специальные эмиссии, имевшие своей главной целью содержание армии Левкона в военное время[80]. Такое заключение существенно подкрепляется тем, что указанный период изобилует масштабными военно-политическими собы-

[77] Он находился на престоле ещё в конце V в. и уже тогда был женат на Тиргатао [Строкин, 2012, с. 402–404].

[78] Горончаровский, 2011, с. 276, 277. Поскольку Гекатей, породнившийся со Спартокидами, был явно непопулярен в Синдике и дважды оттуда изгонялся при Сатире I (*ок.* 400 и 394 гг.) [Строкин, 2012, с. 404 сл.], значит, столь пышные похороны мог организовать только Левкон I. Судя по наиболее поздней надписи этого времени (КБН 6а), где Левкон – «архонт [Боспора и Фео]досии [и синдов/Синдики] и царь [торетов, дандариев и псессов]», тогда формальным царем синдов был Гекатей. Следовательно, он умер вскоре после подчинения Левконом трех меотских племен, т. е. в самом конце существования II Б. ц. или же около 372 г., что согласуется с общепринятой датировкой Первого Семибратнего кургана (*ок.* 375 г. [Горончаровский, 2011, с. 277]).

[79] Яйленко, 2004, с. 431. Такое чтение надписи подразумевает два варианта развития событий: 1) Левкон мог перебросить свои войска в Синдику тотчас после подчинения Феодосии; 2) он мог прервать атаки на город в связи с тревожными известиями из Синдики, а после изгнания Октамасада возобновить осаду Феодосии. Несколько забегая вперед, замечу, что первый вариант представляется значительно более предпочтительным.

[80] Это обстоятельство лишает всякого смысла использование здесь метода учета лицевых штемпелей.

тиями: вначале Левкону удалось подавить мятеж Октамасада и подчинить ряд меотских племен, а затем последовали крушение Второго Боспорского царства и силовое формирование Третьего. Отсюда вытекает, что весь блок «фасового» серебра Пантикапея (за вычетом «пост-феодосийского» – рис. 4, *6, 7*) был предназначен, главным образом, для финансирования военных операций Левкона в восточно-боспорском регионе. На фоне прочих монет этого блока заметно выделяются гемидрахмы с уникальной в раннебоспорской нумизматике двухфигурной композицией: лев, убивающий лань (98 – рис. 4, *2, 3*).

По мнению В. А. Анохина, перед нами – нумизматическая иллюстрация заключённого между Боспором (лев) и Ольвией (?) союзного договора против Херсонеса Таврического (лань) [Анохин, 1999, с. 60, 61]. Резонно отклонив эту версию и ссылаясь на наличие аналогичной сцены (лев, убивающий быка) в нумизматике Херсонеса Таврического и Керкенитиды третьей четверти IV в., А. Е. Терещенко счел возможным синхронизировать эти типологически родственные эмиссии, и полагает, что выявленный им синхронизм может указывать на какие-то грандиозные события в Северном Причерноморье, в коих усматривает войну Перисада I со скифами, случившуюся перед 328/7 гг.[81]

На деле же, декларируемый А. Е. Терещенко «синхронизм» является мнимым уже потому, что весь блок «фасовых» монет Пантикапея выпускался при Левконе I (*см.* выше)[82]. Вместе с тем, заслуживает внимания другая мысль исследователя: сцена «терзания», возможно, связана с сакральной идеей силового владычества над варварами[83]. Действительно, такая трактовка данного сюжета вполне адекватно отображает стремление Левкона поставить под свой контроль ряд туземных племен Прикубанья. Более того, как мне кажется, имеет изрядные шансы на успех попытка «точечного» определения этих туземцев.

Но вначале необходимо проинформировать читателя о том, что лани – это горные животные, и в современной дикой природе сохранились лишь на юге Ирана, а в древности обитали по всему Средиземноморью, в Горном Крыму и на Кавказе. Известно также, что многие древние народы отождествляли себя с теми или иными животными и зачастую возводили от них свою генеалогию. Ближайшим примером могут служить синды – голова коня доминирует в эмблематике их монет. В этой связи позволю себе высказать предложение, что лань могла быть символом ближайших соседей синдов – иксоматов.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что, судя по контексту новеллы «Тиргатао» и сообщению Гекатея Милетского (fr. 166)[84], это племя обитало в горной местности к юго-востоку от Анапы. Далее, весьма симптоматичным представляется отсутствие иксоматов в официальной титулатуре Левкона и прочих Спартокидов. Хотя этот любопытный факт принято объяснять тем, что племя переселилось в Северо-Восточное

[81] Терещенко, 2011, с. 79–82. При этом исследователь ссылается на мнение В. П. Яйленко [2010], согласно которому, Сатир, упомянутый в одной из ольвийских надписей, является гераклейским тираном 352–347 гг.

[82] Близкого мнения придерживается Д. МакДональд [MacDonald, 2005, p. 19, 20], но почему-то выводит за эти рамки лишь одну «фасовую» монету Пантикапея – тетробол с «головой быка» (121) [p. 21]. Попутно замечу, что труд британского автора отличается крайним лаконизмом и, по сути своей, является каталогом, причем весьма низкого качества; оный изобилует разного рода ошибками и не охватывает весь наличный материал.

[83] Терещенко, 2011, с. 80, 81. При этом исследователь приводит ряд примеров из нумизматики греческих центров Эгеиды и Причерноморья, находившихся в состоянии конфронтации с местными туземцами [там же].

[84] «… иксибаты (или язаматы, иксоматы – *В. С.*) – это народ у Понта возле Синдики».

Приазовье при Сатире I[85]. Однако это утверждение опровергается лабрисской надписью – в ней упомянут Октамасад, принадлежавший аристократической верхушке как синдов, так и иксоматов, – а еще более тем, что последние участвовали в войне с Сатиром вплоть до его смерти (*Polyaen*. VIII. 55). Нижеследующий же ряд косвенных данных позволяет прийти к твердому убеждению, что к упомянутому исходу иксоматов вынудил именно Левкон I. Как только что писалось, иксоматы принимали активное участие в войне с его отцом и были причастны к гибели его брата Метродора (*Polyaen*. VIII. 55). Наконец, Октамасад, будучи вожаком своих соплеменников, надо полагать, с обеих сторон, оказал упорное сопротивление самому Левкону. Поэтому нет ни малейших сомнений в том, что последний с юных лет проникся ненавистью к иксоматам, и, движимый жаждой мести, приложил максимум усилий, чтобы самым нещадным образом их покарать. Следуя естественной логике вещей, нужно признать исключительно высокой вероятность того, что карательная акция была предпринята Левконом тотчас вслед за изгнанием Октамасада из Синдики. Возвращаясь к анализируемой монете со сценой «терзания» и, принимая во внимание вполне обоснованное, на мой взгляд, мнение В. А. Анохина, согласно которому та выпускалась параллельно с золотом Пантикапея II группы[86] (*ок*. 375–372 гг.), а также то, что ей непосредственно предшествует «пост-феодосийский» золотой трите (*ок*. 375 г.) и серебряная гемидрахма с «возлежащим львом» (*ок*. 380–375 гг.), позволительно сделать следующий вывод. Реверсный сюжет анализируемой монеты (98), похоже, являет собой аллегорическую иллюстрацию учиненной Левконом расправы над иксоматами. И если это так, то получается, что события, упомянутые в лабрисском вотиве, относятся к 375/4 гг., и, надо полагать, уже считанные недели спустя оставшиеся в живых иксоматы были вынуждены навсегда покинуть родные горы. К слову сказать, среди них вряд ли находился Октамасад – скорее всего, он был погребен в самом скромном из Семибратних курганов (№ 3), предпоследнем по времени сооружения[87]. Остается заметить, что вслед за гемидрахмой со сценой «терзания» (98), вероятно, около 373/2 гг. Пантикапей выпустил серию однотипного серебра: гемидрахму (101 – рис. 4, *5*) и уникальный тетробол Британского музея с «головой юного сатира – львом с копьем в пасти» (вес 3,39 г, рис. 4, *4*)[88]. В свете только что сказанного логично предположить, что эмиссия имела своей главной целью финансирование военных операций Левкона в землях меотов.

Вышеизложенное позволяет предложить следующую реконструкцию военно-политических событий на Боспоре в обозреваемое время.

Приняв власть в 393/2 г., Левкон продолжил осаду Феодосии, около 390 г. взял город и провел «реверсивную» денежную реформу – первая серия «пост-феодосийских» монет

[85] Каменецкий, 1971, с. 169; Новичихин, 2009, с. 19.

[86] Анохин, 1986, с. 140, № 98. Правда, киевский нумизмат счел необходимым синхронизировать с золотыми статерами Пантикапея II группы серебро только этого вида.

[87] Горончаровский, 2011, с. 276, 277. Таким образом, получается, что этот курган, датируемый первой четвертью IV в., а также Семибратний курган № 1 (где, скорее всего, был погребен Гекатей) были возведены почти одновременно – где-то в начале второй половины 370-х гг. В общем, похоронив на родовом некрополе своего мятежного и, похоже, единственного сына (С. к. № 3), Гекатей вскоре скончался сам (С. к. 1).

[88] Где он ошибочно причислен к гемидрахмам: www.britishmuseum.org. Registration number: G1874,0715.152.

(рис. 1, *5, 6*). Около 382 г. тиран предпринял вторжение на Тамань, следствием чего явились прекращение дебютной чеканки Фанагории (Фа-1, рис. 2, *3–15*) и появление в Пантикапее золотой гекты (рис. 1, *15*). Воспользовавшись отсутствием основных сил противника в Крыму, феодосийцы отложились от Боспора и около 382 г. отчеканили очередную «триумфальную» монету – тетробол типа «Аполлон – букраний с тениями» (Фе-7, рис. 6, *1*), а затем приступили к выпуску серебра нового вида: «Деметра – колос» (Фе-8, рис. 6, *2–8*). По-видимому, в 381 г. Левкон вторгся в Синдику и, восстановив на престоле Гекатея, фактически стал ее хозяином, что удостоверяется окончательным прекращением чеканки ΣΙΝΔΩΝ[89]. Эти события сопровождались эмиссией золотых статеров Пантикапея I группы (рис. 1, *16*) и проведением «Полиеновой денежной реформы». Затем наступила мирная пауза, обусловленная необходимостью укрепления позиций Спартокидов на обширных восточных территориях и подготовкой к осаде Феодосии. По случаю взятия города (*ок.* 375 г.) монетный двор Пантикапея выпустил мемориальный золотой трите (рис. 1, *17*)[90], и тут же приступил к чеканке золотых статеров II группы (*ок.* 375–372 гг. – рис. 4, *1*). В ходе феодосийской военной кампании произошел переворот в Синдике, отчего боспорский тиран был вынужден туда вернуться и, подавив мятеж Октамасада, установил вотив в Лабрисе (*ок.* 375/4 гг.). Судя по надписи, на первых порах Левкон официально признал Гекатея царем синдов, и лишь некоторое время спустя провозгласил себя архонтом всей Синдики и трех меотских племен (посвящение Теопропида); для последних он стал царем (КБН 6а) не позднее 372 г. Вслед за этим последовало крушение II Боспорского царства – Левкон был изгнан сначала из восточно-боспорских земель, а, вероятно, в самом начале 360-х гг. – из Феодосии. Итак, на исходе 370-х гг. основной театр военных действий переместился в Восточный Крым, включая ближайшую округу Пантикапея: Мирмекий, Порфмий, Нимфей и ряд сельских поселений (Мыс Зюк, «Холм А», Чокракский Мыс и т.д.) [*см.*: Завойкин, 2004б, с. 64]. Зафиксированные на перечисленных объектах военные разрушения логично связывать с успешными действиями гераклеотов в тылу врага (посредством высадки десантов там, где им заблагорассудится – *Polyaen*. VI. 9, 4), и, видимо, тогда же ими была отправлена на Боспор крупная эскадра (40 кораблей – *Ps.-Arist*. Oec. II. 2, 8)[91]. Поскольку же эти бурные события имели своим неизбежным следствием практически полный коллапс хозяйственной и внешнеторговой деятельности Пантикапея, то едва ли можно счесть сомнительным заключение о том, что в указанное время (*ок.* 372–366/4 гг.) его монетный двор простаивал[92]. Где-то в первой половине 360-х гг. Феодосия отчеканила гемидрахмы с «головами Афины и Афродиты» (Фе-9 – рис. 6, *9*), но этот краткий эмиссионный эпизод оказался последним в истории города при Левконе I. После выхода гераклеотов из войны (*ок.* 366/4 гг.) в её ходе произошел перелом, а последовавшее вскоре падение Феодосии было отмечено

[89] Этот нумизматический факт позволяет судить о реальных итогах данной военной кампании: Гекатей был вынужден поступиться экономическим суверенитетом своего царства, передав Спартокидам все права на внешнеторговые операции с синдским хлебом. Иными словами, в самом конце 380-х гг. в экономической жизни Синдики произошел решительный поворот: отныне и вплоть до крушения II Боспорского царства (*ок.* 372 г.) вся импортная монета, вырученная от реализации синдского товарного хлеба, шла в Пантикапей.

[90] И, надо полагать, тогда же феодосийское серебро (Фе-7, 8) исчезло за воротами монетного двора Пантикапея.

[91] В это время Левкон уже располагал большим флотом и действовал в союзе со скифами (*Polyaen*. VI. 9, 3–4).

[92] Данный тезис решительно укрепляется полным отсутствием в нумизматике Пантикапея «фасовых» монет, потенциально способных заполнить собой означенную хронологическую лакуну.

в Пантикапее эмиссией «пост-феодосийских» монет (рис. 4, *6, 7*)[93]. На волне успеха Левкону удалось в кратчайшие сроки (*ок.* 362/1 гг.) подчинить греческие города Тамани (в связи с чем оборвалась ранняя чеканка Фанагории – рис. 3, *1–11*) и синдов. Эти события сопровождались проведением, условно говоря, второй «Полиеновой денежной реформы»[94] и, как следствие, появлением «пост-фанагорийских» монет (рис. 4, *8–11*), а также последней в Пантикапее «фасовой» монеты: гемидрахмы с «головой юного сатира – львиным скальпом, ΠΑΝ» (103 – рис. 4, *12*)[95]. Таким образом, около 361 г. Левкон завершил формирование III Боспорского царства в его естественных границах, а в Пантикапее возобновилось производство чеканного золота – статеры III группы (рис. 7, *1*).

Здесь уместно сделать небольшое отступление и привести некоторые результаты археологических исследований Анапского городища.

Жилые дома V строительного периода были уничтожены сильным пожаром в первой четверти IV в.; полисный этап существования города завершает слой гибели построек VI строительного периода; во второй четверти IV в. город начал строиться по единому плану [Алексеева, 2003, с. 22, 23].

Сопоставление этих данных с намеченной здесь схемой военных действий в регионе позволяет связывать разрушение построек V строительного периода с приходящимся на самый конец 380-х гг. захватом города Левконом, и, соответственно, постройки VI с. периода были уничтожены восставшими туземцами или (и) гераклеотами на исходе 370-х гг. Поскольку Синдика была окончательно инкорпорирована в состав Боспора в самом конце 360-х гг., следовательно, этот портовый город лежал в руинах более десяти лет: около 372–360 гг., где первая цифра – дата крушения II Боспорского царства, а вторая – время начала возведения Горгиппии[96]. В пользу данного вывода может свидетельствовать сам факт отсутствия у синдов монетной чеканки в этот последний для них период независимости (в отличие от Фанагории)[97]. А заодно получает вразумительное объяснение и другой факт: Горгиппия была построена в тесном соседстве со старым городом [*см.*: Завойкин, 2004б, с. 65] – очевидно, его заросшие бурьяном руины использовались в качестве каменоломни.

Но существует и иная точка зрения на хронологию этих событий. Изучая амфорный материал из слоя V строительного периода (который Е. А. Алексеева датирует первой четвертью IV в. – *см.* выше), А. А. Завойкин пришел к выводу, что его «следует

[93] В которые, надо полагать, было отчасти конвертировано феодосийское серебро серии Фе-9. Полное отсутствие мелкого «фасового» серебра и меди Пантикапея (за вычетом «пост-фанагорийского») позволяет предполагать, что в ходе этой акции население бывшего Феодосийского полиса было начисто ограблено.

[94] Скорее всего, в ходе ее были изъяты из денежного обращения и синдские монеты – во всяком случае, именно тогда Левкон впервые становится «царствующим над синдами» (КБН 6, 8, 1037, 1038).

[95] Судя по краткой форме легенды (ΠΑΝ). Прежде монету относили ко второй половине IV в.: *ок.* 325–300 гг. [Зограф, 1951, с. 245, табл. XL. 29]; *ок.* 315–300 гг. [Шелов, 1956, с. 216, табл. V. 59]; *ок.* 345–340 гг. [Анохин, 1999, с. 66, рис. 15, *2*]; *ок.* 340–335 гг. [Терещенко, 2013, с. 120]. Здесь воспроизведен «фирменный» самосский сюжет – скальп Немейского льва, убитого Гераклом [Gardner, 1882, taf. IV]. Поскольку его связь с тем же лицевым типом аполлонийских монет третьей четверти V в. представляется эфемерной, то данный сюжет, быть может, отражает ключевую роль самосских наемников в победе Левкона над меотами.

[96] И, стало быть, Горгиппу удалось дожить, по меньшей мере, до начала 350-х гг.

[97] В конце V в. этот единственный в материковой Синдике портовый город являлся главным перевалочным пунктом для экспортных товаров синдов. И соответственно, в рассматриваемое время внешнеторговыми операциями с синдским хлебом вновь занимались таманские греки (как это было в большей части V в., т. е. вплоть до возникновения в Синдике в конце этого столетия чеканки ΣΙΝΔΩΝ) [*см.*: Строкин, 2012, с. 407, 408].

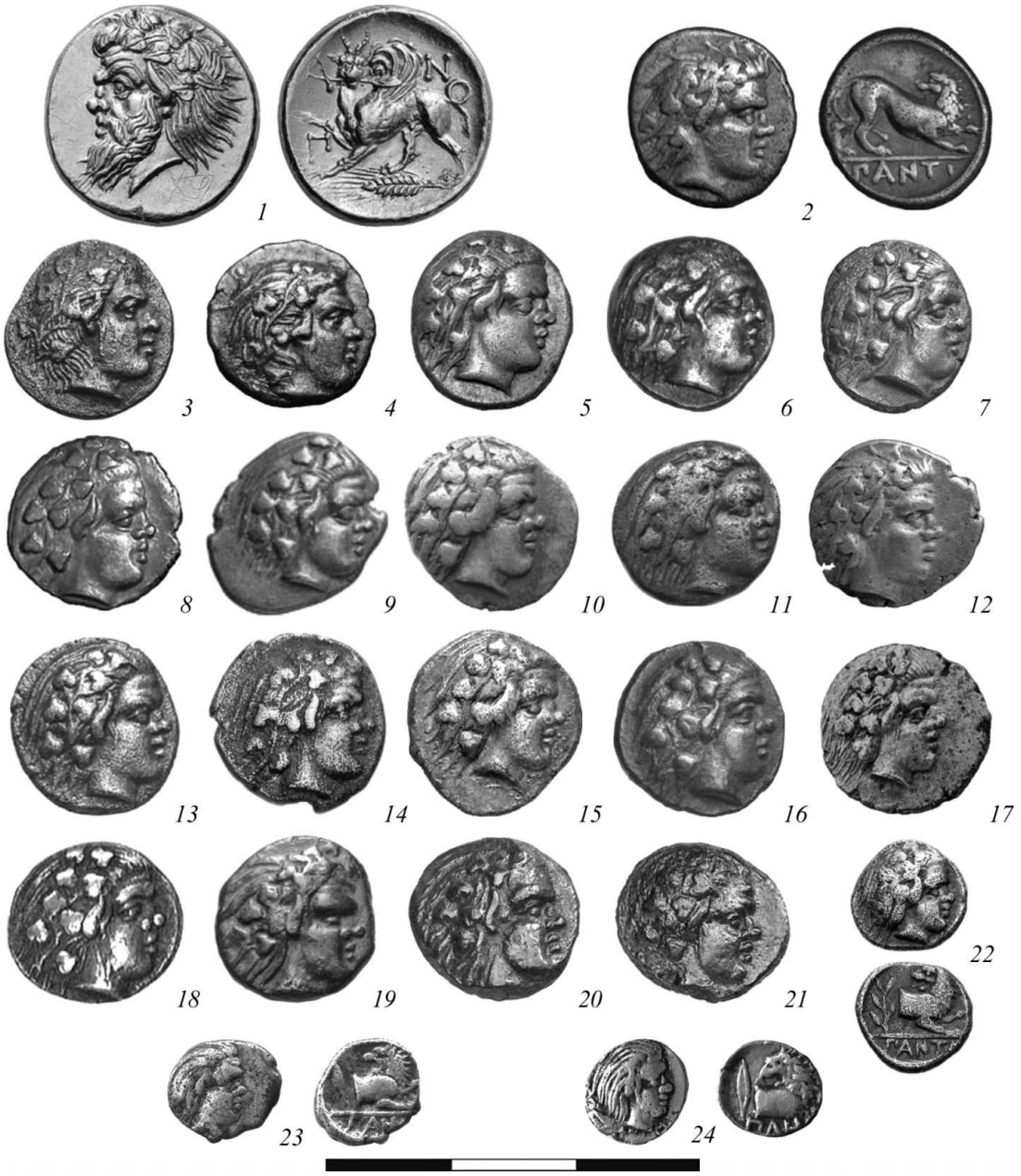

Рис. 7. Монеты Пантикапея IV в. до н. э.
1 – золотой статер III группы, *ок.* 361–353 гг.; *2–24* – *ок.* 360–340 гг.
серебро: *2–21* – гемидрахмы; *22* – обол; *23*, *24* – гемиоболы

датировать лет на 15–20 позднее», т. е. около 365–360 гг. [Завойкин, 2004в, с. 154][98]. Если же исследователь прав, то получается, что бурные события конца 380-х и 370-х гг. обошли город стороной – он был разгромлен Левконом в самом конце 360-х гг. и вскоре отстроен

[98] Более обстоятельно точка зрения ученого изложена в другой его работе: [Завойкин, 2013, с. 177 сл.].

заново, а значит, гибель построек VI строительного периода отображает неизвестные нам события древнейших времен существования Горгиппии. Не считая себя вправе вмешиваться в спор авторитетных специалистов и оставляя этот вопрос открытым, вернемся к нумизматике Пантикапея.

Эмиссионная деятельность столицы Боспора в последний период правления Левкона I (*ок.* 361–353/2 гг.), пожалуй, легче всего поддается реконструкции. В это время выпускалось золото III группы, а к нему издавна приобщались разнотипные серебро и медь[99]. После же удаления отсюда трех явно инородных монет – с «осетром» (81)[100], «бараном» (80) и сценой «терзания» (98) – на прежнем месте осталась лишь серия серебряных монет с «головами юного сатира в плющевом венке и озирающимся львом» на гемидрахмах (104 – рис. 7, *2*); на младших номиналах изображены протома озирающегося льва и дифференты: лавровая ветвь – на оболе (105 – рис. 7, *22*), пшеничное зерно – на двух разновидностях гемиобола (106 – рис. 7, *23, 24*)[101]. Итак, перед нами – единственная в IV в. эмиссия серебряных монет, включающая в себя сразу три наиболее ходовых номинала. Важно заострить внимание на том, что восстановление полноценного денежного обращения в последние годы жизни Левкона находит естественное объяснение в произошедшей тогда стабилизации военно-политической и экономической ситуации на Боспоре. При наличии, по меньшей мере, двух десятков лицевых штемпелей у гемидрахм (рис. 7, *2–21*), получается, что это серебро чеканилось в период около 360–340 гг., т. е. при Левконе I (вплоть до 353/2 г.), Спартоке II (353/2–346 гг.) и Перисаде I (346–310/09 гг.).

В заключение хотелось бы еще раз остановиться на таком заведомо дискуссионном аспекте настоящего исследования, каким является авторская интерпретация ряда монетных сюжетов и заострить внимание на том, что в отношении двух чеканок (Пантикапея и Фанагории) можно, в принципе, обойтись и без этого «слабого звена». Ведь мы располагаем практически полным набором лицевых штемпелей для золота и серебра первого города и серебра второго, что, при наличии ряда хронологических ориентиров, позволяет выстраивать достаточно надежные схемы эволюции монетных чеканок обоих центров. Но вот добиться такого результата в отношении раритетного серебра Феодосии в этом случае вряд ли удастся. Поэтому суть проблемы, по большому счету, сводится к тому, насколько оправдана «пост-феодосийская» атрибуция эмиссий Пантикапея с «идущим львом» и золотого трите с «Деметрой». Поскольку же, при всём желании, не нахожу ей достойной альтернативы, то отнюдь не исключаю того, что её, как говорится, нет и в помине.

---

[99] Зограф, 1951, с. 176, 177, табл. XL. 23–28. Д. Б. Шелов крайне неудачно дополнил её двумя медными монетами: с «головами юного сатира и быка» (114) и с «луком тетивой вверх» (96) [Шелов, 1956, с. 104].

[100] Анохин, 1986, с. 32; Мельников, 2002, табл. II, № 81.

[101] А. Е. Терещенко [2013, с. 112], вслед за В. А. Анохиным [Анохин, 1986, с. 140, № 106, 107], считает гемиоболами монеты с «протомой озирающегося льва и буквами ΠΑΝ под чертой» на реверсе, а без черты – тетартеморией. Как известно, для надежного определения мельчайших номиналов на Боспоре издавна практиковалось наделение тетартемориев особым лицевым типом: муравей, ворон и т. д. Поэтому здесь не может быть двух мнений: перед нами – две разновидности гемиоболов. Ввиду того, что в начале правления Левкона функции гемиобола и его фракций исполняла медь конца V – начала IV вв. (*см.* выше), то уже один тот факт, что в анализируемой серии серебряных монет (104–106) впервые появляется гемиобол, ясно дает понять, что это серебро выпускалось ближе к концу правления Левкона, когда в ходе естественной девальвации курс медных монет опустился до уровня тетартемория и его фракций.

Список литературы

Алексеева, 2003. Алексеева Е. М. Анапа. Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н. э. – III в. н.э.) //ДБ. 6.

Анохин, 1986. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев.

Анохин, 1999. Анохин В. А. Истории Боспора Киммерийского. Киев.

Анохин, 2011. Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев.

Блаватская, 1993. Блаватская Т. В. Посвящение Левкона I //РА. 2.

Болдырев, Завойкин, 2000. Болдырев С. И., Завойкин А. А. Реформа Левкона I //ТД VIII ВНК. М.

Брабич, 1964. Брабич В. М. Об изображении на монетах Пантикапея львиной головы и осетра //СГЭ. XXV.

Виноградов, 2002. Виноградов Ю. Г. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп //ВДИ. 3.

Виноградов, Шауб, 2005. Виноградов Ю. А., Шауб И. Ю. О семантике изображений на золотых статерах Пантикапея //Археологические вести. 12. СПб.

Гарбузов и др., 2011. Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Строкин В. Л., Сударев Н. И. Динамика освоения сельских территорий греческих центров Таманского п-ова в VI–V вв. до н. э. //ДБ. 15.

Голенко, 2004. Голенко В. К. Еще раз о типологии раннего серебра Боспора //У Понта Евксинского (памяти П. Н. Шульца). Симферополь.

Горончаровский, 2011. Горончаровский В. А. Синдика в период возведения Семибратних курганов //БФ.

Грач, 1972. Грач Н. Л. К находке синдской монеты в Мирмекии //ВДИ. 3.

Грибанов, 2013. Грибанов Д. В. Левкон I, Мемнон и Аркадия: к вопросу о месте Боспора в международной политике периода фиванской гегемонии //БФ.

Завойкин, 2000. Завойкин А. А. Афины – Боспор – Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) //Международные отношения и дипломатия в Античности. Казань.

Завойкин, 2004а. Завойкин А. А. Фанагория во второй половине V – начале IV в. до н. э. // ДБ. Supplementum I.

Завойкин, 2004б. Завойкин А. А. Краткий очерк истории Боспора VI – первой четверти III в. до н. э. //ПИФК. М.; Магнитогорск. XIV.

Завойкин, 2004в. Завойкин А. А. «Две Синдики» (заметки касаемо исторической значимости посвящения Теопропида, сына Мегакла из Нимфея) //ДБ. 7.

Завойкин, 2009. Завойкин А. А. Взлеты и падения искусства боспорских резчиков монетных штемпелей в IV в. до н. э. (на примере образа сатира) //БФ. Искусство на периферии античного мира.

Завойкин, 2013. Завойкин А. А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. БИ. Supplementum 10. Симферополь-Керчь.

Зограф, 1951. Зограф А. Н. Античные монеты //МИА. 16.
Каменецкий, 1971. Каменецкий И. С. О язаматах //Проблемы скифской археологии. М.
Кондратюк, 1983. Кондратюк М. В. Архэ и афинская демократия //Античная Греция. Т. 1. М.
Кузнецов, 2000. Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаическую эпоху //ВДИ. 1.
Марков, 2001. Марков Д. Б. Пантикапейская гексадрахма и ее место в денежно-весовой системе Боспора //IX ВНК. СПб.
Мельников, 2002. Мельников О. Н. К вопросу о проблемах нумизматики Боспора IV–III вв. до н. э. //III Боспорские чтения. Керчь.
Новичихин, 2009. Новичихин А. М. К вопросу о походах скифов в земли синдов (Herod., IV, 28) //Былые годы. 2 (12).
Сапрыкин, 1986. Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.
Строкин, 2007. Строкин В. Л. АПОЛ[лония Боспорская] или [храм] АПОЛ[лона]? //ДБ. 11.
Строкин, 2009а. Строкин В. Л. Монеты с легендой NYN: хронология чеканки //ПИФК 1.
Строкин, 2009б. Строкин В. Л. Нимфей – Самма (?) – Нимфей //ДБ. 13.
Строкин, 2011а. Строкин В. Л. Афинский след в монетном деле Феодосии //ПИФК. 1.
Строкин, 2011б. Строкин В. Л. Афины и финансовая политика Спартокидов //БФ.
Строкин, 2012. Строкин В. Л. Синдские монеты: взгляд из Синдики //ДБ. 16.
Строкин, 2014а. Строкин В. Л. NYN – ΣΑΜΜΑ, АПОЛ – ΦΑΝΑ: P. S. //ДБ. 18.
Строкин, 2014б. Строкин В. Л. Античные загадки Черного моря. LAP. Saarbrucken.
Терещенко, 2010. Терещенко А. Е. Истоки экономического кризиса III в. до н. э. //РА. 4.
Терещенко, 2011. Терещенко А. Е. Мотив «терзания» в пантикапейской чеканке //БФ.
Терещенко, 2013а. Терещенко А. Е. Классификация и периодизация кладов боспорской меди последней трети IV – конца III в. до н. э. //ДБ. 17.
Терещенко, 2013б. Терещенко А. Е. Монетное дело Пантикапея в IV в. до н. э. //ВДИ. 2.
Тохтасьев, 2004. Тохтасьев С. Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I //ВДИ. 3.
Фролов, 1988. Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л.
Фролова, 1988. Фролова Н. А. Проблемы монетной чеканки Боспора VI–II вв. до н. э. (По поводу выхода книги В. А. Анохина «Монетное дело Боспора». Киев, 1986) //ВДИ. 2.
Фролова, 2001. Фролова Н. А. Ранние монеты Фанагории (конец V – IV в. до н. э.) // IX ВНК. СПб.
Фролова, 2002. Фролова Н. А. Корпус монет синдов. (Первая половина – конец V в. до н. э.) //ВДИ. 3.
Фролова, 2015. Фролова Н. А. Монеты Боспора IV в. до н. э. //Нумизматические чтения ГИМ.
Шелов, 1953. Шелов Д. Б. Пантикапейские монеты 3-й четверти III в. до н. э. с надчеканками //КСИИМК. XLIII.
Шелов, 1956. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.
Шелов-Коведяев, 1985. Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора VI–IV вв. до н. э. //ДГ СССР за 1984. М.
Шонов, 2002. Шонов И. В. О монетной чеканке Феодосии последней четверти V – начала IV в. до Р. Х. //БИ. 2. Симферополь.
Яйленко, 2004. Яйленко В. П. Вотив Левкона I из Лабриса //ДБ. 7.

Яйленко, 2010. Яйленко В.П. Тысячелетний рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в.н.э. М.

Burstein, 1974. Burstein S.M. The War between Heraclea Pontica and Leucon I of Bosporus //Historia. Bd. 23. H. 4.

Burstein, 1976. Burstein S.M. Outpost of Hellenism. The Emergence of Heraclea on the Black Sea //Berceley. L-A.

Gardner, 1882. Gardner P. Samos and Samian coins. London.

MacDonald, 2005. MacDonald D. An introduction to the history and coinage of the kingdom of the Bosporus. Classical Numismatic Studies № 5. Lancaster, Pn.–London. 2005.

Minns, 1913. Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge.

Pochitonov, 1968. Pochitonov.E. Nové dátovani antichnich minci z nalezu na ostrové Principo //NS.X. Praha.

Regling, 1931. Regling K. Der griechische Goldschatz von Prinkipo. Z. f. N. 41. Berlin.

Seltman, 1955. Seltman Ch. Greek coins. 2. London.

Summary

V.L. Strokin

Numismatics of the Bosporus at the time of Leucon I

The author has revealed the existence of two stages of the aggressive foreign policy of Leucon I (393/2–353/2 BC), which means the formation of the II and III Bosporan kingdom. First he captured Theodosia (c. 390), Greek cities of the Taman peninsula (c. 382) and the Sindian kingdom (c. 381). These events were accompanied by the cessation of the minting of Theodosia (taf. 5. *14, 15*), Apollonia – Phanagoria (taf. 2), Sindi and release Panticapaean silver (taf. 1. *5, 6*) and gold coins (taf. 1. *15, 16*), respectively. About 380 BC Leucon held a monetary reform (*Polyaen*. VI. 9. 4), which was to exchange one diobol of Phanagoria (taf. 2. *5–14*) for one obol of Panticapaeum (taf. 1. *18–19*). About 382 Theodosia achieved liberation and released two types of silver coins (taf. 6. *1–8*), but about 375 BC Leucon recaptured Theodosius and Panticapaeum issued unique gold coin of a new type (taf. 1. *17*). At this time in the Sindica was coup of Oktamasades, and Leucon suppressed it quickly and established the famous dedication to Apollo in Labrys (c. 375/4). About 372 BC there was disintegration of the II Bosporan kingdom, and then Phanagoria and Theodosius issued coins of new type (taf. 3. *1–11*, 6. *9*). But about 366/4 Leucon captured Theodosia again, then Taman (c. 362), Sindi and Meotians (c. 361), and Panticapaeum began producing of gold staters of the Group III (taf. 7. *1*) and a new type of silver coins (taf. 1. *2–24*).

И. Е. Суриков
(Институт всеобщей истории РАН, Москва)

Ономастикон Спартокидов за пределами Боспора (Часть I)

Безусловно банальным будет суждение, что для изучения античности компетентно ориентироваться во вспомогательных исторических дисциплинах (во всяком случае, в тех из них, которые имеют отношение к античной эпохе) совершенно необходимо. Уже менее банальным будет вопрос, какие из этих дисциплин особенно необходимы антиковеду. Tempora mutantur, и сама необходимость современного подхода к изучаемым проблемам заставляет вносить какие-то корректировки в наши ранее сложившиеся представления.

Когда в 1980-х гг. автор этих строк (по основной специальности ныне являющийся историком античной Греции и греческого мира архаической и классической эпох) учился на кафедре истории древнего мира МГУ им. М. В. Ломоносова (одного из сильнейших вузов страны!), в качестве вспомогательных исторических дисциплин, помнится, читались соответствующими специалистами: эпиграфика греческая и эпиграфика латинская, нумизматика, историческая география, даже папирология (пока что автору этих строк совершенно никак в научной жизни не пригодившаяся). Но это и всё; никаких иных вспомогательных дисциплин не предлагалось (а ведь на самом деле их круг гораздо шире).

В частности, особенно прискорбно, что ни малейшего внимания не уделялось такой дисциплине, как ономастика. Впрочем, это объяснимо: в те времена еще почти никто у нас не придавал античной ономастике особенного значения (исключениями являлись, пожалуй, некоторые – единичные! – специалисты, занимавшиеся греческими колониями в Северном Причерноморье). Да и в целом в мире ситуация была не сильно отличавшейся.

Реальный перелом совершился после того, как начало выходить, том за томом, фундаментальное издание «Лексикон греческих личных имен [A Lexicon, 1987–2010; далее для краткости – LGPN, с указанием соответствующих томов)[1]. Ономастика становится

[1] Громадное значение этого издания выражаются хотя бы в том, что сейчас о нем нередко пишут так: это уже не справочник, а *первоисточник*! [например: Parker 2000, 54] – честь, выше которой, наверное, и быть уж не может. На самом деле именно как с первоисточником с ним и нужно работать.

в результате одной из наиболее перспективных вспомогательных исторических дисциплин в изучении греческой античности (то же можно сказать – в свете того, как структурирован материал в LGPN – о просопографии, тесно связанной с ономастикой).

LGPN позволяет сопоставлять древнегреческий ономастический материал как по эпохам, так и по регионам; предоставляющимися в связи с его изданием возможностями автор этих строк уже неоднократно пользовался, в последний раз – в статье, опубликованной в предыдущем томе «Древностей Боспора» [Суриков 2015а]. В ней нам удалось сделать, надеемся, нетривиальное наблюдение о чрезвычайном распространении женского имени Фанагора (созвучного и однозначно родственного боспорскому топониму Фанагория) в Афинах – и только в них, причем на совершенно конкретном хронологическом отрезке (охватывающем в основном IV в. до н. э.); данный факт (как мы глубоко убеждены, не могущий быть случайным) ранее как-то в литературе не констатировался.

Вдохновившись данной удачей, мы теперь решили несколько расширить «параметры поиска». Поговорим о спартокидских «царских» именах. Выражение «царские» ставим в кавычки, поскольку употребляем его cum grano salis: всем ведь известно, что царями в полном смысле слова правители Боспора стали с первой половины III в. до н. э., царями по отношению к входившим в состав их государства варварским племенам – с первой половины IV в. до н. э., а мы начнем свой ономастический анализ с самого прихода к власти в Пантикапее династии Спартокидов (438/437 г. до н. э.), тогда еще уж точно отнюдь не царей.

Ономастический фонд династии прекрасно знаком, конечно, любому специалисту по античному Северному Причерноморью. Но весьма мало было попыток действительно системного подхода к нему [Завойкин, 2006[2]; Суриков, 2007].

Спартокидский ономастикон порой классифицируют по принципу «греческие имена – варварские (негреческие, т. е. иранские и/или фракийские) имена». В рамках данной классификации, заметим сразу, имен первого типа оказывается несравненно больше. Но оговорим также, что подобная классификация для целей данной статьи не является релевантной, поэтому в дальнейшем применяться просто не будет. Тем более что происхождение любого данного имени из того или иного языка, по большому счету, ровно ничего не говорит (вопреки достаточно распространенному применительно к античности мнению!) об этнической принадлежности его носителя. Особенно в контактных зонах, к каковым относился, несомненно, и регион Боспора Киммерийского.

В том контексте, в котором мы сейчас работаем, предпочтительными будут иные принципы классификации. Например, такой: (а) имена, которые носили правители из династии Спартокидов (Спарток, Селевк, Сатир, Левкон, Перисад, Притан, Евмел), – только они могут быть названы «династическими», если употребить термин, использованный А. А. Завойкиным, в строгом смысле; (б) имена, которые носили члены

[2] Указанная статья А. А. Завойкина примечательна, помимо прочего, и тем, что в ней исчерпывающим образом собран, обобщен, систематизирован этот самый ономастический фонд Спартокидов, прокомментированы многие его единицы.

семьи правителя (Горгипп, Метродор, Аполлоний, Комосария/Камасария, Акия); (в) имена, которые по тем или иным причинам вызывают сомнения касательно их спартокидской атрибуции (Орхам, Гигиенонт). Имена категории (в) из рассмотрения должны быть, видимо, исключены для чистоты анализа (Гигиенонта это касается уж точно, а вот относительно Орхама у нас есть сомнения, так что, возможно, к сопоставительному анализу лиц, представляющих эту ономастическую единицу, в дальнейшем еще и придется обратиться). Что же касается категорий (а) и (б), между ними есть точки пересечения. Имеются в виду лица, которые стали правителями, хотя при их имянаречении не предполагалось, что они получат этот статус (Перисад[3], Притан, Евмел[4], – да даже, если угодно, Спарток[5] и Селевк[6]).

Может стать перспективным и иной принцип классификации: (а) имена специфичные и (б) имена типичные. Ко второй категории относятся, например, такие имена, как Аполлоний, Метродор. Их при сравнительном с другими регионами анализе спартокидского ономастикона приходится просто оставить в стороне, поскольку они ничего не дают, в массовых количествах встречаясь повсюду в греческом мире.

Увы, в ту же категорию попадает и такое колоритное спартокидское династическое имя, как Сатир (Сатир I – фактически создатель державы Спартокидов, см. [Завойкин, 2013, passim]): носителей этого имени в греческих полисах различных регионов буквально сотни[7]! Или, точнее, это имя требует отдельного анализа[8], который не может быть осуществлен в рамках данной статьи.

По другой (но, в сущности, аналогичной) причине приходится оставить в стороне и те боспорские спартокидские имена, которые являются *абсолютно* специфичными, то есть вообще не находят аналогий в остальных частях эллинского мира. Комосария/Камасария – наиболее показательный пример. Но ведь, по большому счету, не иначе обстоит дело и с таким распространеннейшим спартокидским династическим именем, как Перисад (ближайшая аналогия – Берисад во Фракии, историко-ономастический гапакс,

[3] Перисад I стал правителем потому, что у его рано умершего старшего брата Спартока II не оказалось сыновей. А между тем со временем имя Перисад оказалось более, чем какое-либо иное, востребованным в спартокидской среде).

[4] Притан и Евмел получили статус правителей тоже при таких обстоятельствах, которые заранее нельзя было предсказать: в ходе междоусобной смуты, первой жертвой которой стал их старший брат, законный наследственный правитель Сатир II.

[5] Разумеется, родители Спартока I (кем бы это лицо ни являлось в любом плане, в том числе и в этническом) при его наречении не могли предполагать, что в один прекрасный момент он возглавит Пантикапей и станет основателем династии.

[6] Первый носитель этого имени на Боспоре (Diod. XII. 31. 1), почему-то, кстати говоря, не учтенный в LGPN, вступил на пантикапейский престол после семилетнего правления Спартока I, т. е. ок. 430 г. до н. э.; стало быть, он тоже при своем рождении в правители уж точно не предназначался. В работе [Суриков, 2007] мы предположили, что в действительности он звался скорее не Селевком, а Залевком (то есть носил не македонский вариант имени, что было бы для V в. до н. э. и маловероятно, и необъяснимо, а тот, который является собственно греческим).

[7] Например, в одних только Афинах – 129 [LGPN II, p. 394–395, s. v. Σάτυρος № 1–129]. Для сравнения, на самом Боспоре всего 7 Сатиров: помимо троих из Спартокидов, еще два зафиксированы в Горгиппии, один в Нимфее, один в Патрее [LGPN IV, p. 305, s. v. Σάτυρος № 1–7].

[8] В частности, удивляет именно *малая* встречаемость на Боспоре этого, в общем-то, весьма и весьма распространенного греческого имени. Тут поневоле задумаешься по поводу идеи А. А. Завойкина о некоем «табуировании» на Боспоре спартокидских имен для рядовых граждан государства.

в отличие от достаточно многочисленных на Боспоре Перисадов, особенно если учитывать скифоязычный вариант данного имени, «Перисал»: по этой проблематике нами подготовлена статья для «Вопросов эпиграфики», а пока см. в тезисной форме: [Суриков, 2015б]).

Что же остается? Остается ряд ономастических единиц, работа с которыми дает действительно небезынтересные результаты. Ими мы теперь и займемся. Наиболее плодотворным будет, подчеркнем, обращение к тем именам, которые находятся как бы «посередке» между двумя менее подходящими для анализа группами, упоминавшимися только что, то есть с именами не чисто локальными, но притом и не абсолютно банальными. Также отметим, что в некоторых конкретных случаях небесполезным может оказаться привлечение и таких ономастических единиц, которые, не будучи полностью тождественны рассматриваемым, представляют собой их варианты (например, диалектные) или являются близкородственными им.

***

Начнем, конечно, с ЛИ Спарток (Σπάρτοκος). В его фракийском происхождении лично у нас сомнений нет; мы не согласны с иранской этимологизацией, предложенной В.П. Яйленко (в: [Яйленко, 1995]; наши возражения см. в: [Суриков, 2014а]). Но, повторим снова и снова, вопрос о происхождении имен к данному нашему исследованию не имеет никакого отношения; мы работаем с *греческим* ономастиконом.

На Боспоре известно пять царей, носивших имя Спарток [Завойкин, 2006, с. 259][9]; самый ранний из них, Спарток I, пришел к власти в 438/437 г. до н.э., после олигархии Археанактидов[10], а самый поздний, Спарток V, жил на рубеже III–II вв. до н.э. (это он назвал свою дочь Камасарией, вспомнив, видимо, о достаточно древней к тому времени царице Комосарии, внучке Сатира I, дочери Горгиппа, супруге Перисада I). Фигурирует в Пантикапее еще какой-то Спарток в I в.н.э. [LGPN IV, p. 316, s.v. Σπάρτοκος № 6]; не исключаем, что это некий поздний представитель уже отстраненного к тому моменту от власти рода Спартокидов.

Также, пожалуй, стоит отметить, на что Боспоре (а конкретно – в Горгиппии) встречаются еще носители имен Спартокион (Σπαρτοκίων) и Спартакион (Σπαρτακίων) [LGPN IV, p. 315–316, s.v. Σπαρτακίων № 1–2; s.v. Σπαρτοκίων № 1–2). Эти лица жили уже в эллинистическую и – в основном – в римскую эпоху. В то же время, совершенно очевидно, что их имена имеют самое прямое отношение к имени Спарток, являясь его производными.

Как же обстоят дела с этим именем за пределами Боспора Киммерийского? Начнем с регионов, недалеких от боспорского. Авторы четвертого тома LGPN отмечают [LGPN IV, p. 316, s.v. Σπάρτοκος № 7] ольвиополита Спартока, сына Клидема, жившего в IV в. до н.э. (IOSPE. I². 214). Удивляться этому не приходится; связи между Пантикапеем и Ольвией, конечно, должны были существовать в это время, какие бы попытки ни предпринимались отрицать их наличие, и появление спартокидского

[9] Все они учтены и в LGPN [LGPN IV, p. 316, s.v. Σπάρτοκος № 1–5].

[10] О режиме Археанактидов как олигархии см. [Суриков, 2014б].

имени в Ольвии легко объяснить ксеническими контактами между гражданами двух полисов[11] (правитель и члены его семьи, оговорим во избежание недопониманий, тоже ведь являлись гражданами).

Немало Спартоков (иногда – Спартаков[12]), естественно, во Фракии [LGPN IV, p. 315–316, s. v. Σπάρτακος № 4–6; s. v. Σπάρτοκος № 8–13]. Они опять же датируются эллинистическим и римским временем. Впрочем, открывать данный список должен бы одрисский царевич середины V в. до н. э. Спарадок [LGPN IV, p. 315, s. v. Σπαράδοκος № 1] – тот самый, которого В. А. Анохин [Anochin 1998] отождествил (вне сомнения, ошибочно) со Спартоком I Боспорским, основателем и первым представителем интересующей нас здесь династии. Спартаки в эпоху эллинизма есть и в Македонии [LGPN IV, p. 315 s. v. Σπάρτακος № 1–3], куда это имя попало, не приходится сомневаться, под фракийским влиянием.

Более интересен и неожидан афинский материал, хоть он и достаточно скуден. Известны два афинянина последней трети II в. до н. э., отец и сын, оба именовавшиеся Спартоками [LGPN II, p. 403, s. v. Σπάρτοκος № 1–2]. В то же самое время жил афинянин по имени Спартокион [LGPN II, p. 403, s. v. Σπαρτοκίων № 1]. Необходимо указать, что известно имя отца этого Спартокиона – Аполлоний. А ведь ЛИ Аполлоний входит в спартокидский династический именник, правда, встречаясь в нем только один раз: Аполлонием звали одного из сыновей Левкона I, младшего брата Спартока II и Перисада I.

Тот факт, что в Афинах обнаруживается некий гражданин, носивший имя, близкородственное боспорскому царскому имени Спарток, и одновременно имевший отца по имени Аполлоний, может, наверное, о чем-то говорить, о каких-то афино-боспорских связях. Но, скорее всего, оно не говорит ровно ни о чем. Ибо, во-первых, Аполлоний, как указывалось выше, – уж слишком распространенное по всей Греции имя[13]; во-вторых, достаточно велик хронологический диапазон между боспорским Аполлонием, сыном Левкона (середина IV в. до н. э.), и афинским Аполлонием, отцом Спартокиона (конец II в. до н. э.). Еще один Спарток зафиксирован в I в. до н. э. в лидийской Аполлониде [LGPN VA, p. 408, s. v. Σπάρτοκος № 1], но и это малоинформативно.

Подытожить можно следующим образом: Спарток – фракийское имя (потому-то оно и встречается особенно часто – с вариантами Спарадок, Спартак – во Фракии и соседствовавшей с ней Македонии), попавшее на Боспор (состояние наличных источников все-таки не дает права на ответственные суждения по вопросу о том, при каких конкретно обстоятельствах это произошло) и ставшее там династическим. В других регионах греческого мира это имя (равно как и родственные ему – Спартокион, Спартакион) практически вообще не употреблялось. Отдельные, весьма редкие случаи обнаружения имен этой группы в том или ином полисе все-таки заставляют о чем-то задуматься. Сказанное в особенности относится к Афинам, где зафиксированы два Спартока, а также

[11] По теме перехода имен из полиса в полис, из региона в регион посредством ксенических отношений попрежнему не утратила значение важная работа [Herman, 1990).

[12] В числе этих последних, само собой, и римский раб-гладиатор, поднявший восстание в последний век Республики [LGPN IV, p. 315, s. v. Σπάρτακος № 5].

[13] Для одних только Афин LGPN дает 574 Аполлония. Для Боспора в этом лексиконе указан 81 носитель данного имени.

Спартокион, сын Аполлония. Если еще вспомнить об интенсивнейших афино-боспорских связях в IV в. до н. э., и связях даже «сердечных», как выражается Д. Браунд [Braund, 2003], то возникновение ксенических контактов между гражданами двух государств не просто-таки не исключено, а более чем ожидаемо.

Вторым спартокидским именем является имя Селевк (Σέλευκος). Первому на Боспоре носителю этого имени – непосредственному преемнику Спартока I (Diod. XII. 36. 1) – подчас вообще отказывают в «праве на существование»[14] (ссылаясь на то, что он как-то «не вписывается» в раннюю боспорскую историю, а также указывая на противоречие между Diod. XX. 36. 1 и Diod. XIV. 93. 1, причем у Диодора смерть Селевка и приход к власти Сатира I вообще не отмечены[15]) или же сомневаются в его спартокидской принадлежности[16].

Однако основания для такого рода сомнений давно уже отсутствуют, поскольку не было – да и не может быть – предложено никакого иного восстановления для сохранившегося в заголовке анапского проксенического декрета (КБН. Add. 4 = SEG. XL. 623) имени]υκος, кроме как [Σέλε]υκος. В той же надписи указан и отец данного [Селе]вка Евмел, причем из контекста совершенно ясно, что это не кто иной, как знаменитый царь-узурпатор Евмел, младший сын Перисада I. Имя Селевк [LGPN IV, p. 307, s. v. Σέλευκος № 1], таким образом, оказывается прочно вписано в спартокидский ономастикон, даже вне всякой зависимости от решения вопроса о том, кем конкретно был этот самый Селевк II (а уж как только этот вопрос не решался!).

Необходима, правда, одна оговорка к суждению, высказанному в предыдущем абзаце – о невозможности никакого иного заполнения приведенной лакуны. Строго говоря, точно так же походит [Ζάλε]υκος, а это не что иное, как исконное эллинское написание имени («Залевк»), гораздо лучше знакомого нам в македонском варианте «Селевк». ЛИ Залевк в любом случае нужно будет принимать в расчет при дальнейшем сравнительном анализе.

На том же Боспоре имя Селевк встречается в Горгиппии в первых веках н. э. [LGPN IV, p. 307, s. v. Σέλευκος № 2–8[17]] и в Танаисе в аналогичное время [LGPN IV,

[14] В результате этот Селевк парадоксальным образом не попал и в LGPN.

[15] Но это противоречие достаточно легко снимается. Достаточно либо принять версию о соправительстве Селевка I и Сатира I (см., например: [Сапрыкин, 2000, 499, прим. 1; Завойкин, 1999], либо предположить недосмотр у самого Диодора (можно подумать, что этот второстепенный историк был уж таким непогрешимым автором и вообще не допускал недосмотров!).

[16] Например, [Молев, 1997, 52]: «Краткость правления Селевка и отсутствие его имени среди имен последующих правителей Боспора доказывает, что он *не принадлежал* к династии потомков Спартока… Македонское имя Селевка говорит, как будто, против его принадлежности к Археанактидам (то есть и к предыдущей династии тоже. – *И. С.*)». Со своей стороны, отметим, что в самой Македонии рассматриваемое имя в V в. до н. э. еще отнюдь не фиксируется, первые случаи его употребления, по данным того же LGPN, наблюдаются только в IV в. до н. э. (и одним из первых его носителей в македонском регионе оказывается, естественно, Селевк, сын Антиоха, – будущий великий Селевк I Никатор, – родившийся ок. 355 г. до н. э. [LGPN IV, p. 307, s. v. Σέλευκος № 19]). Построения Е. А. Молева становятся тем более проблематичными, что в только что цитированной книге, буквально на этих же страницах, он постулирует наличие ранее неизвестного (и на самом деле никогда не существовавшего) боспорского правителя по имени Спарток (Спарток II по его нумерации). Кажется, никто из коллег-исследователей эту изобретенную персоналию не признал, да и сам Е. А. Молев в своих последующих работах не настаивал на существовании этого еще одного, будто бы открытого им Спартока.

[17] У одного из этих Селевков (№ 3, середина II в. н. э.) были сыновья Фарнак и Фарнакион. Тоже есть о чем задуматься. Спартокидский ономастический фонд смешивается здесь с митридатидским, понтийским, а такая

p. 307, s. v. Σέλευκος № 24–26]. Перейдем теперь к другим регионам, начав опять же с относительно близких к боспорскому. Один Селевк (не датируется) зафиксирован в Каллатисе, что в Западном Причерноморье [LGPN IV, p. 307, s. v. Σέλευκος № 23]. Уже больше носителей этого имени во Фракии – шесть [LGPN IV, p. 307, s. v. Σέλευκος № 27–30]; все датируются эллинистическим и римским временем.

В целом, безусловно, действует принцип: чем ближе к Македонии – тем больше Селевков. В самой Македонии их 14 [LGPN IV, p. 307, s. v. Σέλευκος № 9–22]; самые ранние относятся к IV в. до н. э., самые поздние – к II в. н. э. (уже римские граждане).

В целом невозможно, конечно, сомневаться в том, что те Селевки, которые появились в греческом мире после основания державы Селевкидов, в подавляющем большинстве получили свое имя не по какой иной причине, а в честь ее основателя (или в честь какого-либо его тезки из числа других видных представителей династии). Поэтому подобное имянаречение уже не слишком-то показательно в контексте проблемы, интересующей нас в рамках данной статьи, поскольку не имеет никакого прямого отношения к боспорским Спартокидам.

Так, в первом томе LGPN, в территориальном плане охватывающем острова Эгейского моря (включая Крит), а также Кипр и Киренаику, числится 50 Селевков, причем ни один из них не датируется временем ранее эллинистического. Потенциальный интерес (да и то небольшой) может представлять разве что один из них, упоминаемый на Делосе [LGPN I, p. 403, s. v. Σέλευκος № 12] и живший, как указывают составители, во II–I вв. до н. э. (со знаком вопроса), поскольку он имел сына по имени Аполлоний.

В Аттике 42 Селевка, и точно так же все – не ранее периода эллинизма. Кстати, в афинском полисе зафиксирован и один Залевк, датирующийся серединой II в. до н. э. Еще один Залевк (собственно, самый ранний известный носитель названного имени) – знаменитый законодатель архаической эпохи из Локр Эпизефирских [LGPN IIIA, p. 186, s. v. Ζάλευκος № 1]. В томе LGPN, к которому мы сейчас обратились и который охватывает Пелопоннес, Западную Грецию, Сицилию и Великую Грецию, присутствуют 22 Селевка, и все, снова приходится уныло повторить, жили в эллинистическое и римское время. Абсолютно та же картина (только с цифрой 27) и в следующем томе – LGPN IIIB, – представляющем ономастику Средней Греции, от Мегариды до Фессалии, а также и в томе LGPN VA (с цифрой 36), посвященному полисам береговой линии Малой Азии от Понта до Ионии.

Подведем итоги относительно ономастической единицы Селевк. Имя традиционно считается македонским, однако действовавший на Боспоре и упомянутый Диодором Селевк I, преемник Спартока I, жил раньше, нежели любой из его македонских тезок. По-прежнему не исключаем возможности, что в действительности этого раннего представителя Спартокидов звали Залевком. А автор «Исторической библиотеки» – писатель

диффузия, как отмечалась выше, вряд ли протекала спонтанно и беспричинно. Оговорим, что уход с боспорского престола *династии* Спартокидов еще не означало полного исчезновения всего аристократического *рода* Спартокидов, представители боковых ветвей которого должны были обитать на Боспоре и позже (и особенно – в периферийной для царства Горгиппии, на окраине вообще легче выживать в годину кризисов и переворотов; в той же Горгиппии мы уже выше встретили некоего Спартока, жившего в I в. н. э.). Горгиппия вообще имела особый статус в Боспорском государстве и особую связь с династией, о чем в частности

достаточно поздний, живший уже в самом конце эпохи эллинизма, отделенный от событий несколькими веками, а в данном случае еще и большими пространствами, – вполне мог допустить небольшую путаницу. Особенно если учитывать то, что к его времени македонский вариант «Селевк» по ряду причин (активная деятельность диадоха Селевка Никатора, длительное правление династии Селевкидов и т. п.) стал несравненно более распространенным и привычным в греческом мире, оттеснив на второй план исконный вариант «Залевк», сделав его архаичным и неупотребительным. Более привычным написанием, похоже, и воспользовался сицилийский историк.

***

Перейдем теперь к такому знаменитому спартокидскому имени, как Левкон (Λεύκων), – знаменитому, конечно, прежде всего по причине небывало громких для Боспора деяний первого его носителя – Левкона I. Среди дальнейших боспорских правителей был только еще один Левкон (II), да еще одно лицо, так же названное, упоминается в Горгиппии в первой половине III в. до н. э. [LGPN IV, p. 209, s. v. Λεύκων № 3]. Этот последний, если исходить из идеи А. А. Завойкина[18] о «табуировании» царских имен для рядовых боспорских граждан (вести ли речь об официальном запрете – что у нас, честно говоря, вызывает сомнение – или же просто о традиционно сложившемся узусе), тоже должен был иметь какое-то отношение к Спартокидам. Правда, имя сына этого горгиппийского Левкона – Теоних (КБН. 1137. В II. 6) – ровно никакого отношения не имеет к династическому ономастическому фонду.

В Западном Крыму [LGPN IV, p. 209, s. v. Λεύκων № 8–9] в первой половине III в. до н. э. упоминается Левкон в Херсонесе Таврическом, а еще немного раньше, в IV в. до н. э., – Лев (кон?) в Керкинитиде (на граффито; дополнение предложено Э. И. Соломоник, хотя, как каждый может видеть, инвариантным его назвать трудно.

Достаточно ранний Левкон (360 г. до н. э., – можно сказать, современник боспорского Левкона I) фиксируется на Халкидике [LGPN IV, p. 209, s. v. Λεύκων № 7], а другие носители того же имени в македонском регионе (конкретно – в Берое[19]) датируются уже первыми веками н. э. [LGPN IV, p. 209, s. v. Λεύκων № 4–6]. Левконы с островов Эгейского моря [LGPN I, p. 286, s. v. Λεύκων № 1–8], а именно с Аморгоса, Астипалеи, Хиоса, Крита, Эвбеи, тоже как-то не слишком характерны: все относятся к эллинистической эпохе, за исключением одного Левкона – с Фасоса – который датирован (со знаком вопроса) первой половиной IV в. до н. э. [LGPN I, p. 286, s. v. Λεύκων № 9].

Внесет ли что-либо новое материал из Аттики? Ознакомимся с ним подробнее. В афинской просопографии – восемь Левконов [LGPN II, p. 282, s. v. Λεύκων № 1–8], правда, последний из них, – похоже, метэк (IG. II². 1672. 238–329/328 г. до н. э.), но статус метэка в Афинах был весьма широк, им пользовались не только какие-нибудь безвестные личности, но и такие фигуры, как Геродот и Протагор, Лисий и Аристотель[20].

[18] Впрочем, сам он настаивает на том, что приоритет принадлежит не ему, а Ю. Г. Виноградову.

[19] По просопографии Берои недавно появилась хорошая книга на русском языке: [Кузьмин, 2013]. Впрочем, в ней, кажется, беройские Левконы не упоминаются (поскольку выходят за хронологические рамки монографии).

[20] В связи со статусом афинских метэков см. недавние исследования: [Adak, 2003; Watson, 2010; Mansouri, 2011; Sosin, 2016].

Правда, одно можно утверждать со всей очевидностью: раз метэк – значит, уж точно не Спартокид. Как известно, вся семья Спартокидов в Афинах в IV в. до н. э. пользовалась гражданскими правами.

Посмотрим теперь на тех Левконов, которые являлись афинскими гражданами. Выясняется, что Левкон – достаточно старинное афинское имя. Хронологически первый его носитель встречается уже на чернофигурной вазе конца VI в. до н. э. (ок. 510 г. до н. э.). Следующий – во второй половине V в. до н. э. Это комедиограф, современник Аристофана. Что интересно, в LGPN II указано имя его отца – Гагнон. А ведь Гагнон – в афинской истории имя достаточно громкое. Так, в частности, звали известного политика времен Перикла, который выступил в роли ойкиста Амфиполя, потом вернулся оттуда на родину, а в 411 г. до н. э. был еще членом известной коллегии пробулов, деятельность которой привела к установлению олигархического режима Четырехсот; помимо всего прочего, Гагнон являлся отцом Ферамена – одного из виднейших политиков последнего периода Пелопоннесской войны, которого Аристотель оценивал даже выше, чем Перикла[21].

Для этих двух Левконов неизвестен дем. А, кроме них, имеем двух Левконов из дема Эноя (вторая половина IV в. до н. э.); у одного отца звали Сократом, а у другого Гиппократом. Тем же периодом датируется Левкон из дема Фреарры – с отцом по имени Демей. Левкон, живший в деме Лампгры во II в. до н. э. назвал свою дочь Аристидо.

На самом деле у автора этих строк, являющегося специалистом по афинской просопографии и ономастике[22], начинают просто-таки «раздуваться ноздри» при виде подобного ономастического комплекса, если взять его в целом. Он чрезвычайно богат и чреват импликациями. В нем все говорит о принадлежности носителей соответствующих имен к афинской элите – но элите не самого первого порядка, а второго, к тому кругу, применительно к которому мы ввели термин «демотевты» [Суриков, 2005; Суриков, 2011б].

Это был особый круг лиц, которые, до определенного момента довольствуясь первенствующим положением на уровне отдельных демов, затем стали претендовать и на лидирующую роль в рамках всего полиса. Их имена звучали не «супер-аристократически», как, допустим, Мегакл или Мильтиад (скорее мы отнесли бы их к «околоаристократическому» кругу), но, тем не менее, тоже весьма достойно и пристойно (в том же ЛИ Левкон – Λεύκων – совершенно очевидно виден тот же корень, что и в прилагательном λευκός, «белый», и, кстати, ровно тот же корень прослеживается в ЛИ Залевк/Селевк).

Так не афинское ли по происхождению имя перед нами? Материал из LGPN по этой ономастической единице, который еще осталось разобрать, не дает прямых доказательств в пользу этого предположения, но и не является напрямую противоречащим ему. В сицилийской Геле в середине V в. до н. э. имелся какой-то ⌊κō̄ν [LGPN IIIA, p. 272, s. v. Λεύκων № 3]; но, как совершенно справедливо отмечают сами же составители издания, вариант восстановления Λεύκων тут не является единственным, допустимы и иные.

[21] О Гагноне см.: [Суриков, 2011а, 225, 229].

[22] Введшего в свое время понятие семейных ономастических фондов (наиболее подробно см.: [Суриков, 2009]).

Еще один относительно ранний Левкон (последняя четверть IV в. до н. э.) в том же западном регионе зафиксирован у луканов [LGPN IIIA, p. 272, s. v. Λεύκων № 2]. Но тут имеет смысл напомнить, что луканов – этот южноиталийский этнос – сами греки называли «левканами» (Λευκανοί). Не мог ли отсюда пойти и антропоним?

Достаточно примечателен материал из Беотии. В тамошнем городке Микалессе некий Левкон упомянут на вазе уже во второй половине VI в. до н. э. [LGPN IIIB, p. 258, s. v. Λεύκων № 2]. Это, кажется, чуть ли не самый ранний известный нам носитель этого имени (наряду с Левконом из Афин, о котором речь шла выше). Другие беотийские Левконы (из Левктр, Феспий) датируются IV–III вв. до н. э. [LGPN IIIB, p. 258, s. v. Λεύκων № 1, 4].

Но особенно интересно, что в связи с Платейской битвой 479 г. до н. э. упоминается герой Левкон [LGPN IIIB, p. 258, s. v. Λεύκων № 3]. Герой – в религиозно-мифологическом смысле. Приведем соответствующую цитату из источника (Plut. Aristid. 11). Перед началом сражения «Аристид послал в Дельфы вопросить оракул, и бог ответил, что афиняне одолеют врага, если… принесут жертвы героям Андрократу, Левкону, Писандру, Дамократу, Гипсиону, Актеону и Полииду». В известном мифологическом словаре Рошера указывается [Roscher, 1894–1897, Sp. 1999], что эти семеро (в числе которых и Левкон) считались основателями Платей. Тут, возможно, имеет смысл вспомнить, что Платеи имели с Афинами особые отношения [Badian, 1993, p. 109 ff.), временами доходившие едва ли не до симполитии, пусть не в такой степени, как было в случаях с Элевтерами или Оропом, но все-таки чрезвычайно близкие.

Быть может, не лишним будет здесь упомянуть, что почитался и еще один беотийский герой Левкон (не совпадающий с вышеупомянутым), сын Афаманта (Apollod. Bibl. I. 9. 2; Paus. VI. 21. 11; IX. 34. 7, 9). Итак, имя Левкон имеет и беотийские корни? Отметим заодно, что есть Левконы также в граничивших с Беотией Мегариде и Фессалии [LGPN IIIB, p. 258, s. v. Λεύκων № 5–6], но в малом количестве (по одному там и там), к тому же довольно поздние (мегарский датируется второй половиной III в. до н. э., а фессалийский жил и вовсе во II в. н. э.).

Совершив некий «круг» по ойкумене, мы вновь попадаем в Черное море и обнаруживаем там двух Левконов в Гераклее Понтийской [LGPN VA, p. 267, s. v. Λεύκων № 3–4]. Оба датируются IV веком до н. э.: один жил в первой половине названного столетия (и был гончаром), другой же – в его второй половине.

О носителях имени Левкон, как можно было заметить, у нас говорилось несколько подробнее, нежели о Спартоках и Селевках. И это не потому, что Левконов в греческом мире оказалось намного больше (в количественном отношении это, пожалуй, не так, особенно если сравнивать с Селевками), а потому, что с Левконами – больше неясностей. Как можно в целом охарактеризовать данную ономастическую единицу?

Нельзя назвать ее редко встречающейся, чисто локальной (как мы видели, разброс – от региона Боспора Киммерийского и вплоть до Южной Италии). В то же время и к числу чрезвычайно распространенных отнести ее нелегко. В частности, бросается в глаза, что в некоторых областях ЛИ Левкон вообще не представлено. Наверное, особенно характерно, что никаких Левконов нет во Фракии (а ведь мы видели, что с именами Спарток и Селевк там совсем иная ситуация).

Зато обнаруживаются ранние Левконы (более ранние, чем на самом Боспоре) в Аттике и в соседней с ней Беотии. В последней были даже почитавшиеся герои с таким именем. Аттическо-беотийские ономастические контакты могли на достаточно раннем этапе осуществляться, скажем, через Платеи.

О каких-то специальных связях Боспора с Беотией говорить не приходится, а вот связи его с Афинами, напротив, сомнению не подлежат. Наверное, будет чрезмерно рискованным высказать предположение о том, что в Пантикапей могло посредством ксенических контактов попасть афинское имя? Если мы все-таки имеем право на такую гипотезу, то поговорим о конкретных механизмах, посредством которых это могло случиться.

В 430-х гг. до н. э. состоялась понтийская экспедиция Перикла, которая, в частности, оставила и определенные, так сказать, ономастические следы в Причерноморье [Суриков, 2012; Суриков, 2014в], в том числе в Северном. В этом регионе появились, в частности, носители имен Ламах, Мегакл… Мы в только что упомянутых работах высказали резонное, думается, предположение, что подобная диффузия имен обязана своим появлением ксеническим связям между гражданами разных полисов (в данном случае между афинянами и жителями городов на берегах Понта). Ровно так же могло получиться и с именем Левкон (допустим, тот же Левкон, сын Гагнона, мог оказаться в Перикловом флоте – жил он как раз в это время – и завести себе ксена в кругу высшей пантикапейской элиты). Разумеется, это лишь гипотеза.

***

Первая часть статьи подходит к концу. Проведенный в ней контекстный анализ трех характерных для спартокидского именника ономастических единиц – Спарток, Селевк, Левкон – пока каких-то выдающихся открытий не принес. Впрочем, следует исходить из той хорошо известной истины, что даже отрицательный результат есть тоже результат. А в данном случае, в общем-то, нельзя сказать, что результат является всецело отрицательным. Кое-что все-таки удалось установить, пусть даже в чем-то и предположительно (а что именно – см. выше, в тексте работы).

Смеем заверить читателей, что вторая часть статьи, которую мы теперь будем готовить для следующего тома «Древностей Боспора», позволит сделать более интересные выводы. Беремся утверждать такое столь уверенно потому, что ономастический материал для этой второй части нами уже подобран; нужно только перевести его из формы выписок в форму внятного изложения (анализироваться будут ЛИ Горгипп, Евмел, Притан, Акия, возможно, также Орхам).

Список литературы

Завойкин, 1998. Завойкин А. А. Синдская Гавань (Синдик) – Горгиппия //ВДИ. 1998. 3.

Завойкин, 1999. Завойкин А. А. Почему Диодор умолчал о кончине Селевка и воцарении Сатира, сына Спартока //Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. М.

Завойкин, 2002. Завойкин А. А. К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов //Древности Боспора. 5.

Завойкин, 2006. Завойкин А. А. Об институте династических имен Спартокидов //ДБ. 10.

Завойкин, 2013. Завойкин А. А. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь – Керчь.

Кузьмин, 2013. Кузьмин Ю. Н. Аристократия Берои в эпоху эллинизма. М.

Молев, 1997. Молев Е. А. Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н. э. Нижний Новгород.

Сапрыкин, 2000. Сапрыкин С. Ю. Боспорская держава Спартокидов: письменные и эпиграфические источники //Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. СПб.

Суриков, 2005. Суриков И. Е. ΔΗΜΟΤΕΫΤΑΙ : Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) //ВДИ. 1.

Суриков, 2007. Суриков И. Е. Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) //ДБ. 11.

Суриков, 2009. Суриков И. Е. Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов //Вопросы эпиграфики. Вып. 3.

Суриков, 2011а. Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М.

Суриков, 2011б. Суриков И. Е. От «демотевта» – к демагогу? (Афинские триерархи V в. до н. э. и их «электорат») //ВДИ. 3.

Суриков, 2012. Суриков И. Е. Перикл, Ламах и Понт Евксинский. Историческая география и ономастика: о пользе комбинированного использования данных //Историческая география. Т. 1. М.

Суриков, 2014а. Суриков И. Е. Кем, когда и почему был обожествлен Перисад I? (Две версии) //ДБ. 18.

Суриков, 2014б. Суриков И. Е. Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») //Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М.

Суриков, 2014в. Суриков И. Е. Ономастика и история Афинской морской державы (некоторые замечания) //ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΣ. Сборник научных статей памяти А. А. Молчанова. М.

Суриков, 2015а. Суриков И. Е. Афинские Фанагоры //ДБ. 19.

Суриков, 2015б. Суриков И. Е. Боспорское царское имя Перисад и некоторые связанные с ним проблемы //Имя как квант лингвистического и историко-культурного анализа. М.

Яйленко, 1995. Яйленко В. П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях //Женщина в античном мире. М.

Adak, 2003. Adak M. Metöken als Wohltäter Athens: Untersuchungen zum sozialen Austausch zwischen ortsansässigen Fremden und der Bürgergemeinde in klassischer und hellenistischer Zeit (ca. 500–150 v. Chr.). München.

Anochin, 1998. Anochin V. A. Die Pontische Expedition des Perikles und der Kimmerische Bosporos (437 v. Chr.) //Stephanos nomismatikos. B.

Badian, 1993. Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore – L.

Braund, 2003. Braund D. The Bosporan Kings and Classical Athens: Imagined Breaches in a Cordial Relationship (Aisch. 3.171–172; [Dem.] 34.36) //The Cauldron of Ariantas: Studies Presented to A. N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday. Aarhus.

Herman, 1990. Herman G. Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond //Classical Quarterly. Vol. 40. No. 2.

A Lexicon, 1987–2010. A Lexicon of Greek Personal Names /Ed. by P. M. Fraser and E. Matthews. Vol. I–VA. Oxf.

Mansouri, 2011. Mansouri S. Athènes vue par ses métèques (Ve–IVe siècle av. J.-C.). P.

Parker, 2000. Parker R. Theophoric Names and the History of Greek Religion //Greek Personal Names: Their Value as Evidence. Oxf.

Roscher, 1894–1897. Roscher W. H. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Bd. 2, Abt. 2: Laas – Myton. Lpz.

Sosin, 2016. Sosin J. D. A Metic was a Metic //Historia. 2016. Vol. 65. No. 1.

Watson, 2010. Watson J. The Origin of Metic Status at Athens //The Cambridge Classical Journal. Vol. 56.

Summary

I. E. Surikov

Spartocid Onomasticon outside Bosporus (Part I)

There is a complex of personal names, which is manifestly connected with the Spartocid dynasty at the Bosporus. It seems to be interesting how such names were used in other regions of the Ancient Greek world. This, first, part of the article concentrates on the names Spartocus, Seleucus, Leucon. Parallels from Athens, Macedonia, Thrace, Boeotia etc. are cited.

А. Е. Терещенко*, И. Г. Чухина, К. Яржецкий*****
*(*Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Русский музей», СПб;*
***Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный исследовательский центр Всероссийский институт генетических ресурсов растений имени Н.И.Вавилова (ВИР)», СПб;*
****г. Торунь, Польша)*

Злаки на античных монетах

Начать рассмотрение заявленной темы следует, пожалуй, с вопроса о смысловом значении изображений семени на монетах синдской и фанагорийской чеканок (рис. 1, *1–7*). Традиционно считается, что это хлебное [Зограф, 1951, с. 170], т. е., пшеничное [Шелов, 1956, с. 45, 49] зерно, которое представляет собой «вероятное свидетельство развивающейся торговли хлебом» [Зограф, 1951, с. 170], либо «символизирует развитие земледельческой культуры» [Шелов, 1956, с. 45]. Однако, при специальном исследовании этих рисунков, выяснилось, что на синдских (рис. 1, *5–7*) и фанагорийских (рис. 1, *1–4*) монетах, помещены зерновки культурного ячменя (*Hordeum vulgare* L. s. l.). Зерновки рисуются с брюшной стороны и имеют характерную для ячменя почти правильно эллиптическую (рис. 1, *1–4*), эллиптическо-ромбическую (рис. 1, *5, 6*) и удлиненно-эллиптическую (рис. 1, *7*) форму. Данные изображения зерновок могут быть отнесены к пленчатым формам ячменя, так как на всех монетах, несмотря на разное качество проработки, хорошо различимы верхняя и нижняя цветковые чешуи («пленки»). У пленчатых разновидностей ячменя цветковые чешуи, благодаря особенностям их анатомического строения, прочно соединяются с зерновкой и не отделяются при сборе и обмолоте зерна. У многих форм пленчатого ячменя также плохо обламываются ости, поэтому остаются их основания. У всех зерновок, встречаемых нами на монетах, хорошо выражены широкие основания остей, из чего можно предположить, что ости были грубыми и плохо обламывались. Следует заметить, что такое строение остей характерно для ячменей южных районов. После уборки урожая, пленчатый ячмень приобретал именно такой вид – семя заключено в цветковые чешуи, в нижней части которых сохранялось основание грубой ости[1].

[1] Конечно, существуют виды и пленчатых пшениц, например, пшеница двузернянка, или полба (*Triticum dicoccon* (Schrank) Schuebl.), но их зерновки в пленках выглядят совершенно иначе.

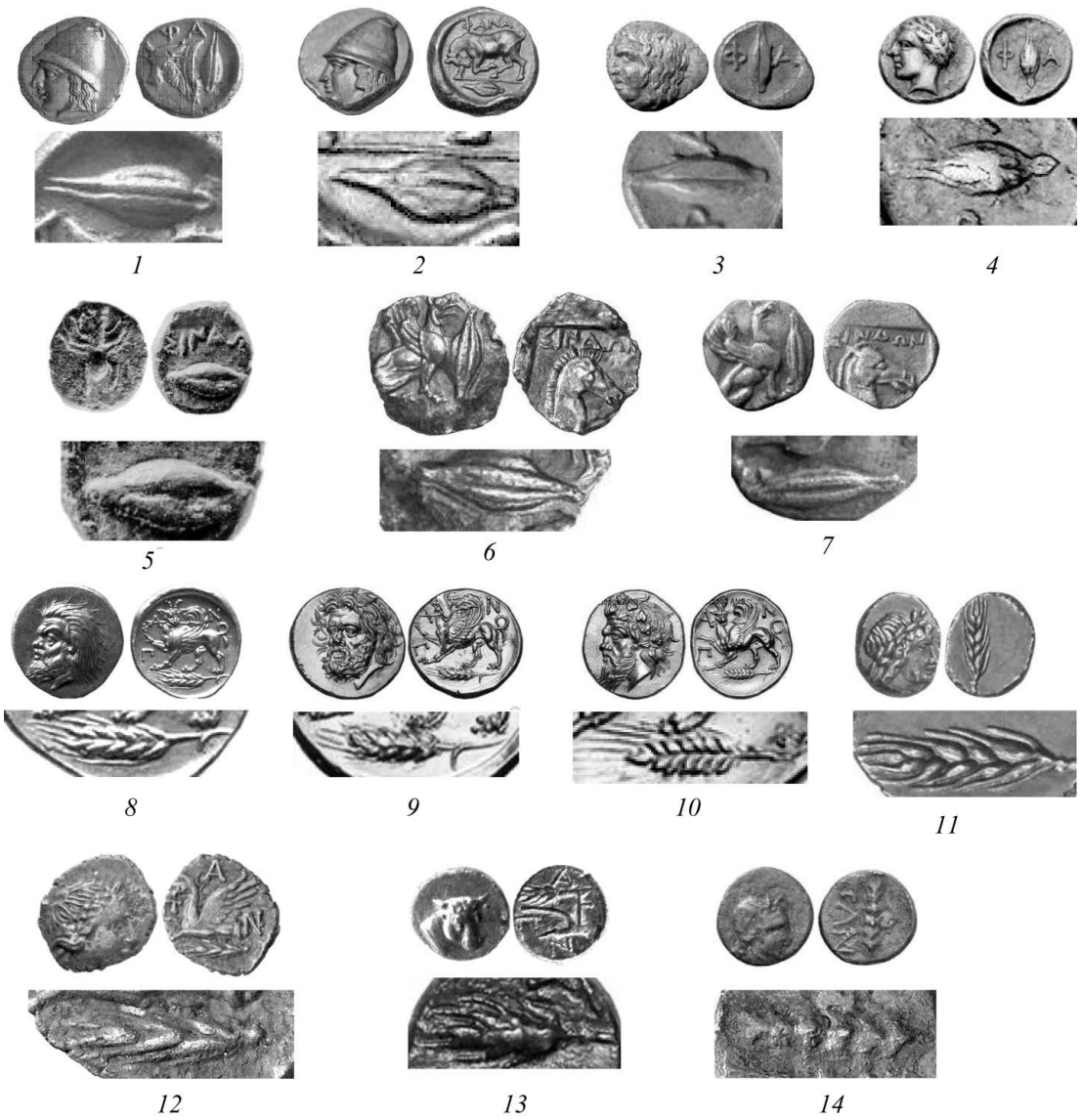

Рис. 1 Боспорские монеты с изображением зерна и колосьев
1–4 – Фанагория, 90-е – первая половина 80-х гг. IV в. до н. э. Диобол, драхма, гемиоболы. Серебро. *5* – Синды, 427–424/23 гг. до н. э. Тетартеморий. Серебро. *6, 7* – Синды, 400–390 гг. до н. э. Диобол, гемиобол. Серебро. *8–10* – Пантикапей, 378–350 гг. до н. э. Статеры. Золото. *11,12*– Пантикапей, II в. до н. э. Триобол, тетробол. Серебро. *13, 14* – Пантикапей, II в. до н. э. Медь.

У зерновок, представленных на монетах из Фанагории и Синдики, основание удлинено и несколько напоминает базальную часть древних «бутылковидных» форм плёнчатого шестирядного ячменя, зерна которого были найдены при археологических раскопках в Северном Причерноморье и в Закавказье [Янушевич, 1976, с. 121–124; Бахтеев, 1956, с. 212–215].

В принципе, казалось бы, ничего удивительного в присутствии ячменного зерна на этих монетах нет, поскольку, по наблюдению А. В. Одрина, одной из ведущих зерновых культур в античных государствах Северного Причерноморья был именно ячмень [Одрин, 2014, с. 296]. В VI–V вв. до н. э. его доля составляла почти половину производимого товарного зерна, и лишь с начала IV в. до н. э. на первое место, безусловно, выходят сорта мягкой пшеницы [Одрин, 2014, с. 295–296]. Подтверждением тому могут служить результаты исследования Мирмекия (городок находящийся вблизи Пантикапея), проводившиеся в первой половине 90-х годов прошлого века. На этом памятнике были открыты три комплекса (две ямы и зольная куча), содержавшие обугленные остатки культурных растений, причём больше половины всех зерновок представлены голозёрной пшеницей, на втором месте – ячмень. Особенно важно, что комплексы относятся к различным хронологическим отрезкам: третья четверть VI в. до н. э., последняя четверть VI в. до н. э. и первая четверть V в. до н. э. [Виноградов, 2005, с. 95][2].

С другой стороны, на всех античных монетах, включавших в свой сюжет рисунок семени, изображалось *всегда* ячменное зерно, в этом мы можем убедиться на многочисленных примерах в чеканке самых различных полисов (рис. 2, *1–20*; рис. 4, *12–14*). Все изображения зерновок на этих монетках имеют почти симметричную эллиптическо-ромбическую форму, присущую только ячменю. У зерновок на большинстве монет (рис. 2, *1–10, 12, 15, 17, 19, 20*) хорошо видны верхняя и нижняя цветковые чешуи («пленки») и основания остей. На некоторых экземплярах (рис. 2, *11, 13, 14, 16, 18*), хотя и неразличимы мелкие детали в строении семени, но явно выраженные удлиненные базальная и верхушечная части позволяют предположить, что и в этих случаях также изображены зерновки пленчатого ячменя. Особо следует отметить монету из Неандрии (рис. 2, *20*), где настолько тщательно проработаны все мельчайшие детали рисунка семени, что оно полностью копирует зерновку пленчатого ячменя и отражает все характерные морфологические признаки.

Рассмотрим подробнее характеристики этой важной сельскохозяйственной культуры и её историю.

Ячмень (*Hordeum vulgare* L. s. l.) – наравне с пшеницей одна из древнейших зерновых культур. Родиной культурного ячменя, вероятно, следует считать Переднюю Азию. Предполагается, что его начали вводить в культуру еще в X (или даже XV) тысячелетии до н. э. [Бахтеев, 1956, с. 206; Kozłowski, 1999, с. 134].

Во время археологических раскопок ряда древнейших поселений Передней Азии, зёрна двурядного ячменя были найдены в слоях, датируемых VIII–VII тысячелетием до н. э. [Жуковский, 1964, с. 167; Он же, 1968, с. 443; Helbaeck, 1959, p. 187–188; Helbaeck, 1960, p. 189–190; Harlan, 1979, p. 13; Roux, 2003, p. 47; Янушевич, 1976, с. 103–105; Культурная флора СССР, 1990, с. 148]. По-мнению Г. Хелбэка, обнаруженные на территории Ирака в поселении Али-Кош обугленные зерновки и части колоса двурядного пленчатого ячменя (датируются VII тысячелетием до н. э.), представляют собой наиболее

[2] Следует заметить, что Ю. А. Виноградов один из немногих отечественных учёных-антиковедов, кто целенаправленно и планомерно собирает этот материал в ходе своих археологических исследований.

Рис. 2 Греческие монеты с изображением зерна

1 – Кумы (Кампания, Италия). V в. до н. э. Дидрахма. Серебро. *2* – Метапонт (Лукания, Италия). 300 –250 гг. до н. э. Медь. *3* –. Кротон (Калабрия, Италия). Ок. 420 г. до н. э. Статер. Серебро. *4* – Посейдония (Лукания, Италия). V в. до н. э. Статер. Серебро. *5* – Фистела (Кампания, Италия). 380–350 гг. до н. э. Обол. Серебро. *6* – Леонтины (Сицилия). 455–430 гг. до н. э. Драхма. Серебро. *7* – Акрагас (Сицилия) 482–472 гг. до н. э. Дидрахма. Серебро. *8* – Энтелла (Сицилия). 407–398 гг. до н. э. Тетрадрахма. Серебро. *9* – Гела (Сицилия). 420–405 гг. до н. э. Медь. *10* – Селинунт (Сицилия). 435–417 гг. до н. э. Тетрадрахма. Серебро. *11* – Сиракузы (Сицилия). 344–317 гг. до н. э. Медь. *12* – Элайя (близ г. Измир, Турция). 350–300 гг. до н. э. Медь. *13* – Ахейская лига. II в. до н. э. Триобол. Серебро. *14* – Орхомен (Беотия). 500–480 гг. до н. э. Обол. Серебро. *15* – Фебес (Беотия). 395–338 гг. до н. э. Статер. Серебро. *16* – Херсонес Фракийский. IV в. до н. э. Гемидрахма. Серебро. *17* – Кардия (Херсонес Фракийский). 325–300 гг. до н. э. Медь. *18* – Ольвия. 350–300 гг. до н. э. Медь. *19* – Аргос (Пелопоннес). IV в. до н. э. Статер. Серебро. *20* – Неандрия (Троада). 450–390 гг. до н. э. Гемиобол. Серебро

ранние археологические находки этого злака, выращиваемого в посевах, а не собранного в естественных зарослях [*см.* Янушевич, 1976, с. 104].

На территории Европы (Германия, Польша) самые ранние находки многорядного ячменя как пленчатого, так и голозерного относятся к неолитической культуре племен линейно-ленточной керамики [Kruk, 1980, s. 209–210; Wojciechowski, 1981, s. 84]. К среднему и позднему неолиту принадлежат археологические находки многорядного ячменя с территории Швейцарии, Австрии, Словакии, Бельгии, Польши [Янушевич, 1976, с. 107; Культурная флора СССР, 1990, с. 150]. На поселениях раннетрипольского времени (IV-е тысячелетие до н. э.) Путинешты, Лука-Врублевецкая, Новые-Русешты I, Карбуна обнаружены следы ячменя в виде отпечатков зерновок и частей колоса на глиняной обмазке и керамике [Янушевич, 1976, с. 107–112].

Самые ранние, на сегодняшний день, свидетельства о культивировании этого растения на территории Крыма относятся к IX–VIII вв. до н. э. Это обгорелые зёрна пленчатого и голозерного ячменя из раскопок таврского поселения близ Севастополя [Бахтеев, 1956, с. 212]. В ходе определения зерен из материалов Боспорской экспедиции ИИМК, найденных при раскопках Тиритаки и относимых к III–II вв. до н. э., Ф. Х. Бахтеевым были выделены зерновки пленчатых ячменей со специфической «бутылковидной» формой и очень удлиненной базальной частью, напоминающей бутылочное горлышко [Бахтеев, 1956, с. 212].

Археологические находки на территории Армении близ Еревана (неолитическое поселение Шенгавит, урартская крепость на холме Кармир-Блур), датируемые VII в. до н. э., подтверждают давние истоки традиции возделывания ячменя на территории Закавказья. В частности, в зернохранилищах в Кармир-Блуре были найдены большие запасы шестирядного пленчатого ячменя [Туманян, 1948, с. 73–85; Бахтеев, 1956, с. 220–223; Синская, 1969, с. 52–53]. Ф. Х. Бахтеев изучил образцы обуглившихся зерен и пришел к выводу, что зерновки ячменя из урартской крепости имеют много общего с боспорским ячменем [Бахтеев, 1956, с. 224]. Эти находки, ставшие важным звеном в понимании эволюции культурного ячменя, послужили фактологической основой для реконструкции путей формирования разнообразия возделываемых злаков в Северном Причерноморье. Несомненно, что культурная флора этого региона сложилась под влиянием переднеазиатского центра происхождения культурных растений, но разными путями. Так, в западную часть Причерноморья культивируемые виды растений из первичного переднеазиатского центра мигрировали через страны Балканского полуострова. В восточную часть они проникали кавказским путем, «о чем свидетельствуют находки в областях, прилегающих к Черному морю с востока, а также на Керченском полуострове» [Янушевич, 1986, с. 80].

На первых этапах одомашнивания ячменные зерна употреблялись в виде каш и несколько позже для выпекания хлебных лепешек и приготовления напитков. Ячмень был одной из ведущих хлебных культур в Шумере [Roux, 2003, p. 56] и древнем Египте [Grimal, 2004, p. 31; Straußß-Seeber, 2001, s. 378], где его вегетация была связана с культом Осириса и верой в воскресение [Niwiński, 2001, s. 197–198]. Ячмень в Египте использовался как для выпечки хлеба, так и для приготовления опьяняющего и освежающего напитков. До недавнего времени продукты из ячменя преобладали в пище у многих

народов Закавказья, которые изготовляли из него похлебки, лепешки, пиво и бузу. В настоящее время это древнейшее пищевое растение выращивается во многих странах как источник солода для пивоварения и как зернофуражная культура, реже для производства круп и хлебных изделий.

По периоду античности в нашем распоряжении имеются следующие интересные сведения. Вот что пишет в «Естественной истории» о ячмене Плиний Старший: «Ячмень является самой древней пищей» (Plin. NH. XVIII, 72). «Ячмень – самый надежный из всех злаков; его убирают раньше, чем ржавчина нападает на пшеницу; умные хозяева и сеют пшеницу только для стола, а для кошелька, по их словам, – ячмень» (ibid. XVIII, 79). При этом, правда, римский учёный добавляет, что «Ячменный хлеб, употреблявшийся в старину, осужден самой жизнью; теперь его едят, пожалуй, одни животные» (ibid. XVIII, 74).

Кроме того, в более раннем источнике (гомеровский гимн «К Деметре»), мы встречаем следующие строки:

«Грозный, ужаснейший год низошел на кормилицу-землю
Волею гневной богини. Бесплодными сделались пашни:
Семя сокрыла Деметра прекрасновеночная в почве.
Тщетно по пашням быки волокли искривленные плуги,
Падали в борозды тщетно ***ячменные*** *белые зерна*» (Гом. Гимн. V, 205–210)

Подобное акцентированное указание на род злаковых в мифе, т. е., произведении, восходящем к древнейшим историческим периодам, позволяет считать ячмень одним из самых первых окультуренных растений на землях Эллады.

Что же касается нумизматического аспекта, то можно констатировать тот факт, что по всей ойкумене на монетах всегда изображалось именно ячменное зерно, причём, вне зависимости, какую долю в зерновом хозяйстве составляла эта культура на момент чеканки монеты с данным рисунком. Вторая часть нашего вывода подтверждается, в частности, тем, что наибольшее количество монетных типов с изображением ячменного зерна зафиксировано на территории Сицилии и Южной Италии (рис. 2, *1–11*). И это при том, что по сообщению Плиния, ещё «… поэт Софокл в своей драме «Триптолем» превознес италийскую пшеницу превыше всех в стихе, который дословно переводится так: «в счастливой Италии сеют белоснежную пшеницу». Хвала эта и по сей день принадлежит одной италийской пшенице» (Plin. NH. XVIII, 65). Таким образом, мы с достаточной долей уверенности можем предполагать, что уже в VI в.до н. э. в сельском хозяйстве «Великой Греции» предпочтение отдавалось взращиванию пшеницы, как более ценному продукту [Gansiniec, 1956, s. 31–32].

Иначе обстоит дело с изображениями колосьев злаков, поскольку они не ограничиваются одним видом зерновой культуры. Например, в пантикапейской чеканке (рис. 1, *8–14*) при всей упрощенности и схематичности деталей, можно сказать, что колосья на статерах (рис. 1, *8–10*) и триоболах (рис. 1, *11, 13*) принадлежат пшенице. По имеющимся признакам определить её вид сложно, но, принимая во внимание строение колосков, образующих сложный колос, одни (рис. 1, *8, 10, 11*) больше соответствуют только пшенице полбе-двузернянке (*Triticum dicoccum=Triticum dicoccon*) [Кругликова, 1967,

с. 134; Она же, 1975, с. 187], другие (рис. 1, *9, 12*) возможно мягкой пшенице (*Triticum aestivum* L.). Типы 13, 14 (рис. 1, *13, 14*), скорее всего, несут изображения шестирядного ячменя.

Такое же разнообразие мы наблюдаем и в чеканке других городов античного мира[3]. Так, колос карликовой пшеницы (*Triticum compactum* Host.) присутствует на монетах Херсонеса Фракийского, Трагилоса (Македония), Тарсуса (Киликия), Ольвии (рис. 3, *1, 5, 9, 18*). Пшеница двузернянка, или полба (*Triticum dicoccon*) изображена на монетах фессалийской Скотуссы, Византия и, что довольно странно, Феодосии (рис. 3, *3, 14, 19*), а, на сицилийских экземплярах сикуло-пунийских выпусков, возможно, пшеница твердая (*Triticum durum* Desf. см. рис. 3, *15*).

Весьма многочисленны и изображения различных видов ячменя. Ячмень многорядный (*Hordeum vulgare* subsp. *vulgare*) мы встречаем в эмиссиях фракийского Каллатиса, Гелы, Метапонта, Абдеры, чеканке Карфагена в Сардинии, Мессаны, Сиракуз и Родоса (рис. 3, *2, 4, 6, 12, 7, 10, 11, 13*; рис. 4, *1*). Есть рисунки и ячменя двурядного (*Hordeum vulgare* subsp. *distichum*), они присутствуют в монетном деле Орхомена в Беотии (рис. 3, *8*)[4].

В итоге, встаёт вопрос, что перед нами – демонстрация главной сельскохозяйственной культуры, или нечто иное? Вопрос отнюдь не праздный, поскольку, например, в работе Ю. А. Виноградова и И. Ю. Шауба, посвящённой семантике изображений на золотых пантикапейских статерах IV в. до н. э., отмечается, что колос, чей образ использовался в пантикапейской чеканке, имеет мало общего с реальным зерновым производством в греческих колониях Северного Причерноморья. В IV в. до н. э. на Боспоре предпочтение отдавалось, в основном, голозёрной пшенице – *Triticum aestivum* s.l. [Виноградов, Шауб, 2005, с. 221; Одрин, 2014, с. 295–296], именно она являлась основным продуктом экспорта. В то же время, как уже упоминалось выше, данный злак является, скорее всего, пшеницей двузернянкой (полбой). Из чего делается вывод, что на статерах Пантикапея изображался «злак северных варваров, который больше всего подходил для даров гипербореев» [Виноградов, Шауб, 2005, с. 221]. Таким образом, рисунок пшеницы двузернянки мог восприниматься на территории Боспорского царства как прямое указание на Аполлона Гиперборейского [Терещенко, 2012, с. 137; ср. Русяева, 2005, с. 238–239, 251]. Считаем необходимым уточнить, что, хотя, такая эпиклеза в античной традиции практически не употреблялась, тем не менее, мы поддерживаем данную дефиницию, как наиболее адекватно характеризующую образ этого божества в сознании эллинов Северного Причерноморья [*см.* Шауб, 2010, с. 12, 26].

Ещё одним ярким примером выступает интерпретация изображения колоса в чеканке Метапонта. Практически все современные исследователи единодушны во мнении, что данный рисунок олицетворяет первичный предмет экспорта этого полиса [Mielczarek, 2006, s. 163]. Однако, морфологические признаки, весьма старательно воспроизведённые древними мастерами, указывают на то, что злак, который мы встречаем на монетах Метапонта, есть не что иное, как колос многорядного ячменя. Но, разве эта

[3] Естественно, мы говорим лишь о тех изображениях, которые поддаются более-менее твёрдой идентификации.

[4] Соответствие рисунков на монетах реальным растениям продемонстрировано на рисунке 5.

Рис. 3. Греческие монеты с изображением колосьев
1 – Херсонес Фракийский. 480–350 гг. до н. э. Драхма. Серебро. *2* – Гела (Сицилия). 415–405 гг. до н. э. Тетрадрахма. Серебро. *3* – Скотусса (Фессалия). Конец V в. до н. э. Гемидрахма. Серебро. *4* – Каллатис (Фракия). 300–250 гг. до н. э. Драхма. Серебро. *5* – Трагилос (Македония). 450–400 гг. до н. э. Гемиобол. Серебро. *6* – Метапонт (Лукания). 333–330 гг. до н. э. Статер. Серебро. *7* – Абдера (Фракия). 411/10–386/5 гг. до н. э. Тетробол. Серебро. *8* – Орхомен. Беотия. 500– 480 гг. до н. э. Гемиобол. Серебро. *9* – Тарсус (Киликия). 361– 334 гг. до н. э. Статер. Серебро. *10* – Сардиния. Карфагенская чеканка. Конец III в. до н. э. Медь. *11* – Мессана (Сицилия). 412– 408 гг. до н. э. Тетрадрахма. Серебро. *12* – Метапонт (Лукания). 340– 330 гг. до н. э. Драхма. Серебро. *13* – Сиракузы (Сицилия). 305–295 гг. до н. э. Тетрадрахма. Серебро. *14* – Византий. 240–220 гг. до н. э. Тетрадрахма. Серебро. *15* – Сикуло-пунийский выпуск (Сицилия). 264–260 гг. до н. э. Шекль (декадрахма). Серебро. *16* – Митилена (Лесбос). 377– 326 гг. до н. э. Гекта. Электр. *17* – Кизик (Мизия). 390– 340 гг. до н. э. Тетрадрахма. Серебро. *18* – Ольвия. Вторая половина IV в. до н. э. Драхма. Серебро. *19* – Феодосия. 2-я половина III в. до н. э. Диобол. Серебро

культура, судя по записям Плиния, являлась главной экспортной составляющей, известного своим богатством, полиса?

Отсюда, вполне логичным будет предположить, что и в остальных случаях злаки, изображаемые на монетах, в большей мере несли культовую нагрузку, нежели служили указанием на аграрную продукцию полисов. В качестве наиболее яркого примера можно привести монетное дело Родоса, в чеканке которого, ещё в V в. до н. э. сложилась устойчивая традиция оформления серебра: «голова Гелиоса – цветок розы». Хотя Гелиос главный небесный покровитель Родоса, среди разнообразных дополнительных дифферентов мы встречаем символы и атрибуты и других божеств. Это знаменитая палица Геракла (рис. 4, *3*), орёл на молниях и просто молнии, символизирующие Зевса (рис. 4, *5, 6*), виноградная гроздь – атрибут Диониса (рис. 4, *4*), трофей – посвящение Аресу (рис. 4, *7*), трезубец Посейдона (рис. 4, *8*), кадуцей Гермеса (рис. 4, *9*), пилос с навершием, относящийся, вероятно, к символике культа Диоскуров (рис. 4, *10*).

Не исключено, что и колос (это шестирядный ячмень), присутствующий на одном из монетных типов родосской чеканки (рис. 4, *1*), также является атрибутом какого-то божества, на наш взгляд, скорее всего, – Деметры. Благостная к людям, прекрасного облика, в венке из спелых колосьев, такой она рисовалась эллинам. Главные культовые обращения к богине звучат как Хлоя – «зелень», «посев», Сито – «хлеб», «мука» и др. [Тахо-Годи, 1996, с. 224]. Подтверждением нашему предположению, может служить монетное дело Метапонта. Среди разнообразных монетных типов этого полиса, мы встречаем монеты с Деметрой, на голове которой венок из колосьев ячменя, что характерно – на оборотной стороне присутствует колос всё того же шестирядного ячменя (рис. 3, *12*). Венок из того же растения украшает голову богини и на сиракузской тетрадрахме (рис. 3, *13*).

С другой стороны, согласно античным письменным источникам, ячмень был связан не только с культом, «великой аграрной богини» (Hom. Hymn. 2; ср. Русяева, 2005, с. 323), но и Афины (Hom. Od. III, 1371–1377), а также Зевса (Paus. I, 24, 4).

Вместе с тем, на многих монетах других регионов ойкумены Деметра изображается в венке из колосьев пшеницы (рис. 3, *14–17*). Весьма любопытно, что они могут быть отнесены к разным видам рода *Triticum*. Например, на тетрадрахмах Византия, Кизика и ольвийской драхме это, скорее всего, *Triticum compactum* (рис. 3, *14, 17, 18*)[5]. На монете сикуло-пунийской чеканки колосья состоят из многоцветковых колосков, которые формируют своеобразный рисунок из черепитчато-горизонтальных рядов (рис. 3, *15*). Возможно, таким образом древний мастер изобразил или твердую пшеницу (*T. durum*) или тучную (*T. turgidum* L.).

Необходимо учитывать и то, что данные растения, символизируя божество, одновременно являлись и главным жертвенным даром. Весьма показательный эпизод: около 420 г. до н. э. культовый центр в Элевсине открыто потребовал взыскивать начатки для жертвоприношения богине злаков Деметре в масштабах всей Греции. «Жертвы

[5] Впрочем, ольвийский экземпляр удивления не вызывает, поскольку с появлением в этом районе греческих поселенцев, самыми важными зерновыми культурами стали голозерная пшеница *Triticum aestivum* s.l. и ячмень пленчатый *Hordeum vulgare* [Пашкевич, 2005, с. 13].

Рис. 4 Монеты Родоса, весовая гирька из Ольвии, римские монеты с изображением зерна
1 – Родос. 404–385 гг. до н. э. Тетрадрахма. Серебро. *2* – Родос. 394–304 гг. до н. э. Тетрадрахма. Серебро. *3* – Родос. 340–316 гг. до н. э. Тридрахма. Серебро. *4* – Родос. Около 340 г. до н. э. Дидрахма. Серебро. *5* – Родос. 304–189 гг. до н. э. Тетрадрахма. Серебро. *6* – Родос. 230–205 гг. до н. э. Тетрадрахма. Серебро. *7* – Родос. 250–230 гг. до н. э. Дидрахма. Серебро. *8* – Родос. 230–205 гг. до н. э. Драхма. Серебро. *9* – Родос. 205–200 гг. до н. э. Драхма. Серебро. *10* – Родос. 170–150 гг. до н. э. Гемидрахма. Серебро. *11* – Свинцовая гирька, Ольвия. *12* – Рим. 275–270 гг. до н. э. Aes grave, унция. Медь. *13* – Рим. 280–276 до н. э. Квадранс. Медь. *14* – Рим. 66 г. до н. э. Денарий. Серебро

начатков обеим богиням[6] афиняне должны приносить от плодов полей по обычаю отцов и по решению Дельф, с каждой сотни медимнов ячменя не меньше шестой части медимна, с каждой сотни медимнов пшеницы не меньше двенадцатой части медимна» [Sokolowski, 1969, № 5; цит. по: Буркерт, 2004, с. 121–122]. Естественно, львиная доля подношений оказывалась в распоряжении храмов. С классического времени рядом с алтарём всё чаще устанавливают жертвенные столы, на которые клали отборные куски жареного мяса, пироги и другие дары, потом всё это доставалось жрецу. Вскоре «…

[6] Имеются в виду Деметра и Персефона.

подобные дары стали собираться в денежном выражении, хотя по прежнему говорили о «принесении в жертву начатков», при этом, тем не менее, нужно было просто бросить деньги в коробку для пожертвований…» [Буркерт, 2004, с. 123]. Таким образом, вполне вероятно, что изображения злаков на монетах изначально могли символизировать, в том числе, и те самые «начатки».

Однако, если колосья, встречаемые на монетах, являясь атрибутом, подразумевают вполне определённое божество, то ячменное зерно, на наш взгляд, может иметь несколько иное значение. Для его понимания, как представляется, необходимо обратиться к истории весовых систем.

Прежде всего, отметим, что именно зерно, стало одним из самых ранних стандартизированных эквивалентов стоимости товаров, хронологически предшествуя драгоценным металлам [Monroe, 2005, p. 159; Einzig, 2014, p. 203]. Данная функция абсолютно естественно вытекает из того, что зерновые были, и до сих пор являются одним из основных продуктов питания. Кроме того, семена злаков обладают постоянными параметрами, в отличие, например, от домашних животных, каждая особь из которых сугубо индивидуальна: старше – моложе, тяжелее – легче, или металлов, чья ценность зависит от чистоты состава, редкости и т.д. Обработанные же зерна имеют схожие размеры, следовательно, определенный объем семени каждого из видов культивируемых злаков всегда будет иметь почти одинаковый вес. Таким образом, использование зерна в качестве меры стоимости основывается на некоторой константе его объёма и массы.

На Ближнем Востоке роль, одного из самых ранних (засвидетельствованных) средств платежа, выпало на долю ячменя [Monroe, 2005, p. 165]. К 3000 г. до н.э. относятся сведения о *šiqlu*[7] (шекель) [Andrei, 2011, p. 93], единица веса которого состояла из 120–200 зерен ячменя [Hodges, 1992, p. 130; David, 1998, p. 280], хотя чаще всего указывают число (теоретическое) 180 [Einzig, 2014, p. 203].

Известно также, что в Месопотамии зерно, как мера стоимости, ходило наряду с серебром [Schaps, 2004, p. 45]. Так, в нашем распоряжении имеется большое количество письменных источников, в которых указывается стоимость серебра к злакам. Например, согласно надписи на стеле аккадийского царя Маништушу (2269–2255 до н.э.), 1 *gur* (≈300 литров) [Høyrup, 2003, p. 25] зерна был равен 1 шекелю серебра [Einzig, 2014, p. 204]. Т.е., весу тех же 120–200 «хлебных»[8] зёрен, но в металле. В итоге, шекель стал базисом практически всех счётно-весовых систем[9], бытовавших на Ближнем Востоке в древности. 60 шекелей составляли мину, 60 мин – талант [Einzig, 2014, p. 204]. Следует особо отметить, что идея использования зерна, в качестве точки отсчёта для мерно-весовых систем, оставалась востребованной долгое время. В античную эпоху в Египте эта система просуществовала вплоть до Диоклетиана (294 г. н.э.). И даже после падения

[7] От аккад. šaqālu ‘взвешивать’. В аккадский период известен также малый шекель (gín-tur) как 1/60 шекелья из 3 зерен ячменя [Reallexikon, с. 510]. Хотя наиболее ранние сведения о связи зерна с весовыми системами относятся к III тыс. до нашей эры, вероятнее всего, это соотношение гораздо древнее [Reallexikon, с. 508].

[8] Термин «хлебных» использован нами в виду невозможности точно определить род злаков.

[9] Впрочем, известны и более мелкие подразделения шекеля. Например, «*гиру*» – аккад. «girû» (из арамейск. «gērā») означает 1/24 часть шиклу; в евр. (постбибл.) – 1) то же самое (монета) и 2) зерно рожкового дерева (как мера).

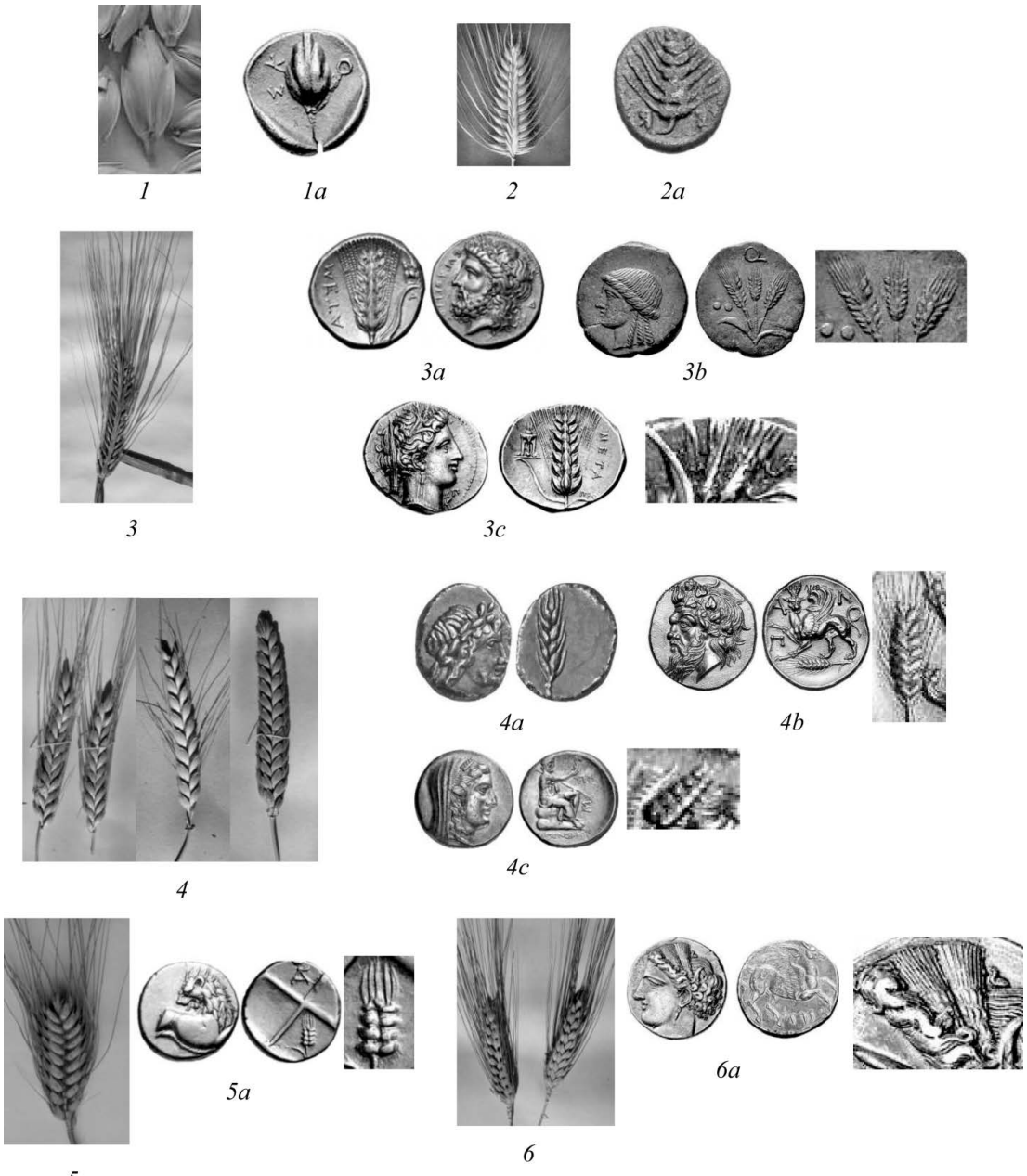

Рис. 5 Фотографии злаков и греческие монеты
с изображением колосьев соответствующих злаков
1 – Колосок Triticum dicoccon. *1a* – Скотусса (Фессалия). Конец V в. до н. э. *2* – Ячмень двурядный. *2a* – Орхомен (Беотия). 500–480 гг. до н. э. *3* – Ячмень многорядный. *3a* – Метапонт (Лукания). 333– 330 гг. до н. э. *3b* – Сардиния. Конец III в. до н. э. *3c* – Метапонт (Лукания). 340–330 гг. до н. э. *4* – Пшеница двузернянка = полба эммер (Triticum dicoccon). *4a* – Пантикапей. II в. до н. э. *4b* – Пантикапей. 378–350 гг. до н. э. *4c* – Византий. 240–220 гг. до н. э. *5* – Пшеница компактная (Triticum compactum). *5a* – Херсонес Фракийский. 480–350 гг. до н. э. *6* – Пшеница твердая (Triticum durum). *6a* – Сикуло-пунийский выпуск (Сицилия). 264–260 гг. до н. э.

античной цивилизации, в средневековой Англии XIII в. полноценность пенса определялась по весу 32 зёрен пшеницы [Burns, 2013, p. 33].

Первые монеты, о которых мы можем достаточно уверенно говорить как о продукции, изготовленной в соответствии с весовым стандартом, опирающимся на «зерновой» шекель, появляются только ок. 510 г. до н. э. в Персидском царстве. В фундамент персидской денежной системы лёг серебряный сикль, равный вавилонскому [Reallexikon, c. 511]. 20 сиклей составляли главную денежную единицу [Steiner, Killebrew, 2013, p. 848] – золотой дарик[10].

Греки, как показывают археологические материалы, познакомились с мерными системами, основанными на весе зерна, ещё в период «тёмных веков». Так, в гробнице № 79, раскопанной в поселении Лефканди на Эвбее и датированной ок. 875–850 гг. до н. э., были найдены 16 каменных гирь, чей вес можно было отнести к трём системам: вавилонской, палестинской и сидонской [Kroll, 2008, p. 37–48; Wees, 2013, p. 110]. Кроме того, в тексте одного из папирусов (датирован 450–400 гг. до н. э.), обнаруженных на острове Элефантине, имеется запись о соотношении вавилонско-персидской и греческой систем, согласно которой 2 шекеле = 1 статеру [Reallexikon, c. 511].

Чрезвычайно показательна (в плане нашего исследования) ситуация с которой столкнулись эллины в ходе контактов с Египтом[11]. Греко-египетская торговля, первые сведения о которой относятся ещё ко времени фараона Псамметиха I (664–610 гг. до. н. э.) [Łukaszewicz, 2006, s. 13] процветала, несмотря на то, что в самом Египте денежный рынок, как таковой, отсутствовал и долгое время имели место исключительно товарообменные отношения. И хотя главными средствами обеспечения сделок считались металлы – золото, серебро и медь, на практике обычно использовали их товарные эквиваленты – зерно, текстиль, масло, вино и т. п. [Gutgesell 2001, s. 371; Łukaszewicz, 2006, s. 212]. Лишь при Нектанебе II (ок. 350 г. до н. э.), в Египте появилась собственная золотая монета, отчеканенная по персидскому весовому стандарту [Gutgesell, 2001, s. 371; Łukaszewicz, 2006, s. 17]. Вместе с тем, известно весьма значительное количество кладов иностранных монет [Thompson, Mørkholm, Kraay, 1973, p. 225–236], относящихся ко времени царствования фараонов XXVIII–XXX династии (404–342 гг. до н. э.), что вступает в явное противоречие с утверждением об отсутствии денежного рынка. Но, скорее всего, эти клады представляют собой ни что иное, как жалование греческих и карийских наемников.

Новую денежную систему, основанную на драхме, ввели в Египте Птолемеи (ок. 325 г. до. н. э.). Однако постоянный недостаток монет в обращении вынуждал придерживаться старой схемы товарного рынка, поэтому, зерно, особенно ячмень и пшеница по-прежнему оставались средством платежа [Einzig, 2014, p. 201–202]. Зерном можно было рассчитаться не только за товары и услуги [Świderkówna, 2009a, s. 103], но и заплатить налоги [Świderkówna, 2009a, s. 99]. В свою очередь и государство охотнее платило натурой, чем звонкой монетой. Например, наемным солдатам, в качестве оплаты, правители предпочитали давать земельные участки [Świderkówna, 2009b, s. 280].

[10] Вес золотых монет – ок. 8,4 г, соответствовал весу месопотамского шекеля [Bodzek, 2011, s. 50–51].

[11] Отметим, что с 525 до 332 гг. до н. э. Египет входил в состав Персидского царства.

Следует добавить, что использование иноземной монеты на внутреннем рынке Египта как в птолемеевский, так и римский период было запрещено. Как результат – постоянно возникала необходимость пересчёта стоимости зерна по отношению к другим товарам. Кроме того, при этих обстоятельствах, любые, даже малоценные монеты часто изымались из оборота, и использовались, главным образом, для тезаврации.

Таким образом, находки из Лефканди, а также примеры Персидской империи, Египта и Карфагена[12], самым тесным образом контактировавших с эллинским миром, позволяют нам утверждать, что для греков непосредственная связь зерна с весовыми системами и, соответственно, монетой была очевидна. Также представляется наиболее вероятным, что именование греческих единиц веса, в рамках которых чеканились монеты, является адаптацией ближневосточных названий [Mielczarek, 2006, s. 26; Wees, 2013, p. 110]. В частности, имеется предположение (правда, на наш взгляд слишком уж фантастическое), что слово «статер» восходит к семитскому «шекель» [Metcalf, 2012, p. 40][13].

Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что:

1) Изображение ячменного зерна на античных монетах представляет собой некую традицию.

2) Вполне вероятно, что наличие данного дифферента указывало на то, что монета изготовлена согласно стандарту, основанному на весе ячменного зерна, хотя, иногда это и не соответствует истине. Наглядным подтверждением этой версии служит гирька-разновес из Ольвии, на которой, рядом с головой Аполлона, мы видим всё то же ячменное зерно [Русяева А. С., Русяева М. В., 2004, с. 100; см. рис. 4, *11*]. Возможно, этот рисунок должен был свидетельствовать о том, что гирька изготовлена по весовой шкале, в основе которой лежат параметры ячменного зерна.

С другой стороны, помимо сугубо практического применения ячменя в профанной, «земной» жизни, необходимо учитывать и огромное значение этого растения в античной религиозной культуре. В частности, его знаковая роль при исполнении одного из важнейших актов сакрального обряда – подношения даров богам. Вот как пишет об этом В. Буркерт – злаки и вино в процессе жертвоприношения оказываются полностью включены в действие, они «… являют собой начало и конец, становятся пограничными столбами на рубежах «приручённой жизни», между которыми из первобытной бездны прорывается смерть, когда плоды древнейшего земледелия, ячменные зёрна, превращаются в символические метательные снаряды» [Буркерт, 2004, с. 106–107][14]. Наиболее ранние описания этой церемонии, как нельзя лучше подкрепляющие реконструкции В. Буркерта, мы встречаем в «Илиаде»:

[12] С карфагенским шекелем (также базирующимся на «зерновом» стандарте) греки познакомились на Сицилии.

[13] Хотя, «шекель» на древнегреческом звучит как «сиглос» (σίγλος) [Burns, 2013, p. 199; Hornblower, Spawforth, 2014, p. 185].

[14] Надо сказать, сравнение ячменного зерна с метательным снарядом не просто поэтический образ. Дело в том, что у дикого ячменя (одного из предков культурных ячменей) колос ломкий, зерновки плотно заключены в цветковые чешуи, которые имеют длинные, прочные, зазубренные ости. Созревшие семена легко опадают вместе с цветковыми чешуями и, благодаря длинной ости начинают вращаться вокруг своей оси, достигнув земли, они ввинчиваются в почву острым основанием, как копья.

«И низводят тельцов, гекатомбу царю Аполлону, …
Руки водой омывают и соль и ***ячмень*** *подымают …*
Кончив молитву, ***ячменем*** *и солью осыпали жертвы»* (Hom. Il. I, 435, 445, 455).

Или:

«Стали они вкруг тельца и ***ячмень*** *освященный подъяли»* (Hom. Il. II, 710).

Кроме того, согласно гомеровскому гимну «К Деметре», сама богиня – подательница жизни, вкушает напиток на основе ячменя:

«Кубок царица меж тем протянула богине, наполнив
Сладким вином. Отказалась она. Не годится, сказала,
Красное пить ей вино. Попросила, чтоб дали воды ей,
Ячной *мукой для питья замесивши и нежным полеем*
Та, приготовивши смесь, подала, как велела богиня.
Выпила чашу Део. С этих пор стал напиток обрядным» (Гом. Гимн. V, 205–210)

Столь же необходим этот злак и при общении с миром мёртвых. Вот, например, что должен сделать Одиссей, чтобы обратиться с вопросом о дальнейшем пути к душе фивского прорицателя Тиресия:

«Выкопай яму, чтоб в локоть была шириной и длиною,
И на краю ее всем мертвецам соверши возлиянье –
Раньше медовым напитком, потом вином медосладким
И напоследок – водой. И ***ячной*** *посыпь все мукою»* (Hom. Od. X, 515–520).

Как видим, в самых ранних образцах греческой мифологии и героического эпоса (дошедших до наших дней) именно ячмень выступает в роли важнейшего компонента при обращении к сакральному.

Хотелось бы обратить внимание и ещё на один весьма примечательный, в плане нашего исследования, нюанс. Дело в том, что при проведении ритуалов использовалось только необмолоченное «живое» семя [Буркерт, 2004, с. 103]. Следовательно, рисунок ячменного зерна в цветковой чешуе на монетах вполне мог восприниматься современниками как символ (заменитель?) реального продукта, приносимого в жертву божеству. Отметим также, что образ ячменного зерна использовался и римскими монетариями (рис. 4, *12–14*), причём данная традиция прослеживается, по крайней мере, до середины I в. до н. э.

Конечно, нельзя с полной уверенностью утверждать, что чеканка монет с изображением семени ячменя обуславливалась, в первую очередь, возможностью их использования при религиозных церемониях или платы жрецам. Тем не менее, определённая заинтересованность храмов в осуществлении подобного рода выпусков, представляется вполне обоснованной.

В заключение хотим сказать, что предлагаемая статья ни в коей мере не претендует на полное и всеобъемлющее исследование заявленной темы, что-то, несомненно, было упущено, что-то осталось за рамками нашего внимания. Вместе с тем, одна из основных задач – демонстрация семантической многоплановости как монетных сюжетов в целом, так и их отдельных элементов, была, как представляется, раскрыта здесь в полном объёме.

Список литературы

Бахтеев, 1956. Бахтеев Ф. Х. К истории культуры ячменя в СССР //Материалы по истории земледелия в СССР, М., Л.

Буркерт, 2004. Буркерт В. Греческая религия. Архаика и классика. СПб.

Виноградов, 2005. Виноградов Ю. А. К изучению зёрен культурных растений, найденных в Мирмекии //Херсонесский сборник. XVI.

Виноградов, Шауб, 2005. Виноградов Ю. А., Шауб И. Ю. О семантике изображений на золотых статерах Пантикапея //Археологические вести.

Жуковский,1964. Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи. Л.

Жуковский, 1968. Жуковский П. М. Новые очаги происхождения и генцентры культурных растений и узкоэндемичные микроцентры родственных видов //Ботанический журнал. 53(4).

Зограф, 1951. Зограф А. Н. Античные монеты //МИА. 16.

Кругликова, 1967. Кругликова И. Т. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья //Возникновение и развитие земледелия /В. Д. Блаватский (ред.). М.

Кругликова, 1975. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.

Культурная флора СССР, 1990. Культурная флора СССР. Т. 2, ч. 2. Ячмень. Л.

Одрин, 2014. Одрин А. В. Зерновое хозяйство и торговля зерном в античных государствах Северного Причерноморья в V–II вв. до н. э.: хронология и периодизация //Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. XV.

Пашкевич, 2005. Пашкевич Г. А. Палеоэтноботанические исследования Ольвии и её округи //Stratum plus. 3.

Русяева, 2005. Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев.

Русяева, Русяева, 2004. Русяева А. С., Русяева М. В. Ольвия Понтийская. Киев.

Синская, 1969. Синская Е. Н. Историческая география культурной флоры (на заре земледелия). Л.

Тахо-Годи,1996. Тахо-Годи А. А. Деметра //Мифология/ Е. М. Мелетинский (ред.). СПб.

Терещенко, 2012. Терещенко А. Е. Аполлонийско – дионисийские мотивы в сюжетах монет пантикапейской чеканки домитридатовской эпохи //Stratum plus. 6.

Туманян, 1948. Туманян М. Г. Основные этапы эволюции ячменей в Армении //Известия АН АрмССР. Ереван, Т. 1.

Шауб, 2010. Шауб И. Ю. Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв.до н. э.). Автореферат диссертации. СПб.

Шелов, 1956. Шеллов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.

Янушевич, 1976. Янушевич З. В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев.

Янушевич, 1986. Янушевич З. В. Культурные растения Северного Причерноморья (палеоэтноботанические исследования). Кишинев.

Andrei, 2011. Andrei L. C. Money and Market in the Economy of All Times, L.

Bodzek, 2011. Bodzek J. ΤΑ ΣΑΤΡΑΠΙΚΑ ΝΟΜΙΣΜΑΤΑ. Mennictwo Satrapów w okresie panowania Archemenidów. Kraków.

Bodzek, 2011. Burns A. R. Money and Monetary Policy in Early Times, L.-N. Y.

David, 1998. David A. R. Handbook to Life in Ancient Egypt. Oxford.

Einzig, 2014. Einzig P. Primitive Money: Its Ethnological, Historical and Economic Aspects. Oxford.

Gansieniec, 1956. Gansieniec Z. Zboże w Grecji wczesnoarchaicznej //Archeologia. VIII.

Grimal, 2004. Grimal N. Dzieje starożytnego Egiptu, tłum. A. Łukaszewicz. Warszawa.

Gutgesell, 2001. Gutgesell M. Gospodarka i handel //Egipt: Świat faraonów /R. Schulz, M. Seidel (ed.), Köln: Könemann.

Harlan, 1979. Harlan J. R. On the origin of barley //Barley: Origin, Botany, Culture, Winter Hardiness, Genetics, Utilization & Pests. USDA Handbook.

Helbaek, 1959. Helbaek H. How farming began in the old world //Archaeology, 12, 3.

Helbaek, 1960. Helbaek H. Ecological Effects of Irrigation in Ancient Mesopotamia //Iraq, 22.

Hodges, 1992. Hodges H. Technology in the Ancient World, N. Y.

Hornblower, Spawforth, 2014. Hornblower S., Spawforth A. (Ed.) The Oxford Companion to Classical Civilisation, 2nd ed., Oxford.

Høyrup, 2003. Høyrup J. Babylonian Mathematics //Companion Encyclopedia of the History and Philosophy of the Mathematical Sciences /I. Grattan-Guiness (ed.), vol. I, London.

Kozłowski, 1999. Kozłowski J. K. Encyklopedia historyczna świata, t. I, Prehistoria, Kraków.

Kroll, 2008. Kroll J. H. Early Iron Age Balance Weights at Lefkandi, Euboea //Oxford Journal of Archaeology, 27.

Kruk, 1980. Kruk J. Gospodarka w Polsce południowo-wschodniej w V–III tysiącleciu p. n. e. Wrocław.

Łukaszewicz, 2006. Łukaszewicz A. Egipt Greków i Rzymian, Warszawa.

Metcalf, 2012. Metcalf W. The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage, Oxford.

Mielczarek, 2006. Mielczarek M. Mennictwo starożytnej Grecji. Mennictwo okresów archaicznego i klasycznego. Warszawa-Kraków.

Monroe, 2005. Monroe C. M. Money and Trade //A Companion to the Ancient Near East / D. C. Snell (ed.), Oxford.

Niwiński, 2001. Niwiński A. Mity i symbole starożytnego Egiptu. Warszawa.

Reallexikon. Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie, Bd. 7, Medizin, M. P. Steck (ed.), Berlin-New York, 1987–1990.

Roux, 2003. Roux G. Mezopotamia, Warszawa.

Schaps, 2004. Schaps D. M. The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece, The University of Michigan Press.

Sokolowski, 1969. Sokolowski F. Lois sacrées des cites grecques. Paris.

Steiner, Killebrew, 2013. Steiner M. L., Killebrew A. E. (ed.). The Oxford Handbook of the Archaeology of Levant c. 8000–332 BCE, Oxford.

Strauß-Seeber, 2001. Strauß-Seeber C. Dary Nilu – gospodarka rolna w dolinie rzeki //Egipt: Świat faraonów /R. Schulz, M. Seidel (ed.), Köln: Könemann.

Świderkówna, 2009a. Świderkówna A. Kiedy piaski egipskie przemówiły po grecku. Warszawa.

Świderkówna, 2009b. Świderkówna A. Życie codzienne w Egipcie greckich papirusów. Warszawa.

Thompson, Mørkholm, Kraay, 1973. Thompson M., Mørkholm O., Kraay C. M. An Inventory of Greek Coin Hoards, N. Y.

Wees, 2013. Wees H. van. A Fiscal History of Archaic Athens. L.

Wojciechowski, 1981. Wojciechowski W. Wczesnoneolityczna osada w Skoroszowicach. Wrocław.

Summary

A. E. Tereshenko, I. G. Chukhina, K. Jarzecki

Images of grains on ancient coins

The article focuses on the images of cultivated plants depicted on ancient coins. Images of bruchid and spike are believed to have had a different meaning. The fact that all the images of grains depicted on coins are the images of a barley grain allows us to conclude that the origin of such coin image might be found, inter alia, in the origins of weighing systems.

В. П. Толстиков*, **Г. А. Ломтадзе****
*(*Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина;*
***Государственный Исторический музей, Москва)*

Комплекс амфор позднеклассического времени из раскопок центральной части Пантикапея (предварительная публикация)

В ходе раскопок Боспорской экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина в 2015 г. на раскопе «Новый Верхний Митридатский» был обнаружен объект (№ 54), не встречавшийся никогда ранее за все 70 лет исследований. Он выявлен в западной части раскопа в пределах квадратов 13б и 20б (рис. 1). После удаления балластных напластований, представлявших собой отвалы раскопок XIX – первой половины XX веков почти удалось выйти на древнюю поверхность северного склона вершины «Первого кресла» горы Митридат, имеющую значительный уклон к северу (рис. 2).

Объект представлял собой скопление амфор, уложенных в определенной системе по склону холма. Они располагались рядами по линии восток-запад, причем в каждом ряду были ориентированы горлами к северу, ножками к югу. Ножки амфор каждого последующего, расположенного ниже ряда заходили на предыдущий ряд, перекрывая его примерно на высоту горла лежащей выше по склону амфоры. Следует сразу отметить, что в 2015 г. удалось открыть и извлечь лишь часть (42 экз.) амфор из данного объекта. Очевидно, под западным бортом раскопа, а также севернее под культурными напластованиями на квадрате 13б скрыто его продолжение (рис. 2). Исходя из этого, можно предположить, что изначально комплекс содержал не менее сотни сосудов. В южной части исследуемого участка, в пределах квадрата 20б, первый ряд амфор был выявлен на уровне 6 штыка (абс. отм. 6.00). Продолжение скопления к северу (несколько лежащих в ряд амфор) обнаружено на квадрате 13б, на уровне 9 штыка (абс. отм. 3.60). Как можно видеть, перепад уровней расположения амфор в комплексе на данном этапе исследования составляет 2.4 м (рис. 4).

Слой, в котором залегает объект № 54, образован темно-коричневым, довольно рыхлым суглинком с включениями щебня, камней, раковин мидий, костей животных и угольков. Датировка его по керамическому материалу в целом укладывается в рамки поздней классики – раннего эллинизма[1]. Эту же дату подтверждает находка медной

[1] Из массовых находок выделим фрагменты хиосских [Монахов, 2003, табл. 12; Ломтадзе, 2015, с. 16–18], фасосских [Монахов, 2003, табл. 41–46; Ломтадзе, 2015, с. 15, 16], гераклейских [Монахов, 2003, табл. 86–90; Ломтадзе, 2015, с. 12–14], синопских [Монахов, 2003, табл. 100–101; Ломтадзе, 2015, с. 14–16] и пепаретских [Монахов, 2003, табл. 67–70; Ломтадзе, 2015, с. 19] амфор, а также фрагменты синхронных им чернолаковых киликов [Sparkes, Talcott, 1970, pp. 91–92].

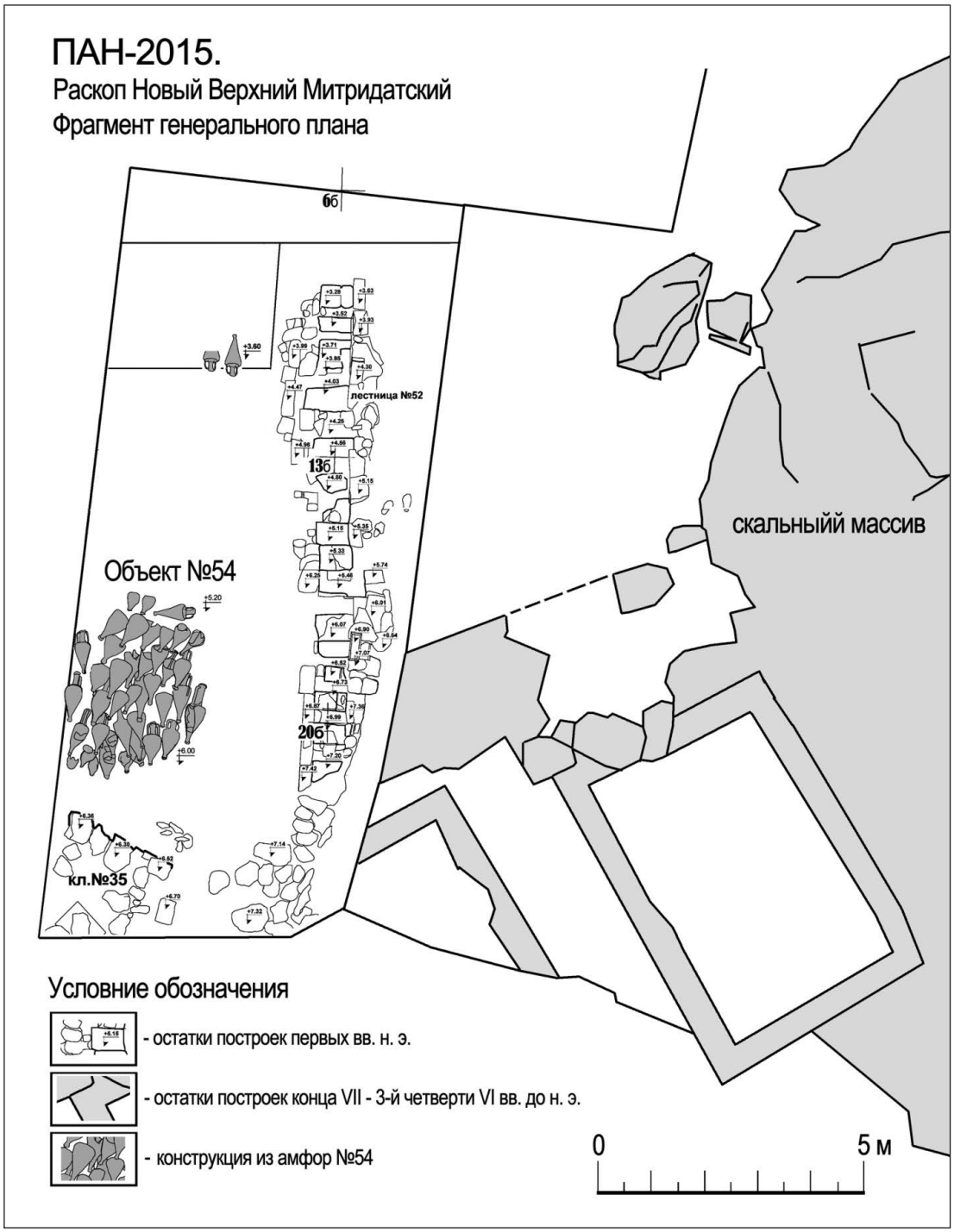

Рис. 1. План раскопа 2015 года

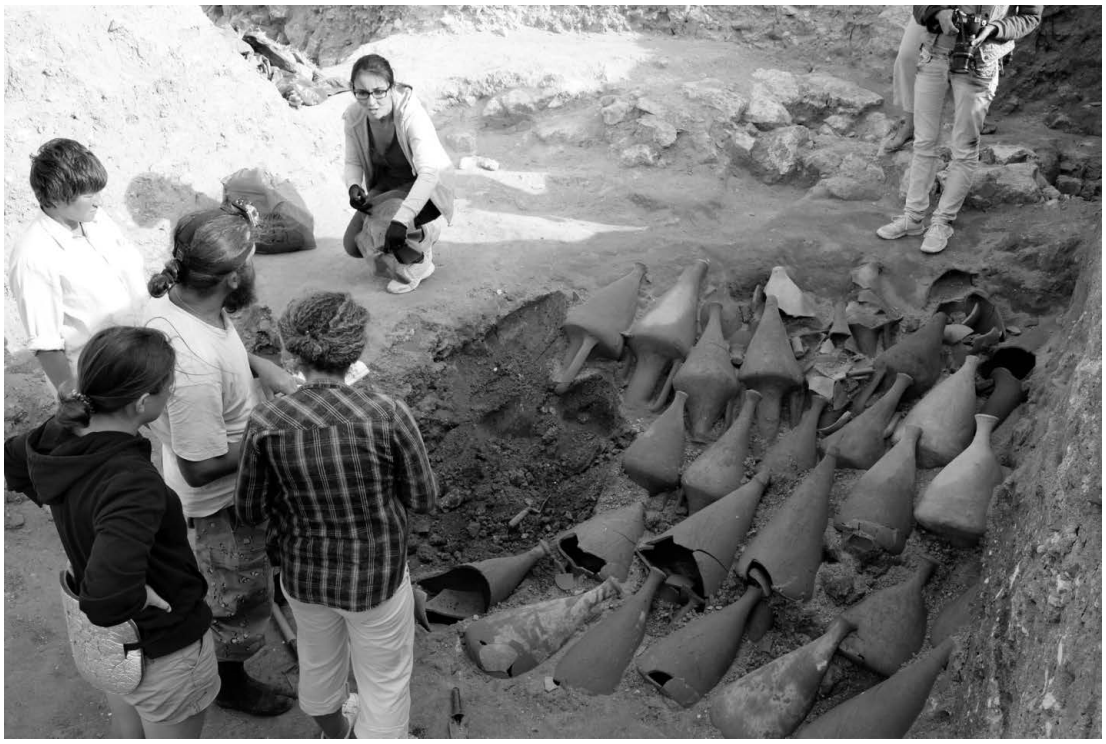

Рис. 2. Верхние ряды амфор объекта №54 в пределах квадрата 20а

пантикапейской монеты Перисада I[2]. Упомянем также находку фрагментированной крышки краснофигурной леканы последней трети V в. до н. э.[3] (рис. 3).

Поскольку исследования данного объекта только начались, сказать что-либо определенное относительно его назначения не представляется возможным. С одной стороны, нет никаких сомнений, что первоначально амфоры в комплексе были целыми, что позволяет характеризовать его как склад[4]. С другой, – расположение амфорного склада на склоне, без остатков каких-либо ограждающих или перекрывающих конструкций вызывает сомнения. В качестве одной из рабочих гипотез можно предложить следующее объяснение: конструкция из амфор была сооружена на северном склоне холма «Первого кресла» в качестве своеобразной крепиды, с целью предотвратить оползневые процессы на данном участке. Возможно, эта конструкция была сооружена, чтобы затруднить доступ по этому участку склона на верхнее плато, поскольку амфоры, расположенные

[2] Дихалк Перисада I (Av. голова безбородого сатира вправо; Rv. протома Пегаса вправо ΠΑΝ – 320–310-е гг. до н. э.) [Анохин, 2011, № 1024].

[3] Роспись её представляла собой снаружи широкий фигурный фриз с изображением двух эротов: первый полулежит вполоборота вправо, голова повернута назад; второй лежит вполоборота влево, голова повернута влево вверх; далее пожилая женщина, опирающаяся на палку, идущая вправо с протянутой вперед рукой. Складки одежды переданы короткими тонкими изогнутыми штрихами; одежда эротов украшена каймами с орнаментом в виде бегущей волны. Основание ручки украшено овами. Аттика. Круг мастера Мидия. Благодарим за оопределение и описание О. Ю. Самар.

[4] По крайней мере, склад пустой тары.

Рис. 3. Крышка краснофигурной леканы из слоя перекрывающего объект № 54

рядами под тонким слоем дерна представляли собой своеобразные «ловушки-капканы» для ног тех, кто мог попытаться подняться здесь на акрополь по склону (рис. 5, 6).

Учитывая необычность и высокую информативность обнаруженного комплекса, авторы приняли решение дать эту предварительную публикацию. Мы также исходили из того, что существует опасность антропогенного или природного разрушения этого законсервированного пока объекта. Решено предварительно опубликовать десять целых сосудов различных центров производства, адекватно отражающих состав и хронологию этого амфорного комплекса.

Переходя к описанию сосудов, отметим несколько важных моментов. На некоторых из них встречаются дипинти красной краской (рис. 12, *8–11*), как будто бы написанные «одной рукой» (во всяком случае, манера написания или «почерк» очень близки). При этом дипинти, написанные на тех же сосудах белой и черной краской (рис. 12, *7*), имеют явные стилистические отличия. Это позволяет осторожно предположить, что часть амфор относятся к одной партии, промаркированной в процессе продажи и прибывшей в Пантикапей одним грузом. Ещё одна особенность этих тарных сосудов – следы ремонта на некоторых экземплярах. Видимо, некоторые из них в ходе транспортировки треснули, оставаясь при этом целыми. Эти трещины были замазаны в древности смолой и каким-то раствором на основе извести (рис. 12, *12*), и амфоры продолжали использоваться[5].

Представленная в комплексе тара относится к хорошо известным и широко распространенным в Северном Причерноморье типам.

Гераклея Понтийская (рис. 8, *1–3*; 10, *1–3*; табл. 1. *3–5*). Три гераклейских амфоры, взятые для публикации, несут клейма с сокращенными именами магистратов Ἰα и Λυ (рис. 12, *3–5*), входящих в *подгруппу А 1 магистратской группы* по классификации В. И. Каца [Кац, 2007, с. 238–240]. К сожалению, в вопросе абсолютной датировке этой группы ранних гераклейских штампов существует некоторая неопределенность. Например, в обобщающей работе В. И. Каца в одном месте они датируются в пределах середины 90-х – середины 80-х годов IV в. до н. э. [Кац, 2007, с. 238, табл. 7], а в другом – 90-ми годами IV в. до н. э. [Кац, 2007, с. 429, приложение V]. С. Ю. Монахов в ряде

[5] Сложно сказать, были ли отремонтированы амфоры ещё когда они использовались по прямому назначению, или мы имеем дело уже с вторичным их применением. В любом случае, ремонт сосудов говорит о том, что они после этого использовались либо для хранения, либо для транспортировки жидких или сыпучих продуктов. Нами были взяты образцы «раствора», а также сохранившегося (в виде смолистого и порошкообразного вещества) содержимого некоторых амфор. К сожалению, изучение этих материалов еще не завершено.

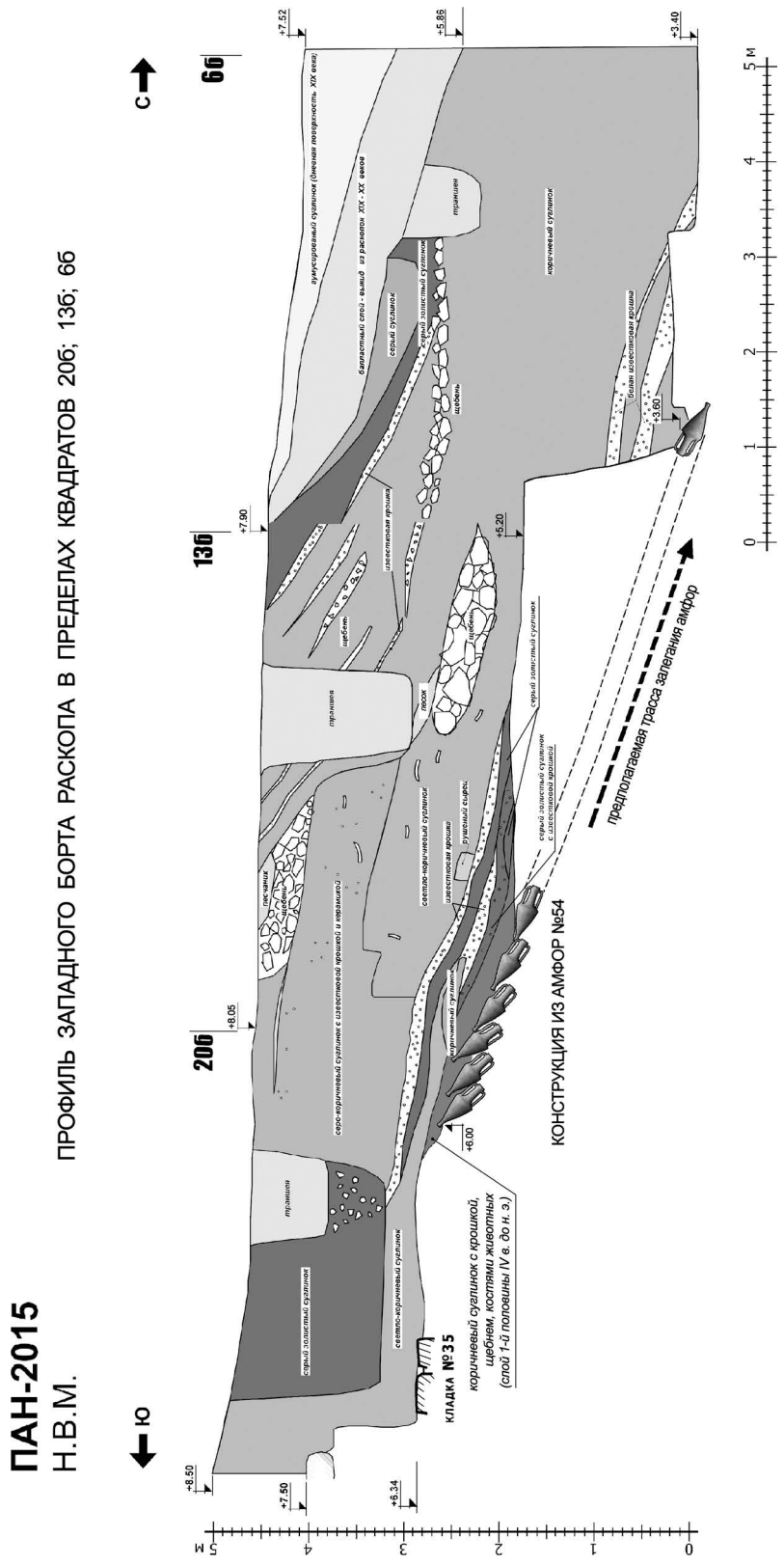

Рис. 4. Профиль западного борта Нового Митридатского раскопа с объектом №54

Рис. 5. Объект №54.Вид с запада

Рис.6. Объект №54, вид с юго-востока

Рис.7. Объект №54.Разборка амфор, вид с северо-запада

случаев считает, что комплексы с подобными гераклейскими клеймами относятся к 90-м годам IV в. до н. э. [Монахов, 1999, с. 211–212, 227–228; 2003, с. 129–130]. В тоже время, значительную часть комплексов с этой группой клейм исследователь датирует рубежом 90-х – 80-х годов IV в. до н. э., а иногда даже 80-ми годами IV в. до н. э. [Монахов, 1999, с. 209–210, 219–220][6]. Если же обратиться к метрическим характеристикам и морфологии этих амфор, то их надо относить к 80-м годам IV в. до н. э. Об этом говорят как общие размеры, так и, в частности, диаметры ножек [Ломтадзе, 2015, с. 12–13].

Фасос (рис. 8, *4–5*; 10, *4–5*; табл. 1. *1–2*). Обе публикуемые амфоры этого центра представляют собой сосуды биконического типа. На ручке одной из них находятся два круглых оттиска штампов: фабрикантское клеймо с именем Сатира (рис. 12, *2*) и нечитаемое «эпонимное» клеймо[7]. Необходимо отметить, что в слое, перекрывающем объект № 54, были встречены клейма того же типа (рис. 12, *1*)[8]. Эта группа штампов хорошо известна и относится к раннему варианты группы А по классификации И. Гарлана [Garlan, 1999, p. 105–108] или 1 этапу «раннего» периода по классификации В. И. Каца [Кац, 2007, с. 186–187]. Исходя из параметров и морфологических особенностей представленных сосудов [Ломтадзе, 2015,

[6] Это связано, прежде всего, с небольшим количеством находок целых сосудов с подобными клеймами в хорошо датируемых комплексах.

[7] По известным аналогиям на нечитаемом «эпонимном» штампе должна была располагаться надпись ΕΠΙ ΣΑΤΥΡΟ в три строки [Garlan, 1999, p. 107, № 70; Кац, 2007, с. 188, рис. 37, *1*].

[8] Это позволяет предположить, что комплекс содержал еще один верхний ряд амфор, уничтоженный позднейшими перекопами на этом участке.

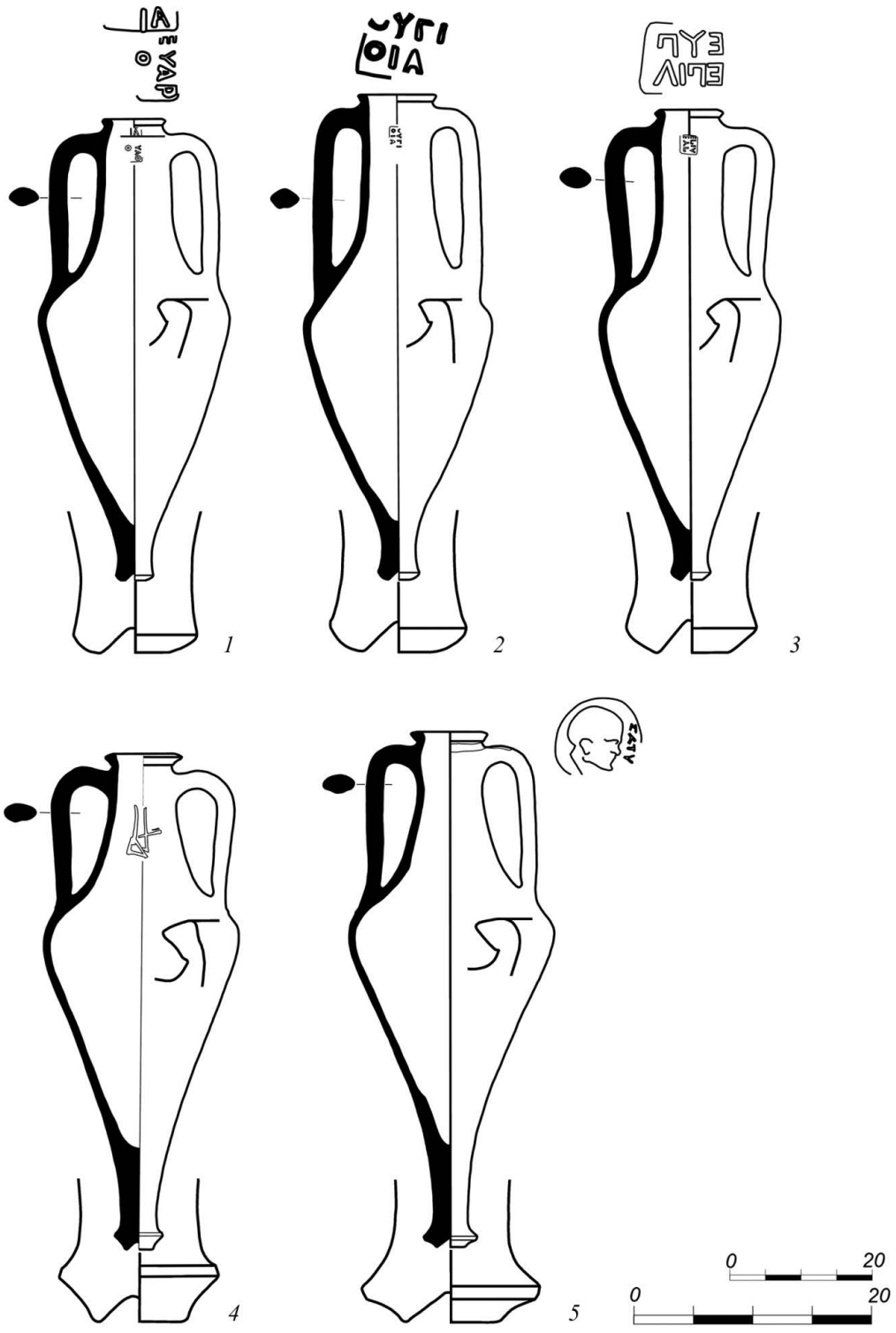

Рис. 8. Амфоры из объекта № 54
1–3 – Гераклея Понтийская; *4–5* – Фасос

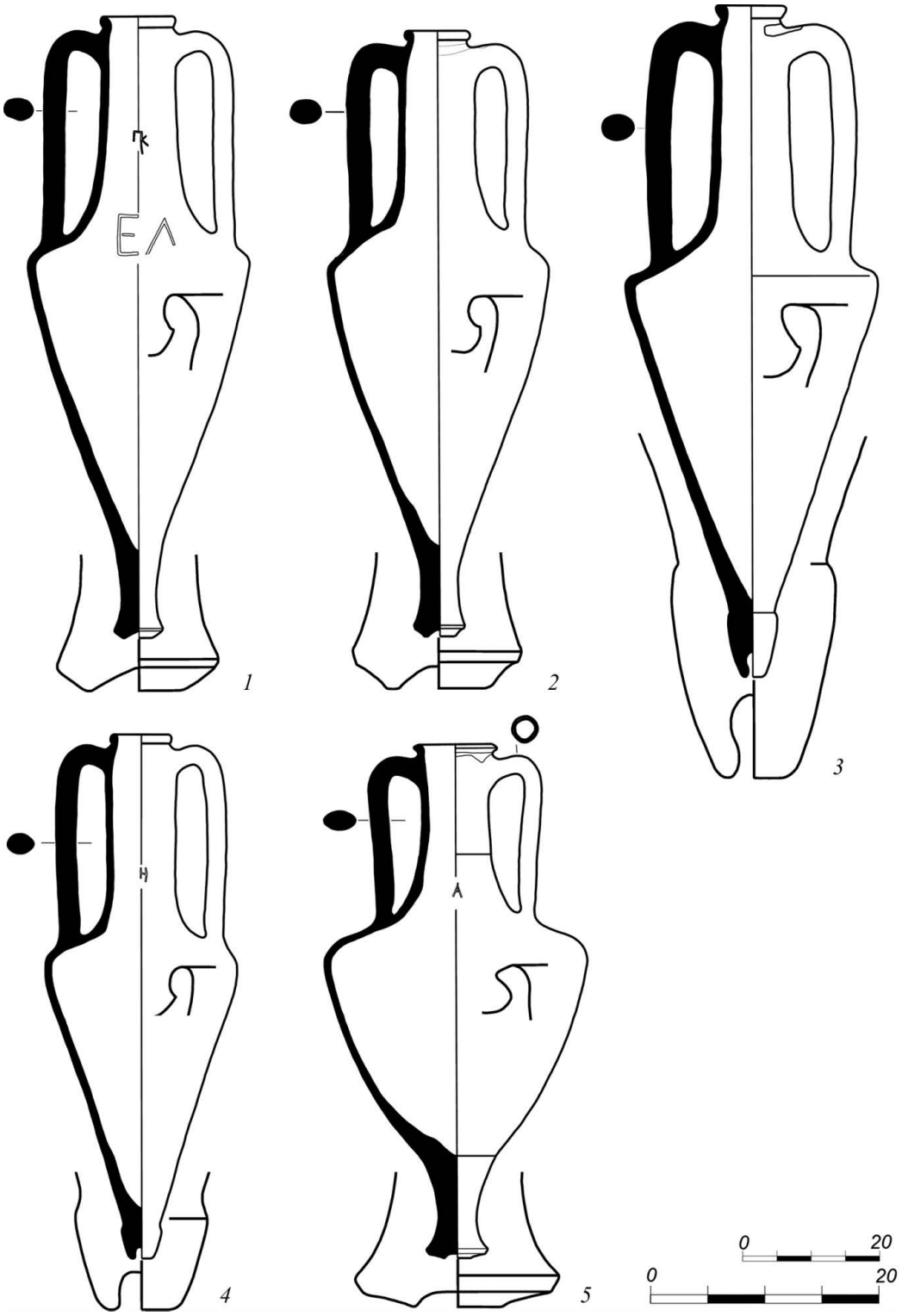

Рис.9. Амфоры из объекта № 54
1–2 – Пепарет; *3–4* – Хиос; *5* – Менда

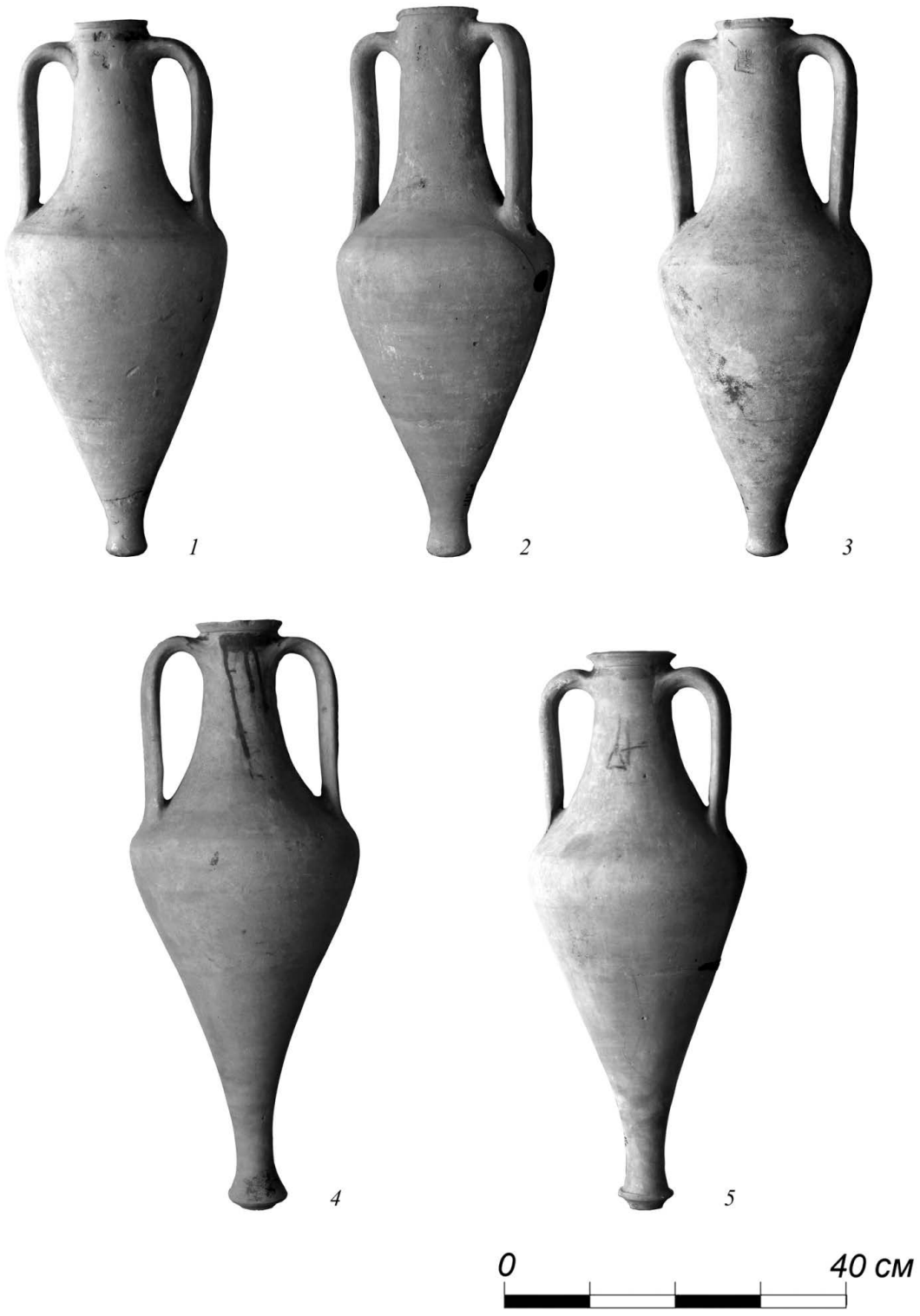

Рис.10. Амфоры из объекта № 54
1–3 – Гераклея Понтийская; *4–5* – Фасос

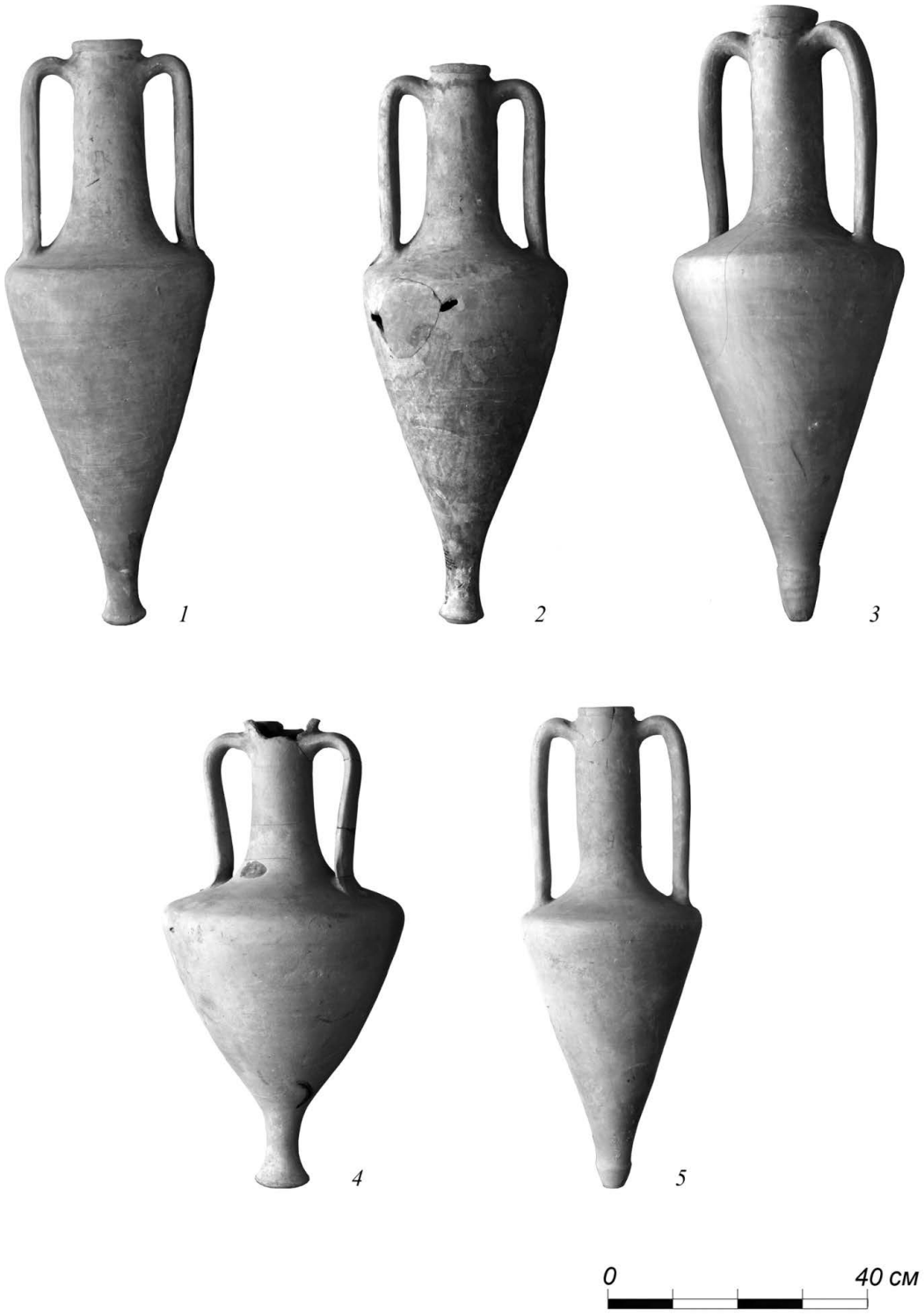

Рис.11. Амфоры из объекта № 54
1–2 – Пепарет; *3, 5* – Хиос; *4* – Менда

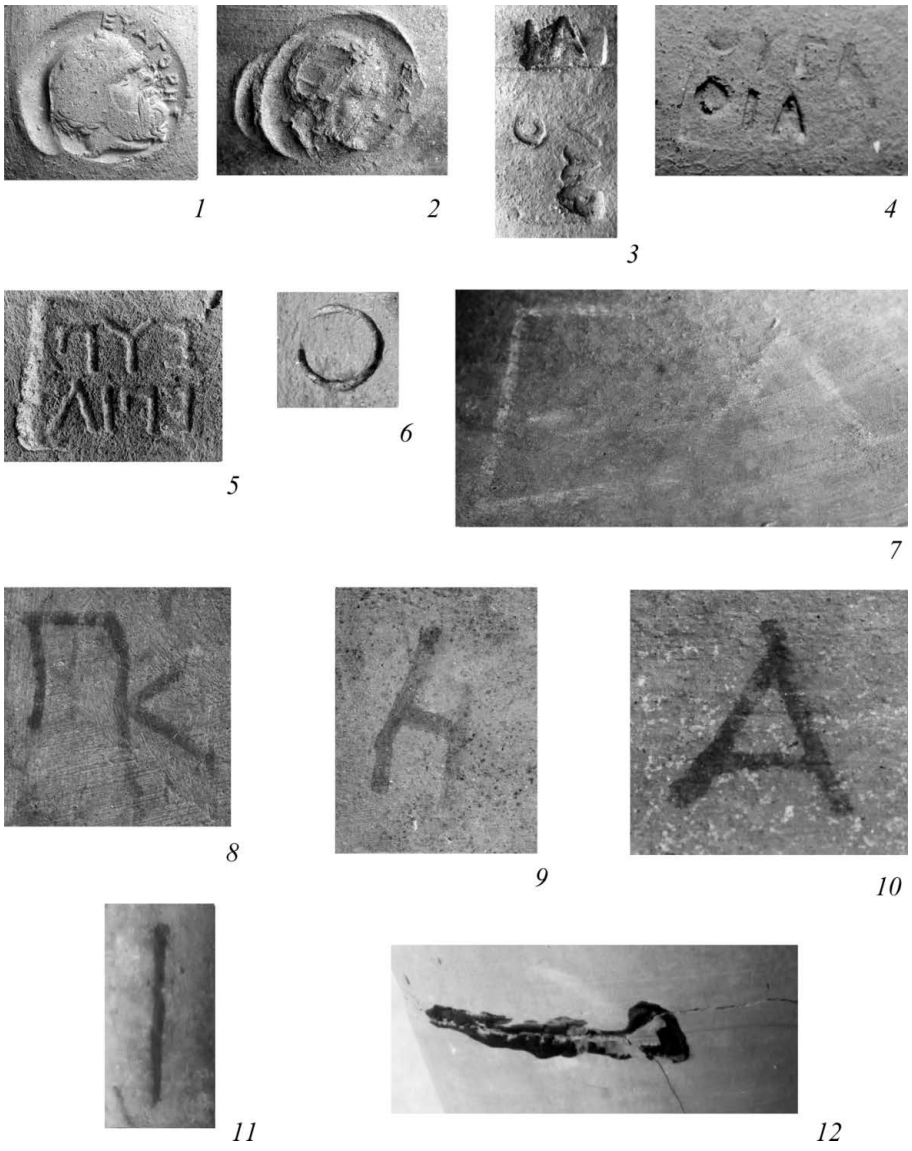

Рис.12. Клейма и дипинти из объекта № 54

с. 15–16], а также хронологии клейм, их вероятная датировка не выходит за пределы 80-х годов IV в. до н. э. В качестве аналогии можно привести фасосскую амфору, найденную в одном из комплексов Горгиппии [Монахов, 1999, с. 232–235, табл. 96. *1*].

Пепарет (рис. 9, *1–2*; 11, *1–2*; табл. 1. *6–7*). Этот винодельческий центр также представлен двумя сосудами. Оба относятся к раннему варианту пепаретской тары, известному из комплексов первой половины IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 98–99]. Многочисленные аналогии можно найти в хорошо датируемых материалах кургана Солоха [Манцевич, 1987, с. 50, 104, рис. 3, 4; Монахов, 1999, с. 241, табл. 98. *3*], Елизаветовского некрополя [Брашинский, 1980, с. 122, № 53, 139; Монахов, 1999, с. 179–180, 185–186, табл. 66. 2; 70. *1*],

кораблекрушения у Портичелло [Eiseman, 1987, pp. 50–51, fig. 4.15–4.16; Монахов, 1999, с. 243–245, табл. 99. *3*] и в собраниях различных музеев [Монахов, 2003, с. 98, табл. 67. *3*, 68. *3–4*]. Нельзя не отметить, что в материала кургана Солоха присутствует близкая по параметрам пепаретская амфора с аналогичным нашему экземпляру дипинто (рис. 12, *11*) в форме вертикальной полосы или буквы I [Манцевич, 1987, с. 50, кат. 32. *4*]. В целом, наши экземпляры можно уверенно относить к первой четверти IV века до н. э., о чём говорит и профилировка их ножек [Ломтадзе, 2015, с. 19, рис. 36, *6–7, 12*; 75, *7*].

Хиос (рис. 9, *3–4*; 11, *3, 5*; табл. 1. *8–9*). В материалах комплекса хиосская тара представлена, как минимум, двумя стандартами. Полнообъёмная амфора имеет параметры, характерные для развитого варианта сосудов «с колпачковой ножкой». Близкие аналогии ей известны из некрополя Херсонеса [Монахов, Абросимов, 1993, с. 125–126, табл. 3. *9*; 4. *10*]. Надо отметить, что датировка подобных амфор укладывается в рамки второй-третьей четвертей IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 22]. Но если обратить внимание на параметры «колпачка», то соотношение его ширины и диаметра, а также глубина и форма выемки, скорее характерны для второй четверти этого века [Ломтадзе, 2015, с. 17].

Еще один хиосский сосуд относится к достаточно редко встречающемуся фракционному варианту тары этого центра [Монахов, 2003, с. 22, табл. 12. *4–6*; Ломтадзе, 2015, с. 18]. Причем, с точки зрения морфологии и метрических характеристик, наш экземпляр был изготовлен позднее амфоры из ольвийского склада 1947 г. [Монахов, 1999, с. 194–201, табл. 78. *6*][9] и раньше сосудов середины – третьей четверти IV в. до н. э. [Монахов, 2003, табл. 12. *5, 6*]. Исходя из этого, вероятная её датировка не должна выходить за пределы 80-х – 70-х годов IV в. до н. э.

Менда (рис. 9, *5*; 11, *4*; табл. 1. *10*). Единственная амфора этого центра, представленная в публикации, относится к типу, ранние варианты которого хорошо известны из материалов уже упоминавшегося кораблекрушения у Портичелло [Eiseman, 1987, с. 37–42, fig. 4.*1*; Монахов, 1999, с. 243–245, табл. 99. *1, 2*]. Если говорить о ближайших аналогиях нашему сосуду, то это, скорее, мендейская тара конца первой – начала второй четверти IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 92, табл. 63. *1, 2*; Ломтадзе, 2015, с. 18–19].

Подводя предварительные итоги исследования объекта № 54, можно констатировать, что наиболее близкими по составу публикуемому скоплению являются комплексы амфор «круга» кораблекрушения у Портичелло и впускной могилы кургана Солоха. Это позволяет считать наиболее вероятной датой его формирования 80-е годы IV в. до н. э. Нельзя не отметить, что публикуемый комплекс синхронен и близок по составу *котловану 1*, обнаруженному под уровнем полов «дворца Спартокидов» на Центральном раскопе [Толстиков, Ломтадзе, 2001, с. 428–430]. Что касается характера самого объекта и причин его появления, то пока можно отметить лишь вероятную единовременность складирования амфор.

[9] Правда, надо отметить, что к моменту публикации сама амфора не сохранилась и была найдена (она или подобная ей) в фондах Ольвийского заповедника по архивной фотографии [Монахов, 1999, с. 196].

Таблица 1. Параметры амфор[10]

№ п/п	Центр производства	H	$D_{венчика}$	H_1	H_o	D	$D_{ножки}$	V	Клеймо, дипинто
1	Фасос (рис. 8, *5*; 10, *4*; 12, *2*)	717	106	437	575	287	75	10,80	Два круглых клейма на ручке: 1. Голова Сатира вправо. Легенда по окружности: Σάτυροζ 2. Круглое клеймо не читается
2	Фасос (рис. 8, *4*; 10, *5*)	690	109	435	550	270	68	10,46	На горле дипинти черной краской: H(?) и D в лигатуре
3	Гераклея Понтийская (рис. 8, *2*; 10, *2*; 12, *4*)	675	102	365	595	260	58	10,06	Прямоугольное энглифическое клеймо на горле[1]: Н.П. Θυγὶ- ο Ια (---) М.И. Θύγν- ο Ἰα(-)
4	Гераклея Понтийская (рис. 8, *1*; 10, *1*; 12, *3*)	642	88	362	566	265	52	9,75	Прямоугольное энглифическое клеймо на горле: Н.П. Εὐάρ- Ια(---) χο
5	Гераклея Понтийская (рис. 8, *3*; 10, *3*; 12, *5*)	654	94	359	586	250	55	9,09	Прямоугольное ретроградное энглифическое клеймо на горле: Н.П. Εὐπ(άμων) ἐπὶ Λ(---) М.И. Εὐπ[ά(μων)] ἐπὶ Λ[υ(-)]
6	Пепарет (рис. 9, *1*; 11, *1*; 12, *7, 8*)	900	108	537	775	320	70	17,20	На горле дипинто красной краской: Р и К в лигатуре. На плечах с противоположной стороны дипинто белой краской: ΕΛ
7	Пепарет (рис. 9, *2*; 10, *2*; 12, *11*)	876	94	546	747	320	74	18,56	На горле дипинто красной краской в виде вертикальной полосы или буквы I
8	Хиос (рис. 9, *4*; 11, *5*; 12, *9*)	760	88	430	687	275	59	11,17	На горле дипинто красной краской в виде буквы Н
9	Хиос (рис. 9, *3*; 11, *3*)	973	102	573	862	365	71	21,84	-
10	Менда (рис. 9, *5*; 11, *4*; 12, *6, 10*)	745	120	435	597	380	89	21,54	На ручке клеймо в виде вдавленного кружка. На горле дипинто красной краской в виде буквы А

[10] H – высота амфоры; D – диаметр тулова; H_1 – высота нижней части; H_o – глубина вместилища, V – объем. Объемы высчитаны математически по обмерным чертежам. Все линейные размеры приводятся в миллиметрах, объемы в литрах.

[11] Выражаем благодарность Н. А. Павличенко и М. В. Иващенко за помощь в восстановлении клейм Гераклеи Понтийской. В *таблице 1* приведены варианты прочтений, предложенные этими исследователями (Н. П. и М. И.).

Список литературы

Брашинский, 1980. Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л.

Кац, 2007. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) //БИ. XVIII.

Ломтадзе, 2015. Ломтадзе Г. А. Керамическая тара из раскопок поселений IV – первой трети III вв. до н. э. «Царской хоры» Европейского Боспора (ДБ. Suppl. III. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 3)). М.

Манцевич, 1987. Манцевич А. П. Курган Солоха. Л.

Монахов, 1999. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов.

Монахов, 2003. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва–Саратов.

Монахов, Абросимов, 1993. Монахов С. Ю., Абросимов Э. Н. Новое о старых материалах из херсонесского некрополя //АМА. 9.

Толстиков, Ломтадзе, 2001. Толстиков В. П., Ломтадзе Г. А. К вопросу о времени основания басилеи Спартокидов на акрополе Пантикапея //ДБ. 4.

Eiseman, 1987. Eiseman C. J. The Porticello Shipwreck (A Mediterranean Merchant Vessel of 415–385 B. C.). Texas.

Garlan, 1999. Garlan Y. Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. I. Timbres Protothasiens at Thasiens anciens. Paris.

Sparkes, Talcott, 1970. Sparkes B., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. (Agora. XII). Princeton, New Jersey.

Summary

V. P. Tolstikov, G. A. Lomtadze
The Amphorae Complex of the Late Classic period from the excavation of the central part of Pantikapaion (Pre-publication)

In 2015, in the course of archaeological exploration of the Mount Mithridates by the Bosporan Archaeological Expedition under the auspices of the Pushkin State Museum of Fine Arts, a large accumulation of transport amphorae has been discovered. The amphorae, some squashed and some intact, were placed neck down and arranged in rows. In 2015 only part of this construction was uncovered and fourty-two amphorae were removed. It is evident that this construction contiues to the west and to the north (Fig. 2). Therefore, we can assume that the original complex contained at least a hundred vessels. Since there is always a risk that an unexcavated portion of this structure might sustain damages caused either by nature or by humans, it had been decided to produce a preliminary publication of ten complete amphorae from different production centers that would adequately reflect the composition and the chronology of the complex.

Amphorae present in this construction belong to the well known types and production centers common in the North Pontic Region. These are vessels from the centers such as Thasos, Heraclea Pontica, Chios, Mende, and Peparethos. Two archaeological complexes – the Porticello shipwreck and the additional (inlet) burial of the Solokha barrow – seem to be the closest in composition. This allows to put forward the most likely date of the complex's formation: ca. 380s BC. It should be noted that the complex in question is very similar in composition and chronology to the assortment of amphorae found in the "trench no.1" uncovered underneath the floor level of the "Spartocid palace" in the Central Section of the acropolis of Pantikapapion [Tolstikov, Lomtadze, 2001, p. 428-430]. As to the nature of the complex itself and for the reasons of its appearance, at this point it can only be stated that the chronology of amphorae and dipinti on some of them, written in "the same hand", point to the simultaneous deposit of these vessels. Of course, these are only preliminary findings which could be confirmed or disproved only after complete investigation of this interesting structure found in the central area of the Bosporan capital.

Н. Ф. Федосеев
(Институт археологии Крыма, Симферополь)

Еще раз о пантикапейских агораномах

В 2013 г. на конференции «Боспорский феномен» мною был прочитан доклад «К вопросу о существовании полисных магистратур на Боспоре», где, как мне казалось, я поставил под сомнение существование полисных магистратур, в частности агораномов [Федосеев, 2013, с. 25–33]. Но в «Древностях Боспора», т. 19 была опубликована статья С. Ю. Сапрыкина, где вновь утверждалось, что на Боспоре существовали полисные магистратуры как следствие сохранения традиций автономии и политии, по крайней мере, с III в. до н. э. С. Ю. Сапрыкин уверен, что коллегия агораномов столицы Боспора состояла в основном из трех, реже двух человек. В качестве доказательства он ссылается на ойнохою, найденную в Гермонассе, с одним именем – Аполлодора, который, по его мнению, также работал в Пантикапее [Сапрыкин, 2015, с. 298]. Мою работу[1] при этом С. Ю. Сапрыкин не упоминает. Не думаю, что ему остались не известны мои аргументы, поскольку в том же «питерском» сборнике опубликованы и его тезисы [Сапрыкин, 2013]. Справедливости ради надо заметить, что он цитирует другую мою статью: «Некоторые исследователи ставят под сомнение этот вывод, полагая, что свинцовые гири с упоминанием агораномов преимущественно не боспорского происхождения [Ivantchik, 2012; Федосеев, 2013, с. 368]». Точнее у меня написано: «Аналогичные сомнения в боспорском происхождении вызывают и надписи на свинцовых гирях [Ivantchik, 2012]», то есть я сомневаюсь в утверждениях А. И. Иванчика о боспорском происхождениях гирь, а не присоединяюсь к его мнению. Поскольку основная аргументация С. Ю. Сапрыкина построена на анализе свинцовых гирь, остановимся на них подробнее.

С. Ю. Сапрыкин считает боспорскими находки одинаковых гирь с именами трех агораномов: Тимея, Рютмоса и Эпикрата, найденные в Нимфее и в окрестностях Феодосии. Этот вывод он делает на основании лигатуры ПА, на оборотной стороне гири. Нужно заметить, что подобная лигатура чрезвычайно широко распространена в античном мире; встречается и на монетах, и на клеймах самых различных центров, так что в данном случае доказательством принадлежности к Пантикапею служить не может.

[1] Удивительно, что редакторы сборника не подсказали С. Ю. Сапрыкину об его оплошности.

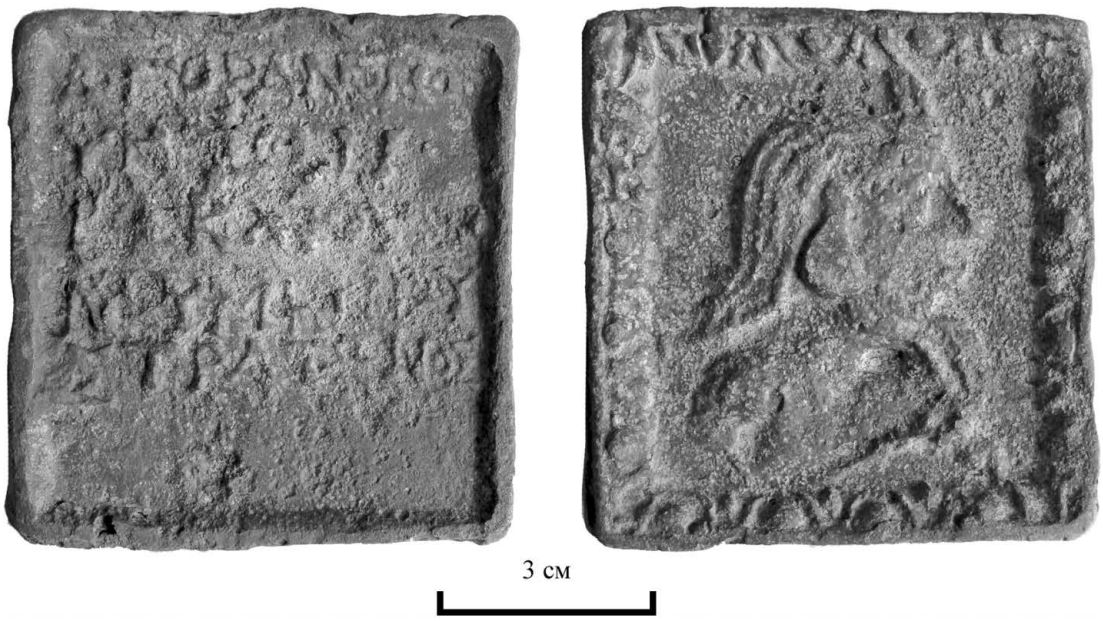

Рис. 1. Гиря с именами агораномов: Бакхий, Новмений, Стратон. (Фото автора)

Проведенный автором анализ имен дал лишь одно совпадение: имя Епикрат. Как пишет сам С. Ю. Сапрыкин, «имя популярнейшее в эллинском мире» [Сапрыкин, 2015, с. 295]. Ни Тимей, ни Рютмос в Пантикапейской ономастике не зафиксированы.

Дата гирь выводится на основании сообщения Н. Л. Грач, что нимфейская гиря была найдена в слое III в. до н. э. [Грач, 1976, с. 185–186, рис. 1]. Полагаю, археологи знают, что скрывается за формулировкой «найдена в городском слое». Такая привязка более чем не надежная.

В дополнение гирям С. Ю. Сапрыкина могу привести еще одну аналогичную гирю из Керченского музея с головой Пана и списком из трех имен агораномов: Бакхий, Новмений, Стратон [Чуистова, 1962, с. 51] (рис. 1).

По мнению Д. В. Грибанова, голова Пана служит неопровержимым доказательством его пантикапейского происхождения [Грибанов, 2010, с. 193; Ivantchik, 2012, p. 125]. Ему вторит А. В. Ковальчук, которая считает, что «изображение сатира на гире близко к образу, вырезанному в клейме пантикапейской ойнохои» [Ковальчук, 2012, с. 225].

Как я уже отмечал [Федосеев, 2013, с. 26], сходство это всё же весьма отдаленное, а голова Пана (или Сатира) достаточно распространенный в античном мире сюжет и, помимо Пантикапея, присутствует в частности на керамических клеймах Синопы и монетах Кизика. Характерно, что имена Бакх, Новмений, а также Стратон известны среди имён на синопских керамических клеймах. Стилистическое сходство с опубликованными гирями очевидно - от построения надписи, числа агораномов, до бортика, окружающего надпись. Нет сомнений, что все эти гири происходят из одного центра. Вопрос только: какого? Вероятно, из Синопы. С ней Боспор связывали тесные торговые отношения на протяжении многих веков. Достаточно вспомнить, что краткий путь через Понт вёл от Синопы к Пантикапею.

КМ	Вес 505 г	Сторона А: Ἀγορανομο- ύντων Βακχίου Νουμηνίου Στρατώνος	Сторона Б: Голова Пана вправо в рамке из ов	Чуистова, 1962, табл.15, 99
Эрмитаж, №7963	Вес 460 г	[Ἀγορανο]- [μούντ]ων [Ἀπ]ολλων [---]	Неясное изображение	Чуистова, 1962, с.72, 3, табл.22, 166
Эрмитаж	Вес 256,95 г	Сторона А: Ἀγορα[νο]- μούντ [ων] Τιμέου Ῥύθμου Ἐπικράτου	Сторона Б: виноградная лоза с гроздью винограда, тирс	Грач, 1976, с. 185, 186, рис. 1; Сапрыкин, 2015. С.295. рис. 2
ГМИИ	Вес 220,56 г, реконструируемая 250 г.	Сторона А: Ἀγορανομο- [ύντων] Η... Α.ΙΣ... Α..ΗΛΙ Π	Сторона Б: букраний	Чуистова, 1962, с.73, 9, табл. 25, 169; Блаватский, 1955. С.204, рис.4
Эрмитаж, №1557	Вес 470 г	Сторона А: Дельфин, пронзенный гарпуном Надпись ΠΑΝ	Сторона Б: ?	Чуистова, 1962, с.72, 2, табл. 22, 159
Эрмитаж, №7953	Вес 182, реконструируемая 230 г	Ἀγο[ρανο]- [μούντ]ων [Ι]σιάδου Θεομνήστου ΠΑΝ		Чуистова, 1962, с.74, 11, табл. 23, 161.

Использовали ли торговцы гири других полисов в торговле на Боспоре? Уверен – да. Приезжие купцы не бегали по местной агоре в поисках пантикапейских гирь, а доставали привезенные с собой. Именно так поступают и современные торговцы.

Напомню, что одна гиря со списком агораномов и сокращением ΠΑΝ была признана В.Д. Блаватским привозной, сделанной по персидской весовой системе [Блаватский, 1955, с. 204, рис. 4]. Этот самый важный аргумент не учитывает С.Ю. Сапрыкин. Вес публикуемой им гири около 250–257 г. В.Д. Блаватский аналогичную гирю весом 250 г, считал, что «такой вес явно не отвечает установленной пантикапейской системе[2]. Вместе с тем он довольно близок половине облегченной ассирийской или персидской мины (504,6 г)» [Блаватский, 1955, с. 204]. Замечу, что эта гиря по исполнению близка к публикуемой С.Ю. Сапрыкиным. К привозным гирям отнесла большую часть своего списка и Л.И. Чуистова [Чуистова, 1962].

[2] Блаватский В.Д., 1955, с. 205: Мина 409,5 г., а драхма 4,085 г. по найденному камню с надписью 9,5 мины, мина должна была весить 426,63 г.

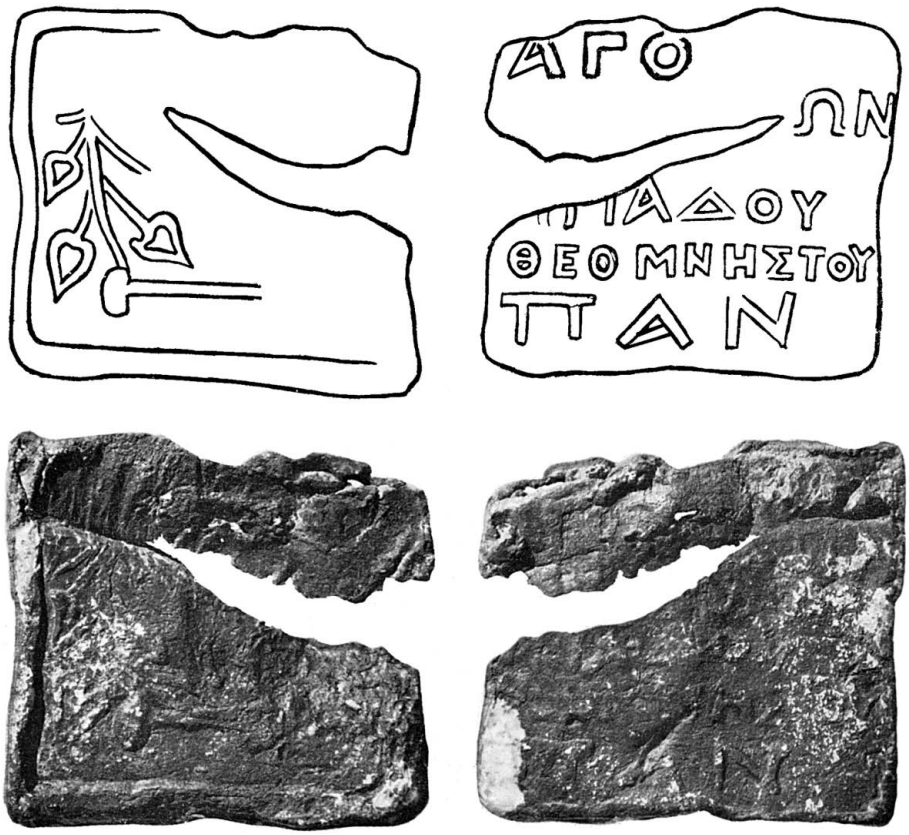

Рис. 2. Прорисовка и фото гири с именами двух агораномов Исиада и Теомнеста (Чуистова, 1962, с. 73, 74, № 11, табл. 23, 161; Грач, 1976, рис.12)

С. Ю. Сапрыкин упоминает ещё одну гирю с надписью ΠΑΝ, в котором справедливо восстанавливается название Пантикапея [Чуистова, 1962, с. 73–74, № 11, табл. 23. *161*] (рис. 2). Традиционно в сокращении ΠΑΝ на монетах видят название полиса Παντικαπάιων. Гиря сильно стерта, но в статье Н. Л. Грач приведена фотография, где четко видна наклонная гаста в начертании альфы [Грач, 1976, рис. 12]. Именно этот характерный признак позволил датировать гирю III в. [Болтунова, Книпович, 1962, с. 11].

Ту же дату имеет и ещё одна гиря с сокращением ΠΑΝ, ломаной гастой и эмблемой «дельфин, пронзённый гарпуном» [Чуистова, 1962, с. 72, № 2, табл. 22. *159*] (рис. 3). Таким образом, агораномия на Боспоре справедлива лишь для III в. н. э. и состояла эта коллегия из двух человек (?). В подтверждение этих слов приведу клейма на мерных ойнохоях: имена Сатириона и Поликсенида зафиксировано в Китее[3] [Федосеев, 2013, рис. 2, *4*], возможно, в Ольвии [Рубан, 1982, с. 39].

Среди метрологических лапидарных памятников следует назвать выделенный Н. А. Павличенко фрагмент каменной секомы. Сохранилось лишь два вместилища.

[3] Целую аристократическую династию из этого клейма вывел Д. В. Грибанов [Грибанов, 2013].

К сожалению, камень беспаспортный и доставлен был в керченский Лапидарий из Царского кургана, где хранились крупногабаритные артефакты. Для Северного Причерноморья это первая находка такого рода. Подобные mensa ponderaria подразумевают и наличие чиновников, отвечающих за соответствие ёмкостей эталону. Это не были полисные магистраты, как полагает С.Ю. Сапрыкин, а чиновники царского двора. Приводимые им аналогии среди демократических полисов, на мой взгляд, некорректны. Поиски аналогий среди государств с монархической формой правления не дали ни агораномов, ни метрономов.

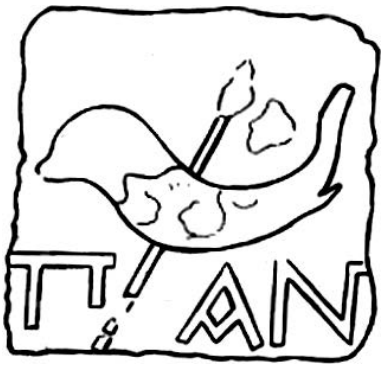

Рис. 3. Прорисовка гири с эмблемой «дельфин, пронзенный гарпуном» (Чуистова, 1962, с. 72, № 2, табл. 22, 159)

На ойнохоях, найденных на Боспоре, которые я отношу к Книду [Федосеев, 2013, с. 27, рис. 1], зафиксирована коллегия агораномов, которая состояла из четырех человек. Я исхожу из аксиомы, что коллегия агораномов имела определенное количество магистратов и не могла произвольно менять численность. В каждом полисе было своё количество магистратов. Наличие агораномов подразумевает cursus honorum и то, что керамическое производство контролировать должны астиномы, как это было в Синопе или Херсонесе. Ничего подобного мы на Боспоре не наблюдаем – на клеймах боспорских керамических изделий мы видим имена мастеров, заказчиков и позднее надпись «царская», что, впрочем, также относится к категории заказчиков.

Таким образом, гири с именами и упоминанием агораномной магистратуры, происходящие с территории Боспора, не служат доказательством существования агораномии в Пантикапее (как и в других крупных городах Боспора). Только в III в. н.э. мы можем зафиксировать название агораномной магистратуры на свинцовых гирях, которые с большой долей вероятности относились к Пантикапею. Ойнохои же с агораномными клеймами были изготовлены за пределами Боспора. Боспорские мерные ойнохои имеют анэпиграфные клейма или содержат имена, но без упоминания магистратуры (рис. 4). Однако нигде не встречается название агораномной магистратуры. Клейма на ойнохоях распадаются на три группы: 1. Анэпиграфные клейма, где главным элементом является изображение, будь то мужская голова (рис. 4, *1*), петух, орел на змее (рис. 4, *2*), или монетный тип – лук со стрелой и надписью ΠΑΝ (рис. 4, *3*). 2. Клейма с именами: иногда их два (рис. 4, *4*), иногда три (рис. 4, *7*), а иногда даже четыре (рис. 4, *5*). Кто эти люди? Возможно, и метрономы, скорее всего служители дворцового аппарата, но в любом случае не агораномы. 3. Группа клейм, символизирующая метрические сосуды – это овал с изображением и надписью ΠΟ или ΠС (рис. 4, *10*). Подобные клейма с надписью ΦΑ, были найдены в Фанагории, интерпретировались как название города [Завойкин, 2011, рис. 13]. В свое время В. Грейс опубликовала схожие клейма с Самоса с различными легендами [Grace, 1971, p. 90, pl. 13. *40–42*], которые она считала продукцией Самоса. Я полагаю, что ключевым здесь является канфар и сосуды с этими клеймами предназначались именно для измерения вина.

Рис. 4. Клейма на боспорских мерных сосудах: *1* – Пантикапей; *2* – Генеральское Западное; *3* – Нимфей; *4* – Китей; *5* – Генеральское Западное; *6* – Нимфей; *7* – Крутой Берег; *8* – Заветное-5; *9* – Пантикапей; *10* – Пантикапей

Особняком стоит клеймо, в котором вычитывается имя ΔΗΜΚΙΟΝ, хотя С. Ю. Сапрыкин настаивает на прочтении: ΔΗΜΟΣΙΟΝ [Сапрыкин, 2015, с. 298][4]. Ранее я предполагал такое же восстановление, однако более внимательное изучение этого оттиска привело меня к чтению ΔΗΜΚΙΟΝ.

Все вышесказанное не позволяет мне присоединиться к тезису С. Ю. Сапрыкина, «что Спартокиды поддерживали и, возможно, развивали некоторые полисные установления своей столицы» [Сапрыкин, 2015, с. 300].

Список литературы

Блаватский, 1955. Блаватский В. Д. О пантикапейской весовой системе //СА. XXIII.

Болтунова, Книпович, 1962. Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерк истории лапидарного письма на Боспоре //НЭ. 3.

Грач, 1976. Грач Н. Л. Свинцовые гири из Нимфея и некоторые вопросы боспорской весовой метрологии //ТрГЭ. XVII.

Грибанов, 2010. Грибанов Д. В. Боспорские агораномы (по материалам магистратских клейм) //Вопросы эпиграфики. 4. М.

Грибанов, 2013. Грибанов Д. В. Аристократические семьи Боспора IV–III вв. до н. э.: опыт просопографического исследования //Древнее Причерноморье. X. Одесса.

Завойкин, 2011. Завойкин А. А. Заметки о культе Диониса в Фанагории //ПИФК. 4 (34).

Ковальчук, 2012. Ковальчук А. В. Боспорские мерные сосуды IV–III вв. до н. э. //ДБ. 16.

Рубан 1982. Рубан В. В. Магістратура агораномів в Ольвії //Археологія. 39.

Сапрыкин, 2013. Сапрыкин С. Ю. Постэллинизм на Боспоре (предпосылки и развитие) // БФ: греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб.

Сапрыкин, 2015. Сапрыкин С. Ю. Пантикапейские агораномы //ДБ. 19.

Федосеев, 2013. Федосеев Н. Ф. К вопросу о существовании полисных магистратур на Боспоре //БФ: греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб.

Федосеев, 2013б. Федосеев Н. Ф. Черепичные боспорские клейма с предлогом ΕΠΙ в контексте истории Боспора //ДБ. 17.

Чуистова, 1962. Чуистова Л. И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье //АИБ. II.

Grace, 1971. Grace V. Samian Amphoras //Hesperia. Vol. 40.

Ivantchik, 2912. Ivantchik A. Agoranomes dans les cités du Pont nord et occidental//Agoranomes et édiles. Institutions des marchés antiques. Scripta Antiqua 44. Bordeaux.

[4] Обстоятельства находки и мою аргументацию против такого чтения см. [Федосеев, 2013].

Summary

N. F. Fedoseev
Once again on agoranomos of Panticapaem

The article is a response to the work of S. Saprykin "Agoranomos of Panticapaem". Article deals with lead weights that S. Saprykin took to Panticapaeum. The author concluded that the weights with three names are not manufactured in Panticapaeum, but rather in Sinope. Weights with two names – manufactured in Panticapaeum, but date back to the III AD. Thus, with the names and weights magistracy of agoranomos, originating in the territory of the Bosporus did not serve as proof of the existence in Panticapaeum agoranomos. Oinohoes with stamps of agoranomos are made outside of the Bosporus. Bosporus dimensional oinohoes have anepigraphic stamps or contain names, but without mention of Magistracy. All this does not allow to support the thesis of S. Saprykin, "that Spartocides support and possibly develop some polis establish of their capital".

И. В. Цокур
(ООО «Ирида», Краснодар)

Грунтовый могильник «Волна 1»

В 2015 г. археологическим отрядом ООО «Ирида» была исследована часть грунтового некрополя «Волна 1», открытого в 2014 г в 4,4 км к северо-западу от одноименного посёлка, в Темрюкском районе Краснодарского края, недалеко от мыса Тузла. Памятник занимает южную окраину возвышенности, которая с юга ограничена скальной грядой балки Матросская. Местность это довольно ровная, возвышающаяся над уровнем Черного моря на 20–25 м (рис. 1). На территории памятника расположен заброшенный виноградник, глубина распашки здесь достигает 0,7 м. Приблизительные размеры могильника: 160 м с севера на юг и 125 м с запада на восток (около 20000 кв.м). Датировка раскопанных погребений: V – начало IV вв. до н. э.

Из-за глубокой распашки и специфичности грунта погребальные конструкции фиксировались, как правило, лишь на уровне захоронений. Там, где удалось проследить, они представлены ямами овальной и прямоугольной формы с закругленными углами. Все захоронения (140) – ингумации. Костяки лежали вытянуто на спине, руки вдоль туловища, головой чаще всего на восток (82 захоронения), иногда с небольшим отклонением к северу (27 погребений) или югу (10 погребений); в трёх случаях – строго на север и по два погребения – на юг и на запад.

Погребальный инвентарь располагался слева или в ногах и состоял из керамических, изредка бронзовых сосудов, оружия, украшений, монет, предметов обихода, инструментов. В некоторых могилах в мисках лежали кости животных. Материалы наших раскопок находят многочисленные аналогии в соседнем некрополе «Артющенко-2» [Кашаев, 2009].

Наиболее массовой категорией находок являются различные сосуды. Они обычно помещались слева от покойного, то есть вдоль южной стенки могильной ямы. Смена восточной ориентации костяка не влияла на такое местоположение. Вся керамика представлена двумя основными группами: столовая посуда и туалетные сосуды. В большинстве могил присутствовал «основной набор», состоявший из ойнохои или кувшина, чаши для питья – канфара (рис. 5, *2*), чаши (рис. 4, *9, 10*), килика (рис. 4, *6–8*), скифоса (рис. 4, *16*) аттического или малоазийского производства и миски. Некоторые ойнохои и миски на внешней поверхности имеют следы светлого ангоба, по которому нанесены линии красного и белого цвета (рис. 3, *2*; 4, *3, 4*) [Кашаев, 2009, с. 236, рис. 11, *3*; с. 242, рис. 17, *1*; Коровина, 1987, с. 10, рис. 7; Коровина, 2002, табл. 16, *4*].

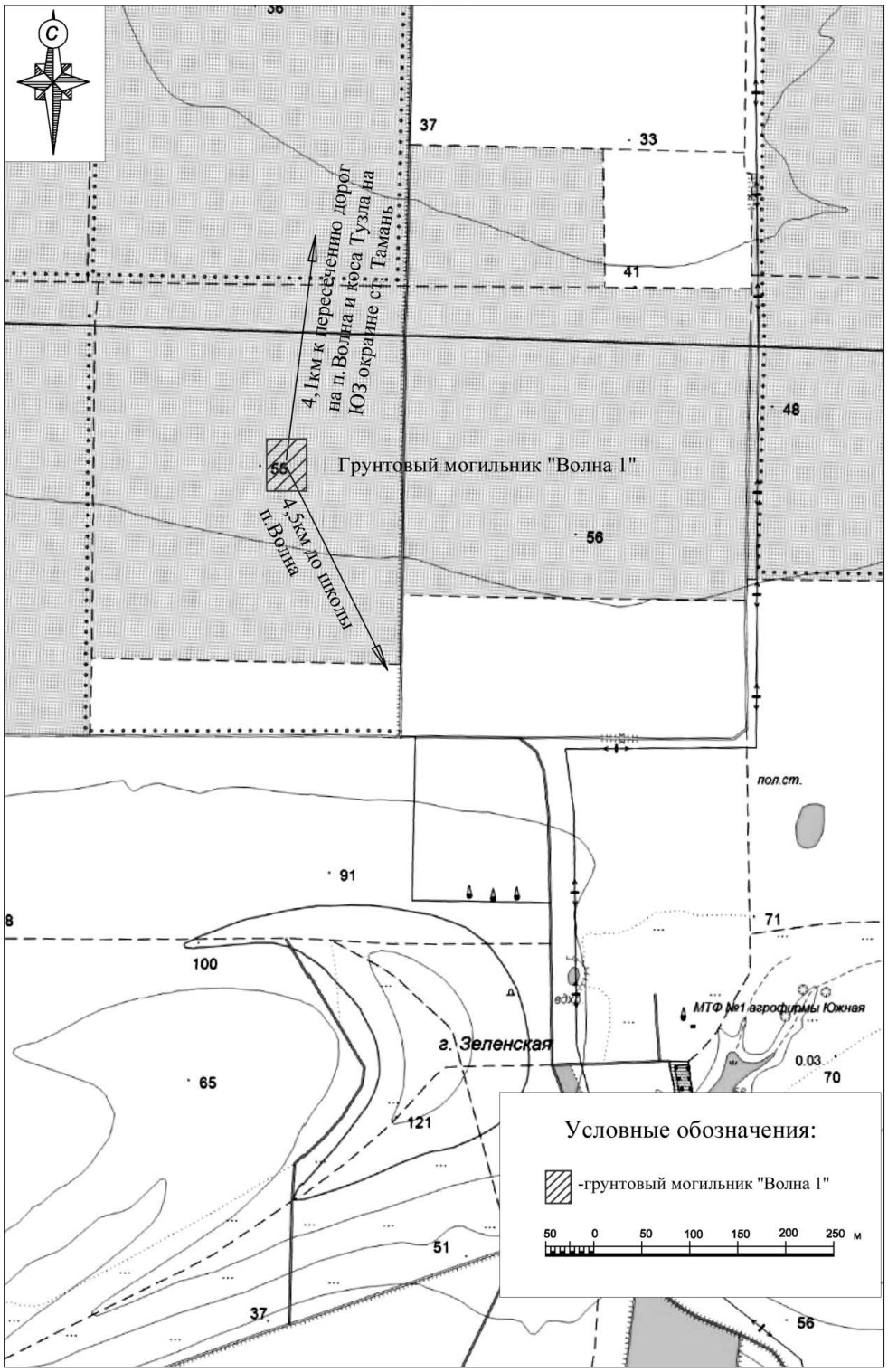

Рис. 1. Схема расположения грунтового могильника «Волна 1»
(п. Волна, Темрюкский район, Краснодарский край)

Рис. 2. Материал погребений: *1* – ионийский сосуд, п. 60;
2 – пелика, п. 74; *3* – киаф, п. 60; *4* – амфора, п. 44

Чернолаковые солонки (рис. 4, *11–12*) представлены в могилах качественными сосудами аттического производства. В двух случаях они носили следы ремонта (рис. 4, *15*). Кроме того найдены: краснофигурная пелика (рис. 2, *2)*, лекана (рис. 3, *1*), котила, лутерий, ионийский сосуд с крышкой (рис. 2, *1*) [Античные государства… 1984. Таб. CXLIV, с. 335; XLIV, с. 143].

К подгруппе туалетных сосудов относятся аски (рис. 4, *1–2*) и лекифы трех типов – цилиндрические, арибаллические и с шаровидным туловом. Большинство из них покрыты черным лаком и росписью в виде пальметок. Некоторые – украшены краснофигурными рельефными изображениями в виде головы Пана или в форме ноги (рис. 3, *3–11*). Следующими типами туалетных сосудов являются амфориски и алабастры из финикийского стекла [Кунина, 1997, с. 27, рис. 13, *58*; с. 57, рис. 14, 15; с. 248–249, рис. 7; с. 251–252, рис. 31; Сорокина, 1957, Табл. III. *1*].

Бронзовая посуда представлена шестью киафами (рис. 2, *3*) и единичными находками – сосудом в виде блюда с литой пластинчатой ручкой и головкой птицы на конце, лекифом из листовой бронзы с ручкой, припаянной к венчику (погребение 44) и цедилкой (погребение 62).

В погребениях обнаружены предметы наступательного вооружения: железные мечи, копья, наконечники стрел, ножи. Большая часть наконечников стрел бронзовые [Грач,1999, с. 204, табл. 30; Коровина, 1987, с. 17, рис. 14].

Все мечи, располагавшиеся, как правило, в районе пояса, реже вдоль туловища или левой ноги погребённого, относятся к различным типам акинаков [Мелюкова, 1964; Коровина, 1987, с. 9, рис. 6]. Вместе с мечами встречались наконечники копий [Кашаев, 2009, с. 233, рис. 8, *7*; Глебов, Ильяшенко, Толочко, 2005, с. 89, рис. 11, *4*] и стрел.

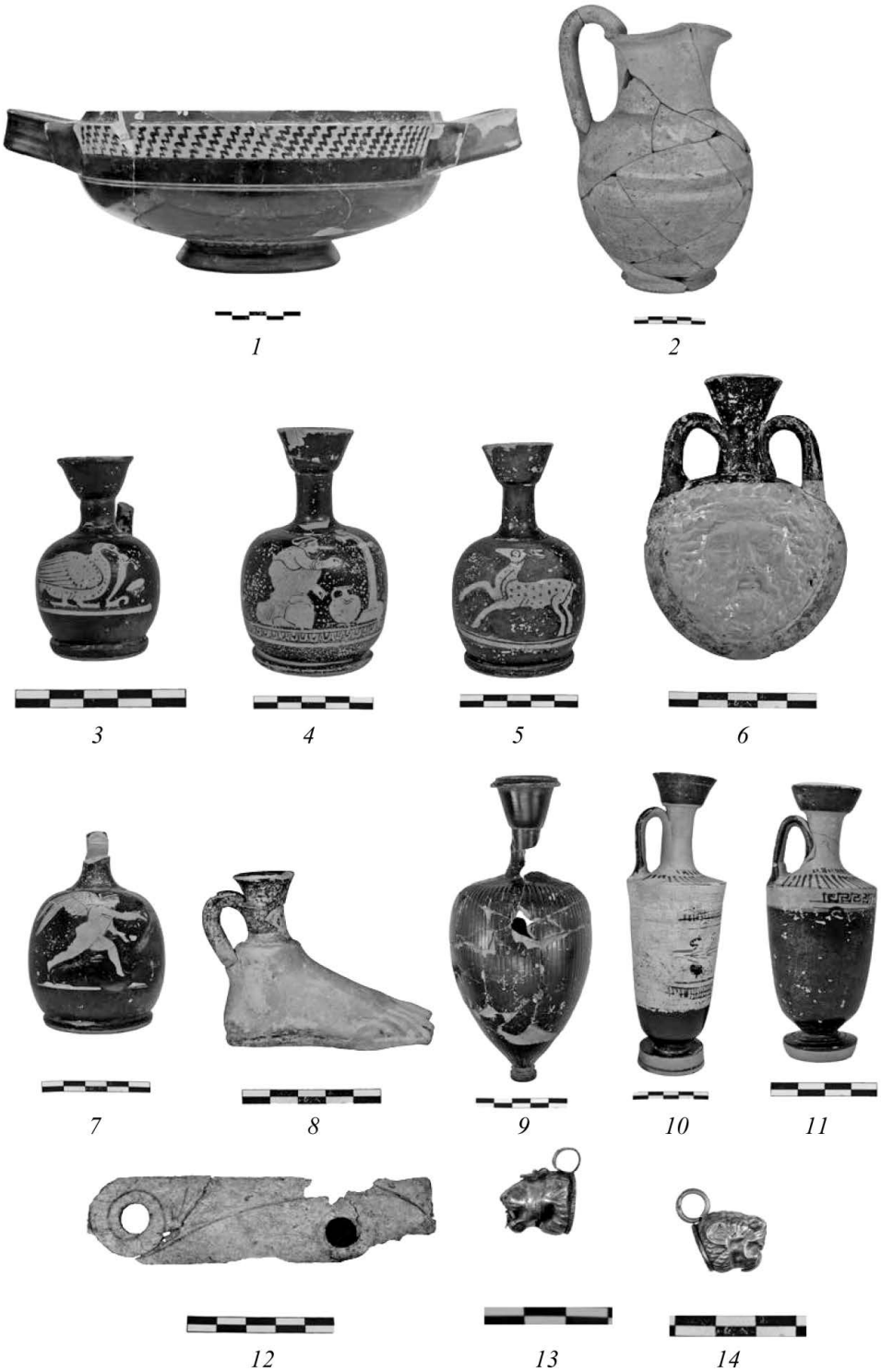

Рис. 3. Материал погребений: *1* – лекана, п. 55; *2* – ойнохоя, п. 25; *3–11* – лекифы, *3–5* – п. 115; *6, 8* – п. 70; *7* – п. 62; *9* – п. 63; *10* – п. 22; *11* – п. 25; *12* – пластина п. 44; *13, 14* – подвески п. 114,72

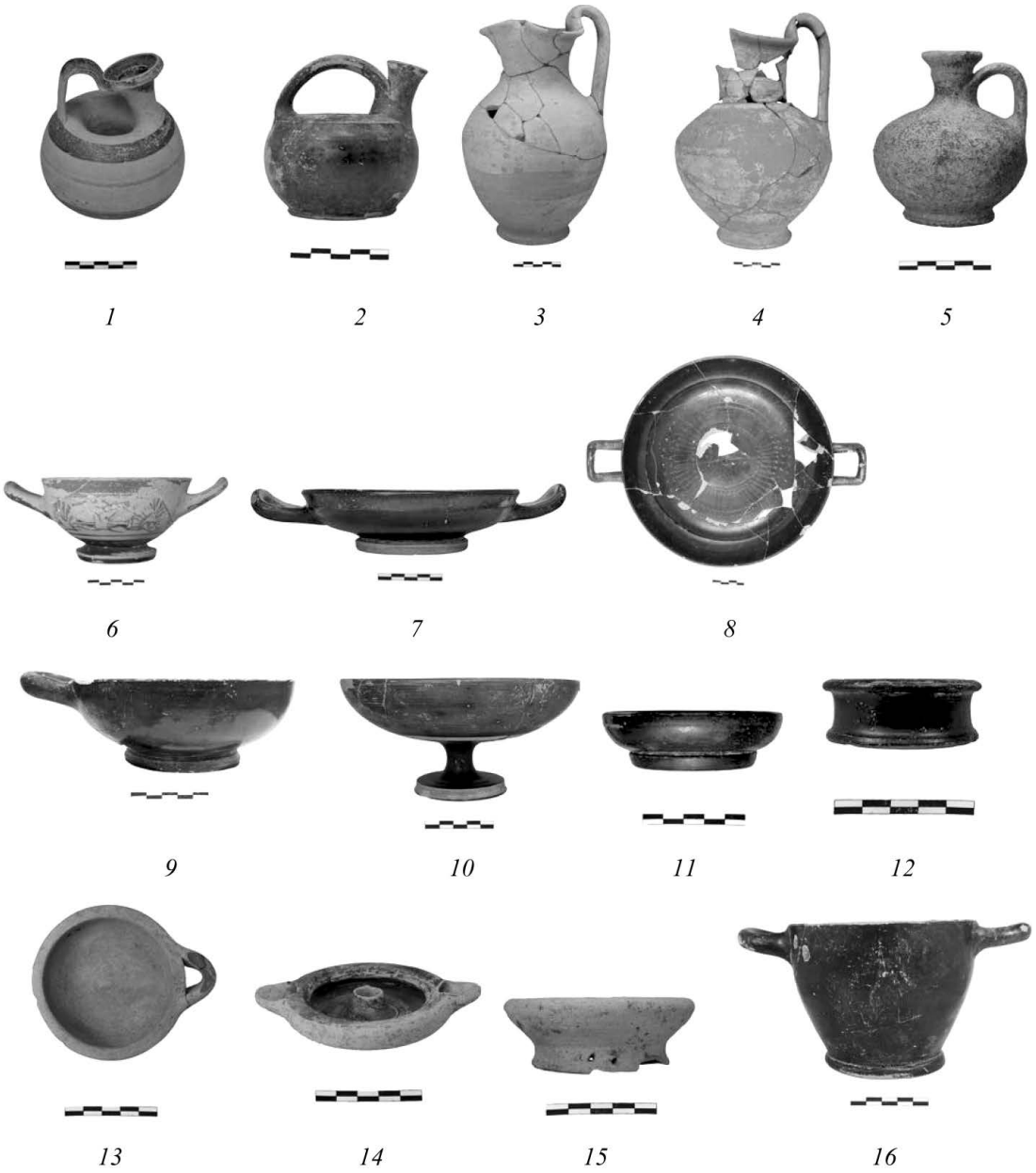

Рис. 4. Грунтовый могильник «Волна 1». Материал погребений: *1, 2* – аски, п. 1, 3; *3, 4* – ойнохои, п. 11,22; *5* – сосуд, п. 43; *6–8* – килики п. 1,22; *9, 10* – чаши п. 5,111; *11, 12, 15* – солонки п. 8,59,25; *13, 14* – светильники п. 15,34; *16* – скифос п. 39

Первые – обычно лежали справа от черепа, острием к востоку. Все наконечники стрел можно разделить на несколько типов. Бронзовые – трехгранные с выделенной втулкой или без неё. Железные – трехгранные с выделенной втулкой, бронебойные и костяные – пулевидные. В погребении 44 были найдены костяные пластины различной формы (рис. 3, *12*), возможно, детали колчана.

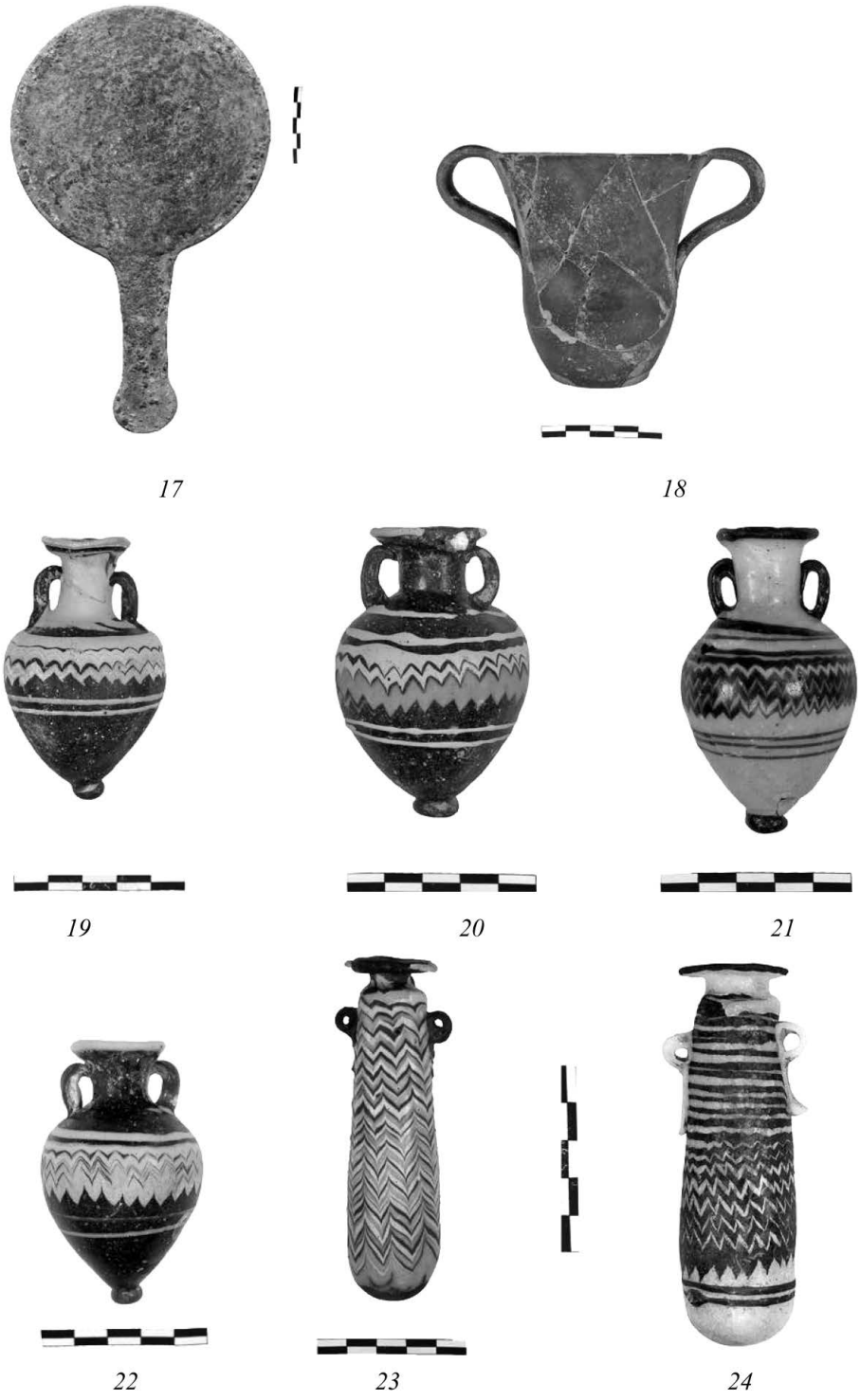

Рис. 5. Грунтовый могильник «Волна 1». Материал погребений:
17 – зеркало, п. 47; *18* – канфар, п. 115; *19–22* – амфориски, п. 8,111,83,128;
22, 23 – алабастры, п. 111,60

Украшения обнаружены в индивидуальных женских или в коллективных могилах, где присутствовали женские захоронения. Это перстни и кольца, височные кольца, подвески, бусы. Перстни со щитками изготовлены из бронзы и железа (погребения 11, 54, 60). Спиральные височные кольца – из бронзы с серебряными наконечниками (погребения 27, 54, 72).Стеклянные, четырёхгранные (пирамидальные) бусы найдены вместе с подвеской из желтого металла в виде головы пантеры (погребение 72).

В трех погребениях обнаружены монеты. В погребении 62 – серебряный диабол 403–413 гг. до н. э. [Шелов. 1956, с. 21–22, табл. I. *11*] найден в заполнении могильной ямы. В погребениях 74 и 93 бронзовые монеты были положены, видимо, на губы (в рот?) покойного

Из бытовых предметов упомянем: три оселка и фрагменты ножей (в 21 погребении), бронзовые иглы (в 6 погребениях), [Кашаев, 2009, с. 231, рис. 6, *7*], пряслица (в 6 погребениях), зеркала (в 3 погребениях).

При раскопках открыто 78 объектов, представлявших собой развалы амфор или части амфор без горла, залегавшие примерно на глубине от 50 до 60 см от дневной поверхности. Возможно, их следует отнести к тризнам. Среди амфорного материала преобладает хиосская тара. Встречены амфоры Менды, Синопы, Фасоса, Херсонеса, Колхиды.

Два комплекса содержали останки лошадей и по одному псалию, и бронзовому наконечнику стрелы.

В некрополе зафиксировано два кенотафа (погребение 3, 5). В них отсутствовали какие-либо костные останки, но обнаружены керамические сосуды. Можно отметить, что инвентарь кенотафов всегда отличается немногочисленностью [Кашаев, 2009, с. 222].

Повторные захоронения (подзахоронения?) отмечены в двух случаях (погребения 25, 68).

Большинство могил по погребальному инвентарю датируются V–IV вв. до н. э. Несколько погребений относится к началу VI–V вв. до н. э. Амфорный материал датируется V в. до н. э. [Монахов, 1999, с. 61–117]. К этому времени относится и серебряный диабол (Av. Голова льва в фас Rv. Вдавленный квадрат с головой барана вправо, вверху надпись «ΠΑΝΤ»).

Таким образом, активное время функционирования исследованного участка некрополя – около ста лет. Безинвентарные погребения составляют 30%. Если предположить, что эти захоронения, как и большинство, относятся к V–IV вв. до н. э., то отсутствие инвентаря, возможно, указывают на невысокий социальный статус или достаток покойного. В пользу этого свидетельствует сходная с другими погребениями восточная ориентация и их расположение между захоронений V–IV вв. до н. э.

В целом, общая характеристика погребального обряда грунтового могильника «Волна 1» ничем не выделяет его среди синхронных боспорских некрополей.

Список литературы

Античные государства Северного Причерноморья 1984 //Археология СССР. М.

Глебов, Ильяшенко, Толочко, 2005. Глебов В. П., Ильяшенко С. М., Толочко И. В. Погребения с оружием эллинистического времени из некрополя Танаиса //ДБ. Вып. 8.

Грач, 1999. Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб.

Кашаев, 2009. Кашаев С. В. Некрополь Артющенко-2 //БИ. Вып. XXII.

Коровина,1987. Коровина А. К. Раскопки некрополя Тирамбы //Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. Вып. 8. М.

Коровина, 2002. Коровина А. К. Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М.

Кунина, 1997. Кунина. Н. З. Античное стекло в собрании Государственного Эрмитажа. СПб.

Мелюкова, 1964. Мелюкова А. И. Вооружение скифов //САИ. Вып. Д1–4. М.

Монахов, 1999. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов.

Шелов 1956. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. //Причерноморье в античную эпоху. Вып. 9. М.

Summary

I. V. Tcokur
Ground burial of «Volna 1»

The ancient necropolis of «Volna 1» is located on the southern edge of a hill, occupying the central part of the south-west of the Taman Peninsula between the village of Taman and Volna 4.5 km north-west of the Volna village school. He was identified and put under protection in 2014.

Work was carried out archeological group of «Irida». The 140 burials and 78 objects were discovered. The dating of the investigated burial site of the necropolis: V – the beginning of IV century. BC.

Excavations of the necropolis «Volna 1» provide numerous and interesting archaeological materials, the study of which will study a number of problems associated with the development of the Asian Greeks of the Bosporus, trade and cultural ties.

В. П. Яйленко
(Московский педагогический государственный университет)

Источниковедение известий Эсхина о Гилоне и Арриана об ойкистах Фанагоре, Гермоне

Недавно И. Е. Суриков выступил с рядом статей, в которых счел неисторичным рассказ Эсхина о деде Демосфена Гилоне, который сдал принадлежавший афинянам Нимфей врагам, отмёл известия Арриана об основателях Фанагории и Гермонассы Фанагоре да Гермоне, сочтя имена городов эпитетами Аполлона и Гермеса. Разбор источников проведен в этих статьях на недостаточном уровне. Поэтому рассмотрению источниковедческих вопросов и уделена нижеследующая статья, снимающая скептицизм в отношении упомянутых известий Эсхина и Арриана.

1. Рассказ Эсхина о сдаче Нимфея Гилоном.

Суть рассуждений И. Е. Сурикова [2009, с. 393–413] такова. Дав цитату из Эсхина о Гилоне и Нимфее, он утверждает, что все другие сообщения разных авторов об этом восходят к нему же; по его мнению, рассказ Эсхина о Гилоне содержит внутренние противоречия, а также составляет диссонанс с более ранним сообщением о Гилоне самого Демосфена. Все это – свидетельство недостоверности данных о сдаче Гилоном Нимфея: Эсхин – де выдумал предательство деда, чтобы очернить Демосфена. Указав, что враньё – обычное дело у тяжущихся сторон в афинском суде, Суриков привел также компрометирующее родителей Эсхина сообщение Демосфена, что отец того раб, мать – проститутка, что самая гнусная ложь, констатирует Суриков. Его заключительное суждение: «*Мы ни в малейшей мере не утверждаем, что в переданном Эсхином эпизоде вообще нет невыдуманных элементов*»: Нимфей, бесспорно, находился одно время под афинским контролем, у Демосфена были связи с боспорскими царями, потому он и лоббировал их интересы в Афинах, но всё это известно из других источников, а «*похождения Гилона оратором сочинены*» [с. 409–410][1].

Сведения Эсхина о Гилоне и Нимфее предоставляют в наше распоряжение данные о весьма важном эпизоде истории Боспора[2]. Поэтому попытка Сурикова элиминировать

[1] Здесь и далее цитаты из статей И. Е. Сурикова выделяю для наглядности курсивом.

[2] Эсхин, III: « (171) Теперь я скажу, как обстоит дело у него с матерью и дедом по матери. Был некий Гилон из *дема* Керамий. Он предал врагам Нимфей на Понте – наше государство тогда владело этим местечком – и бежал

их нуждается в специальном рассмотрении, к которому и перейдем[3]. Практически все ученые, анализировавшие текст Эсхина, считали и считают историчными его данные, усомнился в них лишь С. А. Жебелев [1953, с. 180–195], но по причине не научных, а привходящих обстоятельств [4].

Аргументацию И. Е. Сурикова мы подробно разберем ниже, но, прежде всего отметим коренной недостаток его статьи – не исследован контекст §§ 171–172 речи Эсхина с известием о Гилоне и Нимфее. *Opinio communis* потому так дружно в признании сих сведений Эсхина историчными, что это абсолютная очевидность в контексте всей речи о Ктесифонте. Кратко напомним, что эта речь Эсхина «Против Ктесифонта», сказанная в 330 г., формально оспаривает правомочность давнего предложения Ктесифонта о награждении золотым венком Демосфена, по существу же, это акт политической борьбы с Демосфеном и поддерживающими его линию патриотическими силами Аттики (Эсхин – в числе лидеров промакедонской партии)[5]. Содержание речи Эсхина в целом таково. Он строит своё обвинение на юридической противозаконности, по его мнению, предложения Ктесифонта (§ 1–48), но поскольку с этой стороны его позиция уязвима, уделил основное содержание речи выявлению вреда для Афин политической деятельности Демосфена и показу неприглядной, с его точки зрения, морали и этики

из города (Афин) вследствие поданного против него чрезвычайного заявления (исангелии), не дождавшись судебного разбирательства. Он прибывает на Боспор и получает в дар от тиранов область под названием Кепы. (172) Там он женится на женщине богатой – клянусь Зевсом! – и принесшей ему в приданое много золота, но происходящей от скифов. От неё у него рождаются две дочери, которых он отправил сюда (в Афины) с большими деньгами. Одну из них он выдал замуж за человека – не назову его имени, чтобы не вызывать со стороны многих вражды к себе (это Демохар). На второй же дочери женился Демосфен из дема Пеания, и от неё родился вам этот хлопотун и сикофант. Итак, он со стороны деда по матери должен быть враждебен народу, ведь вы приговорили его предков к смертной казни. По материнской линии он – скиф, то есть, варвар, являющийся эллином только по языку. Отсюда и пороки его не местного происхождения» (перевод Л. М. Глускиной [Греческие ораторы, 1962, с. 223], с нашими пояснениями в скобках).

[3] Это тем более необходимо, что не искушенные в анализе литературных текстов археологи, а priori доверяя мнению историка, могут «повестись» на выводы И. Е. Сурикова. К сожалению, так случилось с А. А. Завойкиным [2013, с. 289–290], который счел Гилона фантомом (на с. 95 он менее категоричен).

[4] Надо принять во внимание время написания Жебелевым статьи о Гилоне и Нимфее: она издана в 1935 г. и по духу ниспровержения мнений буржуазных ученых об этой истории – Г. Бузольта, Э. Мейера, Э. Миннза, У. Карштедта и др. – является продолжением изданной двумя годами ранее революционной статьи о восстании Савмака, тоже «исправлявшей» буржуазную историографию. Это была дань старого человека своему времени, которое справедливо исповедало революционный лозунг преодоления буржуазной науки и построения марксистской всеобщей истории. Увы, С. А. Жебелевым двигала не идейность, а лишь опасение за место работы и должность, что понять можно. В 1970-х С. Л. Утченко рассказывал мне об обстановке в Ленинградском университете во второй половине 1930-х, где он был аспирантом, затем доцентом и по совместительству парторгом Исторического факультета. Как парторг он неоднократно прикрывал от нападок коммунистов-приспособленцев недостаточно благонадежного с их точки зрения С. Я. Лурье. Великий ученый (между прочим, доктор трех наук – исторических, филологических, математических) и порядочный человек, Соломон Яковлевич плохо приспосабливался к нравам 1930–1950-х гг. с их зашкаливающей идеологической правоверностью (на самом деле это была шкурная конъюнктурность), в конце концов Д. П. Каллистов сотоварищи выжили его из Питера и он уехал во Львов, где оставил по себе благодарную память (я был во Львовском университете в 1960-х и слышал отличные отзывы о нем). С. А. Жебелев с 1927 г. академик, что в достаточной мере было охранительным фирманом (к примеру, великий И. П. Павлов, академик, позволял себе публичные и нелицеприятные высказывания по адресу властей), но в отличие от Лурье он приспособился к своему времени (в чем сказалась выучка царского периода, точно также предписывавшего верноподданность, следование официозным предписаниям и пр.), о чем свидетельствует успех его статьи о восстании Савмака у официозных «генералов» и «полковников» от истории да филологии – её печатным образом превозносили за марксистскую идейность Б. Д. Греков, И. И. Толстой, Д. П. Каллистов.

[5] Для знакомства с контекстом *см.* перевод этой речи [Греческие ораторы, 1962, с. 190–239].

его личности (§ 49–176)[6]. Иными словами, речь Эсхина – обычная у ораторов IV в. инвектива против политического противника, в том числе с диффамацией его личности. Для нас самое существенное заключается в том, что все обвинения против Демосфена построены Эсхином на материале **исключительно реальных исторических событий**, в которых Демосфен принимал активное участие, возглавляя борьбу Афин против македонской агрессии. Это война с Филиппом за Амфиполь 351–348 гг., затем период 10-летнего перемирия и вторая война с ним, закончившаяся поражением греков при Херонее в 338 г., а также взаимоотношения с Александром Македонским до 330 г. Эсхин подробно перебирает военные и политические события этого времени, показывая гибельную, по его мнению, для Афин роль Демосфена в них, а также недостойность его самого. В этом контексте многих реальных военных, а также внешне- и внутриполитических событий и стоит известие о деде Демосфена по матери – Гилоне, который предал принадлежавший (ἐχούσης) афинянам Нимфей врагам (προδοὺς τοῖς πολεμίοις).

Для наглядности проиллюстрируем сказанное событиями, изложенными непосредственно до эпизода с Гилоном в §§ 171–172 и сразу после него. До § 159 Эсхин ведет речь об афинско-беотийской коалиции и её поражении при Херонее, с § 160 по § 170 говорится о политике Демосфена в отношении севшего на македонский престол после Филиппа Александра. Подвергнув остронегативной критике действия Демосфена, Эсхин в §§ 166–170 даёт уничижительную оценку и его личным качествам, в плане чего упоминает в §§ 171–172 эпизод с его дедом Гилоном. Далее, с § 173 по § 180 продолжается личностная диффамация и настояния в юридической неправомочности присуждения Демосфену венка, а в § 181–195 из аттической истории приведен ряд примеров того, что великие деятели прошлого не получали венков за свою в высшей мере полезную для афинян деятельность.

Таким образом, *все* изложенные Эсхином события, использованные для диффамации Демосфена – и до эпизода с Гилоном и после него – исключительно исторические по своему характеру. Оратор лишь по-своему трактует роль своего оппонента в них. Следовательно, таков и только таков также рассказ о Гилоне и утрате из-за него афинянами Нимфея: это такой же реальный военно-политический эпизод, как и все предыдущие и последующие действительные события истории Аттики. Иначе говоря, Эсхин не выдумал в речи ни одного военного или политического события, и поскольку история со сдачей врагам Нимфея Гилоном тоже военно-политический эпизод истории Аттики, он ни в коем случае не выдуман.

И. Е. Суриков пренебрег главным постулатом источниковедения – изучением контекста исследуемого пассажа (тем более обязательным, если статья посвящена оценке достоверности какого-либо известия)[7]. Отсюда и происходит его в корне противоречащее

[6] В остальных §§ 177–260 Эсхин, что называется, размазывает по тарелке уже высказанные ранее мысли.

[7] Источниковедению учат в вузе. На Истфаке МГУ в 1960-х источниковедческий семинар по Древней Руси вел большой её знаток Анатолий Михайлович Сахаров, который правильно понимал свою задачу – научить студентов работе с источниками. Мы читали с ним Русскую Правду, и его знаменитое motto о текстологии – «сперва разложим все по полочкам» – я усвоил будто с молоком матери (благодарная память о нём всегда пребывает в моем сердце: он и человек был замечательный). Можно и самостоятельно постигать основы источниковедения, в таком случае наилучшее руководство – книга К. К. Зельина «Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. (М. 1964). С. Л. Утченко точно сказал, что из хорошего филолога получится хороший историк (прекрасный пример – Г. Ф. Полякова).

характеру всей речи Эсхина – опоре на реальные исторические события – убеждение в неисторичности данных о сдаче Нимфея Гилоном. Собственно, на этом можно поставить точку: статья ущербна в источниковедческом плане, потому и выводы её ошибочны (уровень источниковедения определяется уровнем филологической подготовки историка). Однако ради объективности и аргументированности своего вывода рассмотрим и другие его доводы.

Дав перевод §§ 171–172 речи Эсхина, И. Е. Суриков отметил, что известие о Гилоне содержит внутренние противоречия, а также «*находится в полном диссонансе с другим, более ранним сообщением о Гилоне, которое принадлежит самому Демосфену. Этот последний, надо полагать, знал дела своих предков и родственников лучше, чем кто-либо иной*» [с. 398]. Приложив отрывок из сказанной в 364 г. речи Демосфена против Афоба (XXVIII, 1–3) с утверждением оратора, что дед его (Гилон[8]) не должник, а был должником, И. Е. Суриков счел, что показания Эсхина и Демосфена резко противоречат друг другу: Эсхин говорит о государственной измене Гилона, который бежал на Боспор и не предстал перед судом, потому был заочно приговорен к смертной казни; «*Демосфен же говорит о принципиально другом. По его данным, Гилон был должником государства, но впоследствии погасил свой долг*» [с. 400]. Сочтя оба свидетельства непримиримыми, И. Е. Суриков объявил ложными сведения Эсхина о сдаче Гилоном Нимфея, о предоставлении ему (Сатиром I) Кеп и прочем.

Ученые по-разному понимали соотношение известий Эсхина и Демосфена о Гилоне, признавая их полную историчность, и критика их И. Е. Суриковым [с. 401] выдержана в аккламационной манере, которая всерьез ничего не элиминирует. Для примера приведем два первых его опровержения. Д. П. Каллистов не увидел противоречия в известиях Эсхина и Демосфена; опровержение И. Е. Сурикова (даём полностью): «*Это явным образом означает: затушевывать реально имеющие место противоречия*». По Д. Б. Шелову, в Афинах не сочли государственной изменой сдачу Нимфея и потому Гилону присудили штраф; возражение Сурикова (цитируем целиком): «*По этому поводу можно сказать, что создать из двух несогласных свидетельств некую искусственную комбинацию, в свою очередь, не согласную ни с одним из этих свидетельств, – не означает примирить свидетельства*». И далее в таком же духе. Соотношение данных Эсхина и Демосфена о Гилоне можно трактовать по-разному, позиция И. Е. Сурикова всего лишь один из теоретически возможных вариантов, не более. Как и предшествующие ученые, я тоже не усматриваю никакого противоречия между рассказами Эсхина и Демосфена, потому что вижу в них два разных эпизода жизни Гилона. Это тем более так, что и по фиксации они разделены 34 годами: речь Эсхина сказана в 330 г., а речь Демосфена против Афоба в 364 г., когда оратор, едва достигши совершеннолетия, только начинал свою взрослую жизнь и трудовую карьеру. И адресат этой речи – недобросовестные опекуны его имущества, отнюдь не Эсхин, который вообще ещё прозябал в безвестности и Демосфен никак с ним не пересекался[9]. Посему видим первый эпизод из жизни его деда

[8] Имя деда по матери Гилона не названо в § 1–2, где шла речь о долге деда, но в § 3 появляются дед по отцу Демохар и сын его Демосфен-старший (отец оратора), так что контекст § 1–3 определенно свидетельствует: под должником Афоб подразумевал Гилона.

[9] Карьера Эсхина началась в 348 г., когда он впервые выступил на народном собрании.

так: когда-то Гилон задолжал полису какие-то деньги, и, если верить Афобу, не вернул долг; по Демосфену, вернул. Второй эпизод (по Эсхину): Гилон оказался виновником сдачи Нимфея врагу, был привлечен к суду, но, не дожидаясь решения, прибывает (ἀφικνεῖται) на Боспор, где получает на кормление (λαμβάνει δωρεάν) от тиранов городок Кепы[10]. Приведем и резонную комбинацию известий Демосфена и Эсхина С. А. Жебелевым [1953, с. 194]: «что вина Гилона (сдача Нимфея. – *В. Я.*) заключалась именно в нанесении материального ущерба Афинам, ясно следует из того, что, как указывает и Демосфен, Гилон состоял государственным должником, т. е. не уплатил того штрафа, к которому присудил его суд». И. Е. Суриков не упоминает этого мнения С. А. Жебелева, и тут самое время сказать о странном замалчивании им статьи этого своего прямого и единственного предшественника по негативной оценке сведений Эсхина [Жебелев, 1953, с. 180–195][11]. Между тем статья Жебелева обширна и насыщена доказательствами, в том числе теми, что даёт и Суриков в качестве своих аргументов. С. А. Жебелев превосходный мастер источниковедческого анализа, таков он и в данной статье, так что Сурикову было, где поучиться филологическому препарированию текста Эсхина. Перед изложением своего мнения он должен был показать читателю, как к выводу о возможной неисторичности Эсхиновой истории с Гилоном пришёл его прямой предшественник (если Суриков абсолютно убежден в неисторичности сведений Эсхина, то Жебелев счел их возможно неисторичными) [12].

[10] Нет ничего необычного в том, что Гилон дважды судим: Демосфен говорит о себе, что его привлекали к суду многократно (XVIII, 83, 222–224, 249 *сл.*). Эпизод со сдачей Нимфея относится к концу V в., что высчитывается по дате рождения Демосфена (384) и отправке Гилоном дочерей с Боспора в Афины для выдачи замуж (стало быть, им лет по 16–20) не позже 400 г.

[11] Что касается историографии исследуемой темы, то И. Е. Суриков по существу ограничился перечнем работ разных авторов в примечании на с. 393, что допустимо. Но статью Жебелева он упомянул лишь в связи с двумя незначительными деталями.

[12] Филологической фундированности статьи Жебелева не мешает отмеченная выше ее ангажированность, обусловленная идеологическими обстоятельствами первой половины 1930-х годов. Жебелев служил в ГАИМК'е и, памятуя, что руководство наукой, в особенности гуманитарной, осуществлялось в 1922–1933 гг. отделом Наркомпроса Главнаукой, надо отметить, что либерального А. В. Луначарского заменили в переломном 1929 г. на посту наркома просвещения профессиональным партработником А. С. Бубновым, недоучкой Сельскохозяйственного института, который и развернул интенсивную идеологизацию научной работы. Она причинила колоссальный вред и нашей науке, и самим ученым в 1930–1960-х, лишь с 1970-х идеологизация несколько смягчилась, но у бывалых ученых оставался страх допустить какой-нибудь идеологический промах, в особенности у тех, кто добился мало-мальски привилегированного положения – был доктором наук (зарплата их была достаточно высока) и членом Ученого совета (как говаривала покойная Елена Сергеевна Голубцова, в Академии наук человек начинается с доктора). Они боялись потерять свои мелкие привилегии; например, в Институте всеобщей истории Академии наук СССР, где я служил с 1968 по 1994 г., привилегией зарубежных командировок пользовалась только небольшая группа докторов наук, членов Ученого совета (но не все), в связи с чем, упомяну личный опыт. Три года я много и упорно работал в аспирантуре над кандидатской диссертацией о греческой колонизации в эпиграфических источниках (заплатил за это здоровьем), защищал её на Ученом совете в 1971 г. Мой основной оппонент (и приятная соседка по местожительству) Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек, крупный филолог-классик (в молодости она слушала лекции самого Ульриха Виламовица), так оценила её в приватной беседе: «Валерий, ваша диссертация по содержанию докторская, ей лишь не хватает важности изложения.» В ходе защиты кто-то спросил, почему у меня в диссертации отсутствует повсеместно известная цитата из Карла Маркса о греческой колонизации. С непосредственностью начинающего честного ученого я ответил, что не до конца понимаю смысла того, что Маркс туда вкладывал; поскольку он написал это молодым, думаю, он не вполне представлял себе существа вопроса. В зале повисла тишина. Тем не менее, защита завершилась успешно. А после ученый секретарь института Николай Петрович Калмыков, глубоко порядочный человек, сказал мне: Валерий, вам повезло, что большинство членов Ученого совета уехало с утра встречать французскую делегацию и поэтому проголосовало заранее; если бы

Еще одно свидетельство внутренней недостоверности данных Эсхина о Гилоне и тем самым общей их неисторичности И. Е. Суриков усмотрел в его известии, порочащем мать Демосфена Клеобулу: как дочь природного афинянина Гилона и боспорской скифянки, отмечает он, Клеобула тоже скифянка, но по закону афинским гражданином считается лишь тот, у кого оба родителя афиняне, так что, будь сведения Эсхина о матери Демосфена правдивы, последний не был бы афинским гражданином; при этом И. Е. Суриков оперирует законами VI–V вв. о правилах получения афинского гражданства [с. 402–403]. Если перейти от обильных у Сурикова аккламаций и визионерства (ограничимся одной цитатой: «*в условиях афинского полиса никак нельзя было «провернуть» подобные браки кулуарно, без огласки. Об этом немедленно стало бы известно согражданам… за этим в Афинах следили очень строго*») к реалиям, то отметим, что дети от браков афинского гражданина с неафинянкой (юридически они νόθοι) отличались от полноправных детей афинянина и афинянки (γνήσιοι) в основном ограничениями в области наследования имущества, «однако на практике эти ограничения совершенно сглаживались, так что уже в доперикловские времена между γνήσιοι и νόθοι не существовало различия» [Латышев, 1997, с. 190]. Нам достаточно напомнить, что у Кимона (род. в 504 г.), сына Мильтиада, мать была фракийская принцесса, также у родившегося в 460 г. его родственника Фукидида мать была того же имени и происхождения (*Plut*. Cim. 4, 1). Проблем у Кимона и Фукидида с афинским гражданством, как известно всем, но не Сурикову, не было[13], и потому сей его аргумент вовсе не опровергает свидетельства Эсхина о скифском происхождении матери Демосфена и его самого, тем более, что и Динарх в речи «Против Демосфена» (§ 15) обозвал противника «скифом», а по Плутарху (*Dem*. 3, 4), Демосфен и Цицерон «оба поднялись от безвестных и ничтожных» (ἐκ μὲν ἀδόξων καὶ μικρῶν).

Следующий довод ложности данных Эсхина о деде Демосфена и матери И. Е. Суриков усмотрел в практике аттического судопроизводства; он в общем правильно пишет, что ложь по адресу противника была в обыкновении на судебных слушаниях, но крайне странно его заключение, что «*во время суда не было никакой возможности доказать истинность или ложность предъявляемых обвинений*» [с. 403]. Этим самым он лишил смысла все аттическое судопроизводство. Но поскольку оно действовало веками, значит, смысл в нём был. Да, отсутствие допроса обвиняемого и обвинителя, а также свидетелей, в ходе судебного заседания, на что упирает И. Е. Суриков, было его недостатком, но и набор других инструментов был действенным: достаточно прочесть любую речь Демосфена, чтобы убедиться – правота или ложность оратора устанавливается частыми показаниями (не допросом) свидетелей и зачитыванием документов (их собирали до суда и опечатывали в ящике). Мнению Сурикова противоречит и сам финал данного

они присутствовали при вашем ответе о Марксе, они бы из чувства самосохранения проголосовали «против». Вот такие нравы были еще в 1971 г., когда давно не было никаких репрессий, но были у небольшой части ученых мелкие привилегии, за которые они похоронили бы любой научный труд (даже сам «Капитал» Маркса), если б он хоть чуточку мог угрожать их личному положению. Я не был членом КПСС, напротив, всегда был её оппозиционером (активно участвовал в московских демонстрациях против её всевластия в 1988–1990 гг.), но высоко чту Карла Маркса как величайшего ученого XIX в. в области гуманитарного знания.

[13] У Кимона были проблемы с этим из-за долга отца, Мильтиада, который пал на него как на наследника, но их решил богач Каллий, уплатив долг ради брака с дочерью Мильтиада Эльпиникой (*Plut*. Cim. 4, 4).

процесса: обвинения Эсхина по адресу Ктесифонта и Демосфена признаны судом, представительным по числу заседателей (201 или более) недостоверными, обвинитель не набрал даже 5% голосов, вследствие чего отправился в изгнание. Рассказывающий об этом Плутарх (Dem. 15, 4–5; 24) восхищается благородством судей: такое решение было принято в условиях полного господства промакедонской партии в Афинах.

Обвинения Эсхина и Демосфена в низком происхождении родителей взаимны. По Эсхину, Демосфен наполовину варвар, ибо мать его и бабка по матери скифянки, а по деду Гилону он сын предателя (в ораторском запале Эсхин даже говорит о предках-предателях у оппонента). Демосфен не остался в долгу: в сказанной на том же процессе 330 г. речи в защиту Ктесифонта (XVIII, 129–131) он утверждал, что отец Эсхина Атромет раб, добившийся афинского гражданства, стало быть, таков и Эсхин, а мать его Эмпуса бывшая проститутка[14]. И. Е. Суриков счел то и другое вымыслом обоих противников, старавшихся очернить друг друга, это-де топой – принятые у ораторов приемы диффамации супостата клеймами «*предатель*», «*раб*», «*варвар*»; если речь о женщине, она непременно «*проститутка*». Он приводит решающий, на его взгляд, довод своим заключениям: в сказанной 13 годами ранее речи Демосфен характеризует родителей Эсхина гораздо сдержанней (XIX, 249): «его мать, совершая таинства и очищения и пожиная плоды с имущества обращающихся к ней, воспитала такими важными этих вот сыновей, и что отец его, обучая грамоте, как я слыхал от старших, возле святилища героя Врача, как мог, все-таки жил у нас в городе, а сами они (сыновья), будучи подписарями и прислуживая при всяких должностях, скопили деньги и вот, наконец, выбранные вами в секретари, в течение двух лет кормились в толосе, а этот вот теперь был отправлен отсюда в качестве посла»[15]. И. Е. Суриков признает, что за прошедшие 13 лет отношения между Эсхином и Демосфеном резко накалились, и нападки их друг на друга стали «*менее сдержанными*» [с. 406]. Но вместо того, чтобы так и объяснить сдержанность здесь и развернутые обвинения в речи XVIII возросшим накалом страстей, он приписал «ожесточенность» характеристики родителей Эсхина в речи 330 г. использованному

[14] «(129) Хотя я не вижу трудности относительно того, что мне сказать про тебя и про твоих, но я затрудняюсь насчет того, о чем упомянуть в первую очередь – о том ли, что твой отец Тромет был рабом у Эльпия, державшего школу грамоты возле храма Тезея, и носил толстые колодки и деревянный ошейник, или о том, что мать твоя, занимавшаяся среди бела дня развратными делами в лачужке возле героя Каламита, воспитала из тебя хорошенького куклёнка и превосходного… тритагониста? Но об этом все знают, если даже я не буду говорить. Или, может быть, сказать о том, как флейтист с триеры Формион, раб Диона, фреаррийца, дал ей подняться от этого прекрасного ремесла? Но, клянусь Зевсом и другими богами, боюсь, как бы не показалось, что я, рассказывая, как подобает, про тебя, выбрал речи, не подобающие мне самому. (130) Так лучше уж я оставлю это и начну прямо с того, как он жил сам. Ведь он был сыном не обыкновенных людей, а таких, которых народ предает проклятию. Он когда-то поздно – поздно, говорю я? – да нет, всего только вчера, совсем недавно, сделался сразу и афинским гражданином, оратором и, прибавив два слога, отца своего из Тромета [Τρόμης «Трепещущий»] сделал Атрометом [Ἀτρόμητος «Бестрепетный»], а мать очень тожественно назвал Главкотеей [Γλαυκοθέα «Блистающая богиня»] – ту, которую все знают под именем Эмпусы [Ἔμπουσα «Призрак»]; это прозвище ей дали, очевидно, потому, что она всё делала, и всё позволяла с собой делать, становилась, чем угодно – иначе от чего же другого? (131) Но все-таки ты настолько неблагодарный и негодный от природы, что, сделавшись благодаря вот им [народным заседателям] свободным из раба и богатым из нищего, не только не питаешь к ним благодарности, но отдал себя внаймы [македонцам] и направляешь свою политическую деятельность против них» (перевод С. И. Радцига [Демосфен, 1996, с. 250], с нашими пояснениями в квадратных скобках).

[15] Перевод С. И. Радцига [Демосфен, 1996, с. 376].

Демосфеном приёму псогоса – риторического жанра «хулы», построенного на перечисленных выше топой. В результате он заключил, что известия обоих ораторов о родителях противника вымышлены (он даже гневается: рассказ Демосфена о родителях Эсхина «*просто нельзя назвать иначе, как самой гнуснейшей ложью*» [с. 405]).

Увы, все это по жанру всего лишь «научпоп». Как и в случае с пассажем из речи Эсхина о деде и матери Демосфена, он не удосужился ознакомиться с контекстом пассажа Демосфена о родителях Эсхина в речи за Ктесифонта (XVIII, 129–131). А мы рассмотрим и его: контекст указанных §§ 129–131 состоит из 3 блоков[16]. Блок 1 составляют §§ 53–109, в них Демосфен показал несостоятельность основных обвинений Эсхина, и он полон конкретики: оратор подробно говорит о военно-политических событиях противостояния Афин агрессии македонян и своей роли в них – освобождение Евбеи, спасение Византия и Херсонеса, за свою деятельность он удостоен первого увенчания; в §§ 95–101 он отмечает значение своего законопроекта о триерархии. Отсюда логически проистекает блок 2 (§§ 110–125): закономерность предложения Ктесифонта об увенчании Демосфена, причем в театре. Тут Демосфен указывает на неприменимость закона, на который ссылается Эсхин, а что до увенчания в театре, то и это практикуется (§ 120). Поэтому обвинения Эсхина просто брань, вызванная завистью, заключает Демосфен; раз Эсхин перешёл на личности и распространяет ложь, то и мы посмотрим, кто он такой (§§ 121–128). Отсюда логичен блок 3 (§§ 126–140), в котором Демосфен указывает на низость происхождения Эсхина и разоблачает его предательскую политику. По его словам, отец Эсхина бывший раб, а мать занималась проституцией (приведенные выше §§ 129–131). Для человека такого происхождения естественно предательство, – констатирует Демосфен, и далее обвиняет Эсхина в предательской политике по подписанию мира с Македонией в 346 г., разоблачает его покровительство тройке диверсантов, орудовавших в Афинах, возлагает на Эсхина и вину за разжигание войны амфиктионов против Амфиссы (§§ 132–140). Как видно, личностного характера выпад Демосфена против Эсхина о его низком происхождении логично встроен в рассказ о его враждебной интересам Афин промакедонской деятельности, также в показ юридической неправомочности иска.

Демосфен перемежает фактические события, резко негативную оценку роли Эсхина в них и диффамацию противника (в этом отношении речи Демосфена и Эсхина по взаимным обвинениям зеркальны). Демосфен сам не раз говорит о враждебности их личных отношений, но каждый раз сопровождает это конкретными примерами – разной ролью их обоих в военно-политических событиях того времени. Поскольку канва обвинений Демосфена следует исключительно в русле юридической конкретики и только реальных политических и военных событий, нет оснований вместе с И. Е. Суриковым видеть выдумку и в его рассказе о родителях Эсхина. Демосфен показал, как со временем всё больше и больше промакедонская политика Эсхина наносила вред Афинам, отсюда понятно, что враждебные личные взаимоотношения обоих политиков возникли не вдруг, а прошли своё развитие – от сдержанных в 343 г., вскоре после Филократова мира (речь Демосфена XIX о преступном посольстве), до открыто враждебных в 330 г. (речь Эсхина против Ктесифонта, *sc.* против Демосфена, речь Демосфена XVIII

[16] *См.* план речи XVIII [Демосфен, 1996, с. 549], там это блоки II, III, IV.

за Ктесифонта). Этим и объясняется разный «градус» характеристики родителей Эсхина в 343 и 330 годах. Однако подчеркнем, что в обоих случаях она нелицеприятна: уже в 343 г. Демосфен обвинял мать Эсхина в причастности к казни жрицы Нино, уничижительно отозвался об обоих родителях и их сыновьях[17]. Он указывал на обогащение матери от должности жрицы (XIX, 249: «его мать, совершая таинства и очищения и пожиная плоды с имущества обращающихся к ней»), а об отце говорил с пренебрежением: «отец его, обучая грамоте, как я слыхал от старших, возле святилища героя Врача, как мог, все-таки жил у нас в городе». Отметим, что выражение «как мог, все-таки жил у нас в городе» определенно указывает на положение отца Эсхина как некоренного жителя Афин: он приезжий, метек, поэтому понятно, что в пору открытой и ничем не сдерживаемой вражды с Эсхином 13 лет спустя, в 330 г., Демосфен говорит о его отце уже не как о метеке, но как о рабе. И это может иметь свои основания, чтобы быть реальностью, ибо в Греции IV в. известны персонажи, прошедшие через состояния раб → вольноотпущенник → метек → гражданин (достаточно упомянуть хорошо знакомого нам по речам Демосфена Формиона, проделавшего весь этот путь). Обретение афинского гражданства метеками и вольноотпущенниками вовсе не было недостижимо: достаточно указать, что метек-банкир Пасион, редкий выжига и потому герой обличительных речей Исократа (XVII) и Демосфена (XLVI и др.), получил афинское гражданство за заслуги по триерархии и пр. в 370 г., соответственно, получили гражданство и его сыновья Пасикл да Аполлодор[18]. Пасионов раб Формион обрёл гражданство в 361 г. (*Dem*. XXXI, 56–57; XLV, 71–81, 85) [Глускина, 1975, с. 74]), и было это как раз в те годы, когда и Демосфен превратился из эфеба в афинского гражданина (366 г.)[19]. Позднее, уже по предложению Демосфена, получили гражданство также трапезиты Конон и Эпиген, торговец рыбой Херефил и трое его сыновей (*Din*. I, 43). Как обычно, законы диктуют одно, а жизнь другое, коли претендент на гражданство при больших деньгах (по словам сына Пасиона Аполлодора, Формион купил гражданство за деньги: *Dem*. XLV, 81), так что на самом деле нет ничего невозможного в известии Демосфена о рабском статусе (при нашей поправке, что он метек) отца Эсхина: сын его сколотил достаточное богатство, чтобы оформить отцу и себе афинское гражданство[20].

[17] XIX, 281: «ну, а как же после этого вы отнесетесь к сыну Атромета, учителя грамоты, и Главкотеи, собиравшей сонмища, из-за которых была казнена другая жрица, неужели же вы, захватив его, сына таких родителей, человека, ни в чем не оказавшегося полезным для государства, ни лично, ни по отцу, ни по кому-либо из родственников, все-таки оправдаете?» (перевод С. И. Радцига [Демосфен, 1996, с. 386]).

[18] Аполлодор говорит о себе и брате: «мы, получившие гражданство» (*Dem*. XLV, 78: ποιητοί).

[19] Есть примеры получения афинского гражданства и видными ораторами неафинского происхождения: отец Деметрия Фалерского, разбогатевший раб, купил гражданство; экклесия предоставила гражданство и Лисию, но из-за бюрократических препон легитимизация была отменена.

[20] По словам Демосфена (XVIII, 130–131), Эсхин «только вчера, совсем недавно сделался и афинским гражданином и оратором… сделавшись свободным из раба и богатым из нищего». Указание на недавнее время этого (относительно 343 г., когда сказана речь) подразумевает время незадолго до середины IV в., так как с 348 г. Эсхин участвует в политике. В глазах И. Е. Сурикова отец Эсхина – «*человек достойный и почтенный*». *Больше того, «он был достаточно знатен (имел какое-то отношение к древнейшему роду Этеобутадов)*» [с. 404–405]. Однако в Псевдо-Плутарховой биографии Эсхина (VI, 1), весьма положительной по отношению к нему, говорится иначе: «Ни по происхождению, ни по богатству он не принадлежал к знати» [Греческие ораторы, 1962, с. 245]. К роду Этеобутадов принадлежал оратор Ликург и это явствует не из намёков или домыслов, как об отце Эсхина, а из ясных свидетельств (*Ps. – Plut*. Vitae X or. VII, 1, 47–48 [Греческие ораторы, 1962, с. 241, 243]).

Правдивость рассказа Демосфена о родителях Эсхина явственно следует из его насыщенности детальной конкретикой, которая делает сущность его сведений истинной или близкой к истине. Рассмотрим эти подробности. По словам Демосфена, отец Эсхина был рабом у Эльпия, который держал школу грамоты около храма Тезея. Это прямо на Афинской агоре, так что школу Эльпия и её работников в городе знали все, и потому для лжи Демосфену надо было бы придумать что-либо не столь известное. В § 284 этой же речи XVIII Демосфен назвал мать Эсхина тимпанисткой, что соответствует раннему указанию оратора (XIX, 199, 249), что она состоит при святилище («совершает таинства и очищения»). Тимпанистки с бубном были непременными участницами оргиастических культов Диониса, Кибелы, Сабазия и пр. Согласно указанию «Жизнеописания оратора Эсхина» [Греческие ораторы, 1962, с. 246], мать его (имя её Главкида, Главкотея) «посвящена в вакхические таинства», а эти всепьянейшие действа, как известно, сопровождались половым разгулом. В § 199 Демосфен как раз и говорит об этом, намекая, что опившиеся мужики «пользовали» при этом и мальчонку Эсхина. Стоит привести этот текст: «А разве не знают присутствующие здесь, что ты первоначально читал книги, прислуживая матери, когда она совершала таинства, и мальчиком вращался на сонмищах и среди пьяных людей?»[21]. Эсхин родился в 389 г., стало быть, мальчик он ок. 380–375 гг. Речь сказана в 343 г., разница лет в 35. В гелиасты избирались люди от 30 лет и старше, часто от 60 лет, так что пожилые гелиасты действительно помнили жизнь 35-летней давности, стало быть, Демосфен не мог лгать, не опасаясь разоблачения[22].

Из всего сказанного явствует, во-первых, правдивость рассказа Демосфена о «трудовой» деятельности Главкиды (об этом свидетельствует и указание точного адреса её «работы» – в хибаре возле героона Каламита[23]); во-вторых, получает согласование известие Демосфена, что от ублажения клиентов за деньги её избавил галерный флейтист Формион, раб Диона из дема Фреарры (опять ряд детальных указаний!). Как известно, именно игра флейтистов (а не кифаристов или прочих музыкантов) сопровождала дионисийские действа, так что очень вероятно, что до работы на триере флейтист Формион музицировал на них вместе с Главкидой, и это может верифицировать упоминание его Демосфеном как содержателя Главкиды: поднакопив на триере денег, он стал, так сказать, её единственным клиентом. Точно и упоминание ранней работы Эсхина на театральных подмостках в третьестепенных ролях – в качестве тритагониста: об этом сообщают все шесть биографий Эсхина [Греческие ораторы, 1962, с. 245–249].

Обратим внимание и на то, что Демосфен руководствуется в рассказе о родителях Эсхина значением их личных имен. Для этого еще раз процитируем его (XVIII, 130): Эсхин «совсем недавно сделался сразу и афинским гражданином, оратором и, прибавив

[21] Пер. С. И. Радцига [Демосфен, 1996, с. 362]. Тимпанистки непременно приплясывали с бубном. Из трактата Лукиана «О пляске» известно, что к танцам разного рода было различное отношение; одно из мнений (§ 1) – пляска дурное и женское занятие.

[22] Оратор Ликург в речи 331 г. до н. э. «Против Леократа» (§ 93) обращается к судебным заседателям: «Кто из старшего поколения *среди вас* не помнит, а из младшего не слышал, как Каллистрат… ».

[23] Упомянутый Аполлоний указывает точнее: Главкотея служила в публичном доме близ героона Каламита [Греческие ораторы, 1962, с. 246].

два слога, отца своего из Тромета сделал Атрометом, а мать очень торжественно назвал Главкотеей – ту, которую все знают под именем Эмпусы; это прозвище ей дали, очевидно, потому, что она всё делала, и всё позволяла с собой делать, становилась, чем угодно – иначе от чего же другого?». Личные имена Тромет и Атромет уникальны, это прозвища, оба образованы от существительного τρόμος «дрожь, трепет», глагола τρομέω «дрожать, трепетать», так что Τρόμης – это «Дрожащий», «Трепещущий», Ἀτρόμητος «Бестрепетный»; по смыслу Τρόμης рабское прозвище, если только Демосфен не произвел этимологическую операцию и не создал от действительного имени Ἀτρόμητος [LGPN II, 77] бесспорно рабское имя-клон Τρόμης «Дрожащий», «Трепещущий». Демосфен и пять биографий Эсхина называют его мать Главкотеей, лишь Аполлоний в биографии Эсхина отмечает, что «некоторые *писатели* именуют ее Главкидой» [Греческие ораторы, 1962, с. 246]. Имя Главкотея тоже уник, согласно «Большому этимологику», Γλαυκοθέα «Блистающая богиня» – смысловой аналог теонима Λευκοθέα [Pape, Benseler, 1884, S. 251]; поскольку рабам давались имена-теонимы и ввиду уникальности имени Главкотея можно думать, что мать Эсхина была рабыней. Об этом прямо говорит Аполлоний в биографии Эсхина, использовавший наряду с данными Демосфена еще одну традицию с нелицеприятным родословием Эсхина; Свида в статье об Эсхине тоже упоминает «некоторых писателей, которые утверждали, что родители его были рабами»; энциклопедист Фотий назвал её происхождение темным [Греческие ораторы, 1962, с. 246, 248–249]. На это же указывает приведенное Демосфеном и «Жизнеописанием оратора Эсхина» [Ib., с. 246] прозвище матери Эсхина Эмпуса. Это имя мифологического существа, спутницы Гекаты, и автор упомянутого «Жизнеописания» поясняет: «Главкотея была прозвана Эмпусой за то, что устремляясь из тёмных мест, она пугала детей и женщин,Ἔμπουσα означает ночное видение», т. е.Ἔμπουσα – это «Призрак», «Привидение». Эту же этимологическую тему смысла имени развивает и Демосфен, но увязывает его с занятием проституцией: отец Эсхина её «очень тожественно назвал Главкотеей – ту, которую все знают под именем Эмпусы; это прозвище ей дали, очевидно, потому, что она всё делала, и всё позволяла с собой делать, становилась, чем угодно – иначе от чего же другого?». Наличие у матери Эсхина дополнительного к личному имени прозвища, причем теонимического, определенно указывает на статус её как гетеры: именно у гетер наряду с личными именами были и прозвища, под которыми они в основном и слыли [Hirzel, 1927, S. 70–80; Яйленко, 2010, с. 187–188].

Как видно, не только контекст, но и детальные подробности подтверждают основную канву рассказа Демосфена о родителях Эсхина, что элиминирует вердикт И. Е. Сурикова об его лживости.

В заключение обзора статьи И. Е. Сурикова о Гилоне – о мелочах. Настораживает первая же фраза: «*У афинянина Гилона – своеобразная «историографическая судьба». Многие зарубежные антиковеды даже не подозревают о его существовании*» (с оговоркой: кроме тех, кто занимался Северным Причерноморьем). Это заявление и странное по сути (понятно, что Гилон фигура несопоставимая по известности среди антиковедов сравнительно, к примеру, с Кимоном или Периклом) и ошибочное: о Гилоне писали помимо специалистов по Северному Причерноморью также издатели текстов этих ораторов (например, Ф. Бласс [Demosthenes, 1893, p. 3–4]), биографы Демосфена (напр. [Schaefer,

1889, S. 264]), историки Афин (например, А. Бёк, У. Карштедт и др.) и общих курсов по истории Греции (Г. Грот, Г. Бузольт, Э. Мейер и пр.)[24]. Понятно и то, что этим заявлением И. Е. Суриков намекает на изолированность фигуры Гилона, на что направлено и следующее вслед за этим его утверждение, будто все другие сообщения источников о Гилоне восходят к Эсхину. И оно справедливо лишь отчасти: биографии Демосфена не только сообщают данные, отсутствующие у Эсхина (как имя матери Демосфена Клеобула у Зосима Аскалонского), они и текстуально иные (как анонимная биография Демосфена)[25], вследствие чего первое и второе восходит к другой традиции. Это тем более так, что и шесть известных нам биографий Эсхина составляют 3 группы – одна проэсхиновская, другая настроена критично к нему, третья нейтральна[26]. Цель этого не очень корректного по фактологии вступления И. Е. Сурикова очевидна: все, что известно о Гилоне и Нимфее, восходит к одному Эсхину, а тот придумал этот рассказ для диффамации предков Демосфена, следовательно, эпизод неисторичен.

Все изложенное подводит к мысли, что И. Е. Суриков не просмотрел целиком ни одной речи Эсхина и Демосфена, потому в его статье отсутствует разбор контекста рассмотренных им пассажей оттуда; у него в обыкновении идти от историографии, а не от источников. Поскольку в источниковедческом отношении статья его ущербна, а суждения, как мы показали, поверхностны, вывод, существенный для специалистов по Северному Причерноморью, однозначен: попытка Сурикова вычеркнуть известие Эсхина о Гилоне и Нимфее из числа исторических событий безосновательна.

2. Страсти по Фанагору, Гермону, Гермонассе.

В большой по объему статье «Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы» И. Е. Суриков [2012, с. 440–469] отмел сообщения Арриана и Гекатея об основателях названных городов Фанагоре и Гермоне как мифологические и счел, что имена городов представляют собой эпиклесы Аполлона и Гермеса. Напротив, явно произведенное на свет народной этимологией имя жены ойкиста Семандра Гермонассы он счел реальным. Хотя заголовок статьи обещает топонимическое и этимологическое исследование, это сочинение историка и по истории, ибо собственно этимологиям уделены 2 страницы [463–464]. Начал он с критики моих соображений о колонизационных предприятиях эолийцев на Тамани и в Нижнем Поднестровье [Яйленко, 1982, с. 270–275; Суриков, 2012, с. 442–446]. Мою посылку, что Гермонассу основали эолийцы во главе с Семандром и ионийцы под началом Гермона (это объединение известий Арриана и Евстафия)[27],

[24] *См*. эти библиографические указания В. В. Латышева [1909, с. 74], С. А. Жебелева [1953, с. 189–190].

[25] «Афинянин Гилон, возбудив, я думаю, зависть своими доблестями (это чувство весьма обычно в Афинах), был обвинен в том, что предал Нимфей, местечко в Понте. Будучи обесславлен обидою обвинения, а, может быть, и испугавшись сикофантов (их шайка сильна в Афинах), он не дождался их суда и удалился *из отечества* раньше обвинения. Прибыв в Скифию, он женился на дочери одного из туземцев, взяв за нею большое приданое. Родив и воспитав двух дочерей, он, по достижении ими брачного возраста, приготовил им приданое и отправил в Афины» (SC 1, p. 369 = ВДИ. 1947. 3, с. 239; здесь же и отрывок из биографии Демосфена Зосима Аскалонского).

[26] Положительно рисует образ Эсхина лишь Псевдо-Плутарх, критически к нему настроены Аполлоний, Свида и автор биографии Эсхина, нейтрально – Фотий, авторы введения к речам Эсхина и папирусной его биографии [Греческие ораторы, 1962, с. 244–249].

[27] Тексты Арриана и Евстафия даем ниже. Я отнюдь не первый, *см*., к примеру, у С. А. Жебелева [1953, с. 65–68]: Гермонассу основали ионийцы Гермона, к ним присоединилась часть эолийцев Семандра.

он оспорил: при равенстве прав двух вождей колонистов один из них не мог допустить, чтобы колонию назвали именем другого (*sic!*). Он пишет: «*как допустил бы один из ойкистов, чтобы в названии отразилось только имя второго?! Вопрос представляется вполне риторическим. Если бы Гермон «монополизировал» право быть эпонимом, Семандр воспринял бы это как чудовищное унижение для своего престижа и никак бы ничего подобного не допустил. Апойки-эолийцы, понятно, поддержали бы своего вождя, и опять же, если бы консенсус не был достигнут, – колония немедленно распалась бы на две. А этого, как известно, не произошло. Из этого и приходится исходить, хотим мы того или не хотим*» [с. 442–443]. Как видно, мой тезис Суриков развенчал не серьезным анализом (например, источниковедческой штудией, как у С. А. Жебелева), а патетикой и визионерством: он будто лично знал обоих основателей Гермонассы («*как допустил бы один из ойкистов, чтобы в названии отразилось только имя второго?!*»), известен ему и крутой нрав Семандра (он не потерпел бы «*чудовищного унижения своего престижа*»), знакома И. Е. Сурикову и беззаветность эолийских апойков (они «*понятно, поддержали бы своего вождя*»). Пусть читатель судит сам об уровне историчности приведенных цитат, что же до меня, то экзерсисы их автора вызывают досаду незнанием колонизационных реалий, о которых он трактует. Тут же он пишет: «*если полис имел двух ойкистов, то, само собой, предполагается, что они пользовались тождественным статусом, были равны друг другу. Иных вариантов история эллинской колонизации не знает. Да и невозможно представить, чтобы при отправке экспедиции назначался один «главный» или «первостепенный» ойкист и один «подчиненный» или «второстепенный». Это противоречит всему, что мы знаем об агональном менталитете античных греков…* ». Да нет, древность-то знала, это профессор Суриков не знает, что у ойкиста в колонизационную эпоху порой был помощник – συνοικιστήρ «сооснователь» (примеры: LSJ, *s. v.*). Так, при ойкисте Сиракуз Архии сооснователем был Агесий из аркадского жреческого рода Иамидов (*Pind*. Ol. 6, *ср*. *Thuc*. VI, 3, 2; *Strabo*, VI, 2, 4).

И. Е. Суриков критикует мою конструкцию, в которой я объединил в одно целое в качестве колонизационных предприятий экспедиции Гермона и Семандра таманскую Гермонассу, соименный полис близ Трапезунта и «селение Гермонакта» у Днестровского лимана. Ему кажется странным, что экспедиция эолян «*без особых резонов бороздит весь Понт из конца в конец*» (опять ему всё известно, поскольку он утверждает, что не было у них причин бороздить Понт), а если они покинули только что основанную Гермонассу, то «*как объяснить дальнейшее процветание одного из крупнейших городов Азиатского Боспора?*» Отвечаю: во-первых, основную массу колонистов составили (как и во всем Черноморье) ионийцы, что, как сказано, давно выяснено и, добавим, на что указывает ионийский характер гермонасских надписей по IV в. включительно, эолийские надписи единичны. Во-вторых, есть общеизвестные примеры ухода части колонистов из основанной колонии, которая в дальнейшем, тем не менее, процветала. Так, часть отправившихся из Коринфа переселенцев осталась на Керкире осваивать остров во главе с Херсикратом (и Керкира была богатейшим полисом: *Thuc*. I, 25, 4), другие отплыли на Сицилию, где основали Сиракузы (тоже богатые: *Thuc*. VI, 20, 3 *etc.*). Халкидяне во главе с Фуклом основали на Сицилии Накс, через 5 лет Леонтины, а затем Катану (*Thuc*. VI, 3–4; *Strabo*, VI, 2, 4); уход части халкидян из Леонтин в Катану, также мегарян в Гиблею, не помешал процветанию Леонтин. В-третьих, утверждение о Гермонассе

как «*одном из крупнейших городов Азиатского Боспора*» – фантом времен В. Д. Блаватского, не ставший археологической реальностью: даже со своим двухметровым культурным слоем VI–V вв. до н. э. она не была городом, ибо строительные остатки в нём ничтожны[28].

Впрочем, все это цветочки исторических познаний критика (иные мы рассмотрим далее): «*перейдём теперь к доводам, связанным с лингвистикой*», – приглашает он. Я писал, что женское имя Ἑρμώνασσα у Арриана – продукт народной этимологии: в названии города Ἑρμώνασσα увидели слово ἄνασσα «владычица», вследствие чего топоним был понят в древности в качестве женского имени, это и породило легенду о некой Гермонассе, якобы правившей в названном по её имени городе. Такое понимание ошибочно, добавил я: во-первых, топоним Ἑρμώνασσα не входит в группу *composita* со словом ἄνασσα, так как её второй компонент – топоформант -ασσα, во-вторых, ни одно из женских имен такого рода[29] не стало топонимом. И. Е. Суриков оспорил оба эти аргумента [с. 444–445]. По причине непрофессионализма его критики достаточно рассмотреть и один. Топоформант (суффикс) -ασσ-α, полагает он, вовсе не является таковым, ибо Ἑρμώνασσα – это женская форма мужского имени Ἑρμώναξ (*gen*. -ακτος), содержащая слово ἄνασσα «владычица». Иными словами, Суриков разделяет мнение Арриана, что название города Гермонасса представляет собой женское имя (так думали вплоть до Ф. Бехтеля). Это свидетельствует об отсутствии у критика, взявшегося писать о топонимике, знакомства с малоазийско-балканско-черноморской топонимией, в которой сотни названий имеют суффикс -σσ- (или -ττ-, с предшествующей гласной α, ι *etc.*, и окончанием -α, -ος *etc.*, т. е. -ασσα, -εσσα, -ισσος и пр.). В Греции таких топонимов 70, во Фракии сотня, в Малой Азии и по всему Средиземноморью им несть числа [Гиндин, 1967, с. 60–64; Откупщиков, 1973, с. 14–15], в Северном Причерноморье известны также Антисса, Асса, Ниосс, Описсас, Спадуса с этим формантом. Но важнее другое: среди сотни composita с -ανασσα, -ωνασσα, -αναξ, -ωναξ топонимов нет (Гермонасса оказывается единичным случаем; название города в Бактрии Ἐβουσμουάνασσα ἢ Τουσμουάνασσα негреческое и потому в эту группу не входит) [Hansen, 1958, S. 42, 120–121]. Так как Гермонасса топоним, по данной причине это, во-первых, не может быть ни личным именем, ни эпиклесой божества, во-вторых, подтверждается, что Ἑρμώνασσα не входит в число composita с -ανασσα.

У каждой научной дисциплины есть свои обязательные технические процедуры; в ономастике в числе прочего обязательно, при наличии массового материала, выявление узуса, частотности, сочетаемости и пр. И. Е. Сурикову они неведомы (в его большой статье, посвященной названиям городов, нет ни одной ссылки на работы по топонимике!)[30]. Отсюда

[28] [Блаватский, 1985, с. 209; Финогенова, 2005, 2006], *ср.* скепсис А. А. Завойкина [2013, с. 204–205]. Раскопщик Гермонассы И. С. Финогенова [2006, с. 337, 348], объяснила скудость её строительных остатков тем, что она была эмпорием.

[29] Личное имя Гермонасса мало распространено, входит в группу *composita* из ἄνασσα «владычица» и соответствующего эпитета: Καλλιάνασσα, Λυσιάνασσα, Ἰφιάνασσα, Ἀρετάνασσα и др., всего 11 [Pape, Benseler, 1884, S. 388; Hansen, 1958, S. 42]. Б. Хансен справедливо не выделил их в отдельную группу, а включил в число имен на -ασσα, чем указал их реальную суффиксацию.

[30] Критик своеобразно опроверг это обстоятельство: «*Приводимые В. П. Яйленко параллели* (он особенно упирает на «Офиусса») *никакими параллелями не являются:* Ὀφιοῦσσα < Ὀφιόεσσα < Ὀφιόεντσα», с примечанием: «*т. е. имеем женский род прилагательного*». Он не понимает, что я вёл речь не о параллелях, а о классе топонимов с суффиксом -σσ- (-ττ-), часть которого составляют названия с негреческими основами, часть с греческими, в последних «консонантная группа -σσ-,–ττ- вполне закономерно возникала и в рамках греческого языка,

и его представление о названии города Гермонасса как женском личном имени, ничем не отличающееся от мнения Арриана. Но если тому за давностью в две тысячи лет народная этимология простительна, то доктору наук такая некомпетентность постыдна[31].

По этой причине здесь можно поставить точку. Но предположим он проницательно решил вопрос об этимологии названий Фанагории и Гермонассы. Посвятив несколько страниц доказательству своей мысли, что в архаическую эпоху основанным городам не давались имена ойкистов (об этом поговорим далее), он заключил, что Φαναγόρεια и Ἑρμώνασσα эпиклесы божеств [с. 464–465]. Ну и ладно, всяко бывает. Правда, обе не засвидетельствованы, но, может быть, его озарило даром предвидения. Однако где обещанные в заголовке его статьи этимологии, которые призваны раскрыть нам истинный смысл названий обоих городов? Увы, тут И.Е. Суриков не превзошёл народную этимологию Арриана. Собственно, этимологиям уделено по небольшому абзацу, так что статья его, немалая по объему, посвящена тому да сему, а в общем ничему: результат предложенных читателю «этимологий» скуден. «*Второй корень*» названия Гермонасса, пишет он, «*происходит от слова «владычица», а первый – либо от имени Гермеса, либо от* ἕρμα». Благоразумно отказавшись от второго решения (все-таки там никак не подходящая основа ἕρματ-), автор новоиспеченной эпиклесы пишет [с. 465]: «*Кто же такая эта «Гермесова владычица»? Варианты настолько разнообразны и, в сущности, почти равноценны, что делать какой-либо выбор из них (во всяком случае, пока) не представляется возможным*». Лукавит Суриков: на деле его «*разнообразные варианты*» свелись к глухой ссылке на эссе Ж. Вернана о Гестии, которая (цитирую Сурикова) «*воспринималась греками как находящаяся в неких парадоксальных связях с Гермесом*». И.Е. Суриков затратил 26 крупноформатных страниц своей статьи на то да се, а дойдя до существа (всё-таки в её заголовке обещана этимология топонимов), отправил читателя к Вернану. Впрочем, читателю никуда отправляться нет резона, ибо на деле никаких «вариантов» с богинями нет, есть

в частности, на стыке согласных основ с суффиксом *-i̯o: *-i̯a. Так, несомненно, чисто греческими являются имена собственные на -όεσσα,–οῦσσα < *-ό-F-εντ- i̯ᾰ, например, Δρυοῦσσα, Οἰνοῦσσα, Σχοινοῦσσα и др. » [Гиндин, 1967, с. 63]. Ясно, что сюда относится и Ὀφιοῦσσα (< * Ὀφιό-F-εντ- i̯ᾰ), так что дело не в том, что как часть речи это прилагательное (ὀφιοῦσσα), на чем настаивает И.Е. Суриков, а в том, что это название входит в большой класс топонимов с суффиксом -σσ-. Соответственно, этим примером не опровергается принадлежность к данному классу также названия Ἑρμώνασσα, чем снимается усмотренный Суриковым компонент ἄνασσα в нем.

[31] При всем этом И.Е. Суриков глубокомысленно выговаривает мне за выражение «суффикс -ασσα»: «*каждому понятно, что сие буквосочетание назвать «суффиксом» никак нельзя, поскольку его последняя гласная уж точно является окончанием, а не частью суффикса*» [с. 444]. Не могу не отдать должное хорошей памяти критика: это он помнит из грамматики русского языка 5 или 6 класса, в которой школяров наставляют, что у слова есть суффикс и окончание. А если бы Суриков был знаком с лингвистической терминологией, то знал бы, что суффиксом называется не только послекорневая морфема слова, но и окончание (*см.*, например, «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой: М. 1966, с. 464). Из этих двух значений термина *суффикс* и происходит двойное его употребление. Сошлюсь на первую попавшуюся под руку книгу – «Палеобалканские языки» В.П. Нерознака [М. Наука, 1978], на с. 42 которой находим «суффикс -ινθ-» и через пару строк «суффикс -ινθος» (то же на с. 55: суффикс -usta; с. 64: «суффикс -ila» и пр., что можно было бы записать и как -usta,– il-a). Так что выговор мне И.Е. Сурикова за «суффикс -*ασσα*» объясняется незнанием лингвистической терминологии. Поскольку я писал о суффиксе -*ασσα* и суффиксе -*σσα*, он требует от меня (цитирую) «*определиться на сей счет»: «какой же из двух вариантов правильный?*» Этим он тоже выказывает свою неосведомлённость даже в лингвистической элементарщине – это один и тот же суффикс. Порой И.Е. Суриков превратно понимает мой текст. Я писал, что народная этимология породила «фиктивное имя эпонима» в названии поселка κώμη Ἑρμώνακτος – как и в топониме Гермонасса, она усмотрела при имени ойкиста Ἕρμων слово ἄναξ (*gen.* ἄνακτος) «вождь, предводитель» [Яйленко, 1982, с. 273]. Он же понял это так, что я вообще сомневаюсь в существовании имени Гермонакт.

всего лишь голословные посулы Сурикова, призванные оправдать открытую им «эпиклесу». Хотя бы по роли Афины в мифологии Геракла мы можем судить, чем и кем должна быть в мифологии Гермеса богиня, чтобы иметь эпитет «Гермесова владычица». В связанных с Гермесом мифах, мантике и прочем ничего подобного нет, потому и писать Сурикову не о чем. Впрочем, и это всё лишнее, так как он неправильно понял даже порожденную им эпиклесу Ἑρμώνασσα как «Гермесова владычица». Он и не подозревает, что тем самым придал смысл господства над богами ряду имен, включающих теоним и слово ἄναξ, ἄνασσα – Διώνασσα, Ἑρμώναξ, Ἡρώναξ, Μητρώναξ, Μοιρώναξ, Ποσειδώναξ [Hansen, 1958, S. 42, 120–121]. Если следовать его пониманию, то и Διώνασσα (< Διο-ανασσα) «владычица Зевса» и прочие – «владыки Геры, Матери, Мойр, Посейдона». И кто же это из богов греческого пантеона? Нет таковых и быть не может. Как имя Διώνασσα «Зевсовладычица» перифрастически означает, что она владычица именем Зевса, так и Ἑρμώνασσα, буде в нём заключено, как счёл Суриков, имя Гермеса, означало бы «Гермесовладычица», т. е. владычица именем Гермеса, а вовсе не *«Гермесова владычица»*. Теоним в казанных именах представляет собой основу род. падежа (Διο-, Ἑρμο-, Ἡρο-, Μητρο-, Μοιρο-, Ποσειδαο-), так что это *gen. auctoris* или *originis*, выражающий происхождение чего либо от кого-либо, в данном случае статуса правителя от соответствующего божества. Кстати, все они только антропонимы, среди них нет ни одной эпиклесы божества [Pape, Benseler, 1884, S. 315, 388, 474, 920, 1241], так что лишь ввиду одного этого обстоятельства идея И. Е. Сурикова о Гермонассе как «Гермесовой владычице» мертворожденная. С точки зрения образования имён мнение И. Е. Сурикова просто непрофессионально. Вот и приходится ставить кавычки при словах «этимология», «эпиклеса».

Может быть, с Фанагорией дело обстоит лучше? Она, согласно И. Е. Сурикову, получила название от острова Φαναγόρα (-η), по которому он воссоздал эпиклесу Φαναγόρης, основа φαν- которой, происходящая от слова φῶς «свет», близка эпитету Аполлона Φαναῖος [с. 464]. Стало быть, в основе названия Фанагория тоже лежит не засвидетельствованная доселе эпиклеса, на сей раз Аполлона. И это решение И. Е. Сурикова бесплодно, во-первых, ввиду безосновательности замены распространенного личного имени Фанагор на не засвидетельствованную эпиклесу, во-вторых, из-за утраты второй основы -αγορη-: о ней ни слова. И промолчал он не случайно, ибо значениям слова ἀγορή – «собрание, стечение людей; место собрания; рыночная площадь» – не место в эпиклесе Аполлона, ибо получается, что он «светлый (варианты: чистый, прославленный: φανός) в собрании (варианты: среди людей, на рынке)». Вытекающее из соединения обеих основ значение «прославленный среди людей» естественно для личного имени мужчин и женщин (*см.* пример с Фанароей – Фанагорией ниже), но проблематично для эпиклесы Аполлона неясностью, чем же он прославлен[32].

[32] Возможно, значение «прославленная среди людей» существовало в топонимике. В провинции Понт есть плодородная долина среди гор, образуемая реками Лик и Ирида, по словам Страбона (XII, 3, 30), она отличается разными достоинствами. Имя долины Φανάροια означает «Прославленная струями» (φανα- и форма от ῥέω «течь»), т. е. упомянутыми реками. Сие название упоминают Страбон, Плиний, Евстафий, но Птолемей дал форму Φαναγορία [Pape, Benseler, 1884, S. 1598]. Это можно объяснить предположением, что по причине своих достоинств долина слыла, как φαναγορία «прославленная среди людей». Видимо, этот эпитет Птолемей дал в качестве имени долины. Известно несколько топонимов со второй основой -αγόρα,–αγόρη [Hansen, 1958, S. 39, 61].

Вообще, обо всем этом можно и не говорить, так как одно лишь употребление основы -αγόρα, -αγόρη, -αγόρας, -αγόρης в ономастике показывает её почти исключительно антропонимический характер: около 150 личных имен, несколько топонимов и ни одной эпиклесы [Hansen, 1958, S. 39, 61, 140, 167][33]. Количественно это настолько репрезентативные данные, что не остается и доли шанса на право существования домыслу И. Е. Сурикова о Φαναγόρης как эпиклесе божества. Результат оказался нулевой, тем более, что получен он путем ничем не оправданной вивисекции – удаления имен ойкистов из названий основанных ими городов, в том числе реального антропонима Φαναγόρης из названия Φαναγόρεια. Рассмотревший вопрос о первоначальной форме названия Фанагория П. Харалампакис отверг суждения И. Е. Сурикова и показал лингвистически чистую связь топонима с именем основателя Φαναγόρης [Charalampakis, 2013, с. 181–184]. Для него, специалиста по исторической географии Греции, это настолько очевидно, что он ограничился одним аналогичным примером: город Византий (τὸ) Βυζάντιον, получил имя полумифического, полуреального (это зависит от упоминающего его источника, замечает Харалампакис) основателя Βύζας (*gen.* -αντος). Поскольку этот пример не бесспорен (хотя известий об основателе предостаточно для контроверсий [Pape, Benseler, 1884, S. 232] и у И. Е. Сурикова [с. 451] есть резон объявить его «мифическим героем»[34]), обратимся к другим материалам.

Свой тезис об отсутствии примеров наречения города именем ойкиста в архаическое время И. Е. Суриков [с. 451–457] построил на критике статьи И. Малкина, который утверждал, что в ряде случаев такое имело место [Malkin, 1985]. Статья Малкина слабая, бить слабого легко, но в ряде случаев и критика Сурикова немощна, так что число доказательных примеров у Малкина, вопреки критику, остается достаточным. Рассмотрим их. Мегары Гиблейские (Μέγαρα Ὑβλα, с вариантами): город основали в 728 г. мегаряне после долгих скитаний по Сицилии, когда сикульский царь Гиблон (Ὑβλων, Ὑβλος) предоставил им землю (*Thuc.* VI, 4). И. Е. Суриков отвел этот пример, поскольку имя Гиблона, по его словам, «*отразилось не в основном названии города, а лишь в дополнительном эпитете, имевшем идентификационные цели*» – для различения с метрополией Мегарой Нисейской. Суриков не знает реалий: судя по источникам [Pape, Benseler, 1884, S. 877, 1574], город часто именовался просто Гиблой (Ὑβλα, -η, –αι), а что это было основное его наименование, показывает наличие на Сицилии трех городов с таким названием и четвертого в Южной Италии. Посему это сикульский топоним Гибла, сикулы и за ними греки так называли мегарскую апойкию (более того, у неё было и другое туземное название Στύελλα, – Филист у *St. Byz. s. n.* Ὑβλαι).

То же и с городом на южном побережье Пропонтиды Даскилеем, название которого связывают с отцом лидийского царя Гигеса по имени Δάσκυλος. И. Е. Суриков счел, что по археологическим данным город явно греческий, а ойкист эллинской апойкии не может быть негреком. И тут он не знаком с ономастическими реалиями: в Эолии, Фригии, Ионии, Карии было несколько городов, называвшихся Δασκύλιον, и личное имя Δάσκυλος распространено там же в качестве династического у лидийских Мермнадов

[33] У Гесихия есть эпитет Зевса Μανδραγόρας, но слова ἀγορά в нем нет, это растение μανδραγόρας.

[34] На этом он построил свои возражения Харалампакису [Суриков, 2015а, с. 325–332].

(отец, сын, внук Гигеса) и легендарного у мисийцев (отец и сын царя мисов Лика; источники [Pape, Benseler, 1884, S. 274]). Совпадение территории распространения топонимов и династического личного имени (это все Западная Анатолия) свидетельствует об их взаимосвязи – города определенно получали имя по династам, тем более что Стефан Византиец (*s. n.* Δασκύλιον) прямо указал: Даскилей в Карии назван по имени сына тирана Периандра Даскила.

Порой критика И. Е. Суриковым примеров Малкина сводится к уже знакомой нам личной автопсии, на этот раз колонизационных предприятий древних. О параллельном названии основанной при тиране Коринфа Периандре Аполлонии Иллирийской Γυλάκεια, которое Стефан Византиец связал с именем ойкиста из Коринфа по имени Γύλαξ, Суриков пишет: «*Нам крайне трудно, практически невозможно представить, чтобы Периандр – исходя из всего, что мы знаем об этом человеке, – разрешил своему эмиссару Гилаку, посланному им во главе колонизационной экспедиции, назвать город в собственную честь.*[35] *Вряд ли он стал бы так возвышать подчиненного*» (и далее в том же духе едва ли не личного знакомства с Периандром [с. 457]). Это сродни описаниям исторических событий в историографии XVII–XVIII веков. И. Е. Суриков отказывает Стефану в доверии как источнику: автор-де он поздний, отдаленный на тысячу с лишком лет. Похоже, ему неизвестно, что основным источником Стефана о ранних реалиях был логограф Гекатей, весьма эрудированный в географии и генеалогиях. И. Е. Суриков соглашается: если Аполлония и называлась вначале Гилакией, то ничто не указывает на подлинность сообщения Стефана о связи имен города и ойкиста. Само имя Γύλαξ кажется ему подозрительным: В. Папе и Г. Бензелер объяснили его как «нытик, брюзга», поэтому Сурикову «*странно, что кого-то родители "наградили" подобным именем*» (sic!). В результате он даёт своё объяснение названия Гилакия – «*город нытиков*», и аргументирует это свое открытие так: «*Можно только догадываться о причинах такого наименования: возможно, предназначенные Периандром к отправлению в апойкию ехали туда неохотно, с недовольным брюзжанием? А коринфский тиран, отличавшийся остроумием (не зря ведь его включали в перечень «Семи мудрецов»), «отплатил» им за это, дав городу издевательское название*» (и т. д. в том же визионерском духе). «Город нытиков» – оригинальный вклад нашего оппонента в топонимику; до сих пор подобного рода названия давали городам лишь авторы книжек для детей. А если серьезно, то понимание имени Γύλαξ В. Папе и Г. Бензелером не единственное, допустимо и сравнение с дорическими именами V в. до н. э. Γῦλις, Γυλίδας, прозвищем Геракла Γύλιος [Pape, Benseler, 1884, S. 261], которые сопоставимы с глоссой Etym. Magn. γύλιος· χοῖρος, λέων «кабан, лев», также с омонимом γύλιος (надпись из Локриды V в. до н. э., – LSJ, Suppl. *s. v.)* того же значения, что γυλαῖος «деревянный, лесной; дикий». По смыслу это вполне антропонимичный материал. Да и пейоративное значение имени эпонима (Γύλαξ «брюзга») переходу его в название города не помеха, ибо в топониме оно тушуется: к примеру, Σικυών воспринимается не как «огурец» (σικυός), а просто, как название города – Сикион.

Проблема И. Е. Сурикова в том, что он идет по статье Малкина, а не по источникам, это коренной недостаток его творчества в целом: он отталкивается от англоязычной

[35] Видимо, пошехонский диалект позволяет «назвать город в собственную честь».

литературы, а не от собственных источниковедческих штудий. Если бы он дал себе труд просмотреть сочинения Павсания и Страбона, то нашел бы множество местных преданий в Греции архаического времени, связывающих название города с именем реального основателя. К примеру, город Этил в Лакедемоне назван по имени героя Этила, аргосца по происхождению, известна и его родословная – он сын Амфианакта, внук Антимаха (*Paus*. II, 19, 1; III, 25, 10), и Сурикову не найти весомых доказательств, что это только легендарная традиция и в ней нет исторической основы. Историчен и рассказ Павсания (X, 17) о колонизации греками острова Сардиния, в котором трижды говорится о тождестве имен города и ойкиста. Здесь не место приводить данные Павсания, Страбона и других источников о соименных эпонимам городах архаической эпохи, – эту работу должен был провести сам И. Е. Суриков, если бы правильно увидел свою задачу. Мне достаточно подытожить изложенное: архаике свойственно наречение городов по именам основателей. То же и в классическую эпоху, ограничусь одним примером. Название города Ἀγνώνεια во Фракии дано по имени ойкиста, афинянина Гагнона (Ἄγνων), основавшего в 437 г. также Амфиполь (источники [Pape, Benseler, 1884, S. 13]). По И. Е. Сурикову [с. 456], оно не имеет отношения к вопросу, ибо это не город, а «*какие-то "Гагноновы постройки"*» (*Thuc*. V, 11, 1: τὰ Ἀγνώνεια οἰκοδομήματα) в Амфиполе. И. Е. Суриков не знает, что есть этникон Ἀγνωνείτης «*житель* Гагнонии» [*St. Byz*.; Pape, Benseler, 1884, S. 13], и так как не может быть этникона (т. е. обозначения жителя) без города или поселения, Гагнония – не плохо понятые Суриковым «какие-то постройки», а город близ Амфиполя. На это, кстати, указывает и само имя Ἀμφίπολις – «двойной город», так что Гагнония и Амфиполь составляют приблизительно то же, что Буда и Пешт на противоположных берегах Дуная. Дабы облегчить себе задачу, И. Е. Суриков искусственно отрывает номинацию городов архаического периода от классического и эллинистического времени, когда примеры наименования города по эпониму многочисленны (одних Александрий десятки). На деле же, как видно, это одна традиция, проходящая через все три эпохи греческой истории.

Чтобы покончить с домыслами И. Е. Сурикова о названиях городов Фанагория и Гермонасса, обратимся к сообщениям Арриана и Стефана Византийца о них и проведем ту источниковедческую работу, которую должен был сделать он сам, коли обратился к ниспровержению их историчности. *Arriani* Bith. fr. 55 Roos (= *Eustathii* comm. in *Dion*. Per. 549 = SC 1, p. 198): Φαιναγόρα καὶ Ἑρμώνασσα, Ἰώνων ἄποικοι πόλεις, ὧν ἡγήσατο Φαιναγόρας τις καὶ Ἕρμων, ἀφ' ὧν οἱ τόποι καλοῦνται. Ἀρριανὸς δὲ οὕτω φησί· Φαναγόρεια, ἣν ἔκτισε Φαναγόρας ὁ Τήιος, φεύγων τὴν τῶν Περσῶν ὕβριν. ἔτι δὲ Ἑρμώνασσα ἐπὶ Ἑρμωνάσσῃ τῇ γυναικὶ Σημάνδρου Μυτιληναίου τινός, οὗ τινας τῶν Αἰολέων εἰς ἀποικίαν μεταστήσαντος καὶ θανόντος ἐν τῷ τῆς πόλεως οἰκισμῷ, ἡ γυνὴ τῆς τε πόλεως ἐγκρατὴς ἐγένετο καὶ τὸ ἑαυτῆς ὄνομα τῇ πόλει ἐπέθετο «города Фанагория и Гермонасса, *основанные* ионийскими колонистами, ими предводительствовал некий Фанагор и Гермон, по которым названы эти места. Так свидетельствует Арриан: "Фанагория, которую основал теосец Фанагор, бежав от насилий персов. Еще Гермонасса, *названная по* Гермонассе, жене некоего митиленца Семандра: когда он вывел некоторых эолян в колонию и умер во время основания города, жена его стала править городом и дала ему свое

имя”»[36]. Источник известия Арриана – Гекатей Милетский, что явствует из сообщения Стефана Византийца (*s. n.* Φαναγόρεια): πόλις ἀπὸ Φαναγόρου, ὡς Ἑκαταῖος Ἀσίᾳ «Фанагория, полис, *названный* по Фанагору, *как свидетельствует* Гекатей в *книге* “Азия”».

Рассмотрим вопрос об историчности этих сведений с точки зрения характера сочинения Арриана «Вифиника» и места информации о Фанагории и Гермонассе в нем в целом[37]. По отзыву Фотия, в «Вифинике» Арриан «начинает *изложение*, как говорится, от мифических времен истории, заканчивает же смертью последнего *царя* Никомеда, который, умирая, оставил царство римлянам по завещанию» (fr. 1). Таким образом, «Вифиника» включала мифологическую предысторию и хронологически последовательное изложение реальной истории Вифинии, больше того, дошедшие до нас фрагменты (всего их 72) показывают, что история Вифинии дана в широком контексте греческой мифологии и истории. Волей случая ок. 4/5 уцелевших цитат и пересказов принадлежат к мифологической части труда Арриана, но сохранилось и несколько фрагментов реальной истории от VII в. до н. э. до смерти Ганнибала в 183 г. (это рассказы о вторжении киммерийцев в Понт и Вифинию; о страшном поражении, понесенном скифами от фракийцев, после которого они сменили оседлый образ жизни на кочевой; подробный рассказ об основании Никомедом I (281–246) Никомедии (это родина Арриана); наконец, сообщение, что Ганнибал выпил смертельный яд в вифинском местечке Либисса, – fr. 44, 54, 63, 65). В мифологической части превалируют сообщения об эпонимах разных местностей и народов Греции и окружающих стран от Ассирии до Северной Африки и Италии (десятки фрагментов). Но рассказов об эпонимах городов всего два – Астак, Битинополь (fr. 5, 37), с оговоркой отнесем сюда и Халкедон: от имени сына Кроноса Халкедона получила имя река, по реке город (fr. 38). Заметим, что все эти три города в той или иной мере вифинские, так что сообщение Арриана об основании Фанагории и Гермонассы стоит особняком – оно не из вифинской истории, а из другого раздела сочинения Арриана. Поскольку в нём говорится об ойкистах, оно принадлежало к рассказу о времени Великой греческой колонизации, следовательно, заимствовано прямо или опосредованно из сочинения типа ктисис. В этом плане важно, что в качестве источника Арриана упоминается поэт III в. до н. э. Ликофрон (fr. 29, 32 + *adnot*., 59), у которого в поэме «Александра» идет речь об основаниях городов Средиземноморья; судя по параллельности двух рассказов, источником был также Гелланик (fr. 32 *adnot*., 53 *adnot*.). Имея в виду выявленную нами [Яйленко, 2012, с. 493–496] причастность Гелланика к известиям Псевдо-Скимна об основаниях городов в Причерноморье, вполне вероятно, что сообщение об основании Гермонассы могло восходить к этому милетскому логографу. Он любил местные мифологемы и ктисис-предания, то есть у него

[36] Цитата Евстафия из Арриана могла заканчиваться словами «бежав от насилий персов», так что текст о Гермонассе принадлежал бы Евстафию. Однако Евстафий вслед за Дионисием говорит о городах Фанагории да Гермонассе и их основателях, поэтому издатель Евстафия К. Мюллер (*см.* [SC 1, p. 198]) и издатели «Вифиники» Арриана с полным основанием дают рассказ Евстафия о Фанагории, Гермонассе и их ойкистах как цитату из Арриана. Ввиду ограниченности объема статьи тут нет возможности полностью раскрыть источниковедческие вопросы данного известия Арриана, сделаем это в 21 томе ДБ за 2017 г.

[37] Даем нумерацию фрагментов «Вифиники» по тёйбнеровскому изданию [Roos, 1968, p. 197–223]. А. В. Подосинов [2000], признавая легендарность многих рассказов об основании городов Северного Причерноморья, счел, тем не менее, предания об основателях Фанагории и Гермонассы историчными.

соединено мифологическое и историческое [Christ, 1890, S. 274, 279–280]). Именно таков по характеру рассказ Арриана: к историческому известию об основании Гермонассы эолийскими колонистами во главе с ойкистом Семандром добавлена народноэтимологическая экзегеза о его жене Гермонассе, ставшей правительницей и эпонимом города[38]. Сообщение же об основании Фанагории, как сказано, Арриан заимствовал у Гекатея. Сей логограф тоже любил мифологические предания (он написал и легендарные «Генеалогии»), но его Периэгеса, как явствует из имеющихся фрагментов, точна географически и исторически [Christ, 1890, S. 277–278]. Этому соответствует и его рассказ об основании Фанагории теосцами, выселившимися со своего острова во избежание насилий со стороны персов. Поскольку Стефан сначала назвал ойкистов Фанагора и Гермона, а затем пересказал текст Арриана о Фанагоре, очень вероятно, что и упоминание о Гермоне взято у Арриана, то есть, в конечном счете, тоже заимствовано у Гекатея. А сообщение последнего, что «Фанагорию основал теосец Фанагор, «бежав от насилий персов», вполне исторично, ибо подтверждается свидетельством Геродота (I, 164–168): персидское завоевание Ионии и Эолии вынудило к эмиграции жителей Фокеи и Теоса, одни из которых переселились в другие города, другие вернулись, третьи основали новые колонии. Теосцы реколонизовали тогда (ок. 543 г.) Абдеру [Danov, 1985, S. 52–54] и, по основательной мысли В. Д. Кузнецова [2001, с. 227–233], оттуда основали Фанагорию. Как видно, и Геродот указывает причиной основания городов теосцами персидское нашествие. Поэтому нет причины извлекать из сообщения Гекатея имя ойкиста Фанагора. Ввиду одной лишь этой историчности традиции об основании Фанагории преобразование И. Е. Суриковым названия города в эпиклесу Аполлона безосновательно.

Таким образом, источниковедческий анализ положения и смысла сообщения об основании Фанагории и Гермонассы, да об их ойкистах в «Вифинике» Арриана вполне показывает их исторический характер, относящийся к эпохе Великой греческой колонизации, а также указывает на заимствование их Аррианом, прямо или опосредованно, из сочинений Гекатея и Гелланика. Для сомнений в реальности ойкистов Фанагора, Гермона, Семандра текст Арриана и Стефана Византийца никаких поводов не даёт, так что мнение И. Е. Сурикова об их неисторичности безосновательно.

К рассмотренной статье И. Е. Суриков добавил позднее небольшую заметку «Афинские Фанагоры» [Суриков, 2015, с. 340–350], которая еще больше озадачивает. Он узрел подтверждение своей идее, что город Фанагория получил название по эпитету Аполлона Фанагор в том обстоятельстве, что в Аттике с рубежа V–IV вв. по середину III в. до н. э. известно 18 женщин с именем Фанагора, тогда как в остальном греческом мире всего одна. При этом 16 из них жили в IV в., на всём его протяжении. С опорой на мнение А. А. Завойкина о присоединении Фанагории к Боспорскому царству в конце V в., а также при учёте распространения на Боспоре культа Аполлона, И. Е. Суриков счел (с оговорками), что наречение афинских женщин именем Фанагора было следствием этого события: «*трудно не усмотреть в нём последствия вхождения Фанагории в державу Спартокидов, с которыми*

[38] Сам Арриан женщин не жалует – лишь пяток фрагментов посвящен им: город Тир основал Тир или женщина Тира; народ бебриков получил имя по Бебрику или его жене (fr. 28, 38); еще три отрывка уделены амазонкам, в том числе как эпонимам местностей, источников, городов (fr. 48–50).

Афины тогда уже поддерживали добрые, партнерские отношения» [2015, с. 348]. Вот уж определенно «в огороде бузина, а в Киеве дядька»: никакой связи одного с другим нет; если же И. Е. Суриков усмотрел её, то должен был аргументировать – хотя бы привести примеры подобного рода. Но он не особенно озадачен аргументацией своих идей, это характерно для его творчества в области древностей Северного Причерноморья. Он мог бы сослаться на наблюдение И. Тулумакоса, что в эллинистическое время на Боспоре появляются имена приближенных Александра Македонского, дотоле тут неизвестные – Роксана, Селевк, Пердикка, Филота [Touloumakos, 1996, S. 258], но эта статья ему неизвестна, а главное, это пример воздействия эпохального исторического события на антропонимикон общества, и так было по всей Греции. Присоединение же Фанагории к Боспорскому царству всего лишь локальный эпизод, это несопоставимые явления.

Коль говорить о существе популярности имени Фанагора у аттических женщин, то поясню, что это феномен местной традиции и моды. В городах и странах древности, да и современности, есть набор излюбленных в тот или иной период личных имен, состав их периодически меняется на протяжении 2–3 или нескольких поколений: одни излюбленные имена сменяются другими под воздействием разных факторов[39]. Из числа таковых и имя афинских дам IV в. по имени Фанагора – это мода; у женщин мода на красивые имена в обычае, и Φαναγόρη (φανή «светлая, чистая, радостная, прославленная» + ἀγορή «собрание, стечение людей») вполне звучное имя: «прославленная средь людей». Этот вывод поддерживается тем, что в Афинах оно именно женское, мужское же имя Фанагор встретилось там лишь раз. Такова нехитрая суть данного антропонимического феномена Афин IV в. до н. э.

Усмотренной же И. Е. Суриковым связи популярности женского имени Фанагора в Афинах IV в. с Боспором и культом Аполлона противоречит ряд обстоятельств. 1. Поскольку Афины были связаны тесными торговыми и прочими отношениями с большинством членов Второго морского союза (378–337 гг., в целом 75 городов), то, следуя логике И. Е. Сурикова, излюбленные в важнейших городах наборы имен должны быть представлены в Аттике хоть отчасти (установи это он, его идея получила бы статус возможной). Мы знаем о параллелизме имен, обусловленном проксеническими связями[40], то есть на частном уровне, но не на межгосударственном. 2. Присоединение Фанагории к Боспорскому царству – политическое событие, и поскольку в Греции женщины стояли вне политики, она удел мужчин, так что, следуя логике И. Е. Сурикова,

[39] Этими вопросами активно занимаются специалисты по современной прикладной антропонимике, видя в смене наборов имен социологические аспекты (из того, что под рукой, укажем следующие работы: эволюция ведических имен [Деопик, Столяров, 1984, с. 109–119]; теоретические вопросы [Теория и методика, 1986, с. 227 *сл.*]; стратификация эстонских имен [Саари, 1988, с. 182–191]). Общая характеристика антропонимии Пантикапея IV–II вв. до н. э., её стратиграфия, хронологические перемены, типология, состав [Яйленко, 2010, с. 106–116]. Во времена моей юности были популярны женские имена Светлана, Алла, Рада, ныне редкие. Множество мальчиков, родившихся в 1938–1939 гг., как и автор сих строк, было названо родителями Валериями по имени погибшего в 1938 г. летчика Валерия Чкалова. Совершенно особую страницу в антропонимике СССР 1920–1930-х годов составляет множество новых имен (типа Ремир = Революция мировая), впоследствии почти полностью «вымерших».

[40] Ввиду проксенических связей аттического рода Алкивиада и дома спартанского эфора Эндия члены их обменивались именами (*Thuc.* VIII, 6, 3). Имена Леократ и Полистрат в Ольвии и Афинах обязаны своим узусом проксеническим связям [Яйленко, 2001, с. 11–13].

имя Фанагор должно было бы распространиться в мужской среде (так, кстати, и было в Греции в целом). 3. Наконец, алогично, что присоединение Фанагории к Боспору породило всплеск имени Фанагора в Афинах, тогда как на самом Боспоре женское имя Фанагора вообще неизвестно, а мужское Фанагор зафиксировано лишь единожды и как раз в самой Фанагории (КБН 971, время Перисада I).

Итог рассмотренным статьям И.Е. Сурикова неутешителен: он некомпетентен в вопросах ономастики и филологии. Даже «хлеб» историка – источниковедение не числится в его рационе, вследствие чего суждения исторического плана поверхностны. Что И.Е. Суриков далек от филологии, на ниве которой выступает, тем не менее, даже с критическими статьями (о работах Э.В. Рунга, моих и пр.), сказано satis. Однако на одну страницу в его недавней работе [Суриков, 2013, с. 382] я должен отозваться и ввиду критических замечаний по моему адресу и потому, что там концентрированно явлена мера его филологических познаний. Дав свой перевод киренской «Клятвы основателей» (надпись IV в. до н.э., в которую включен договор отправлявшихся с Феры ок. 631 г. колонистов с ферянами), он пишет: «*Имеется также русский перевод данной надписи, принадлежащий В.П. Яйленко (Яйленко В.П. Указ. соч. С. 64–65).*[41] *Но этим переводом мы всё-таки не стали бы рекомендовать пользоваться, поскольку он производит несколько странное впечатление. Так, переводчик почему-то передаёт древнегреческие антропонимы «Батикл», «Евтикл» как «Батуклей», «Евтуклей». Возможны самые различные контроверзы по вопросу о правильной русской транскрипции греческих имен собственных (подобного рода споры регулярно ведутся и в прочих европейских историографиях), но, думаем, никому не придёт в голову утверждать, что ипсилон (вне дифтонга, как здесь) может передаваться через «у». Далее, в этом переводе встречаются какие-то просторечные вульгаризмы типа «сродственники». Может быть, таким образом, В.П. Яйленко попытался передать соответствующее греческое просторечное выражение? Да нет, в оригинале стоит совершенно нейтральное* τῶν οἰκείων». Разберемся в этом пассаже.

Не стану говорить, что два, как ему показалось, неправильно переданных мною имени и якобы вульгаризм «сродственники» не могут служить основанием для хулы на мой перевод в целом: для этого И.Е. Суриков должен привести неточности моего перевода греческого текста. Коль таковых нет, то возведением напраслины на мой перевод он пытается выставить единственно правильным свой. Достойный приём. Но обратимся к его аргументации. Сначала о звуке, обозначавшемся *ипсилоном*. К сведению критика, в диалектных надписях (а таковы все по IV в. до н.э.), каковой является «Клятва основателей» IV в. до н.э., он как раз и обозначал звук, подобный русскому «*у*». Процитирую популярный компендиум Карла Бака: «Вместо того чтобы стать звуком, подобным немецкому *ü*, французскому *u*, как это было в аттическом диалекте раннего периода, первоначальный звук *u* (английское *oo* в слове *food*) был сохранен в некоторых диалектах, возможно, большей *их* части. Это более всего ясно там, где принят за основу аттический алфавит – произношение *u* заменено на *ou*».[42] Процитирую и Л. Джеффери

[41] Имеется в виду моя книга 1982 г. «Греческая колонизация».

[42] [Buck, 1968, p. 28]: Instead of becoming a sound like German *ü*, French *u* as it did in Attic of an early period, the original *u*-sound (English *oo* in *food*) was retained in several, perhaps the majority of dialects. This is most obvious where, the Attic values of the letters being taking as a basis, the spelling *u* was replaced by *ou*.

об использовании *ипсилона*: «Все греческие диалекты употребляли чистую гласную *и*, звук, который потенциально стоял за семитской буквой; и лишь несколько диалектов использовали его также для передачи полугласного», то есть *и̯* [Jeffery, 1968, p. 24]. Так что заявление И. Е. Сурикова: «*никому не придёт в голову утверждать, что ипсилон (вне дифтонга, как здесь) может передаваться через «у»*» относится лишь к его голове, которой неведома рейхлинова и эразмова транскрипции древнегреческих звуков: в первой древнегр. υ транскрибируется по средневековому звучанию как *i* (и это кажется Сурикову единственной возможным), во второй передается как нем. *ü*, франц. *u*, англ. *u:*. Далее, в патронимиках Βαθυκλεῦς и Εὐθυκλεῦς (это дорийский род. падеж = Βαθυκλέους и Εὐθυκλέους), их окончание -ευς передается по-русски как -ей (Νηλεύς – Нелей, Εὐκλεύς – Евклей, Μενεσθεύς – Менесфей; эталонное слово βασιλεύς – басилей; конечно, наряду с этим есть передачи типа Ἀχιλλεύς – Ахиллес, Ахилл). Ввиду изложенного, мои передачи этих патронимиков как «сын Батуклея» и «сын Евтуклея» как раз точны. По изложенным Баком и Джеффери причинам я передал их реальное звучание в этой диалектной надписи. А Батикл и Евтикл И. Е. Сурикова – продукт рейхлиновского перевода древнегреческой фонетики в среднегреческую (византийскую). И последнее: слово «сродственники», объявленное им «просторечным вульгаризмом», есть даже в кратком словаре русского *литературного* языка С. И. Ожегова, как вариант слова «родственник»[43]. Уже в который раз И. Е. Суриков демонстрирует своими экзерсисами поверхностное знание того, о чем пишет.

Список литературы

Блаватский, 1985. Блаватский В. Д. Античная археология и история. М.

Гиндин, 1967. Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М.

Глускина, 1975. Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л.

Греция, 2009. Греция. Самый подробный и популярный путеводитель в мире. М.

Греческие ораторы, 1962. Греческие ораторы второй половины IV в. до н. э. //ВДИ. 4.

Демосфен, 1996. Демосфен. Речи. М. Т. 3.

Деопик, Столяров, 1984. Деопик Д. В., Столяров А. А. Эволюция комплекса ведических имен //Этническая ономастика. М.

Жебелев, 1953. Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л.

[43] С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М. 2001, с. 760 (в предисловии [с. 6] указано, что это словарь современного русского литературного языка).

Завойкин, 2013. Завойкин А. А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь–Керчь (БИ. Suppl. 11).

Кузнецов, 2001. Кузнецов В. Д. Метрополия Фанагории //ДБ. 4.

Латышев, 1909. Латышев В. В. ΠΟΝΤΙΚΑ. СПб.

Латышев, 1997. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. СПб. Т. 1.

Откупщиков, 1973. Откупщиков Ю. В. Балкано-малоазийские топонимические изоглоссы //Балканское языкознание. М.

Подосинов, 2000. Подосинов А. В. Легенды об основании греческих колоний Северного Причерноморья: исторические предания и/или литературная фикция? //Восточная Европа в древности и средневековье. М.

Саари, 1988. Саари Х. Стратиграфия личных имен у эстонцев //Ономастика. Типология. Стратиграфия. М.

Суриков, 2009. Суриков И. Е. Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) //ДБ. 13.

Суриков, 2012. Суриков И. Е. Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы //ДБ. 16.

Суриков, 2013. Суриков И. Е. Древнегреческие надписи классической эпохи как памятники исторической мысли //Вопросы эпиграфики. VII. Ч. 1. М.

Суриков, 2015. Суриков И. Е. Афинские Фанагоры //ДБ. 19.

Суриков, 2015а. Суриков И. Е. Еще раз о происхождении названия Фанагории //БИ. 31.

Теория и методика, 1986. Теория и методика ономастических исследований. М.

Финогенова, 2005. Финогенова С. И. Архаические слои Гермонассы //БФ. СПб.

Финогенова, 2006. Финогенова С. И. Архаическая керамика Гермонассы из раскопок последних лет //ДБ. 9.

Яйленко, 1982. Яйленко В. П. Греческая колонизация Средиземноморья VII–III вв. до н. э. по данным эпиграфических источников. М.

Яйленко, 2001. Яйленко В. П. Тени ольвиополитов и херсонесских олигархов в Западной Тавриде //ПИФК. 11.

Яйленко, 2010. Яйленко В. П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М.

Яйленко, 2012. Яйленко В. П. Источниковедческий анализ известий Псевдо-Скимна об основании городов Понта //Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. XIII. Керчь.

Buck, 1968. Buck C. D. The Greek Dialects. Chicago.

Charalampakis, 2013. Charalampakis P. Some Notes on the Names ΦΑΝΓΟΡΕΙΑ and ΦΑΝΑΓΟΡΗΣ //AMA. 16.

Christ, 1890. Christ W. Geschichte der griechischen Litteratur. München.

Danov, 1985. Danov Chr. Zur Geschichte der griechischen Kolonien an der Ägaischen und Propontischen Küste Altthrakiens //Lebendige Altertumswissenschaft. Festgabe… H. Vetters. Wien, 1985.

Demosthenes, 1893. Demosthenis Orationes… curante F. Blass. Vol. I. Lpz.

Hansen, 1958. Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. B.

Hirzel, 1927. Hirzel R. Der Name. Lpz.

Jeffery, 1969. Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf.

LGPN II – A Lexicon of Greek Personal Names, by M. J. Osborne, S. J. Birne. Oxf. 1994.

Malkin, 1985. Malkin I. What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // Athenaeum. 63.

Pape, Benseler, 1884. Pape W., Benseler G. E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. 1–2. Braunschweig.

Roos, 1968. Flavii Arriani quae extant omnia. Vol. II. Edidit A. G. Roos. Lipsiae.

Schaefer, 1889. Schaefer A. Demosthenes und seine Zeit. Bd. 1. Lpz.

Touloumakos, 1996. Touloumakos J. Historische Personennamen und Geschichtsbewusstsein in den griechischen Städten des Bosporanischen Reiches //Hellas und der griechische Osten. Saarbrücken.

Summary

V. P. Yailenko

A source-analysis of the Aeschines' tale on Gylon and Arrian's on the founders Phanagores, Hermon

From a point of source-analysis, the author reveals erroneousness I.E. Surikov's opinion that Aeschines' tale on Demosthenes' grandfather Gylon and city Nymphaion is outrageous lie. Also the author criticizes some articles by I.E. Surikov, who have neglected historic reality of an ancient literary tradition on certain Phanagores and Hermon as founders of the cities Phanagoreia and Hermonassa. His studies are philologically unprofessional.

В. П. Яйленко
(Московский педагогический государственный университет)

Долгожданный библиографический свод литературы по античному Северному Причерноморью

Виктор Кожокару – известный специалист по истории и эпиграфике Западного и Северного Причерноморья. Его интерес к обоим регионам обусловлен жизненными обстоятельствами: в советское время жил и учился в Молдавии, в постсоветский период переехал в Румынию, где работает в Институте археологии (г. Яссы). Сейчас он издал замечательный библиографический свод по античному Северному Причерноморью: V. Cojocaru. Bibliographia classica orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I. Epigraphica, Numismatica, Onomastica & Prosopographica. Cluj-Napoca, Editura MEGA. 2014[1]. Это ценнейшее пособие для российских и зарубежных специалистов – у нас библиографического свода подобного рода еще не было. Мы располагаем рядом библиографий разного свойства на русском языке, которые содержат в числе прочего также литературу по Северному Причерноморью. Во-первых, это общие указатели литературы по античности, опубликованной в нашем отечестве, П. И. Прозорова [1898] и А. И. Воронкова [1961]; работы, изданные с 1962 г., суммировала И. Е. Борщ в «Указателе литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР»[2]. Во-вторых, это издания по археологии: «Советская археологическая литература. Библиография» (десяток выпусков по литературе, вышедшей с 1918 г.); І. Г. Шовкопляс. Розвиток радянської археології на Україні (1917–1966). Бібліографія. Київ, 1969; І. Г. Шовкопляс, Н. Г. Дмитренко. Радянська література з археології України 1967–1975 рр. Київ, 1978. В-третьих, это «Указатели статей» в журналах ВДИ, СА, РА.

Есть литература по Северному Причерноморью и в зарубежные сводах и периодических изданиях. Такова издававшаяся в Берлине серия Bibliotheca Classica Orientalis, которая знакомила зарубежного читателя в числе прочего с антиковедной литературой

[1] Издано в серии: Pontica et Mediterranea. Bd. II.

[2] Выпуски «Указателя» публиковались в ВДИ с 1967 по 1987 г., когда Изабелла Евгеньевна Борщ умерла. Скончалась тогда же главный редактор ВДИ З. В. Удальцова, которая понимала важность библиографической работы. С 1988 г. главредом ВДИ стал Г. М. Бонгард-Левин. Я несколько раз указывал на необходимость продолжения выпуска «Указателей», но он отмахивался под разными предлогами. Так прервалась блестящая отечественная библиографическая традиция сбора литературы по античности, основанная П. И. Прозоровым и продолженная А. И. Воронковым да И. Е. Борщ; светлая память этим подвижникам, inhonestamentum autem afflictori.

СССР и стран народной демократии (14 томов: B., 1956–1969); также разделы по Северному Причерноморью в Archaeological Reports, Supplementum epigraphicum Graecum, Bulletin épigraphique и др.). Но все это своды литературы общего свойства. За рубежом в 1962 и 1965 гг. были опубликованы и два свода литературы по античному Северному Причерноморью. Изданный в Лейдене библиографический указатель литературы по Северному Причерноморью за 1940–1965 гг. [Belin de Ballu, 1965] пользовался спросом у западных ученых, но в советской литературе раскритикован за ущербность. Большая статья Хр. Данова «Pontos Euxeinos» [RE. 1962, Splbd. IX, Sp. 866-1176; Nachträge, Sp. 1911–1919], формально не является собственно библиографическим сводом, но насыщена колоссальной литературой и потому чрезвычайно полезна (ср. рец. [Брашинский, 1964, с. 196–202]).

Теперь, благодаря труду Виктора Кожокару, на нашей Северочерноморской улице полноценный праздник: есть своя специализированная библиография. И вышедший первый ее том – только начало.

Общие принципы, положенные им в основу свода, следующие. Историческая эпоха: с VII в. до н. э. по IV в. н. э.; географический ареал: от острова Левка и устья Дуная до Северного Кавказа; литература: с XIX в. по 2013 год, на русском и иностранных языках (почти вся она русскоязычная и отечественная). В первом томе собраны работы по вспомогательным историческим дисциплинам – эпиграфике, нумизматике, ономастике, просопографии (есть и раздел о гирях – pondera). Группируется этот материал по античным центрам: I. Левка (остров Ахилла); II. Тира, Никоний и местности от устья Дуная до Порта истриан; III. Березань (Борисфен), Ольвия, хора; IV. Керкинитида, Херсонес, Юго-Западная Таврика; V. Неаполь Скифский. VI. Боспорское царство; VII. Работы общего свойства (Generalia); VIII. Iranica; IX. Cimmerica. В книге 560 страниц, 5057 номеров (работ), приложены индексы: эпиграфический указатель, список авторов и рецензентов, именной и предметный указатели. По техническим причинам названия книг и статей на русском языке транслитерированы в латиницу, а также снабжены переводом на немецкий язык. Каталогу предпослано введение на немецком языке и огромный список сокращений (с. 16–61!). Во введении автор излагает сведения об имеющихся библиографических указателях работ по античности и формулирует принципы построения своего свода. Отметим его важное нововведение: значимые книги расписаны поглавно, что дает пользователю полное представление об их содержании. Впереди нас ожидает выход еще 4–5 томов библиографии, они анонсированы на S. 9 введения: Vol. II. Archaeologica; Vol. III. Ars, res sacrae & mythologica; Vol. IV. Historia & historiographica; Vol. V. Varia. Addenda & corrigenda. Планируется и дополнительный шестой том: Vol. VI. Scythica et Sarmatica.

Благодаря вышедшему тому открылось незаметное доселе обстоятельство – полное господство в эпиграфике и нумизматике работ по Боспору: их библиография занимает с. 228–388, №№ 1918–3847. Боспору посвящено столько же работ (1929), сколько остальным указанным регионам Северного Причерноморья (1917)[3]. Теперь наглядно видно, что Боспор – важнейший регион древней истории юга нашей страны.

[3] На самом деле число работ несколько меньше, чем номеров, поскольку, как сказано, книги расписаны поглавно, т. е. на одну книгу приходится несколько номеров.

Книга В. Кожокару исполнена идеально, недостатки микроскопические. Резонней было бы поставить первым томом серии то, что заявлено как Vol. IV. Historia & historiographica. Ведь археология, эпиграфика и прочее – это вспомогательные дисциплины для основного: познания исторического процесса в Северном Причерноморье (в данном случае явно воздействие личной специализации автора как эпиграфиста, потому том по эпиграфике первый). По этой же причине выражу пожелание, чтобы в последнем томе основное внимание было уделено не Varia и пр., а историческому предметному указателю. Например: Археанактиды – такие-то номера работ; Колонизация Нижнего Побужья – такие-то номера работ, и т. д. На мой взгляд, такой предметно-исторический указатель стал бы квинтэссенцией свода в целом. В уже вышедшем томе резонней было бы поставить первым разделом общие работы, тогда как они собраны в разделе VII. Generalia. В одном из следующих томов следовало бы дать развернутую информацию об «Указателях» И. Е. Борщ, а также о грандиозной по насыщенности литературой упомянутой работе Хр. Данова[4].

Значение рецензируемой книги трудно переоценить – польза ее колоссальна. От начала сбора литературы в 1994 г. до выхода этого тома прошло 20 лет. В. Кожокару проделал поистине титаническую работу, за что все мы, коллеги, должны быть ему благодарны. Теперь это настольная книга каждого специалиста по античному Северному Причерноморью (заказать ее можно по адресу: dtp@edituramega.ro Директор издательства Cristian Sincovici).

Список литературы

Борщ, 1980. Борщ И. Е. Советская наука об античных авторах (1960–1975). Издание и исследование. Справочник. М.

Брашинский, 1964. Брашинский И. Б. Рец.: Danoff Chr. M. Pontos Euxeinos //ВДИ. 3.

Воронков, 1961. Воронков А. И. Древняя Греция и Древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895–1959 гг.). М.

Прозоров, 1898. Прозоров П. И. Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII столетия по 1892 г. на русском и иностранных языках. С прибавлением за 1893–1895 гг. СПб.

Belin de Ballu, 1965. Belin de Ballu E. L'histoire des colonies grecques du littoral nord de la Mer Noire. Bibliographie annotée des ouvrages et articles publiés en U. R. S. S. de 1940 à 1962. Leiden.

[4] Давно пора собрать в одну книгу ее «Указатели», публиковавшиеся в ВДИ с 1967 по 1987 гг. Не мешало бы упомянуть и книжку И. Е. Борщ [1980] о библиографии изданий и исследований античных авторов в советской литературе, так как многие из них дали сведения о Северном Причерноморье.

Summary

V. P. Yailenko
The long-waited bibliography of the literature on ancient North Pontic area

The author represents to Russian colleagues a valuable bibliographic index by Victor Cojocaru: "Bibliographia classica orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I. Epigraphica, Numismatica, Onomastica & Prosopographica" (Cluj-Napoca, 2014).

СОКРАЩЕНИЯ

АГСП	– Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984
АМА	– Античный мир и археология
Анохин	– Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
БС	– Боспорский сборник. Москва
БСП	– Блъгарите в Северното Причерноморие
ВДИ	– Вестник древней истории. Москва
ДБ	– Древности Боспора. Москва
ИАК	– Императорская археологическая комиссия. СПб.
ИАО	– Известия Археологического Общества. СПб.
ИКОГО	– Известия Крымского отделения географического общества. Симферополь
ИРАИМК	– Известия Российской академии истории материальной культуры. Пг.
КБКАМ I, II	– Корпус боспорских кладов античных монет. Симферополь; Керчь, 2007–2008; 2011.
КБН	– Корпус боспорских надписей. М.; Л. 1965.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии. М.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИС	– Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3
НА РО ИИМК РАН	– Научный архив рукописный отдел Института истории материальной культуры РАН. СПб.
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАК	– Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб.
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников Государственного исторического музея. М.
ОР ГЭ	– Отдел рукописей Государственного Эрмитажа. СПб.
ПИФК	– Проблемы истории, филологии, культуры. М., Магнитогорск, Новосибирск.
РА	– Российская археология. М.
СА	– Советская археология. М.
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
BAR	– British Archaeological Reports

BSA – The Annual of the British School of Archaeology at Athens
CIRB–Album – Corpus Inscriptionum Regni Bosporani. Album Imaginum. СПб., 2004.
IG – Inscriptiones Graecae
IOSPE – Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. I–IV / Ed. B. Latyshev. Petropoli, 1885–1916
IOSPE I² – Latyschev B. Inscripriones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916. Vol. I².
LGPN – A Lexicon of Greek Personal Names/Ed. by P.M. Fraser and E. Matthews. Vol. I–VA. Oxf.
LSJ – Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. A Greek-English Lexicon. Oxf. 1968.
RE – Realencyclopädie der klassischen Altertumwissenschaft. Stuttgart.
SC 1, 2 – В.В. Латышев. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб. 1893–1906. Т. 1–2.
SEG – Supplementum epigraphicum Graecum
SNG BM – Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. IX. British Museum. Pt. I. Price M. The Black Sea. London, 1993.
SNG Stancomb – Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. XI. The William Stancomb Collection of the Black Sea Region. Oxford, 2000.
VA – Varia Anatolica

Правила и рекомендации по оформлению рукописей

1. Работы присылаются в установленные сроки в электронной версии (текст: 12-й кегель, через 1,5 интервала, без форматирования полей). Тест сносок: 10-й кегель, через 1 интервал.

2. Структура (комплектность) рукописи. Текст статьи предваряется указанием инициалов и фамилии автора, ниже в скобках указывается основное место его работы и город. К основному тексту на отдельных листах (в том же файле) прилагаются:

а) ***Список литературы***, оформленный по правилам (*см*. ниже);

б) ***Список сокращений,*** использованных в работе (просьба использовать для сокращений тот перечень, который прилагается в томах 10–14 ДБ, новые сокращения вводить лишь в том случае, если в Вашей работе то или иное издание цитируется не менее трех раз);

в) Перечень ***Подписей под рисунками***;

г) ***Резюме*** — до 1 страницы текста на русском (обязательно) *и* (желательно, но не обязательно) на английском языках. Убедительная просьба излагать основные мысли работы простыми, ясными предложениями, избегать синтаксически сложных оборотов и проч. При использовании специальной терминологии обязательно давать (в скобках) ее английский эквивалент; приводя малоупотребительные названия (в особенности географические) — сопровождать их *принятой в литературе* транслитерацией.

д) ***Макет статьи*** обязателен для статей, включающих иллюстрации, скомпонованные в таблицы (см. п. 6)[1] , и (или) тексты, набранные *не* кириллицей или латиницей (см. п. 5).

3. Ссылки и примечания. В нашем издании принята гибкая система ссылок и примечаний: в *квадратных* скобках — на литературу внутри текста (например: [Масленников, 1997, с. 107, рис. 3. *1*, *5–7*]); ссылки на древних авторов даются в круглых скобках (*Strabo* XI. 2, 3–5); текстовые примечания (а также обширные и многочисленные ссылки на литературу, если они мешают восприятию главной мысли читателем — по желанию автора) даются в подстрочном примечании (нумерация их — сплошная, арабскими цифрами[2]).

В ссылке на литературу в квадратных скобках указываются следующие элементы библиографического описания, отделенные друг от друга *запятой* (соответственно, пишущиеся *с малой буквы*): [Фамилия, год издания, страница (с.), рисунок (рис.) или иллюстрация (илл.), или таблица (табл.)], например: [Паромов, 1999, с. 209, рис. 1. *2*, *4–7*]. Обращаем внимание на то, что номер рисунка (таблицы) отделяется от номеров внутри рисунка (таблицы) *точкой*, а сами внутренние номера выделяются курсивом и разделены *запятыми*. Просим Вас не забывать после запятой или точки ставить пробел.

---

[1] В таблицы макета (в отличие от оригинала) включают в себя легенду и номера под рисунками.

[2] Индексация звездочкой (*) допустима только в самом начале текста (ранее цифровых примечаний), при упоминании финансовой поддержки работы тем или иным фондом и проч., или же при выражении благодарности автора тому или иному лицу за содействие.

4. 4. Библиографическое описание в списке литературы. Использованная в работе литература приводится в алфавитном порядке: сначала на русском языке, затем — на иностранном. Каждое наименование выделяется[3] абзацем (формат — выступ), например:

Масленников, 1998. Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М.

Неверов, 2000. Неверов О. Я. Оттиски печатей на керамических изделиях из Северного Причерноморья//Античное Причерноморье. Сборник статей по классической археологии. СПб.

Сударев, 1994. Сударев Н. И. Погребения в районе поселения Гаркуша I (Патрей)// БС. 4.

Шелов, 1961. Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса//МИА. 98.

Поскольку в ссылках в тексте инициалы авторов не пишутся, в списке литературы после указания фамилии автора и года издания, через точку и интервал приводится еще раз фамилия автора уже с инициалами и далее: Название работы, затем *через точку* — Место издания (если это монография) или (если это статья в сборнике) — через//Название сборника. Номер тома (выпуска и т. д.; для серийных изданий). Место издания. Если серийное издание обозначено *общепринятым сокращением* (КСИА, МИА, РА и т. д.), место издания не пишется[4]. При такого рода широко распространенных сокращениях *опускается* также указание Т. (том), Вып. (выпуск), Сер. (серия), Ч. (часть) и проч., исключая те случаи, когда в одном издании присутствуют сразу два (или более) наименования подразделений, например: САИ. Вып. Г1–11. Ч. III; …Т. I. Вып. 3. Опускать наименования подразделений в не-русскоязычных изданиях *не рекомендуется*.

5. Использование шрифтов. Рекомендуется использование шрифта ***Times New Roman***. Если же автор применяет любой другой шрифт, включая те, что используются в стандартном наборе *Word*, например — ***Symbol***, необходимо в рукописи статьи отметить красным карандашом те слова или символы, что были набраны *иным* шрифтом, а на полях простым карандашом указать — каким именно. В случае же использования редких шрифтов, кроме того, на прилагаемом электронном носителе версией статьи записать соответствующие шрифты. ***Греческий текст*** рекомендуется писать в ***Hellenica.Reg*** или ***Greek*** (ранние версии этих шрифтов тоже предоставляются).

6. Иллюстративный материал. К изданию принимаются как графические, так и фотографические иллюстрации, желательно в электронном виде. Требования к электронному варианту: *1)* предпочтительно предоставление оригиналов (цифровых фотографий с высоким разрешением, не ниже 300 dpi)[5]; *2)* рисунки и фотоотпечатки сканировать в формате ***TIFF*** с разрешением не ниже 300 dpi (предпочтительно 600 dpi); *3)* таблицы, сформированные в ***PhotoShop***, сохранять с формате ***tiff*** или ***psd*** (не сливая слои). Допускается предоставление таблиц, сформированных в *Corel Drow*.

Обращаем особое внимание на то, что компоновка фото- и графических изображений в таблицу возможна лишь в том случае, когда это необходимо по замыслу автора

[3] Но *не* отделяется абзацем!

[4] Оно приводится при раскрытии содержания того или иного сокращения в общем списке.

[5] С учетом габаритов снимка, выводимого на печать.

(изображения комплекса находок, совмещение фото и графического изображения (чертежа, прорисовки) архитектурного комплекса или отдельной находки и т.д.) Прочий иллюстративный материал (как напр. видовые фотографии, планы, графики и проч.) следует предоставлять только как отдельные (единичные) рисунки.

Убедительная просьба компоновать таблицы иллюстраций плотно, подбирая необходимый масштаб рисунков с учетом того, что таблицы будут отпечатаны на формате А4 с соответствующими полями (габариты не превышают 212 х 145 мм, включая и подрисуночные подписи, которые, как и номера рисунков, в подготовленную автором таблицу будут вставлены при макетировании). Линейный масштаб для рисунков обязателен (исключая особо оговоренные случаи). Заливки в графических рисунках следует выполнять в черно-белом варианте (штриховка) и/или в оттенках серого (белый, черный и два серых тона). Подрисуночные подписи и номера рисунков внутри таблицы выполняются только на таблицах-макетах (в любом формате), которые необходимы наряду с оригинальными (*см.* п. 2д).

7. Обязательно сопровождайте присланную статью своим адресом, телефоном и (лучше всего) E-mail, которые позволят оперативно связаться с Вами и еще в процессе подготовки рукописи к печати своевременно снять спорные вопросы. Наш почтовый адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН, отдел классической археологии, «Древности Боспора»; E-mail: *Bospor@inbox.ru*; тел.: (095) 124-35-88.

Редколлегия

Древности Боспора. Том 20

Научное издание

Подготовка иллюстративного материала: В. Б. Степанов
Изготовление оригинал-макета: В. Б. Степанов

Подписано в печать 31.05.2016. Формат 60×90/8
Печ. л. 67,0. Тираж 300 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел./факс: +7 (4872) 49-76-96
aquarius-press@mail.ru

ISBN 978-5-94375-198-1

